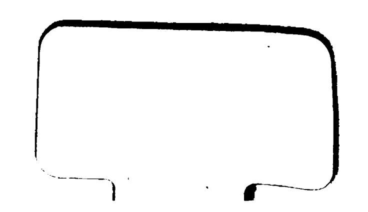
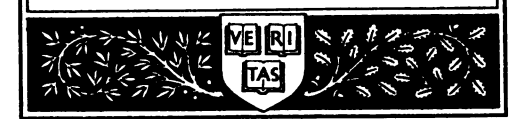

VE
RI
TAS




VE RI
TAS

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

edited by
C. H. VAN SCHOONEVELD
Indiana University

158/36

1971
MOUTON
THE HAGUE · PARIS



ДЕКАБРЬ, 1898.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

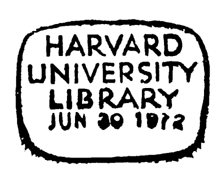
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 12.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1898.



Printed in Germany

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стран.
1.	**Авдотьины дочки.** Разсказъ *О. А. Шапиръ.* (Окончаніе)	5— 54
2.	**Земля и капитализмъ.** *С. Зака.* (Окончаніе) . . .	55— 83
3.	**Файзулла.** Разсказъ *А. Еремѣева.*	84— 98
4.	**Соціологическія взгляды Дюркгейма.** *П. Ю.* (Окончаніе)	99—149
5.	**Чары.** Разсказъ *С. Желѣзнякъ*	150—175
6.	**Очеркъ законодательства о трудѣ въ Германіи.** *Г. Б. Іоллоса.* (Окончаніе)	176—201
7.	**Разсказы** *Дэвля*: I. Подарокъ пруссака. II. Парижскія развлеченія. Переводъ съ англійскаго .	202—210
8.	**Черезъ Сенъ-Бернаръ.** *Діонео*	211—227
9.	*** Стихотвореніе *П. Я.*	228
10.	**Народно-хозяйственные наброски.** *Н. А. Карышева.* Средняя семья въ Воронежской губ.	1— 16
11.	**Читатель народной газеты.** *В. Арефьева.*	16— 40
12.	**Новыя книги:** К. Бальмонтъ. Тишина.—Ив. Бунинъ. Подъ открытымъ небомъ. — В. Микуличъ: Черемуха. — Зарницы. — Мимочка. — Н. А. Вербицкій. Очерки изъ охотничьей жизни.—Кенетъ Грэмъ. Золотой возрастъ.—П. Николаевъ. Альфонсъ Додэ.—A. Pachalery. Dictionnaire phraséologique de la langue française.—Н. Черевансксій. Двѣ волны.—В. И. Семевскій. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ.—И. С. Бліохъ. Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніи.—Э. Б. Тайлоръ. Антропологія.—А. Скворцовъ. Основанія политической экономіи.—Книги, поступившія въ редакцію	41— 77

СТРАН.

13. **Теорія рынковъ** въ ея отношеніи къ вопросу объ экономическомъ развитіи страны. (По поводу книги С. П. Булгакова: «О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ») *М. Б. Ратнера* . 78—101
14. **Г. Евгеній Марковъ о крестьянскомъ банкѣ.** *В. Р.* . . 102—113
15. **Къ вопросу о неурожаяхъ послѣднихъ лѣтъ.** *Н. Ѳ. Анненскаго* . . . . 114—137
16. **Новая біографія Парнелля.** *Діонео* . . . . 137—166
17. **Идейное пробужденіе Франціи.** (Письмо изъ Франціи). *Н. К.* . . . . 166—183
18. **Политика.** Мирный трактатъ между Соединенными Штатами и Испаніей.—Новое положеніе, занятое Америкой. — Мирная конференція.— Окончательное улаженіе критскаго вопроса.— Французскія внутреннія дѣла.—Германія.—Текущія событія. *С. Н. Южакова*. . . . . 183—197
19. **Хроника внутренней жизни.** Продовольственная нужда и помощь благотворительности.—Власть «недоразумѣній» въ области народнаго просвѣщенія.—Къ вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Оффиціальное разъясненіе по андижанскому дѣлу. *М. А. Плотникова* . . . . . 198—214
М. В. Загоскинъ. . . . . 214—215
20. **Объявленія.**

Въ конторахъ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

(въ Петербургѣ и Москвѣ) имѣются въ продажѣ:

Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.
—Очерки и разсказы. Т. II. Ц. 1 р.
— Гимназисты. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.
— Студенты. Ц. 1 р. 25 к.

Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Изд. третье. Ц. 1 р.
— Очерки и разсказы. Книга первая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к.
— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изд. шестое. Ц. 75 к.

Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Два тома. Цѣна за каждый 1 р. 50 к.

Н. К. Михайловскій. *Шесть томовъ сочиненій.* Ц. по 2 р. за томъ.

С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды. Т. I. Ц. 1 р. 50 к.
— Соціологическіе этюды. Т. II. Ц. 1. р. 50 к.
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.
— Вопросы просвѣщенія. Ц. 1 р. 50 к.

С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. 2-е изданіе. Ц. 1 р.

А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть. Ц. 1 р.

П. Я. Стихотворенія. Печатаются 2-мъ изд. Ц. 1 р.

А. Шабельская. Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к.

А. Осиповичъ. (А. О. Новодворскій). Собраніе сочиненій. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳ. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Жизнь и ученіе Будды. Ц. 2 р.

С. Сигеле. Преступная толпа. Ц. 40 к.

В. В. Лесевичъ. Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. Ц. 2 р
— Письма о научной философіи Ц. 1 р. 25 к.
— Этюды и очерки. Ц. 2 р. 60 к.
— Что такое научная философія? Ц. 2 р.

Р. Левенфельдъ. Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р.
— (на веленевой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к.

Поль-Луи-Курье. Сочиненія. Ц. 2 руб.

Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. I т. Жители Юга. II т. Жители Сѣвера. III т. Жители средней Европы. Ц. за каждый томъ 3 р. 75 к.
— Умственное и нравственное развитіе дѣтей. Ц. 2 р.

В. И. Водовозовъ. Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

С. А. Ан-скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 г. Цѣна за годъ 8 р.

Пересылка книгъ за счетъ заказчика наложеннымъ платежомъ.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

АВДОТЬИНЫ ДОЧКИ.

Разсказъ.

VIII

Афанасій Ивановичъ Картышевъ тѣмъ временемъ не зналъ, что ему и думать... Авдотья точно какъ умерла. Съ тѣхъ поръ, какъ началось сватовство, она то и дѣло забѣгала къ нему на вокзалъ; забѣжитъ, побранитъ нынѣшнихъ дочекъ, которыя совсѣмъ отъ рукъ отбились, повздыхаетъ о своей дружбѣ съ покойницей и внушитъ, что онъ на нее можетъ положиться, все равно какъ на каменную стѣну: она себѣ не врагъ!— Спать будетъ спокойно, когда отдастъ за него Аришу... Погодить надо немножко, и все уладится.

Афанасій Ивановичъ понималъ, что Авдотья прибѣгаетъ затѣмъ, чтобы себя успокоить, своими глазами увидѣть, что желанный женихъ не вовсе еще потерялъ терпѣніе Теперь больше недѣли Авдотья глазъ не кажетъ на вокзалъ.

Афанасій Ивановичъ и самъ давно уже пришелъ въ сомнѣніе на счетъ того, хорошо ли онъ тогда сдѣлалъ, намекнувъ ей про Сашу... Сказалъ это тогда въ увлеченіи, не далъ себѣ времени разсудить какъ надо...

... Очень ужъ раззадорила она его въ тотъ день, сидя на окошечкѣ, словно птичка на жердочкѣ! Однако благоразуміе брало свое—не мальчишка онъ и въ самомъ дѣлѣ, чтобы на стѣну лѣзть. Не пойдетъ за него Саша. Главная причина, что на умѣ у нея теперь не то; а дальше, какъ оперится да на свои ноги встанетъ, тогда и вовсе нуждаться не будетъ, чтобы за старика выходить. У такой дѣвицы недохватки въ женихахъ никогда не будетъ. А съ другой стороны, Ариша всегда привлекала его больше,—бѣлокурая и степенная.

... Авдотьины дочки словно какъ съ отмѣтинкой: скучно даже и думать о другихъ невѣстахъ... вотъ тебѣ скучно и скучно!

Всѣхъ свахъ Афанасій Ивановичъ разогналъ, передъ всѣми барышнями невѣжей оказался и начиналъ уже чувствовать,

какъ вокругъ него растетъ глухое недовольство. А самъ-то ужъ и избаловаться успѣлъ за полгода своего вдовства; точно и всегда ему такое житье будетъ, что вездѣ онъ желанный гость. Но пуще всего Афанасій Иванычъ боялся самой Саши: непремѣнно разскажетъ она сестрѣ... погубитъ его Саша! Кабы не этотъ страхъ, давно ужъ женихъ не утерпѣлъ бы и сходилъ самъ на Фонтанку.

Въ такомъ вотъ смутномъ состояніи души Картышевъ въ одинъ прекрасный день получилъ по городской почтѣ письмо. Письмо безъ подписи, написанное очень хорошо.

«Если Вамъ желательно переговорить объ интересующемъ Васъ дѣлѣ, то пожалуйте въ Александровскій садъ въ воскресенье, въ двѣнадцать часовъ, около новаго памятника».

Отъ изумленія Картышевъ прочиталъ вслухъ собственный адресъ—ошибки какой не вышло ли? Впрочемъ, въ первую минуту онъ не почувствовалъ ровнехонько никакого волненія передъ такимъ приключеніемъ, напротивъ,—только одно неудовольствіе. ...Непремѣнно опять новое сватовство затѣвается! На квартиру къ нему свахи сунуться не смѣютъ, а платье, выговоренное въ случаѣ удачи, или салопъ какой нибудь получить хочется, вотъ и пустились бабы на хитрость!..

Какъ разъ въ ту пору печка въ комнатѣ весело потрескивала казенными дровами. Женихъ небрежно швырнулъ въ огонь глупое письмо, увѣренный, что больше онъ и не вспомнитъ объ немъ, а на мѣсто того, какъ только бумажка сгорѣла, такъ онъ сейчасъ и спохватился: батюшки свѣты, гдѣ у него голова была?!. Развѣ возможно, чтобы у свахи Авдѣевой былъ такой благородный почеркъ? Она, поди, каракули неразберимыя ставитъ, а не то, чтобы въ такихъ отборныхъ словахъ написать могла!..

Просто побилъ бы себя собственными руками обстоятельный Афанасій Иванычъ за такую небывалую оплошность... проворонить такой деликатный случай! Письмо-то этакое можетъ быть и обратно потребуютъ... Что-жъ, такъ и сознаваться, что онъ его въ ту же минуту въ печку сунулъ?..

Въ результатѣ всего этого получилось то, что въ воскресенье, ровно въ двѣнадцать часовъ Афанасій Иванычъ, одѣтый по праздничному, вылѣзъ изъ конки у входа въ Александровскій садъ.

... Съ какой же стати ему показать себя невѣжей?.. Почерки женскіе онъ, правда, отличать не мастеръ, однако столько-то можетъ смекнуть, что такого письма мужчина не напишетъ. Потому, причины никакой нѣтъ: мужчина и безъ писемъ найдетъ, гдѣ ему съ нужнымъ человѣкомъ встрѣтиться.

Въ жизни Афанасія Иваныча это было еще первое приключеніе романическаго характера, и теперь вся досада за-

ключалась въ томъ, что онъ сдуру взялъ да тутъ же и сжегъ письмо. То есть, кабы не трезвехонекъ ходилъ всю недѣлю, такъ подумать бы, что все это ему примерещилось съ веселыхъ глазъ! Когда Афанасій Иванычъ былъ уже на серединѣ сада, ему внезапно вступило въ голову новое соображеніе: а ну, какъ совсѣмъ незнакомая?.. Пожалуй, письмо-то это самое онъ въ рукахъ долженъ держать для примѣты?.. Такая злость на себя взяла, что онъ даже ногой по снѣгу притопнулъ. Хорошъ кавалеръ, за учеными барышнями ухаживать вздумалъ!..

У памятника Пржевальскому Картышевъ украдкой оглядѣлся.

Публики было совсѣмъ мало, только у входа скамейки по обыкновенію всѣ заняты. Дама въ длинномъ траурномъ вуалѣ съ дѣвочкой огибала площадку. Отставной военный въ сильно потрепанномъ пальто и засаленной фуражкѣ громко свисталъ, сзывая забѣжавшихъ въ снѣгъ собачекъ, двухъ породистыхъ таксъ, одна какъ другая, въ новенькихъ звенящихъ ошейникахъ. Дѣвочка на ходу то и дѣло оглядывалась на собакъ, дама сердилась. Вдали, наискосокъ, отъ сената къ Невскому двигалось нѣсколько группъ.

Вдругъ средняя группа, изъ нѣсколькихъ женщинъ, стала забирать влѣво, и Картышеву показалось, что одна изъ нихъ— Авдотьина Саша.

Въ жаръ всего бросило. Онъ остановился передъ памятникомъ и спиной повернулся. Была смутная надежда, что обознался, пока не долетѣлъ до него веселый голосъ Саши... Она прощалась со своими спутницами; постояла съ ними, болтая, съ минуту, потомъ быстро пошла къ площадкѣ.

... «Скажу, что пріятеля поджидаю... вмѣстѣ ѣхать... ну... ну... хоть въ Галерную гавань!.. именины... святого-то какого сегодня, прости Господи?»

Точно пойманый школьникъ, Афанасій Иванычъ старался схватить разбѣгающіяся мысли, прислушиваясь къ скрипу быстрыхъ шаговъ по снѣгу.

— Афанасій Ивановичъ, здравствуйте!—издали звонко крикнула Саша.

Картышевъ, красный, забормоталъ сейчасъ же про Гавань и про пріятеля. Саша съ усмѣшечкой поглядывала на него.

— А вотъ я такъ никогда въ Гавани не была. Хорошо тамъ?..

Афанасій Иванычъ съ жаромъ принялся расхваливать: будто какъ и не Петербургъ, точно въ провинціи гдѣ нибудь! А самъ безпокойно косился по сторонамъ: коли сейчасъ та, другая, подойдетъ... какъ же тогда быть?...

— Вы съ подругами гуляли?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не гуляла. По дѣлу ходила. Я теперь три раза

въ недѣлю должна бѣгать въ Галерную улицу—кончикъ не близкій!

— Господи помилуй... да зачѣмъ же это?

— А массажу учиться буду, вотъ зачѣмъ!—крикнула радостно дѣвушка, точно про что-то невѣсть какое веселое: — Поздравьте меня, Афанасій Иванычъ! Я вѣдь думала, что никакъ мнѣ этого дѣла не обломать, а вмѣсто того нашлись добрые люди, соглашаются въ долгъ меня учить...

Саша сіяла. Ну, ужъ, что теперь Ариша будетъ про счастіе ея говорить!.. Картышевъ покачалъ головой.

— Удивительное дѣло... всегда-то у васъ одно только ученіе на умѣ.

— А по вашему, когда же учиться, коли не теперь! Послѣ то, небось, и близокъ локоть, да не укусишь. Я вотъ и Аришу нашу тоже уговариваю...

Саша помочала и поглядѣла на него вбокъ.

— Пріятель-то вашъ что-то не идетъ?.. Походимте немножко, стоять очень холодно...

Афанасій Иванычъ почувствовалъ такую тревогу отъ этихъ словъ, что тутъ же принялъ внезапное рѣшеніе: къ чорту письмо! Не упускать же ему такого случая объясниться съ Сашей! Уйти только надо подальше отъ памятника.

Онъ съ жаромъ выразилъ дѣвушкѣ свою радость, что встрѣтился съ нею. Признаться сказать, боялся, что она на него сердится... И Авдотья Кузьминишна совсѣмъ забыла его. Окончательно безо всякихъ новостей оставили!

Саша его сейчасъ же успокоила. Съ какой это стати на шутку сердиться? Не такой у нея вовсе характеръ. А, главное, что совсѣмъ не до пустяковъ ей теперь. Перво на перво надо на настоящую дорогу выбраться, судьбу свою надежно устроить... было бы изъ-за чего стараться! Тоже не велика фигура простая-то акушерка! А на это не годъ и не два уйдетъ.

— Ариша заладила, что мнѣ во всемъ счастіе, а только это глупости! Всякая чего нибудь добиться можетъ, коли только захочетъ. Только ужъ надо крѣпко хотѣть, чтобы ни объ чемъ другомъ и не думать... Правду я говорю, Афанасій Ивановичъ?

Картышевъ потрясъ головой въ безмолвномъ восхищеніи.

— А который человѣкъ можетъ въ люди выбраться, тотъ и долженъ объ этомъ одномъ думать, коли онъ не дуракъ!—постановила съ увлеченіемъ Саша:—Добьешься-то чего нибудь не для одной же себя. Небось, нашимъ дѣтямъ столько биться не придется—имъ легко будетъ!..

Картышевъ, наконецъ, отважился возразить, что не такъ

все это легко, какъ ее послушать; а между женскимъ поломъ и вовсе немного такихъ найдется...

Саша нетерпѣливо остановила его.

— Ну, что вы объ этомъ знаете? вы такихъ-то дѣвушекъ и не видали никогда! Конечно, всему помѣха деньги. Барышни гимназистки и тѣ бьются, не то что мы, горькія. Чего, чего у насъ не наглядишься, да не наслушаешься!

Но Афанасій Иванычъ понималъ свое возраженіе совсѣмъ въ особомъ смыслѣ. Деньги деньгами, да много ли такихъ дѣвушекъ, которыя, такъ сказать, въ цвѣтѣ юности только объ одномъ дѣльномъ думаютъ? Молодость-то одинъ разъ бываетъ!

Саша съ досадой тряхнула головой.

— Говорятъ вамъ, не знаете, ну такъ и не говорите!

Она остановилась и повернулась къ нему всей фигурой.

— Ну, вотъ, пусть меня теперь кто угодно посватаетъ,— хоть бы докторъ какой нибудь! — такъ и то я не подумаю ученія бросить.

Картышевъ громко разсмѣялся.

— На васъ поглядѣть—пожалуй, и повѣришь, что правда! Ха-ха-ха...

— Да ужъ повѣрьте!.. Я и Аришѣ то же говорю. Насъ только и есть, что двѣ сестры—надо, чтобы у насъ съ ней все подъ одно шло.

Афанасій Иванычъ споткнулся отъ неожиданности; а Саша, точно нарочно, еще шибче пошла.

— Да ничего, Ариша меня послушаетъ! А то она сама-то совсѣмъ нестоющее затѣяла...

.... На что же она свести хочетъ?! про Аришу... конецъ, стало быть?.. Развѣ возможно такъ съ серьезнымъ человѣкомъ поступать?! Онъ никакого обстоятельнаго отвѣта и не слыхалъ еще ни отъ кого! Такіе разговоры для него довольно удивительны.

Саша выслушала его претензіи съ такимъ видомъ, какъ будто она не ожидала услышать ничего подобнаго.

... А онъ что же себѣ воображаетъ?.. Да, признаться, и не понимаетъ она, ему-то самому что за охота свататься къ молодой дѣвушкѣ? Ну, что его жена должна дѣлать день деньской? Неужели же хоть бы Аришѣ съ этихъ лѣтъ засѣсть, сложа руки,—кофе распивать съ разными кумушками по пять разъ на день? Самъ онъ цѣлыми днями на службѣ. Дѣтей не будетъ.

— Да еще пріятельницы ваши заклюютъ отъ зависти... вотъ-то веселое житье, нечего сказать! Для пожилой женщины, вдовы какой нибудь, конечно, другое дѣло.

Можно сказать, что сразила Саша! Женихъ прямо ушамъ своимъ не вѣрилъ, чтобы кто нибудь могъ усомниться въ за-

виднѣйшемъ житьѣ, ожидающемъ его супругу. Можетъ, кажется, дѣлать, что самой вздумается: хочетъ—прогуляться пошла; захочетъ—гостей къ себѣ назвала. А въ достаточномъ домѣ хозяйкѣ найдется, слава Богу, около чего похлопотать. Совѣтъ Саши насчетъ пожилой вдовы женихъ принималъ не иначе, какъ за личную насмѣшку.

Но Саша смотрѣла при этомъ такъ гордо, что Афанасій Иванычъ не отваживался рисковать своимъ уязвленнымъ самолюбіемъ, пускаясь въ дальнѣйшія разъясненія.

— Да сами-то вы что же мнѣ говорили въ прошлый разъ?.. или не помните? — заговорила вдругъ дѣвушка еще строже.

Афанасій Иванычъ мучительно покраснѣлъ и забормоталъ что-то невнятное.

— Да вы не бойтесь! вы мнѣ это тогда о-очень хорошо сказали!—протянула Саша неожиданно ласково.—Или пошутили только, пожалуй?...

И опять нахмурилась. Она сама начинала замѣтно волноваться.

— Вы сказали... кабы я сама за васъ пошла, такъ вы мнѣ въ школѣ учиться не помѣшали бы! — досказала Саша торжественно:—Сказали вы это, Афанасій Иванычъ?..

Теперь Картышевъ ничего больше не понималъ: за Аришу отказываетъ, на себя разговоръ переводитъ... такъ неужели же?..

Онъ боялся дохнуть и смотрѣлъ растерянными глазами.

Саша вспыхнула отъ досады:

— Ну, что же вы молчите?.. вотъ славно!.. однако, не выдумала же я эти слова про васъ?!.

— Александра Петровна! не гнѣвайтесь,—Господомъ Богомъ васъ прошу! Я не знаю, что мнѣ и думать. Сами же вы давеча наотрѣзъ мнѣ объявили, будто вы...

— Что?.. Что?!..—крикнула грозно Саша:—да вы и не понимаете ничего, я вижу! Я вамъ про школу говорю, что вы сами тогда мнѣ про школу сказали! Стало быть, вы соглашаетесь, чтобы ваша жена училась, а потомъ своимъ ремесломъ занималась? Такъ я думаю это ужъ все равно — я или другая кто нибудь!

Картышевъ только развелъ руками. Саша, повидимому, приняла это за знакъ согласія.

— Ну, вотъ, я про это самое и говорю! — спѣшила она дальше.—На Аришиномъ мѣстѣ я бы такъ откровенно и сказала вамъ: согласна за васъ пойти, коли вы мнѣ обѣщаетесь модную мастерскую устроить. Вѣдь Ариша портниха, да?—ну, такъ чего же другого ей добиваться, сами подумайте!

Видимое дѣло, ей это представлялось неопровержимо ясно.

Афанасій Иванычъ сдернулъ съ головы шапку, въ надеждѣ, что это сколько нибудь приведетъ въ порядокъ его мысли.

А дѣвушка начала съ жаромъ доказывать, что для открытія мастерской денегъ надо не очень много: кому не изъ этого жить, такъ непремѣнно должна на ноги стать! Только надо самой быть закройщицей, да безъ этого и правъ изъ управы не выдадутъ. Значитъ, для начала всего надо какую нибудь школу получше выбрать.

Долго Саша горячилась одна. Ее это ничуть не затрудняло, потому что ничего она такъ не любитъ, какъ развивать подобные планы: какъ изъ ничего, однимъ только трудомъ и упорнымъ желаніемъ, всякій человѣкъ можетъ совершенно передѣлать свою жизнь. Въ школѣ Саша всѣхъ подругъ такими разговорами перебудоражила; она во всѣхъ стремилась вдохнуть собственное честолюбіе. Для каждой дѣвушки ухитрялась придумать что нибудь такое, чего той и во снѣ не снилось. И негодовала, что люди такъ вялы и боязливы!..

Послѣ разговора въ ванной—Саша только все объ одномъ и думала; даже на лекціяхъ плохо слушала.

... У Ариши своя мастерская, а она мѣсто казенное получитъ—отгадай-ка тогда кто нибудь, что мать у нихъ кухарка безграмотная! Сначала мать у Картышевыхъ поживетъ, пока она учится, а потомъ она къ себѣ ее возьметъ.

Картышеву она старалась внушить, насколько ему самому придастъ важности, если жена у него будетъ хозяйка мастерской, серьезная, дѣловая женщина. Тоже и глупостей разныхъ бояться не будетъ... А то съ молодыми-то женами извѣстное дѣло, какая у мужей сухотка: ревность ихъ всѣхъ гложетъ за дѣло и безъ дѣла.

Афанасій Ивановичъ машинально ходилъ взадъ и впередъ по аллеямъ или сидѣлъ на скамейкѣ рядомъ... Краснѣлъ, пыхтѣлъ—и разражался одними только восклицаніями.

Изъ восклицаній этихъ Саша съ великимъ трудомъ поняла, наконецъ, что онъ ничего не имѣлъ бы противъ мастерской,—конечно, если это не грозитъ ему разореніемъ,—но главное затрудненіе оказывалось въ школѣ. Женихъ былъ того мнѣнія, что школа школѣ рознь... Помилуйте, какъ же не разница! Ну, вотъ она въ акушерскомъ заведеніи обучается: первое дѣло, заведеніе это казенное, званіе серьезное. Это всякій понимаетъ. А въ швейныхъ мастерскихъ, вмѣстѣ со всякими дѣвчонками, какому же служащему человѣку можетъ быть лестно свою супругу отпустить? Просто даже сказать зазорно какъ-то! Непремѣнно онъ бы и самъ смѣяться сталъ надъ товарищемъ. А на него и безъ того всѣ кругомъ злы изъ-за этого самаго сватовства.

Вотъ ужъ чего Саша никакъ ожидать не могла! Побилась

она, побилась, внушая жениху, что онъ говоритъ сущія глупости, да вдругъ разсердилась и бросила. Очень нужно! Еще подумаетъ, что его упрашиваютъ, страшно нуждаются въ немъ...

Такъ не хочетъ онъ, стало быть? Его дѣло. Вотъ она, Богъ дастъ, учиться кончитъ, мѣсто получитъ и тогда сама поможетъ Аришѣ. Заживутъ на славу! А надоѣстъ такъ жить— мужей возьмутъ.

— Дѣтей-то мы своихъ, знаете ли, какъ учить будемъ?— съ пяти лѣтъ за книжки засадимъ! Будутъ они у насъ въ гимназіяхъ учиться—не заставимъ съ дѣтства по мастерскимъ мучиться! На мѣсто ученія, по лавкамъ съ образчиками во всякую погоду бѣгать, а тамъ, не разгибая спины, до поздней ночи глаза слѣпить!.. Вонъ, я чуть не ослѣпла, а, спросите, многому ли научилась за это?!

Саша даже потемнѣла какъ-то вся отъ этихъ воспоминаній и такъ энергично зашагала по снѣгу, точно каждымъ своимъ шагомъ попирала невзгоды своего дѣтства и спѣшила на встрѣчу свѣтлому будущему.

Въ эту минуту Саша спѣшила къ выходу. Афанасій Иванычъ взмолился:

... Какъ же онъ понимать все это долженъ?! Ему съ самой Ариной Петровной переговорить необходимо!

Саша рѣшительно воспротивилась. Не станетъ Ариша съ нимъ разговаривать... куда какъ ловко для дѣвушки такіе переговоры вести! Ужъ развѣ черезъ нее сладились бы какъ-нибудь, а самому ему нечего и соваться. Да изъ чего ему и хлопотать, коли онъ всего боится? Мало ли невѣстъ, которыя радехоньки будутъ палецъ объ палецъ не ударить, на шею мужу сѣсть!

Вернуться въ одной конкѣ съ нею Саша тоже не позволила, и оставила его среди улицы, вспотѣвшаго на морозѣ, точно какъ изъ бани.

— А пріятель-то вашъ такъ и не пришелъ! — крикнула Саша на прощаніе и засмѣялась.

IX.

На другой день вечеромъ Саша совершенно неожиданно явилась домой.

У генеральши собрались гости. Авдотья готовила ужинъ, сердитая—не подступись. Впопыхахъ она даже не стала разспрашивать, зачѣмъ Саша прибѣжала не во время, а прямо ее къ дѣлу приспособила.

— Сдѣлай милость, поверти ты мнѣ провансаль хошь сколько

нибудь! Съ Аришкой ничего не дождешься! Да сбѣгай къ дворникамъ, пускай льду кусокъ поскорѣе отколютъ!

Ариша носилась взадъ и впередъ, во весь день не присѣла. Днемъ по лавкамъ гоняли въ нѣсколько пріемовъ, къ портнихѣ посылали; потомъ комнаты прибирала, лампы зажигала, въ прихожей торчала.

Передъ обѣдомъ онѣ съ матерью такъ переругались, что теперь не разговаривали. Чай гостямъ разносили по комнатамъ. Богъ одинъ знаетъ, какъ Ариша ухитрялась и наливать, и подавать одна. Ноги ломило, какъ отшибленныя.

Ариша влетѣла въ кухню съ пустой бутылкой отъ сельтерской воды, потребованной въ кабинетъ, и увидала Сашу, вертѣвшую въ плоской чашкѣ провансаль. Саша засмѣялась и кивнула ей головой. Что-то показалось Аришѣ подозрительнымъ въ ея играющихъ глазахъ; она еще больше насупилась.

— Не суй на столъ! Не видишь, что я тѣсто катать хочу!— крикнула Авдотья и пихнула поставленный Аришей стаканъ.

Стаканъ полетѣлъ на полъ.

— Да что вы съ ума сошли, посуду на полъ швырять?!— вышла изъ себя Ариша.

— Ахъ, Господи! тише вы! этакъ гости услышатъ, какъ вы скандалите!

Саша въ волненіи вскочила съ табурета. Давно ужъ ее поражаетъ, что мать и сестра—когда ни приди домой—всегда сердитыя. Пожалуй, и всегда такъ было, только онѣ дѣвчонки были, не смѣли съ матерью считаться... Съ чужими горничными воевали.

Саша успѣла отвыкнуть отъ домашней свары. Суетливая работа, всегда наспѣхъ, по чужому приказу, всегда нѣсколько дѣлъ заразъ... Кажется, что угодно стала бы дѣлать лучше, чѣмъ такъ мотаться взадъ и впередъ!

Раздраженіе, воспринятое въ комнатахъ, доносится до кухни и обрушивается на первую попавшуюся голову. Аришу узнать нельзя съ тѣхъ поръ, какъ горничной служитъ. Съ матерью слова добраго не скажетъ. Нѣтъ ужъ, въ прислугахъ спокойно жить—такой надо характеръ имѣть... Вродѣ какъ за человѣка себя не считать!

Передъ Сашей всплывала массивная, разволнованная и растерянная фигура Афанасія Ивановича... Досада прилила къ сердцу: такъ бы вотъ она повернула и подтолкнула куда надо эту неповоротливую фигуру своими проворными и сильными руками.

...Дуракъ... ну, развѣ не дуракъ?! Чего боится и самъ не знаетъ!

Ариша ушла въ комнаты. Авдотья металась между столомъ и плитой, гдѣ что-то шипѣло. Изъ духовки разносился вкусный запахъ жарившихся рябчиковъ.

Отъ плиты, не остывавшей съ ранняго утра, и отъ пылавшихъ лампъ съ жестяными рефлекторами въ кухнѣ стояла адская жара, насыщенная разными жирными запахами. Не помогала и раскрытая настежъ дверь. Ряды мѣдныхъ кострюль, сковородокъ и самоваровъ на двухъ полкахъ точно еще прибавляли жары своимъ красноватымъ блескомъ. Вся эта сіяющая огненными бликами мѣдь казалась раскаленной въ горячемъ воздухѣ.

Авдотья все время, не переставая, ворчала:

...Въ порядочныхъ домахъ прислуга во время знаетъ, когда надо ужинъ готовить—а у нихъ что? Прикажутъ за часъ, а, глядь, дома-то и нѣтъ ничего. За каждымъ фунтикомъ муки и скачи въ лавку! Все время, да время. Рыба-то еще остынуть должна, да съ гарниромъ этимъ проклятымъ провозишься!

До смерти надоѣло Сашѣ слушать эту воркотню. Она стала разспрашивать про гостей.

Въ гостиной играли на рояли въ четыре руки. Въ кабинетѣ на двухъ столахъ въ карты играютъ. Нѣтъ, не рожденье сегодня,—кто ихъ знаетъ, съ чего вдругъ вздумалось гостей назвать! Что денегъ въ одинъ вечеръ ухлопано!..

— Катю не просватали ли?—замѣтила Саша.

Авдотья всполошилась. А гдѣ они, женихи-то? И сейчасъ офицерикъ одинъ,—Викторъ Николаевичъ намедни приводилъ,—такъ развѣ это женихъ для генеральской барышни?..

Саша заинтересовалась. По ней это не бѣда, коли женихъ молодой, если изъ хорошаго дома. Пора Катеринѣ Николаевнѣ замужъ! Саша выставила готовый соусъ за окно и пошла въ прихожую, поглядѣть на офицера. Сдѣлала видъ, что ищетъ что-то на столѣ, заваленномъ шляпками и муфтами.

Офицеръ любезничалъ съ молодой хозяйкой. Катя, въ свѣтломъ новомъ платьѣ, какъ-то особенно причесанная и съ разгорѣвшимися щеками, громко что-то разсказывала и все время смѣялась.

— Точно и не смѣшно самой, для виду смѣется!—подумала Саша и рѣшила, что офицеръ—женихъ.

Въ эту минуту мимо двери прошелъ Викторъ Николаевичъ; оглянулся и сейчасъ же завернулъ въ прихожую.

— Сашенька, мое вамъ почтеніе! что это вы тутъ дѣлаете?

Онъ сталъ ее разглядывать съ привѣтливой улыбкой. Ей неловко, что ее накрыли, какъ она на гостей изъ дверей выглядываетъ... Но офицеръ, повидимому, находилъ это совершенно естественнымъ.

— Давно, однако, мы съ вами не видались, Сашенька! Говорятъ, вы совсѣмъ ученая стали? а?..

— Куда ужъ намъ въ ученыя!—скромно жеманилась Саша и вдругъ точно обожгла блеснувшимъ взглядомъ.

Ха-ха-ха! сколько угодно! А вы такая же сердитая, какъ сестра ваша, или нѣтъ? Бѣда просто, съѣсть готова! Ха-ха-ха!

— За дѣло стало быть, коли сердитая.

— А развѣ не бываетъ сердитыхъ безъ дѣла? Характеръ сердитый. Впрочемъ, это очень идетъ къ нѣкоторымъ женщинамъ. Вамъ, небось, тоже пальца въ ротъ не клади?

— Не совѣтую.

— Прелестно! ха-ха-ха! Такъ бы сейчасъ и пригласилъ васъ къ намъ въ гостиную,.. Скучища, я вамъ скажу! Видите, барышни наши разговаривать не мастерицы, такъ принялись въ четыре руки барабанить.

Мимо двери прошла Ариша съ подносомъ въ рукахъ, поглядѣла на нихъ мрачными глазами.

Викторъ мѣшалъ Сашѣ пройти; она взяла вбокъ, чтоб обойти его.

— Куда вы?!

Дѣвушка только поглядѣла на него.

...Вотъ дуракъ! должно быть, ей надо сѣсть въ прихожей съ нимъ разговаривать!..

Цѣлый вечеръ Сашѣ не удавалось съ сестрой хоть словомъ перекинуться. Бѣгаетъ взадъ и впередъ и не глядитъ, подступиться нельзя. Саша, наконецъ, тоже терпѣнье потеряла; ночевать сегодня она не собиралась, и голова разболѣлась отъ жары.

— Да ты скоро ли со мной хоть слово вымолвишь? для чего нибудь я бѣжала къ тебѣ, на ночь глядя,—сказала она сердито.

Аришу и такъ все время тревога грызетъ. Она и сама не рада своему характеру. Ничѣмъ Саша не виновата, что онѣ съ матерью переругались, да еще этихъ проклятыхъ гостей принесла нелегкая...—Но ужъ коли Ариша сердится на что нибудь, такъ ейточно обидно забыть и смягчиться хоть на минуту.

Не выпуская изъ рукъ бутылки и штопора, она нехотя прошла за Сашей въ людскую. Тамъ царилъ такой же хаосъ и жара, какъ и въ кухнѣ. Единственный столъ весь загроможденъ посудой и бутылками.

Разговаривать теперь все равно некогда. Саша позвала ее завтра зайти за ней въ школу. Проводитъ въ Гагаринскую и поговорятъ дорогой.

— Выдумаешь тоже глупости! — крикнула запальчиво Ариша:—куда это я въ будни проситься могу середи дня? Я завтра платье барышнѣ кроить должна.

Саша ушла. Сказала только, что она съ Афанасіемъ Иванычемъ видѣлась, но разсказывать ничего не стала.

По прежнему не выпуская изъ рукъ бутылки съ ввинченнымъ штопоромъ, Ариша проводила ее мучительнымъ взглядомъ.

...Вотъ теперь и ломай себѣ голову одна, сколько хочешь!

Она согнулась и изо всѣхъ силъ потянула пробку. Безсознательно съ такой же силой она стискивала челюсти.

. . . .

Катѣ кажется, что въ гостиной сегодня необыкновенно весело.

Ея подруга, Леля, и молоденькая сестра Звѣздочкина играли въ четыре руки. Музыка—самый подходящій фонъ для захватывающаго ее все сильнѣе страннаго настроенія...

...Да, это несомнѣнно, Звѣздочкинъ за ней ухаживаетъ. И такъ открыто, какъ ухаживаютъ, когда хотятъ дать понять, что подъ этимъ кроются серьезныя намѣренія...

Все случилось внезапно — какъ горячій вихрь вдругъ налетитъ и закружитъ среди голой степи...

Катя не можетъ собраться съ духомъ, чтобы оглядѣться и вдуматься—куда же влечетъ ее этотъ вихрь?.. Точно она боится очнуться... Разомъ она попала въ атмосферу, отъ которой кружится голова; когда къ самому обыкновенному разговору, къ самымъ простымъ словамъ и невиннымъ поступкамъ само собой примѣшивается что-то не простое, неуловимое и важное.

...Что это такое?! почему же нельзя, нельзя этому помѣшать?..

Катя говоритъ себѣ, что это смѣшно, чтобы за ней, двадцати восьми-лѣтней дѣвицей, ухаживалъ юноша, товарищъ ея младшаго брата. Каждую минуту ей напоминаетъ объ этомъ болѣзненное чувство, скользящее поверхъ всѣхъ ея ощущеній...

Но... Звѣздочкинъ съ ласковыми улыбками и заразительнымъ смѣхомъ болтаетъ какой-то молодой вздоръ—и она не можетъ сдѣлать, чтобы это ей не было пріятно... не можетъ!! Катя знаетъ, что въ этомъ что-то смѣшное, стыдное. Только она не можетъ заставить себя хоть разъ подумать объ этомъ полными словами, одними мыслями—безъ смятенія острыхъ, то мучительныхъ, то сладкихъ ощущеній. Какой-то вихрь безостановочно проносится въ душѣ, заволакивая мысль душнымъ туманомъ... Проносится. Ощущенія разростаются со сказочной быстротой. Вчéра, сегодня, завтра—все новое, другое... Вихрь мчитъ куда-то впередъ, и вотъ именно тутъ, въ этомъ ощущеніи открывающагося будущаго—сладкое и острое до боли предчувствіе счастья. Ей кажется, что Богъ знаетъ какъ давно былъ тотъ день, когда запалъ въ душу первый звукъ ласковаго молодого голоса...

Иногда она почти не различаетъ, что именно говоритъ Звѣздочкинъ. Только видитъ, какъ миловидно шевелятся розовыя губы подъ темными молодыми усиками и размыкаются надъ влажной полоской крѣпкихъ бѣлыхъ зубовъ. Все равно, каждое слово волнуетъ ее своимъ звукомъ... Веселые сѣрые глаза беззаботно и ласково ищутъ ея взгляда.

Катѣ хотѣлось... хотѣлось, чтобы они были одни. Не для чего-нибудь особеннаго, о, нѣтъ!—только чтобы не было кругомъ никого, ни чужихъ, ни своихъ, для того, чтобы никто не наблюдалъ за черезчуръ продолжительнымъ разговоромъ на диванѣ; чтобы никто не припоминалъ въ эту минуту—сколько лѣтъ каждому изъ нихъ, никто бы не дѣлалъ никакихъ предположеній на ихъ счетъ.

Тогда имъ было бы только весело и радостно другъ съ другомъ! Она бы слушала его внимательно. Онъ—онъ, можетъ быть, говорилъ бы о другомъ... Но имъ мѣшаютъ. Онъ говоритъ свои пустяки, потому что ему не даютъ говорить иначе. Она это понимаетъ. И онъ чувствуетъ, что она понимаетъ. Оттого изъ пустяковъ съ жуткой быстротой само собой выростаетъ что-то большое, серьезное...

При каждомъ удобномъ случаѣ Звѣздочкинъ вплетаетъ наскоро какой-нибудь безцеремонный комплиментъ, отъ котораго у Кати пылаютъ уши. О! она вѣдь такъ искренно «презираетъ» комплименты... Но она увѣрена, что онъ сказалъ бы это иначе, «если бъ могъ», если бы не было чего-то запретнаго, что тяготѣетъ надъ ними. Она отбрасываетъ слова, схватывая одинъ тайный смыслъ, отъ котораго въ ней что-то загорается. Да, да! всѣмъ существомъ своимъ она чувствуетъ, что должна спѣшить! Какая-то холодная тѣнь гонится за ними—надо спастись отъ нея...

Ни на минуту Катя не забываетъ, что должны думать окружающіе, когда они ловятъ отрывки разговора на диванѣ, слышатъ его безпечный смѣхъ, видятъ ея пылающее, счастливое и виноватое лицо. Она знаетъ, что у нея виноватое лицо.

Катя поднимаетъ смущенные глаза, когда къ дивану подходитъ Викторъ. Онъ присаживается около стола; вертитъ въ рукахъ альбомы, которые знаетъ наизусть, смотритъ имъ въ лицо снисходительно усмѣхающимися глазами и отходитъ, не сказавъ ни слова.

Мама нѣсколько разъ вставала изъ за карточнаго стола, между двумя робберами. Постоитъ около рояля, скажетъ, что барышни прелестно играютъ, и тоже подойдетъ мимоходомъ къ дивану.

Катя краснѣетъ сильнѣе и боится встрѣтиться съ ея взглядомъ. Звѣздочкинъ сейчасъ же вскакиваетъ и безъ малѣйшаго смущенія развязно разговариваетъ о винтѣ.

Боже мой, какъ было весело въ гостиной!

Наконецъ барышни кончили играть. Женичка Звѣздочкина подлетѣла къ брату и съ лукавымъ смѣхомъ спросила—замѣтилъ ли онъ, что именно онѣ играли? Можно его проэкзаменовать?? Ея глазки лукаво перепархивали отъ него къ Катѣ, ласкавшей вздрагивающей рукой Дружка.

Дружокъ смотрѣлъ на нее жалобно слезящимися глазами и вилялъ хвостомъ. Въ первый разъ еще его хозяйка забывала, что Дружку давно пора ужинать.

Прощаясь, Викторъ ущипнулъ сестру за локоть и шепнулъ:

— Помни!.. мнѣ за него дюжина шампанскаго!

Офицеры скрылись въ дверяхъ съ громкимъ смѣхомъ. Чему смѣется Звѣздочкинъ?..

Катя прижимала къ груди Дружка и боролась съ желаніемъ расплакаться. За ея спиной, въ освѣщенныхъ жаркихъ комнатахъ разомъ упала тишина. Точно захлопнулась тяжелая крышка. Жизнь вырвалась на лѣстницу—сбѣжала внизъ по гулкимъ каменнымъ ступенькамъ...

Мать ласково взяла Катю за подбородокъ и повернула къ себѣ ея лицо, какъ дѣлаютъ съ совсѣмъ молоденькими дѣвочками.

— Eh bien??—шепнула она шутливо.

Но вдругъ, совсѣмъ непроизвольно, ея собственное лицо дрогнуло, слова остановились въ горлѣ. Рука выпустила Катинъ подбородокъ.

— Она прехорошенькая, эта Женичка! на него похожа,— сказала генеральша черезъ минуту.

— Она играетъ гораздо хуже Лели!—подхватила, внезапно одушевляясь, Катя. —Я вовсе не нахожу ее хорошенькой!

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ быть несправедливой? Совсѣмъ куколка изъ бисквитнаго фарфора.

— Да, если любить кукольную красоту! Глупое лицо...

Женичкѣ едва минуло семнадцать лѣтъ. У нихъ нѣтъ ни отца, ни матери... Въ нѣсколько визитовъ Катя узнала всѣ подробности ихъ біографіи. Женичка обѣщала въ слѣдующій разъ привезти показать портреты родителей.

Катерина Николаевна не задала сама ни одного вопроса. Съ перваго взгляда въ ней вспыхнула безотчетная антипатія къ этой институточкѣ, ласкавшейся къ ней съ видомъ ребенка, которому старшіе сказали, что это «добрая тетя».

Катя была рада, когда она осталась одна въ своей тихой комнатѣ..

...Боже мой... отчего было такъ весело сегодня?! Мысль безсильно билась въ отуманенномъ мозгу и попрежнему не подсказывала ничего яснаго, что могло бы успокоить... Но рядомъ съ слабѣющимъ сознаніемъ, въ ней крѣпнетъ что-то новое, непривычно-твердое и упорное съ страстной силой увлекаетъ въ открывшійся внезапно просвѣтъ... Просвѣтъ изъ томительнаго прозябанія пустого дѣвичества—куда-то въ просторъ жизни, гдѣ любятъ, страдаютъ, наслаждаются... Если не кинуться сейчасъ, безповоротно въ этотъ просвѣтъ—все будетъ кончено навсегда, потеряно—жизнь проиграна!..

Она сама не знала до этой минуты, что такъ страстно любитъ жизнь. Любитъ эту просыпающуюся способность любить и страдать... Звѣздочкина любитъ ли она?

Когда Катя старается сосредоточить на немъ свои мысли, она видитъ, какъ живой, весь его обликъ. Слова безпечно льются, льются, льются... Все равно о чемъ слова—лишь бы звучалъ свѣжій и звонкій голосъ, улыбались розовыя губы, ласкалъ открытый взоръ веселыхъ глазъ.

Больше она ничего не знаетъ о немъ. Онъ приближается. Идетъ прямо на нее съ этимъ загадочнымъ ласкающимъ смѣхомъ... Онъ въ чемъ-то безмятежно увѣренъ, чего-то хочетъ. О, пусть онъ возьметъ ее и унесетъ въ жизнь изъ этой мертвой барской квартиры...

Развѣ того она ждала? Она ничего, ничего не узнавала теперь изъ своихъ книжныхъ знаній жизни, изъ своихъ смутныхъ ожиданій. Это было совсѣмъ другое.

. . . .

Въ этотъ день генералъ вернулся изъ клуба въ три часа; проходя черезъ гостиную, онъ замѣтилъ свѣтъ въ комнатѣ дочери. Вступивъ осторожно въ темную спальню, онъ сейчасъ же почувствовалъ, что и жена тоже не спитъ.

— Что это у васъ за soirée сегодня? а?.. У Кати до сихъ поръ огонь!..

Генералъ сказалъ это возбужденнымъ голосомъ человѣка, который совершенно неожиданно почувствовалъ себя въ пріятной гармоніи съ окружающимъ.

— Неужели она не спитъ?.. Впрочемъ, такъ и надо было ожидать!—протянулъ значительно въ темнотѣ голосъ жены.

Мужъ зажегъ свѣчу и сталъ предлагать одинъ за другимъ цѣлый рядъ вопросовъ: что за гости? почему именно сегодня? отчего его никто не предупредилъ?

Ни на одинъ изъ вопросовъ не послѣдовало отвѣта. Должно быть въ этомъ не было ничего необыкновеннаго, или собственные вопросы интересовали его не настолько живо, чтобы стоило настаивать. Однако черезъ порядочный промежутокъ времени, въ самый разгаръ его мысленныхъ колебаній—какой именно изъ первоклассныхъ ресторановъ выбрать для предстоящаго интимнаго ужина?—жена неожиданно спросила его:

— Ты не знаешь, кто былъ отецъ этихъ Звѣздочкиныхъ?

— Что такое?? en voilà un fameux nom de famille. Откуда его выкопали?!.

Разумѣется, съ его стороны это было прямо неосторожно.

...Выкопали — выкопали!.. Конечно, почему же и не быть разборчивыми при ихъ-то обширномъ знакомствѣ? У нихъ вѣдь

такой богатый выборъ!! У отца полъ города пріятелей,—за женихами дѣло не станетъ!..

Генералъ нервно жевалъ усы и выжидалъ момента, когда метафоры прервутся за истощеніемъ дыханія. Свѣчу онъ потушилъ и только было успѣлъ почувствовать, какъ пріятно мирно вытянуться на свѣжемъ бѣльѣ. Въ носу, во рту, въ ушахъ еще чувствовалась клубная копоть.

— Послушай, ma chère... Moi, je trouve ça un peu lourd pour trois heures du matin... hein? Откуда вдругъ женихъ?.. Какъ это говорится—не было алтына... не было алтына...

— Ахъ, оставьте, по крайней мѣрѣ, русскія пословицы!.. удивительно какъ это къ лицу вамъ! Какъ еще вы говорить-то не разучились въ обществѣ французскихъ кокотокъ!

Супругъ снисходительно хихикнулъ въ темнотѣ.

— Ну, что вы можете знать о моемъ обществѣ? Русскія жены ничего не умѣютъ вообразить себѣ, кромѣ французскихъ кокотокъ. C'est trop vieux jeu ça! Право, mesdames, давно пора изобрѣсти что нибудь свѣженькое.

Циничная выходка сошла съ рукъ безнаказанно: жена была слишкомъ поглощена собственными думами.

Въ обыденномъ теченіи жизни этотъ глава семьи почти совершенно стушевывался. Давно уже его невѣдомое отдѣльное существованіе не имѣло никакой связи съ монотоннымъ прозябаніемъ маленькой приличной семьи. Черезчуръ приличной для того, чтобы въ ней возможны были неожиданныя встрѣчи, интересныя приключенія, случайности—какое нибудь свободное вторженіе внѣшняго міра, отъ котораго она пряталась въ своей прекрасной квартирѣ. Если генералъ пользовался безусловной личной свободой, заставлявшей его подчасъ забывать, что вѣдь, въ сущности, онъ женатый человѣкъ, то за то и домашнимъ своимъ онъ не предъявлялъ рѣшительно никакихъ стѣсненій: его дамы могли проживать, гдѣ и какъ имъ угодно, вполнѣ приличный бюджетъ, ассигнованный для нихъ. Тѣмъ хуже для нихъ, если онѣ были неизобрѣтательны!

Такъ безмятежно катится жизнь до поры до времени. Но есть роковые моменты въ семейныхъ существованіяхъ, когда каждый изъ членовъ семьи, какъ бы разрознены они ни были, помимо своей воли ощущаетъ неразрывную связь, образующую изъ нихъ одно цѣлое,—вопреки ихъ волѣ, желаніямъ, нерѣдко вопреки интересамъ.

Веселый генералъ не часто вспоминалъ, что у него есть дочь. Его супруга многое въ своей жизни помнила несравненно живѣе наивныхъ перипетій далекаго дѣвическаго романа, въ которыхъ она всю свою жизнь раскаивалась. Но, конечно, генералъ любилъ Катю и минутами ея судьба его озабочивала.

По правдѣ сказать, онъ не имѣлъ ровно никакихъ пред-

ставленій о вкусахъ и симпатіяхъ молчаливой Кати. За кого могла бы выйти замужъ такая серьезная, благовоспитанная, не бѣдная дѣвушка?.. Да, вѣроятно, за каждаго приличнаго молодого человѣка, которому пришла пора жениться (къ счастію, наивные люди еще не перевелись на бѣломъ свѣтѣ!). Она могла выйти за каждаго, кто ищетъ въ женитьбѣ спокойнаго счастья, не подозрѣвая, что его ждетъ невыносимая скука... Chacun à son tour, mes enfants!—вѣдь и онъ тоже женился въ двадцать пять лѣтъ на хорошенькой дѣвочкѣ, и они прожили свой вѣкъ не хуже другихъ. Семейныя драмы изобрѣтаются любителями трагическихъ ощущеній - жизнь вовсе не такъ замысловата, если только смотрѣть на вещи трезво! Жизнь слагается изъ вполнѣ опредѣленныхъ, неизбѣжныхъ стадій: дѣти рождаются, крестятся, дѣлаютъ зубы, болѣютъ; ихъ отдаютъ въ школы, претерпѣваютъ экзамены, переэкзаменовки, выпуски; потомъ ихъ выдаютъ замужъ и женятъ. Все это сопряжено съ большими расходами и большими женскими слезами. Это семейная жизнь.

Генералъ слышалъ въ темнотѣ, какъ его жена плакала. Она долго не хотѣла сказать ему, кто же, наконецъ, этотъ Звѣздочкинъ?..

Nuit porte conseil. Ничего не можетъ быть полезнѣе, какъ выплакаться до сыта съ вечера.

Утромъ супруги перекинулись всего нѣсколькими фразами въ то время, какъ генералъ собирался на службу; при этомъ онъ каждый день непремѣнно называетъ себя «крѣпостнымъ человѣкомъ». Вопросъ самъ собою сталъ ясно, безъ ни къ чему не ведущихъ сантиментальностей. Если Катѣ нравится Звѣздочкинъ, то какое право имѣютъ они мѣшать? . . . . .

X.

На другой день, сверхъ ожиданія, Аришѣ всетаки удалось вырваться изъ дому. Когда она прибѣжала въ Надеждинскую, Саша была уже одѣта и не соглашалась ждать ни минуты.

Ариша должна была проводить ее до Симеоніевскаго моста и, что называется, свѣта не взвидѣла, выслушивая залпомъ одну за другой ея поразительныя новости. Пальто она принуждена была разстегнуть на морозѣ и едва поспѣвала восклицать:

— Да никакъ ты рехнулась?!

— Да ты хоть бы словомъ однимъ меня-то спросила сначала!..

— Да что я тебѣ, дѣвчонка далась безсловесная?!

За Симеоніевскимъ мостомъ Саша остановилась на минутку и объявила: коли Аришѣ все это не нравится, такъ вѣдь никто ей не мѣшаетъ сказать Картышеву, что она передумала. Кажется, ее не перевѣнчали еще ни съ кѣмъ? и бумаги никакой она не подписывала? и подарковъ отъ жениха не принимала?

— Ну, и на здоровье! Отказывайся, коли не хочешь! Жди у моря погоды, да скачи вѣкъ свой по вчерашнему.

Саша кивнула головой и побѣжала дальше, нагоняя потерянное время.

Ариша осталась одна среди сумятицы бойкаго перекрестка. Два раза чуть-чуть подъ дышло не угодила, пока не выбралась на тихую набережную.

...Ноги подкашиваются. Кажется, такъ бы и присѣла на первую тумбу. Всегда въ такія минуты ее тянетъ супуться куда нибудь въ тишину. Осиливаетъ ураганъ, бушующій внутри... Но сколько она на свѣтѣ живетъ, никогда еще ей это не удавалось! По какимъ, какимъ угламъ не приходилось прятаться въ мастерской, выплакивая какую нибудь непереносную обиду,—и быть сейчасъ же со скандаломъ открытой, изгнанной, выруганной за лѣность...

А теперь, кажется, и того хуже! День деньской у матери на глазахъ. Дѣлать ей больше нечего, какъ только слѣдить за ея каждымъ вздохомъ! А ужъ, не приведи Богъ, поругаются—по стуку машинному хочетъ отгадать, объ чемъ Ариша думаетъ.

Въ этотъ день Авдотья была увѣрена, что Ариша нарочно старается выводить ее изъ себя. Все у нея изъ рукъ валится, слова толковаго не добьешься. Даже и не огрызается, какъ обыкновенно,—молчитъ тебѣ, точно какъ дура какая нибудь, да мечется безъ толку.

— Вотъ ужъ когда прогнала-то бы я тебя на мѣстѣ господъ, сейчасъ бы прогнала!—донимала Авдотья:—Да ни за что не стала бы за свои деньги держать такую рохлю! Ну, чего ты, точно какъ отравила кого нибудь?!

Не подозрѣвала Авдотья, что этотъ день Ариша переживала лицомъ къ лицу съ любезнымъ ей Афанасіемъ Ивановичемъ. Нейдетъ онъ у нея съ ума, да и полно! Каждымъ словомъ своимъ Саша гвоздемъ вбивала его ей въ голову. Разъ десять, по крайней мѣрѣ, Ариша гнѣвно сказала себѣ: «и думать-то объ немъ я не хочу»! Вотъ, стало быть, сколько ужъ разъ подумала.

Мастерскую Саша такъ расписала нѣсколькими словами, что теперь Ариша точно видѣла ее передъ своими глазами. Веселенькая квартирка—не такой «гробъ», какъ у ихней нѣмки... и школу французскую сейчасъ же вспомнила, которой нѣмка передъ мастерицами хвасталась. Да, пожалуй, еще и лучше той найдется какая нибудь!

...Господи, воля твоя... и придумаетъ же человѣкъ!—шептала Ариша подъ вечеръ, уже окончательно выбившись изъ силъ.

Точно подслушала Саша, какъ она иной разъ объ собственной мастерской мечтаетъ. Крадучись, отъ самой себя пряталась...

На другой день горничная въ полосатомъ платьѣ прибѣгала изъ Надеждинской съ запиской. Саша велѣла отдать записку младшему дворнику и попросить передать Аринѣ Петровнѣ въ собственныя руки. Молодецъ Егоръ давно заглядывается на Сашу и обдѣлалъ порученіе въ лучшемъ видѣ. Пришелъ за помойнымъ ведромъ и шепнулъ:

— Выдь-ка на лѣстницу. Дѣло есть до тебя.

Бумажка точно обожгла пальцы Аришѣ.

Саша писала, что она получила отвѣтъ отъ Картышева. Онъ на все соглашается и спрашиваетъ, можно ли ему явиться къ Аринѣ Петровнѣ или ждать, когда ему знать дадутъ? «Что мнѣ отвѣтить ему?»—спрашивала Саша.

Ариша въ эту минуту сама на себя подивилась: важное извѣстіе не сдѣлало на нее особеннаго впечатлѣнія, точно въ своихъ мысляхъ она и не допускала уже ничего другого. Какъ будто со вчерашняго дня что-то было рѣшено безъ словъ.

. . . .

Наконецъ, генеральша обратила вниманіе на то, что въ кухнѣ у нихъ творится что-то особенное.

Аришу нѣтъ возможности удержать въ комнатахъ—точно паркетъ горитъ у нея подъ ногами: не дослушавъ хорошенько приказанія, кидаетъ свое машинальное «слушаю-съ»—только чтобы улизнуть въ кухню!

Авдотья точно голову потеряла на старости лѣтъ: готовитъ изъ рукъ вонъ небрежно, все забываетъ; крикъ поднимаетъ изъ за каждаго лишняго шага.

На кухнѣ постоянно какое-то шмыганье. Саша прибѣгаетъ чуть не каждый день, гости какіе-то повадились—совѣщанія да угощенія нескончаемыя.

— Да у нихъ тамъ такая кипучая жизнь, что скоро, должно быть, намъ ужъ придется имъ прислуживать! — восклицала раздосадованная барыня.—Вотъ что значитъ, здорово живешь, поселить у себя цѣлое семейство! J'en ai pardessus ma tête!

Впрочемъ, эти жалобы не имѣли никакого практическаго значенія. Къ «семейству» всѣ до такой степени привыкли, что даже и подумать невозможно поселить на кухнѣ какихъ нибудь чужихъ людей. Лишиться несносной Авдотьи представлялось чѣмъ-то прямо опаснымъ: все равно, какъ оставить открытой дверь на улицу. Но у облагодѣтельствованной кухарки появился совершенно нестерпимый тонъ, точно каждую минуту она грозитъ все бросить и уйти.

— Что жъ, ищите лучше, коли я вдругъ никуда не годна стала!—бушевала она, не слушая резоновъ:—И всего-то вѣдь двадцать лѣтъ послужила!

Всякая попытка доказать ей неисправность сейчасъ же превращалась въ вульгарную перебранку съ собственной прислугой, гдѣ преимущества всегда на сторонѣ тѣхъ, въ комъ больше нуждаются.

— Мѣстовъ что ли въ Петербургѣ нѣтъ!—кричала воинственно кухарка, въ то время какъ барыня...

Чтожъ, сознаемся!—бывали минуты, когда барыня плакала, и преобидными слезами.

Большую роль во всемъ этомъ играло особенное стеченіе обстоятельствъ: непривычная нервозность кухни и усиленная требовательность горницъ выступали особенно замѣтно оттого, что прежняя тихая и уединенная жизнь маленькой семьи сильно измѣнилась за послѣднее время.

Теперь чуть не каждый день Екатерина Николаевна принимаетъ гостей, или сама отправляется съ ними на прогулки, выставки, въ театры или концерты. Катя переодѣвается по нѣскольку разъ въ день; Ариша завалена спѣшной и нежданной работой. Ее разсылаютъ съ записками, по лавкамъ и портнихамъ; ее торопятъ съ утра до ночи. Ея дурное расположеніе духа, ея разсѣянность на взволнованную Катю дѣйствуютъ, точно незаслуженная обида. Въ кои-то вѣки разъ судьба улыбнулась ей... Хотѣлась, чтобы всѣ окружающіе сознавали, какъ для нея это важно; чтобы всѣ эти веселыя заботы и радостные сборы принимались сочувственно, а не съ досадными минами и нетерпѣливымъ ропотомъ.

Катя наивно не отдавала себѣ отчета въ томъ, что для ея горничной это только лишняя работа, отрывающая еще больше отъ ея собственной жизни. Ничто, конечно, не могло сравниться съ важностью готовившагося событія... Чтобы за дверью, раздѣляющей два міра, въ это же самое время могли готовиться свои событія, барышнѣ попросту никогда не приходило на умъ.

— Нѣтъ, этихъ людей ничѣмъ нельзя купить, ничѣмъ!—повторяла Катя все чаще любимую фразу своей матери.

Между тѣмъ «семейство» въ людской каморкѣ и не подозрѣвало, что оно проявляетъ черную неблагодарность...

— Бьешься, бьешься день деньской, точно каторжная!—жалуется ежеминутно Авдотья съ тѣхъ поръ, какъ въ мечтахъ ея носится казенная квартира на вокзалѣ и представительная фигура нареченнаго зятя, до смерти любящаго угостить по всякому поводу.

Престижъ Саши выросъ въ глазахъ матери до совершенно сказочныхъ размѣровъ; о своей любимицѣ Авдотья не мо-

жетъ говорить безъ умиленныхъ слезъ. Шутка ли, съ какимъ умомъ дѣвочка оборудовала такое дѣло! Ужъ можно сказать, что Арина упряма, какъ стѣна, и о Картышевѣ даже и слышать не хотѣла. Такъ вѣдь нашла же Саша, чѣмъ взять ее!

Теперь Ариша летаетъ, точно какъ на крыльяхъ. Важная стала такая, что мать то и дѣло должна напоминать: «Погоди, еще не вовсе барыня! На-ка, вотъ, сбѣгай въ лавочку—луку забыла взять на двѣ копѣйки».

Не то, чтобы Ариша лѣнилась: напротивъ, она вся горѣла страстнымъ желаніемъ скорѣе схватиться за работу. Но только работать для себя: трудиться надъ мудреной, огромной задачей передвиженія изъ того темнаго угла, гдѣ забрезжила для нихъ жизнь. Она была охвачена безпокойнымъ и увлекательнымъ ощущеніемъ путника, нежданно-негаданно собравшагося въ далекій, невѣдомый путь...—Ариша отъ ѣды отбилась и по ночамъ спать не могла до зари; а утромъ вставала, отуманенная безпокойными снами.

Чужія заботы, постылая будничная работа совсѣмъ непроизвольно выпадаютъ изъ памяти...

— И какъ это они могутъ день деньской, сложивши руки, сидѣть, въ книжку глядѣть?..—Хоть бы для моціону Катерина Николавна пыль у себя сама смахнула!—резонируетъ Ариша, раздосадованная заслуженнымъ выговоромъ.

— А ты-то тогда за что десять рублей получать будешь?—парируетъ сейчасъ же мать.

— Найдется за что... не великій капиталъ! Въ мастерской за одно платье порядочное десять рублей заплатятъ.

Теперь для Ариши не существуетъ ужъ другого масштаба. Стучитъ швейной машинкой и мысленно съ горечью высчитываетъ, на какую сумму она за цѣлый годъ наработывала на своихъ генеральшъ.

И передъ женихомъ положеніе казалось унизительнымъ Только сядутъ чай пить, и Афанасій Ивановичъ развернетъ гостинецъ, безъ котораго онъ никогда не является къ невѣстѣ,—а въ корридорѣ, точно какъ нарочно, заливается ужъ проклятая трещетка.

Тутъ важный разговоръ: женихъ смѣту мастерской принесъ, которую для него знакомый опытный человѣкъ сдѣлалъ,—а Катерина Николаевна стаканъ воды спрашиваетъ или въ лавочку за почтовой маркой посылаетъ.

— Да что у нихъ—капиталу не хватаетъ, чтобы разомъ на почтѣ закупить?—возмущается раздосадованный женихъ.

Афанасій Иванычъ торопитъ свадьбой, но Ариша не хочетъ, пока для себя мало-мальски всего не справитъ. Хоть приданое и справляется на жениховы деньги, но самолюбивая Ариша понимаетъ разницу, привезти ли его готовымъ въ соб-

ственныхъ сундукахъ, или потомъ шить украдкой отъ вокзальныхъ сплетницъ.

Въ сущности, Ариша не успѣла еще разобраться хорошенько въ собственныхъ чувствахъ; она переживала первый приливъ гордаго удовлетворенія. Теперь съ радостнымъ чувствомъ собственности, вмѣсто прежней безотчетной дѣвичьей досады, невѣста слушаетъ, какъ мать разсыпается въ восторгахъ передъ дѣловитостью, важностью и щедростью жениха. Онъ становился неотъемлемой принадлежностью завѣтной мастерской; не дорожить имъ все равно, что не дорожить всѣмъ этимъ блестящимъ будущимъ.

Думаетъ и мечтаетъ Ариша всегда только объ этомъ внезапномъ переворотѣ всего ея существованія, такомъ заманчивомъ и неясномъ... Сама того не сознавая, она уклоняется останавливаться мыслью на самомъ женихѣ, на этомъ пожиломъ человѣкѣ, осторожно и какъ-то несвободно порывающемся показать ей свою любовь.

Очень ужъ не способно было Афанасію Иванычу развернуться во всю широкую натуру въ тѣсной кухонной каморкѣ, на глазахъ у старой пріятельницы Дуни и у красавицы Саши, волновавшей его не меньше самой невѣсты... Два раза женихъ водилъ барышень въ театръ и въ циркъ; но, конечно, тамъ отъ начала и до конца онѣ не удѣлили ему ни одной минутки своего вниманія. Упрашивалъ женихъ Аришу погулять съ нимъ вдвоемъ въ праздничный день, да такъ и не могъ этого дождаться: невѣста дорожила каждой свободной минуткой для своей работы.

Саша, сколько могла, тоже помогала сестрѣ шить приданое. Но такой ужъ у нея характеръ безпокойный: переживаемыя событія, съ той минуты, какъ онѣ совершенно налажены, больше не удовлетворяютъ Сашу; она ужъ ломаетъ голову надъ тѣмъ, что дальше будетъ, какъ будто необходимо напередъ все предрѣшить, чуть не до гробовой доски.

Сашу особенно озабочивало одно соображеніе: не будетъ дѣтей, должно быть, у Ариши, коли отъ первой жены никогда не было. А тогда, что же за семья безъ дѣтей? Саша находила, что тогда и стараться какъ будто не изъ за чего. И она пресерьезно принималась теперь же убѣждать сестру, чтобы она взяла себѣ пріемыша. Жалко, коли не свои, да чтожъ съ этимъ дѣлать? — Не для себя же самой трудиться, работать, деньги наживать... Саша бралась даже въ случаѣ нужды уговорить Картышева, а въ Надеждинскомъ, слава Богу, есть изъ кого выбрать славнаго ребеночка. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей Саша начала даже съ особенной нѣжностью присматриваться къ каждому новому гостю

земной юдоли, среди которыхъ проходила ея жизнь,—точно хотѣла заранѣе намѣтить будущаго племянника.

Дѣтей Саша всегда любила. Конечно, въ свое время будетъ у нея собственная семья, но это еще такъ далеко, что думать скучно. Ея личныя желанія и надежды еще разбѣгались безпорядочно, какъ черезчуръ звонкое эхо по лѣсу, когда и не схватишь сразу—съ какой стороны оно откликается? Она какъ будто боялась прогадать, поставивъ себѣ какія нибудь опредѣленныя рамки.

Не загадывая далеко, Саша находила, однако, что ей необходимо нужно поучиться «хоть сколько нибудь» французскому и нѣмецкому языкамъ. У хорошей акушерки практика во всякихъ домахъ случается.

Какъ водится, изъ-за этого онѣ съ Аришей горячо повздорили. Не легко Аришѣ переварить такую новую дерзость Саши! Передъ кѣмъ? Она сама не отдавала себѣ отчета, но закипала вся какимъ-то строгимъ и раздражительнымъ чувствомъ.

Саша только тѣмъ ее и успокоила, что все равно на такую затѣю денегъ взять неоткуда. Развѣ что сама Ариша, какъ замужъ выйдетъ, такъ въ долгъ ей повѣритъ. Но, разумѣется, Саша подразумѣвала при этомъ не Аришу, а самого Афанасія Иваныча и про себя считала эту затѣю гораздо менѣе несбыточной, чѣмъ говорила. Отношенія съ будущимъ зятемъ были у нея наилучшія.

Картышевъ не разъ высказывалъ съ большимъ чувствомъ, что онъ всѣмъ своимъ счастіемъ обязанъ ей одной. И еще точно было что-то такое между ними... Тотъ глупый разговоръ, можетъ быть, когда она чай пила, сидя на подоконникѣ?..

...Глупый не глупый, а безъ того разговора ничего бы теперь и не было! Сашѣ весело думать объ этой свадьбѣ, которой никогда бы не бывать безъ ея смѣлаго вмѣшательства. И чего это люди всего трусятъ?.. До сихъ поръ Сашѣ никогда еще не приходилось раскаяваться въ своей смѣлости, и смѣлость только росла въ ней вмѣстѣ съ успѣхами.

Но какъ во внѣшнемъ ходѣ событій, такъ и въ двигавшихъ ими внутреннихъ побужденіяхъ роль самихъ людей была лишь второстепенная. Надъ личностью здѣсь властно царили жизненные интересы, всѣ сложныя условія того созидательнаго процесса, какимъ долженъ осуществиться тяжкій подъемъ на одну ступеньку вверхъ по общественной лѣстницѣ.

XI.

У господъ помолвка Екатерины Николаевны все еще не была объявлена. Саша всякій разъ какъ прибѣжитъ — такъ первымъ вопросомъ справляется:

— Ну, что? Сдѣлалъ офицеръ предложеніе или нѣтъ еще?

Авдотья каждый разъ разсердится:

— Поди сама въ горницы, да спроси! Какъ это тебѣ не доложено до какихъ поръ!

Саша хохочетъ. Да ужъ чего и скрывать, коли все равно на лбу все написано! Обработалъ всѣхъ мальчуганъ, молоко на губахъ не обсохло...

Впрочемъ, Авдотья избѣгаетъ пускаться въ обсужденіе этого вопроса по существу. Дѣвчонкамъ «потакать» не хочется, а и защищать тоже сама не знаешь какъ... Быть генеральской дочери за поручикомъ, да еще сестренка эта у него на шеѣ!.. Птенчикъ безперый, едва изъ гнѣзда, а тоже съумѣлъ выглядѣть, гдѣ бы ему въ чужомъ гнѣздѣ потеплѣе пріютиться.

Въ своей средѣ кухарка Авдотья находила бы подобную комбинацію какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей—вѣдь ставила же она въ величайшую заслугу хорошо обезпеченному Картышеву то, что онъ не польстился на приданое. Но для господъ у Авдотьи имѣется совершенно иной кругъ понятій, и тутъ безденежный женихъ не заслуживаетъ съ ея стороны ничего, кромѣ искренняго презрѣнія. Но осуждаетъ Авдотья не Катеньку, а генеральшу. Потерпѣли бы еще хоть маленько! можетъ быть и навернется еще человѣкъ стоющій.

За то дочки Авдотьины безо всякой жалости высмѣивали между собой «старую дѣву». Однако и тутъ осуждается не самый фактъ—онъ для дѣвушекъ вполнѣ понятенъ: до какихъ же лѣтъ ей еще дожидаться? Возмущала ихъ именно эта очевидная, безпомощная влюбленность Кати. Тотъ же самый шагъ, сдѣланный по холодному разсчету, ничуть не унизилъ бы ее въ ихъ глазахъ, а, напротивъ, заслужилъ бы одобреніе.

— «Ну!.. распустилась вся, словно медъ!»—думала не разъ съ негодованіемъ Ариша, глядя на то, какъ барышня не знаетъ ужъ, чѣмъ и угодить желанному гостю.

Наряды, прически, выѣзды—все это дѣлало Катю еще болѣе жалкой въ ихъ глазахъ и не заслуживающей снисхожденія... Было бы для кого разрываться!.. Что касается жениха, то Авдотьины дочки давно разобрали его по косточкамъ, живого мѣста не осталось.

Передъ праздниками Катерина Николаевна, послѣ мучительныхъ колебаній, рѣшилась поѣхать на балъ медицинскихъ студентовъ. Уже нѣсколько лѣтъ какъ Катя перестала выѣз-

жать на публичные балы; кавалеровъ знакомыхъ нѣтъ, а за скуку каждый разъ еще поплатишься головной болью. Но Звѣздочкины собирались на этотъ балъ, и Катю охватила лихорадка. Точно ей нужно было доказать другимъ или себѣ самой, что для нея ѣхать на балъ совершенно также естественно, какъ и для вчерашней институтки, мечтавшей о танцахъ, захлебываясь отъ восторга. Было что-то невыразимо горькое, больное, обидное въ одной уже мысли остаться дома, отпустить туда *его* безъ себя... точно добровольно сознаться въ чемъ-то!

Къ вящшему смущенію Кати, ее въ этомъ никто не поддерживалъ.

— Какъ хочешь... Но ты не боишься, что будешь лежать на другой день?..—процѣдила неопредѣленно мать.

— Да?! ха, ха!.. чтожъ! пустимся ужъ и въ плясъ за одно!..— разсмѣялся Викторъ и тутъ же чмокнулъ ее въ щеку, чтобы смягчить грубость.

Теперь каждый день Катя съ матерью разъѣзжаютъ по магазинамъ и портнихамъ. Проводивъ ихъ какъ-то послѣ завтрака, Ариша отложила въ сторону господскую работу и поспѣшно принялась за свою собственную. Сквозь напряженный стукъ машины она услыхала звонокъ въ прихожей и попросила мать отперетъ, чтобы не отрываться отъ работы.

— Ступай, Викторъ Николаичъ тебя спрашиваетъ,—сказала, вернувшись, Авдотья.

— Такъ ты рази не сказала, что въ гостиный дворъ уѣхали?!—переспросила для чего-то Ариша.

— Говорю—тебя спрашиваетъ!

Викторъ Николаевичъ за послѣднее время пріѣзжалъ домой чаще обыкновеннаго, но для Ариши онъ пересталъ существовать. Ея разсѣянные глаза, всегда полные жадныхъ думъ, встрѣчались съ его взглядами, не замѣчая ихъ краснорѣчиваго языка. Поручикъ попрежнему ловилъ горничную, гдѣ только могъ, чтобы шепнуть: когда же она перестанетъ дуться на него?!—и попрежнему не вѣрилъ ея сердитымъ отвѣтамъ.

Разумѣется, Ариша сейчасъ же поняла, зачѣмъ молодой баринъ остался дожидаться своихъ, хотя ему всѣ по очереди докладывали, что онѣ только сейчасъ уѣхали.

— Чтожъ... видно побесѣдуемъ разочекъ на прощанье, Викторъ Николаевичъ! Надо этому конецъ сдѣлать,—сказала себѣ Ариша съ внезапной рѣшимостью.

Какое-то сложное чувство зашевелилось въ ней въ эту минуту. Страстное желаніе доказать свою независимость передъ этимъ человѣкомъ, такъ упрямо ее преслѣдовавшимъ—и въ то же время проститься навсегда съ чѣмъ-то горькимъ, въ чемъ всетаки мерцала искорка молодого счастья... Затоптать ее скорѣе, эту искорку!..

Офицеръ успѣлъ самъ снять пальто и ожидалъ ее, стоя въ дверяхъ гостиной.

— Соблаговолили, г-жа принцесса?! Я думалъ, что мнѣ придется самому на кухню вамъ представиться!—встрѣтилъ онъ ее съ натянутымъ смѣхомъ.

— Что вамъ угодно, Викторъ Николаевичъ?—спросила важно Ариша.

Вмѣсто отвѣта онъ взялъ ее за руку повыше кисти, какъ берутъ упрямящихся дѣтей, и повелъ въ комнату матери. Къ его изумленію, дѣвушка и не думала сопротивляться; она спокойно шла съ нимъ рядомъ и чуть-чуть улыбалась кончиками губъ.

Викторъ не понималъ, какая перемѣна произошла съ Аришей со времени знаменательной сцены въ темной ванной, которая, по всѣмъ соображеніямъ любовной психологіи и практическаго опыта, должна была окончательно отдать влюбленную дѣвушку въ его власть. На другой день онъ просидѣлъ до вечера дома, увѣренный, что она покорно явится съ забытымъ портсигаромъ... Каждая новая встрѣча разочаровывала его; и въ то же время еще больше сбивала съ толку... Викторъ чувствовалъ, что прежней тревоги нѣтъ въ ней — почему-то ему больше не удавалось вызвать ее...

Въ комнатѣ генеральши Ариша высвободила свою руку и сейчасъ же принялась переставлять съ мѣста на мѣсто мелкія вещи на туалетномъ столикѣ. Викторъ бросился въ качалку и разсматривалъ ее съ безпокойнымъ чувствомъ.

«Тоже горничная! Много ихъ теперь такихъ развелось — пока не заговорила и не отличить отъ барышни»,—подумалъ онъ.

— Вы меня зачѣмъ звали, Викторъ Николаичъ? У меня работы не обобраться.

И повернулась въ полъоборота, точно готовясь уходить.

Викторъ остановилъ ногой качалку.

— Жалуются на тебя всѣ, такъ я хочу знать, что это означаетъ,—сказалъ онъ, помолчавъ.

Видно, что ей это непріятно; покраснѣла, и на столѣ что-то стукнуло.

— Ты, можетъ быть, жить больше не хочешь? Я такъ догадываюсь.

Ея взглядъ скользнулъ по немъ съ удивленіемъ: неужто онъ забылъ, что она тогда сказала ему?

— А я, знаешь, думаю, что тебѣ жить здѣсь совсѣмъ недурно!.. И врядъ ли даже гдѣ нибудь будетъ лучше... Право!

Качалка опять начала подниматься и опускаться плавными взмахами. Пара стройныхъ блестящихъ сапогъ замелькала передъ опущенными глазами Ариши

— Или это ты на меня такъ ужъ страшно сердишься?— договорилъ онъ тише и засмѣялся съ самодовольной безпечностью мужчины, увѣреннаго, что въ него влюблены.

Ариша смѣло пошла на этотъ разговоръ. Но вотъ... противъ всѣхъ ея ожиданій, насмѣшливый голосъ съ вызывающими интонаціями быстро пробирается въ душу какими-то готовыми путями... Сердце забилось скорѣе, точно повинуясь знакомому призыву.

Но она была вся насторожѣ. Густыя брови сурово сдвинулись, лицо побѣлѣло.

— Напрасно вы, Викторъ Николаичъ. Я вамъ сказала же, что я замужъ иду,—выговорила она твердо.

Викторъ, какъ подброшенный, вскочилъ на ноги.

— А-а-а! я вѣдь совсѣмъ позабылъ объ этомъ!.. Просто не повѣрилъ, признаться... Такъ ты не шутишь?? Ведемъ, значитъ, свою линію?!

Онъ близко заглянулъ ей въ лицо блестящими глазами; они лукаво подмигивали: понимаю, молъ, что сей сонъ означаетъ!

Дѣвушка отстранилась; безсознательнымъ взмахомъ откинула голову, и двѣ пары глазъ столкнулись.

«Шалишь, милая, меня не переглядишь!»—усмѣхнулся побѣдоносный поручикъ. И правда: въ его взглядѣ съ каждой секундой приливали волны задорной ласки, а взоръ дѣвушки ускользалъ, отступалъ передъ внезапнымъ натискомъ... Въ лицо тяжело ударила краска и залила его до самыхъ волосъ.

Вотъ, изъ его груди вылетѣлъ не громкій, хриплый звукъ... Руки нервно потянулись къ ея плечамъ.

Ариша трепетно вздохнула, точно охнула, и рѣзкимъ взмахомъ оттолкнула его руки.

— Бога въ васъ нѣтъ... стыда! И сами не любите ни чуточки... на что я вамъ далась?! Такъ, ни за что... погубить добиваетесь... Человѣка никогда въ глаза не видали, а ужъ на обманъ подбиваете...

Теперь глаза, горѣвшіе гнѣвомъ, твердо смотрѣли ему въ лицо; лобъ побѣлѣлъ.

— Вамъ кто сказалъ, что я безчестная?.. На шею вамъ кинуться давно могла, кабы хотѣла. Зачѣмъ же мнѣ неповиннаго человѣка запутать понадобилось?

— Тсс... скажите на милость!! Чѣмъ это не проповѣдь!— воскликнулъ офицеръ, отступая на шагъ назадъ.

— Разстаньтесь вы съ этими мыслями! Оставьте меня!!.— взмолилась вдругъ тоскливо дѣвушка и всплеснула въ отчаяніи руками.

Сама собой, внезапно вырвалась мольба прямо изъ сердца.

— Кабы не зналъ, что ты, глупая, любишь меня, такъ и

самъ давно бы оставилъ,—какая невидаль, подумаешь!—засмѣялся онъ;—не лги, не лги, напрасно! отчего же ты боишься меня, коли не любишь??

— Какъ же не бояться-то, коли въ васъ нѣтъ совѣсти! За что мнѣ любить васъ?! Что было-то?—Слезы...

Она не знала сама, зачѣмъ говоритъ это. Страстная тоска давила сердце, точно на волю вырывалась...

— Ха! а кто виноватъ, что ничего хорошаго не было?—подхватилъ онъ горячо:—Вотъ тоже славно, она же еще и попрекаетъ меня этимъ!

Онъ опять попытался овладѣть ея руками, но Ариша метнулась къ двери.

— Ну, ну, не трону—кошка дикая!

Викторъ Николаевичъ съ досадой кинулся въ качалку; руки точно отъ искушенія засунулъ за спину и злобно оттолкнулся ногой отъ пола. Блестящіе глаза, полные нетерпѣливыхъ желаній, напряженно слѣдили за дѣвушкой. Онъ больше не улыбался.

Ариша колебалась. Уйти теперь, такъ все по старому съ нимъ останется... Теперь-то съ полгоря, а съ мужемъ какъ разъ въ бѣду попадешь.

— Послушай, Ариша... подойди-ка сюда! — заговорилъ вдругъ Викторъ, какъ будто не своимъ голосомъ; серьезно, точно весь вдругъ старше сдѣлался.

Дѣвушка недовѣрчиво пододвинулась къ качалкѣ.

— Говори всю правду... ты зачѣмъ замужъ идешь за какого-то урода? Извѣстное дѣло, у васъ если хорошій женихъ, значитъ—старый чортъ какой нибудь! Говори, зачѣмъ тебѣ это понадобилось, если ты и въ самомъ дѣлѣ отъ меня отдѣлаться собираешься?! ну?? Или... или ломаешься только, кокетничаешь? а?.. Аришенька!..

Онъ поймалъ ея руку и мялъ ей пальцы, холодные и вялые въ его горячихъ рукахъ.

— Побожилась бы я вамъ... такъ вѣдь вы въ Бога не вѣрите!—выговорила не сразу Ариша.

Тоскливо такъ, горько...

— А-а!.. Ну, стало быть, пристроиться хочется? Работать надоѣло... думаешь, что и въ самомъ дѣлѣ барыней заживешь!.. Д-дуры вы, дуры!!

Ариша вырвала у него руку, грудь ея высоко поднялась, голосъ вылетѣлъ изъ нея звенящимъ металлическимъ звукомъ.

— Да! слугой вашей больше не буду... не хочу!! Что жъ за бѣда, что старый, коли онъ честно любитъ меня?! Ничего не жалѣетъ для меня...

Офицеръ весь красный вылетѣлъ еще разъ изъ качалки. «Ничего не жалѣетъ?» Такъ вотъ, стало быть, въ чемъ весь и секретъ!

— Отчего же ты со мной сначала не поторгуешься?! Можетъ быть, я дороже дамъ. Я вѣдь не зналъ, что тебя можно купить! Квартиру нанять могу... Сдѣлай милость, коли тебѣ барыню разыгрывать надо...

Тогда, задыхаясь отъ обиды, путаясь въ словахъ отъ волненія, Ариша пыталась нарисовать ему великолѣпную картину своей будущей жизни. Вотъ когда она проклинала свое неумѣніе говорить складно и красиво, какъ Саша! О, Саша живо загоняла бы дерзкаго барина, а она сама приходила въ отчаяніе отъ своихъ сухихъ, блѣдныхъ словъ.

Понялъ бы и ее, кто захочетъ, а Викторъ Николаевичъ слушалъ, слушалъ, да вдругъ началъ хохотать долгимъ презрительнымъ смѣхомъ. Такъ что снова въ качалку повалился и на глазахъ выступили слезы.

— Охъ!.. уморила совсѣмъ... Такъ вотъ чѣмъ онъ купилъ тебя! Хозяйка? мадама? madame Julie на вывѣскѣ напишешь? А по моему, валяй лучше madame Arina—этакъ на испанское смахиваетъ! ха-ха-ха! вотъ въ чемъ честолюбіе наше, оказывается!!

— Должно быть, любовницей офицерской лучше быть? честь какая!

Викторъ Николаичъ пересталъ смѣяться и впился въ нее! горѣвшимъ взглядомъ. По мѣрѣ того какъ тянулась эта сцена, въ немъ точно какой-то клубокъ разматывался. Заполнялось быстро сердце чѣмъ-то и новымъ, и знакомымъ вмѣстѣ... Недаромъ это *что-то*, заброшенное, стиснутое небрежнымъ комочкомъ, всетаки упорно продолжало жить и по временамъ безпокоило его своимъ присутствіемъ.

Теперь онъ вдругъ ясно почувствовалъ, что маленькая Ариша, мимолетная героиня его дѣтства, превратившаяся въ красивую сердитую дѣвушку, что эта упрямица, холодная, вовсе не въ шутку мила ему. Смѣшно, а сейчасъ никого и нѣтъ милѣе этой горничной, съ ея несокрушимымъ упорствомъ и первобытными мѣщанскими мечтами.

Въ первый разъ еще они такъ разговаривали на свободѣ, какъ равные, а не обмѣнивались украдкой отрывочными фразами, которыя онъ насильно вырывалъ у нея.

...За старика... мастерская!.. Нѣтъ, шалишь! такъ дешево онъ не уступитъ ее...

Не предчувствовала Ариша, что ждетъ ее, когда рѣшилась пойти на это послѣднее объясненіе съ бариномъ.

Оглушенная, растерянная, она едва вѣрила своимъ ушамъ, когда Викторъ Николаевичъ—безъ обычныхъ насмѣшекъ и нахальства, а горячо и просто—сталъ предлагать ей точно такую же мастерскую, какую ей обѣщалъ женихъ. Онъ тоже можетъ устроить ей это. Будетъ она сама хозяйка, станетъ на ноги съ

его помощью—только не будетъ стараго, не милаго мужа. Будетъ вмѣсто него молодой баринъ, тотъ самый, кого она съ дѣтства любитъ...

И все, что будетъ, все блаженство искренней страсти, молодая радость, счастіе,—все, все это онъ обѣщаетъ, клятвы даетъ... Обнимаетъ, ласкаетъ ее всю своими жгучими взглядами, дыханіемъ, голосомъ... Дотронуться до нея не смѣетъ—убѣжитъ! Но Аришѣ всетаки кажется, что она въ его объятіяхъ. Точно онъ цѣловалъ ее, какъ тогда въ темной ванной... какъ давно, давно, подъ розовыми цвѣтущими яблонями деревенскаго сада...

Ариша не замѣтила, какъ она опустилась на первый стулъ. Какъ во снѣ, она боялась вздохнуть громко, вся застывшая отъ испуга.

...Ураганъ.. Гроза разразилась надъ головой нежданно... съ трескомъ и блескомъ. Только бы не убила до смерти гроза!..

Викторъ Николаевичъ перевелъ дыханіе, подошелъ и нетерпѣливо тронулъ ее за плечо.

— Ну... что же?! ты молчишь! Ариша?!

Нѣтъ, не убила гроза Ариша глянула ему въ лицо огромными, растерянными глазами и отчаянно потрясла головой.

— Нельзя, нельзя такъ!.. Голубчикъ Викторъ Николаевичъ, нельзя!.. Я должна честно—не могу я такъ!..

Онъ оттолкнулъ плечо и забѣгалъ по комнатѣ. Честно... туда же!

— Старику продаться — честно? А по любви — грѣхъ?! Эхъ, вы тьма безвыходная!..

Ариша поднялась со стула. Ноги плохо держали ее. Въ ушахъ гулъ, точно гдѣ-то вода льется, а сердце въ груди еле шевелится, жалкое, какъ избитое...

Онъ грубо остановилъ ее.

— Постой! Мало, можетъ быть? Такъ говори прямо, чего же ты хочешь?!. . . . .

. . . .

Не сразу Ариша опомнилась послѣ этой сцены. Не скоро— да за то хорошо. Вмѣстѣ съ нежданно налетѣвшимъ и теперь отхлынувшимъ смятеніемъ, точно какой-то туманъ постепенно разсѣивается въ ея душѣ.

Дошла до послѣдняго края, гдѣ ужъ дальше ступить некуда, остается только внизъ головой въ пропасть кинуться... И Ариша поняла, какъ совсѣмъ, совсѣмъ ей не нужно этого! Навсегда поняла. Нѣтъ, нѣтъ! Кабы никакой другой судьбы не было, и тогда не пошла бы на это. Прямо людямъ въ глаза глядѣть – гордиться своей жизнью—вотъ чего она хотѣла.

Передъ живымъ соблазномъ страсти, опалившей ее такъ близко своимъ огненнымъ дыханіемъ, въ этой молодой душѣ сильнѣе и сознательнѣе зазвучали въ отвѣтъ совсѣмъ иные

голоса. Любовь и благоговѣніе передъ жизнью. Передъ трудомъ жизни. Страхъ личнаго произвола, отвращеніе отъ всякаго незаконнаго пути—и страстная, ревнивая рѣшимость уйти своимъ путемъ какъ можно дальше. Обогнать на немъ многихъ, многихъ въ этомъ стремленіи снизу вверхъ! Влекло не пониманіе, не идея, нѣтъ: простой инстинктъ созидательныхъ силъ, заложенныхъ въ природу человѣка. Случай разбудилъ эти силы; ихъ кипѣніе давало ей, какъ и Сашѣ, своеобразное ощущеніе счастія. Счастія, заключенаго въ нихъ самихъ, а потому надежнаго, яснаго.

Люди не играли первенствующей роли въ замыслахъ энергичныхъ сестричекъ. Вмѣсто Виктора Николаевича и Афанасія Ивановича могли бы быть другія лица, но ничто отъ того не измѣнилось бы. Все равно, Ариша отвернулась бы отъ того, кто увлекаетъ въ таинственную пучину ощущеній, и пошла бы за тѣмъ, кто можетъ вывести на широкую жизненную дорогу . . . .

На другой день Ариша встала какъ встрепанная. На сердцѣ у нея было такъ тихо, чистенько, точно въ новой съ иголочки квартиркѣ, гдѣ только что разставились.

Цѣлое утро Ариша все думала о Картышевѣ. Хорошо думала, какъ никогда еще не случалось до сихъ поръ: объ немъ самомъ думала—про мастерскую свою точно какъ позабыла. При этомъ оказалось, что Ариша ужъ много, и даже очень много хорошаго знаетъ про своего жениха. Добрый онъ, ласковый. Не жадный и характеръ пріятный. Дурой надо быть, чтобы съ такимъ мужемъ не ужиться!

А Афанасій Ивановичъ точно вотъ почуялъ что нибудь—объявился на Фонтанку въ самое неурочное время, между завтракомъ и обѣдомъ. Пальто онъ не снималъ; стоя около стола въ людской, бережно вытащилъ изъ кармана какой-то пухлый бумажный свертокъ.

Ариша полоскала графинъ подъ краномъ и черезъ открытую дверь на него поглядывала.

— А ну-ка, пожалуйте сюда взглянуть, Арина Петровна!—позвалъ важно гость:—Безъ вашего рѣшенія не согласенъ дѣйствовать, а завтра у меня съ утра маляры на работу становятся.

Ариша подошла къ столу, и глаза ея жадно заблестѣли на цвѣтистые образчики обоевъ, которые Картышевъ одинъ за другимъ вытаскивалъ изъ своего пухлаго свертка.

Для того, чтобы вникнуть вполнѣ въ то, сколько гордаго торжества можетъ заключаться въ простомъ фактѣ выбора грошевыхъ обоевъ для собственной квартиры; для того, чтобы проникнуться всѣмъ скрытымъ символизмомъ такого обыденнѣйшаго занятія—для этого надо... надо быть Аришей! Надо

родиться незаконной дочерью кухарки—вырости изъ милости, прячась и стушевываясь, въ чадной каморкѣ, именуемой комнатой для прислуги—надо вытянуть пятилѣтнюю лямку столичной мастерской, и еще многое, многое другое, что уже само собой всему этому приложится...

Ариша отобрала образчиковъ гораздо больше, чѣмъ было нужно, и ни на чемъ не могла окончательно остановиться; съ каждымъ изъ нихъ ей теперь жалко было разставаться. Наконецъ, на томъ порѣшили, чтобы вечеромъ еще съ Сашей посовѣтоваться.

— Ну, какъ же!—безъ Саши и обоевъ не выбрать!—отмѣтила съ насмѣшкой Авдотья.

Обѣ—родныя дочери, а мать словно какъ соперничаетъ съ Аришей за Сашу. Каждое доказательство ея превосходства наполняетъ сердце матери новымъ приливомъ гордости.

Ариша вышла проводить жениха по лѣстницѣ. Ариша волновалась. Все, что она перечувствовала со вчерашняго дня, теперь просилось выразиться какъ нибудь. Въ первый еще разъ невѣстѣ точно какъ стыдно стало. Человѣкъ для нея не знаетъ ужъ, что и выдумать, а отъ нея за все время ни одного душевнаго слова не слыхалъ еще... Ариша сама не знала, но ей вдругъ точно какъ страшно чего-то сдѣлалось.

На второй площадкѣ Ариша остановилась около окна; низко нагнула голову, точно ей непремѣнно нужно было разглядѣть свои башмаки.

— Я вамъ сказать хотѣла, Афанасій Ивановичъ,—заговорила она быстро и тихо:—Я давеча объ васъ все думала... какой вы, право, добрый! Не знаете, какъ и баловать меня, а вѣдь по настоящему вы вовсе даже и не знаете хорошенько, какая я! Можетъ быть, я вовсе даже и не стою всего этого...

Афанасій Ивановичъ стоялъ передъ ней оторопѣлый, красный какъ изъ бани, загораживая всю лѣстницу своей пышной фигурой въ толстомъ драповомъ на ватѣ пальто, и громко дышалъ. Ариша подняла голову, взглянула на него и смущенно засмѣялась.

— Не молодой вы человѣкъ, а какой довѣрчивый... Только вы не бойтесь со мной! Я худой женой вамъ не буду...

И она робко дотронулась рукой до топорщившагося борта драповаго пальто.

— А-арища, Аришенька!!—залепеталъ женихъ, захлебываясь отъ нежданнаго счастія:—да я для тебя! Господи... Боже мой! Развѣ я не понимаю?!. молоденькимъ дѣвочкамъ всегда хочется подъ пару себѣ выбрать, чего тутъ не понимать! Только ты увидишь, птичка моя, сама увидишь! Мальчишки такъ не умѣютъ любить, какъ я тебя любить буду... увидишь! Ахъ ты Боже мой!—такъ вотъ ты, стало быть, какая?!

На грязномъ подоконникѣ черной лѣстницы Афанасій Ивановичъ впервые осмѣлился горячо обнять свою молодую невѣсту. Ариша прильнула къ толстому пальто въ безсознательной жаждѣ ощутить опору, защиту противъ другой страшной любви, витающей вокругъ нея.

Снизу послышались чьи-то шаги.

— Я ужо вечеркомъ опять забѣгу... приходить что ли? а?—зашепталъ влюбленный голосъ.

Въ глазахъ Афанасія Ивановича стояли слезы.

XII.

Въ это самое время по Литейному проспекту гуляла другая пара.

Саша, въ своей ненавистной тѣсной шубкѣ и приличной шляпкѣ, шла отъ Невы къ Невскому рядомъ со студентомъ медикомъ; должно быть послѣднихъ курсовъ, судя по солидной растительности на худощавомъ ширококостномъ лицѣ и по почтенному возрасту пальто, висѣвшаго уныло на его высокихъ плечахъ.

Они возвращались отъ больной барыни, жены другого студента, куда Андрей Михайловичъ водилъ Сашу. Теперь студентъ горячо убѣждалъ въ чемъ-то свою спутницу, размахивая руками безъ перчатокъ.

Саша не глядѣла на него, а читала по сторонамъ вывѣски, какъ будто то, что онъ говорилъ, ничуть не интересовало ее. Всю Литейную безъ малаго прошли, а онъ и не знаетъ, сдается ли она на его доводы или нѣтъ.

— И вѣдь вы изъ одного только самолюбія упрямитесь! Откуда въ васъ столько фанаберіи набралось, право даже непонятно!

— Фанаберіи... это что еще за слово?—спросила подозрительно Саша.

— Обидное! обижайтесь скорѣе...

— Понимаю и безъ васъ, что обидное.

— Ха!.. Это я-то васъ обидѣть хочу?!. А правда!.. есть за что. Простого удовольствія мнѣ сдѣлать не хотите.

Они молча прошли нѣсколько саженъ.

— И что вамъ такъ этого захотѣлось, Андрей Михайлычъ?—заговорила серьезно Саша.—Куда ужъ мнѣ на балы ѣздить... Я и танцовать не умѣю.

— Тамъ вѣдь не неволятъ, не танцуйте, коли не умѣете. Кадриль-то, небось, знаете—вотъ и спляшемъ съ вами на славу... Эхъ!.. весело-то какъ будетъ!

Саша и сама знаетъ, что весело. Ей страстно хочется на

этотъ студенческій балъ, о которомъ Андрей Михайлычъ твердитъ съ самой осени. Ученицы бываютъ на такихъ балахъ, и акушерки, и фельдшерицы. Ее и въ прошломъ году приглашали.

Но Саша не рѣшается; какая охота быть хуже всѣхъ?.. Не бальное платье, а всетаки мало мальски прилично надо одѣться... Но своему кавалеру Саша ни за что не хочетъ сказать настоящей причины только вѣдь и отгадать такой секретъ небольшая мудрость!

— Фанаберія вотъ что значитъ, Александра Петровна, я это вамъ сейчасъ объясню!—горячился все сильнѣе студентъ:— Вы теперь къ учащейся молодежи принадлежите, а развѣ въ мастерской вашей вы могли мечтать о чемъ нибудь подобномъ?! Васъ на балъ приглашаютъ въ дворянское собраніе, а не куда нибудь! Будете вы тамъ, какъ и всякая барышня, наравнѣ... Музыка великолѣпная... Ну, вотъ—а вамъ всего этого еще мало!

— Кто вамъ сказалъ что мало?.. смутилась Саша.

— Само собой мало! изъ за чего же иначе вы отказываетесь?.. Вамъ, должно быть, бальное платье понадобилось?... Студентки въ простыхъ платьяхъ пляшутъ, а вы не можете?

— Да вы зачѣмъ же раньше мнѣ не сказали?!—воскликнула съ обидой Саша,—вы развѣ понимаете, можно или нѣтъ справиться въ два дня? У кого деньги есть, тому, конечно, все можно...

Андрей Михайлычъ замѣтилъ, что они какъ будто ужъ ссорятся и поспѣшилъ сбавить тонъ.

— Какъ бы я вамъ сказалъ, если я двѣ недѣли не видалъ васъ?.. Я думалъ, что вы и такъ помните... А вы, должно быть, и не подумали обо мнѣ за все время ни разу?.. Въ двѣ-то недѣли и къ праотцамъ отправиться немудрено.

Саша покосилась на его похудѣвшее лицо, вспомнила, что онъ былъ боленъ, и вдругъ замѣтила, что погода сегодня холодная. Безразсудно послѣ болѣзни по такой погодѣ разгуливать! Она стала торопливо прощаться, но кавалеръ ея и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Двѣ недѣли не видались, не переговорили еще ни о чемъ, а она уже бѣжитъ? Вотъ такъ хорошій другъ, нечего сказать! Холодно—такъ кто же неволитъ ихъ по улицамъ шататься? давно Саша обѣщала чай пить къ нему придти.

— Что вы, что вы!.. даль такую!..

На морозѣ у нея всегда щеки что твои розаны горятъ, и не понять—покраснѣла ли она при этомъ или нѣтъ...

— Ну, такъ знаю же я, куда мы пойдемъ погрѣться! Извольте направо заворачивать!—скомандовалъ весело студентъ на углу Невскаго и разсмѣялся на испуганный взглядъ Саши.

— Кутежъ съ шоколадомъ въ кондитерской Филиппова по случаю моего выздоровленія!

. . . .

Они оживленно разговаривали за маленькимъ мраморнымъ столикомъ, на которомъ появился шоколадъ и стаканъ кофе.

Въ кондитерской уже горѣли газовые рожки. Въ яркомъ веселомъ свѣтѣ Саша, разрумяненная морозомъ и сегодня особенно возбужденная, казалась еще свѣжѣе, еще краше, чѣмъ она рисовалась въ его воспоминаніяхъ во время тоскливой болѣзни. Такихъ блестящихъ глазъ, такихъ яркихъ налитыхъ губокъ, такихъ розовыхъ щекъ съ задорными ямочками онъ никогда не видалъ у петербургскихъ барышень... Олицетворенная жизненность!

Хоть для начала и невозможно было не пожеманиться, однако въ концѣ концовъ Саша съ аппетитомъ принялась за шоколадъ, звучно втягивая его съ ложечки и разглядывая веселую кондитерскую сіяющими глазами. Въ лицѣ съ каждой минутой все прибываетъ жизни.

«А что на балу-то будетъ!»—пришло ей внезапно на умъ, и она почувствовала, что не въ силахъ отказаться отъ такого счастья... Придется у Ариши попросить шелковую кофточку, которую ей барышня подарила къ Пасхѣ..

Узнавъ, что Саша надумалась, Андрей Михайловичъ, хоть и обрадовался, но не могъ удержаться, чтобы не отчитать ее.

... Такъ онъ и зналъ, что все дѣло въ тряпкахъ! Какая дѣльная дѣвушка ни будь, а всетаки для нея главное, чтобы ее отъ барышни отличить нельзя было. До какихъ поръ женскія головы будутъ этой трухой завалены! И вѣдь сколькихъ наслажденій добровольно себя сами лишаютъ. Вотъ ее, куда ни позови, у нея всегда какія нибудь затрудненія окажутся.

— А потому что всѣмъ вамъ непремѣнно себя показывать хочется... А вы бы не съ того начинали—вы бы сначала на другихъ поглядѣли! И то вѣдь занятно въ новинку.

Саша пыталась объяснить ему, какъ обидно быть «хуже другихъ», но онъ не хотѣлъ признавать ея логики.

— Вы мое пальто видѣли? Отчего же мнѣ ничуть не стыдно?

— Такъ вы мужчина!

— Да вѣдь, коли на то пошло, мужчинѣ-то и стыдно, что у него денегъ нѣтъ—дѣвушкѣ и взять не откуда!

— Да ничего и нѣтъ хорошаго въ вашемъ пальто, вы какъ думаете?—просвѣтила его неожиданно Саша:—куда красивѣе было бы, кабы вы въ новенькомъ щеголяли.

— Что жъ, тогда я вамъ больше нравился бы?..—поставилъ онъ сурово вопросъ.

— Ну, а вы мою старую шляпку помните? Скажите-ка по

совѣсти, красивѣе ли я въ этой вотъ или нѣтъ?—допрашивала, смѣясь, Саша.

— Да я и не видалъ даже никогда! Это жъ обидно... Ну, вамъ-то, вамъ съ какой стати прививать себѣ искусственно пороки совершенно чуждой среды?!. Развѣ вы о томъ должны думать, какъ бы всѣхъ обмануть, заставить принимать васъ за барышню?.. Все равно барышней не будете...

Вотъ и всегда у нихъ такіе споры. «Дебри» въ хорошенькой головѣ Саши туго поддаются культивировкѣ; но онъ не можетъ отказаться отъ надежды освѣтить этотъ первобытный умъ, какъ не могъ бы видѣть хладнокровно безобразной болячки на ея цвѣтущемъ лицѣ.

Увы! возмущаетъ его часто Саша не одними только заботами о тряпкахъ. По обыкновенію, дѣвушка принялась разсказывать, какія событія случились съ тѣхъ поръ, какъ они не видались—и юному другу стало очевидно, что ей и въ самомъ дѣлѣ было не до него. Аришу Андре Михайловичъ прекрасно знаетъ по ея разсказамъ; зналъ даже о тревожившемъ Сашу романѣ съ офицеромъ, и о солидномъ женихѣ мелькомъ слыхалъ.

Саша съ торжествомъ разсказывала, какъ она ловко это дѣло обдѣлала; остроумно изобразила въ лицахъ свиданіе въ Александровскомъ саду и радовалась, что сестра на всю жизнь ей своимъ счастьемъ будетъ обязана,—никакой каши они не сварили бы съ Аришей безъ ея вмѣшательства!

И, какъ всегда, въ этой оцѣнкѣ предстоящаго брака живые люди, едва промелькнувъ, стушевались сейчасъ же передъ всесильными формами жизни. Саша, какъ начала говорить о будущей мастерской, такъ ужъ и не могла кончить, пока ея собесѣдникъ не потерялъ терпѣніе слушать. Она даже не замѣтила, что лицо его становилось все сумрачнѣе; не видѣла, какъ онъ нетерпѣливо возился на своемъ стулѣ и такъ лобно затягивался папиросой, что каждый разъ точно крошечный костеръ разгорался въ его зубахъ.

— Да бросьте вы, что ли, дрянью этой восхищаться,—надоѣло! Чему, чему вы обрадовались??. Раскиньте мозгами, пожалуйста—да не по вашему, не съ точки зрѣнія закройщицы изъ французскаго магазина—а по человѣчески, какъ всякая честная женщина должна разсуждать!

Саша насторожилась. Самолюбивыя струйки перебѣжали въ ея оживленномъ лицѣ; оно быстро принимало натянутое выраженіе, котораго онъ въ ней терпѣть не можетъ. Съ такимъ деревяннымъ лицомъ съ нею нелегко бываетъ поладить.

— Вамъ и тутъ не угодили?—спросила Саша язвительно, и голосъересталъ звенѣть.—Должно быть лучше вѣкъ свой въ горничныхъ маячиться?..

— Съ чѣмъ сравнивать—можетъ быть и лучше. Работы позорной не существуетъ; есть трудная или легкая, пріятная или непріятная. Прислугой быть непріятно—а всетаки для молодой дѣвушки должно быть легче, чѣмъ за старика замужъ продаться. И честнѣе!..

— И напрасно вы такъ гордитесь, что Аришу на этотъ торгъ подтолкнули! Еще увидите, поблагодаритъ ли она васъ когда нибудь!—пригрозилъ студентъ запальчиво.

Въ глазахъ Саши засверкали слезы горячей обиды.

— Для всѣхъ отлично, лучше не надо, а ужъ для васъ непремѣнно худо... точно какъ нарочно!

Она не знала, куда ей отвернуться, чтобы онъ не видѣлъ обидной дрожи въ ея лицѣ. Увлеченная всецѣло своей распорядительной ролью, она не успѣла еще и подумать о томъ, какъ отнесется къ ея подвигамъ Андрей Михайлычъ.

...Да развѣ угадаешь впередъ, когда онъ похвалитъ, а когда разноситъ накинется, какъ сейчасъ?.. Гдѣ у него важное, гдѣ неважное... Что можно себѣ позволить, чего нельзя... А у него это все такъ ясно, даже удивительно! Не задумается ни на минуточку, въ тотъ же мигъ аттестатъ свой выдастъ.

Саша себя всегда зубъ за зубъ отстаиваетъ. Въ первую минуту никогда ни за что не согласится съ нимъ. А какъ только разойдутся въ разныя стороны, такъ и пойдетъ это все колобродить въ умѣ, что онъ наговоритъ ей... И прощай вся радость, и вся гордость! Какъ бы раньше ни нравилось, а ужъ тутъ непремѣнно опротивѣетъ...

За то до смерти любитъ Саша, когда Андрей Михайлычъ ее похваливаетъ,—точно у нея крылья отъ этого выростаютъ! Да вѣдь больше-то кому и похвалить? Ариша точно какъ завидуетъ, мать всего понять не можетъ. Начни-ка съ ними совѣтоваться, такъ далеко уйдешь! За руки держать готовы, а когда удастся, тогда хвалить примутся. Да, пожалуй, что и всѣ такъ! Одинъ Андрей Михайлычъ все по своему повернетъ. Нѣтъ, и онъ тоже ничего не боится, а вотъ... осуждаетъ! Все то у него не довольно честно, да суетно, да вздорно... Трудно съ нимъ.

Но и ему тоже стало досадно на себя. Сколько разъ онъ убѣждался, что рѣзкость ни къ чему не ведетъ съ этой своенравной, самолюбивой натурой... Только бѣда въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ ему рѣшительно негдѣ взять мягкости и выдержки. Душа вся кипитъ возмущеніемъ. Такъ бы взялъ и вытрясъ изъ нея сразу все, что онъ понимаетъ подъ словомъ «труха». Самой опасной операціи не побоялся бы, чтобы отсѣчь на вѣки гниль и заразу...

— Слушайте... вы не обижайтесь—это же глупо! точно вы меня не знаете?—заговорилъ онъ хмуро.—Кабы мнѣ все равно

было, тогда отчего же и не поддакивать? Вы, какъ солнце, вся засвѣтитесь,— сиди, знай, да любуйся! многимъ вѣдь ничего другого и не надо отъ женщины, да развѣ я могу къ вамъ такъ относиться?!

Онъ пустился въ новыя разъясненія, такія же нетерпимыя, рѣзкія и безпорядочныя, и которыя опять не сдѣлали для Саши понятнѣе, какъ могла бы Ариша «выбиться» безъ чьей нибудь помощи? И слушать его ей стало скучно.

Выходитъ, какъ будто ничего и добиваться нельзя. Сиди честно въ своемъ углу, по одежкѣ протягивай ножки .. Что тутъ и проповѣдовать? На это довольно охотниковъ найдется! Нѣтъ! ее такъ вотъ и подмываетъ все впередъ и впередъ. И другихъ хочется толкать да тащить за собою.

— Да ужъ довольно вамъ, право! остановила его дѣвушка нетерпѣливо:—Я думаю, я-то Аришу свою лучше вашего понимаю. И ничего такого не будетъ! Заживутъ какъ нельзя лучше. Ариша упрямая, своего добьется. И гордая, тѣни никакой на себя не положитъ. Ужъ коли она отъ Виктора Николаича своего уйти сумѣла, значитъ, и бояться за нее нечего!

Тутъ, изъ за офицера, они снова столкнулись, да какъ еще! Что только человѣкъ сказать можетъ!!

...Лучше Аришѣ съ этимъ офицеромъ сойтись, чѣмъ замужъ нелюбя продаться. Коли она любитъ барина. значитъ не на содержаніе пойдетъ, а просто свободно жить станутъ, пока любится. Ничего въ этомъ нѣтъ безнравственнаго. Жениться на ней офицеру слишкомъ трудно, и для нея же самой, пожалуй, хуже было бы. А разлюбитъ, броситъ,—такъ развѣ мужъ жену не можетъ разлюбить?..

Сашѣ точно чѣмъ-то виски стиснуло. Вся поблѣднѣвшая отъ негодованія, она страстно отбивалась отъ этой упрощенной морали.

Вѣдь и тамъ, гдѣ до сихъ поръ складывались ея понятія, тоже царитъ упрощенность отношеній, и она б изко знаетъ, къ чему это приводитъ женщинъ. Разница та, что тамъ отсутствуетъ мораль: тамъ царятъ всецѣло эгоистическіе разсчеты и слѣпые инстинкты. Но углубляться до такихъ тонкихъ различій для Саши задача непосильная. Она всѣмъ существомъ своимъ стремилась уйти изъ этого міра случайностей. Подняться туда, гдѣ жизнь получаетъ внѣшнее благообразіе и внутреннюю осложненность, придающую ей ея внушительность.

И всякая попытка развѣнчать это видимое благообразіе прежде всего настраивала ее враждебно.

Ея другъ давно уже почувствовалъ это. Онъ сознавалъ, что съ ней надо обращаться осторожно. По юности и по склонности къ проповѣдничеству, всякое слѣпое поклоненіе передъ формой, все предразсудочное возмущало его и вызывало

на бой. Но дружбу свою съ Сашей онъ берегъ инстинктомъ искренняго чувства; онъ понималъ, что и самъ не выиграетъ и ей не дастъ ничего, кромѣ смуты, навязывая непосильныя задачи..

Но минутами юность брала свое: строгій менторъ увлекался, не могъ «сдержать души» и выпускалъ какой нибудь пробный шаръ. На этотъ разъ шаръ оказался черезчуръ великъ. Саша не знала ужъ, что и наговорить ему. Она готова была раскаяваться, что такъ довѣрчиво сближалась съ нимъ.. Ей казалось, что теперь на вѣки ихъ дружба отравлена... она сама не знала, какой смутный страхъ охватилъ всю душу.

Онъ опомнился. Ему хотѣлось упокоить ее, но не могъ же онъ взять назадъ высказанную мысль! И если бъ даже могъ, то не захотѣлъ бы.

Они разстались взволнованные, хуже чѣмъ въ ссорѣ. Не въ первый ужъ разъ это съ ними случается. Жизнь внезапно ставила ихъ лицомъ къ лицу—точно на краю бездны, гдѣ, какъ въ чудовищномъ котлѣ, кипятъ, сталкиваясь и переворачиваясь, понятія и чувства: все то, съ чѣмъ каждому предстояло вступить въ жизнь... Какъ бы мирно и дружно ни подходили они къ роковому мѣсту, тутъ они всего чаще оказывались на разныхъ берегахъ.

Саша заторопилась домой; студентъ расплатился и они вышли изъ веселой кондитерской, гдѣ имъ такъ недолго было весело. Дорогой они не разговаривали. Саша, какъ вѣтеръ, неслась по троттуару, погоняемая внутреннимъ смятеніемъ; онъ шелъ за ней, мрачный, какъ туча.

Его все сильнѣе смущало то, что столкновеніе произошло на этотъ разъ на такомъ щекотливомъ пунктѣ. Чортъ знаетъ, какія выводы она сдѣлаетъ изъ подобнаго разговора! О такихъ вещахъ нужно говорить до конца, а не такъ сразу цѣлое пугало на нее выпустить! Онъ проклиналъ свое увлеченіе и не зналъ, въ какой формѣ высказать намекъ, который долженъ ее успокоить.

— Да вы хоть проститесь-то со мною!—остановилъ онъ, когда Саша съ разбѣга завернула было въ свои ворота —Я васъ убѣдительно прошу, Сашенька, бросьте, не думайте вовсе объ этомъ разговорѣ! Если бъ вы знали.. вы не знаете, до какой степени вы можете ошибаться на мой счетъ! Вы это скоро узнаете... А пока, пока, сдѣлайте милость за негодяя меня не считайте, оттого что вамъ непонятна моя точка зрѣнія!

Сашу мало интересовали «точки зрѣнія», когда слова звучали такъ пагубно для ея слуха. Она ничего не сказала. Но никакая догадка не освѣтила ея разстроеннаго лица.

— Интересно, сколько времени теперь вы будете донимать

меня погребальными минами? — спросилъ онъ съ кривой усмѣшкой.

— По вашему, мнѣ радоваться, что ли! — разжала, наконецъ, губы Саша.

Онъ безпокойно метнулся къ ней.

— Да ужъ и плакать вамъ не объ чемъ, можете мнѣ повѣрить! Очень нужно было споры заводить! Не видались цѣлую вѣчность... Соскучился по васъ какъ чортъ... Ерунда такая

Въ эту минуту изъ подъѣзда бокового флигеля вышли двѣ женщины и пошли обходомъ по узкому троттуару, направляясь къ воротамъ. Саша поспѣшно сунула на прощанье руку своему спутнику. Мало про нее и такъ сплетничаютъ въ школѣ! Но онъ медлилъ; онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы она обѣщалась никакой чепухи про него не придумывать...

Цѣлый вечеръ потомъ Саша ловила себя, что она въ мысляхъ какъ будто оправдывается передъ кѣмъ-то. Всю исторію опять сначала перебираетъ, точно и такъ не надоѣло еще Богъ знаетъ какъ...

Свадьба Аришина сразу померкла въ ея воображеніи Терпѣть она не можетъ знать, что кто нибудь осуждаетъ ея поступки. Всегда готова передъ всѣми на виду стоять и за свой каждый шагъ отвѣтъ держать. А тутъ развѣ кто нибудь? Тутъ каждое слово такъ и вопьется въ нее, хочетъ она или не хочетъ! Ничѣмъ не сбросить...

Раза два Саша поплакала, короткими приступами, безъ мыслей, съ нетерпѣливой, саднящей болью въ сердцѣ.

XIII.

Въ день ежегоднаго бала медицинскихъ студентовъ генеральская квартира на Фонтанкѣ могла бы навести на любопытныя размышленія какого нибудь охотника до широкихъ обобщеній. На разныхъ концахъ квартиры двѣ дѣвушки собирались на этотъ балъ.

Въ людской, передъ крошечнымъ туалетцемъ, приставленомъ вплотную къ снятой со стѣны лампѣ съ жестянымъ рефлекторомъ—Саша мастерила модную прическу изъ своихъ тяжелыхъ, блестящихъ и гладкихъ волосъ. Правда, она закрутила волосы съ вечера на бумажки, смочивъ ихъ квасомъ по совѣту подруги — но, должно быть, дѣло мастера боится... «Волнъ» никакихъ не вышло, а за день и въ конецъ все разгладилось.

Ариша принесла отъ барышни щипцы въ нѣсколько зубцовъ—но Саша не умѣетъ съ ними обращаться; а Аришу не отпускаютъ изъ комнатъ, гдѣ французъ парикмахеръ причесываетъ Екатерину Николаевну.

Противъ обыкновенія, на этотъ разъ Ариша отнеслась совсѣмъ добродушно къ сборамъ младшей сестры на студенческій балъ; свою розовую шелковую кофточку на нее приладила и теперь вся кипѣла досадой на то, что нельзя урваться изъ комнатъ, чтобы помочь сдѣлать прическу.

Ариша сама на себя дивилась: вотъ же ни чуточки ее и не тянетъ на этотъ балъ! не завидно на Сашу, что ей вдругъ стало можно многое, чего другимъ никакъ нельзя. Куда и дѣвалась вся горечь, бывало, такъ легко вскипавшая по всякому поводу! несносное чувство опаски: точно каждый шагъ впередъ, сдѣланный Сашей, ее еще больше толкаетъ назадъ... Невольно удержать хочется—не пускать...

Теперь зачѣмъ завидовать есть вѣдь и у нея своя судьба. Есть надъ чѣмъ работать, усиливаться, добиваться... Въ рядъ съ сестрой пойдутъ: каждая своей дорогой—да вмѣстѣ!..

Изъ прежнихъ ревнивыхъ ощущеній, полныхъ противорѣчій и тревоги, въ сердцѣ Ариши выростало успокоенное и свѣтлое чувство горячей дружбы къ сестрѣ. Въ это чувство какъ будто влилась и видоизмѣнила его еще посторонняя струйка: струйка иной, обреченной нѣжности... Какъ будто той нѣжности такъ легче было умирать: въ порывахъ чистаго, просвѣтленнаго чувства, гдѣ нѣжность не можетъ быть ни дурной, ни опасной... Даже и въ привязанности къ будущему мужу Саша нужна, необходима Аришѣ. И тутъ она должна что-то пополнить, чего въ этой привязанности не будетъ хватать... Поможетъ—облегчитъ.

Ариша не могла дать себѣ во всемъ отчета, но одно она чувствовала вполнѣ ясно: никогда она такъ не любила Сашу, какъ теперь. Ссориться онѣ больше никогда не будутъ... Ей весело и радостно такъ любить. Не смотря на все неоспоримое превосходство Саши, въ чувствѣ Ариши теперь впервые появлялся оттѣнокъ покровительства старшаго къ младшему.

Въ комнатахъ Екатерина Николаевна. закутанная до горла во что-то бѣлое, сидѣла, вытянувшись передъ большимъ зеркаломъ, и безпокойно слѣдила въ глубинѣ стекла за движеніями пары выхоленныхъ мужскихъ рукъ, ловко распоряжавшихся мутной массой ея волосъ—того тусклаго, неопредѣленнаго оттѣнка, отъ котораго проигрываетъ тонъ кожи и не выигрываютъ цвѣта матерій.

Непривычная прическа все сильнѣе мѣняетъ ее. Катя выбрала прическу по журналу, но теперь съ ужасомъ убѣждается, что она вовсе не идетъ къ ней. замысловатая постройка изъ волосъ удлиняетъ лицо, дѣлаетъ его еще болѣе унылымъ... Старитъ ее...

Дѣвушка волнуется; каждую минуту она дѣлаетъ какое нибудь неопредѣленное замѣчаніе, выводящее изъ терпѣнія фран-

цуза Онъ показываетъ ей картинку: онъ не виноватъ—mademoiselle сама выбрала. Можно причесать по тому или другому образцу онъ знаетъ больше двадцати—но ни одинъ мастеръ не согласится смѣшивать различные жанры. Тогда не выйдетъ никакой прически.

Застѣнчивая Катя не можетъ настаивать. Впрочемъ, она сама не знаетъ, чего собственно требовать, какой жанръ былъ бы ей къ лицу. Ей кажется только, что она бываетъ гораздо интереснѣе въ своей домашней прическѣ, и ее охватываетъ какое-то суевѣрное ощущеніе неудачи. Наконецъ, отъ отчаянія, она перестаетъ думать о томъ, чтобы эта прическа украшала ее; она тоже начинаетъ слѣдить за работой француза, какъ за какимъ-то самостоятельнымъ сооруженіемъ, гдѣ всего важнѣе «выдержать стиль». Отъ напряженія на ея малокровномъ лицѣ, на худой шеѣ выступаютъ пятна; въ кожѣ появляется зудъ, въ вискѣ летучая сверлящая боль...

Въ гостиной на роялѣ разложено бальное платье, шелковое съ газомъ, блѣдно палевое съ голубымъ. Генеральша рѣшила сдѣлать дорогой туалетъ, который могъ бы остаться въ приданое.

Звѣздочкинъ объяснился нѣсколько дней тому назадъ. Обѣдалъ у нихъ; Катя отъ стола увела его въ свою комнату. Мать у себя легла на кровать и, уныло затихнувъ, ждала, будетъ ли сегодня конецъ... И думала о судьбѣ.

Вся семья ждала этой минуты—и никто не радовался. Съ каждымъ днемъ росло не то угнетеніе, не то смущеніе... точно передъ сомнительнымъ поступкомъ, котораго избѣжать нельзя. Состоялось безмолвное соглашеніе, и остается только пассивно отдаться теченію...

Матери обидно за свою Катю. Безформенныя и именно потому все да такія пышныя дѣвическія надежды подтаивали по каплѣ... годъ за годомъ, день за днемъ... Какъ гора снѣга таетъ незамѣтно для глаза

Съ Катей только въ самомъ началѣ было нѣсколько разговоровъ, короткихъ, оборванныхъ... Она такъ страдала, что, очевидно, всѣ слова были излишни и безсмысленно жестоки.

Мужчины—отецъ и Викторъ—находили, что тутъ не можетъ быть вопроса. Всѣмъ хотѣлось только поскорѣе проскользнуть черезъ предварительную процедуру ухаживанія и сватовства, вырисовывавшую положеніе съ такой досадной отчетливостью. Послѣ свадьбы—а! сдѣлайте одолженіе!—тогда будетъ совсѣмъ другой разговоръ...

Викторъ Николаевичъ, одѣтый по бальному, но очень кислый, ждалъ въ гостиной въ обществѣ одного только бальнаго платья. Онъ явился съ каретой, чтобы везти сестру въ дворянскій залъ. Весь этотъ балъ злилъ его. Прекрасное платье на

роялѣ точно дразнило. Онъ зналъ, что Катя будетъ въ этомъ туалетѣ неудачна, гораздо хуже обыкновеннаго, и не понималъ ея желанія разыгрывать ingénue, въ парѣ съ семнадцатилѣтней институткой.

Братъ точно заранѣе боялся подмѣтить какой нибудь такой взглядъ Звѣздочкина, отъ котораго ему захочется схватить своего пріятеля Петьку за плечи и крикнуть въ это упитанное и добродушно-лукавое розовое лицо: крикнуть, что онъ не стоитъ мизинца смѣшно влюбленной дѣвушки, со своими грошовыми разсчетами въ двадцать два года, со своими наивно-подловатыми пріемами ласковаго теленка.

Вообще за послѣднее время Викторъ Николаевичъ чувствовалъ себя точно приподнятымъ нравственно: какъ бы то ни было, а онъ еще не дошелъ до того, чтобы расцѣнить свою особу въ два десятка тысченокъ, хоть проклятые долги и его донимаютъ все сильнѣе, а возможность изворачиваться предательски сокращается. Ба! это не помѣшало ему обѣщать Аришѣ модную мастерскую, если бъ эта дурочка захотѣла бросить для него жениха! Зрѣлище чужой трусости передъ жизнью наполняло веселаго поручика благороднымъ волненіемъ, которое онъ называетъ вѣрой въ свою звѣзду.

Наконецъ, Ариша въ послѣдній разъ пробѣжала изъ кухни съ горячими щипцами, и французъ кончилъ свое дѣло. Сейчасъ въ залѣ начнется важная процедура надѣванія бальнаго платья.

Офицеру пришлось перебраться въ столовую. Но и тамъ тоже изъ кухни доносилась какая-то возня, голоса, восклицанія, перебѣганія...

Наконецъ, Авдотья вошла въ столовую, пробралась до двери и стала возбужденнымъ шопотомъ вызывать изъ гостиной Аришу.

Викторъ Николаевичъ отъ скуки заглянулъ мимоходомъ въ неплотно притворенныя двери—и, какъ бомба, въ одинъ мигъ пролетѣлъ дальше.

Саша была готова. Она стояла по серединѣ кухни и въ нерѣшимости поворачивала въ рукахъ бутоньерку изъ живыхъ цвѣтовъ, только что поднесенную ей нареченнымъ зятемъ.

Афанасій Ивановичъ забѣжалъ полюбоваться на сестрицу; проходя мимо цвѣточнаго магазина, онъ вдругъ ощутилъ ревнивое желаніе отличиться передъ своими прекрасными барышнями. Теперь награда сіяла на лицѣ Афанасія Ивановича—эффектъ подарочка превзошелъ всѣ его ожиданія.

Саша колебалась, приколоть ли цвѣты на плечо, или въ волосы, какъ настаивала Авдотья.

Викторъ Николаевичъ сталъ безцеремонно выражать свои восторги...

... Скажите, пожалуйста, когда это Сашенька успѣла превратиться въ настоящую красавицу?!

Старательно причесанная и перетянутая, она выходила изъ гладкой черной юбочки роскошнымъ розовымъ букетомъ, со своими пышными плечами, высокой грудью и сіяющей головкой.

— «Вотъ бы на кого бальное-то платье надѣть! небось, тутъ декольте не чета оконному переплету моей сестрицы!» — подумалъ Викторъ, разглядывая дѣвушку разгоравшимися глазами.

Саша сконфуженно попросила барина такъ не шутить.

— Какія шутки, помилуйте! — настоящая роза махровая! Смотрите, вы у сестры жениха не отбейте. Оно всегда вѣдь съ цвѣточковъ начинается... ха-ха!

Баринъ фамильярно кивнулъ на солиднаго человѣка въ пальто, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ. Онъ пожелалъ знать, куда это Сашенька такъ расфрантилась.

— Въ театръ, что ли?

Такое скромное предположеніе задѣло Сашу. Она казалась себѣ въ эту минуту несравненно великолѣпнѣе.

— Нѣтъ-съ, не въ театръ. А должно быть такъ, что туда же, куда и ваше благородіе изволите собираться съ сестрицею.

Это отчеканилъ въ отвѣтъ Афанасій Ивановичъ. И съ особеннымъ удовольствіемъ.

Викторъ вопросительно посмотрѣлъ на Сашу, но въ эту минуту въ кухню вбѣжала Ариша, какъ человѣкъ, которому остается жить всего нѣсколько минутъ.

— Гдѣ?.. что?.. покажите!!.

Съ видомъ знатока и съ апломбомъ будущей закройщицы, Ариша выхватила у Саши цвѣты; приложила сначала къ груди, потомъ приставила къ узлу волосъ, а сама вся перекинулась назадъ, чтобы лучше судить.

— Такъ, такъ! прикалывайте въ волосы! — вмѣшался неожидано Викторъ Николаевичъ.

Онѣ еще колебались. Тогда баринъ подошелъ, нетерпѣливо взялъ у Ариши цвѣты, отбросилъ на полъ стекляшку и приложилъ ихъ по своему къ блестящей черной головкѣ.

— Шпилекъ давайте! Такъ будетъ хорошо.

Такъ оригинально начался для Саши этотъ знаменательный вечеръ.

Андрей Михайловичъ ждалъ ее у воротъ. Тутъ же стояла карета молодого барина. Сердце дѣвушки радостно дрогнуло: жизнь раздвигала передъ нею одну изъ своихъ перегородокъ...

XIV.

Растерянность Саши длилась недолго, всего нѣсколько минутъ, пока они поднимались среди толпы по ярко освѣщенной лѣстницѣ, и она ловила въ зеркалахъ какую-то смутную ро-

зовую тѣнь и не была увѣрена—дѣйствительно ли это она... и не знала, какъ держать руки въ бѣлыхъ перчаткахъ, отъ которыхъ руки сдѣлались большія и неловкія.

Саша сразу почувствовала себя гораздо спокойнѣе, какъ только поднялась наверхъ по узенькой лѣсенкѣ, оставивъ въ сторонѣ блестящій залъ, съ ослѣпительными люстрами, бѣлыми колоннами, красными скамейками и гудящей тысячной толпой. На хорахъ было не такъ свѣтло и была почти одна молодежь. Женщины не особенно нарядны, а среди студентовъ Саша чувствуетъ себя совсѣмъ свободно. Андрей Михайловичъ усадилъ свою даму въ первомъ ряду, гдѣ такъ удобно смотрѣть внизъ,—въ свѣтлую бездну, откуда поднимаются кверху волны свѣта, красокъ и звуковъ.

Концертное отдѣленіе длилось долго и не сдѣлало на Сашу ожидаемаго впечатлѣнія. Андрей Михайловичъ считалъ своей обязанностью все время давать разъясненія, близко пригибаясь къ розовому шелковому плечу чтобы не безпокоить сосѣдей. Онъ пустилъ въ ходъ всѣ свои музыкальныя познанія, но этотъ непрерывающійся потокъ незнакомыхъ словъ и чужихъ именъ только мѣшалъ слушать и утомлялъ Сашу. Раза два онъ поймалъ, какъ она зѣвнула, и долженъ былъ убѣдиться, что въ оцѣнкѣ голосовъ, льющихся съ эстрады, его дама руководствовалась исключительно однимъ соображеніемъ: у кого выходитъ громче.

Андрей Михайловичъ обожаетъ музыку. Въ первый разъ еще онъ испытывалъ нѣкоторое раздраженіе передъ такимъ отсутствіемъ впечатлительности.

Сашѣ казалось, что перепонки въ ушахъ могутъ лопнуть отъ грохота аплодисментовъ; а имъ все еще мало, каждаго насильно повторять заставляютъ! Казалось, что это никогда не кончится. Сидѣть неподвижно слишкомъ три часа и только слушать—привело ее въ томительное оцѣпенѣніе. Она сразу ожила, когда толпа вокругъ заволновалась и загудѣла.

Въ антрактѣ студентъ отвелъ свою даму внизъ, въ буфетныя залы, гдѣ отъ тѣсноты люди двигались плечо къ плечу и видны были одни головы и бюсты. Онъ взялъ приступомъ уголокъ какого-то стола и принесъ Сашѣ стаканъ чаю. Она ждала его встревоженная, такъ долго онъ проходилъ за нимъ.

— Ну, вотъ... а я думала, что вы потерялись!—улыбнулась она ему съ облегченіемъ.

— Я-то не потеряюсь!—вотъ вы отсюда никуда не извольте шевелиться Я сейчасъ!

Онъ опять нырнулъ въ толпу. Саша жадно разглядывала проплывавшихъ мимо женщинъ. Она вообразила себѣ, что на балу всѣ должны быть какъ нибудь невѣроятно нарядны и

красивы; теперь чувствовала себя разочарованой—безъ всякой непріятности... Все оказывалось гораздо проще, легче, пріятнѣе! Даже совершенно несомнѣнно, что *на нее* много смотрѣли. По выраженію лицъ, по долетавшимъ словамъ видно, что она замѣтна въ этой огромной толпѣ.

Викторъ Николаевичъ былъ правъ: двѣ живыя розы въ волосахъ оттѣняли еще ярче ея удивительную свѣжесть и жизненность. Ничто такъ не украшаетъ женщинъ, какъ цвѣты, но мода всесильна; въ цѣломъ морѣ женскихъ головокъ не было видно цвѣтовъ, и увѣнчанная двумя розами высокая, цвѣтущая дѣвушка у стола невольно каждому бросалась въ глаза.

«Махровая роза»!—вспомнилось вдругъ восхищенное восклицаніе молодаго барина, и Саша вся зардѣлась подъ пристальнымъ взглядомъ какого-то высокаго инженера.

Инженеръ сказалъ что-то, улыбаясь, своему штатскому сосѣду. Дойдя до конца комнаты, пріятели повернули обратно, и минуты черезъ двѣ опять смотрѣли на Сашу и улыбались... Когда Андрей Михайловичъ вернулся съ буттербродами—инженеръ проходилъ мимо стола въ третій разъ.

Сашѣ вдругъ показалась, что онъ сейчасъ заговоритъ съ нею. Откуда-то изъ самой глубины поднимались теплыя и трепетныя волны безотчетнаго веселья и искрились влажнымъ блескомъ въ широко-раскрытыхъ прозрачныхъ глазахъ.

— Какъ жарко! уйдемте отсюда!—позвалъ ее безпокойно студентъ.

Ему вдругъ что-то не понравилось въ выраженіи ея лица. Ему необходимо очень серьезно поговорить съ ней.

Они вернулись на хоры, гдѣ было разсѣяно только нѣсколько уединенныхъ парочекъ. Внизу натирали паркетъ и гремѣли, точно ружейные залпы, ряды связанныхъ на палкахъ стульевъ, ловко вскидываемыхъ на эстраду. Посреди эстрады военные музыканты устанавливали свои пюпитры. Люстры сіяли тусклѣе сквозь поднятую пыль. На хорахъ казалось свѣжо послѣ душныхъ маленькихъ залъ, гдѣ стѣснилась вся толпа.

— Сядемте—все равно куда! Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ,—приступилъ къ разговору Андрей Михайловичъ.

Лицо у него было серьезное, голосъ странный, какого Саша никогда еще не слыхала. Она тревожно взглянула на него. Неужто опять примется отчитывать ее за Аришу? Нашелъ время!. Однако, она не рѣшилась ничего сказать и только тихонько вздохнула. Онъ сейчасъ же насторожился.

...О чемъ она?—устала?—ей не весело??

...Господи!—не весело!!. Саша принялась горячо благодарить за балъ, радостно и благодарно взглядывая на него.

Кажется, это еще больше мѣшало приступить къ разговору. Онъ вдругъ оказался такимъ тяжеловѣснымъ, сложнымъ и жуткимъ. Вдругъ жаль стало согнать радостное сіяніе съ розоваго лица. Какой-то смутный страхъ пропо зъ по горячему сердцу, точно прикосновеніе чего-то холоднаго...

Между тѣмъ на хорахъ прибывала публика. Уединенныя парочки смѣшались съ шумно разсаживавшимися и весело болтавшими группами. Молодой смѣхъ звенѣлъ на всѣхъ концахъ. Внизу грянулъ оркестръ. По пустому еще залу весело носились группы студентовъ, волновались распорядители съ бѣлыми бантами, на красныхъ скамейкахъ зрители спѣшили занять мѣста.

Балъ закипалъ.

Андрей Михайловичъ опомнился: какъ могъ онъ думать, что въ эту минуту возможны серьезные разговоры! Получивъ отъ Саши отвѣтъ невпопадъ, онъ весело разсмѣялся и вскочилъ на ноги.

— Идемте плясать! Слышите?—начинается!.. Когда устанете, тогда вернемся сюда разговаривать.

. . . .

Но вернулись они на хоры только къ концу бала.

Саша танцовала—Богъ ужъ одинъ знаетъ какъ! Ее упрашивали, тащили, и ей самой страстно хотѣлось. Она танцовала что-то такое, что она называла «простымъ вальсомъ»... Ей оттого было ничуть не меньше весело. Кучка знакомыхъ студентовъ съ безобиднымъ смѣхомъ передавала ее съ рукъ на руки; Андрей Михайловичъ не отходилъ отъ нея ни на шагъ, совсѣмъ не танцовалъ съ другими. Въ толпѣ Саша видѣла мелькомъ Екатерину Николаевну, въ ея прелестномъ платьѣ и высокой прическѣ надъ напряженнымъ, жалкимъ лицомъ. Видѣла Виктора Николаевича, откровенно хохотавшаго надъ ея импровизированнымъ вальсомъ, и чужого инженера, преслѣдовавшаго ее краснорѣчивыми взглядами.

...Такъ вотъ какіе бываютъ настоящіе балы!—вотъ какъ веселятся всѣ эти избранницы—блѣдныя, вялыя, усталыя, малокровныя петербургскія барышни. Пульсъ Саши билъ сто двадцать ударовъ; въ головѣ стоялъ сладкій чадъ...

Въ томъ же чаду она снова очутилась на хорахъ—далеко гдѣ-то, въ самой глубинѣ. И началось объясненіе...

Впрочемъ, онъ говорилъ нескладно, страшно волнуясь, долго. Это дало ей возможность сколько нибудь собраться съ мыслями.

Андрей Михайловичъ хотѣлъ выяснить совершенно свои взгляды на бракъ и хотѣлъ изгладить фальшивое впечатлѣніе, какое должно было остаться у Саши отъ ихъ послѣдняго спора. Предварительно между ними должно быть до конца

понятно и выяснено что-то главное, основное... Что-то, къ его отчаянію, не укладывавшееся въ немногихъ простыхъ словахъ.

...Какъ тутъ поймешь, коли въ однихъ случаяхъ Андрей Михайлычъ признаетъ бракъ—а въ другихъ отрицаетъ! Но говорилъ онъ больше о любви;—и опять такъ, какъ не умѣетъ ее понимать Саша. Его любовь кажется Сашѣ слишкомъ строгой, нерадостной и мудреной... Кажется черезчуръ большой. Та любовь, которую Саша понимаетъ, несравненно проще, свѣтлѣе и скромнѣе.

Андрей Михайлычъ чѣмъ-то ужасно огорчается. Должно быть тѣмъ, что, какъ бы внимательно Саша ни слушала ему въ угоду—въ глазахъ ея онъ читаетъ, что ея мысли идутъ своимъ путемъ. О, да! онъ огорченъ... Но онъ не можетъ помириться съ этимъ, не въ силахъ допустить этого,—а въ такихъ случаяхъ всегда открываются внезапно какія нибудь новыя, невѣдомыя тропинки... По этимъ тропинкамъ можно пуститься въ обходъ большой дороги, загроможденной препятствіями.

— Не ясно? нѣтъ? Ну не бѣда! Не все вдругъ...—утѣшаетъ онъ себя, неистово потирая туго свернутымъ носовымъ платкомъ свой высокій, мокрый лобъ.

Она это называетъ «ссориться»—съ какой стати такая пошлость?! Не ссориться, а, какъ говоритъ Щедринъ—«другъ о друга околачиваться».—Все равно, безъ этого двумъ людямъ не сжиться.

— Надо только одно: чтобы вы мнѣ вѣрили! Вѣрите вы, что я не собираюсь какое-то превосходство, что ли, разыгрывать? Совсѣмъ напротивъ! Я хочу, чтобъ вы сами—сами дошли до моихъ точекъ во всемъ... И дойдете! я помогу вамъ! Вы о многомъ совсѣмъ еще не думали. Это гораздо лучше, чѣмъ засорять себѣ мозги готовой трухой!

Саша слушала молча. Лицо ея легонько дрожало, точно она удерживается, чтобы не заплакать. Она стала блѣднѣе. Одна изъ розъ упала во время танцевъ, другая свернулась и жалобно повисла надъ ухомъ. Внизу музыка гремитъ не такъ уже весело издали. сквозь стоящій надъ залой смѣшанный гулъ движенія и криковъ.

Саша смущена, но она не предчувствуетъ, какое слово другъ ея скажетъ сейчасъ. Кажется, что рѣчь идетъ о чемъ-то туманномъ, далекомъ, отчего сладко и грустно волнуется ея душа...

Онъ сказалъ. Дѣвушка безсознательно вскочила на ноги—точно хотѣла бѣжать.

— Что вы!.. что вы!.. развѣ возможно!?—зашептала она трепетно.

Можно подумать, что она вовсе и не рада. Онъ сказалъ,

что имъ надо теперь же обвѣнчаться, чтобы не тратить силъ напрасно на какую-то нелѣпую борьбу. Чтобы все это сгладилось легко, само собою, въ ихъ счастьѣ...

Надо. Точно рѣчь шла о чемъ-то предрѣшенномъ безповоротно—какъ будто иначе не могло и быть. Онъ именно такъ это чувствовалъ.

Онъ заставилъ Сашу сѣсть опять на скамейку и спросилъ просто—любитъ ли она его?

— Да мало ли что люблю—развѣ въ этомъ дѣло?!—воскликнула она тоскливо.

— О, да-да-да—только въ этомъ все дѣло!!.

То былъ ликующій крикъ страсти. Но въ смятенной душѣ дѣвушки росла тревога... Саша не стала увѣрять его въ своей любви.—Какъ объ этомъ говорить? и зачѣмъ?.. Онъ и самъ знаетъ. Этого просто не могло не быть. Ее это вполнѣ удовлетворяло.

Саша стала говорить о жизни.

— Никогда никто вамъ не позволитъ жениться на кухаркиной дочери! Не одинъ же вы какъ перстъ на свѣтѣ?!

...Ну, хорошо, хорошо!.. Пусть онъ ни на кого не поглядитъ—съ родными поссориться не побоится—да самъ-то онъ что будетъ чувствовать?!. Вѣдь мать она ей! Сыномъ его звать будетъ... Безграмотная.

Полгода тому назадъ, послѣ блестяще выдержаннаго экзамена Саша, поддразнивая Аришу, твердила, что замужъ она пойдетъ не иначе какъ за студента. Теперь она отбивалась въ страхѣ. Она видитъ жизнь цѣликомъ, какъ рисуется она въ ея несложныхъ понятіяхъ, и собственныя чувства безсильны заслонить хоть на мигъ эту строгую картину... Для такихъ чувствъ въ ея душѣ нѣтъ мѣста.

— Ты не любишь!.. Не любишь!!.—восклицалъ онъ въ отчаяніи.

Увѣрять его Саша опять не стала. Поглядѣла на него съ тоской.

— Не знаю... Можетъ быть не такъ люблю! Вамъ лучше знать, какая вамъ любовь нужна.

— Саша!.. какъ ты говоришь это?!. Ты соглашаешься?..

Она покраснѣла.

— Не соглашаюсь я вовсе! да какъ же мнѣ спорить съ вами?.. Я вѣдь не барышня, любви расписывать не умѣю. Сами знаете... Къ чему же тогда и допрашивать?.. Только напрасно мучаете!.. Кого же мнѣ любить, коли не васъ?.. Знаете сами.

Опять они чувствовали по разному. Нѣтъ, онъ не хотѣлъ вовсе ее мучить... Хотѣлось насладиться словами—музыкой любви—всѣмъ, что въ нашихъ понятіяхъ составляетъ ея сіяющій и благоуханный ореолъ...

Но у Саши нѣтъ такихъ словъ—и пожалуй, никогда ихъ у нея не будетъ Ея любовь не тепличный роскошный цвѣтокъ—это простой актъ жизни, какъ и всѣ ея чувства. Любовь будетъ сливаться съ жизнью, воплощаясь во всѣхъ ея мельчайшихъ дѣлахъ и заботахъ. Не будетъ она ни лежать роковымъ баластомъ на сердцѣ, ни витать надъ жизнью самодовлѣющимъ идеаломъ. Черезчуръ безплотнымъ, въ которомъ часто таятся зародыши всѣхъ разочарованій. Андрей Михайлычъ любитъ ее и, Саша будетъ счастлива. Если бъ онъ не любилъ – они оставались бы друзьями, и она не была бы несчастна.

Двадцатишести-лѣтнему философу, отважно шагавшему черезъ всѣ условности и предразсудки, казалось, что и онъ понимаетъ любовь точно также «трезво», серьезно, безъ всякой распаленности воображенія. Очень искренно казалось.

...Но, вотъ, однако, въ эту минуту ему не хватаетъ привычныхъ звуковъ, знакомыхъ красокъ. Не хватаетъ *словъ*, хоть онъ знаетъ и вѣритъ, что Саша любитъ его,—какъ знаешь, не спрашивая, не размышляя... Какъ читаешь въ раскрытомъ безпомощномъ взорѣ, въ голосѣ, звучащемъ впервые для собственнаго слуха этими новыми, невѣдомыми колебаніями...

Вопросъ долженъ быть рѣшенъ теперь же; прежде чѣмъ они спустятся съ опустѣвшихъ хоръ громаднаго зала, гдѣ замирали послѣдніе взрывы бала.

Саша его любитъ. Онъ этого хочетъ. Она не можетъ сопротивляться ему.

— А вы потомъ не пожалѣете?!. Никогда не пожалѣете?— допрашивала дѣвушка, строго заглядывая въ самую, самую глубину влюбленныхъ глазъ.

Внизу упорно звенѣлъ колокольчикъ. Они были одни на хорахъ. Вмѣсто всякаго отвѣта, онъ привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ губы.

— О, тогда,—тогда надо только ждать, когда вы кончите!— зашептала Саша прерывающимся отъ счастья голосомъ:—И мнѣ вѣдь тоже... Калинкинскіе курсы два года—такъ вы, значитъ, еще раньше меня кончите! . . . .

Рѣшеніе, продиктованное житейской мудростью. И вся его пылкая любовь должна была разбиться объ него, какъ разбиваются могучія живыя волны о неподвижный и холодный утесъ.

Саша рѣшила ждать. Она не хочетъ сворачивать съ своего пути.

Ольга Шапиръ.

Земля и капитализмъ.

IV.

Выше или ниже норма прибыли въ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности? Прежде всего разсмотримъ главный факторъ, регулирующій норму прибыли—норму прибавочной стоимости. Норма прибавочной стоимости зависитъ отъ интенсивности труда, которая въ свою очередь опредѣляется состояніемъ техники въ данной промышленности. Техника вліяетъ на промышленность двоякимъ образомъ: съ одной стороны, совершенствуя такъ называемую рабочую машину, она увеличиваетъ производительность труда, а съ другой, замѣняя живого двигателя механическимъ и совершенствуя его, она поднимаетъ напряженность труда и при этомъ дѣлаетъ его болѣе равномѣрнымъ во все продолженіе рабочаго дня. Капиталистическая промышленность всѣмъ своимъ могуществомъ обязана именно механическому двигателю. Пока работа ткацкаго станка зависѣла отъ усердія рабочаго, который могъ по собственному усмотрѣнію или въ зависимости отъ строгости надзора дѣлать въ минуту 30 и 40 оборотовъ, она не могла выйти изъ извѣстной средней нормы, опредѣляемой среднимъ усердіемъ и средней способностью рабочаго. Иначе при механическомъ двигателѣ. Работу станка опредѣляетъ теперь не рабочій, а механизмъ; рабочій долженъ поспѣть за нимъ во что бы то ни стало, или онъ будетъ выброшенъ изъ фабрики, какъ негодная тряпка. «Въ мануфактурѣ и ремесленномъ производствѣ инструменты служатъ рабочему; на фабрикѣ же рабочій служитъ машинѣ. Тамъ движеніе средствъ производства исходитъ отъ него; здѣсь же онъ долженъ слѣдить за нимъ. Въ мануфактурѣ рабочіе образуютъ члены живого организма. На фабрикѣ же существуетъ мертвый механизмъ, отъ рабочаго независимый, къ которому рабочій присоединенъ какъ живой придатокъ» *). Таково вліяніе техники въ обрабатывающей промышленности.

Этого вліянія мы въ сельскомъ хозяйствѣ не находимъ. Та рабочая машина, которая произвела переворотъ въ обрабатывающей

---

*) «Капиталъ», т. I, стр. 370 (изд. 2-е).

промышленности, явилась слѣдствіемъ наивысшаго раздѣленія, а потому и наивысшаго усовершенствованія труда. Она тамъ призвана была замѣнить трудъ—не простой, а улучшенный сначала кооперацiей, а потомъ раздѣленіемъ труда,—трудъ десятковъ и сотенъ рабочихъ, представлявшихъ собою въ совокупности первообразъ одной рабочей машины. Въ земледѣліи раздѣленія труда не было и нѣтъ; здѣсь даже простое сотрудничество въ рѣдкихъ случаяхъ играетъ какую нибудь роль. Одинъ и тотъ же земледѣлецъ приготовляетъ землю для обработки, самъ ее обрабатываетъ. самъ слѣдитъ за ростомъ хлѣбовъ, самъ убираетъ хлѣбъ, самъ молотитъ его, даже самъ доставляетъ на рынокъ. И эта самоличность во всѣхъ работахъ для него возможна и даже обязательна, если онъ хочетъ посвятить хозяйству наибольшее число рабочихъ дней, потому что когда возможна одна изъ перечисленныхъ операцій, невозможна ни одна изъ другихъ, и занимайся онъ, напримѣръ, только обработкой почвы или только уборкой хлѣбовъ. хозяйство отнимало бы у него незначительную часть сельско-хозяйственнаго рабочаго времени. Единственное что въ сельскомъ хозяйствѣ возможно, это простое сотрудничество, да и оно возможно не при всѣхъ операціяхъ и не имѣетъ особенно ощутительныхъ выгодъ. Поэтому и усовершенствованіе орудій труда возможно здѣсь только въ очень слабой степени; такъ называемыя рабочія машины крайне просты. даютъ весьма ограниченное повышеніе производительности труда и притомъ относительно очень дешевы. Это послѣднее обстоятельство въ особенности невыгодно для развитія капитализма въ земледѣліи. Значеніе усовершенствованной машины для капитализма заключается не въ томъ только, что она увеличиваетъ производительность труда, но и въ томъ, что она доступна только капиталисту, а не мелкому производителю. Разъ машина доступна и послѣднему, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ усовершенствованные плуги, сѣялки и даже молотилки,— то увеличенная производительность труда вся уходитъ на удешевленіе товарныхъ цѣнъ, не производя никакого дѣйствія на прибавочную стоимость. Еще хуже обстоитъ въ сельскомъ хозяйствѣ съ механическими двигателями. Выгодность парового двигателя прямо пропорціональна суммѣ поставляемой имъ рабочей энергіи. Но высокосильный двигатель требуетъ или весьма сложной рабочей машины или цѣлой системы болѣе простыхъ рабочихъ машинъ. Что сельско-хозяйственныя рабочія машины относятся къ простѣйшимъ, мы только что говорили. Что касается соединенія двигателя съ цѣлой системой машинъ, то въ сельскомъ хозяйствѣ это не мыслимо, такъ какъ дѣятельность двигателя должна была бы въ такомъ случаѣ охватывать сотни десятинъ. Вообще разстояніе—это то зло, которое является въ сельскомъ хозяйствѣ важнымъ препятствіемъ въ дѣлѣ эксплоатаціи механическихъ двигателей. Никакіе передаточные механизмы не могутъ побороть этого зла, и потеря полезной силы, при эксплоатаціи въ сельскомъ хозяйствѣ

парового двигателя, достигаетъ такой громадной величины, о которой обрабатывающая промышленность и понятія не имѣетъ. Прибавьте къ этому, что двигатель въ сельскомъ хозяйствѣ не можетъ стоять въ закрытомъ помѣщеніи, такъ что на увеличеніе расходовъ на топливо вліяетъ дѣйствіе атмосферы на цилиндръ машины и котелъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, почему даже лучшее открытіе сельско-хозяйственной техники, паровой плугъ, постигла печальная участь — остаться на всегда предметомъ сельско хозяйственной роскоши.

Если техника въ сельскомъ хозяйствѣ не участвуетъ въ образованіи прибавочной стоимости, то, очевидно, норма прибавочной стоимости въ сельскомъ хозяйствѣ исключительно зависитъ отъ длины рабочаго дня и величины заработной платы. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ бы рабочій день ни былъ великъ, а заработная плата низка, эта элементарная форма образованія прибавочной стоимости никогда не дастъ тѣхъ результатовъ, которыхъ достигаетъ обрабатывающая промышленность, благодаря усовершенствованіямъ техники, при умѣренномъ рабочемъ днѣ и нормальной заработной платѣ. По этому то, не смотря на то, что наемный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ находится въ крайне тяжелыхъ условіяхъ, капиталъ всетаки не считаетъ себя удовлетвореннымъ. Для характеристики положенія сельско-хозяйственнаго рабочаго, интересно отмѣтить слѣдующее. Какъ извѣстно, переходъ кустаря изъ собственной мастерской на фабрику сопровождается нѣкоторымъ улучшеніемъ его матеріальнаго состоянія, которое въ извѣстной степени вознаграждаетъ его за потерю независимости. Наоборотъ, въ сельскомъ хозяйствѣ потеря независимости сопровождается еще ухудшеніемъ матеріальнаго состоянія. Земскій врачъ Н. Тезяковъ, *) отмѣчая фактъ сильной заболѣваемости въ средѣ наемныхъ сельско хозяйственныхъ рабочихъ, объясняетъ его тѣмъ, что «во бще рабочіе лишены тѣхъ удобствъ, которыми пользуются крестьяне, трудящіеся надъ своимъ клочкомъ земли». Что значитъ быть лишеннымъ тѣхъ удобствъ, которыми пользуются крестьяне»,—это не трудно понять. Это значитъ до крайности изнурительная работа, плохое питаніе, скверное жилище и т. д., и т. д.

Почему-то существуетъ мнѣніе, что въ сельскомъ хозяйствѣ не можетъ быть вопроса о нормальномъ днѣ. Откуда взялось это мнѣніе, безразлично, но оно безусловно ошибочно. По даннымъ анкеты, снаряженной нѣмецкимъ обществомъ соціальной политики (которая, кстати сказать, въ своей умѣренности дошла до того, что ограничилась опросомъ однихъ работодателей), рабочій день въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи продолжается лѣтомъ отъ восхода солнца до заката или отъ 5 и 4 часовъ утра до 9 и 9½ часовъ вечера. Это

*) Н. И. Тезяковъ. Сельско - хозяйственные рабочіе въ Херсонской губ. Херсонъ, 1896, стр. 112.

называется обязательнымъ рабочимъ днемъ. Кромѣ того, во многихъ мѣстностяхъ хозяева скромно отмѣчали фактъ существованія у нихъ сверхурочной работы (очевидно, послѣ 9—9½ часовъ вечера) и работы по воскресеньямъ и праздникамъ. Такъ работаютъ одинаково и взрослые, и дѣти *)... Въ Англіи, гдѣ борьба за нормальный рабочій день длится въ обрабатывающей промышленности уже около полустолѣтія, «дѣйствительный рабочій день (въ сельскомъ хозяйствѣ) колеблется между 9 и 10½ часами въ сутки лѣтомъ и 8 и 9 часами зимой. Номинальный на 1—1½ часа выше... Разстоянія рабочихъ жилищъ отъ мѣста работы нельзя опредѣлить, такъ какъ одни жилища близки, другія далеки, такъ что нельзя учесть и время, потребное на ходьбу. Въ скотоводческихъ мѣстностяхъ запада рабочій день... нѣсколько длиннѣе... Въ Валисѣ рабочій день длиннѣе, чѣмъ въ Англіи: 10½ — 11½ (номинальный, значитъ, 11½—13 ч.) часовъ лѣтомъ, а зимній отъ восхода до заката солнца» **)... Даже въ Соединенныхъ Штатахъ рабочій день въ сельскомъ хозяйствѣ продолжается отъ 6 часовъ утра до 7 часовъ вечера ***). Значительно продолжительнѣе рабочій день въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Въ Херсонской губерніи «рабочій день экономическихъ рабочихъ начинается съ ранняго утра, часто до восхода солнца, и продолжается до поздняго вечера... Какъ исключеніе, въ очень жаркіе дни въ нѣкоторыхъ экономіяхъ днемъ на нѣсколько часовъ работы прекращаются, пока не спадетъ дневной жаръ; время, потерянное днемъ, наверстывается тогда ночными работами, часто при искусственномъ освѣщеніи (факелами)...» ****). Чрезмѣрно длинный въ сельскомъ хозяйствѣ рабочій день, особенно лѣтомъ, сопровождается весьма изнурительной работой. «Всѣ сельскія работы производятся подъ открытымъ небомъ, въ жаркое время, слѣдовательно, подъ постояннымъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца, дѣйствіе которыхъ, отражаясь на измѣненіи въ кровообращеніи мозга, часто вызываетъ у рабочихъ мозговыя заболѣванія (insolatio), рѣзкія и столь частыя температурныя колебанія обусловливаютъ такъ частыя въ средѣ рабочихъ ревматическія заболѣванія и пораженія дыхательныхъ органовъ. Помимо этихъ общихъ условій, при которыхъ сельско-хозяйственный рабочій исполняетъ свои обязанности, на его здоровьѣ вредно отражаются нѣкоторыя сельско-хозяйственныя работы, каковы работы при конныхъ и паровыхъ молотилкахъ, при которыхъ, помимо частыхъ травматическихъ поврежденій, отъ постояннаго пребыванія рабочихъ въ пыли, заболѣваютъ неизбѣжно глаза

---

*) Die Verhältnisse der Landarbeiter in Deutschland, Leipzig, 1892.

**) W. Hasbach, Die englische Landarbeiter, Leipzig, 1894, стр. 364 и 375.

***) H. Semler. Die Wahre Bedeutung d. nord-amerikanischen Conkurrenz, 1881, стр. 109.

****) Н. Тезяковъ, стр. 92.

и часто дыхательные органы... На долю полурабочихъ женщинъ и мальчиковъ приходятся болѣе пыльныя, а слѣдовательно и болѣе вредныя для здоровья работы. Самая трудная и опасная работа— «барабанщиковъ», т. е. тѣхъ, которые непосредственно кладутъ снопы въ барабанъ. Изъ барабана прямо въ глаза барабанщикамъ бьетъ крупная растительная пыль, отдѣляющаяяся отъ измельчаемыхъ колосьевъ; такая же пыль, но уже болѣе мелкая, поднимается снизу молотилки изъ подъ «соломотряса»; пыль эта даже при незначительномъ вѣтрѣ столбомъ поднимается надъ машиной и покрываетъ всѣхъ работающихъ такимъ густымъ слоемъ, что трудно у нихъ разглядѣть лицо и цвѣтъ платья: все это сливается въ одинъ сплошной сѣрый цвѣтъ. Работа подавальщиковъ происходитъ всегда въ этой пыли и подъ постояннымъ къ тому же вліяніемъ жары. Подавальщики и другіе рабочіе для защиты глазъ отъ пыли рѣдко прибѣгаютъ къ очкамъ, а послѣднія скоро покрываются слоемъ пыли, мѣшающимъ что-либо видѣть, и рабочіе по необходимости сбрасываютъ ихъ» *).

Какъ же вознаграждается этотъ каторжный трудъ? Въ Германіи, гдѣ средній фабричный рабочій, не разбирая возраста и пола, вырабатываетъ въ годъ 628 марокъ **), что, при 300 рабочихъ дняхъ въ году, составляетъ поденную плату 2,1 марки, *взрослый* сельскохозяйственный рабочій, *по даннымъ работодателей*, получаетъ: лѣтомъ 1—2 марки, а зимой 0,8—1,5 марки. Въ округѣ Моегв въ 1891 году отъ 1 апрѣля по 20 ноября работали рабочіе, вывезенные изъ русской Польши. За всѣ эти 8 почти мѣсяцевъ средній заработокъ взрослаго мужчины равнялся 275 маркамъ (фабричный рабочій за этотъ срокъ вырабатываетъ минимумъ 418 марокъ), а женщины—на 40 марокъ менѣе ***). Въ Россіи «средній заработокъ заводско-фабричнаго рабочаго (не разбирая пола и возраста) равняется 187 руб. 60 коп. въ годъ, считая годъ въ 288 дней, а день въ 12 часовъ» ****). Въ сельскомъ хозяйствѣ самую высшую заработную плату даетъ югъ. И вотъ по нормамъ Херсонской губерніи мѣсячный *полный* рабочій, имѣющій работу въ теченіе цѣлаго года, могъ вырабатывать въ относительно благопріятномъ 1894 году въ среднемъ 111,9 руб., а считая и харчи (20%, отъ заработной платы), около 134 руб.; годовой же *полный* рабочій получалъ съ харчами 87,3 руб., а считая и харчи— 104,8 руб. *****). Но и эта заработная плата рѣдко достается сельско-хозяйственному рабочему цѣликомъ; штрафы, обсчеты и просто недоплаты такъ распространены въ сельскомъ хозяйствѣ,

*) Н. Тезяковъ, стр. 92—93.
**) H. Lux, стр. 40.
***) Die Verhältnisse d. Landarbeiter, B. II, S. 735 и B. III, стр 807—819.
****) Фабрично-заводская пром., стр. 465.
*****) Статистико-эконом. обзоръ Херсон. губ. за 1894 г., стр. 47.

какъ нигдѣ въ обрабатывающей промышленности. Кн. Н. Шаховской, котораго ужъ никоимъ образомъ нельзя упрекнуть въ сгущеніи красокъ, указываетъ на слѣдующіе «способы уменьшить плату рабочимъ»: «къ нимъ (къ этимъ способамъ) слѣдуетъ отнести крупные штрафы и вычеты въ тѣхъ случаяхъ, когда они перестаютъ быть мѣрой карательной или возмѣщающей убытки, причиненные рабочими экономическому добру, а становятся злоупотребленіемъ со стороны хозяевъ. Къ тому же далеко не единичными явленіями слѣдуетъ признать и обсчитываніе рабочаго при окончательномъ разсчетѣ» *). Бываютъ и болѣе сильные «способы уменьшить плату рабочимъ». «Завѣдывавшій лѣчебно-продовольственнымъ пунктомъ въ Голтѣ въ своемъ отчетѣ сообщаетъ, что на пунктъ являлось болѣе 10 партій, ушедшихъ съ работы, но не получившихъ ни платы, ни паспортовъ; нѣкоторыя изъ нихъ не получили даже котомокъ. Всѣ онѣ выставляли причиной ухода дурную пищу и *систематическія прижимки* и даже побои, направленныя къ тому, чтобы рабочихъ заставить уйти, а, слѣдовательно, потерять право на заработную плату» **).

Харчеваніе рабочихъ экономіей, за что дѣлаются извѣстные вычеты изъ заработной платы, является также замѣтнымъ средствомъ сокращенія заработной платы, такъ какъ харчи доставляются въ скудныхъ количествахъ и не всегда доброкачественные. «Пища (калифорнійскаго сельско-хозяйственнаго рабочаго) страшно однообразна, свиное мясо, картофель и бѣлый хлѣбъ съ кофе безъ молока—вотъ все, что имъ полагается» ***). Но это питаніе было бы роскошью для русскаго сельско-хозяйственнаго рабочаго «На завтракъ дается хлѣбъ и жидкая горячая кашица. Обѣдъ состоитъ изъ хлѣба, горячаго борща и каши или галушекъ съ саломъ... На полдникъ въ лучшихъ экономіяхъ дается кулешъ или галушки, въ другихъ только огурцы, иногда кусокъ сухой рыбы. Въ общемъ пища почти всегда состоитъ изъ растительныхъ продуктовъ и отличается крайнимъ однообразіемъ. Мясо, молоко, сыръ и другіе продукты животнаго происхожденія рабочіе получаютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ и то какъ лакомство—по праздникамъ». Но и это считается идеаломъ, опредѣляемымъ договоромъ. Много ли хозяевъ соблюдаетъ договоръ? «Мы вправѣ думать, что рабочій въ большинствѣ случаевъ получаетъ питательныя начала въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ это опредѣляется пайкомъ» ****).

Даже на жилищахъ работодатели стараются экономить. Въ Германіи «имѣются еще тысячи рабочихъ жилищъ (въ экономіяхъ), въ коихъ здоровье обитателей подвергается серьезнѣйшей опасности,

*) Кн. Н. Шаховской, Сельско-хоз. отхожіе промыслы, М., 1896, стр. 133.

**) Н. Тезяковъ, стр. 66.

***) H. Semler, стр. 54.

****) Н. Тезяковъ, стр. 92.

которыя не имѣютъ и подобія сколько нибудь удобныхъ для жилья помѣщеній и въ которыхъ обитателямъ немыслимо соображаться съ обыкновенными правилами нравственности» *). Для характеристики жилищъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ Германіи интересенъ упрекъ, посланный графомъ Gröben'омъ своимъ собратьямъ, что они больше заботятся о хлѣвахъ для свин й чѣмъ о казармахъ для рабочихъ **) Въ Калифорніи, въ хозяйствахъ съ десятками тысячъ акровъ пахатной земли, казармой для рабочихъ служатъ «простые досчатые сараи, обмазанные известкой... Въ такой палаткѣ устраиваетъ себѣ рабочій изъ соломы постель, если хозяинъ настолько гуманный человѣкъ, что предоставляетъ рабочему мѣшокъ соломы... Во время уборки, когда требуется много рабочихъ, палатки не вмѣщаютъ всѣхъ и большая ихъ часть должна размѣститься подъ открытымъ небомъ. Между тѣмъ ночи въ Калифорніи довольно холодныя» ***). Въ Херсонской губерніи «лѣтомъ все время рабочіе проводятъ въ степи..., гдѣ располагаются таборами прямо подъ открытымъ небомъ. Какихъ-либо приспособленій для защиты рабочихъ отъ жары, дождя и холода въ степи при таборахъ владѣльцами не устраивается. Рабочимъ въ ненастную погоду и поздней осенью самимъ предоставляется изыскивать способы для защиты себя отъ холода и дождя»... Еще хуже положеніе зимнихъ рабочихъ. Зимнія «помѣщенія для рабочихъ только въ меньшинствѣ экономій болѣе или менѣе удовлетворительны, хотя отсутствіе почти во всѣхъ осмотрѣнныхъ помѣщеніяхъ какихъ либо приспособленій для вентиляціи, всегда болѣе или менѣе грязное ихъ содержаніе, чему способствуютъ всюду земляные полы; отсутствіе, нерѣдко, отдѣльныхъ помѣщеній для мужчинъ и женщинъ и пр.,—все это заставляетъ насъ высказаться за то, что помѣщеній вполнѣ пригодныхъ для рабочихъ въ экономіяхъ мало. Очень крупнымъ недостаткомъ многихъ казармъ, во многихъ отношеніяхъ удовлетворительныхъ, служитъ присутствіе въ нихъ варистыхъ печей. При варкѣ пищи въ значительныхъ размѣрахъ образуется паръ, который, постоянно сгущаясь на болѣе холодныхъ стѣнахъ помѣщеній, поддерживаетъ въ послѣднихъ сырость. Если при этомъ припомнить еще, что здѣсь же надъ нарами рабочіе развѣшиваютъ свое грязное мокрое платье для просушки, то не трудно себѣ представить пропитанную разными міазмами атмосферу, въ которой на грязныхъ нарахъ, на грязной соломенной подстилкѣ, прикрываясь также грязнымъ, а иногда и сырымъ кожухомъ, вплотную располагаются на ночлегъ рабочіе, измученные дневной работой, нерѣдко мужчины и женщины рядомъ». Но и

---

*) T. von Goltz, Die ländliche Arbeiterfrage, 1872, стр. 16.

**) Versamlung der berliner Konferenz ländlich. Arbeitergeber, 1872, стр. 68.

***) H. Zemler, стр. 51—52 и 54.

подобныя казармы считаются такою роскошью, которую не всякій хозяинъ себѣ дозволяетъ. «При осмотрѣ хозяйствъ въ Еланецкомъ участкѣ докторъ Пашковскій не видѣлъ ни въ одной изъ 20 экономій такихъ помѣщеній, которыя были бы спеціально построены для рабочихъ или хотя сколько нибудь приспособлены для ихъ нуждъ. Рабочіе въ большинствѣ случаевъ ютятся въ квартирахъ годовыхъ рабочихъ. Нѣкоторые изъ такихъ квартиръ, пока онѣ служатъ только для постоянныхъ своихъ обитателей, можно еще назвать сносными, терпимыми, но когда по нимъ размѣстятся еще, кромѣ того, сотни рабочихъ, то за тѣснотой и неизбѣжными послѣдствіями ея и семейныя квартиры являются невозможными для жилья. Часть экономическихъ рабочихъ размѣщается по кухнямъ, сараямъ и пр. Нѣкоторые помѣщаются на нарахъ, гдѣ таковыя есть, остальные на полу и гдѣ придется. Если случаются больные, то они лежатъ по большей части въ кухняхъ, вмѣстѣ съ здоровыми» *).

Таково положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ: таковы тѣ условія, при которыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ вырабатывается прибавочная стоимость. Тѣмъ не менѣе со стороны работодателей жалобы на дороговизну труда одинаково раздаются и въ Россіи, и въ Англіи, и на континентѣ Европы, и въ Америкѣ. И жалобы эти имѣютъ основаніе: какъ бы трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ ни былъ дешевъ, въ какой бы ужасной матеріальной обстановкѣ сельско-хозяйственный рабочій ни жилъ, онъ относительно всегда будетъ дорогъ, — будетъ дорогъ потому, что будетъ оставлять невыгодную для работодателя прибавочную стоимость, что норма прибавочной стоимости въ сельскомъ хозяйствѣ всегда будетъ ниже, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности, такъ какъ техника въ сельскомъ хозяйствѣ не даетъ никакихъ преимуществъ капитализму. Конечно, рабочіе совершенно неповинны въ этомъ обстоятельствѣ, и вопіющая несправедливость если они должны расплачиваться за него своею *жизнью*, въ прямомъ смыслѣ слова. Но неповинны и работодатели. Вся вина лежитъ на тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя создали капиталистическое сельское хозяйство. Поэтому такъ не цѣлесообразны всѣ филантропическіе проекты улучшенія положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, не затрагивающіе основъ сельско-хозяйственнаго капитализма. Если въ обрабатывающей промышленности улучшеніе положенія рабочихъ должно только сократить норму прибавочной стоимости, то въ сельскомъ хозяйствѣ оно должно низвести ее къ нулю. **) Освобожденіе сельскаго хо-

---

*) Н. Тезяковъ, стр. 85—90.

**) Справедливость этого доказываютъ данныя народно-хозяйственной переписи 1880 г. въ Соединенныхъ Штатахъ. Вся валовая доходность сельскаго хозяйства опредѣлена переписью въ 2960 милл. дол. и обрабатывающей пром.—въ 5114 милл. Сырье въ обрабат. пром. оцѣнено въ 3234 милл. Для сельскаго хоз. точной стоимости сырья нѣтъ. Допустимъ,

зяйства отъ капиталистическихъ путъ—вотъ единственное средство вывести сельско-хозяйственнаго рабочаго изъ его теперешняго положенія.

V.

Итакъ, норма прибавочной стоимости въ сельскомъ хозяйствѣ несравненно ниже, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. Это одно, конечно, еще не говоритъ о низкой нормѣ прибыли. Послѣдняя, какъ извѣстно, зависитъ еще отъ органическаго строенія капитала и отъ отношенія времени производства къ рабочему времени.

Весьма распространено мнѣніе, что постоянный капиталъ (въ него не входитъ стоимость земли или такъ называемый земельный капиталъ, объ особенныхъ свойствахъ котораго мы будемъ говорить особо) играетъ въ сельскомъ хозяйствѣ слабую роль и, слѣдовательно органическое строеніе капитала благопріятно для прибыли. Вѣрно ли это мнѣніе или нѣтъ, должно показать спеціальное и тщательное статистическое изслѣдованіе. Во всякомъ случаѣ тѣ данныя, которыя имѣются по этому вопросу, не подтверждаютъ традиціоннаго мнѣнія. Мы говоримъ о матеріалахъ, собираемыхъ американскими хозяйственными переписями (цензами). Относительно сельскаго хозяйства переписи не даютъ оцѣнки сырья, употребляемаго въ производствѣ. Поэтому мы сопоставимъ только стоимость строеній и инвентаря въ сельскомъ хозяйствѣ и въ обрабатывающей промышленности *).

что она равняется 10°/₀ валового дохода. Что это минимумъ, видно изъ того, что въ обраб. пром. сырье составляетъ больше 63% валового дохода. Затѣмъ въ погашеніе стоимости построекъ и инвентаря (въ обр. пром.—2657 милл. дол. и въ сельскомъ хоз. 4456 милл.) отчислимъ для обраб. пром. 5% этой стоимости или 133 милл. и для сельскаго хоз., гдѣ инвентарь скорѣе портится, 7% или 312 милл. долл. Сбросивъ съ валовой доходности стоимость сырья и погашенія, мы получимъ, что «вновь наросшая» цѣнность составила въ обработ. пром. 1747 милл. долл. и въ сельскомъ хоз. 2352 милл. Въ обработ. пром. было занято 2,74 милл. человѣкъ, въ сельскомъ хоз.—7,54 милл. Слѣд., въ первой каждый рабочій доставилъ новой цѣнности на сумму въ 638 долларовъ, во второмъ—въ 307 долл. въ годъ. Средняя годовая заработная плата въ обр. пром. составила 330 долл.; допустимъ, что въ сельскомъ хоз. заработокъ на 20°/₀ ниже, т. е. составилъ 264 долл. Отсюда прибавочная стоимость въ обр. пром. 308 дол., а норма приб. стоимости—93,3°/₀, а въ сельскомъ хоз. 43 долл. и 16,3%. Но стоитъ въ сельскомъ хоз. поднять зараб. плату до уровня хотя бы фабрично-заводской, чтобы не осталось вовсе прибавочной стоимости, а наоборотъ, еще дефицитъ въ 23 долл.

*) Данныя эти собраны переписью 1990 г. Въ «Extra Census Bulletin» стоимость сельско-хозяйственной земли и строеній показана одной цифрой. Мы ее расчленили такимъ образомъ, что стоимость строеній приняли въ 25% общей стоимости земли и строеній. Въ виду дешевизны

Обрабатывающая промышленность.

Стоимость строеній	878,83	мил. дол.
„ машинъ и рабочихъ инструментовъ	1 84,16	„
Всего	2462,99	мил. дол.
Рабочихъ занято	4,25	мил. чел.
Капитала на 1 рабочаго	579,53	доллара

Сельское хозяйство.

Стоимость строеній	3319,75	милл. дол.
„ машинъ	494,25	„ „
„ скота	2208,77	„ „
Всего	6022,77	мил. дол.
Рабочихъ занято	8,76	мил. чел.
Капитала на 1 рабочаго	677,53	доллара.

Итакъ, въ обрабатывающей промышленности на 1 рабочаго приходится капитала 579,53 доллара, а въ сельскомъ хозяйствѣ 687,53 доллара, т. е. на 18,6 процента больше.

Какъ бы ни были приблизительны и мало точны эти цифры, въ нихъ во всякомъ случаѣ трудно найти подтвержденіе для вывода, что строеніе капитала даетъ сельскому хозяйству какія нибудь преимущества по отношенію къ высотѣ прибыли. Что касается отношенія времени производства къ рабочему времени, то здѣсь условія сельскаго хозяйства абсолютно невыгодны. Въ умѣренномъ климатѣ время, пригодное для произрастанія растеній, не превышаетъ 200 дней. Но рабочее время не продолжается и во всѣ эти 200 дней Врядъ ли будетъ преувеличеніемъ, если мы рабочее время опредѣлимъ въ 100 дней. Въ обрабатывающей промышленности работа возможна въ теченіе всего года, т. е. 365 дней. Кромѣ того, какъ бы ни былъ продолжителенъ рабочій день въ сельскомъ хозяйствѣ, онъ никогда не охватываетъ цѣлыхъ сутокъ, такъ какъ ночная работа въ сельскомъ хозяйствѣ невозможна. Все это приводитъ къ тому что рабочее время, maximum котораго въ обрабатывающей промышленности можетъ простираться до 24×365=8760 часовъ (поставляетъ ли одинъ рабочій всѣ эти часы, или нѣсколько, по системѣ смѣнъ, это безразлично), не превышаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ, даже и при максимальномъ рабочемъ днѣ, 15×100=1500 часовъ. Но капиталъ лежитъ въ предпріятіи сельско-хозяйственномъ, какъ и фабрично-заводскомъ, 8760 часовъ. Слѣдовательно,

земли въ Штатахъ наша оцѣнка строеній должна быть скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительной. Цифра сельско-хоз. населенія взята у г. Николая—она. Но она, очевидно, выше дѣйствительной, такъ какъ г. Н.—онъ принимаетъ число фермеровъ въ 5 милл., между тѣмъ дѣйствительно фермеровъ 4. 564,641 чел. Такъ какъ эти ошибки только смягчаютъ наше заключеніе, а не усиливаютъ его, то онѣ еще больше подчеркиваютъ ошибочность господствующаго взгляда на строеніе сельско-хозяйственнаго капитала.

сельско хозяйственный капиталъ, благодаря несоотвѣтствію времени производства съ рабочимъ временемъ, можетъ въ теченіе операціоннаго періода приводить въ движеніе въ 5,84 раза менѣе труда, чѣмъ фабрично-заводскій капиталъ, а отсюда—производить и меньше, въ соотвѣтствующей степени, прибавочной стоимости, даже въ томъ случаѣ, если норма прибавочной стоимости не ниже.

Итакъ, сельское хозяйство, съ одной стороны, характеризуется низкой нормой прибавочной стоимости, а съ другой стороны — безусловно неблагопріятнымъ отношеніемъ времени производства къ рабочему времени и такимъ строемъ капитала, который едва ли можно считать особенно выгоднымъ для разсчета нормы прибыли. Все это приводитъ къ низкой нормѣ прибыли. Однѣ эти особенности сельскаго хозяйства, не выходящія изъ сферы производства, дѣлаютъ эту отрасль промышленности неудобной ареной для капитализма. Но положеніе капитализма здѣсь еще болѣе ухудшается, благодаря особенному характеру распредѣленія сельско-хозяйственной прибавочной стоимости, который логически вытекаетъ изъ роли въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ называемаго, земельнаго капитала.

VI.

Съ точки зрѣнія производства капиталъ не то же самое, что съ точки зрѣнія капиталиста. Для капиталиста капиталъ — все то, что даетъ ему возможность овладѣвать прибавочной стоимостью; происхожденіе, сущность и функціи капитала для него безразличны. Иначе съ точки зрѣнія производства. Такъ какъ задача производства—создавать мѣновыя цѣнности, въ которыя капиталъ, весь или частью, входитъ элементомъ, то, очевидно, онъ самъ долженъ быть мѣновой цѣнностью, долженъ быть продуктомъ того, что создаетъ мѣновыя цѣнности—продуктомъ труда. Съ другой стороны, такъ какъ капиталъ обязательно входитъ элементомъ въ новопроизводимыя цѣнности, то онъ въ производствѣ долженъ терять свою первоначальную физіономію, его цѣнность должна растворяться въ производствѣ и частично переходить на новопроизводимые товары. Вѣчный капиталъ также немыслимъ, какъ и вѣчный рабочій. Имѣетъ ли всѣ эти свойства земля? Составляетъ ли она продуктъ труда и теряетъ ли она въ производствѣ свою первоначальную физіономію? Какъ извѣстно, старая экономія давала на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. «Поземельные участки, говоритъ Молинари, точно также какъ и зданія, плуги, рабочій скотъ и другіе предметы матеріальнаго состава производства, отнюдь не даромъ достались своимъ владѣльцамъ. Каждая частица земли, употребляемая для производства, можетъ быть разсматриваема какъ машина, которой элементы, какъ и элементы всѣхъ другихъ машинъ и самого человѣка, доставлены природой,—но окончательное образо-

ваніе которой и приспособленіе къ производству принадлежитъ дѣятельности человѣка... Приданіе землѣ свойства произведенія происходитъ посредствомъ: во первыхъ, *открытія*, во вторыхъ, *занятія* и, въ третьихъ, *разработки*. Открытіе есть первое дѣйствіе, необходимое для производства орудія-земли. Въ XV и XVI столѣтіяхъ эта операція составляла предметъ особаго промысла... Разъ земля открыта, ее необходимо занять, т. е. снабдить средствами защиты, проложить пути сообщенія и пр. Открывъ и занявъ земли, правительство уступало ихъ на разныхъ условіяхъ... различнымъ лицамъ... Піонеры цивилизаціи проникаютъ въ пустыни, гдѣ выбираютъ себѣ участки земли, которые покупаютъ на первомъ аукціонѣ, уплачивая такимъ образомъ издержки открытія и занятія... Новый владѣлецъ очищаетъ почву, осушаетъ и огораживаетъ ее» и процессъ образованія земли-произведенія, земли-орудія оконченъ.

Для поясненія приведенной аргументаціи возьмемъ обыкновенный примѣръ. Фабрикантъ обращается къ коммиссіонеру за пріобрѣтеніемъ машины. Оплативъ трудъ коммиссіонера, онъ тѣмъ самымъ оплачиваетъ трудъ *открытія* машины. Затѣмъ онъ *занимаетъ* машину — перевозитъ ее къ себѣ, ставитъ ее такъ, чтобы ея не стащили, завѣшиваетъ ее брезентами, чтобы она не испортилась и т. д. Наконецъ онъ *разрабатываетъ* машину — собираетъ ее, устанавливаетъ, соединяетъ ее съ двигателемъ и т. д. Когда все готово, является прежній собственникъ машины и, убѣдившись, что фабрикантъ ею доволенъ, требуетъ за нее денегъ. Будь на мѣстѣ фабриканта Молинари, онъ былъ бы, конечно, озадаченъ; уплативъ изъ собственнаго кармана расходы по открытію, занятію и разработкѣ машины, онъ считалъ бы ее уже своей собственностью: какъ же объяснить претензіи прежняго владѣльца машины? На это прежній владѣлецъ отвѣтилъ бы Молинари такъ: «Для того, чтобы ты могъ открыть, занять и разработать машину, я долженъ былъ ее создать. Правда, я не создалъ тѣхъ элементовъ, которые лежатъ въ основаніи машины, я не создалъ вещества, но я цѣлесообразно видоизмѣнилъ это вещество, придалъ ему полезную для тебя форму; это я называю созиданіемъ машины, это отняло у меня мѣсяцъ труда и, если ты желаешь оставить машину у себя, верни мнѣ этотъ мѣсяцъ труда или эквивалентъ его стоимости». Будетъ ли правъ прежній владѣлецъ машины? Безусловно да, такъ какъ Молинари совсѣмъ упустилъ изъ виду, что для того, чтобы можно было открыть капиталъ, онъ долженъ существовать до открытія, т. е. до момента, съ котораго, по мнѣнію Молинари, начинается его существованіе въ качествѣ капитала; а для того, чтобы онъ существовалъ, его нужно сдѣлать. Этого-то послѣдняго момента по отношенію къ землѣ не можетъ быть, почему ее и нельзя разсматривать какъ обыкновенный капиталъ.

Итакъ, земля не имѣетъ главнаго свойства капитала: она — и

продуктъ труда. Не будучи продуктомъ труда, она не можетъ быть и мѣновой стоимостью, а потому и капиталомъ. Реставраторы старой экономіи это прекрасно понимаютъ, но, рабы факта, который они принимаютъ безъ всякаго анализа и провѣрки, они всетаки не могутъ поставить землю на свойственное ей мѣсто. И вотъ на сцену выступаетъ понятіе о землѣ, какъ о *конъюнктурномъ* капиталѣ (Леруа Болье и др.) Конъюнктурный капиталъ, это, такъ сказать, условный капиталъ, капиталъ для даннаго времени. Что такіе «капиталы» возможны, доказываетъ вся дѣйствительность. Но можно ли такіе капиталы вводить въ сферу народно-хозяйственныхъ понятій? Красота современной женщины, безъ сомнѣнія, ея капиталъ. Правда, красота не котируется на товарной биржѣ, но она—весьма ходкій товаръ на житейской биржѣ. Эластичная совѣсть, «патріотизмъ» извѣстнаго сорта—это также не плохой капиталъ. Но войдутъ ли всѣ эти «виды» капитала въ кругъ народно-хозяйственныхъ понятій? Очевидно нѣтъ, такъ какъ всѣ эти капиталы—доходная статья отдѣльныхъ лицъ, но не общества въ цѣломъ.

Нѣтъ сомнѣнія, и въ экономіи возможны конъюнктурные капиталы. Это такіе капиталы, которые, не будучи продуктомъ труда, все таки растворяются въ производствѣ, теряютъ свою первоначальную форму и начинаютъ существовать въ качествѣ элемента новопроизведенныхъ товаровъ. Случайно открытая золотая руда, которая не отняла на открытіе и пяти минутъ труда, можетъ быть названа конъюнктурнымъ капиталомъ, но не потому, что она составляетъ чью нибудь собственность, а потому, что разработка этой руды сопровождается ея истощеніемъ. Можетъ ли этотъ случай быть приложенъ къ землѣ? Вотъ что объ этомъ говоритъ агрономъ, человѣкъ всего ближе стоящій къ землѣ, а потому и хорошо знакомый съ ея свойствами: «Земля неистощима... Производительныя силы земли можно уменьшить хищнической эксплоатаціей (раціональная эксплоатація ихъ еще увеличиваетъ), но нельзя ихъ исчерпать окончательно» *).

Вопросъ о томъ, капиталъ ли земля, весьма важенъ. Если земля капиталъ, то она самостоятельно управляетъ трудомъ, способствуетъ его эксплоатаціи и, слѣдовательно, служитъ самостоятельнымъ факторомъ производства прибавочной стоимости, а потому и капиталистической прибыли. Если же земля—не капиталъ, то доходъ землевладѣльца можетъ имѣть двоякое происхожденіе: или капиталистъ уступаетъ ему часть присвоенной имъ прибавочной стоимости, или же, тамъ, гдѣ земля принимаетъ участіе въ производствѣ, имѣется источникъ прибыли и помимо прибавочной стоимости. Рикардо, какъ извѣстно, придерживается второго взгляда.

Теорія ренты Рикардо—это образецъ силы его діалектики. Ея несостоятельность объясняется лишь ошибочностью тѣхъ двухъ

---

*) T. Goltz. Handbuch d. Landw. Betriebslehre, 1886, стр. 17.



исходныхъ пунктовъ, на которыхъ основана вся блестящая постройка. Рента (т. е. доходъ землевладѣльца), по мнѣнію Рикардо, есть разница въ производительности земель разнаго качества. Чтобы эта разница имѣлась, необходимо, чтобы рядомъ съ лучшей землей эксплоатировалась и худшая,—эксплоатировалась, не смотря на то, что она ренты не даетъ; иначе для производительности лучшихъ земель не будетъ предмета для сравненія. Изъ этого затрудненія Рикардо вышелъ при помощи исторической ошибки; для него фактъ частной собственности на землю не предшествуетъ рентѣ, а слѣдуетъ за нею,—точка зрѣнія безусловно ошибочная. И стоитъ устранить эту ошибку, чтобы нанести теоріи непоправимый ударъ. И дѣйствительно, если частная собственность на землю предшествуетъ рентѣ, то могутъ ли обрабатываться такіе участки земли, которые ренты не даютъ? «То обстоятельство, что его (арендатора) капиталъ можетъ при этомъ (при обработкѣ худшаго участка) получить обычную прибыль, если онъ не будетъ платить ренты, для землевладѣльца рѣшительно не представляется основаніемъ, чтобы онъ его ссудилъ землею даромъ, и былъ бы настолько филантропиченъ, что открылъ бы для него crédit gratuit. Такое предположеніе подразумѣваетъ непринятіе въ соображеніе землевладѣнія, уничтоженіе земельной собственности» *). Слѣдовательно, возможно одно изъ двухъ, или что и худшая земля платитъ ренту и въ такомъ случаѣ рента уже не будетъ только разницей въ производительности земель разнаго качества, или что худшая земля не обрабатывается. То и другое противорѣчитъ теоріи Рикардо.

Другой исходный пунктъ теоріи ренты Рикардо—это цѣнность продуктовъ земли. «Цѣнность хлѣба, говоритъ онъ, опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на его производство на участкахъ такого качества, которые не платятъ ренты» **), т. е. на худшихъ участкахъ. Это опредѣленіе не противорѣчитъ его опредѣленію цѣнности вообще. Но теорія цѣнности Рикардо—это только первоначальный остовъ научной теоріи довершенной К. Марксомъ, который внесъ въ трудовую теорію цѣнности принципъ общественной необходимости; цѣнность, по Марксу, опредѣляется не тѣмъ рабочимъ временемъ, которое лично необходимо данному единичному производителю для производства даннаго количества товара, или отдѣльныхъ товаровъ, но опредѣляется общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ,—рабочимъ временемъ, требующимся при данныхъ *среднихъ* общественныхъ условіяхъ. Трудъ на худшей землѣ—это не трудъ при среднихъ условіяхъ; средними общественными условіями земледѣльческаго труда необходимо считать обработку земли средняго качества и, слѣдовательно, только этотъ трудъ и долженъ опредѣлять цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ. А

*) К. Марксъ, III, 618.
**) Д. Рикардо. Собраніе сочиненій, пер. Н. Зибера, стр. 34.

въ такомъ случаѣ средняго качества участки не должны давать ренты; ее должны давать только участки съ землей качества выше средняго. Это значитъ, что рента можетъ быть только исключительнымъ явленіемъ, такъ какъ участки съ плодородіемъ выше средняго составляютъ, конечно, относительную рѣдкость.

Ученіе о рентѣ поставлено на новую почву Марксомъ; однако, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ построеній и Марксъ повторяетъ ошибочные выводы Рикардо. Ошибочность первой исходной точки рикардовской теоріи ренты,—что рента предшествуетъ частной собственности на землю,—Марксъ понялъ вполнѣ ясно и устранилъ ее введеніемъ новой категоріи ренты—*абсолютной ренты*, которую уплачиваютъ арендаторы всѣхъ безъ исключенія земель. Но затѣмъ Марксъ обращается опять къ Рикардо, такъ какъ его «дифференціальная рента» въ общихъ чертахъ ничто иное, какъ рента Рикардо: «дифференціальная рента, говоритъ Марксъ, возникаетъ изъ различія... въ природномъ плодородіи родовъ земли... слѣдовательно, изъ ограниченія размѣра лучшихъ земель и изъ того обстоятельства, что капиталы должны быть затрачены одинаковые на неодинаковые роды земель, которыя, слѣдовательно, на одинаковый капиталъ даютъ неодинаковый продуктъ» *). Въ общемъ, конечно, это вѣрно: если земли бываютъ разнаго качества, то землевладѣлецъ лучшей земли всегда будетъ требовать отъ арендатора надбавки къ абсолютной рентѣ, т. е. будетъ требовать еще дифференціальной ренты. Но лишены ли дифференціальной ренты только худшія земли, или также и среднія? Если дифференціальная рента есть только преимущество *лучшихъ* земель предъ *худшими и средними*, то она должна быть разсматриваема какъ такое же исключительное явленіе, какъ Surplusprofit—тотъ излишекъ надъ прибылью, который даютъ предпріятія, поставленныя случайно въ лучшія условія, чѣмъ другія подобныя имъ предпріятія. Но эта роль дифференціальной ренты кажется Марксу недостаточной, и, распространяя дифференціальную ренту и на среднія земли, онъ повторяетъ ошибку Рикардо, не смотря на то, что, опредѣляя цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ трудомъ по обработкѣ худшихъ земель, онъ становится въ противорѣчіе со своей собственной теоріей цѣнности, справедливо считающейся гордостью всей новѣйшей экономіи. Эта поправка, которую Марксъ произвольно вноситъ въ свою теорію цѣнности, лишь бы оправдать дифференціальную ренту для всѣхъ земель, кромѣ худшихъ, тѣмъ болѣе не понятна, что въ одномъ мѣстѣ онъ прямо отождествляетъ дифференціальную ренту съ добавочной прибылью (surplusprofit); а въ такомъ случаѣ не было никакой надобности искать для дифференціальной ренты источника, отличнаго отъ того, который доставляетъ добавочную прибыль. «Дифференціальная рента, говоритъ онъ, обладаетъ той особенно-

*) К. Марксъ, III, 543.

стью, что землевладѣніе при этомъ лишь перехватываетъ добавочную прибыль, которая иначе попала бы въ карманъ арендатора... Земельная собственность есть при этомъ только причина передачи части товарной цѣны, возросшей безъ ея содѣйствія, и которая сводится къ добавочной прибыли—передачѣ этой части цѣны однимъ лицомъ другому, капиталистомъ землевладѣльцу» *).

Гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ ученіе о дифференціальной рентѣ въ построеніяхъ Маркса слѣдуетъ приписать его теоріи абсолютной ренты. Здѣсь лежитъ центральный пунктъ всего вопроса: абсолютная рента занимаетъ то же мѣсто по отношенію къ дифференціальной рентѣ, которое прибыль занимаетъ по отношенію къ добавочной прибыли. Такъ какъ ренту, въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ, смотря по качеству земли, платятъ одинаково арендаторы всѣхъ земель, то, очевидно, разница въ плодородіи земель не можетъ быть источникомъ ренты, слѣдовательно, земля не предоставляетъ землевладѣльцу спеціальнаго источника дохода. Это значитъ, что землевладѣлецъ долженъ получать свой доходъ (ренту) изъ того же источника, что и капиталистъ — изъ прибавочной стоимости. Другими словами, тамъ, гдѣ землевлавладѣлецъ имѣется на лицо, онъ является претендентомъ на участіе въ прибавочной стоимости. Можетъ ли терпѣть претензіи землевладѣльца капиталистъ? Безъ сомнѣнія только до тѣхъ поръ, пока это для него неубыточно, т. е. пока участіе землевладѣльца въ прибавочной стоимости не мѣшаетъ капиталисту держать прибыль на свой капиталъ на средней для даннаго мѣста и времени нормѣ. Разъ это условіе теряется, у капиталиста нѣтъ мотива держать свой капиталъ въ невыгодномъ предпріятіи и онъ его переноситъ въ болѣе выгодное.

Итакъ, земля не капиталъ, а потому въ производствѣ прибавочной стоимости она не участвуетъ, т. е. на свою долю она прибавочной стоимости не производитъ; кромѣ того, она не открываетъ никакихъ новыхъ источниковъ дохода, которые могли бы идти, въ качествѣ ренты, землевладѣльцу,—и если тѣмъ не менѣе наличность частной земельной собственности дѣлаетъ существованіе ренты необходимымъ—иначе земля не можетъ обрабатываться,—то источникомъ ренты является одна прибавочная стоимость, производимая капиталомъ. Изъ этого логически вытекаетъ, что въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ земля играетъ особенно большую роль, норма прибыли должна быть выше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ: она должна удовлетворять и капиталиста, который требуетъ средней прибыли на капиталъ, и землевладѣльца, который, затративъ на землю такія же деньги, какія капиталистъ потратилъ на инструменты и проч., требуетъ для себя и такого же, какъ у капиталиста, дохода.

Въ сельскомъ хозяйствѣ земля играетъ особенно выдающуюся

*) К. Марксъ, III, 622.

роль, между тѣмъ какъ «промышленный трудъ въ своемъ производствѣ въ землѣ не нуждается вовсе, или нуждается въ ней только какъ въ мѣстоположеніи... Но потребность въ мѣстоположеніи имѣется у человѣка для цѣлей его личной жизни, почему она едва ли можетъ быть разсматриваема какъ потребность, вызываемая промышленнымъ трудомъ» *). Относительное значеніе земли въ сельскомъ хозяйствѣ и обрабатывающей промышленности выражается, приблизительно, въ слѣдующихъ данныхъ. Перепись 1890 года въ Соединенныхъ Штатахъ опредѣлила стоимость земель, лежащихъ подъ фабриками и заводами въ 776 милл. долл., а стоимость всѣхъ видовъ капитала фабрично-заводской промышленности въ 8.032 милл. долл. Въ сельскомъ хозяйствѣ агрономъ Goltz считаетъ необходимымъ, чтобы капиталъ составлялъ: при интенсивной культурѣ 35 процентовъ стоимости земли, при средней культурѣ 28 проц. и при экстенсивной культурѣ 21 проц. **). Такимъ образомъ, въ то время какъ въ обрабатывающей промышленности стоимость земли болѣе чѣмъ въ 10 разъ *ниже* стоимости капитала, въ сельскомъ хозяйствѣ она въ 3—5 разъ *выше*. Это значитъ, что если въ обрабатывающей промышленности землевладѣлецъ можетъ требовать для себя одиннадцатую долю прибавочной стоимости, то въ сельскомъ хозяйствѣ—отъ $^3/_4$ до $^5/_6$. Слѣдующій примѣръ показываетъ, какъ осложняется дѣло вслѣдствіе этой разницы. Капиталистъ А, предположимъ, вложилъ въ фабрику капиталъ въ 1000 руб. капиталистъ В. такой же капиталъ вложилъ въ земледѣльческое предпріятіе. Оба капиталиста получаютъ одинаковую сумму прибавочной стоимости—100 руб. Изъ этой прибавочной стоимости оба должны вознаградить землевладѣльца — фабрикантъ отдаетъ ему одиннадцатую долю прибавочной стоимости, землевладѣлецъ $^3/_4$—$^5/_6$ или въ среднемъ $^{19}/_{24}$ прибавочной стоимости. Слѣдовательно, прибыль фабриканта составитъ 91 рубль, что, относительно всего капитала, составитъ норму прибыли въ 9,1%; прибыль землевладѣльца ограничится $20^5/_6$ руб., что составитъ норму прибыли въ 2,2%, Эта глубокая разница обязательна при той роли, какую играетъ земля (въ качествѣ фиктивнаго капитала) въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но при сильной подвижности капитала, которая характеризуетъ настоящее время, всякій капиталъ стремится къ средней нормѣ прибыли. Какъ эта цѣль достигается въ сельскомъ хозяйствѣ и достигается ли она вообще? Откуда въ сельскомъ хозяйствѣ берется тотъ избытокъ надъ прибылью, который капиталистъ, безъ ущерба для себя, можетъ удѣлять землевладѣльцу? «Трудность, говоритъ справедливо Марксъ, заключается не въ томъ, чтобы объяснить

---

*) Carl Dietzel. Die Volkswirthchaft u. ihre Verhältniss zur Gesellschaft u. Staat., 1864. стр. 291.

**) G. Schönberg. Handbuch d. politisch. Oeconomie, изд. первое, стр. 606.

вообще возникновеніе прибавочнаго продукта, произведеннаго земледѣльческимъ капиталомъ, и соотвѣтствующей ему прибавочной стоимости. Этотъ вопросъ, собственно говоря, разрѣшенъ при анализѣ прибавочной стоимости, которую производитъ всякій производительный капиталъ, въ какой бы отрасли онъ помѣщенъ ни былъ. Трудность заключается въ томъ, чтобы доказать, откуда возникаетъ избыточная часть прибавочной стоимости на капиталъ, помѣщенный въ землѣ, которую капиталистъ платитъ землевладѣльцу въ видѣ земельной ренты, откуда возникаетъ такой избытокъ, остающійся послѣ равномѣрнаго распредѣленія прибавочной стоимости между различными капиталами въ видѣ средней прибыли, соотвѣтственно ихъ относительнымъ величинамъ, послѣ распредѣленія всей прибавочной стоимости, произведенной общественнымъ капиталомъ во всѣхъ отрасляхъ производства вмѣстѣ взятыхъ, откуда послѣ такого, повидимому, уже совершившагося распредѣленія всей прибавочной стоимости, которая вообще подлежала распредѣленію, является еще какая-то избыточная часть прибавочной стоимости, платимая въ видѣ ренты землевладѣльцу» *)? Разрѣшеніе вопроса Марксъ находитъ въ *предположеніи*, что строеніе капитала въ земледѣліи ниже средняго общественнаго капитала, т. е. что перемѣнная часть капитала въ земледѣліи относительно больше. «Для формы ренты, говоритъ онъ, которую мы изучаемъ въ настоящее время (т. е. для абсолютной ренты), достаточно сдѣлать такое предположеніе. Тамъ, гдѣ оно сдѣлано быть не можетъ, исчезаетъ также и соотвѣтствующая ему форма ренты» **). Мы выше видѣли, что весь вопросъ о рентѣ долженъ быть сведенъ именно къ абсолютной рентѣ. И вотъ, чтобы найти эту ренту, Марксъ считаетъ необходимымъ (и единственно возможнымъ) *предположить* низкое строеніе земледѣльческаго капитала,—фактъ, который, по его же собственному мнѣнію, можно доказать только статистическимъ путемъ ***). Не значитъ ли это оставить вопросъ объ источникѣ ренты открытымъ? Для насъ затрудненіе еще тѣмъ сильнѣе, что, какъ мы показали въ своемъ мѣстѣ, тѣ фактическія данныя, которыя имѣются по этому предмету (правда отрывочныя и неполныя), не говорятъ о низкомъ строеніи земледѣльческаго капитала, а если бы оно даже имѣлось на лицо, то оно было бы парализовано дѣйствіемъ неблагопріятнаго отношенія между временемъ производства и рабочимъ временемъ и низкой нормой прибавочной стоимости.

Марксъ относится отрицательно къ монопольной цѣнѣ, какъ источнику ренты. «Насколько земледѣльческая рента, говоритъ онъ, представляетъ простую монопольную цѣну, рента эта можетъ быть только незначительной» ****). Этого положенія онъ не доказываетъ. Но въ

---

*) Капиталъ, III стр. 645.
**) Тамъ же, стр. 626—627.
***) Тамъ же, стр. 626.
****) Тамъ же, стр. 636.

другомъ мѣстѣ, говоря о разницѣ между цѣнностью и рыночной цѣной, онъ ее принимаетъ регуляторомъ нормы прибыли въ промышленностяхъ съ разнымъ строемъ капитала, разной нормой прибавочной стоимости и разнымъ отношеніемъ времени производства и рабочаго времени,—регуляторомъ, исходящимъ изъ конкурренціи капиталовъ между собою *). Если промышленность находится въ невыгодныхъ условіяхъ, то рыночная цѣна ея продуктовъ поднимается до уровня ихъ цѣнности, не смотря на то, что продукты другихъ отраслей промышленности продаются ниже ихъ цѣнности. Но разъ можно допустить это исключеніе для невыгодной промышленности, то почему нельзя идти далѣе и допустить, что если промышленность до того невыгодна, что даже реализація ея продуктовъ по ихъ цѣнности не даетъ средней нормы прибыли, то рыночная цѣна продуктовъ поднимается *выше* цѣнности, т. е. достигаетъ монопольной цѣны? Судя по тѣмъ невыгоднымъ условіямъ, въ которыхъ находится земледѣльческое производство,—низкая норма прибавочной стоимости и сильный перевѣсъ времени производства надъ рабочимъ временемъ,—и тому исключительному характеру, который имѣетъ распредѣленіе земледѣльческой прибавочной стоимости, по причинѣ громаднаго значенія здѣсь земли и поэтому ренты,—судя по всему этому, нужно думать, что тамъ, гдѣ капиталистическое земледѣліе существуетъ и гдѣ, слѣдовательно, капиталъ долженъ имѣть извѣстную среднюю норму прибыли, а землевладѣлецъ—извѣстную ренту, монопольная цѣна обязательна. Поэтому-то въ то время, когда всемірная торговля еще не успѣла наложить свою руку на сельское хозяйство, капитализмъ въ этой промышленности себя прекрасно чувствовалъ въ тѣхъ странахъ гдѣ преобладало крупное землевладѣніе и гдѣ, слѣдовательно, мелкое хозяйство, не считающееся со средней нормой прибыли и съ наличностью ренты, не являлось болѣе или менѣе серьезнымъ препятствіемъ къ поднятію цѣны до уровня монопольныхъ цѣнъ. Примѣромъ такой страны можетъ служить Англія, гдѣ капиталистическое сельское хозяйство процвѣтало до конца 60-хъ годовъ. Иначе было въ странахъ съ преобладаніемъ мелкаго землевладѣнія. Тамъ тотъ процессъ, который обострился начиная съ 70-хъ годовъ, въ менѣе рѣзкой формѣ дѣйствовалъ во все время существованія капиталистическаго сельскаго хозяйства, т. е. мелкое хозяйство не только прекрасно функціонировало рядомъ съ капиталистическимъ, но временами даже вытѣсняло его. Въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, по разсчету Конрада **), отъ 1858 по 1878 годъ крестьянскія владѣнія отъ 1,25 гектара до 75 гект. увеличились на 7%, между тѣмъ какъ владѣнія болѣе 50 гектаровъ сократились на 8%. Въ Бельгіи въ 1846 году хозяйствъ съ участками свыше 20 гек-

*) Тамъ же, стр. 147.

**) Землевладѣніе и сельское хозяйство, изд. Водовозовыхъ, стр. 93.

таровъ было 3,4% всѣхъ хозяйствъ, въ 1866 г. ихъ осталось уже 2,7%. а въ 1880 году всего 1,7% *). Въ болѣе рѣзкой формѣ тотъ же фактъ выражается во Франціи. Monny de Mornay въ своемъ докладѣ министру земледѣлія о результатахъ анкеты 1870 года указываетъ на то, что «большія имѣнія, за рѣдкими исключеніями, раздробились; имѣнія въ 100 гектаровъ въ каждомъ департаментѣ на перечетъ... Число имѣній средней величины сокращается все болѣе и болѣе... Что крупное землевладѣніе потеряло и что среднее теряетъ изо дня въ день, все это достается мелкому землевладѣнію... Мелкое землевладѣніе владѣетъ большей частью сельско-хозяйственной площади и его размѣры безпрерывно увеличиваются» **). Особенно поучительна исторія русскаго сельскаго хозяйства въ пореформенное время. Уже съ первыхъ дней освобожденія крестьянъ и русскаго денежнаго хозяйства, помѣщичье хозяйство начинаетъ жаловаться на плохія дѣла, и судя по тому, какъ земля все болѣе таетъ (прямо—чрезъ продажу, и косвенно—чрезъ сдачу въ аренду) въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ, нельзя не сознаться, что эти жалобы имѣли основаніе. Въ Московскомъ уѣздѣ за десятилѣтіе 1865—1875 г. площадь дворянскаго землевладѣнія сократилась на 24,75 процента, купеческое землевладѣніе увеличилось въ 2,85 раза, мѣщанское въ 2 раза; крестьянское же увеличилось въ *шесть* разъ ***). Во всей Московской губерніи въ мелкомъ хозяйствѣ (до 50 десятинъ) было въ 1865 году 24,901 десятинъ, а въ 1876—77 г.—27,601; за 11—12 лѣтъ произошло увеличеніе на 11 почти процентовъ. Наоборотъ, среднее хозяйство (50—200 дес.) потеряло 13,493 десятинъ или 9,6 проц. собственности и крупное—84,075 десятинъ или около 9 процентовъ ****). Признакомъ сравнительной устойчивости хозяйства служитъ также періодъ полной мобилизаціи земельной собственности. Во вторую половину 60-хъ годовъ въ Тамбовской губ. этотъ періодъ стоялъ на минимумѣ у дворянъ, у которыхъ онъ равнялся 32 годамъ; у купцовъ онъ составлялъ 56 лѣтъ; максимальный же періодъ мобилизаціи—59 лѣтъ, дали крестьяне. Также интересны данныя объ участіи въ пріобрѣтеніяхъ разныхъ категорій владѣній. Максимумъ—28,4—33 процента дали участки до 50 десятинъ (мелкое хозяйство); среднее хозяйство дало 12—20,7 процента, а крупное (свыше 500 дес.) дало всего 2,6—3,3 процента *****). Въ Путивльскомъ уѣздѣ Курской губерніи «дворяне пріобрѣтаютъ земли нѣсколько менѣе, нежели от-

*) Тоже, стр. 97.

**) General-Bericht über die französische Ackerbau—Enquête, erstattet an den Minister für Ackerbau von I. Le Monny de Mornay. Deutsch bearbeitet v. dr. Bauer, 1871. Стр. 9—10.

***) Сборникъ статист. свѣдѣній по Московской губ., т. I, стр. 6—7.

****) Тамъ же, т. V, вып. I, приложенія.

*****) Н. Романовъ. Движеніе земельной собственности Тамбовской губ., стр. 98—99 и 101.

чуждаютъ, купцы пріобрѣтаютъ въ $3^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ отчуждаютъ, мѣщане—въ 3 раза, а крестьяне въ *семнадцать* разъ (данныя касаются 1879—1884 гг.) *). Въ Воронежскомъ уѣздѣ за десятилѣтіе 1873—1883 гг. дворяне продали земли болѣе, чѣмъ купили, на 32,1%, купцы купили болѣе на 63,8%, а крестьяне на 94,6% **). Въ Екатеринославской губерніи за 20 лѣтъ отъ 1866 по 1887 г. произошли въ характерѣ землевладѣнія такія перемѣны: въ Екатеринославскомъ уѣздѣ изъ потерянной дворянами земли пріобрѣли: мѣщане 3 тысячи, купцы 15 тысячъ и крестьяне и нѣмцы-колонисты 73 тысячи десятинъ; въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ мѣщане пріобрѣли 12 тыс. десятинъ, купцы 39 тысячъ и крестьяне и нѣмцы 93 тысячи; въ Павлоградскомъ уѣздѣ крестьяне и нѣмцы пріобрѣли 83 тыс. дес., а купцы и мѣщане вмѣстѣ 26 тыс.; въ Бахмутскомъ уѣздѣ первая группа пріобрѣла 61 тыс. десятинъ, купцы 42 тыс. и мѣщане 3 тыс.; въ Александровскомъ уѣздѣ вся отчужденная дворянами земля почти перешла къ крестьянамъ и нѣмцамъ-колонистамъ ***). Въ Херсонской губ. отъ конца 60-хъ до конца 80-хъ увеличили свое землевладѣніе на счетъ дворянскаго: купцы и евреи на 268 тыс. десятинъ, нѣмцы и иностранно-подданные на 349,8 тысячъ, а крестьяне и мѣщане на 379,5 тыс. десят. ****).

Но крестьянскія земельныя пріобрѣтенія не могутъ быть достаточнымъ показателемъ вытѣсненія крупнаго хозяйства мелкимъ. Для того, чтобы крестьянинъ могъ пріобрѣсть землю, мало того, чтобы его хозяйство было выгодно; оно должно его обогащать, о чемъ при нашемъ малоземеліи, при скудости внѣземледѣльческихъ промысловъ, при обременительности податного обложенія и т. д., понятно не можетъ быть рѣчи. Вслѣдствіе этого гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ у насъ другой видъ вытѣсненія капиталистическаго земледѣлія—посредствомъ перехода владѣльческой земли въ руки крестьянъ на правахъ аренды. Этому вопросу посвятила много вниманія основная земская статистика. Такъ какъ статистическія изслѣдованія производились главнымъ образомъ до средины 80-хъ годовъ (изъ всѣхъ опубликованныхъ до 1890 подворныхъ переписей, охватившихъ 150 уѣздовъ, изслѣдованія производились по 1885 г., т. е. годъ, когда стали у насъ говорить о сельско-хозяйственномъ кризисѣ въ 110 уѣздахъ) *****), то, очевидно, полученные результаты должны характеризовать, такъ сказать, нормальное

*) Сборн. стат. свѣд. по Курской губ. Путивльскій у., стр. 467.

**) Сб. ст. свѣд. по Воронежской губ., т. I, отд. I, стр. 208.

***) Н. Турба. Движеніе земельной собственности въ Екатеринославской губ. «Новор. календарь», 1892 г., отд. IV, стр. 37—38.

****) Н. Борисовъ. Движеніе частной земельн. собствен. въ Херсон. губ. «Нов. кал.», 1893, IV, 88.

*****) Итоги экономич. изслѣдованія Россіи, т. I. А. Фортунатовъ. Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства, стр. VIII.

положеніе вещей,—положеніе вещей, на которое кризисъ еще не успѣлъ повліять.

Сдача въ аренду крестьянской надѣльной земли, хотя и случается, но какъ рѣдкое явленіе, вызываемое такими ничего общаго съ сущностью мелкаго хозяйства не имѣющими причинами, какъ крайнее малоземелье, при которомъ хозяйство на собственномъ участкѣ немыслимо,—какъ сильная задолженность, которая не рѣдко заставляетъ крестьянина на тотъ или иной срокъ сдать свой надѣлъ кулаку,—какъ случайныя потери инвентаря, отсутствіе въ хозяйствѣ взрослыхъ рабочихъ и т. д. Регистраціи подчиняются, главнымъ образомъ, двѣ изъ перечисленныхъ причинъ — малоземелье и отсутствіе взрослыхъ рабочихъ въ семьѣ. Роль этихъ двухъ причинъ въ дѣлѣ сдачи въ аренду крестьянскихъ надѣловъ видна изъ слѣдующей таблички *).

	% хозяйствъ, сдающихъ надѣлы въ аренду.	На 1 мужчину приходится десятинъ надѣльной земли.	% хозяйствъ безъ работниковъ.
Бывшіе госуд. крестьяне.	7,9	4,6	5,7
Крестьяне-собственники .	8,6	4,5	6,1
Быв. помѣщ. крестьяне .	9,4	2,4	6,9
Дарственники	10,2	0,8	6,9

Т. е. чѣмъ меньше десятинъ приходится на мужчину и чѣмъ выше процентъ безработныхъ дворовъ, тѣмъ процентъ хозяйствъ, сдающихъ надѣлы въ аренду, выше. Но и сдающаяся въ аренду крестьянская земля рѣдко выходитъ изъ своей среды; чаще всего арендаторомъ является свой же братъ—крестьянинъ. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ этотъ фактъ вовсе не свидѣтельствуетъ о сокращеніи площади мелкаго хозяйства. За то крестьянская внѣнадѣльная аренда является несомнѣннымъ факторомъ сокращенія площади крупнаго хозяйства. Какъ велика вообще внѣнадѣльная крестьянская аренда, видно изъ того, что въ 126 уѣздахъ, въ которыхъ все крестьянское землевладѣніе опредѣляется 36,35 милл. десятинъ, крестьяне въ общей сложности арендуютъ не менѣе 7 милл. десятинъ внѣнадѣльной земли, т. е. болѣе 19 процентовъ своей собственности **). Слѣдовательно, крестьяне не только крѣпко держатся за собственную землю, но усиленно расширяютъ свое землепользованіе на счетъ собственности другихъ землевладѣльческихъ группъ. Иначе относится къ дѣлу частновладѣльческое хозяйство. Изъ 42-хъ уѣздовъ, о которыхъ имѣются

---

*) Н. А. Благовѣщенскій. Сводный статист. сборникъ хозяйственныхъ свѣдѣній по земскимъ подворнымъ переписямъ. Т. I. Крестьянское хозяйство. Стр. 189 и 191.

**) Итоги экономич. изслѣдованія Россіи. Т. II. Н. Карышевъ. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды, стр. VII.

болѣе или менѣе достаточныя данныя, только въ 7-ми крестьяне арендуютъ менѣе 10 процентовъ владѣльческой земли, въ 15-ти уѣздахъ крестьянская аренда достигаетъ 10—19 процентовъ, въ 10-ти уѣздахъ 21—30 проц., въ 5-ти 31—37 проц., въ 5-ти 40—47 проц. и въ одномъ 67 процентовъ *). Чтобы понять все значеніе этихъ цифръ, необходимо знать, что рѣчь тутъ идетъ исключительно объ арендѣ пахатной земли **), сопоставляемой съ общей цифрой частнаго владѣнія, въ которую входятъ всѣ безъ исключенія угодья. Между тѣмъ пахатная земля составляетъ всего около 27,6 проц. владѣльческой собственности. Очевидно, если сопоставить аренду съ одной пахатной землей, отношеніе должно еще выше подняться.—Интересна роль аренды въ разныхъ классахъ частнаго землевладѣнія. По нѣкоторымъ уѣздамъ данныя этого рода приводятся въ слѣдующей таблицѣ ***).

Въ уѣздахъ:	Мелкое землевладѣніе (до 50 десятинъ).	Крупное и среднее землевладѣніе (свыше 50-ти десятинъ).
	Сдается въ аренду.	% владѣнія.
Ямбургскомъ	6,6	61,0—93,3
Курскомъ	34,2	60,0
Саратовскомъ	7,0	51,0—74,0
Царицынскомъ	0,0	24,0—60,0
Грайворонскомъ	21,8	45,2
Рыльскомъ	7,2	33,5
Фатежскомъ	6,8	32,9
Дмитровскомъ	7,2	32,9
Суджанскомъ	14,3	31,9
Льговскомъ	6,2	29,9
Обоянскомъ	29,3	36,4—41,7
Щигровскомъ	19,8	28,3
Казанскомъ	18,2	32,1—46,2
Мценскомъ	7,9	18,9—28,5
Зеньковскомъ	7,0	16,2—26,0
Лубенскомъ	0,0	14,9—26,0
Славяносербскомъ	0,0	3,2—41,2
Елецкомъ	8,8	6,1—16,3

Эта таблица не нуждается въ комментаріяхъ, такъ какъ и при самомъ бѣгломъ обозрѣніи не трудно въ ней прослѣдить тотъ общій для всѣхъ перечисленныхъ уѣздовъ фактъ, что какъ бы доля собственности, сдаваемой частными владѣльцами въ аренду, ни колебалась, она въ среднемъ и крупномъ землевладѣніи всегда выше, чѣмъ въ мелкомъ.

*) Н. Карышевъ, стр. 77.
**) Тамъ же, стр. 78.
***) Тамъ же, стр. 93—106.

Защитники крупнаго сельскаго хозяйства объясняютъ затрудненія нашего помѣщичьяго (напоминаемъ, что мы говоримъ о времени до кризиса) хозяйства недостаткомъ оборотнаго капитала. Но они упускаютъ изъ виду одно важное обстоятельство. Если даже допустить, что освобожденіе крестьянъ застало наше частное землевладѣніе вовсе безъ оборотнаго капитала, то оно его получило въ достаточной степени въ ближайшее же двадцатипятилѣтіе. По 1886 годъ владѣльческое хозяйство получило: отъ выкупной операціи 439 милліоновъ руб. и отъ операцій по закладу имѣній въ земельныхъ банкахъ 659 милл.; всего, слѣдовательно, не считая суммъ, вырученныхъ отъ продажи владѣльческихъ земель, отъ сдачи земель въ аренду и проч., притекло новаго капитала въ наше помѣщичье хозяйство 1,098 милл. руб. *). Такъ какъ по даннымъ 1878 года площадь пахотныхъ земель, составляющая частную собственность, исчисляется въ 30 милл. десятинъ, то, очевидно, на каждую десятину притекло новаго капитала 36,6 руб. Если принять стоимость земли въ 100 руб. за десятину, — цифра несомнѣнно слишкомъ высокая,—то и тогда окажется, что если оборотнаго капитала во владѣльческомъ хозяйствѣ раньше даже вовсе не было, то только выкупная операція и земельные банки его доставили болѣе чѣмъ въ достаточной степени—36,6 процента стоимости земли; между тѣмъ какъ Goltz считаетъ достаточнымъ, даже для интенсивнаго хозяйства, капиталъ въ 35 процентовъ стоимости земли, а для экстенсивнаго, котораго наше частное землевладѣніе главнымъ образомъ и придерживается, только въ 21 процентъ. Можно ли тутъ говорить о недостаткѣ оборотнаго капитала?..

Итакъ, капитализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ, располагающій по разнымъ причинамъ, о которыхъ было говорено выше, нормой прибыли болѣе низкой, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности, а нуждающійся, наоборотъ, въ нормѣ прибыли болѣе высокой, вслѣдствіе того выдающагося мѣста, которое здѣсь занимаетъ рента,— этотъ капитализмъ можетъ существовать только при монопольныхъ цѣнахъ на сельско-хозяйственные продукты. До расцвѣта мірового обмѣна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, препятствіе въ отношеніи установленія монопольныхъ цѣнъ капитализмъ находилъ только въ мелкомъ хозяйствѣ, которое по разнымъ историческимъ причинамъ было въ Европѣ мало развито и потому было безсильно въ дѣлѣ ограниченія капиталистическихъ аппетитовъ; тамъ же, гдѣ этихъ историческихъ причинъ не было, сельско-хозяйственный капитализмъ всегда влачилъ жалкое существованіе, изнемогая въ борьбѣ съ крестьянскимъ хозяйствомъ. Теперь на помощь мелкому хозяйству пришли молодыя страны.

Сила этихъ странъ заключается не въ томъ, что земля ихъ

---

*) Временникъ Центр. Стат. Комитета, № 2. О задолженно ти землевладѣнія. 1888. стр. X.

плодороднѣе или хозяйственные расходы ниже, чѣмъ въ западной Европѣ, — то и другое вовсе не составляетъ ихъ отличительной черты,—а въ томъ, что для нихъ земля не капиталъ. Въ этомъ отношеніи мы тутъ находимъ ту же особенность, что въ мелкомъ хозяйствѣ, хотя и по инымъ основаніямъ. Въ мелкомъ хозяйствѣ земля — не капиталъ не потому, что она ничего не стоитъ, — въ Германіи и Франціи, напримѣръ, крестьянская земля, наоборотъ, цѣнится дороже владѣльческой,—а потому, что мелкій хозяинъ—не капиталистъ, почему онъ и не смотритъ на «земельный капиталъ» какъ на особый источникъ дохода. Въ молодыхъ же странахъ этотъ взглядъ на землю не обязателенъ, но земля тамъ всетаки не капиталъ, такъ какъ она имѣетъ ничтожную рыночную стоимость. Приведемъ нѣкоторыя данныя, характеризующія этотъ фактъ. Въ Великобританіи гектаръ земли всѣхъ родовъ, по разсчету Керда (для 1886 года) стоитъ 1,440 франковъ. Во Франціи вообще не застроенная земля цѣнится въ 1,700 франковъ (1889 г.), а пахотная земля—въ 2,197 франковъ (1879 г.) за гектаръ. Въ Бельгіи (1880 г.) гектаръ земли стоитъ 3,975 франковъ, а пахотной земли—4,261 франкъ *). Въ Пруссіи (1879—81 гг.) средняя цѣна гектара—1,849 франковъ (1497,64 марки), а въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи—4,916 франковъ (3981,85 марки), въ районѣ рейнской крестьянской собственности — даже 5—10 тысячъ франковъ (4—8 тысячъ марокъ) **). Такова, приблизительно, стоимость земли въ западной Европѣ. Посмотримъ, какъ обстоитъ это дѣло въ конкуррирующихъ на хлѣбномъ рынкѣ съ нею странахъ. Здѣсь самую дорогую землю мы находимъ въ старыхъ штатахъ Сѣверной Америки и въ Европейской Россіи. Акръ обработанной и застроенной земли продается въ Массачузетсѣ по 85 долларовъ (гектаръ—около 1,102 франковъ), въ Нью Джерсеѣ—по 82,4 дол. (гектаръ—1,068 фр.), въ Нью-Іоркѣ—45,75 дол. (гектаръ—600 фр.) ***). Въ Россіи въ 1889 году земли продавались по 90 рублей за десятину (гектаръ — 238 франковъ) въ черноземной полосѣ и по 51 рублю (гектаръ—135 франковъ) въ нечерноземной полосѣ ****). Слѣдовательно, уже въ этихъ районахъ дорогихъ земель мы находимъ относительно западной Европы чувствительную разницу. Но въ молодыхъ странахъ въ строгомъ смыслѣ земля значительно еще дешевле. Къ западу отъ Миссисипи земля цѣнится отъ 246 франковъ (акръ 18,86 дол. — штатъ Кентуки) до 78 франковъ (акръ — 5,89 дол.—штатъ Дакота); государственныя же земли (не обработанныя и не застроенныя) продаются по 25—32 франка за гектаръ (1¼—2½ дол. за акръ); даже земли желѣзнодорожныхъ компаній продаются по 64 франка *****). Въ

---

*) Foville. La France économique, 1889, стр. 76—77 и 81—82.
**) M. Sering. Die landw. Konkurrenz Nordamerikas, 1887, стр. 183.
***) Тамъ же, стр. 463.
****) А. Фортунатовъ. Сельско-хозяйственная статистика, стр. 93.
*****) Sering, стр. 463.

Австраліи въ 1889 году земля продавалась на аукціонахъ по такимъ цѣнамъ: въ Южной Австраліи и Новой Зеландіи по 69 франковъ за гектаръ (акръ—1 фунтъ 2 шил. 6 пенсовъ), а въ Западной Австраліи по 12,3 франка (акръ—3 шил: 10 пенсовъ) *).

Такая крупная разница въ земельныхъ цѣнахъ давала большія преимущества даже капиталистическому хозяйству молодыхъ странъ передъ капиталистическимъ хозяйствомъ старой Европы. Но въ этомъ фазисѣ кризиса, когда европейскому хозяйству приходилось считаться только съ капиталистическимъ хозяйствомъ молодыхъ странъ, его положеніе еще было сравнительно сносно, такъ какъ и его конкурренты, въ качествѣ капиталистовъ, нуждались, хотя и въ болѣе умѣренной, вслѣдствіе низкихъ земельныхъ цѣнъ и потому ничтожной ренты, монопольной цѣнѣ, но всетаки достаточно высокой, чтобы покрыть среднюю норму прибыли (которой, какъ мы знаемъ, одна прибавочная стоимость не даетъ въ сельскомъ хозяйствѣ). Дѣло приняло совершенно новую форму, когда молодыя страны, эти демократы по призванію, поняли, что безъ демократическаго землевладѣнія не можетъ быть демократизма. Тогда пробилъ послѣдній часъ монопольной цѣны, сельско-хозяйственный капитализмъ молодыхъ странъ очутился въ критическомъ положеніи, а положеніе западно-европейскаго сельско-хозяйственнаго капитализма сдѣлалось отчаяннымъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ исторія демократизаціи землевладѣнія начинается съ изданія 20 мая 1860 г. закона о Homstead'ахъ, который въ 1874 и 1878 годахъ подвергся сильнымъ измѣненіямъ съ цѣлью лучшаго обозпеченія за мелкимъ хозяйствомъ государственной земли **). Въ Австраліи, аналогичный закону о Homstead'ахъ, былъ изданъ въ 1885 году законъ о продажѣ государственной земли небольшими участками (не свыше 320 акровъ) на условіяхъ постепенной выплаты, въ теченіе 32-хъ лѣтъ, по цѣнѣ 1 фунта стерлинговъ за акръ (62 франка за гектаръ), которая разсрочивается такимъ образомъ: задаточныхъ вносится по 2 шил. за акръ (около 6,2 франка за гектаръ или около $2^1/_2$ рублей за десятину), въ концѣ третьяго года долженъ быть сдѣланъ на каждый акръ взносъ въ 1 шиллингъ, который послѣ этого дѣлается въ концѣ каждаго года—до конца 32-хъ-лѣтняго срока, когда земля переходитъ въ полную собственность земледѣльца при уплатѣ добавочной суммы въ 1 шил. 3 пенса за акръ **). Въ Викторіи такой же участокъ можно выкупить въ теченіе 6 лѣтъ взносами въ 1 шиллингъ ежегодно ***). Благотворное дѣйствіе этихъ законовъ, развязавшихъ руки мелкому хозяйству, плохо

*) Ed. Greville, 1891, стр. 156.

**) Sering, стр. 119—121. Подробности о Homstead'ахъ у Л. Ходскаго («Земля и земледѣльцы», т. I) и у Орбинскаго («Хлѣбная торговля въ С. Штатахъ»).

***) Ed. Greville, стр. 165—169.

****) Тамъ же, стр. 188.

снабженному денежными средствами, прекрасно выяснилось въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ хозяйственными переписями было найдено на среднюю форму акровъ земли: въ 1850 году 203, въ 1860 году 199, въ 1870 году 153 и въ 1880 году 134; причемъ, въ послѣднемъ году въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ было всего 0,7 проц. земледѣльческой площади, въ рукахъ среднихъ (500—1000 акровъ) около 12 процентовъ, въ рукахъ мелкихъ (20—500 акровъ или 8—202,5 гектара) 77,5 проц., а остальные 9,8 проц. составляли участки ниже 20 акровъ *).

VII.

Подведемъ итоги.

Въ сельскомъ хозяйствѣ капитализмъ не можетъ имѣть того же значенія, что въ обрабатывающей промышленности. Въ послѣдней онъ находитъ себѣ могучую поддержку въ крупномъ производствѣ, въ тѣхъ техническихъ усовершенствованіяхъ, въ той экономіи времени и труда, которыя связаны въ обрабатывающей промышленности исключительно съ крупнымъ производствомъ и потому составляютъ привилегію капитализма. Эта поддержка имѣетъ тамъ крупное значеніе. Она обезпечиваетъ капитализму такую прибавочную стоимость, которой вполнѣ хватаетъ, съ одной стороны, для удовлетворенія потребности капитализма въ средней нормѣ прибыли, а съ другой—для реализаціи производимыхъ товаровъ ниже ихъ цѣнности—фактъ весьма важный въ дѣлѣ борьбы капитализма съ естественнымъ своимъ врагомъ, мелкимъ производствомъ. Крупное производство имѣетъ свои преимущества и въ сельскомъ хозяйствѣ, но здѣсь эти преимущества ограничены. Они выражаются только въ нѣкоторой экономіи производственнаго потребленія построекъ и инвентаря; но ни техника, ни экономія труда почти не приходятъ на помощь капитализму, или если и приходятъ въ исключительныхъ случаяхъ (напр. при молотьбѣ), то приносятъ ему въ общемъ небольшую пользу. Поэтому сельско-хозяйственный капитализмъ располагаетъ относительно малою прибавочной стоимостью, которая, при реализаціи въ прибыль, сталкивается съ новыми особенностями сельско-хозяйственнаго производства (главнымъ образомъ, съ неблагопріятнымъ отношеніемъ времени производства и рабочаго времени) и даетъ въ результатѣ еще болѣе низкую норму прибыли. Между тѣмъ и эта низкая норма прибыли должна здѣсь еще подвергнуться дальнѣйшему сокращенію, вслѣдствіе выдающейся роли, которую играетъ въ сельскомъ хозяйствѣ земля и обусловливаемая ею, при частномъ и крупномъ землевладѣніи, рента. Все это приводитъ къ тому, что существованіе сельско-хозяйственнаго капитализма тѣсно связывается съ монопольными цѣнами на сельско-хозяйственные продукты. Но если въ «доброе старое время» въ своемъ стремленіи къ монопольнымъ цѣнамъ сельско-хозяй-

*) Sering, стр. 138.

ственный капитализмъ встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны одного мѣстнаго мелкаго хозяйства,—противодѣйствіе, значительно ослабленное цѣлымъ рядомъ историческихъ несправедливостей, то теперь онъ нашелъ новаго, могущественнаго противника въ молодыхъ странахъ, гдѣ мелкое хозяйство имѣетъ широкій просторъ для своего развитія. Новыя условія хозяйства, получившія рѣшающую силу, благодаря выдающимся успѣхамъ техники перевозочнаго дѣла, а отсюда—широкому развитію мірового товарнаго обмѣна, нанесли тяжелый ударъ сельско-хозяйственному капитализму. Пока въ полной степени ударъ коснулся только земледѣлія. Но и положеніе скотоводства ухудшается съ каждымъ годомъ и, если дальнѣйшій ходъ развитія техники перевозочнаго дѣла оправдаетъ возлагаемыя на него надежды, то не далекъ и тотъ день, когда капиталисты-скотоводы окажутся въ критическомъ положеніи.

Можно ли разсчитывать на возвратъ, въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ, времени монопольныхъ цѣнъ? Во имя прогресса и справедливости, во имя интересовъ той массы населенія, которая не объ обогащеніи думаетъ, а объ обезпеченіи себѣ трудами рукъ своихъ одного человѣческаго существованія,—существованія не рабочей машины, которая существуетъ лишь потому, что должна работать и которая съ потерей работы теряетъ право на жизнь, а разумнаго человѣка,—во имя всего этого нужно желать, чтобы это будущее никогда не наступило. Да врядъ ли оно и можетъ наступить, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее отъ насъ столѣтіе. Правда, оптимисты капитализма находятъ въ настоящемъ состояніи мірового хозяйства рядъ симптомовъ, свидѣтельствующихъ, будто бы, что монопольныя цѣны на сельско-хозяйственные продукты не за горами. Но справедливо ли это предсказаніе? Много надеждъ возлагается на начавшійся въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки процессъ сокращенія хлѣбнаго производства; но сокращеніе это объясняется тѣмъ, что центръ тяжести хлѣбной промышленности переходитъ изъ старыхъ штатовъ, гдѣ сельско-хозяйственный капитализмъ успѣлъ въ свое время свить себѣ гнѣздо, въ молодые штаты, гдѣ земля еще составляетъ государственную собственность или баснословно дешева и, слѣдовательно, вполнѣ открыта для мелкаго хозяйства. Какъ быстро въ послѣднихъ штатахъ развивается сельское хозяйство, можно видѣть изъ того, что въ 70-хъ годахъ сельско-хозяйственный кризисъ былъ вызванъ производствомъ въ 312 милл. бушелей пшеницы во всѣхъ штатахъ, между тѣмъ какъ въ 1889 году только 10 молодыхъ штатовъ—Минезота, Калифорнія, Дакота, Индіана, Иллинойсъ, Огейо, Канзасъ, Мичиганъ, Іова и Миссури — произвели пшеницы 343½ милл. бушелей *). Западъ Соединенныхъ Штатовъ теперь только заселяется и если онъ уже достигъ такихъ выдаю-

*) Juraschek, стр. 11 и 15.

щихся результатовъ, то чего слѣдуетъ ждать въ ближайшемъ будущемъ? И можно ли въ настоящее время считаться съ одними Штатами, когда предъ нами имѣется Южная Америка, хлѣбная промышленность которой ростетъ съ изумительной быстротой, Австралія, обѣщающая наводнить Европу своимъ хлѣбомъ, Сибирь, которой строющаяся желѣзная дорога широко раскрываетъ двери міровыхъ рынковъ, Кавказъ, Остъ-Индія, Японія, Китай и т. д., и т. д.? Кто-то выразился, что близко то время, когда цѣны, приводящія теперь сельскихъ хозяевъ въ изступленіе, сдѣлаются предметомъ ихъ мечтаній. Намъ думается, что въ этихъ словахъ нѣтъ никакого преувеличенія.

Итакъ, капиталистическое сельское хозяйство быстрыми шагами приближается къ своей естественной смерти. Но формы европейскаго землевладѣнія таковы, что со смертью сельско-хозяйственнаго капитализма связано сокращеніе европейскаго сельскаго хозяйства вообще—исходъ весьма не желательный ни для какой страны. Очевидно, необходимы мѣры для борьбы съ наступающимъ несчастіемъ. Мѣры эти возможны двухъ родовъ: можно спасти капитализмъ, обезпечивъ ему необходимую, единственно логическую для него обстановку—монопольныя цѣны, или можно предоставить мелкому хозяйству тѣ условія, при которыхъ оно въ состояніи заполнить то мѣсто, которое освобождается отъ кризиса капиталистическаго хозяйства. Монопольныя цѣны могутъ быть обезпечены только посредствомъ обложенія привоза высокими пошлинами. Но эта мѣра доступна лишь для странъ, нуждающихся въ привозномъ хлѣбѣ. Между тѣмъ именно здѣсь весьма ограниченная доля населенія заинтересована въ сельскомъ хозяйствѣ вообще, а въ капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ еще меньшая доля; въ дешевомъ же хлѣбѣ заинтересовано все населеніе. Можетъ ли цѣлая страна жертвовать—не въ теченіе одного или двухъ лѣтъ или даже цѣлаго десятилѣтія, а *всегда* своими интересами въ пользу одной кучки людей? Въ Германіи, Франціи и т. д. сельско-хозяйственный протекціонизмъ мыслимъ лишь до тѣхъ поръ, пока о немъ можно говорить какъ о временномъ явленіи. Спасенія сельскаго хозяйства стараго міра нельзя ждать съ этой стороны. Это хозяйство можетъ существовать, только отрѣшившись отъ теперешней капиталистической формы. До сихъ поръ совмѣщеніе въ одномъ лицѣ работника, капиталиста и землевладѣльца составляетъ коренную особенность только мелкаго хозяйства; по этому это хозяйство и имѣетъ большіе, чѣмъ крупное, залоги устойчивости, не смотря на нѣкоторыя техническія преимущества крупнаго производства. Если тѣ же основныя свойства, которыя характеризуютъ теперь мелкое сельское хозяйство, перейдутъ и на хозяйство крупное,—будущее можетъ принадлежать ему. Но вопросъ о возможной эволюціи и въ этомъ направленіи крупнаго сельскаго хозяйства не входитъ въ задачу нашей статьи.

Сам. Закъ.

ФАЙЗУЛЛА.

(Разсказъ).

I.

Какъ сейчасъ помню старика Файзуллу; помню его съ дѣтства, съ того самаго дня, когда въ первый разъ, мальчикомъ лѣтъ десяти, пріѣхалъ на лѣто къ дядѣ на хуторъ. Мой дядя, среднихъ въ то время лѣтъ холостякъ, съ увлеченіемъ занимался сельскимъ хозяйствомъ на арендованной у башкиръ землѣ, водилъ овецъ, засѣвалъ хлѣбъ, покупалъ его, выстроилъ мельницу, чтобы возить въ городъ болѣе цѣнный продуктъ— муку и, любя природу, являлся въ городъ только налетомъ по дѣламъ. Онъ много разсказывалъ о степномъ краѣ, порою увлекательно и живо, не уставалъ хвалить его просторъ и приволье, и мнѣ его жизнь тогда казалась похожею на жизнь первыхъ американскихъ поселенцевъ — романы Купера были уже мнѣ знакомы. Конечно, я зналъ, что башкиры не краснокожіе индѣйцы, что въ степи нѣтъ тѣхъ опасностей, какія окружали моихъ любимыхъ героевъ, но меня, незнакомаго съ деревней, тянуло на этотъ таинственный хуторъ и, наконецъ, при помощи дяди я уговорилъ матушку отпустить меня на цѣлое лѣто; она сама даже обѣщала пріѣхать недѣли на двѣ. Не стану описывать первыхъ впечатлѣній, — всякій пойметъ ихъ, представивъ себѣ немного мечтательнаго мальчика, вырвавшагося на свободу изъ подъ строгаго родительскаго надзора, въ первый разъ получившаго, правда, полудѣтское ружье, лошадку для верховой ѣзды и собаку. Все это было приготовлено дядей для меня не безъ сопротивленія со стороны матушки. Кромѣ того, было рѣшено приставить кого нибудь ко мнѣ вродѣ дядьки. По строгому размышленію, дядя остановился на одномъ изъ своихъ работниковъ — Файзуллѣ. — «Онъ, правда, плутъ,—тутъ же замѣтилъ дядя, но ловокъ на всѣ руки, хотя и старъ! Плаваетъ, какъ рыба, стрѣлять могъ бы на призъ, а верхомъ ѣздитъ такъ, какъ будто родился въ сѣдлѣ».—Матушка была въ этотъ день въ самомъ благо-

душном настроеніи и согласилась безъ сопротивленія, хотя и твердила многократно, что этотъ башкиръ, вѣроятно, до противности грязенъ.

II.

Первое лѣто былъ какой-то сплошной угаръ. Все было ново, все было, на мой взглядъ, замѣчательно, но лучше всего была полная свобода. Подъ руководствомъ Файзуллы, я могъ по желанію ѣздить верхомъ, рыбачить, ходить на охоту. Даже это единственное условіе,—присутствіе всюду стараго башкира, было такъ же, какъ все остальное, мнѣ по душѣ. Трудно было бы найти лучшаго товарища; онъ не проявлялъ, конечно, и тѣни гувернерства, но, видя, какъ онъ дѣлаетъ все, чего я не умѣлъ, какъ ловко таскаетъ большихъ окуней и линей, какъ мѣтко бьетъ куликовъ и утокъ, какъ легко перепрыгиваетъ черезъ кусты, чуть-чуть гикнувъ на лошадь, я чувствовалъ къ нему полное довѣріе и уваженіе и полюбилъ его отъ души, не смотря на безобразную наружность. Представьте себѣ хорошо сложеннаго, но низенькаго человѣка, крайне тощаго, такъ что кожа точно обтягивала всюду углы костей, тамъ даже, гдѣ ихъ вовсе не полагается. Это были, однако, не все кости, а мышцы, крѣпкія, какъ стальные канаты. Человѣкъ этотъ стоялъ всегда, по гусиному вытянувъ шею впередъ, точно готовый броситься въ бѣгъ, на растопыренныхъ, дугою согнутыхъ въ колѣняхъ ногахъ; на лошади же онъ былъ неузнаваемъ. Широкое скуластое лицо его, совершенно гладкое на щекахъ, украшалось рѣдкой, уже сѣдой бородкой, росшей откуда-то снизу; темнокаріе глаза, глубоко прятавшіеся въ узкопрорѣзанныхъ косыхъ щеляхъ, плоскій носъ, широкій ротъ съ двумя пучечками сѣдыхъ волосъ на верхней губѣ, замѣнявшихъ усы—вотъ остальныя черты его типичнаго лица. Монголъ былъ виденъ сразу самый чистокровный, только густыя клочковатыя брови и крутой высокій лобъ, уходившій вмѣстѣ съ бритымъ черепомъ подъ засаленую тюбитейку, могли бы принадлежать иной расѣ. Костюмъ его, крайне несложный, всегда былъ мѣстами разорванъ и запачканъ, сапоги въ прорѣхахъ, а вытертая лисья шапка, которую онъ носилъ и лѣтомъ, давно потеряла всякій видъ и всякій цвѣтъ. Но мастеръ онъ былъ, дѣйствительно, на всѣ руки и, самъ того не замѣчая, сумѣлъ вложить въ мою дѣтскую душу неизсякаемую любовь къ природѣ и разбудить сознанье той великой связи съ нею, безъ которой достойно жалости не только счастье, а и самая жизнь человѣка.

Лѣто мелькнуло, какъ сонъ, подошла осень; я долженъ былъ ѣхать въ городъ и, увы, поступать въ гимназію. Со слезами просилъ я дядю сохранить до будущаго года ружье и лошадь, а глав-

ное—Файзуллу, и, подъ условіемъ успѣшнаго ученія, получилъ отъ него обѣщаніе.

III.

Почти изъ года въ годъ съ тѣхъ поръ я ѣздилъ на каникулы къ дядѣ. Мѣнялись, конечно, впечатлѣнія по мѣрѣ того, какъ я росъ, но природа, какъ дорогая любимая книга, въ которой, много разъ ее перечитывая, находишь все новыя красоты, неистощима. Давно пересталъ я воображать себя поселенцемъ «Дальняго Запада», давно Файзулла потерялъ въ моихъ глазахъ остатокъ сходства съ вождемъ дикихъ племенъ. Я началъ понимать жизнь, и первые плоды пониманія не показались мнѣ сладки. Старый башкиръ самъ, повидимому, привязался ко мнѣ, но отношенія наши, покоряясь времени, должны были измѣниться. Я перешелъ уже въ пятый классъ, когда, пріѣхавъ на хуторъ, не засталъ старика. Мнѣ казалось тогда, хотя въ послѣдній годъ между нами уже не было прежнихъ отношеній, что я потерялъ друга, и я непремѣнно заплакалъ бы, если бы не сознаніе, что я уже большой; въ этотъ годъ мать подарила мнѣ превосходную двухстволку и вмѣстѣ со мной изъ города привели «настоящую», какъ называлъ я, лошадь. Тѣмъ не менѣе уже за завтракомъ я приставалъ къ дядѣ съ разспросами, куда дѣлся старый башкиръ? Дядя долго не отвѣчалъ и, наконецъ, разразился филиппикой:

— Старый негодяй взялся за прежнее ремесло. Осенью, послѣ твоего отъѣзда, сталъ онъ просить разсчета. Я не хотѣлъ было отпускать—за эти годы, признаться, и я къ нему привязался: ловокъ, услужливъ, хотя и грязенъ,—но онъ говорилъ, что ему скучно, что его «тянетъ». Я зналъ уже, что это значитъ, и отпустилъ его. Какъ волка ни корми...—началъ было дядя желчно, но я не далъ докончить.

— Гдѣ же онъ?

— Чортъ его знаетъ! Шляется гдѣ нибудь; въ деревнѣ не живетъ, да и что ему въ деревнѣ? У него ни кола, ни двора. Говорятъ, ушелъ на пріиски; онъ и раньше, до поступленья ко мнѣ, ходилъ туда каждую зиму.

Мнѣ было грустно, и даже пріятное сознаніе, что я становлюсь взрослымъ, потеряло часть своей прелести.

IV.

Я увидалъ, однако, старика въ то же лѣто. Гордясь новой лошадью, недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда я не преминулъ

поѣхать верхомъ на кочевье къ башкирамъ, желая, между прочимъ, доказать и себѣ, и другимъ, что могу вполнѣ свободно обходиться безъ провожатаго. Выѣхалъ я около четырехъ часовъ, когда жаръ начинаетъ спадать; дорога была не изъ близкихъ: около тридцати верстъ пришлось сдѣлать по залитой горячимъ солнцемъ степи. Достались и мнѣ, и лошади эти тридцать верстъ, но за то—какое наслажденіе охватило меня, когда, уже около заката, я подъѣхалъ къ живописно раскинутымъ на берегу чистаго, какъ хрусталь, огромнаго степного озера, войлочнымъ кибиткамъ и сколоченнымъ изъ лубковъ лачугамъ. Еще издали доносился острый рѣзкій запахъ кизяка, всюду, полузакрывъ смуглыя лица, то яркими новыми, то изодранными грязными чадрами, сновали женщины, звонко перекликаясь гортанными голосами. Ржаніе лошадей, блеяніе овецъ и козъ вмѣстѣ съ крикомъ полунагихъ, кучей толпившихся на солнцѣ ребятишекъ, стономъ стояли въ воздухѣ. Мужчинъ не было видно; они сидѣли въ кибиткахъ и пили кумысъ. Вотъ и кибитка моего знакомаго, Нургалія Сафирбаева. Онъ часто бывалъ у дяди и въ деревнѣ игралъ выдающуюся роль. Безъ этого человѣка, замѣчательно толстаго и внушительнаго, не обходилось ни одно событіе. Сдача земли, наемъ рабочихъ, покупка скота, все, что касалось деревни, проходило черезъ его руки. Зимой онъ, если не пилъ чай цѣлые дни, то былъ готовъ къ этому занятію; лѣтомъ, не отказывая себѣ и въ этомъ удовольствіи, онъ съ утра до вечера, кромѣ того, потягивалъ душистый кумысъ. Бойко промчавшись по широкой улицѣ кочевья, я осадилъ лошадь около жилища Сафирбаева и, соскочивъ съ нея, искалъ кому бы поручить проводить неостывшаго коня. Мое изумленіе не имѣло границъ, когда на топотъ моего галопа поднялся край цвѣтной кошмы, замѣнявшей дверь, и оттуда выглянуло хорошо знакомое лицо Файзуллы.

— Файзулла!—крикнулъ я съ радостной дрожью голоса.

— Здорово, бачка,—оскаливъ оба ряда зубовъ, отвѣчалъ онъ и залился смѣхомъ, причемъ его козлиная борода вмѣстѣ съ головой закачалась изъ стороны въ сторону.—Ай, какой большой сталъ,—заговорилъ онъ, переставъ смѣяться. Смѣхъ всегда выражалъ величайшую мѣру его удовольствія. Я выпрямился не безъ гордости, — мнѣ всѣ говорили въ послѣднее время, что я очень выросъ и возмужалъ,—и велѣлъ ему выводить лошадь.

V.

Нургалій встрѣтилъ меня радушно. Въ гостяхъ у него сидѣло нѣсколько такихъ же старыхъ и толстыхъ, какъ онъ самъ, башкиръ. Медленно потягивая изъ большихъ плоскихъ чашекъ

любимый напитокъ, они такъ же медленно цѣдили слова. Разговоръ, повидимому, никого не интересовалъ, и собесѣдники были въ томъ настроеніи, которое предшествуетъ сытному обѣду, въ ожиданіи котораго проголодавшіеся гости отъ времени до времени передаютъ другъ другу никому неинтересныя замѣчанія и выслушиваютъ ихъ съ притворнымъ вниманіемъ, важно покачивая головами. Меня усадили на коверъ, подложили подъ спину нѣсколько подушекъ и подали чашку того же напитка; затѣмъ я, повидимому, пересталъ существовать для моихъ хозяевъ. Таково восточное гостепріимство! Я сѣлъ, какъ истый сынъ степей, поджавъ подъ себя ноги, чѣмъ заслужилъ одобрительную улыбку хозяина, отпилъ огромный глотокъ кумыса и громко, истово крякнулъ, по правдѣ сказать, потому, что глотокъ былъ очень великъ, но оказалось, что, самъ того не зная, я выказалъ величайшую вѣжливость. Гость, выпивъ первый глотокъ, долженъ крякнуть—это выражаетъ благодарность хозяину и похвалу угощенію. Нѣсколько голосовъ оживленно сразу замѣтили по башкирски другъ другу,—я понималъ немного языкъ,—«совсѣмъ, какъ башкиръ»! Въ свою очередь это было высшей любезностью въ ихъ устахъ. Меня, однако, при всей гордости и важности моихъ чувствъ, смущало одно обстоятельство: солнце быстро садилось, быстро надвигались сумерки,—я, вѣроятно, много плуталъ по степи,—возвращаться приходилось ночью. Конечно, говорилъ я себѣ, бравируя положеніемъ, опасности нѣтъ никакой, даже волки не ходятъ здѣсь лѣтомъ, но всетаки... Это «всетаки» порядочно смущало меня.

Я держался, однако, на высотѣ положенія. Какъ полагается гостю, я первый вступилъ въ разговоръ (иначе никто не посмѣлъ бы обезпокоить моего молчанія до отъѣзда), разспрашивалъ о приплодѣ жеребятъ, о ростѣ травы и о многомъ другомъ; не отказался отъ жирной баранины, поданной вскорѣ въ видѣ ужина, причемъ во вниманіе къ моей неумѣлости мнѣ подали расписанную крупными синими цвѣтами тарелку, вилку и ножъ (гости же и хозяинъ ѣли просто пальцами съ общаго блюда). Наконецъ, выпивъ еще чашку кумыса и видя, что гости одинъ за другимъ стали расходиться, я поднялся, въ свою очередь, крѣпко, обѣими руками, какъ дѣлали остальные, пожалъ жирную руку хозяина и, приглашая его къ себѣ, спросилъ о лошади. Хозяинъ хитро и тонко улыбнулся; казалось, онъ видѣлъ меня насквозь.

— Псё готова,—проговорилъ онъ, идя за мною вслѣдъ до дверей и, остановясь на порогѣ, крикнулъ:—Файзулла!

Файзулла тотчасъ явился, ведя за поводья двухъ лошадей.

— Онъ твоя провожалъ,—объяснилъ мнѣ Нургалій.—Степь широко, ночь темно, домъ далеко.

Мнѣ стало страшно совѣстно, но въ то же время прошло мое тайное безпокойство. Не смотря въ глаза Нургалію, я еще

разъ крѣпко стиснулъ его руку и, вскочивъ въ сѣдло, поднялъ своего жеребца въ галопъ. За мной слышался топотъ другой лошади.

VI.

Мы проѣхали не больше версты. Вдали еще мелькали непотухшіе костры кочевья; съ озера доносилась свѣжесть воды съ примѣсью запаха тины; еще слышно было оханье выпи въ камышахъ и торопливый хозяйственный кряхтъ кряковыхъ утокъ, которому отвѣчало попискиванье утятъ; явственно доносился, точно мѣрное дыханіе, легкій шорохъ и движеніе ложившагося на ночь скота, когда мы поднялись на низкій увалъ, за которымъ, повернувъ вверхъ по рѣкѣ, должны были держать дальнѣйшій путь. Взошла луна; взошла она сразу надъ широкой гладью степи—такъ, замѣтилъ я послѣ, она всплываетъ надъ моремъ—и сразу облила все вокругъ молочно-серебристымъ блескомъ. Невозможно описать красоту лунной ночи въ степи. Каждая былинка, каждый стебелекъ ковыля кажется вблизи литымъ изъ серебра, даль же блеститъ и дрожитъ, точно затянутая серебристой, слегка колыхающейся тканью. Вокругъ ни малѣйшаго звука, но это не мертвая тишина, а точно замирающее ожиданіе чего-то, что сію минуту должно случиться, точно чуткое прислушиванье, при которомъ даже дыханіе прервано на секунду, чтобы не мѣшало слушать. Теплый, ласковый воздухъ, напитанный смѣшаннымъ благоуханьемъ цвѣтовъ, нѣжно щекочетъ щеки. Шаги лошадей,—я невольно замедлилъ ходъ, очарованный, неподдающейся описанію, прелестью ночи—были не слышны въ мягкой травѣ.

Файзулла поровнялся со мной. Не знаю, что чувствовалъ онъ въ эту минуту, но онъ молчалъ, молчалъ и я, а сердце прыгало и билось, точно и вправду сейчасъ должно было случиться что-то... И это что-то случилось! Внезапно, неожиданно раздались неувѣренные сперва, робкіе, скрипучіе, рѣзко гортанные звуки, точно неопытный мастеръ пробуетъ низкія струны скрипки крѣпко наканифоленнымъ смычкомъ, и они, еще не слитые, не только въ гармонію, даже въ мотивъ, отдѣльные, несвязные, рѣжутъ ухо. Степь вздрогнула и насторожилась, но дальше, дальше, ширясь и разростаясь, по всему простору разливался глубокій грустный мотивъ и поднимался, казалось, къ небу вмѣстѣ съ благоуханіемъ травы. Не могу передать, что сталось со мной, когда, какъ туго натянутая струна, какъ внезапно брошенный на полъ стаканъ изъ тонкаго стекла, задрожавъ и зазвенѣвъ, напѣвъ оборвался на высокой нотѣ. Я не вѣрилъ ушамъ, я оглядывался во всѣ стороны, точно ожидая продолженія.

VIII.

Въ это лѣто я больше не встрѣчалъ Файзуллу. Въ кочевьѣ, куда я часто ѣздилъ, его не было.

—Пропадаетъ гдѣ-то,—объяснилъ Нургалій, отворачивая въ сторону глаза. Замѣтивъ этотъ маневръ, я пересталъ разспрашивать. Вопреки укоренившемуся мнѣнію о чрезмѣрномъ любопытствѣ на востокѣ, нѣтъ деликатнѣе людей въ этомъ отношеніи, чѣмъ башкиры: назойливыхъ, лѣзущихъ въ душу вопросовъ празднаго россіянина вы здѣсь не встрѣтите.

Лѣто кончилось, я уѣхалъ. Еще зимой дядя, будучи въ городѣ, разсказывалъ о готовящихся съ лѣта крупныхъ перемѣнахъ въ окрестностяхъ хутора. Большая партія переселенцевъ, съ осени высылавшая ходоковъ, зимой заключила формальное условіе съ башкирами сосѣдней деревни и съ весны должны были появиться «первые піонеры цивилизаціи», какъ, смѣясь, называлъ ихъ дядя.

— Интересно, — закончилъ онъ, посмѣиваясь, и обернулся ко мнѣ,—это то, что пріятель твой, Файзулла, всѣми силами и, говорятъ, не безъ краснорѣчія, противился этому нашествію иноплеменныхъ.

— Файзулла?—переспросилъ я,—ему-то что же?

— Вотъ то-то и дѣло! Бездомникъ, бобыль,—а горячѣе всѣхъ толковалъ о томъ, что русскіе стѣснятъ, что русскіе испортятъ землю, испортятъ степь и, вѣдь, чуть было, говорятъ, не разстроилъ всего дѣла. Деревня раздѣлилась на двое: бѣднота, которой всего больше нужны были бы деньги и у которой давно и скота нѣтъ, стояла вмѣстѣ съ нимъ, а богачи, въ томъ числѣ Нургалій, съ превеликой охотой соглашались. Земля, однако, у нихъ родовая, въ общей межѣ нѣсколькихъ деревень, и, вотъ, тутъ-то, на общемъ сходѣ, три четверти котораго нужны для законности сдѣлки, проигралъ Файзулла. Дальнія деревни, которымъ, конечно, вовсе не стѣснительно новое сосѣдство, перевѣсили. Да,—закончилъ дядя,—плутъ и шелопай твой Файзулла несомнѣнный, но безусловно человѣкъ съ поэзіей.

— Ему, видишь ли, полному пролетарію,—обратился онъ къ матери,—жаль стало простора, жаль степной тишины, жаль этой цѣльной, отъ созданія міра нетронутой рукой человѣка, земли. Кто знаетъ, быть можетъ, онъ пожалѣлъ и степной цвѣтокъ, и степного волка,—того и другого прогонятъ въ глушь шумъ русской деревни и остріе плуга.

— Вѣроятнѣе всего,—замѣтила матушка,—его позабыли одарить и онъ хотѣлъ показать, что имѣетъ вліяніе, что нужно купить и его голосъ.

— Я самъ сначала подумалъ такъ,—живо возразилъ дядя,—

мало того совѣтовалъ ходокамъ,—они приходили ко мнѣ,—купить его. Представь, денегъ и подарковъ онъ не взялъ, и только присутствовалъ на каждомъ даровомъ угощеньи, напиваясь подъ шумокъ, вопреки заповѣди Магомета, до положенія ризъ. Быть можетъ, эта злополучная страсть лишила его не малаго числа союзниковъ.

Переселенцы, дѣйствительно, пріѣхали ранней весной и лѣтомъ жались въ мазанкахъ и землянкахъ, по другую сторону рѣчки, протекавшей около коренной башкирской деревни. Странное впечатлѣніе производили эти двѣ деревни, стоявшія рядомъ: въ одной унылая, обычная лѣтомъ, тишина, въ другой съ утра до поздней ночи спѣшная работа, говоръ, возня, громкіе крики. Стучатъ топоры, скрипятъ возы, большіе рогатые быки медленно тащатъ закупленный лѣсъ и лубки.—Жизнь и смерть. Точно шумный городъ и рядомъ кладбище. Народъ явился, видно, зажиточный, веселый, статный, красивый. Эти люди не походили на тѣхъ, какіе двинулись потомъ цѣлыми волнами; эти, очевидно, пришли гонимые не нуждой, а какой-то особой потребностью простора и воли. «Тѣсно стало на старинѣ», объясняли они. Отношенія съ башкирами установились добродушно-пріязненныя. Башкиры нерѣдко съѣзжались по двое, по трое, чтобы посмотрѣть стройку новыхъ избъ или пашню на волахъ, глубоко вздиравшую тучный дѣвственный черноземъ. На четверть и болѣе поднимались пласты черной, сочной, точно обмазанной жиромъ, земли, и не разъ замѣчалъ я, какъ при этомъ легкое подобіе вздоха шевелило грудь какого нибудь всадника оборванца.

Файзулла, не ходившій въ эту зиму на работу,—у него опять разболѣлась грудь, — рѣдко показывался около новой стройки, а когда былъ, то совсѣмъ не добрымъ огонькомъ горѣли его глаза, глубоко ушедшіе въ глазныя впадины.

Уже подъ осень я встрѣтилъ его въ степи. Онъ былъ пѣшкомъ и, по обыкновенію, оборванъ и грязенъ.

— Файзулла,—окликнулъ я,—куда ты?

— Тутъ,—онъ протянулъ руку къ степи,—барсукамъ петли ставить.

— Удачно ли?

— Хорошимъ удачамъ, — глухо проговорилъ онъ,—степь кончалъ, повернуться негдѣ. Барсукъ уходилъ, барсукъ не любитъ шумъ. Барсукъ уходитъ,—задумчиво повторилъ онъ, точно съ большой тяжестью укладывая въ слово свою мысль, —барсукъ уходитъ башкуртъ тà уйдетъ.

— Куда же уйдетъ башкиръ?—спросилъ я, не ясно понимая смыслъ того, что онъ сказалъ.

— Землямъ, землямъ,—два раза произнесъ онъ, топнувъ

о землю ногой, и медленно, точно удрученный тяжестью, зашагалъ прочь.

Теперь я понялъ своего стараго пріятеля.

IX.

Зимой дядя разсказывалъ, что новые сосѣди, башкиры и переселенцы, въ наилучшихъ отношеніяхъ, хотя, — замѣтилъ онъ,—не вся деревня настроена одинаково... И вообще въ тонѣ его разсказовъ слышалась неспокойная нота.

— Иные, Файзулла въ томъ числѣ, попрежнему дуются,— продолжалъ дядя.—Слабѣетъ старикъ, полагаю, отъ хронической голодовки. На пріиски онъ уже больше не годится и скрипитъ, и чахнетъ зимой, какъ башкирская лошадь. Ну, да дай срокъ, придетъ весна, придетъ кумысъ, расцвѣтетъ, пожалуй, опять.

Меня безпокоили эти вѣсти.

— Дядя,—заговорилъ я однажды, набравшись смѣлости (дядя не любилъ разговаривать серьезно съ «младенцами»,—хотя я въ это время уже переросъ его). — Дядя, — сказалъ я, — тебѣ самому не жаль этой степи? въ ней было такъ хорошо!

— Видишь ли, мальчикъ,—не сразу отвѣтилъ онъ,—есть въ мірѣ законы сильнѣе воли и законовъ человѣческихъ. Людямъ тѣсно, по тому ли, по другому ли, тѣсно; имъ нужны новыя мѣста. Что за дѣло, что эти мѣста уже заняты. Займетъ, въ концѣ концовъ, тотъ, за кѣмъ сила, слабые должны уступить.

— Какъ же рѣшить, кто именно сильнѣе?

— Исторія рѣшитъ, другъ мой,—тихо отвѣчалъ дядя.—Мнѣ самому стало тѣсно,—внезапно разгорячаясь, прибавилъ онъ,—но вѣдь отсюда не слѣдуетъ, что я долженъ дѣлать гадости, что я долженъ бороться тайкомъ, что я...—дядя внезапно смолкъ.

— Что же?—спросилъ я, весь насторожившись.

— А то,—также внезапно успокоившись, проговорилъ онъ,— что не все хорошо теперь возлѣ насъ. Идетъ глухая, темная, скрытая борьба; никто не виноватъ въ ней, быть можетъ всѣ правы, но жить такъ не годится; по крайней мѣрѣ, это не по мнѣ! Я думаю бросить хуторъ.

— Въ чемъ же дѣло?—допытывался я, но на этотъ разъ такъ и не допытался.

Въ другой разъ, той же зимой, дядя пріѣхалъ разстроенный, въ такомъ состояніи духа, какого я въ немъ еще не замѣчалъ. На вопросъ матушки, какъ здоровье?—онъ раздраженно отвѣтилъ:

— Будешь здоровъ, когда того и жди, что спалятъ, когда

пришлось завести цѣлую свору злѣйшихъ псовъ, когда кругомъ творится что-то такое, чего не пожелаешь и лютому врагу.

Матушка обезпокоилась, предложила послать за врачемъ,— ея обычная мѣра во всѣхъ несчастьяхъ и тревогахъ жизни,— но понемногу все вошло въ колею, и за ужиномъ, совсѣмъ успокоившись, дядя разсказывалъ:

— Представить нельзя, что у насъ творится. Недѣли двѣ назадъ ночью у переселенцевъ вспыхнулъ пожаръ. Вѣтеръ былъ адскій. Цѣлый порядокъ занялся въ одну минуту и сгорѣлъ до тла. Люди обезумѣли, и было отчего... Ну-съ, сначала все, какъ водится, приписали случаю, несчастью, потомъ, когда прошли первые дни, улегся страхъ, — стали разсуждать и, знаете, подозрѣніе пало на башкиръ. Почему,—объяснить не съумѣю. Одно вѣрно: еще съ осени начались мелкія кражи: тамъ мука пропадаетъ изъ амбарушки, тамъ одежа. Люди знаютъ другъ друга, увѣрены въ сосѣдяхъ. Это ли, другое ли что навело на мысль, мужики озлобились. Учредили правильные караулы, не смотря на страшные морозы, дежурили по ночамъ. Встревоженный ихъ настроеніемъ, и я принялъ мѣры... на мельницѣ всякій бываетъ народъ,—но у меня, слава Богу, до сихъ поръ все благополучно. Надняхъ караульные поймали башкира. Съ чѣмъ шелъ онъ, неизвѣстно, парень еще молодой, по русски говоритъ плохо, сказываютъ къ клѣтямъ подбирался. Дѣло кончилось страшнымъ избіеніемъ, быть можетъ, и неповиннаго человѣка. Башкиры озлобились въ свою очередь, и до чего все это дойдетъ, одному Богу извѣстно.

У меня вертѣлся на языкѣ вопросъ, но я не смѣлъ его предложить.

— Да,—задумчиво закончилъ дядя, — пора кончать. Такъ хозяйничать не стоитъ; не страхъ двигаетъ мною, другое: противно быть на ножахъ.

Зная склонную къ добродушію натуру дяди, я не удивился выводу. Хозяйства, однако, онъ не бросилъ,—слишкомъ свыкся со степной жизнью и безъ нея, вѣроятно, не зналъ бы куда дѣваться. Но не разъ еще въ ту же зиму онъ пугалъ матушку возможностью страшныхъ осложненій, чуть не до взрыва башкирскаго бунта включительно.

X.

Ни въ этотъ, ни въ слѣдующій годъ, я на хуторѣ не былъ. Обстоятельства заставили насъ переселиться на югъ, гдѣ я кончалъ гимназію. Матушка была сильно больна, и чудный воздухъ Крыма не принесъ ей здоровья. Въ тотъ годъ, когда я былъ въ восьмомъ классѣ, ея не стало и, окончивъ курсъ,

томясь и глубоко тоскуя, я не зналъ, что дѣлать съ собою до осени, когда передо мной откроются двери университета. Былъ памятный для Россіи 77 годъ, но душа моя, пораженная первымъ непоправимымъ ударомъ, не откликалась на жизнь, кипѣвшую вокругъ. Много товарищей ушло въ то время на войну; я еще не былъ на призывной очереди, и громъ нашихъ пушекъ на берегахъ Дуная не шевелилъ моего воображенія. Я точно былъ охваченъ свинцовымъ сномъ и жилъ но инерціи. Въ это время получилъ я письмо отъ дяди: писалъ онъ немного, но отъ немногихъ строкъ вѣяло не только теплотой и участіемъ, вѣяло чѣмъ-то большимъ... Казалось, я нуженъ ему, онъ звалъ меня, жалуясь на наступившую старость, на одолѣвающія болѣзни, на темный страхъ будущаго. Какъ всегда бываетъ, это подѣйствовало сильнѣе утѣшеній, сильнѣе самаго мягкаго внимательнаго ухода. Я встрепенулся и черезъ нѣсколько дней уже былъ въ дорогѣ. Длинный путь до Нижняго по рельсамъ, оттуда на пароходѣ и опять по желѣзной дорогѣ изъ Самары мелькнулъ, не оставивъ никакого впечатлѣнія. Но, вотъ, я сѣлъ на своихъ лошадей, высланныхъ въ Оренбургъ, свистнулъ знакомымъ посвистомъ старый дядинъ кучеръ, и черезъ полчаса, выѣхавъ изъ душнаго пыльнаго города, мы потонули въ привольной степи. Невольный возгласъ вырвался у меня, и въ немъ сказалось все, что было на сердцѣ: и тягость постигшаго горя, и прелесть дѣтскихъ воспоминаній, вдругъ охватившихъ душу, и восхищеніе дѣйствительной красотой окружающаго.

Старый кучеръ обернулъ ко мнѣ загорѣлое пыльное бородатое лицо, чуть-чуть усмѣхнулся, оглянулся вокругъ и вдругъ, вытянувъ руки, особеннымъ образомъ гикнулъ на лошадей. Тройка подхватила сразу, колеса мягко зашуршали по гладкой, какъ столъ, степной дорогѣ; отъ быстроты захватывало духъ, я закрылъ глаза...

XI.

Дядю засталъ я постарѣвшимъ, осунувшимся. Онъ не разспрашивалъ о смерти матушки, я не говорилъ о ней; мы избѣгали этого вопроса точно по взаимному уговору; за то тѣмъ съ большимъ оживленіемъ толковалъ старикъ обо всемъ на свѣтѣ: объ урожаѣ этого года, который обѣщаетъ быть великолѣпнымъ, о войнѣ, которая, по его мнѣнію, была безполезна, о будущности Европы, словомъ, обо всемъ, что приходило ему въ голову. Голосъ его былъ не всегда твердъ, порою, поднимая глаза, я замѣчалъ въ его глазахъ слезы. Наконецъ, пришло время ложиться спать. Провожая меня и

цѣлуя по обыкновенію въ лобъ, онъ вдругъ точно еще вспомнилъ что-то:

— Да, забылъ тебѣ сказать: помнишь Файзуллу?

— Конечно.

— Погибъ, братъ...

— Какъ?—съ живостью спросилъ я.

— Присядь на минуту, исторія длинная, – сказалъ дядя, и самъ присѣлъ.—Помнится, говорилъ я тебѣ, какъ онъ велъ себя во время переселенія.

— Какъ же, какъ же.

— Потомъ пошли тутъ разныя неурядицы...

— Помню и это.

— Конечно, по первому времени только. Все это на второй же годъ сгладилось. Одно было не хорошо: лошади стали пропадать у крестьянъ... Да и у меня,—улыбнувшись продолжалъ онъ,—вѣроятно для виду, пропали двѣ кобылы. Недѣли черезъ двѣ я нашелъ ихъ въ собственномъ денникѣ. Сильно въ то время скалили зубы переселенцы на этого Файзуллу. Дѣло извѣстное, злость еще съ первыхъ дней. Я, однако, не берусь судить и не скажу, что онъ виноватъ. Нѣтъ, грѣха на душу не возьму, хотя увѣренъ, дѣло безъ него не обошлось. Это все пустякъ, однако,—продолжалъ онъ.—Самое скверное разыгралось нынѣ весной. Знаешь, всѣ ждали войны, населеніе тихо волновалось; волновались и башкиры, еще тише. Правда ли, нѣтъ ли, мнѣ говорили въ городѣ, здѣсь появилось нѣсколько турецкихъ эмиссаровъ. Къ этому времени переселенцы заложили фундаментъ новой церкви. Какой дуракъ пустилъ среди башкиръ слухъ, что война ведется для того, чтобы всѣхъ ихъ крестить въ русскую вѣру, не знаю, но самъ Нургалій, —онъ знаешь, не глупъ,—пріѣзжалъ ко мнѣ и осторожно выпытывалъ: правда ли это? Разумѣется, я, насколько могъ, объяснилъ ему положеніе вещей. Онъ убѣдился, но призывъ очередныхъ рекрутъ подлилъ масла въ огонь, и въ одинъ прекрасный день, вѣрнѣе, въ одну прекрасную ночь весь лѣсъ, заготовленный для церкви, вспыхнулъ яркимъ пламенемъ. На этотъ разъ былъ захваченъ виновникъ—Файзулла. Сколько били его, вымещая старые счеты, быть можетъ и невѣрные, сказать не сумѣю, едва удалось мнѣ отбить его отъ разсвирѣпѣвшихъ мужиковъ. Теперь онъ въ тюрьмѣ и судится чуть ли не за возбужденіе къ открытому бунту.

Дядя поднялся.

Моя постель стояла въ той самой комнатѣ, гдѣ жилъ я раньше. Надъ кроватью, на коврѣ висѣло мое дѣтское ружье... Забытыя коллекціи бабочекъ и цвѣтовъ, въ ящикахъ подъ стекломъ, стояли на простенькомъ столѣ въ углу. На меня пахнуло дѣтствомъ, неувядаемой прелестью первыхъ впечат-

лѣній, пробуждаемыхъ ощущеніемъ природы, и долго еще, ворочаясь съ боку на бокъ, пытался я разрѣшить вопросъ: кто же мой сѣдой товарищъ дѣтскихъ забавъ? кто онъ? Озлобленный ли фанатикъ, потерянный ли человѣкъ, полный ненависти ко всему, что носитъ печать порядка и трудолюбія, дикарь ли, наконецъ, которому нравятся разрушеніе, кровь, стоны, сами по себѣ, какъ волку нравится не только ѣсть, но еще и терзать добычу.

Я заснулъ, припоминая нашъ разговоръ: «барсукъ уйдетъ, башкуртъ тà уйдетъ!»—Куда, спрашивалъ я, засыпая... «Землямъ», отвѣчалъ мнѣ глухо старческій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ понеслись, замирая и тая, точно удаляясь отъ земли, гортанные, рѣзкіе звуки; звуки, которые теперь напоминали почему-то морской прибой, вой вѣтра, стоны, и дышали могильной скорбью.

А. Евреиновъ.

Соціологическіе взгляды Дюркгейма.

Статья вторая.

I.

Ни отъ кого не скрыта все усиливающаяся тенденція обществъ къ раздѣленію труда, тенденція, дающая себя знать не только въ области экономическихъ явленій, гдѣ она впервые была замѣчена, но и въ любой области соціальныхъ явленій. Даже болѣе: благодаря изслѣдованіямъ послѣдняго времени, она является фактомъ біологическаго порядка, такъ что оказывается чуть-ли не однимъ изъ существенныхъ свойствъ организованной матеріи, частной только формой котораго является раздѣленіе общественнаго труда. И вотъ является вопросъ, какъ намъ относиться къ этому факту: подчиниться ли ему, или бороться съ нимъ? «Должны ли мы стать законченнымъ, полнымъ существомъ, самодовлѣющимъ цѣлымъ, или, наоборотъ, только частью цѣлаго, органомъ организма?» (4. Div.). Словомъ, предстоитъ разобрать, представляетъ ли раздѣленіе труда моральное правило поведенія.

Обыкновенно, говоритъ Дюркгеймъ, при такомъ разборѣ сравниваютъ данное правило съ какой-нибудь общей формулой нравственности и, смотря по тому, согласно ли оно, или нѣтъ, съ этой формулой, его признаютъ или не признаютъ нравственнымъ. Но это методъ ненаучный; общая формула, служащая критеріемъ, не представляется неоспоримой истиной, и это лучше всего видно изъ того, что всякій моралистъ имѣетъ свою собственную формулу. Кромѣ того, эти формулы не охватываютъ всей выражаемой ими дѣйствительности, между тѣмъ какъ всѣ моралисты, скрыто или явно, признаютъ, что онѣ имѣютъ значеніе только въ томъ случаѣ, если даютъ отчетъ во всѣхъ фактахъ, моральный характеръ которыхъ неоспоримъ.

Анализъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся системъ нравственности приводитъ Дюркгейма къ убѣжденію, что онѣ дѣйствительно не удовлетворяютъ этому условію. Впрочемъ, удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Общая, обнимающая всѣ факты нравственной жизни, формула можетъ быть получена не въ началѣ изслѣдо-

ванія, а въ концѣ его. «Какъ можно столковаться насчетъ общаго принципа моральной жизни, когда еще нѣтъ согласія относительно отдѣльныхъ, частныхъ обязанностей и правъ» (15). Необходимо поэтому предварительное изслѣдованіе фактовъ моральной жизни; и необходимость эта покажется еще настоятельнѣе, если обратить вниманіе на всю сложность нравственности, которая вѣдь не состоитъ изъ двухъ-трехъ общихъ правилъ, служащихъ намъ путеводной нитью въ жизни. Нѣтъ одной единственной обязанности—существуютъ многія обязанности. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, когда мы хотимъ знать, каково должно быть наше поведеніе, намъ нѣтъ нужды восходить до общихъ принциповъ, чтобы разбирать затѣмъ, насколько они примѣнимы къ данному частному случаю. Для этого имѣются опредѣленные и спеціальные способы поступать,—представляющіе аналогію съ рефлексами въ органической жизни,—которые повелительно навязываются намъ. Когда мы, напримѣръ, повинуемся правилу, предписывающему стыдливость, мы совсѣмъ не интересуемся тѣми отношеніями, въ которыхъ оно состоитъ съ основными аксіомами нравственности.

Словомъ, міръ нравственности такъ обширенъ и сложенъ, что нельзя добраться до управляющаго имъ верховнаго закона однимъ скачкомъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ моралисты. Нужно бы создать особую науку, которая занялась бы классификаціей моральныхъ фактовъ, выясненіемъ условій, отъ которыхъ они зависятъ и т. д.

Но спрашивается, какимъ же образомъ узнавать факты, относящіеся къ этой наукѣ? Какъ отличать нравственные факты отъ безнравственныхъ?—На это Дюркгеймъ отвѣчаетъ, что руководствоваться тутъ нужно какимъ-нибудь внѣшнимъ, видимымъ признакомъ, а не формулой, выражающей сущность нравственности, подобно тому, какъ біологъ узнаетъ біологическій фактъ не на основаніи какого-нибудь философскаго понятія о жизни, а на основаніи нѣкоторыхъ видимыхъ признаковъ.

Двѣ черты отличаютъ, по мнѣнію Дюркгейма, нравственныя правила отъ другихъ правилъ поведенія. 1) Когда поступокъ, который по своей природѣ долженъ согласоваться съ какимъ-нибудь нравственнымъ правиломъ, удаляется онъ него, то общество—разъ оно объ этомъ знаетъ—препятствуетъ такому уклоненію или вообще активно реагируетъ противъ виновника. Убійца или воръ терпятъ матеріальное наказаніе, человѣкъ, пренебрегающій правилами чести, подвергается общественному презрѣнію и т. д. Не такъ относится общество къ другимъ поступкамъ: если я веду коммерческое предпріятіе не такъ, какъ слѣдуетъ, то я рискую потерпѣть неудачу, но общество не мѣшаетъ мнѣ поступать по моему. 2) Это соціальное воздѣйствіе обязательно слѣдуетъ за нарушеніемъ; оно иногда даже опредѣлено напередъ до подробностей. Всякій заранѣе знаетъ, что ожидаетъ его, если совершонный имъ поступокъ будетъ при-

знанъ противнымъ правилу судомъ или общественнымъ мнѣніемъ. Между тѣмъ, если я уклонюсь, напримѣръ, въ коммерческомъ дѣлѣ отъ рутинныхъ пріемовъ, неизвѣстно еще, каковы будутъ послѣдствія такого уклоненія: можетъ получиться неуспѣхъ, но возможно и обратное, и тогда нововведеніе привьется къ обществу. Въ области же нравственной жизни со всякимъ нововведеніемъ борются, какъ съ проступкомъ, и единственный возможный въ ней прогрессъ—это тотъ, который дѣлаетъ все общество вмѣстѣ.

Если условиться назвать санкціей это опредѣленное напередъ воздѣйствіе общественнаго сознанія противъ нарушителя правилъ, то можно сказать, что всякій моральный фактъ состоитъ въ санкціонированномъ правилѣ поведенія. Для избѣжанія недоразумѣній надо точно опредѣлить, что понимать подъ терминомъ общественное сознаніе. Даже внутри одного и того же общества сознанія не сходны между собой: сознаніе ученаго совсѣмъ не тождественно съ сознаніемъ земледѣльца или преступника. Поэтому подъ общественнымъ сознаніемъ надо понимать нормальное сознаніе, т. е. то, которое наиболѣе распространено въ обществѣ.

Могутъ возразить, замѣчаетъ Дюркгеймъ, что при такомъ пониманіи нравственность смѣшивается съ правомъ. Но ничего страннаго тутъ нѣтъ: обѣ эти области слишкомъ тѣсно связаны между собой, чтобы можно было ихъ радикально отдѣлить: то какія-нибудь юридическія правила становятся моральными, то, наоборотъ, моральныя—юридическими. Большинство признаетъ моральный характеръ только за нѣкоторыми юридическими правилами, именно за наиболѣе общими изъ нихъ. Но такое различеніе произвольно, такъ какъ нѣтъ опредѣленнаго критерія для проведенія его. Кромѣ того, эти общіе принципы могутъ переходить въ дѣйствительность, только становясь солидарными съ частными юридическими нормами. Моралистъ, напримѣръ, говоритъ: уважай чужую собственность. Но сама эта собственность была пріобрѣтена согласно съ извѣстными правовыми предписаніями. Значитъ, если источники пріобрѣтенія права собственности не имѣютъ моральнаго характера, то какъ можетъ его имѣть само право собственности?

Впрочемъ, если право и нравственность и не отдѣлимы радикально другъ отъ друга—между ними можно всетаки установить различіе. Различіе это не представляетъ собою различія по существу; оно заключается въ способѣ, какимъ совершается воздѣйствіе противъ нарушающаго какое-нибудь правило. Воздѣйствіе противъ нарушителя чисто моральнаго правила совершается всѣмъ и каждымъ; воздѣйствіе противъ нарушителя юридическихъ постановленій—особыми корпораціями; первое—диффузивно, второе—организованно.

Но приведенное выше опредѣленіе нравственнаго еще не полно. Моральное сознаніе обществъ способно ошибаться. Оно можетъ дать внѣшній признакъ нравственности правиламъ поведенія, которыя

сами по себѣ не имѣютъ нравственнаго характера, и, наоборотъ, не санкціонировать правилъ, которыя должны были бы быть санкціонированы. Вопросъ, значитъ, въ томъ, чтобъ отдѣлить область моральной физіологіи отъ области моральной патологіи, такъ какъ правило, представляющее несправедливо характеръ обязательности, должно быть отнесено въ область моральной патологіи; вопросъ въ томъ, чтобъ отдѣлить нормальное въ общественномъ сознаніи отъ ненормальнаго.

Мы уже въ первой статьѣ изложили взгляды Дюркгейма на этотъ вопросъ. Но для даннаго случая нужны нѣкоторыя дополненія.—Есть случаи, когда для отличія нормальныхъ правилъ поведенія отъ ненормальныхъ недостаточно относящихся сюда общихъ правилъ метода. Это бываетъ тогда, «когда моральное сознаніе націй еще не приспособилось къ измѣненіямъ, происшедшимъ въ средѣ, и когда, раздѣленное между прошлымъ, тянущимъ его назадъ, и нуждами настоящаго, оно колеблется вылиться въ опредѣленную форму. Тогда появляются правила поведенія, моральный характеръ которыхъ неопредѣленъ. Но методъ остается тотъ же. Надо начать съ установленія нормальнаго типа, а для этого единственное средство—это сравнить его съ самимъ собой. Мы можемъ опредѣлить новыя условія состоянія здоровья только въ функціи старыхъ, ибо у насъ нѣтъ другой точки опоры. Чтобы узнать, имѣетъ ли какое-нибудь правило моральное значеніе, надо сравнить его съ другими, внутренняя моральность которыхъ установлена. Если оно играетъ ту же роль, т. е. служитъ тѣмъ же цѣлямъ, если, съ другой стороны, оно вытекаетъ изъ причинъ, изъ которыхъ равно вытекаютъ и другіе моральные факты, если, слѣдовательно, эти послѣдніе такъ связаны съ нимъ, что не могутъ существовать безъ него, то изъ этого функціональнаго тождества и изъ этой солидарности имѣютъ право заключить, что оно должно быть желаемо точно такъ же, какъ и другія обязательныя правила поведенія, что, слѣдовательно, оно нравственно» (Div. 36—37).

Послѣ всего этого Дюркгеймъ приходитъ къ слѣдующему окончательному опредѣленію нравственнаго: «Нравственнымъ фактомъ, нормальнымъ для даннаго вида, разсматриваемаго въ опредѣленную фазу его развитія, называютъ всякое правило поведенія, съ которымъ связана репрессивная диффузивная санкція въ среднемъ числѣ обществъ этого вида, разсматриваемыхъ въ одинъ и тотъ же періодъ ихъ эволюціи; во вторыхъ, то же названіе подобаетъ всякому правилу, которое, не представляя ясно этого критерія, аналогично, однако, нѣкоторымъ предыдущимъ правиламъ, т. е. служитъ тѣмъ же цѣлямъ и зависитъ отъ тѣхъ же причинъ» (Div. 37—38).

Заручившись этимъ опредѣленіемъ, можно вернуться къ поставленному вопросу: имѣетъ ли нравственную цѣнность раздѣленіе труда?

Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Дюркгеймъ, что въ современныхъ евро-

пейскихъ обществахъ общественное мнѣніе все болѣе и болѣе стремится къ тому, чтобъ повелительно требовать его. Конечно, тѣ, которые не повинуются этому требованію, не подвергаются установленному закономъ наказанію, но они порицаемы. Нѣкогда, правда, совершеннымъ человѣкомъ считался разносторонній человѣкъ. Но въ наше время дѣло обстоитъ не такъ. Чтобъ успѣшно бороться съ природой, мы нуждаемся въ дѣятельности, которая не разбрасывается въ ширину, а сосредоточивается и выигрываетъ въ интенсивности то, что теряетъ въ экстенсивности. Прежній совершенный человѣкъ представляется намъ дилеттантомъ. Совершенство мы видимъ скорѣе въ свѣдущемъ человѣкѣ, который старается не быть всѣмъ, а быть полезнымъ, который имѣетъ ограниченную задачу и посвящаетъ себя ей, который дѣлаетъ свое дѣло. Особенно ясно сказывается это направленіе общественнаго мнѣнія во все болѣе спеціальномъ характерѣ воспитанія. Словомъ, одной изъ своей сторонъ категорическій императивъ моральнаго сознанія на пути принять слѣдующую форму: сдѣлай себя способнымъ исполнять, съ пользой опредѣленную функцію.

Правда, это правило всегда и повсюду ограничено противоположнымъ правиломъ, повелѣвающимъ намъ осуществить общій намъ всѣмъ идеалъ. Этотъ общій идеалъ можетъ все болѣе терять въ величинѣ, но онъ не исчезъ, и всякій—въ томъ или иномъ объемѣ—признаетъ его. Но это ограниченіе одного обязательнаго правила другимъ такимъ же только доказываетъ, что раздѣленіе труда не можетъ быть безразлично въ нравственномъ отношеніи. «Дѣйствительно, правило, предписывающее намъ осуществить въ себѣ всѣ аттрибуты вида, можетъ быть ограничено противоположнымъ правиломъ раздѣленія труда только въ томъ случаѣ, если это послѣднее той же природы, т. е. нравственно. Долгъ можетъ быть сдерживаемъ и умѣряемъ другимъ долгомъ, но не чисто экономическими нуждами» (Div. 41). Поэтому, если правило, требующее раздѣленія труда, не нравственно, то оно безнравственно, ибо оно мѣшаетъ осуществленію нравственнаго правила, требующаго отъ насъ цѣлостности. Но допустить это весьма трудно; раздѣленіе труда, очевидно, неизбѣжный фактъ, такъ какъ оно неудержимо прогрессируетъ въ теченіе вѣковъ. Тогда пришлось бы допустить неразрѣшимую антиномію между нравственностью и дѣйствительностью.

Однако, замѣчаетъ Дюркгеймъ, за этими разсужденіями нельзя признать силы непоколебимыхъ аргументовъ. Нѣкоторое сомнѣніе остается. Дѣйствительно, хотя общественное мнѣніе санкціонируетъ правило раздѣленія труда, но оно это дѣлаетъ не безъ нѣкотораго безпокойства и колебаній. Наряду съ восхваленіями раздѣленія труда существуютъ не менѣе распространенныя указанія на опасности его.

Все это доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ случаемъ переходнаго времени. Общественное сознаніе не опредѣлилось еще

категорически насчетъ раздѣленія труда, хотя оно, повидимому, на пути придать ему обязательную форму. Поэтому, чтобъ узнать, имѣетъ ли моральное значеніе раздѣленіе труда, остается прибѣгнуть ко второму способу: «Мы должны изучить раздѣленіе труда само въ себѣ, вполнѣ спекулятивнымъ образомъ, изслѣдовать, къ чему оно служитъ и отъ чего оно зависитъ, словомъ, составить себѣ о немъ насколько возможно адекватное понятіе. Затѣмъ мы сравнимъ его съ другими нравственными явленіями и увидимъ, въ какихъ оно отношеніяхъ стоитъ къ нимъ. Если мы найдемъ, что оно играетъ такую же роль, какъ и другой какой-нибудь обычай, моральный характеръ котораго неоспоримъ; что если въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно не исполняетъ этой роли, то въ силу анормальныхъ уклоненій; что опредѣляющія его причины являются также опредѣляющими условіями другихъ моральныхъ правилъ—то мы сможемъ заключить, что оно должно быть помѣщено между этими послѣдними» (Div. 43).

Сообразно съ этимъ первой задачей изслѣдованія должно быть опредѣленіе функціи раздѣленія труда *).

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вертится, конечно, у всѣхъ на устахъ. Вѣдь вся наша цивилизація есть продуктъ раздѣленія труда, и этимъ сказано ужъ достаточно о значеніи этого послѣдняго. Но дѣло не такъ просто, какъ оно кажется сначала; и если бы этимъ однимъ ограничивалась роль раздѣленія труда, то оно врядъ ли имѣло бы нравственный характеръ. Во первыхъ, ничто не доказываетъ, чтобы вмѣстѣ съ цивилизаціей поднялся средній уровень нравственности. Возрастающее число самоубійствъ, убійствъ всякаго рода (за отсутствіемъ какого-нибудь мѣрила *нравственности* остается пользоваться этими фактами, какъ мѣриломъ высоты *безнравственности* въ извѣстномъ обществѣ) доказываетъ, что если цивилизація и имѣетъ вліяніе на моральную жизнь, то довольно слабое. Во вторыхъ, если изслѣдовать элементы, изъ которыхъ состоитъ цивилизація (экономическую дѣятельность, искусство, науку), мы найдемъ, что ни одинъ изъ нихъ не представляетъ обязательнаго характера, т. е. признака, по которому мы узнаемъ наличность нравственнаго факта. Никому не вмѣняется въ обязанность опредѣленная экономическая, научная или артистическая дѣятельность. Словомъ, цивилизація удовлетворяетъ извѣстнымъ потребностямъ, но эти потребности не моральнаго порядка. Онѣ безразличны въ нравственномъ отношеніи. А мы видѣли, что раздѣленіе труда не можетъ быть таковымъ; если оно не хорошо, то оно дурно; если оно не нравственно, то безнравственно. Поэтому остается искать, не имѣетъ ли оно какой-нибудь иной функціи.

*) Для пониманія значенія слова функція, какъ его употребляетъ Дюркгеймъ, приведемъ слѣдующее опредѣленіе: «спрашивать, какова функція раздѣленія труда, это значитъ искать, какой потребности оно удовлетворяетъ» (Div. 49).

Есть случаи, когда раздѣленіе труда имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ то, которое обыкновенно приписываютъ ему. Всѣмъ извѣстны многочисленные обыденные факты, показывающіе, что несходство (какъ и сходство) можетъ быть причиною взаимнаго тяготѣнія людей между собой. Люди спекулятивнаго склада часто имѣютъ особую склонность къ людямъ практики; робкіе люди къ людямъ рѣшительнымъ и отважнымъ, и пр. Несходство (т. е. раздѣленіе труда) имѣетъ здѣсь функціей созданіе между людьми чувства солидарности. Исторія брака показываетъ намъ еще болѣе поразительный примѣръ этого. Въ первобытныхъ обществахъ раздѣленіе полового труда крайне незначительно, и параллельно съ этимъ крайне неустойчиво брачное сообщество. Съ развитіемъ же дифференціацій между мужчиной и женщиной мы находимъ все большее увеличеніе супружеской солидарности и прочности брака.

Въ виду такихъ фактовъ возникаетъ вопросъ, не играетъ ли ту же роль и раздѣленіе общественнаго труда? Не состоитъ ли его функція въ созданіи общественной солидарности? не благодаря ли спеціализація занятій могутъ удержаться въ равновѣсіи теперешнія гигантскія общества? Если эта гипотеза окажется справедливой, то раздѣленіе труда «должно имѣть нравственный характеръ, ибо потребности порядка, гармоніи, общественной солидарности считаются всѣми нравственными» (Div. 65).

Для провѣрки этой гипотезы мало доказать, что въ современныхъ обществахъ существуетъ солидарность, обязанная своимъ происхожденіемъ раздѣленію труда. «Это очевидная истина, такъ какъ въ нихъ весьма развито раздѣленіе труда и такъ какъ оно производитъ солидарность» (Div. 66). Требуется, главнымъ образомъ, опредѣлить, насколько способствуетъ эта солидарность увеличенію устойчивости общества, является ли она существеннымъ факторомъ соціальной связи или только вторичнымъ. Для этого нужно сравнить солидарность, вызываемую раздѣленіемъ труда, съ другими видами солидарности.

Но, такъ какъ солидарность фактъ психическій, не поддающійся ни точному наблюденію, ни измѣренію, то приходится замѣнять ее какимъ-нибудь внѣшнимъ признакомъ, символизирующимъ ее. Пріемъ этотъ вполнѣ законенъ. Такъ, напримѣръ, физики изучаютъ теплоту по измѣненіямъ объема, которыя производятъ въ тѣлахъ измѣненіе температуры, электричество по его физико-химическимъ дѣйствіямъ и т. д. Въ нашемъ случаѣ этотъ видимый символъ мы имѣемъ въ правѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ члены группы солидарнѣе, тѣмъ болѣе они поддерживаютъ взаимныхъ сношеній. Число же этихъ послѣднихъ пропорціонально числу опредѣляющихъ ихъ юридическихъ правилъ: «соціальная жизнь повсюду, гдѣ она существуетъ болѣе или менѣе продолжительно, неизбѣжно стремится принять опредѣленную форму и организоваться, и право есть не что иное, какъ сама эта организація въ томъ, что въ ней есть

наиболѣе устойчиваго и точнаго» (Div. 67). Конечно, не всѣ соціальныя отношенія отливаются въ юридическую форму: часть ихъ нормируется нравами; бываютъ даже случаи, что между правомъ и нравами существуетъ настоящее противорѣчіе. Но эти противорѣчія имѣютъ серьезное значеніе только въ патологическихъ исключительныхъ случаяхъ; что же касается той части соціальныхъ отношеній, которыя регулируются обычаями, то она играетъ только второстепенную роль въ жизни обществъ, опять таки за исключеніемъ патологическихъ случаевъ.

Могутъ замѣтить, что сущность солидарности не въ этихъ внѣшнихъ ея проявленіяхъ, а въ извѣстномъ внутреннемъ состояніи, которое именно и нужно изучать. Но помимо того, что это внутреннее состояніе не поддается научному изслѣдованію, оно само по себѣ и не имѣетъ такого значенія для насъ. Фактически существуютъ только частныя формы солидарности: солидарность семейная, профессіональная, національная и т. д. Солидарность вообще—это абстракція, нигдѣ не осуществляющаяся. Къ этой именно абстракціи приходимъ мы, когда собираемся изучать солидарность въ ней самой, помимо тѣхъ специфическихъ соціальныхъ формъ (правовыхъ, моральныхъ), въ которыя она облечена въ каждомъ случаѣ.

Мы можемъ, слѣдовательно, принять, что право воспроизводитъ главнѣйшіе виды солидарности; сколько, значитъ, есть классовъ юридическихъ нормъ, столько и видовъ солидарности.

Если пренебречь обычными подраздѣленіями, созданными въ видахъ практики, то найдемъ, что юридическія правила дѣлятся на двѣ крупныя категоріи. Въ первой юридическая санкція состоитъ въ страданіи, причиняемомъ субъекту; это правила репрессивнаго характера. Другія состоятъ въ возстановленіи нарушенныхъ отношеній въ ихъ нормальномъ видѣ; они реститутивнаго характера. Первыя обнимаютъ все уголовное право; ко вторымъ относятся права гражданское, торговое, процессуальное и пр., отвлекаясь отъ уголовныхъ санкцій, которыя могутъ въ нихъ найтись. Соотвѣтственно съ двумя этими видами юридическихъ нормъ должно быть и два вида солидарности, однимъ изъ которыхъ и должна быть солидарность, вызываемая раздѣленіемъ труда.

Краеугольными камнями репрессивнаго права являются понятія преступленія и соотносительнаго съ нимъ наказанія. Чтобы найти выражаемую этимъ правомъ солидарность, надо узнать причину наказанія или—что́ одно и то же—въ чемъ собственно состоитъ преступленіе. Если попытаться дать ему опредѣленіе, полносильное для всѣхъ временъ и обществъ, а не ограниченное во времени и пространствѣ (ибо только тогда наше опредѣленіе будетъ выражать сущность преступленія), то мы найдемъ, что единственнымъ признакомъ, общимъ всѣмъ преступленіямъ, является то, что они состоятъ въ поступкахъ, порицаемыхъ всѣми членами общества, въ

поступкахъ, которые возмущаютъ чувства, присущія одному и тому же соціальному типу во всѣхъ здоровыхъ сознаніяхъ общества. Опредѣлить же, въ свою очередь, содержаніе этихъ чувствъ невозможно, такъ какъ они измѣняются отъ общества къ обществу, отъ одной эпохи къ другой. Въ наше время этимъ свойствомъ отличаются главнымъ образомъ альтруистическія чувства; но въ сравнительно недавнее время религіозныя, семейныя чувства и цѣлый рядъ другихъ традиціонныхъ чувствъ играли такую же доминирующую роль. Поэтому невозможно составить годный разъ навсегда списокъ чувствъ, оскорбленіе которыхъ составляетъ преступленіе; они отличаются отъ другихъ чувствъ только тѣмъ признакомъ, что общи громадному большинству членовъ одного и того же общества. Но опредѣленіе преступленія, какъ нарушенія коллективныхъ чувствъ, еще не полно, такъ какъ просто безнравственные поступки представляютъ тѣ же черты. Differentium specificum преступленій составляетъ то, что нарушаемыя ими коллективныя чувства отличаются особенной интенсивностью и опредѣленностью. Поэтому полное опредѣленіе преступленія гласитъ такъ: оно представляетъ собой дѣйствіе, нарушающее «сильныя и опредѣленныя состоянія коллективнаго сознанія» (Div. 85), понимая подъ этимъ послѣднимъ терминомъ совокупность чувствъ и вѣрованій, общихъ громадному большинству членовъ даннаго общества.

Ясно теперь, какому виду солидарности соотвѣтствуетъ уголовное право. Всякій знаетъ, что существуетъ соціальная связь, обязанная своимъ происхожденіемъ сходству всѣхъ отдѣльныхъ сознаній съ однимъ общимъ типомъ, представляющимъ психологическій типъ общества. Въ каждомъ изъ насъ существуетъ два сознанія: «Одно обнимаетъ только психическія состоянія, свойственныя лично каждому изъ насъ и характеристичныя для него, между тѣмъ, какъ состоянія, охватываемыя другимъ, общи всей группѣ» (Div. 113). Первое представляетъ нашу собственную индивидуальность, а второе коллективный типъ, т. е. общество. Эти два сознанія, хотя и раздѣльны, имѣя общій органическій субстратъ, связаны между собой и порождаютъ своеобразную солидарность, которая, вытекая изъ сходствъ, соединяетъ индивида непосредственно съ обществомъ. Преступленіе представляетъ посягательство на эту солидарность; наказаніе же является реакціей общества на такое посягательство и имѣетъ функціей сохраненіе общественной солидарности: оно поддерживаетъ цѣлость коллективнаго сознанія, которое потеряло бы всю свою энергію отъ направленныхъ на него покушеній, если бы наказаніе не возмѣщало этой потери, свидѣтельствуя собой, что коллективныя чувства все еще коллективны.

Совсѣмъ иной характеръ представляютъ санкціи реститутивнаго права. Въ нихъ отсутствуетъ всякая идея о наказаніи; онѣ сводятся къ простому возстановленію нарушеннаго нормальнаго теченія вещей. Неисполненіе этихъ правилъ не карается даже диффузив-

нымъ наказаніемъ. «Мы можемъ себѣ даже представить эти правила иначе, чѣмъ они суть, и это не возмущаетъ насъ. Мысль, что преступленіе можетъ быть терпимо, приводитъ насъ въ негодованіе; но мы спокойно допускаемъ измѣненія въ наслѣдственномъ правѣ, и многіе даже допускаютъ, что оно можетъ быть уничтожено. Такъ какъ эти предписанія не соотвѣтствуютъ въ насъ никакому чувству и такъ какъ вообще мы не знаемъ научно ихъ raison d'être.. то они не имѣютъ корня въ большинствѣ изъ насъ... Это служитъ доказательствомъ, что правила съ реститутивной санкціей или не составляютъ части коллективнаго сознанія, или представляютъ только слабыя состоянія его» (Div. 119—20). Благодаря этому отношенія, опредѣляемыя реститутивнымъ правомъ, отличаются отъ регламентируемыхъ уголовными нормами; эти послѣднія соединяютъ непосредственно индивида съ коллективнымъ сознаніемъ, тогда какъ первыя устанавливаются между ограниченными и спеціальными частями общества и только косвеннымъ образомъ связываютъ личность съ обществомъ.

Эти отношенія двоякаго рода: то они отрицательнаго характера и сводятся къ чистому воздержанію; то они являются положительными, принимая форму кооперація. Отношеніямъ перваго рода соотвѣтствуетъ система вещныхъ правъ, наиболѣе совершеннымъ типомъ которой является право собственности. Функція этой системы не въ томъ, чтобы соединять между собой различныя части общества, а, наоборотъ, въ томъ, чтобъ ясно отмѣтить отдѣляющія ихъ границы. Строго говоря, можно пользоваться извѣстнымъ вещнымъ правомъ, считая себя однимъ на свѣтѣ, игнорируя существованіе другихъ людей. Поэтому неточно даже называть эти отношенія отрицательной солидарностью, такъ какъ они скорѣе выражаютъ отрицательную сторону всякой солидарности. Но поэтому и приходится предположить существованіе другой, положительной солидарности. Только взаимныя уступки, компромиссы и самоограниченіе допускаютъ существованіе правъ индивидовъ на вещи. И эти взаимныя самоограниченія должны были совершаться въ духѣ единодушія и согласія. Чтобы люди признавали другъ за другомъ права, необходимо, чтобъ они были солидарны между собой и съ обществомъ, часть котораго они составляютъ. Поэтому отрицательная солидарность является только отраженіемъ въ сферѣ вещныхъ правъ соціальныхъ чувствъ, имѣющихъ совсѣмъ другой источникъ.

Если вычесть изъ реститутивнаго права совокупность вещныхъ правъ, то получится довольно опредѣленная система, охватывающая права: семейное, обязательственное, торговое, процессуальное, административное и конституціонное. Регулируемыя ими отношенія совсѣмъ другого характера, чѣмъ вышеуказанные; они выражаютъ не одно только воздержаніе, но настоящую кооперацію, вытекающую изъ раздѣленія труда. Такъ, напримѣръ, семейное право старается установить распредѣленіе различныхъ семейныхъ функцій

и то, какими онѣ должны быть въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ; оно, такимъ образомъ, выражаетъ ту спеціальную солидарность, которая соединяетъ членовъ одной и той же семьи въ силу раздѣленія семейнаго труда. Правда, обычное мнѣніе состоитъ въ томъ, что семейная связь держится исключительно общностью чувствъ и вѣрованій. Но за этой, безспорно громадной, массой общихъ семейныхъ чувствъ, не слѣдуетъ забывать значенія функціональныхъ различій членовъ семьи, которое доказывается всей юридической организаціей ея. Исторія семьи представляетъ именно процессъ раздѣленія семейнаго труда между членами семьи.

Точно такимъ же образомъ можно прослѣдить значеніе и другихъ частей реститутивнаго права. Въ результатѣ окажется, что регулируемыя имъ отношенія и выражаемая имъ солидарность вытекаютъ изъ раздѣленія общественнаго труда. Ясно теперь, почему кооперативныя отношенія, вытекающія изъ раздѣленія труда, вызываютъ не карательныя, а реститутивныя санкціи. Для того, чтобы имѣли мѣсто санкціи перваго рода, необходимо, чтобы вещь находилась во всѣхъ сознаніяхъ и была такимъ образомъ предметомъ коллективныхъ чувствъ; спеціализація же задачъ ведетъ именно къ тому, что онѣ ускользаютъ отъ дѣйствія коллективнаго сознанія.

Установивъ такимъ образомъ отношенія между различными видами солидарности и различными частями права, мы можемъ найти относительное значеніе обоихъ видовъ солидарности для какого-нибудь даннаго общества. Для этого достаточно опредѣлить относительный объемъ уголовнаго права (выражающаго солидарность, вытекающую изъ сходствъ и называемую Дюркгеймомъ механической) и реститутивнаго (выражающаго органическую солидарность, основывающуюся на раздѣленіи труда). Правда, поступая такъ, мы въ первомъ случаѣ игнорируемъ нѣкоторые элементы коллективнаго сознанія, которые по своей меньшей энергичности не вошли въ уголовное право и тѣмъ не менѣе также поддерживаютъ основанную на сходствахъ соціальную гармонію. Но эта погрѣшность компенсируется аналогичной погрѣшностью въ реститутивномъ правѣ, которое также не выражаетъ всей символизируемой имъ солидарности, дополняясь въ этомъ отношеніи нравами.

Если вѣрно это отношеніе между обоими видами солидарности и правомъ, то «преобладаніе репрессивнаго права надъ кооперативнымъ должно быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ рѣзче выраженъ коллективный типъ и чѣмъ зачаточнѣе раздѣленіе труда. Наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ развиваются индивидуальные типы и спеціализируются задачи, пропорція между объемами этихъ двухъ видовъ права должна стремиться стать обратной» (Div. 142). Это и наблюдается въ дѣйствительности. Чѣмъ болѣе мы подымаемся къ первобытнымъ временамъ, тѣмъ менѣе замѣчаемъ мы индивидуальныхъ различій какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ. Съ ци-

вилизаціей же, наоборотъ, эта индивидуализація усиливается, хотя неоднократно высказывается ошибочное мнѣніе, будто цивилизація сглаживаетъ различія,—мнѣніе, основанное на смѣшеніи разнаго сорта коллективныхъ типовъ (національныхъ, профессіональныхъ и пр.) съ индивидуальными: различіе между націями, профессіями и т. д. безспорно ослабляется, но на мѣсто этихъ различій становится неизмѣримо болѣе значительное разнообразіе индивидовъ внутри этихъ группъ. Параллельно съ этимъ мы замѣчаемъ преобладаніе и почти исключительное существованіе въ первобытныхъ обществахъ карательнаго права, преобладаніе, все уменьшающееся съ развитіемъ раздѣленія труда.

Послѣ всего сказаннаго не трудно доказать, что въ теперешнихъ обществахъ роль механической солидарности сравнительно съ органической крайне незначительна. Достаточно бѣглаго взгляда на современные кодексы, чтобы замѣтить, какое ничтожное мѣсто занимаетъ въ нихъ уголовное право по сравненію съ гигантской системой семейнаго, обязательственнаго и т. д. правъ. Это показываетъ, что совокупность отношеній, подчиненныхъ репрессивной регламентаціи, весьма невелика сравнительно съ суммой отношеній, основывающихся на раздѣленіи труда.

Но мало доказать, что увеличилось число связей, вытекающихъ изъ раздѣленія труда,—надо еще доказать, что интенсивность этихъ связей не меньше, чѣмъ въ тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ сходства. Это не трудно установить.—Относительную силу соціальныхъ связей можно измѣрять по неравной легкости, съ какою онѣ разрываются. Въ низшихъ обществахъ мы именно замѣчаемъ весьма частые и легкіе разрывы этихъ связей. Человѣкъ тамъ не связанъ съ такой силой со своей группой; и этимъ же объясняется крайняя легкость натурализаціи въ этихъ обществахъ, такъ какъ тамъ, гдѣ общественная связь слаба, не трудно протиснуться въ ряды общества и постороннему элементу. Въ современныхъ же обществахъ мы видимъ совсѣмъ иное. Но можно не только доказать, что механическая солидарность связываетъ людей слабѣе, чѣмъ органическая; можно еще доказать, что сила этой связи все ослабляется вмѣстѣ съ эволюціей. Число сильныхъ и опредѣленныхъ состояній коллективнаго сознанія (нарушеніе которыхъ составляетъ, какъ мы знаемъ, преступленіе) все уменьшается, какъ это доказывается уменьшеніемъ числа криминологическихъ типовъ (напр., почти полное исчезновеніе уголовной регламентаціи семейной жизни, исчезновеніе религіозныхъ преступленій и пр.).—Религіозныя чувства (одни изъ наиболѣе интенсивныхъ коллективныхъ чувствъ) ослабляются самымъ очевиднымъ образомъ. Точно также уменьшается число пословицъ, поговорокъ и другихъ продуктовъ коллективнаго творчества. Все это свидѣтельствуетъ въ пользу того, что коллективное сознаніе отстаетъ въ своемъ ростѣ отъ роста индивидуальнаго сознанія; во всякомъ случаѣ, въ своей совокупности оно

становится слабѣе и неопредѣленнѣе; оно теряетъ въ своей отчетливости, пріобрѣтая все болѣе абстрактныя и нерѣшительныя формы. Это дозволяетъ заключить, что вытекающія изъ сходства соціальныя узы прогрессивно ослабляются.

Итакъ, органическая солидарность играетъ доминирующую роль въ современныхъ обществахъ. Но эту органическую солидарность слѣдуетъ, по мнѣнію Дюркгейма, отличать отъ указываемой Спенсеромъ солидарности въ промышленныхъ обществахъ, съ которой первая имѣетъ, повидимому, большое сходство, такъ какъ и та и другая основываются на раздѣленіи труда. Но между ними есть существенныя различія. По Спенсеру промышленная солидарность устанавливается самопроизвольно и поэтому не нуждается ни въ какомъ принудительномъ аппаратѣ для произведенія или поддержанія ея. Сфера соціальнаго дѣйствія должна, по его теоріи, все уменьшаться, сводясь къ чисто отрицательной работѣ надсматриванія за тѣмъ, чтобъ индивиды не мѣшали другъ другу. При такихъ условіяхъ единственной связью, остающейся между людьми, является обмѣнъ. А такъ какъ общая форма обмѣна есть договоръ, то вмѣстѣ съ развитіемъ промышленнаго типа обществъ договорныя отношенія становятся всеобщими. — Но оба эти положенія невѣрны. Сфера соціальнаго дѣйствія не только не уменьшается, но, наоборотъ, увеличивается, какъ это доказываетъ непрерывный ростъ того аппарата, съ помощью котораго совершается соціальное дѣйствіе—именно права. Что касается второго пункта, то на ряду съ увеличеніемъ договорныхъ отношеній идетъ такое же возрастаніе недоговорныхъ. Это доказывается громаднымъ расширеніемъ правъ семейнаго, административнаго и конституціоннаго, изъ которыхъ только въ первомъ играютъ нѣкоторую незначительную роль договоры.

«Общественная жизнь вытекаетъ изъ двойного источника: изъ сходства сознаній и изъ раздѣленія общественнаго труда. Индивидъ соціализуется въ первомъ случаѣ потому, что, не имѣя собственной индивидуальности, онъ сливается, вмѣстѣ съ ему подобными, въ одномъ и томъ же коллективномъ типѣ; во второмъ потому, что — хотя онъ и имѣетъ личную физіономію и дѣятельность, отличающія его отъ другихъ людей — онъ зависитъ отъ нихъ постольку, поскольку отличается отъ нихъ, и, слѣдовательно, зависитъ отъ общества, вытекающаго изъ ихъ соединенія» (Div. 248). Сходство сознаній даетъ начало репрессивнымъ нормамъ, раздѣленіе же труда порождаетъ реститутивное право. «Каждый изъ этихъ сводовъ юридическихъ правилъ сопровождается, кромѣ того, сводомъ чисто моральныхъ правилъ. Тамъ, гдѣ уголовное право занимаетъ большой объемъ, весьма велика и коллективная мораль... Тамъ, гдѣ очень развито реститутивное право, для каждой профессіи есть своя профессіональная мораль» (Div. 248). Эта профессіональная нравствен-

ность отличается отъ коллективной только количественно: она имѣетъ меньшій кругъ дѣйствія, и санкціи ея не имѣютъ той интенсивности, что санкціи общей нравственности. «Однако нормы профессіональнаго права и морали повелительны, какъ и другія. Онѣ вынуждаютъ индивида дѣйствовать не ради собственныхъ его интересовъ, заставляютъ его дѣлать уступки, соглашаться на компромиссы, считаться съ интересами, стоящими выше его личныхъ цѣлей. Слѣдовательно, даже тамъ, гдѣ общество полнѣе всего основывается на раздѣленіи труда, оно не распадается въ атомную пыль, между частицами которой могутъ устанавливаться только мимолетныя и внѣшнія отношенія. Наоборотъ: члены его соединены узами, простирающимися далеко за короткія мгновенія совершенія обмѣна... Такъ какъ мы исполняемъ извѣстную функцію, семейную или общественную, то мы оказываемся заключенными въ сѣть обязательствъ, отъ которыхъ мы не имѣемъ права освободиться. Есть особенно одинъ органъ, по отношенію къ которому наше сознаніе зависимости все увеличивается: это государство» (Div. 249). — Общественная жизнь не можетъ обходиться безъ взаимныхъ жертвъ, безъ прочныхъ привязанностей. Всякое общество есть нравственное общество. Въ извѣстныхъ отношеніяхъ этотъ признакъ даже рѣзче выраженъ въ организованныхъ обществахъ. «Такъ создается весьма сильное чувство состоянія зависимости; индивидъ пріучается правильно оцѣнивать себя, т. е. разсматривать себя, какъ часть цѣлаго, какъ органъ организма» (250 Div.). Такія чувства въ состояніи не только внушить ежедневныя мелкія жертвы, безъ которыхъ не можетъ обойтись правильное теченіе жизни, но и настоящее самоотреченіе.—Напрасно, поэтому, противоставлять общество, основанное на общности чувствъ, обществу, имѣющему въ основѣ кооперацію, и признавать только за первымъ моральный характеръ. Кооперація имѣетъ также свою моральную сторону. Но порождаемая ею органическая солидарность отлична отъ механической солидарности и даже противоположна ей, ибо, чѣмъ больше значеніе первой, тѣмъ оно меньше у второй, и обратно.

Объяснивъ общественную функцію раздѣленія труда, остается найти причину его.

Господствующее мнѣніе принимаетъ, что источникомъ его является присущее человѣку желаніе увеличить свое счастье. По этой теоріи достаточно было возникшаго случайно знакомства съ выгодами раздѣленія труда, чтобы побудить людей извлечь изъ него всю возможную пользу и стремиться къ непрерывному развитію его. — Эта теорія, считающаяся только съ индивидуальными, психологическими сторонами явленій, несостоятельна. Во первыхъ, наша способность къ приращенію наслажденій, согласно закону Веберъ-Фехнера, крайне ограничена; увеличеніе наслажденій далеко не пропорціонально громадному развитію раздѣленія труда, а, при отсутствіи такой пропорціональности, между этими двумя фактами

не можетъ существовать причинной связи. Во вторыхъ, счастье не увеличивается параллельно съ прогрессированьемъ видовъ. Счастье—какъ указывалось уже въ первой статьѣ—есть состояніе здоровья, которое не увеличивается при переходѣ отъ одного вида къ другому, или, въ одномъ и томъ же видѣ, при переходѣ отъ одной фазы его развитія къ другой. Будучи фактомъ постояннымъ, оно не можетъ являться причиной измѣняющагося явленія.—Но стремленіе къ счастью единственный индивидуальный двигатель, который могъ бы объяснить развитіе раздѣленія труда; за устраненіемъ его, остается отказаться отъ попытки объяснить происхожденіе изслѣдуемаго явленія чисто индивидуальными причинами; остается обратиться къ окружающей индивида средѣ, чтобы въ ней найти источники измѣненія въ общественномъ трудѣ. Но, такъ какъ изъ двухъ средъ, окружающихъ человѣка, физической и соціальной, первая представляетъ относительное постоянство и, слѣдовательно, не годна для объясненія непрерывнаго ряда общественныхъ перемѣнъ, то остается одна только соціальная среда, въ которой и слѣдуетъ искать причины соціальныхъ эволюцій. Здѣсь мы имѣемъ частный случай примѣненія общаго соціологическаго правила для объясненія соціальныхъ явленій. «Начало всякаго сколько-нибудь значительнаго общественнаго процесса должно искать въ строеніи внутренней соціальной среды» (Règles, 138).

Если обратиться къ изслѣдованію соціальной среды, то окажутся два фактора, имѣющіе вліяніе на раздѣленіе труда: число членовъ общества, или, какъ выражается Дюркгеймъ, объемъ общества, и плотность обществъ, степень концентраціи массы, измѣряемая не одной только матеріальною близостью индивидовъ, но и моральнымъ ихъ сближеніемъ.

Раздѣленіе труда находится въ прямомъ отношеніи къ обоимъ этимъ факторамъ.

Объясненіе этого лежитъ въ томъ, что съ увеличеніемъ числа индивидовъ обостряется борьба за существованіе, которая, какъ это указалъ Дарвинъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сходнѣе между собой конкуррирующіе организмы. Интенсивность борьбы будетъ не такъ велика между особями различныхъ видовъ, такъ какъ онѣ питаются не тождественнымъ образомъ и ведутъ не одинаковый образъ жизни. Онѣ могутъ тогда существовать бокъ о бокъ, не сталкиваясь между собой. Люди одинаковыхъ профессій конкуррируютъ между собой, и сила этой конкурренціи тѣмъ слабѣе, чѣмъ различнѣе другъ отъ друга профессіи. Между окулистомъ и психіатромъ не можетъ быть такой конкурренціи, какъ между двумя окулистами; еще менѣе возможна эта конкурренція между окулистомъ и, напримѣръ, сапожникомъ. Нетрудно теперь объяснить, почему всякое увеличеніе плотности обществъ, особенно если оно сопровождается увеличеніемъ населенія, вызываетъ неизбѣжно дальнѣйшее раздѣленіе труда. Вообразимъ себѣ промышленный центръ,

снабжающій какимъ-нибудь продуктомъ извѣстную область, въ которомъ промышленныя предпріятія достигли извѣстнаго состоянія равновѣсія. Вслѣдствіе улучшенія путей сообщенія для этого центра становится доступной новая область, на расширившійся рынокъ накидываются всѣ предпріятія. Равновѣсіе нарушено; вновь возникаетъ борьба, въ которой болѣе слабыя экономически предпріятія должны уступить сильнѣйшимъ. Имъ остается два выхода: или совсѣмъ исчезнуть, или преобразоваться, обратясь къ какой-нибудь новой спеціальности, такъ какъ въ существующихъ спеціальностяхъ всѣ мѣста ужъ заняты и имъ придется выдерживать въ нихъ ту же борьбу, что и въ своей профессіи. Хотя примѣръ этотъ заимствованъ изъ экономической области, то же объясненіе примѣнимо къ раздѣленію научнаго, артистическаго и другихъ видовъ общественнаго труда.

Можетъ явиться сомнѣніе въ пригодности этого объясненія. Всякая функція можетъ спеціализироваться только въ томъ случаѣ, если эта спеціализація соотвѣтствуетъ какой-нибудь общественной потребности. Гдѣ же берутся эти новыя потребности, безъ которыхъ борьба за существованіе приводила бы не къ новой спеціализаціи, а къ уничтоженію одного изъ конкуррентовъ? Потребности эти создаются самою же борьбой. Обостренная борьба за существованіе требуетъ большей траты силъ и, соотвѣтственно съ этимъ, для возстановленія потерь организма лучшей и болѣе обильной пищи.

Итакъ, если люди спеціализируются, то «не для того, чтобъ производить болѣе, но чтобы быть въ состояніи жить въ создавшихся новыхъ условіяхъ существованія» (305).

Такова главная причина раздѣленія труда. Но, кромѣ нея, есть другія, хотя и вторичные факторы, безъ которыхъ невозможно прогрессированіе раздѣленія труда. Для возможности этого послѣдняго необходимо, во первыхъ, чтобы были возможны индивидуальныя варіаціи. Эти же, въ свою очередь, предполагаютъ ослабленіе коллективнаго сознанія, относящагося враждебно ко всему, что способно его ослабить, то есть къ индивидуальнымъ уклоненіямъ. Это условіе и осуществляется въ дѣйствительности, ибо, какъ было уже показано, коллективное сознаніе принимаетъ все болѣе неопредѣленный характеръ, все болѣе ослабляется. Какъ доказываетъ Дюркгеймъ, это ослабленіе общаго сознанія является также продуктомъ увеличенія плотности обществъ. Другимъ факторомъ, стѣсняющимъ свободу нашихъ движеній, является чисто біологическій факторъ наслѣдственности, связывающій насъ съ нашей расой такъ, какъ коллективное сознаніе съ соціальной группой, въ которой мы находимся. Но факты доказываютъ, что наслѣдственность все болѣе и болѣе теряетъ свое вліяніе надъ человѣкомъ. Появляется все увеличивающееся количество свойствъ, на которыя она не имѣетъ вліянія, да и тѣ, непрерывность которыхъ она обезпечиваетъ, ста-

новится все болѣе и болѣе эластичными. Она такимъ образомъ все менѣе сопротивляется появленію новыхъ комбинацій.

Изъ этого вытекаетъ весьма важное для пониманія раздѣленія труда слѣдствіе, именно установленія различія между раздѣленіемъ общественнаго и физіологическаго труда. «Въ организмѣ всякая клѣточка имѣетъ свою опредѣленную роль и не можетъ измѣнить ее. Въ обществѣ занятія никогда не были распредѣляемы столь неподвижнымъ образомъ. Даже тамъ, гдѣ рамки организаціи наиболѣе тверды, индивидъ можетъ двигаться съ извѣстной свободой внутри той изъ нихъ, гдѣ поставила его судьба» (Div. 367). И по мѣрѣ развитія раздѣленія труда эта гибкость и свобода становятся все значительнѣе. Мы часто видимъ, какъ «одинъ и тотъ же человѣкъ поднимается отъ самыхъ низкихъ до высшихъ занятій. Принципъ, по которому всѣ занятія равно доступны всѣмъ гражданамъ, не сталъ бы такимъ общимъ, если бы не получалъ постоянныхъ примѣненій. Еще чаще случается, что работникъ кидаетъ свою профессію для какой-нибудь сосѣдней. Когда научная дѣятельность не была еще спеціализована, ученый, охватывая почти всю науку, не могъ перемѣнять занятія, такъ какъ для этого ему приходилось бы отказаться отъ самой науки. Нынче часто случается, что онъ посвящаетъ себя попеременно различнымъ наукамъ, что онъ переходитъ отъ химіи къ біологіи, отъ физіологіи къ психологіи, отъ психологіи къ соціологіи. Эта способность принимать послѣдовательно весьма различныя формы нигдѣ такъ не даетъ себя знать, какъ въ экономическомъ мірѣ» (Div. 368).

Нѣкоторые соціологи, какъ, напримѣръ, Спенсеръ, готовы видѣть въ этой большей пластичности соціальныхъ функцій доказательство ихъ низшаго состоянія, ибо такого сорта обмѣнъ функціями разныхъ частей организма существуетъ, главнымъ образомъ, у низшихъ организмовъ. Поэтому можетъ явиться вопросъ, не приметъ ли когда нибудь общество болѣе опредѣленной, законченной формы, каждый органъ и каждый индивидъ будутъ имѣть свою опредѣленную неизмѣнную функцію? Но біологическія аналогіи здѣсь, какъ и всегда, можно употреблять противъ Спенсера съ такимъ же успѣхомъ, какъ онъ ихъ за себя. Явленіе замѣщенія функцій встрѣчается не только у низшихъ животныхъ, но и въ такихъ высоко развитыхъ органахъ, какъ мозгъ у высшихъ животныхъ. Вообще затвердѣвшая спеціализація не представляетъ обязательно признака высшаго развитія. Она хороша тамъ, гдѣ среда сама неподвижна. Но при столь сложной и подвижной средѣ, какъ соціальная, неизбѣжна большая эластичность функціи. Эта гибкость соціальныхъ функцій доказываетъ только, что онѣ становятся все болѣе независимыми отъ своихъ органовъ. Функція не связана ужъ такимъ неподвижнымъ образомъ съ опредѣленнымъ строеніемъ органа; связь между ними ослабла. Въ низшихъ обществахъ, гдѣ занятія крайне просты и общи, различные классы, исполняющіе

ихъ, отличаются другъ отъ друга морфологически. «Каждая каста, каждый слой населенія имѣютъ свой способъ питаться, одѣваться и т. д. и эти различія въ образѣ жизни влекутъ за собою физическія различія» (Div. 372). Наоборотъ, въ высшихъ обществахъ эти контрасты исчезаютъ. Люди, посвящающіе себя различнымъ профессіямъ, отличаются другъ отъ друга менѣе, чѣмъ прежде, тѣлосложеніемъ, чертами, и т. д. Функціональныя различія увеличиваются. Если мозги различныхъ индивидовъ и не одинаково способны ко всякимъ функціямъ, то ихъ функціональное безразличіе становится всетаки больше. Словомъ, прогрессъ раздѣленія труда имѣетъ слѣдствіемъ все большее отдѣленіе функціи отъ органа.

Изученіе раздѣленія труда было бы не полно, если бы оно не приняло въ разсчетъ ненормальныхъ формъ его. До сихъ поръ оно разсматривалось, какъ явленіе нормальное; было показано, что, какъ таковое, оно производитъ соціальную солидарность. Но оно не всегда приводитъ къ этому результату; не даромъ общественное мнѣніе не рѣшается еще санкціонировать его. Виной здѣсь не раздѣленіе труда само по себѣ, а патологическія формы его; изученіе ихъ должно, поэтому, устранить поднимаемыя противъ него обвиненія.

Дюркгеймъ сводитъ къ тремъ основнымъ типамъ анормальныя формы раздѣленія труда, изъ которыхъ мы разсмотримъ только первые два.

Первый—это аномическое раздѣленіе труда. Въ экономической жизни оно выражается все увеличивающимися по мѣрѣ раздѣленія труда промышленными кризисами и антагонизмомъ между трудомъ и капиталомъ; въ наукѣ оно даетъ себя знать потерей единства науки по мѣрѣ спеціализированья научнаго труда. Ненормальное раздѣленіе научнаго труда мы оставимъ въ покоѣ. Что же касается аналогичнаго состоянія экономической дѣятельности, то причину его Дюркгеймъ видитъ въ недостаточной регламентаціи труда. «Нынѣ нѣтъ правилъ, опредѣляющихъ число экономическихъ предпріятій; а въ каждой вѣтви промышленности производство не регламентировано настолько, чтобъ держаться на уровнѣ потребленія... этотъ недостатокъ регламентаціи не дозволяетъ правильной гармоніи функцій» (Div. 411). Точно также отношенія между трудомъ и капиталомъ подверглись крайне слабому регулированію, какъ это доказываетъ хотя бы ничтожное мѣсто, занимаемое въ гражданскихъ законахъ договоромъ о личномъ наймѣ. Это отсутствіе регламентаціи, это состояніе аноміи, происходитъ, по мнѣнію Дюркгейма, оттого, что общественные органы не находятся въ достаточномъ соприкосновеніи между собою, какъ это требуется для нормальной кооператціи. Прежде производители находились вблизи отъ потребителей и могли себѣ легко составить представленіе о величинѣ

потребностей, подлежащихъ удовлетворенію. Съ развитіемъ же общественныхъ дифференціацій, рынокъ все увеличивается, становясь подъ конецъ всемірнымъ; соприкосновеніе между производителемъ и потребителемъ ослабляется. Параллельно съ расширеніемъ рынка появляется и крупная промышленность, совсѣмъ видоизмѣняющая отношенія между хозяевами и работниками. Эти новыя отношенія требуютъ соотвѣтственной организаціи, которая не успѣла еще установиться благодаря необычайной быстротѣ экономической эволюціи; такимъ образомъ, сталкивающіеся интересы не успѣли еще придти въ равновѣсіе.

Предыдущее позволяетъ признать неосновательнымъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ упрековъ раздѣленію труда. Его часто обвиняли въ томъ, что оно наноситъ ущербъ личности, сводя ее къ роли машины. И это безусловно вѣрно, если человѣкъ не знаетъ, къ чему служатъ операціи, которыхъ отъ него требуютъ, не знаетъ цѣли ихъ. Въ видѣ противоядія предлагали давать рабочимъ, кромѣ спеціальныхъ техническихъ знаній, и общее образованіе. Но это не можетъ предупредить дурныхъ послѣдствій, приписываемыхъ раздѣленію труда; кромѣ того, привычка къ широкимъ горизонтамъ, къ обобщеніямъ, не только не уничтожитъ вредныхъ послѣдствій спеціализаціи, но еще усугубитъ ихъ, дѣлая невыносимой работу въ узкихъ предѣлахъ какой-нибудь спеціальной профессіи. Для уничтоженія вредныхъ послѣдствій спеціализаціи надо только помнить, что виной этого не раздѣленіе труда, а ненормальная форма его. «Нормально, дѣятельность каждой спеціальной функціи требуетъ, чтобъ индивидъ не замыкался узко въ нее, но чтобъ онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними функціями, сознавалъ ихъ потребности, происходящія въ нихъ перемѣны и т. д. Раздѣленіе труда предполагаетъ, что работникъ не только не остается сгорбленнымъ надъ своимъ занятіемъ, но что онъ не теряетъ изъ виду своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, находится во взаимодѣйствіи съ ними. Онъ, значитъ, не машина, повторяющая дѣйствія, направленія которыхъ онъ не замѣчаетъ; онъ знаетъ, что они стремятся къ чему-то, къ цѣли, которую онъ различаетъ болѣе или менѣе ясно. Онъ чувствуетъ, что служатъ чему-то. Для этого не необходимо, чтобъ онъ обнималъ очень обширныя доли соціальнаго горизонта; достаточно, чтобъ онъ обнималъ его настолько, чтобы понять, что его дѣйствія имѣютъ цѣль внѣ самихъ себя. Тогда — какъ бы спеціальной, какъ бы однообразной ни была его дѣятельность—она дѣятельность интеллигентнаго существа, ибо она имѣетъ смыслъ, и работникъ его знаетъ» (Div. 417).

Если мы въ аномическомъ раздѣленіи труда видѣли зло отъ недостатка регламентаціи, то бываютъ случаи, когда сама регламентація бываетъ причиной зла. Это мы и имѣемъ въ борьбѣ классовъ. «Установленіе классовъ или кастъ составляетъ организацію раздѣленія труда, и это строго регламентированная организація.

Однако она часто служитъ источникомъ раздоровъ» (Div. 419). Но эти раздоры также не являются слѣдствіемъ раздѣленія труда самого по себѣ. Они показываютъ только, что распредѣленіе соціальныхъ функцій, на которое опираются классы, не соотвѣтствуетъ распредѣленію естественныхъ талантовъ. Индивидъ беретъ на себя извѣстную функцію не добровольно; она принудительно навязывается ему. Результатомъ такого внѣшняго принужденія и является отсутствіе солидарности. Если бы никакое внѣшнее препятствіе не вмѣшивалось въ борьбу конкуррирующихъ между собой лицъ, то лишь наиболѣе способные къ каждому роду дѣятельности брались бы за него. Одно только разнообразіе способностей опредѣляло бы тогда способъ раздѣленія труда, и при этой гармоніи между способностями человѣка и родомъ его занятій не могли бы имѣть мѣсто тѣ раздоры, о которыхъ мы говорили. Поэтому раздѣленіе труда можетъ вызывать солидарность только въ томъ случаѣ, если оно будетъ самопроизвольнымъ, если въ него не будетъ вмѣшиваться внѣшнее принужденіе; оно требуетъ, слѣдовательно, абсолютнаго равенства во внѣшнихъ условіяхъ борьбы. Это предполагаетъ, конечно, искусную организацію, въ которой «каждая соціальная цѣнность, не будучи преувеличена ни въ ту, ни въ другую сторону постороннимъ элементомъ, будетъ оцѣниваться по истинной своей цѣнѣ» (Div. 423).

Правда, такая самопроизвольность раздѣленія труда нигдѣ не встрѣчается. Но, какъ показываютъ факты, она становится все замѣтнѣе по мѣрѣ развитія раздѣленія труда. И необходимость этого уравненія во внѣшнихъ условіяхъ борьбы понятна. Въ обществахъ, держащихся общностью вѣрованій, опасность для группы отъ внѣшнихъ неравенствъ не можетъ быть особенно велика, такъ какъ они весьма слабо затрогиваютъ коллективное сознаніе. Наоборотъ, въ обществахъ съ развитымъ раздѣленіемъ труда, держащихся, главнымъ образомъ, органической солидарностью, это неравенство даетъ себя мучительно знать на каждомъ шагу, тѣмъ болѣе, что оно не нейтрализуется сильно ослабѣвшими коллективными чувствами. Опасность, угрожающая общественной солидарности, становится такимъ образомъ очень серьезной. Поэтому для этихъ обществъ является жизненнымъ вопросомъ устраненіе всякихъ соціальныхъ неравенствъ, мѣшающихъ самопроизвольной группировкѣ общественнаго труда.

Остается подвести итоги всему сказанному.

Никто не сомнѣвается въ моральномъ значеніи правила, предписывающаго намъ осуществить всѣ существенныя черты коллективнаго типа, правила, достигающаго своего апогея у низшихъ народовъ, затѣмъ прогрессивно слабѣющаго вмѣстѣ съ эволюціей обществъ, но не теряющаго и въ самыхъ развитыхъ изъ нихъ окончательно своего значенія. Функція этого правила состоитъ въ томъ, чтобы предупреждать всякія потрясенія коллективнаго сознанія и, слѣдовательно, общественной солидарности. Но и правило, требую-

щее отъ насъ специализированія задачъ, имѣетъ ту же функцію; и оно необходимо для поддержанія связи обществъ, по крайней мѣрѣ, начиная съ извѣстной ступени ихъ развитія. Современныя общества могутъ сохраниться въ равновѣсіи только при условіи раздѣленія труда: одного тяготѣнія подобнаго къ подобному недостаточно для этого. Правило раздѣленія труда должно, поэтому, имѣть также моральный характеръ, ибо и оно становится точно такъ же источникомъ общественной солидарности. Если между этими двумя правилами существуетъ антагонизмъ, то онъ заключается не въ преслѣдуемой ими цѣли, а въ томъ, что они ведутъ къ этой цѣли противоположными путями.

Практическій выводъ отсюда получается тотъ, что «въ высшихъ обществахъ обязанность заключается не въ томъ, чтобы раздвигать свою дѣятельность вширь, но чтобы концентрировать и специализировать ее. Мы должны ограничить свой горизонтъ, выбрать опредѣленное занятіе и отдаться ему цѣликомъ, вмѣсто того, чтобъ сдѣлать изъ своего существа законченное художественное твореніе, мѣриломъ цѣнности котораго служитъ оно само, а не оказываемыя имъ услуги. Наконецъ, эта специализація должна быть проводима тѣмъ далѣе, чѣмъ высшаго вида само общество; другой границы невозможно ей указать. Безъ сомнѣнія, мы должны также стараться осуществить въ себѣ коллективный типъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ существуетъ. Есть общія чувства, общія идеи, безъ которыхъ, какъ выражаются, нельзя быть человѣкомъ. Правило, предписывающее намъ специализацію, ограничено противоположнымъ правиломъ. Мы утверждаемъ не то, что хорошо проводить специализацію такъ далеко, какъ только возможно, но такъ далеко, какъ это необходимо» (Div. 451).

Могутъ сказать, что раздѣленіе труда, дѣлая изъ насъ несовершенное существо, влечетъ за собой уменьшеніе индивидуальности. Но, во первыхъ, не видно, почему было бы въ логикѣ человѣческой природы развиваться вширь, а не вглубь. «Почему болѣе широкая, но болѣе разбросанная дѣятельность, выше болѣе концентрированной, но узкой дѣятельности? Почему выше быть всестороннимъ (complet) и посредственнымъ, чѣмъ жить болѣе специальной, но болѣе интенсивной жизнью, особенно, если возможно найти то, что мы теряемъ такимъ образомъ, путемъ ассоціаціи съ другими существами, которыя обладаютъ тѣмъ, чего намъ недостаетъ, и которыя насъ дополняютъ» (Div. 453). Съ другой стороны, раздѣленіе труда не только не уничтожаетъ индивидуальности, но оно именно способствуетъ развитію ея. «Быть личностью—значитъ быть автономнымъ источникомъ дѣйствія. Человѣкъ, значитъ, пріобрѣтаетъ это качество лишь постольку, поскольку въ немъ есть что-нибудь, принадлежащее лично одному ему, индивидуализирующее его, поскольку онъ является болѣе, чѣмъ простымъ воплощеніемъ генерическаго типа его расы и группы» (Div. 453). Въ низшихъ обще-



ствахъ личность совсѣмъ поглощена группой: какъ бы полной и разносторонней ни казалась ея дѣятельность, но на самомъ дѣлѣ въ этой дѣятельности выражается не личность сама, а общество: личность является только посредникомъ, черезъ котораго дѣйствуетъ это послѣднее; индивидуальность принадлежитъ не личности, а занята ею у общества. Только съ появленіемъ раздѣленія труда индивидуальное сознаніе выдѣляется изъ коллективнаго и личность становится самостоятельнымъ источникомъ дѣйствія.

«Такимъ образомъ прогрессъ индивидуальной личности и прогрессъ раздѣленія труда зависятъ отъ одной и той же причины. Невозможно, значитъ, желать перваго, не желая второго. Но никто не отрицаетъ въ настоящее время обязательнаго характера правила, приказывающаго намъ быть, и быть все болѣе и болѣе, личностью» (Div. 455).

Если ко всему вышесказанному прибавить, что только благодаря раздѣленію труда можетъ организоваться одно, обнимающее все человѣчество, общество — ибо болѣе обширныя общества для своего сформированія требуютъ дальнѣйшей спеціализаціи занятій, одно увеличеніе числа конкуррентовъ произвело бы механически этотъ результатъ—то ясно будетъ, насколько раздѣленіе труда связано со всей нашей моральной жизнью, такъ какъ только оно даетъ возможность осуществиться идеалу всечеловѣческаго братства.

II.

Книга Дюркгейма является для него трактатомъ по нравственности. Она имѣетъ цѣлью отвѣтить на вопросъ, какъ отнестись личности къ раздѣленію труда: считать ли своей обязанностью борьбу съ нимъ или, наоборотъ, согласованіе.— Въ этомъ отношеніи рѣшеніе Дюркгейма, т. е. вся его книга, не имѣетъ для насъ никакого значенія. Оно основывается на примѣненіи тѣхъ принциповъ, которые были разобраны въ предыдущей статьѣ и признаны неудовлетворительными. Мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ же неправильнымъ пониманіемъ нормальнаго, мы имѣемъ то же смѣшеніе существующаго съ желательнымъ, выразившееся здѣсь въ его взглядѣ на нравственность. Вѣдь то опредѣленіе нравственнаго, которое даетъ намъ авторъ, примѣнимо лишь къ изученію эволюціи нравственности; но переходить отсюда къ практическимъ требованіямъ— рѣшительно невозможно. Конечно, результатъ, къ которому приходитъ Дюркгеймъ, указывая на раздѣленіе труда, какъ на существеннѣйшій факторъ солидарности въ наше время, очень заманчивъ, и—поскольку онъ вѣренъ—врядъ ли кто отказался бы примкнуть къ практическимъ выводамъ автора. Но результатъ этотъ не связанъ неразрывно со взглядомъ Дюркгейма на нравственность; и мы пока говоримъ не противъ результата, а противъ того метода, какимъ онъ получается, метода, который не могъ дать мѣста по-

становкѣ практическихъ вопросовъ, какъ не можетъ она вообще получиться при одномъ научномъ изслѣдованіи явленія безъ вмѣшательства волевого фактора. Для Дюркгейма нравственно то, что санкціонируется обществомъ; нравственное здѣсь=относящемуся къ области моральныхъ явленій. Худо ли, хорошо ли такое опредѣленіе, но оно годится для научныхъ требованій, и съ его помощью можно попытаться прослѣдить развитіе нравственности. Но отъ этого научнаго опредѣленія нравственнаго рѣшительно невозможно перейти къ нравственному въ телеологическомъ смыслѣ; рѣшительно невозможно отъ изложенія господствовавшихъ и господствующихъ въ обществѣ нормъ перейти къ вмѣненію личности въ обязанность руководствоваться этими нормами; невозможно отъ изъявительнаго наклоненія перейти къ повелительному. Какое дѣло личности до того, что въ обществѣ считается обязанностью не ѣсть такой-то пищи или ѣсть такую-то другую, если сама она не видитъ въ этомъ ничего обязательнаго? Какое ей вообще дѣло до общественныхъ санкцій и нормъ, разъ онѣ расходятся съ ея санкціями и нормами? Противъ этого положенія ничего не значитъ то возраженіе Дюркгейма (см. стр. 38), что фактически индивидъ въ своихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ выражаетъ воззрѣнія того общества, въ которомъ онъ живетъ: фактически, объективно—это такъ, но субъективно—а здѣсь имѣетъ рѣшающее значеніе именно субъективная точка зрѣнія—дѣло обстоитъ иначе. Объективно я часть міра, субъективно—міръ часть меня, будучи моимъ представленіемъ; объективно царитъ детерминизмъ, субъективно—я чувствую себя свободнымъ, и пр. Обѣ эти точки зрѣнія не противорѣчатъ другъ другу; обѣ онѣ вполнѣ законны, незаконно только смѣшиваніе ихъ. Объективно личность поступаетъ нравственно всегда гетерономно, такъ какъ ея нравственные идеалы сложились изъ полученныхъ изъ окружающаго элементовъ, но субъективно она въ своемъ поведеніи автономна. Дюркгеймъ со своимъ опредѣленіемъ держится на объективной почвѣ, и поэтому переходъ его на субъективную почву незаконенъ. Противорѣчіе это можетъ устраниться только съ допущеніемъ той посылки, что личность *обязана* согласоваться съ моральными требованіями общества, и остается именно предположить, что такова основная *субъективная* посылка Дюркгейма. Но согласиться съ такой посылкой довольно трудно. Дюркгеймъ, конечно, легко можетъ требовать подчиненія дѣйствительности; онъ, конечно, можетъ свободно ставить передъ нами относительно раздѣленія труда гамбеттовскую дилемму: se soumettre ou se démettre, потому что у него заблаговременно припасено такое недурное рѣшеніе, какъ солидарность. Имѣя такого козыря въ рукахъ, можно смѣло держать крупную научную игру: результаты будутъ получаться объективные, идеалъ будетъ «наученъ». Но нечего смущаться этой объективностью. Кто-то сказалъ довольно остроумно, что всякое предисловіе есть собственно послѣсловіе; точно такъ

же и всякій выводъ, на самомъ дѣлѣ, исходный пунктъ. Если бы исходная точка, или выводъ (все равно, какъ ни назвать) были у Дюркгейма другого сорта, то онъ врядъ ли бы съ такимъ легкимъ сердцемъ поставилъ передъ нами свою грозную альтернативу и врядъ ли бы такъ непринужденно переходилъ отъ объективнаго пониманія нравственности къ субъективному.

Итакъ, мы считаемъ себя въ правѣ отклонить Дюркгеймовскую постановку практической проблемы. Это не значитъ, конечно, что мы не будемъ считаться съ практическими выводами и требованіями нашего автора, но они насъ будутъ занимать независимо отъ того метода, съ которымъ онъ приступаетъ къ рѣшенію моральныхъ вопросовъ.

Остановимся теперь на опредѣленіи нравственнаго, какъ его даетъ Дюркгеймъ, такъ какъ это пригодится намъ при оцѣнкѣ достоинства тѣхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ онъ изучаетъ моральное значеніе раздѣленія труда.

Полное опредѣленіе обнимаетъ, какъ мы видѣли, съ одной стороны, санкціонируемыя обществомъ правила, съ другой—правила, аналогичныя первымъ по своей роли и происхожденію. Опредѣленіе это хромаетъ соединеніемъ разнородныхъ элементовъ; если существенный признакъ нравственной нормы общественная санкція, то не обладающія этой санкціей правила не могутъ быть названы моральными, хотя бы они и представляли съ первыми извѣстныя сходства. Съ другой стороны, если буквально придерживаться этого опредѣленія, то придется признать весь трудъ Дюркгейна не достигающимъ своей цѣли. Чтобы признать нравственнымъ какое нибудь неустановившееся еще правило, надо указать на тождественность его функцій и причинъ съ функціей и причинами какихъ нибудь общепринятыхъ моральныхъ нормъ. Для раздѣленія труда Дюркгеймъ доказываетъ, что функція его—создать солидарность, какъ это имѣетъ мѣсто и съ правиломъ, требующимъ осуществленія коллективнаго типа. Но что касается причинъ этихъ двухъ правилъ, то онѣ не только не тождественны, какъ этого требуетъ теорія, но именно противоположны: причиной одного служитъ сходство сознаній, причиной другого — несходство ихъ, раздѣленіе труда. Мы не настаиваемъ особенно на этомъ промахѣ Дюркгейма, а указываемъ только на неразработанность его теоріи.

Опредѣленіе нравственнаго представляетъ еще рядъ другихъ слабыхъ сторонъ.

Во первыхъ, оно широко, охватывая такіе факты, какъ правила приличія, которыя представляютъ рѣшительно тѣ же признаки, что и моральныя правила по формулѣ Дюркгейма, и которыя могутъ быть включены въ область нравственной жизни развѣ въ низшихъ обществахъ, достаточно рѣзко обособляясь отъ нихъ на высшихъ ступеняхъ развитія, создавая свой особый механизмъ специфическихъ общественныхъ чувствъ.

Но, съ другой стороны, это опредѣленіе узко, такъ какъ имъ исключается цѣлый рядъ фактовъ, относимыхъ Дюркгеймомъ къ эстетикѣ моральной жизни, которые, однако, обыкновенно считаются нравственными явленіями въ ряду другихъ подобныхъ же явленій и даже чуть ли не моральными фактами высшаго типа. Къ этимъ эстетико-моральнымъ явленіямъ Дюркгеймъ относитъ всѣ тѣ факты, которые не являются обязательными, но тѣмъ не менѣе одобряются общественнымъ мнѣніемъ: сюда должны быть отнесены всѣ виды самопожертвованія. Какъ нашъ авторъ ни старается оправдать свое рѣшеніе, ссылаясь на то, что противно, дескать, всякому разумному методу соединять подъ одной рубрикой акты, которые должны согласоваться съ извѣстными установленными правилами, и другіе, которые свободны отъ всякой регламентаціи,—но остается несомнѣннымъ, что его формула не удовлетворяетъ поставленному имъ же требованію дать отчетъ во *всѣхъ* фактахъ, моральный характеръ которыхъ неоспоримъ, т. е. признается всѣми. Мы, собственно, ничего не имѣемъ противъ Дюркгеймовскаго выдѣленія извѣстныхъ фактовъ изъ области морали, именно потому, что считаемъ неисполнимымъ требованіе обнять въ какой нибудь формулѣ или опредѣленіи всѣ тѣ явленія, которыя признавались или признаются моральными. Мы указываемъ только на то, что Дюркгеймъ нѣсколько суровъ въ своихъ требованіяхъ отъ другихъ моралистовъ охватить всѣ нравственныя явленія и уподобляется тѣмъ людямъ, о которыхъ въ Евангеліи сказано, что они «налагаютъ на людей бремена неудобоносимыя, а сами и однимъ перстомъ не дотрогиваются до нихъ». Тутъ еще, кромѣ того, характерно для мыслителя исключеніе имъ изъ своего изслѣдованія подъ какимъ-то формальнымъ предлогомъ явленій, представляющихъ именно живѣйшій интересъ при изученіи нравственности.

Не менѣе важнымъ является вопросъ о томъ, кто санкціонируетъ моральныя правила. По Дюркгейму это дѣло нормальнаго сознанія, т. е. наиболѣе общаго въ данной группѣ сознанія. Но мы думаемъ, что Дюркгейму придется выслушать тотъ же упрекъ, какой достается отъ него Гарофало за попытку опредѣлить преступленія, какъ поступки, которые всегда и вездѣ считались преступными. Если, говоритъ нашъ авторъ, «есть проступки, которые всегда и вездѣ разсматривались, какъ преступные, то они представляютъ ничтожное меньшинство, и, слѣдовательно, такой методъ можетъ дать намъ только уродливое понятіе о явленіи» (74). Въ обществахъ, подвергшихся процессу дифференціаціи, коллективное сознаніе представляетъ—какъ это показываетъ и Дюркгеймъ—нѣчто довольно мизерное, путемъ апеллированія къ нему можно получать именно уродливое представленіе о нравственности. Для такихъ обществъ изученіе, такъ сказать, всеобщей нравственности не можетъ имѣть серьезнаго значенія, если не сопровождается изученіемъ разныхъ классовыхъ нравственностей съ ихъ дальнѣйшими

подраздѣленіями. Эти групповыя нравственности (подъ названіемъ профессіональныхъ) затрагиваются и Дюркгеймомъ, но очень слабо, и, какъ мы увидимъ ниже, истолковываются неправильно.

Но самымъ спорнымъ и страннымъ въ разбираемомъ опредѣленіи является то, что моральнымъ фактомъ считается не поступокъ, а правило. Въ одномъ мѣстѣ мы прямо читаемъ: «собственно говоря, нравственный фактъ не состоитъ въ поступкѣ, согласномъ съ правиломъ, а въ самомъ правилѣ» (30). Куда же отнести тогда не правила, а тѣ отношенія, которыя регулируются правилами и которыя могутъ то согласоваться съ ними, то нѣтъ? Почему правило: не убей—считать моральнымъ фактомъ, а явленіямъ, въ которыхъ выразилось, или нѣтъ, пользованіе этимъ правиломъ, отказать въ такомъ названіи? Если нравственность есть совокупность условій солидарности (какъ опредѣляетъ въ концѣ своей книги Дюркгеймъ), то что же такое самъ фактъ солидарности или отсутствіе его? Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ мы читаемъ о нравственности, что «она состоитъ въ томъ, чтобы быть солидарнымъ съ группой, и измѣняется, какъ эта солидарность» (448). Но это мѣсто стоитъ чуть ли не одиноко, и Дюркгеймъ все время не сходитъ съ формальной точки зрѣнія на моральныя явленія. Такъ, на той же страницѣ онъ говоритъ, что нравственно «все то, что есть источникъ солидарности, все, что заставляетъ человѣка считаться съ другими» и т. д. Итакъ, то, что можетъ породить солидарность, относится къ наукѣ о нравственности; сама же солидарность какъ-то затушевывается своими причинами и формами своего обнаруженія. Въ этомъ взглядѣ на нравственность выразился взглядъ юриста—догматика, для котораго предметъ его науки есть сумма извѣстныхъ правовыхъ нормъ. И подобно тому, какъ для юриста изъ поступковъ имѣютъ значеніе лишь тѣ, которые нарушаютъ правовыя нормы; тѣ же, которыя имъ удовлетворяютъ, игнорируются и какъ бы не существуютъ, — такъ и теоріи Дюркгейма извѣстны лишь поступки, расходящіеся съ извѣстными моральными правилами, т. е. поступки безнравственные; существованіе же нравственныхъ поступковъ игнорируется этой теоріей; тѣ же поступки съ которыми нельзя было поступить такимъ образомъ, отнесены въ эстетику моральной жизни. Неудивительно, поэтому, что, при такомъ сходствѣ между правомъ и нравственностью, они для Дюркгейма сливаются въ одно цѣлое, различаясь только по способу своего отправленія, но не по существу. Это пренебреженіе практикой поведенія и исключительное вниманіе къ нормамъ его является однимъ изъ крупнѣйшихъ промаховъ въ разбираемой нами работѣ и отражается на ней самымъ невыгоднымъ образомъ *).

---

*) Закончимъ эти замѣчанія слѣдующимъ указаніемъ. Дюркгеймъ, все время призывавшій къ эмпирическому изученію нравственности, твердившій, что нѣтъ одного единственнаго долга, а существуютъ многоразлич-

Послѣ этихъ замѣтокъ объ опредѣленіи нравственнаго мы можемъ перейти къ вопросу о моральномъ значеніи раздѣленія труда. Мы не раздѣляемъ того плебисцитарнаго способа, съ которымъ Дюркгеймъ приступаетъ къ рѣшенію вопроса, опрашивая для этого общественное сознаніе; но, и принявъ его, мы должны замѣтить, что нашъ авторъ невѣрно истолковываетъ факты. Не смотря на громадное значеніе раздѣленія труда, общество отказывается санкціонировать его, какъ нравственное правило; а отъ порицанія неподчиняющихся ему оно и того дальше. Универсальный Гете въ общественномъ мнѣніи стоитъ выше спеціалиста Фета, воспѣвающаго «шопотъ, робкое дыханье». Живописецъ, архитекторъ, инженеръ, ученый, Леонардо да Винчи импонируетъ намъ больше, чѣмъ виртуозы-маринисты, рисовальщики фруктовъ, лѣсовъ. Идеаломъ все еще считается такой всеобъемлющій умъ, какъ, напримѣръ, Гельмгольцъ, а не какіе-нибудь трудолюбивые эмбріологи, энтомологи, египтологи, византинисты, оріенталисты и др. безчисленные «исты» и «логи»—«имена же ихъ ты, Господи, вѣси». Что касается спеціальнаго характера, принимаемаго воспитаніемъ, какъ показателя будто бы настроенія общественнаго мнѣнія, то онъ не имѣетъ за собой никакихъ моральныхъ соображеній. Если обученіе дѣтей стремится принять все болѣе спеціальный характеръ, то не потому, что общество считаетъ его наиболѣе совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи, а потому, что считаетъ такое воспитаніе наиболѣе надежнымъ орудіемъ во все обостряющейся борьбѣ за существованіе.

Повторяемъ: относительно моральнаго значенія раздѣленія труда общественное сознаніе высказывается далеко не въ пользу Дюркгеймовскаго рѣшенія. Единственно, что ему оставалось сдѣлать при видѣ такого отношенія общества, это объявить современное положеніе вещей переходнымъ и подойти къ рѣшенію проблемы инымъ путемъ. Мы готовы согласиться насчетъ переходности нашей эпохи, но въ обратномъ съ принимаемымъ Дюркгеймомъ направленіи. Эпоха, признававшая моральный характеръ раздѣленія труда, санкціонировавшая его, какъ божественное установленіе, лежитъ за нами: касты, это своеобразное видоизмѣненіе междуплеменнаго раздѣленія труда, съ ихъ обязательностью и святостью, ясно показываютъ, что время этой святости и санкціонированія прошло; исторія отношенія къ нему общества показываетъ съ той поры непрерывный регрессъ обязательности его; можно было бы почти установить эмпирическое правило, что, чѣмъ сильнѣе проведено раздѣленіе труда, тѣмъ отрицательнѣе относится къ нему общество; наше

ныя обязанности и т. д., не съумѣлъ удержаться на этой почвѣ. Таково, напримѣръ, разсужденіе (которому онъ придаетъ большое значеніе), что долгъ можетъ быть сдерживаемъ только другимъ долгомъ, а не экономическими нуждами. Это чисто спекулятивное соображеніе о свойствахъ нравственныхъ обязанностей вообще, соображеніе, ничуть не почерпнутое изъ наблюденія.

время, доведшее раздѣленіе труда до небывалой высоты, совсѣмъ уже утратило вѣру въ моральное значеніе его.

Какъ бы то ни было, а Дюркгеймъ самъ признаетъ недостаточность въ разбираемомъ случаѣ плебисцитнаго метода и обращается къ иному способу изученія роли раздѣленія труда. Но предвзятое мнѣніе (или, какъ онъ выражается, prénotion), что раздѣленіе труда должно имѣть нравственный характеръ *), не оставляетъ его и здѣсь, и онъ, не довольствуясь обычнымъ рѣшеніемъ, видящимъ въ раздѣленіи труда причину цивилизаціи, обращается къ нѣкоторымъ случаямъ, въ которыхъ роль раздѣленія труда сводится къ созданію солидарности. Для насъ важно присмотрѣться къ этимъ примѣрамъ, такъ какъ, указавши ихъ, Дюркгеймъ немедленно обобщаетъ и ужъ выдаетъ за очевидную истину, что въ теперешнихъ обществахъ есть солидарность, происходящая отъ раздѣленія труда. Не трудно, показать, что эта истина далеко не такъ уже очевидна.—Несходство, какъ и сходство, говоритъ нашъ авторъ, можетъ быть источникомъ взаимнаго влеченія; не всякія, конечно, несходства, замѣчаетъ онъ, а только такія, которыя не исключаютъ другъ друга, взаимно дополняются: «Такъ теоретикъ съ тонкимъ, анализирующимъ умомъ часто питаетъ совсѣмъ особую симпатію къ практическимъ людямъ, людямъ здраваго смысла, съ живымъ непосредственнымъ воззрѣніемъ; робкій—къ рѣшительнымъ и отважнымъ людямъ, сильный—къ слабому и наоборотъ... Одинъ покровительствуетъ, другой утѣшаетъ; этотъ совѣтуетъ, тотъ исполняетъ,—и этотъ раздѣлъ функцій, или, употребляя обычное выраженіе, это раздѣленіе труда опредѣляетъ эти отношенія дружбы» (57). Во всѣхъ ли приведенныхъ случаяхъ мы имѣемъ дополнительныя несходства? Вѣдь ясно, что различіе между рѣшительнымъ и робкимъ, между сильнымъ и слабымъ, такого сорта, что исключаютъ другъ друга; одинъ и тотъ же человѣкъ не можетъ вмѣстить такія противоположныя свойства. Это показываетъ, что не одни только сходства и несходства могутъ быть источникомъ сим-

*) Источникъ этого prénotion лежитъ въ томъ, что, по мнѣнію Дюркгейма, не можетъ быть противорѣчія между нравственностью и такимъ неуклонно прогрессирующимъ явленіемъ, какъ раздѣленіе труда. Но фактически такой предустановленной гармоніи нѣтъ. Алкоголизмъ и, еще болѣе, проституція прогрессируютъ въ теченіе вѣковъ, и если общество отказывается санкціонировать ихъ, то вина, конечно, не на его сторонѣ. Внушенія инстинкта и простой здравый смыслъ оказываются въ данномъ случаѣ выше ученыхъ измышленій, видящихъ въ прогрессированіи какого-нибудь явленія безусловное доказательство его неизбѣжности, слѣдовательно, нормальности и отсюда—желательности. Дюркгейму, неоднократно пользующемуся этимъ пріемомъ (смотри его теорію преступленія), не мѣшало бы помнить слова человѣка, являющагося во многихъ пунктахъ его прямымъ учителемъ, о «ce sophisme universel... qui consiste à prendre un accroissement continu pour un accroissement illimité» (Cours de philosophie positive, IV, 175).

патическихъ чувствъ. Мы не отрицаемъ того, что извѣстныя несходства могутъ порождать положительныя чувства между обладателями ихъ; мы хотимъ только указать на неопредѣленность этого положенія. Вѣдь и симпатія по сходству—элементу, гораздо болѣе осязательному, чѣмъ несходство—не всегда имѣетъ мѣсто; и здѣсь приходится суживать кругъ сходствъ, порождающихъ положительныя чувства. Тѣмъ болѣе надо это имѣть въ виду съ несходствомъ, при которомъ еще нужно порѣшить щекотливый вопросъ, что̀ назвать дополнительнымъ, а что̀ просто противорѣчащимъ несходствомъ Сюда же еще примѣшивается симпатія, порождаемая совсѣмъ иными психологическими комбинаціями, и вопросъ этимъ до того усложняется, что невозможно сбить въ одну кучку нѣсколько разнородныхъ примѣровъ и ограничиться нѣсколькими общими разсужденіями по поводу ихъ, чтобъ имѣть право полученный такимъ образомъ результатъ черезъ нѣсколько страницъ выдать ужъ за несомнѣнную истину и положить его въ основу всего дальнѣйшаго разсужденія! Такъ же ясна эта скороспѣлость выводовъ и на примѣрѣ брака. Дюркгеймъ указываетъ на параллельное развитіе дифференціацій между полами и увеличенія прочности брака (какъ это видно по все увеличивающемуся мѣсту, которое занимаетъ въ законодательствахъ бракъ). Не говоря ужъ о томъ, что увеличеніе юридическихъ нормъ далеко не безукоризненный показатель увеличенія прочности брака, сама эта прочность совсѣмъ ужъ не показатель увеличенія солидарности; если солидарность отношеній ведетъ, въ общемъ, къ ихъ прочности, то довольно рискованно дѣлать обратный выводъ отъ послѣдней къ первой. И примѣръ именно брака показываетъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ. Съ увеличеніемъ прочности брака шли какъ разъ параллельныя измѣненія въ положеніи женщины, не имѣющія ничего общаго съ солидарностью. Наконецъ, изъ параллельности явленій половыхъ дифференціацій и увеличенія супружеской солидарности (читай, порабощенія одного пола другимъ) не слѣдуетъ еще, что первое есть причина второго. Вѣрнѣе будетъ противоположное, что именно порабощеніе создало дальнѣйшія дифференціаціи между полами, создало такъ называемую женственность съ ея махровыми, но безплодными красотами и, на ряду съ этимъ, столь же махровыя мужскія свинства (Гл. Успенскій). Но Дюркгеймъ убѣжденъ въ первоначальности и неизбѣжности этой дифференціаціи: «Замѣтивъ, говоритъ онъ, что въ нѣкоторыхъ классахъ женщины занимаются наукой и искусствомъ, какъ и мужчины, можно было бы, правда, подумать, что занятія обоихъ половъ стремятся стать однородными. Но даже въ этой сферѣ дѣйствія женщина привноситъ свою собственную природу, и ея роль остается весьма спеціальной, весьма отличной отъ роли мужчины. Кромѣ того, если искусство и литература начинаютъ становиться женскимъ дѣломъ, то другой полъ, повидимому, начинаетъ оставлять ихъ, чтобъ отдаться спеціальнѣе наукѣ. Весьма

возможно, поэтому, что это кажущееся возвращеніе къ первобытной однородности есть не что иное, какъ начало новой дифференціаціи» (62). Итакъ, повторяется сказка Овидія объ Аполлонѣ и Дафнѣ, съ той только разницей, что здѣсь Дафна гоняется за Аполлономъ, и по словамъ Дюркгейма, такъ же безуспѣшно. Мы серьезно опасаемся за прорицательскую репутацію Дюркгейма и не менѣе боимся за судьбу офилистерившагося на старости лѣтъ Аполлона, который не укроется отъ все догоняющей его Дафны и на высотахъ науки. Пророчество Дюркгейма запоздало. И особенно странно появленіе его теперь, когда масса женщинъ показала свою пригодность и къ научной дѣятельности, когда экономическое развитіе вообще энергически стираетъ наслоившіяся исторически дифференціаціи и приводитъ оба пола къ однородности, не первобытной, разумѣется, а на почвѣ завоеваній культуры. Подлинно: quem Iupiter perdere vult, dementat.

Та же торопливость выводовъ замѣчается и въ разсужденіяхъ нашего автора о половой любви, которыхъ мы, однако, касаться не будемъ.

Наконецъ, еще одно важное разсужденіе-аргументъ гласитъ слѣдующее: «Если часто утверждали, что берущія въ раздѣленіи труда начало общественныя отношенія состоятъ только въ обмѣнѣ, то это потому, что не знали, что предполагаетъ обмѣнъ и что изъ него вытекаетъ. Онъ предполагаетъ, что два существа взаимно зависятъ другъ отъ друга, потому что оба они несовершенны; онъ только выражаетъ внѣшнимъ образомъ эту взаимную зависимость. Онъ, значитъ, только поверхностное выраженіе внутренняго, болѣе глубокаго, состоянія. Это состояніе именно потому, что оно постоянно, вызываетъ цѣлый механизмъ образовъ, функціонирующій съ непрерывностью, которой не имѣетъ обмѣнъ. Образъ того, кто насъ дополняетъ, становится въ насъ неразлучнымъ съ нашимъ, не только потому, что онъ съ нимъ ассоціированъ, но особенно потому, что онъ естественное дополненіе его; слѣдовательно, онъ становится интегрирующей, постоянной частью нашего сознанія до такой степени, что мы не можемъ обойтись безъ него и ищемъ всего, что можетъ усилить его энергію. Вотъ почему мы любимъ присутствіе того, кого онъ представляетъ, ибо присутствіе выражаемаго имъ объекта, давая ему возможность стать дѣйствительнымъ воспріятіемъ, даетъ ему больше выпуклости. Наоборотъ, мы страдаемъ отъ всѣхъ обстоятельствъ, которыя, какъ удаленіе или смерть, могутъ помѣшать возвращенію его или уменьшить его живость» (63—4). Такова идиллическая, но по истинѣ фантастическая, картина, нарисованная воображеніемъ Дюркгейма *). Это настоящая

*) Эта идиллія напоминаетъ не менѣе трогательную картину у Бастіа: Grâce à l'échange l'être fort peut jusqu'à un certain point se passer de génie et l'être intelligent de vigeur; car par l'admirable communauté qu'il établit entre les hommes chacun participe aux qualités distinctes de ses semblables» (Harmonies économiques. с. 95)

«георгика души», выражаясь цвѣтистымъ языкомъ Бэкона. Георгика тѣмъ болѣе наивная, что она выражена по поводу такого акта, какъ обмѣнъ, весьма и весьма нерѣдко сопровождающагося самымъ беззаботнымъ облапошиваніемъ—при удобномъ, разумѣется, случаѣ—того, кто насъ дополняетъ, того, смерть или удаленіе котораго должны вызвать въ насъ страданіе, того и т. д., и т. д. Разсужденіе это само достаточно говоритъ противъ себя, чтобы нужно было прибавить къ нему какіе нибудь комментаріи *).

Ясно теперь, на какомъ недостаточномъ фундаментѣ построено утвержденіе Дюркгейма, что раздѣленіе труда производитъ солидарность. Такъ же широкъ и тотъ методъ, которымъ онъ хочетъ доказать преобладаніе этого вида солидарности надъ такъ называемой имъ механической солидарностью. Методъ этотъ состоитъ въ разсматриваніи права, какъ символа солидарности, и въ изученіи перваго на мѣсто послѣдней. Но, во первыхъ, очень часто право начинаетъ вмѣшиваться въ житейскія отношенія тогда, когда въ нихъ изсякъ источникъ живой солидарности и когда по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ является необходимость въ оффиціальномъ отправленіи ея. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ Кавелинъ о семейномъ правѣ: «Они (т. е. семейныя отношенія) не поддаются ни подъ какія юридическія опредѣленія и потому лежатъ внѣ области права, они только снаружи обставляются юридически; ихъ начало и прекращеніе подводятся закономъ подъ юридическія нормы; затѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда внутренняя, нравственная связь, которая составляетъ ихъ сущность, пренебрежена, когда являются семейные несогласія и раздоры, идущіе такъ далеко, что члены семьи посягаютъ на честь, личную и имущественную неприкосновенность другъ друга,—тогда, но только тогда, законодательство вмѣшивается въ семейныя отношенія, на дѣлѣ ужъ переставшія быть семейными, и, сообразуясь съ сущностью семейныхъ связей, насколько ее можно уловить во внѣшнихъ формахъ и признакахъ, опредѣляетъ юридически взаимныя права и обязанности членовъ семейства. Эти опредѣленія—лишь очень далекій, слабый отголосокъ семейныхъ отношеній, едва едва ихъ напоминающій, потому что все юридическое, по существу своему, болѣе разъединяетъ, чѣмъ соединяетъ, или же соединяетъ внѣшнимъ образомъ то, что само по себѣ отдѣльно и разрозненно; какъ же можетъ оно дать

---

*) Укажемъ еще на ту неопредѣленность, которою отличается пониманіе термина «солидарность» въ изложеніи нашего автора. Подъ солидарностью онъ иногда понимаетъ разнаго рода чувства, связывающія между собой два существа: чувство дружбы, покровительства, съ одной стороны, и удивленія, съ другой, половую любовь, какъ въ физическомъ смыслѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ ея психологическомъ развитіи, и т. д. Въ другихъ случаяхъ это уже состояніе зависимости. Въ третьемъ мѣстѣ—это согласованіе усилій и т. д. Иногда эта солидарность соединяетъ между собой индивидовъ, иногда же соціальныя функціи.

и приблизительное понятіе о связяхъ, основанныхъ прежде и больше всего на взаимной любви и преданности, слѣдовательно, именно на единеніи? Оттого-то юридическія опредѣленія семейныхъ отношеній вступаютъ въ силу лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣднихъ на дѣлѣ уже нѣтъ, а гдѣ они дѣйствительно существуютъ, тамъ юридическія ихъ опредѣленія не имѣютъ приложенія, потому что семейные союзы и юридическія отношенія взаимно исключаютъ другъ друга» (Кавелинъ, Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы, 122—3). Эти разсужденія примѣнимы не къ одному только случаю семейныхъ отношеній, а и ко многимъ другимъ; право въ такихъ случаяхъ является показателемъ не солидарности, а ея слабости или даже отсутствія, и того, что для общества необходимо поддерживать хоть минимумъ ея, хоть внѣшній видъ ея. Другой фактъ, не отмѣченный Дюркгеймомъ, это то, что право является еще орудіемъ господства, представляя собой равнодѣйствующую борющихся общественныхъ силъ. Іерингъ въ «Борьбѣ за право» замѣчаетъ, что Ѳемида изображается съ мечемъ и вѣсами и что юристы слишкомъ ужъ интересуются вторымъ аттрибутомъ ея. Эту ошибку юристовъ съ избыткомъ даже возмѣстила исторія: вѣсы Ѳемиды употреблялись ею развѣ для отвѣшиванія какихъ нибудь гомеопатическихъ дозъ справедливости; за то мечъ не сходилъ еще до сихъ поръ съ исторической сцены. Право носили и носятъ еще на концѣ меча; оно диктуется силой. А извѣстно, что «сильные въ правахъ бываютъ часто слѣпы». И съ этимъ дальтонизмомъ сильныхъ слѣдуетъ считаться при изученіи значенія права. Для Дюркгейма, разсматривающаго право сквозь розовыя очки съ высотъ какого то Wolkenkukusheim'а—все обстоитъ въ немъ благополучно. Въ уголовномъ правѣ онъ видитъ выраженіе механической солидарности, продуктъ чертъ, общихъ всѣмъ членамъ даннаго общества. Онъ игнорируетъ при этомъ раздѣленіе общества на борющіяся группы, раздѣленіе, не дающее возникнуть сколько нибудь значительному и сильному коллективному сознанію; уголовное право создается, главнымъ образомъ, въ интересахъ побѣдоноснаго класса. Индусы изъ наказанія создали особое божество. Мы не имѣемъ подъ руками того грознаго гимна, въ которомъ прославляется его значеніе. Но мы знаемъ, что это божество питало нѣкоторую слабость къ высшимъ кастамъ, особенно къ браминамъ, и во всемъ своемъ истребительномъ величіи предпочитало открываться низшимъ классамъ индусскаго общества. Впрочемъ, намъ нечего забираться такъ далеко. Достаточно вспомнить хотя бы ту безчисленную массу привилегій, которыми были переполнены уголовные законы европейскихъ народовъ до послѣдняго столѣтія, привилегій, немалочисленные остатки которыхъ удерживаются еще и по сихъ поръ *).

---

*) Гумпловичъ, у котораго, при всей его теоретической путанности, встрѣчаются довольно здравые взгляды, пишетъ: «All und jedes Recht ist

Если мы отъ этихъ общихъ соображеній перейдемъ къ частнымъ случаямъ и вглядимся въ аргументацію Дюркгейма, то найдемъ только подтвержденіе своимъ взглядамъ. Возьмемъ, напримѣръ, изъ реститутивнаго права гражданское и посмотримъ, какова выражаемая имъ солидарность. Вещное право, какъ мы знаемъ, Дюркгеймъ исключаетъ. Но не лучше обстоитъ дѣло и съ другими видами гражданскаго права. Объ обязательственномъ правѣ мы узнаемъ слѣдующее. «Договоръ есть по преимуществу юридическое выраженіе коопераціи» (132), затѣмъ нѣсколько ниже идетъ подтверждающій это силлогизмъ: «Обязательство одной стороны вытекаетъ или изъ обязательства, принятаго другой, или изъ услуги, уже оказанной этой послѣднею. Но эта взаимность возможна только тамъ, гдѣ есть кооперація, а эта послѣдняя, въ свою очередь, не имѣетъ мѣста безъ раздѣленія труда: дѣйствительно, кооперировать, это значитъ раздѣлить между собой общее занятіе» (132). Послѣ силлогизма идутъ примѣры договоровъ: «договоры между покупателемъ и продавцомъ, договоры мѣны, договоры между предпринимателями и рабочими, между нанимателемъ и отдающимъ въ наемъ, между заимодавцемъ и должникомъ, между поклажепринимателемъ и отдающимъ на храненіе, между хозяиномъ гостиницы и путешественникомъ» (133) и т. д., и т. д. Комментировать эти примѣры лишнее. Дюркгеймъ, разъяснивши «механизмъ» солидарности, вытекающей изъ раздѣленія труда, замѣчаетъ, что этотъ механизмъ не тождественъ съ тѣмъ, который служитъ основой для чувствъ симпатій, имѣющихъ источникомъ сходство. Нуженъ, дѣйствительно, своеобразный механизмъ, чтобы породить солидарность между покупателемъ и продавцомъ, между заимодавцемъ и должникомъ и тому подобными образцами «коопераціи». Въ такомъ же духѣ и солидарность, регламентируемая торговымъ кодексомъ, такъ что мы считаемъ безцѣльнымъ отягощать читателя спискомъ различныхъ коммерческихъ договоровъ.

Съ насъ достаточно этихъ примѣровъ, чтобы понять, что съ методомъ Дюркгейма нельзя получить никакихъ особенно плодотворныхъ результатовъ. Юридическая точка зрѣнія закрываетъ для Дюркгейма истинное отношеніе вещей. Онъ указываетъ на громадный объемъ реститутивнаго права сравнительно съ репрессивнымъ и на все большій ростъ его. Ну и что же? Единственный выводъ, какой изъ этого можно сдѣлать, тотъ, что гражданскій оборотъ, благодаря раздѣленію труда, необычайно усложнился и потребовалась, поэтому—вопросъ еще, пропорціонально ли усложненію жизни—болѣе объемистая система правъ. Но этимъ еще совсѣмъ не предрѣшается вопросъ о новомъ видѣ солидарности. Ко-

---

eine Ordnung der Ungleichheit» (Grundriss der Sociologie, 119). Если это и нѣсколько односторонне, то гораздо правильнѣе, во всякомъ случаѣ, обратной односторонности Дюркгейма.

нечно, число узъ, связывающихъ насъ съ обществомъ и вытекающихъ изъ раздѣленія труда, необычайно велико. Но вѣдь это не значитъ непремѣнно, что мы здѣсь имѣемъ связь солидарности. Узы узамъ рознь. Узами связываются между собой и каторжники, иногда, можетъ быть, смертельные враги.

Для доказательства того, что люди между собой связаны теперь многочисленнѣйшими узами, вытекающими изъ раздѣленія труда, собственно и не нужно было громоздкаго аппарата юридической аргументаціи. Это ужъ давно, давно извѣстно. Достаточно вспомнить хотя бы то мѣсто Смита, гдѣ онъ описываетъ безконечно разнообразныя связи, которыми жизнь современнаго человѣка соединена съ жизнью другихъ людей (Богатство народовъ, кн. 1, гл. 1). Но видѣть въ этой связи, взятой an sich, безъ разсмотрѣнія того конкретнаго содержанія, въ которое она облечена, связь солидарности, гармонію—это не логично. Дюркгеймъ достаточно проницателенъ и не апологетъ ex officio, чтобъ проглядѣть все то зло, которое появилось съ раздѣленіемъ труда; но онъ сваливаетъ его на ненормальную организацію труда. Это первый его способъ закрывать глаза на факты—и мы имъ займемся еще ниже; второй—это легшее въ основу его изслѣдованія злосчастное ограниченіе области нравственности одними нормами поведенія и дальнѣйшая замѣна этихъ послѣднихъ юридическими нормами. Съ этой точки зрѣнія увеличеніе юридическихъ правилъ, конечно, свидѣтельствуетъ объ увеличеніи солидарности въ обществѣ, такъ какъ вѣдь «мораль и право—это совокупность связывающихъ насъ другъ съ другомъ и съ обществомъ узъ, дѣлающихъ изъ массы индивидовъ одинъ связный аггрегатъ» (448).

Дюркгеймъ не ограничивается однимъ указаніемъ, что узы органической солидарности многочисленнѣе, чѣмъ узы механической солидарности; онъ доказываетъ еще, что послѣднія слабѣе первыхъ. Но вся суть его перваго доказательства сводится собственно къ тому, что первобытныя общества съ ихъ отсутствіемъ раздѣленія труда обладаютъ слабой, легко разрушающейся организаціей, между тѣмъ какъ высшія, основывающіяся на раздѣленіи труда, общества имѣютъ прочную организацію. Какъ бы ни былъ интересенъ и важенъ самъ по себѣ этотъ фактъ, но онъ не касается теперь насъ, онъ можетъ только доказать, что въ высшихъ обществахъ накопляется гигантская масса солидарности органовъ общества—употребляя біологическое сравненіе — но не солидарности составляющихъ его индивидовъ. А намъ важно именно послѣднее. Разсужденіе нашего автора хромаетъ и въ другомъ отношеніи; говоря о слабости связи въ первобытныхъ обществахъ, онъ можетъ имѣть въ виду только связь индивидовъ; для высшихъ же обществъ онъ подставляетъ на мѣсто индивидовъ соціальныя функціи. Возьми онъ и въ нихъ индивидовъ, онъ пришелъ бы къ другимъ выводамъ. Индивидъ въ современныхъ обществахъ далеко не прикованъ такъ къ

своей группѣ, какъ дикарь къ своей, хотя на первый взглядъ и можетъ показаться, что второй свободенъ, а первый нѣтъ. Но на дѣлѣ это не такъ. Достаточно обратить вниманіе на массовыя передвиженія внутри общества и внѣ ихъ, передвиженія, все усиливающіяся,—въ Америкѣ, напримѣръ, по мнѣнію Тверского (см. его очерки въ «Вѣстникѣ Европы» за 1893 г.) постоянно въ движеніи до ¼ населенія,—чтобы понять, что связь окостенѣлости соединяетъ только органы теперешнихъ обществъ. Къ этому же остову прикрѣплено весьма пластичное и гибкое тѣло. Эта прикованность къ своему мѣсту членовъ общества характеризуетъ какое нибудь средневѣковое общество или кастовый строй, но не нашу эпоху. Теперешнія общества, повидимому, стремятся соединить ту пластичность, которую приписываетъ дикимъ обществамъ Дюркгеймъ, съ прочностью организаціи, которой онъ у нихъ не находитъ.

До сихъ поръ мы пытались доказать недостаточность тѣхъ данныхъ, съ помощью которыхъ Дюркгеймъ приходитъ къ гипотезѣ, что раздѣленіе труда порождаетъ солидарность, и недостаточность того метода, съ помощью котораго онъ провѣряетъ эту гипотезу въ примѣненіи къ обществамъ. Теперь намъ остается разобрать существенныя черты самой этой гипотезы.

Дюркгеймъ все время считается съ двумя источниками солидарности: сходствомъ и раздѣленіемъ труда (или несходствомъ), какъ бы игнорируя другія возможныя причины положительныхъ чувствъ (привычка, физіологическіе инстинкты вродѣ материнскихъ чувствъ и пр.). Это довольно существенный пробѣлъ, такъ какъ, не учтя этихъ факторовъ, нельзя дать точной оцѣнки значенія сходства и раздѣленія труда. Но, помимо неполноты, эта теорія грѣшитъ и болѣе крупными недостатками. Во первыхъ, устанавливаемая ею противоположность между раздѣленіемъ труда и сходствомъ не есть нѣчто неизбѣжное, какъ это доказывается примѣромъ простого сотрудничества. Это послѣднее извѣстно, конечно, нашему автору. «Кооперировать, говоритъ онъ, это значитъ раздѣлить между собой общее занятіе. Если это послѣднее раздѣлено на качественно подобныя, хотя и необходимыя другъ другу, части, то мы имѣемъ раздѣленіе труда простое или первой степени. Если они различной природы, то имѣется сложное раздѣленіе труда, т. е. настоящая спеціализація» (132—3). Простую кооперацію, и по теоріи Дюркгейма, надо было выдѣлять, какъ особый, промежуточный членъ между сходствомъ (къ которому оно примыкаетъ своей стороной *однородности* занятій) и сложнымъ раздѣленіемъ труда (къ которому оно примыкаетъ своей *трудовой* стороной). Въ изложеніи же нашего автора простое сотрудничество совсѣмъ затушовано и поглощено сложнымъ сотрудничествомъ, о которомъ только одномъ и идетъ рѣчь на протяженіи всей книги о раздѣленія труда. Дюрк-

геймъ, повидимому, не замѣчаетъ антагонистическаго характера этихъ двухъ видовъ кооперацiи, проявляющагося повсюду, напримѣръ, въ томъ, что простое раздѣленiе труда представляетъ собой факторъ, увеличивающiй—по терминологiи Дюркгейма—объемъ коллективнаго сознанiя, между тѣмъ какъ сложная кооперацiя имѣетъ тенденцiю уменьшать его. Дюркгеймъ, не считаясь съ этимъ антагонизмомъ, выдаетъ огуломъ результаты сложной кооперацiи за результаты кооперацiи вообще, между тѣмъ какъ нужно было бы тщательно отдѣлить другъ отъ друга оба вида сотрудничества и изучить особо ихъ эволюцiю и ихъ значенiе для поддержанiя общественной солидарности.

Въ разбираемой теорiи есть и другая существенная ошибка. Всякому рѣзко бросается въ глаза неоднородность двухъ источниковъ солидарности, признаваемыхъ этой теорiей: съ одной стороны, сходство—фактъ психическiй, индивидуальный; съ другой—раздѣленiе труда, фактъ экономико-соцiальный. Дюркгеймъ, правда, не разъ замѣняетъ раздѣленiе труда психологическимъ терминомъ несходства и съ помощью этого рисуетъ психическiй механизмъ, какимъ создается солидарность изъ кооперацiи. Но эта поправка не измѣняетъ положенiя вещей, и было бы гораздо правильнѣе вмѣсто замѣны сложнаго раздѣленiя труда несходствомъ, замѣнить, наоборотъ, сходство простымъ раздѣленiемъ труда. Это замѣчанiе требуетъ нѣкоторыхъ объясненiй.

Нѣтъ сомнѣнiя, что сходство само по себѣ можетъ служить и служитъ источникомъ симпатiи и солидарности. Но нѣтъ также сомнѣнiя въ томъ, что роль его въ этомъ отношенiи сравнительно невелика, и Дюркгеймъ, вслѣдъ за Смитомъ, несоразмѣрно увеличиваетъ значенiе этого фактора. Чтобъ оцѣнить его истинное значенiе, надо прежде всего изъ круга сходствъ выдѣлить антагонистичныя сходства; извѣстно ироническое замѣчанiе Карла V о связывающей его съ Францискомъ солидарности, такъ какъ, дескать, они оба страстно желаютъ одного и того же: овладѣть Миланомъ.

Затѣмъ нужно выдѣлить обширную группу безразличныхъ сходствъ, группу, не представляющую собой чего либо постояннаго и своей измѣнчивостью показывающую, что не въ сходствѣ, какъ таковомъ, причина солидарности; нацiональныя, вѣроисповѣдныя и т. п. сходства все болѣе отходятъ въ область безразличныхъ признаковъ. Но и оставшаяся послѣ этихъ элиминацiй группа сходствъ — которыя Дюркгеймъ назвалъ бы интенсивными и опредѣленными состоянiями коллективнаго сознанiя — не представляетъ собой чего либо однороднаго: значенiе сходства здѣсь переплетается съ влiянiемъ такихъ факторовъ, какъ привычка, общность жизни, бiологическiя причины и пр., изъ которыхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ разные и имѣютъ наибольшее значенiе. Если бы, наконецъ, намъ удалось установить группу явленiй солидарности, имѣющихъ свой источникъ въ сходствѣ, то намъ изъ нея

пришлось бы выдѣлить рядъ фактовъ, отличающихся тѣмъ характернымъ признакомъ, что въ нихъ мы имѣемъ не простое сходство интересовъ и путей къ достиженію ихъ, но *общность* этихъ интересовъ и *общность* борьбы за нихъ. Мы нашли бы, что выдѣленные нами такимъ образомъ факты — факты простого сотрудничества— наиболѣе многочисленны и существенны въ ряду явленій солидарности. Это и понятно. Механизмъ, какимъ сходство создаетъ чувства симпатіи, указанъ довольно точно еще Смитомъ; имъ же собрана порядочная масса примѣровъ и замѣчаній, иллюстрирующихъ его положеніе. Но надо замѣтить, что самъ по себѣ этотъ механизмъ, вращаясь въ области представленій, этой наиболѣе поверхностной части психики, создаетъ довольно эфемерныя чувства, и нужно вліяніе другихъ факторовъ, какъ, напримѣръ, привычки, медленная и непрерывная работа которой сращиваетъ человѣка даже съ неорганическимъ міромъ, чтобы придать этимъ чувствамъ прочный характеръ. Вліяніе сходства, взятаго само по себѣ, какъ результатъ пассивнаго тяготѣнія другъ къ другу сходныхъ индивидовъ, не можетъ дать чего нибудь значительнаго. Иное мы видимъ въ томъ частномъ видѣ сходства, который называется простымъ сотрудничествомъ, когда приводятся въ движеніе два такихъ могучихъ рычага души, какъ эгоизмъ и активность, трудъ: чувства, порождаемыя такимъ путемъ, должны быть несравненно интенсивнѣе первыхъ, такъ какъ здѣсь затрагивается ужъ не поверхность, а, такъ сказать, нутро психики. Наиболѣе прочнымъ, связующимъ людей, цементомъ, наряду съ общностью интересовъ, является именно трудъ, это внѣшнее выраженіе сущности психическихъ явленій, активности. Если въ примѣненіи къ случаямъ индивидуальной жизни эта роль сотрудничества маскируется и закрывается рядомъ другихъ факторовъ, то въ соціальной области она даетъ себя знать самымъ очевиднымъ образомъ. Даже само понятіе сходства оказывается довольно растяжимымъ и измѣняющимся въ извѣстныхъ предѣлахъ въ зависимости отъ перемѣнъ въ общественномъ сотрудничествѣ. Вѣдь еще только недавно было узнано, что негры имѣютъ тѣ же чувства, что и бѣлые, крестьяне, что и высшія сословія: недавно, значитъ, категорія сходства расширена и на эти группы людей. Конечно, сотрудничество—исключая случаи мутуализма, комменсализма и др.—можетъ имѣть мѣсто только между особями одного вида, т. е. между сходными особями. Но на этой основѣ вышиваются самые разнообразные узоры солидарности. И при созданіи этихъ узоровъ общность чертъ вообще, т. е. не ограничивающаяся одними біологическими признаками, оказывается не столько причиной солидарности, сколько слѣдствіемъ ея, или, вѣрнѣе, вмѣстѣ съ нею, слѣдствіемъ того или иного распредѣленія общественнаго сотрудничества.

Ясна теперь ошибка Дюркгейма. Вмѣсто сходства и раздѣленія труда должны бы были стоять простое и сложное раздѣленіе труда.

Возьмемъ, напримѣръ, первобытныя общества. Въ описаніи Дюркгейма связь солидарности, соединяющая какую нибудь группу дикихъ, основана на общности вѣрованій и чувствъ. Но отчего же въ такомъ случаѣ такая непримиримая ненависть и вражда къ какой нибудь сосѣдней группѣ дикарей, отъ которой первая почти ничѣмъ не отличается? Дѣло именно въ томъ, что первая группа живетъ не одними только общими вѣрованіями, но и общимъ совмѣстнымъ трудомъ и борьбой за существованіе, борьбой, въ которую входитъ, какъ частный случай, борьба съ конкуррентами, т. е. сосѣдними обществами. Отсюда и вражда къ этимъ послѣднимъ, и солидарность внутри общества, создающаяся, слѣдовательно, главнымъ образомъ простымъ сотрудничествомъ.

Задача Дюркгейма сводилась къ изученію судебъ обоихъ видовъ сотрудничества и ихъ значенія для солидарности. Нельзя сказать, чтобъ онъ успѣшно справился съ ней. На мѣсто простой кооперація онъ поставилъ психологическое явленіе — сходство; говоря о сложной коопераціи, онъ ее выдалъ за кооперацію вообще; на мѣсто солидарности онъ изслѣдовалъ юридическія правила.

Намъ остается теперь указать еще на одинъ пунктъ въ теоріи Дюркгейма, именно на его атомистическое пониманіе общества. Хотя онъ самъ замѣчаетъ, что общество съ раздѣленіемъ труда не распадается въ пыль атомовъ, но фактически онъ въ эволюціи видитъ и указываетъ только два процесса: упадокъ коллективнаго сознанія и прогрессъ сложнаго раздѣленія труда, не замѣчая третьяго процесса—образованія ряда групповыхъ сознаній, основанныхъ на простой коопераціи или, по его терминологія, сходствѣ, и того, что одно изъ этихъ групповыхъ сознаній начинаетъ охватывать все большую массу членовъ общества и, наконецъ, человѣчества, обѣщая, такимъ образомъ, превратиться снова въ коллективное сознаніе, основанное, конечно, не на абсолютной тождественности чувствъ и вѣрованій, а на общности интересовъ и борьбы за нихъ—что и есть солидарность. Упадокъ коллективнаго сознанія, указываемый Дюркгеймомъ, не представляетъ, поэтому, ничего опаснаго для солидарности. На смѣну прежняго коллективнаго сознанія идетъ новое. И не нужно видѣть въ тѣхъ чертахъ его, которыя вырисовываются передъ нами, только эфемерныя явленія, продукты обостренной классовой борьбы. Если теперь солидарность вызывается, главнымъ образомъ, между - общественной и внутриобщественной борьбой, то въ будущемъ ту же роль будетъ играть борьба съ природой. Потребности теперешняго общества громадны; а средства для удовлетворенія ихъ крайне незначительны: классовая эксплоатація мѣшаетъ эксплоатаціи силъ природы. Съ прекращеніемъ первой должна только начаться въ грандіозныхъ размѣрахъ вторая. А пока людямъ придется совмѣстными силами бороться за осуществленіе своихъ потребностей, за судьбу солидарности нечего опасаться.

Намъ, кажется, удалось показать непригодность метода Дюркгейма для изученія общественной солидарности. Единственный результатъ, къ которому можно придти съ его помощью, тотъ, что въ теперешнихъ обществахъ необычайно усложнилась жизнь и взаимныя отношенія индивидовъ увеличились и усложнились ихъ связи между собой, и это усложненіе выразилось, и въ правѣ. Правда, нашъ авторъ указываетъ на особый механизмъ, благодаря которому изъ зависимости между индивидами получается солидарность. Но создаваемая такимъ образомъ картина до того фантастична, что провести ее послѣдовательно, цѣликомъ, оказалось невозможнымъ, и Дюркгеймъ уничтожаетъ одной рукой то, что создалъ другой. Это выразилось самымъ яснымъ образомъ въ полемикѣ со Спенсеромъ по поводу договорной солидарности этого послѣдняго. Насъ эта полемика не касается, и поэтому мы не беремся судить, кто правъ, кто виноватъ. Но въ высшей степени любопытны слѣдующія признанія Дюркгейма. По Спенсеру, общества имѣютъ тенденцію стать совокупностью индивидовъ, обмѣнивающихся продуктами своего труда, причемъ обмѣнъ этотъ не регулируется никакимъ соціальнымъ воздѣйствіемъ. «Таковъ ли, спрашиваетъ Дюркгеймъ, характеръ обществъ, единство которыхъ создается раздѣленіемъ труда? Если бы оно было такъ, то можно было бы съ основаніемъ сомнѣваться въ ихъ прочности. Ибо, если интересъ и сближаетъ людей, то всегда только на нѣкоторыя мгновенія; онъ можетъ между ними создать только внѣшнюю связь. Въ фактѣ обмѣна участники его остаются внѣ другъ друга, и по окончаніи этого акта каждый остается самъ съ собой. Сознанія приводятся только въ поверхностное соприкосновеніе... Если взглянуть въ суть вещей, то увидимъ даже, что всякая гармонія интересовъ содержитъ скрытый или только отсроченный конфликтъ. Ибо тамъ, гдѣ господствуетъ одинъ только интересъ, такъ какъ нѣтъ ничего, что сдерживало бы приведенный въ дѣйствіе эгоизмъ, каждый субъектъ находится по отношенію къ другому на военномъ положеніи, и каждое перемиріе при этомъ вѣчномъ антагонизмѣ не можетъ быть продолжительнымъ. Интересъ, дѣйствительно, есть самая непостоянная вещь на свѣтѣ. Сегодня мнѣ полезно соединиться съ вами, завтра же соображеніе сдѣлаетъ изъ меня вашего врага. Такая причина можетъ, слѣдовательно, дать начало только мимолетнымъ сближеніямъ и эфемернымъ ассоціаціямъ. Ясно, какъ необходимо изслѣдовать, такова ли въ дѣйствительности природа органической солидарности» (222). Отличіе органической солидарности состоитъ, главнымъ образомъ, въ регламентаціи, въ соціальномъ воздѣйствіи. «Безъ сомнѣнія, когда люди соединяются между собою договоромъ, то это потому, что въ силу раздѣленія труда (простого или сложнаго) они нуждаются другъ въ другѣ. Но для того, чтобъ они кооперировали гармонически, не достаточно, ни чтобъ они вступили въ сношенія, ни даже того, чтобъ они чувствовали состояніе взаимной зависи-

мости, въ которомъ они находятся. Нужно еще, чтобъ условія этой кооперацін были опредѣлены на все время ихъ отношеній. Нужно, чтобы обязанности и право каждаго были опредѣлены не только въ виду положенія, какимъ оно является въ моментъ совершенія договора, но и съ предвидѣніемъ обстоятельствъ, которыя могутъ произойти и измѣнить это положеніе. Иначе на каждомъ шагу происходили бы новыя столкновенія и муки. Не нужно, въ самомъ дѣлѣ, забывать, что если раздѣленіе труда дѣлаетъ интересы солидарными, то оно ихъ не смѣшиваетъ: оно оставляетъ ихъ различными и соперничающими... Необходимо, значитъ, чтобы раздѣленіе и тѣхъ и другихъ (т. е. правъ и обязанностей) было опредѣлено напередъ... Но всякое опредѣленіе этого рода можетъ вытекать только изъ компромисса; это промежуточный членъ между соперничествомъ затронутыхъ интересовъ и ихъ солидарностью» (232—3). Мы нарочно привели эти длинныя выписки. Въ нихъ Дюркгеймъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ уничтожаетъ всю тѣнь солидарности, которую еще можно было приписать сложному раздѣленію труда*) на основаніи его прежнихъ разсужденій. Если прежде онъ нарисовалъ намъ наивную картину того, какъ изъ обмѣна вытекаетъ сознаніе взаимнаго дополненія и отсюда солидарность, то теперь онъ самымъ жестокимъ образомъ посмѣялся надъ ней. Скрытый конфликтъ... военное положеніе... вѣчный антагонизмъ— вотъ какою оказывается прежняя идиллія. Правда, здѣсь еще говорится о гармоніи интересовъ; но для всякаго становится очевиднымъ, что гармонія только красивое одѣяніе, притомъ слабо скрывающее уродливыя формы вѣчной борьбы. Не менѣе убѣдительны «разоблаченія» Дюркгейма и о сущности договора, этого «юридическаго выраженія кооперацін», какъ намъ говорили раньше. Здѣсь та же борьба интересовъ. И если Дюркгеймъ называетъ ихъ всетаки солидарными, то рѣшительно невозможно понять, какого сорта эта солидарность. Но и для ея существованія онъ требуетъ тщательной регламентаціи—любопытное видоизмѣненіе традиціонной французской склонности къ централизаціи. Но послѣ всего, что было имъ сказано, ясно, что никакая регламентація тутъ не поможетъ. Во первыхъ, какъ бы себѣ чудовищно развитой ни представить регламентацію, она ни въ коемъ случаѣ не охватитъ еще болѣе чудовищно усложнившихся общественныхъ отношеній. Дюркгеймъ и самъ это знаетъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ и пишетъ: «Какъ бы

---

*) Мы умышленно пишемъ сложное раздѣленіе труда, хотя въ текстѣ говорится именно объ обоихъ видахъ кооперацін. Но ясно, что разсужденія Дюркгейма примѣнимы только къ сложному сотрудничеству. Простое сотрудничество, основанное на общности интересовъ, не можетъ скрывать въ себѣ конфликта ихъ. При немъ не можетъ быть выгодно то соединяться съ извѣстнымъ индивидомъ, то стать къ нему во враждебныя отношенія, такъ какъ природа простой кооперацін развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ допускаетъ эксплоатацію людей людьми.

точна ни была регламентація, она всегда оставитъ свободное мѣсто для массы мукъ»—(tiraillements) (409). Именно массы мукъ. И если Дюркгеймъ послѣ этого сейчасъ же прибавляетъ: «Но ни необходимо, ни даже возможно, чтобы соціальная жизнь обходилась безъ борьбы»—то мы, въ свою очередь, также не находимъ ни необходимыхъ, ни даже возможнымъ назвать это замѣчаніе мудрымъ. Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что регламентація не можетъ вполнѣ пособить въ данномъ случаѣ. Во вторыхъ, государство—этотъ источникъ регламентаціи—не есть парящій надъ борющимися интересами и чуждый ихъ треволненіямъ элементъ. Спиритуалистическіе взгляды на природу его неумѣстны: оно отъ міра сего—какъ и все прочее. Вѣсы Θемиды всегда склоняются въ извѣстную сторону—по направленію равнодѣйствующей борющихся общественныхъ силъ. И крупной ошибкой со стороны Дюркгейма было игнорированіе этого мірского характера государства, ошибкой, тождественной съ той, которую онъ сдѣлалъ по поводу права. Въ третьихъ, если бы два вышеприведенныхъ соображенія оказались невѣрными и если бы оказалось возможнымъ регламентировать до малѣйшей мелочи всѣ общественныя отношенія въ духѣ абсолютной справедливости, — то и тогда не былъ бы еще порѣшенъ вопросъ о солидарности. Мы имѣли бы передъ собой положеніе вооруженнаго мира, при которомъ нѣтъ мѣста чувствамъ взаимной симпатіи; мы имѣли бы передъ собой двухъ дикихъ звѣрей, которымъ мѣшаетъ накинуться другъ на друга только присутствіе укротителя. Положеніе же вооруженнаго мира, поглощая массу пропадающей даромъ энергіи, не представляетъ собой ничего прочнаго и устойчиваго: отвернется только укротитель—звѣри растерзаютъ другъ друга, да и ему, пожалуй, не сдобровать. И при такихъ эффектахъ органической солидарности можно еще утверждать, что узы ея прочнѣе узъ механической солидарности (читай основанной на простой кооперація), что ею, главнымъ образомъ, держатся наши общества и пр.

Перейдемъ теперь къ теоріи ненормальнаго раздѣленія труда, въ которомъ Дюркгеймъ видитъ источникъ всего зла, обыкновенно соединяемаго съ самимъ раздѣленіемъ труда. Такъ называемому имъ аномическому раздѣленію труда онъ думаетъ помочь регламентаціей, являющейся для него положительно панацеей отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдъ. Разбираемый Дюркгеймомъ вопросъ до того сложенъ, его соображенія по поводу этого вопроса и указанія до того кратки, что мы не считаемъ возможнымъ вдаваться въ подробности. Замѣтимъ только, что интересы труда и капитала до того противоположны и сознаніе этой противоположности до того теперь ясно, что невозможно искать серьезнаго рѣшенія соціальнаго вопроса въ такомъ палліативѣ, какъ болѣе подробное юридическое опредѣленіе отношеній; невозможно ограничиться увѣреніемъ, что вслѣдствіе быстроты экономической эволюціи сталкивающіеся интересы не успѣли еще придти въ равновѣсіе. Регулированіе производ-

ства, въ свою очередь, врядъ ли совмѣстимо съ построеннымъ на конкурренціи обществомъ. Дюркгеймъ, какъ мы видѣли, отрицаетъ положеніе, будто раздѣленіе труда доводитъ человѣка до состоянія машины; но его аргументація довольно сбивчива. Что производитъ раздѣленіе труда «въ силу своей природы», «нормально», — мы не знаемъ, но что оно фактически производило за время своего существованія (а по методу Дюркгейма это и должно считаться нормальнымъ) оправдываетъ дѣлаемые ему упреки. Утверждать, будто раздѣленіе труда требуетъ, чтобы работникъ не терялъ изъ виду своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, чтобъ онъ не оставался сгорбленнымъ надъ своей задачей и т. д.— значитъ исходить изъ предвзятаго опредѣленія, не считаясь съ фактами, это prénotion. Факты именно показываютъ, что индивидъ остается сгорбленнымъ надъ своей задачей. Точно также произвольно утвержденіе, будто раздѣленіе труда предполагаетъ дѣятельность интеллигентнаго существа. Оно произвольно и по отношенію къ раздѣленію труда въ обществѣ и, въ особенности, по отношенію къ раздѣленію труда на фабрикѣ, гдѣ оказывается возможнымъ привлекать къ работѣ дѣтей, а въ прошломъ столѣтіи иногда и полуидіотовъ. Такое положеніе, разумѣется, нежелательно. Оно притомъ и не неизбѣжно. И для уничтоженія его въ дѣйствительности имѣются элементы, дѣйствующіе совсѣмъ не въ томъ направленіи, куда насъ приглашаетъ Дюркгеймъ. Онъ боится любви къ обширнымъ горизонтамъ, къ обобщеніямъ, такъ какъ они дѣлаютъ невыносимымъ узость собственнаго занятія. Его можно было бы почти обвинить въ рабовладѣльческомъ отношеніи къ тѣмъ классамъ, на долю которыхъ преимущественно выпадаетъ узкій горизонтъ до нельзя спеціализованной дѣятельности, если бы мы не знали, что эту узость горизонта онъ вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ членамъ общества. Такое требованіе можно считать страннымъ, но оно, безспорно, искренно. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что для интеллигентнаго существа мало рекомендуемаго Дюркгеймомъ сознанія, что дѣйствія этого существа имѣютъ цѣль внѣ самихъ себя, мало болѣе или менѣе ясно различать эту цѣль: смысла въ такой работѣ всетаки немного, а съ нею и интеллигентности въ работникѣ. И дѣйствительность въ этомъ отношеніи, какъ доказываютъ многочисленные факты, обогнала идеалъ нашего автора: громадные, все увеличивающіеся, слои обществъ начинаютъ охватывать довольно широкія доли научнаго и соціальнаго горизонта и перестаютъ ограничиваться только своими ближайшими сотрудниками.

Такъ же неудачны соображенія Дюркгейма относительно второй ненормальной формы. Онъ ожидаетъ уничтоженія внѣшняго неравенства положенія отъ какой-то искусной организаціи, въ которой будетъ соблюденъ принципъ: suum cuique. Что это за организація—такъ и остается невыясненнымъ. Въ организаціи этой конкурренція не будетъ устранена; въ ней будетъ борьба и, слѣдова-

тельно, говорить у Дюркгейма воображаемый оппонентъ, побѣдители и побѣжденные, изъ которыхъ послѣдніе примутъ свое пораженіе только принужденные къ этому. Но, возражаетъ и утѣшаетъ насъ авторъ, это не будетъ настоящее принужденіе: «что составляетъ собственно принужденіе, такъ это то, что борьба даже невозможна, что не допускаются даже къ сраженію» (423). Врядъ ли кому нибудь станетъ легче отъ того, называть ли состояніе, гдѣ есть побѣжденные, истиннымъ, настоящимъ принужденіемъ, или нѣтъ: суть дѣла именно въ томъ, чтобы не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что вытекающія изъ борьбы неравенства съ теченіемъ времени отвердѣютъ и приведутъ къ столь нежелательнымъ для Дюркгейма неравенствамъ во внѣшнемъ положеніи. Доказательствомъ тому вся исторія. Да это и неизбѣжно въ силу самой природы вещей. Неравенства не могутъ производиться съ одинаковой силой безразлично по всѣмъ направленіямъ: въ извѣстномъ направленіи накопленіе ихъ должно брать верхъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче должна выражаться эта тенденція. Избѣжать этого можно, предполагая развѣ такую организацію, которая каждый разъ уничтожала бы накопленіе неравенствъ, приводила положеніе дѣлъ къ прежнему порядку, совершая, такъ сказать, соціальный передѣлъ. Но такая организація слишкомъ ужъ замысловата; да и законно сомнѣваться, чтобъ она удержалась à la longue. Когда нибудь она да не выдержитъ напора накопившихся неравенствъ и будетъ разрушена вдребезги, и тогда начнется опять старая пѣсня *).

Чтобъ избѣжать повторенія этой пѣсни, остается одно: устранить возможность борьбы, превратить соперничество интересовъ въ ихъ солидарность. Какъ бы искусна ни была общественная организація, но разъ она основана на конкурренціи, она неизбѣжно—рано или поздно—приведетъ ко всѣмъ результатамъ, связаннымъ съ этой последней.

Но, можетъ быть, устраненіе борьбы—неисполнимое условіе; можетъ быть, конкурренція—фактъ неизбѣжный. По взгляду Дюркгейма оно, повидимому, такъ. Изъ своей идеальной искусной организаціи онъ не устраняетъ борьбы; раньше этого мы читали, что невозможно и не необходимо устраненіе ея, что «роль солидарности не въ томъ, чтобъ уничтожить конкурренцію, но чтобъ умѣрить ее» (409). Наконецъ, вся теорія о причинахъ раздѣленія труда построена на фактѣ борьбы за существованіе. Чтобы составить себѣ понятіе о значеніи конкурренціи, намъ не мѣшаетъ нѣсколько присмотрѣться къ этой теоріи. Ей, безспорно, нельзя отказать въ большомъ остроуміи, но она страдаетъ крупными не-

---

*) Das Monopol erzeugt die Konkurrenz, die Konkurrenz erzeugt das Monopol (Das Elend der Philosophie, 138). Для насъ интересна только вторая половина этого положенія.

достатками и, прежде всего, преувеличеніемъ значенія борьбы за существованіе и невѣрнымъ освѣщеніемъ ея. Дарвиновскую теорію нерѣдко безъ оговорокъ переносятъ на человѣка, хотя фактъ общежитія и цѣлый рядъ сопровождающихъ его обстоятельствъ значительно видоизмѣняютъ ее. Изъ этихъ обстоятельствъ укажемъ хоть на то, что въ человѣческихъ обществахъ, миновавшихъ первыя ступени развитія, сумма средствъ къ существованію превышаетъ и, во всякомъ случаѣ, не ниже потребностей населенія. Это одно лишаетъ значенія крупнѣйшій факторъ борьбы за существованіе. Но съ появленіемъ классовыхъ дифференціацій для большинства является относительный недостатокъ средствъ существованія и, какъ слѣдствіе его, борьба за существованіе, къ которой и примѣняется правило, что она острѣе всего между однородными занятіями. Дюркгеймъ имѣетъ именно дѣло съ такимъ уже дифференцировавшимся обществомъ. Не конкурренція вызвала дифференцированіе, а, наоборотъ, первоначальное дифференцированіе конкурренцію (мы говоримъ здѣсь объ отношеніяхъ внутри общества, а не между различными обществами). Только послѣ этого конкурренція становится источникомъ дальнѣйшихъ дифференцированій, хотя и въ этихъ рамкахъ значеніе ея преувеличено у Дюркгейма. Что правило—чѣмъ сходнѣе индивиды, тѣмъ ожесточеннѣе между нихъ борьба—не примѣнимо къ человѣческимъ обществамъ безъ оговорокъ, видно изъ того, что въ обществахъ, гдѣ это сходство больше всего, въ первобытныхъ обществахъ, борьбы этой совсѣмъ нѣтъ. Борьба эта (не касаясь опять таки отношеній между различными обществами) факторъ производный, дѣло дифференцированныхъ обществъ. Къ этому нужно прибавить еще ту важную оговорку, что внутри этихъ обществъ, наряду съ борьбой индивидовъ между собой, происходитъ еще болѣе острая борьба классовъ. Солидарность внутри класса—первое условіе въ борьбѣ его за существованіе съ другими и, поэтому, она беретъ верхъ надъ диспесивными теченіями конкурренціи, приводя къ такимъ явленіямъ, какъ, напримѣръ, союзы, картели и пр. Дюркгеймъ здѣсь снова упускаетъ изъ виду существованіе классовъ и классовой солидарности, и благодаря этому превращаетъ борьбу за существованіе, а съ нею и сложное раздѣленіе труда, въ доминирующій фактъ жизни современныхъ обществъ, между тѣмъ какъ они факторы, при всей своей громадности, вторичные. Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ присоединяемся къ слѣдующимъ мнѣніямъ Зибера: «Такимъ же образомъ мѣна и купля-продажа между близкими родственниками продолжаютъ признаваться дѣломъ нeловкимъ и неприличнымъ, способствующимъ нарушенію прочныхъ и дружескихъ родственныхъ связей, въ чемъ ясно отражается та истина, что отношенія, вытекающія изъ раздѣленія труда, въ противоположность отношеніямъ, основаннымъ на соединеніи, суть отношенія антагонистическія, лишенныя прочности. Въ этихъ безсознательно одобрительныхъ приговорахъ общественнаго мнѣнія

и общественнаго темперамента всему, что косвенно вытекаетъ изъ равенства или простой кооперація труда, высказывается въ сущности тотъ фактъ, что этотъ видъ соединенія работъ представляетъ самую универсальную форму общественной организаціи, отъ которой человѣчество уклоняется лишь временно, съ цѣлью отысканія путей къ возстановленію ихъ въ новыхъ и сложнѣйшихъ формахъ» (Очерки первобытной культуры, 6).

Гораздо правильнѣе освѣтилъ Дюркгеймъ занимающій насъ вопросъ въ слѣдующемъ своемъ разсужденіи:

Когда конкуренція происходитъ между изолированными и чуждыми другъ другу индивидами, то слѣдствіемъ ея будетъ только то, что она еще болѣе отдѣлитъ ихъ другъ отъ друга. Они или разойдутся въ разныя стороны—если есть свободное мѣсто—или же, за недостаткомъ его, дифференцируются и станутъ еще болѣе независимыми другъ отъ друга, въ результатѣ чего получится то явленіе, которое Дарвинъ называетъ прогрессивнымъ расхожденіемъ признаковъ. Въ раздѣленіи же труда мы видимъ совсѣмъ другое: оно «соединяетъ въ то же время, какъ противоставляетъ; оно заставляетъ сходиться дифференцируемыя имъ дѣятельности; оно сближаетъ тѣхъ, кого отдѣляетъ» (305). Единственнымъ объясненіемъ этого можетъ служить то, что раздѣленіе труда происходитъ не между изолированными индивидами, а между членами общества, солидарными между собою. Кооперація, какъ указываетъ Контъ, «не только не могла произвести общества, но, наоборотъ, неизбѣжно предполагаетъ предварительное самопроизвольное установленіе его» (Cours, IV, 421). Коопераціи, поэтому, нельзя признавать основнымъ фактомъ всякой соціальной жизни, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Спенсеръ: наряду съ ней и раньше ея существуетъ еще ассоціація (—простая кооперація), и если первая, развиваясь, дѣйствуетъ на вторую и видоизмѣняетъ ее, «если человѣческія общества становятся все болѣе группами кооператоровъ, то отъ этого не исчезаетъ дуализмъ двухъ этихъ явленій» (309).

Единственный недостатокъ этого разсужденія тотъ, что Дюркгеймъ въ немъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, проглядываетъ значеніе простой коопераціи въ нашихъ обществахъ и видитъ въ нихъ, главнымъ образомъ, группы, основанныя на сложномъ сотрудничествѣ.

Словомъ, мы въ конкурренціи не видимъ основного и неизбѣжнаго факта соціальной жизни, а именно, какъ выражается Заберъ, временное уклоненіе человѣчества отъ солидарности интересовъ.

Мы были бы несправедливы къ Дюркгейму, если бы не указали на тѣ стороны его теоріи, которыми онъ почти совсѣмъ выбивается изъ круга своихъ идей и становится на вѣрную дорогу. Мы разумѣемъ именно его теорію о все большемъ отдѣленіи функцій отъ

органа, о пластичномъ характерѣ общественнаго раздѣленія труда по сравненію съ физіологическимъ. Эти взгляды могутъ стать поворотнымъ пунктомъ въ воззрѣніяхъ на природу сложной кооперацiи.

Если смотрѣть на дѣло съ односторонней, отвлеченной точки зрѣнія, то возможно, пожалуй, придти къ тѣмъ выводамъ относительно раздѣленія труда, которые дѣлаетъ Дюркгеймъ. Оно, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы, на которые онъ указываетъ. Въ немъ есть элементъ сотрудничества, направленнаго на одну общую цѣль усилій—и, соотвѣтственно съ этимъ, оно является источникомъ солидарности; благодаря ему индивидъ замѣчаетъ состояніе своей зависимости отъ общества; это сознаніе уменьшаетъ его эгоизмъ, соціализуетъ его и т. д., и т. д. Все это вѣрно, но вѣрно, какъ каррикатура. Каррикатура не лжетъ, не выдумываетъ: она беретъ дѣйствительно существующую въ явленіи черту, но увеличиваетъ ее непропорціонально съ другими сторонами явленія. Въ раздѣленіи труда, наряду съ указанными элементами солидарности, существуетъ цѣлый рядъ противообщественныхъ тенденцій, несравненно болѣе сильныхъ, чѣмъ первые; только игнорируя ихъ, могъ Дюркгеймъ нарисовать по поводу обмѣна свою фантастическую идиллію. Мы не говоримъ ужъ о цѣломъ рядѣ историческихъ явленій, шедшихъ параллельно съ раздѣленіемъ труда, превращавшихъ сотрудничество въ борьбу и создававшихъ, наряду съ зависимостью другъ отъ друга частей общества, вражду между членами его. Дюркгеймъ можетъ найти (какъ онъ это и сдѣлалъ относительно внѣшняго неравенства положенія) эти явленія не присущими самому раздѣленію труда, ненормальными—хотя это и противорѣчитъ его теоріи нормальнаго. Но въ раздѣленіи труда есть стороны, противъ которыхъ безсильно это возраженіе. Оно имѣетъ неизбѣжную тенденцію обособлять людей; замыкая ихъ въ кругъ той спеціальной вѣтви дѣятельности, которая имъ досталась, это обособленіе должно влечь за собой ослабленіе сознанія связи между участниками труда. Указываемая тенденція, слабая и почти незамѣтная вначалѣ, когда раздѣленіе труда незначительно и число сотрудниковъ невелико, должна все усиливаться съ прогрессомъ кооперацiи. Можно выставить, какъ правило, что вызываемое ею ослабленіе сознанія своей связи и, слѣдовательно, солидарности, прямо пропорціонально дробности раздѣленія труда (степени спеціализація), числу сотрудниковъ и степени неизмѣняемости установленной организаціи сотрудничества. Вначалѣ сознаніе солидарности велико: малоспеціализировавшіяся занятія еще довольно однородны, и связь ихъ еще бросается всякому въ глаза; индивидъ легко обозрѣваетъ все поле кооперацiи; преслѣдуемыя ею цѣли для него ясны и совпадаютъ съ направленіемъ его собственныхъ интересовъ; наконецъ, слабость спеціализаціи сопровождается значительной пластичностью кооперацiи и способствуетъ нейтрализаціи

обособляющихъ вліяній сложнаго сотрудничества. Собственно говоря, мы его еще здѣсь не имѣемъ: оно еще не дифференцировалось отъ простой кооперацін. Но чѣмъ дальше идетъ эта дифференціація, тѣмъ сильнѣе становятся дисперсивныя тенденціи раздѣленія труда: индивидъ начинаетъ обнимать все меньшія доли поля кооперацін, сознаніе его связи съ цѣлымъ все ослабляется; оно замѣняется сознаніемъ связи съ частями общества, все уменьшающимися по мѣрѣ развитія кооперацін, затѣмъ переходитъ въ сознаніе связи съ ближайшими сотрудниками—какъ мы видѣли, идеалъ Дюркгейма—и стремится закончиться (а нерѣдко и заканчивается) почти полнымъ уничтоженіемъ этой связи. Если присоединить къ этому все усиливающуюся разнородность занятій, все меньшую свободу перемѣщеній, которую можетъ допускать благодаря этому и благодаря своему усложненію раздѣленіе труда—то ясно станетъ, что индивидъ долженъ утратить сознаніе смысла цѣлаго, которое является для него чѣмъ-то чуждымъ, въ созданіи котораго онъ не замѣчаетъ своего участія, существованія котораго онъ подчасъ и не подозрѣваетъ; ясно станетъ, что онъ долженъ потерять сознаніе своей солидарности и связи съ обществомъ *). Но если бы у него и было это сознаніе, то его было бы слишкомъ недостаточно для борьбы съ изолирующими тенденціями раздѣленія труда: оно слишкомъ отвлеченно, чтобъ устоять противъ конкретныхъ впечатлѣній дѣйствительности.

Раздѣленіе труда, поэтому, не соціализуетъ, а обособляетъ индивида **): изъ двухъ тенденцій—соціализирущей и обособляющей—послѣдняя по природѣ вещей должна брать верхъ.

---

*) Мы здѣсь абстрагируемъ, конечно, отъ явленій простой кооперацін, которая не исчезаетъ и въ обществахъ съ самымъ развитымъ раздѣленіемъ труда и которая, по нашему мнѣнію, даже и въ нихъ преобладаетъ надъ сложной коопераціей, хотя это и маскируется тѣмъ, что послѣдняя ярче кидается въ глаза. Эффекты простой кооперацін и сложной противоположны.

**) Это доказывается, между прочимъ, атомистическими взглядами на природу общества, сторонники которыхъ, изъ за слабости психической связи членовъ общества (слабости кажущейся, ибо она только закрыта болѣе шумными, но не болѣе глубокими, явленіями борьбы), проглядываютъ никогда не прекращавшуюся и болѣе прозрачную матерьяльную связь. Органическія теоріи общества—продуктъ нашего времени, когда невозможно не замѣчать этой матеріальной связи; но онѣ также проглядываютъ значеніе психической связи. Эта послѣдняя безспорно отстаетъ отъ роста матеріальной связи, но она должна догнать ее подъ страхомъ неминуемой катастрофы. Люди слишкомъ высоко развитыя индивидуальности, чтобы могло быть прочнымъ общество, основанное исключительно на матеріальной связи индивидовъ, при моральномъ антагонизмѣ ихъ. Эта же высота индивидуальности дѣлаетъ невозможными всѣ аналогіи органистовъ. Человѣкъ не клѣточка и никакимъ путемъ не можетъ быть доведенъ до поглощенія себя обществомъ-организмомъ. Общество или обречено на исчезновеніе или должно опереться на фактъ индивидуальности и устранить антагонистичныя этому факту тенденціи.

Раздѣленіе труда можетъ стать факторомъ, порождающимъ солидарность, только потерявъ свою обособляющую сторону. Для этого необходимо, чтобъ уничтожилось закрѣпощеніе индивида его профессіей, чтобъ прекратилось гипнотизирующее вліяніе какой нибудь отрасли дѣятельности на личность, вліяніе, изолирующее ее. Задача эта разрѣшена и разрѣшается на нашихъ глазахъ дѣйствительностью. Раздѣленіе труда на извѣстной ступени развитія разлагаетъ занятія на ихъ составные элементы, столь простые, что требуются крайне незначительныя усилія для усвоенія ихъ. Этимъ создается возможность на мѣсто твердой, неизмѣнной связи человѣка съ извѣстнымъ занятіемъ установить крайне эластическую связь его съ элементами занятій. Человѣкъ раскрѣпощается отъ тяготѣющаго надъ нимъ вліянія занятія. Вмѣсто многочисленныхъ, требующихъ массы силъ, профессій, поглощающихъ почти цѣликомъ человѣка, имѣется сравнительно немногочисленный и легко доступный изученію рядъ элементовъ, приводящихъ, въ различныхъ своихъ комбинаціяхъ, къ разнороднымъ занятіямъ. Освобожденіе человѣка отъ власти его профессіи — будетъ ли это власть земли, блестяще описанная Успенскимъ, или власть какого-нибудь промышленнаго занятія — производитъ переворотъ въ міровоззрѣніи человѣка. Занятіе, разложенное на свои составныя части, лишенное своей цѣлостности, такъ сказать, анатомированное, теряетъ свою чарующую прелесть; поэзія его исчезаетъ, но исчезаетъ вмѣстѣ съ этимъ и весь мистицизмъ его, всѣ чары его: человѣкъ дѣлается свободнѣе и сознаетъ это. Не прикованный болѣе къ тому клочку общества и міра, который ему выпалъ на долю, онъ теряетъ свойственную всякому спеціалисту узость міровоззрѣнія; общество и весь міръ раздвигаются передъ нимъ; умственный горизонтъ его расширяется; и чѣмъ болѣе спадаетъ съ его глазъ пелена, закрывающая отъ него необъятную ширь міра, чѣмъ болѣе дробной частью Космоса онъ себя сознаетъ (имѣть понятіе о человѣчествѣ—это значитъ чувствовать себя одной 1½ мильярдной частью его, а не $1/_{100}$, $1/_{1000}$ и т. д. — какъ это имѣетъ мѣсто при узкомъ соціальномъ горизонтѣ), тѣмъ болѣе онъ становится человѣкомъ, ибо первое, что характеризуетъ человѣка—это истинное пониманіе себя и своего положенія по отношенію къ окружающему. — Ряды сотрудниковъ перемѣшиваются; падаютъ перегородки, отдѣлявшія ихъ другъ отъ друга и не дававшія имъ замѣчать своей связи. Человѣкъ перестаетъ быть связаннымъ исключительно съ людьми опредѣленной профессіи: сегодня онъ работаетъ съ одной группой людей, завтра съ другой. Онъ пріучается видѣть своихъ сотрудниковъ не въ людяхъ, дѣлающихъ то-то и то-то, а въ людяхъ вообще.

Такимъ путемъ исчезаетъ обособляющая сторона раздѣленія труда, оставляя во всей силѣ обобществляющую сторону его. Но, собственно говоря, раздѣленіе труда принимаетъ теперь форму, совсѣмъ непохожую на ту, о которой до сихъ поръ трактовалось:

оставаясь сложнымъ раздѣленіемъ труда по отношенію къ занятіямъ, оно приближается къ типу простой кооперація по отношенію къ индивидамъ. Получается то, что г. Южаковъ называетъ культурнымъ раздѣленіемъ труда въ отличіе отъ органическаго. Отличіе это формулируется имъ слѣдующимъ образомъ: «На низшихъ стадіяхъ общественнаго развитія дифференцованіе по необходимости является органическимъ; на высшихъ оно можетъ быть замѣнено и частью замѣняется культурнымъ. Дифференцуется не общество, а его культура, предлагая недифференцованному общежитію спеціальныя орудія, спеціальные методы, спеціальныя организаціи, благодаря которымъ индивиды, имѣющіе достаточную общую культурную подготовку, могутъ исполнять разныя спеціальныя функціи общественной жизни, не спеціализируя своего организма и охраняя многосторонность своей индивидуальности» (Р. Б. 95,8 кн., Общежитіе и обществовѣдѣніе, с. 170). Когда мы говоримъ о простой кооперація по отношенію къ индивидамъ, то это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что всѣ индивиды посвящаютъ себя безусловно однороднымъ занятіямъ: въ этомъ смыслѣ простой кооперація въ крупныхъ размѣрахъ никогда собственно не было; теперь же она безусловно невозможна. Здѣсь имѣетъ значеніе нивеллирующая, приводящая къ однородности тенденція коопераціи. Разнородность и, такъ сказать, несоизмѣримость людей, порождаемая неподвижными профессіями органическаго раздѣленія труда, исчезаетъ при эластичности занятій культурнаго дифференцованія; а что для насъ важно въ простой коопераціи,—такъ это именно производимая ею однородность людей, общность ихъ цѣлей, общность работы для достиженія ихъ и т. д., сознаніе чего теряется при органическомъ раздѣленіи труда.

Понятно теперь, почему мы въ вышеуказанныхъ взглядахъ Дюркгейма видѣли зародышъ болѣе правильнаго пониманія значенія раздѣленія труда. Но зародышъ такъ и остался зародышемъ, и выводы Дюркгейма не носятъ и слѣда того вліянія, которое на нихъ должно было оказать установленное имъ самимъ различіе между физіологическимъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда. Не имѣетъ для насъ, поэтому, значенія практическое требованіе Дюркгейма «сузить свой горизонтъ, выбрать опредѣленное занятіе и отдаться ему цѣликомъ» и его педагогическое указаніе пріучать дѣтей къ опредѣленнымъ горизонтамъ и ограниченнымъ задачамъ (с. 452). Культурное раздѣленіе труда приводитъ съ собой какъ разъ обратное, и, если ужъ брать нормы изъ окружающей дѣйствительности, то не ту норму, что человѣкъ долженъ сдѣлать изъ себя органъ организма. Культурное раздѣленіе труда насильно ставитъ передъ личностью обширные горизонты, и, какъ бы она отъ нихъ ни отворачивалась, она не сумѣетъ уйти отъ нихъ. Оно же изъ человѣка - куска снова дѣлаетъ цѣльнаго человѣка. Цѣльнаго не въ томъ смыслѣ, что онъ станетъ универсальнымъ и охватитъ всю сумму

пріобрѣтеній культуры: это невозможно, а съ необходимостью и боги не воюютъ; но въ томъ, что онъ сумѣетъ равномѣрно развить всѣ существенныя стороны организма, не будучи вынужденъ, какъ это имѣетъ мѣсто при сложномъ раздѣленіи труда, развивать одну исключительно сторону въ ущербъ другимъ. При такомъ равномѣрномъ развитіи человѣкъ и въ излюбленное имъ, спеціальное, дѣло (продуктъ многочисленныхъ развѣтвленій основныхъ элементовъ организма) не вноситъ узкоспеціальнаго духа съ его ограниченностью и близорукостью. Не въ односторонности и узости спеціальнаго занятія бѣда—это неизбѣжно—а въ односторонности и узости міровоззрѣнія, налагаемаго ими на человѣка; и самымъ могучимъ средствомъ противъ этой опасности являются общая культура и всестороннее развитіе организма въ личности и духъ универсализма въ обществѣ.

Мы подошли теперь къ Дюркгейновскому рѣшенію вопроса объ индивидуальности. Вопросъ этотъ до того любопытенъ и сложенъ, что требуетъ особаго подробнаго разсмотрѣнія, которое невозможно въ нашей и безъ того растянувшейся статьѣ, къ тому же онъ не лежитъ теперь на пути нашего изслѣдованія, занятаго, главнымъ образомъ, указываемымъ Дюркгеймомъ отношеніемъ между раздѣленіемъ труда и общественной солидарностью; поэтому намъ придется ограничиться нѣсколькими замѣчаніями.

Почему человѣкъ долженъ развиваться вширь, а не вглубь? — такъ гласитъ невѣрно поставленный Дюркгеймомъ вопросъ. Невѣренъ онъ потому, что передъ человѣкомъ стоитъ не задача сдѣлать выборъ одного изъ членовъ этой дилеммы, а задача соединить ихъ. Экстенсивность занятій въ самой природѣ человѣка, разносторонней, широкой, — интенсивность въ природѣ предмета занятій. На человѣкѣ лежитъ обязанность совмѣстить въ себѣ оба эти требованія, требованія его собственной природы, субъекта занятій, и требованія объекта занятій. Внѣ этой равномѣрности развитія лежатъ двѣ нежелательныя крайности: дилеттантизмъ и его антагонистъ, узкій спеціализмъ, оба одинаково неплодотворные и оба не исполняющіе того, что обѣщаютъ. Эта равномѣрность развитія достигается, при современной формѣ раздѣленія труда, въ соціальной области, благодаря разложенію занятій на легко доступные элементы; въ научной, благодаря громаднымъ обобщеніямъ нашего времени, созидающимъ постепенно изъ недавнихъ еще membra disjecta науки одинъ цѣльный организмъ и насильно отрывающимъ разныхъ Вагнеровъ отъ ихъ дождевыхъ червей.

Другое положеніе, выставляемое Дюркгеймомъ, состоитъ въ томъ, что высота индивидуальности пропорціональна высотѣ раздѣленія труда. Это парадоксальное утвержденіе основывается на одностороннемъ пониманіи термина индивидуальность. Нашъ авторъ беретъ только одинъ элементъ этого понятія, именно спеціальныя отличія человѣка отъ другихъ людей, игнорируя другіе, не менѣе сущест-

венные элементы. Благодаря этому онъ получаетъ вмѣсто индивидуальности собственно, такъ сказать, персональность. Для него какъ бы остается чуждымъ понятіе объ индивидѣ, какъ о недѣлимомъ, о цѣломъ, а не какъ о разницѣ между извѣстнымъ цѣлымъ и другими цѣлыми. Персональность, безспорно, необходима для выдѣленія личности изъ окружающей ее среды, и въ этомъ отношеніи органическому раздѣленію труда принадлежитъ большая заслуга. Но оно при дальнѣйшемъ своемъ развитіи влекло и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, уничтоженіе другихъ элементовъ индивидуальности, что привело бы къ лишенію всякаго значенія и персональнаго элемента, который имѣетъ его лишь тогда, когда онъ подчиненъ индивиду, а не подчиняетъ его себѣ. При подчиненіи человѣка персональному элементу онъ перестаетъ быть автономнымъ источникомъ дѣйствія, точно также, и даже больше, чѣмъ при подчиненіи его обществу. Для индивидуальности необходимо равномѣрное развитіе элементовъ цѣлостности и персональности. Это и достигается при культурномъ раздѣленіи труда, которое, сохраняя цѣлостность существенныхъ сторонъ организма, даетъ просторъ персональности въ развитіи дальнѣйшихъ подраздѣленій этихъ сторонъ.

Что касается вопроса о всечеловѣческомъ братствѣ, то рѣшеніе его опять таки достигается культурнымъ раздѣленіемъ труда, которое создаетъ не только связь между функціями обществъ, какъ это имѣетъ мѣсто при органической кооперація, но и между исполняющими эти функціи индивидами.

П. Ю.

ЧАРЫ.

«Голубка моя, Сашенька! Сколько лѣтъ я за тобой тосковала и сколько лѣтъ просила Господа, чтобъ привелъ насъ увидѣться. Все тебѣ нельзя было пріѣхать до меня, сердце мое,—то мала была, своей воли не имѣла, то денегъ не было на большую дорогу. Теперь, благодаря Господу, и воля есть, и проѣзды стали дешевые. На ярмарку, що была у насъ въ Риму, Данило, дай Богъ ему здоровья, продалъ двухъ телушекъ за 40 рублей серебромъ. Посылаю тебѣ, Сашенька, 40 рублей на дорогу. Обрадуй же свою старую бабку, пріѣзжай скорѣе, погости у меня хоть лѣто. Якъ бы я была моложе, сама бъ до тебя прилетѣла, такъ соскучилась я за тобою, родное мое дитятко. Ты жъ у меня одна радость и одно счастье. Домъ я велѣла побѣлить для твоего пріѣзда, а комнатку свою уберешь, якъ сама захочешь. Станешь ѣхать, Сашенька, отслужи на дорогу молебенъ, помолись Божьей матери, чтобы она, Царица Небесная, спасла тебя въ пути. Скажу тебѣ, дѣточко, что у насъ въ городѣ новый докторъ. Назначили его только три мѣсяца назадъ. Хорошій, видно, человѣкъ и совсѣмъ еще молодой и не женатый. Я показывала ему твою карточку, онъ ее все разсматривалъ, а потомъ и сказалъ: «какая милая у васъ внучка, интересно съ ней познакомиться.» Право, Сашенька, онъ хорошій человѣкъ и можетъ Господь пошлетъ тебѣ судьбу. Напиши жъ, когда тебя ждать. Данило поѣдетъ къ поѣзду, а я, старая, встрѣчу внучку у воротъ. Обнимаю тебя и цѣлую крѣпко. Буду считать деньки до твоего пріѣзда. А не пріѣдешь, Сашенька, то знай, что меня убьешь. Вѣчно любящая тебя родная бабка Анна Бѣлая.

«Степанида и Данило низенько тебѣ кланяются. Степанида жива и здорова, а Данило скоро хочетъ идти въ Кіевъ къ мощамъ. Онъ такой усердный хлопецъ, уже зачинилъ лодку, чтобъ ты каталась на пруду, чи на Днѣпру, гдѣ захочешь».

Ольшевская читала и перечитывала грѣшное противъ грамматики, на половину малороссійское посланіе, и постепенно исчезала для нея окружающая дѣйствительность. Небольшая

комната съ полинявшими шоколадными обоями, потухающій на столѣ самоваръ и летящая въ открытое окно городская пыль скоро замѣтили, что Александра Сергѣевна видитъ сны на яву. Въ самомъ дѣлѣ, передъ усталой учительницей, какъ облака по небу, плыли и мѣнялись картины. Тутъ было и поросшее травой дрожащее крыльцо, и камыши у Днѣпра, и крупныя звѣзды, и поля съ запахомъ чебреца, и маленькій Данило, и хромая Степанида, и соловей, и солнце, много солнца! Все вставало передъ Ольшевской и звало къ себѣ. Но сильнѣе звѣздъ, сильнѣе соловья и поля манили добрые, когда-то красивые глаза. «Ты жъ одна у меня радость и одно счастье», говорили эти глаза, и Ольшевская глядѣла въ нихъ, и шевелились въ ея душѣ самыя хорошія чувства.

— Ха-ха-ха! можно ли такъ отрѣшаться отъ земли? Полчаса стою надъ вами, а вы и не слышите.

Дѣйствительно, за спиной Ольшевской, уже минуты двѣ, пряталась маленькая фигура въ траурѣ. Не смотря на черное платье и такой же длинный крепъ, спускавшійся съ крохотной шляпы, отъ фигурки меньше всего вѣяло печалью.

— Ну, признавайтесь, о чемъ мечтали? Ахъ, если бъ вы знали, голубчикъ, какая жара! Ужасъ! За чашку чая полжизни, а у васъ и самоваръ потухъ!—И, пожавъ руку хозяйки, траурная фигурка уже поправляла у зеркала бантъ на груди и завитушки на лбу.

— И къ чему она пришла, какая досада, что пришла,—думала Ольшевская, механически отвѣчая на вопросы и восклицанія и съ трудомъ возвращаясь изъ далекаго путешествія.

— Знаете, что: идемъ въ Эрмитажъ! Сегодня тамъ новая музыка и, кромѣ музыки, угадайте какой сюрпризъ? Впрочемъ, гдѣ жъ вамъ догадаться!—хохотала траурная гостья.—Вы еще не успѣли, какъ слѣдуетъ, спуститься съ облаковъ. Ну, такъ, кромѣ музыки, въ Эрмитажѣ будетъ Федоръ Львовичъ съ невѣстой. Или, можетъ, вы не хотите разстраивать себѣ нервы? Тогда лучше не пойдемъ, такъ и быть, будемъ париться у васъ въ комнатѣ.

— Лидія Николаевна, ей Богу, мнѣ эти шутки давно надоѣли,—сказала Ольшевская.

— Ахъ, другъ мой, неужели изъ за всякихъ пустяковъ вы готовы сердиться? Нельзя же все только философствовать? Это скучно.

— Тогда шутите иначе, а то тоже не весело.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, будетъ, будетъ! Пойдемъ въ Эрмитажъ! Право, видѣть жениха и невѣсту наканунѣ ихъ свадьбы, по моему, преинтересно. Вѣдь завтра ихъ свадьба, вы знаете?—

и въ глазахъ траурной Лидіи Николаевны промелькнулъ злорадный огонекъ.

— Давно знаю; только отчего такая обыкновенная вещь такъ всѣхъ необыкновенно интересуетъ?

Черезъ полчаса и хозяйка, и гостья были по дорогѣ въ городской садъ. Сначала онѣ зашли за одной знакомой, потомъ за другой. У другой знакомой была дочка; тоже барышня. Здѣсь и Ольшевская, и Лидія Николаевна долго ждали, пока барышня одѣвалась. Потомъ уже всѣ вмѣстѣ двинулись въ путь. Дамы шли немного сзади и говорили о городской пыли, о дачахъ, о купаніяхъ, о новыхъ лѣтнихъ матеріяхъ и тому подобныхъ сезонныхъ вещахъ. Барышни приблизительно о томъ же, но въ духѣ ихъ рѣчей вездѣ слышался извѣстный или неизвѣстный *онъ*.—Скорѣй бы кончался этотъ вечеръ,—устало мечтала Ольшевская, стараясь не отставать отъ общаго разговора и дѣлая внимательное лицо, когда къ ней обращались. «Какъ не интересно—притворяться, думалось ей.—А къ чему я притворяюсь? Но нельзя же вдругъ остановиться,—сказать прощайте, господа, мнѣ съ вами скучно, и уйти домой». Нельзя было и не пойдти съ этой Лидіей Николаевной и не принять ее нельзя было. Ну если бы сегодня даже и не пошла, и не приняла, а завтра, послѣ завтра, всегда? И развѣ Лидія Николаевна одна? И Ольшевской представились всѣ ея знакомыя. Она съ удовольствіемъ никогда, пожалуй бы, не встрѣчалась съ ними, но со всѣми приходилось встрѣчаться. Какъ же было иначе устроить, какъ поступить?

Наконецъ, вотъ и садъ. Въ саду играла музыка, горѣло электричество, сновали взадъ и впередъ разодѣтыя дамы и дѣвицы,— иныя, болѣе счастливыя, съ кавалерами, другія, скучающія, безъ нихъ. На открытой сценѣ пѣлъ какой-то пріѣзжій хоръ. Какъ всегда, пѣвицы были накрашены, какъ всегда ломались, и бинокли мужчинъ, какъ всегда, останавливались на нихъ съ удовольствіемъ. Ольшевская невольно вслушивалась въ мотивы и слова пѣнія. Мотивы были вызывающіе, назойливые, а слова говорили все о любви и страсти. Но прозвонилъ звонокъ, и большинство публики, оставивъ романсы, потянулось въ оперетку.

Здѣсь было то же, что и въ саду, т. е. тотъ же душный воздухъ, тѣ же поглощенные заботой нравиться и веселиться мужчины и женщины, тѣ же чувственные слова и жесты на сценѣ. Сначала Ольшевской было жарко, непріятно и скучно. Она очень рѣдко бывала въ опереткѣ и теперь, глядя на сцену, по временамъ чувствовала какой-то стыдъ и какую-то свою вину предъ кѣмъ-то или предъ чѣмъ-то. Но, уже часъ спустя, явилась привычка. Все прислушалось, присмотрѣлось

и перестало быть совѣстно. Показалось страннымъ стыдиться того, чего никто не стыдился.

Въ началѣ второго дѣйствія въ ложу, гдѣ сидѣла Ольшевская со своими знакомыми, вошелъ представительный брюнетъ. Брюнета этого звали Сергѣемъ Петровичемъ Травицкимъ. Раньше Травицкій былъ преподавателемъ скрипичной игры въ музыкальной школѣ, но потомъ служеніе искусству промѣнялъ на служеніе капиталу и занималъ теперь довольно видное и довольно выгодное мѣсто въ банкѣ. Травицкій былъ женатъ и существовалъ на бѣломъ свѣтѣ ровно сорокъ лѣтъ. Ольшевская встрѣчалась съ нимъ у знакомыхъ, и онъ казался ей не такимъ пустымъ и скучнымъ, какъ другіе. Онъ даже нравился ей за то. что часто въ его лицѣ появлялось вдругъ что-то грустное и сосредоточенное. Тогда Ольшевской хотѣлось поглубже заглянуть въ его душу, утѣшить его, что нибудь для него сдѣлать. Какъ и всѣ, Травицкій начиналъ иногда ухаживать или, какъ почему-то казалось Ольшевской, притворялся ухаживающимъ и тогда онъ дѣлался ей непріятнымъ. Войдя въ ложу и, по своей манерѣ, очень крѣпко пожавъ всѣмъ руки, Травицкій усѣлся на свободный стулъ сзади Ольшевской.

— Что вы нашли интереснаго на сценѣ? Поглядите на меня хоть немного,—услыхала она черезъ минуту надъ самымъ ухомъ его голосъ.

Ольшевская обернулась, чтобы сказать какую нибудь незначительную фразу, потому что надо же что нибудь отвѣчать, когда заговариваютъ знакомые люди, но ничего не сказала. Травицкій показался ей вдругъ какимъ-то новымъ. Она точно первый разъ увидѣла его лицо съ немного странными сѣрыми глазами.

— Знаете, я по васъ соскучился, вѣдь я васъ больше двухъ недѣль не видалъ,—тихо говорилъ Травицкій, и голосъ его звучалъ мягко и ласково.

— Ну, про себя я не могу сказать того же,—отвѣтила Ольшевская, сознавая въ то же время, что она почему-то волнуется, и стараясь понять причину волненія.

— Я такъ и зналъ. Вы не умѣете привязываться и не умѣете скучать.—Травицкій замолчалъ, и глаза у него стали печальные.—А всетаки вы милая,—сказалъ онъ почти про себя, когда Ольшевская уже смотрѣла на сцену.

Она сдѣлала видъ, что не слыхала этихъ словъ, а Травицкій совсѣмъ затихъ на своемъ стулѣ. Когда Ольшевская, немного погодя, украдкой взглянула на него, глаза его были закрыты, а лобъ наморщенъ, какъ бы отъ боли.—Какъ противно притворяется,—думала про него Ольшевская, чувствуя приливъ какой-то веселости.—Отчего мнѣ стало такъ весело? Какое у него выразительное, интеллигентное лицо. Нѣтъ, влюбиться

въ женатаго я не могла бы по принципу, да и онъ... способенъ только притворяться.

Въ антрактѣ вся компанія вышла въ садъ. Здѣсь, къ удовольствію Лидіи Николаевны, къ нимъ подошелъ еще знакомый, уже настоящій молодой человѣкъ, т. е. не женатый. Лидія Николаевна и вторая барышня, которую звали Анной Николаевной, кокетничали съ нимъ напропалую и каждую минуту старались утопить другъ друга. Молодой человѣкъ сыпалъ комплиментами и остротами, но очень искусно держалъ нейтралитетъ, что, впрочемъ, не составляло для него никакого труда, такъ какъ онъ только недавно отдалъ свое сердце одной хорошенькой, но непризнанной въ обществѣ вдовѣ. Ольшевская, отказываясь отъ всякихъ претензій на спорное сокровище (молодой человѣкъ считался завидной партіей), невольно очутилась опять въ обществѣ Травицкаго.

— А вы не любите охоты,—сказалъ онъ одобрительно.— Это одно изъ вашихъ достоинствъ. Ну, а кому изъ двухъ достанется добыча, какъ вы думаете?

— Никакъ не думаю, потому что мнѣ это не интересно.

— Да? А что же вамъ интересно? Подѣлитесь, пожалуйста, что такое вы считаете самымъ интереснымъ на свѣтѣ?

— А вы что считаете?—уклонилась отъ отвѣта Ольшевская.

— Я? Да ужъ, конечно, любовь. Любовь есть альфа и омега. Для меня это старая истина. Какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ, такъ всѣ мы, умышленно или неумышленно, идемъ къ любви: она нашъ Римъ, наша пристань, наше солнце. Вамъ не холодно?—спросилъ вдругъ Травицкій.

— Мнѣ? Почему?—удивилась Ольшевская.

— Да вѣдь для васъ не свѣтитъ это солнце, вы еще не любите. Попробуйте, полюбите.

И Травицкій такъ посмотрѣлъ въ лицо Ольшевской, что она не выдержала и опустила глаза. Она чувствовала въ его глазахъ что-то захватывающее, покоряющее, но такое, чему не слѣдовало покоряться.

— Отчего вы не можете смотрѣть на меня?

— Могу, но вы рѣшительно не стоите этого,—насильно разсмѣялась Александра Сергѣевна.

— А кто же стоитъ?—тоже шутливо спросилъ Травицкій и, помолчавъ, очень увѣренно прибавилъ: когда нибудь вы возьмете назадъ свои слова.

Ольшевская подумала, что этого «когда нибудь» никогда не будетъ, но въ голосѣ Травицкаго ей послышалась какая-то сила, и почему-то отъ этого ей опять сдѣлалось весело.

Занавѣсъ уже поднялся, когда компанія усѣлась по мѣстамъ. Но теперь въ ложѣ, гдѣ сидѣла Ольшевская, мѣсто Травицкаго занялъ Федоръ Львовичъ, тотъ Федоръ Львовичъ, посмо-

трѣть котораго звала Лидія Николаевна, который долженъ былъ придти съ невѣстой и завтра вѣнчаться. Всѣ, за исключеніемъ Ольшевской, увидѣвъ его, забросали вопросами. Оказалось, что свадьба Федора Львовича откладывалась на мѣсяцъ и что въ театръ попалъ онъ случайно и одинъ. Не смотря на отложенное счастье, Федоръ Львовичъ былъ веселъ, судейскій мундиръ его, какъ всегда, блестѣлъ чистотой, и послушные усы стояли стрункой. Федоръ Львовичъ просидѣлъ въ ложѣ все дѣйствіе, немного смотрѣлъ сложеніу, немного говорилъ съ дамами, искренно возмущался на сценемъ опереточной примадонны, находя ее слишкомъ худощавой, жаловался на жару и разсказалъ забавный анекдотъ, завѣряя честнымъ словомъ, что онъ случился на дняхъ съ однимъ изъ его коллегъ. Лидія и Анна Николаевны старались найти въ немъ недостатки, желая облегчить сознаніе, что онъ уже женихъ другой; мать Анны Николаевны не безъ досады соображала, что этотъ молодой человѣкъ сдѣлаетъ карьеру, а Ольшевская, глядя на пестрый модный галстухъ Федора Львовича, думала: неужели и слѣдующее дѣйствіе просидитъ здѣсь онъ, а не... Травицкій? У Федора же Львовича, когда онъ взглядывалъ на Ольшевскую, невольно мелькало: бѣдная, всетаки жаль ее, я за ней чуточку ухаживалъ, и она, кажется, надѣялась, но кто жъ виноватъ, что она какая-то вѣчно вялая и что ее пришлось бы одѣвать съ головы до ногъ... у самой вѣдь ни гроша. Да и фигура у моей Вѣрочки красивѣе, чѣмъ у этой мимозы.

Ольшевская облегченно вздохнула, когда кончилось дѣйствіе. Антрактъ опять провели въ саду. Травицкій тоже былъ здѣсь, ходилъ одинъ, но къ ней не подошелъ. Ольшевская чувствовала усталость, и ей хотѣлось домой. Пришло, наконецъ, и послѣднее дѣйствіе оперетки. На сценѣ была поэтическая ночь съ садомъ, луной и свиданьемъ. Спущенное электричество совсѣмъ не освѣщало театра, и онъ притихъ, слѣдя за жизнью на подмосткахъ. А тамъ, какъ и въ настоящей жизни, шла старая и вѣчно новая исторія: онъ молилъ о любви, она боролась. «Не думай, мысль губитъ чувство»,—пѣлъ теноръ.

— Слышите? Слышите? Это правда, это сама истина,— услыхала Ольшевская возбужденный шопотъ и, обернувшись, близко, совсѣмъ близко встрѣтила глаза Травицкаго.

— Когда вы вошли?—спросила она тоже шопотомъ.

— Давно или только что, это все равно, но вы слышите: не нужно думать, опасно думать, опасно для любви.

«Но я и не хочу любить», хотѣла было сказать Ольшевская и не смогла; она почувствовала, что сказала бы ложь. Въ эту минуту ей страстно, нетерпѣливо хотѣлось любить и быть любимой. «Милая, мы всѣ для любви созданы, и въ ней лишь одной наше счастье», продолжалъ теноръ.

Неправда, неправда, возмущалась про себя Ольшевская, — не въ любви только счастье, а главное не въ такой противной любви, какая вотъ тутъ на сценѣ или... о какой говоритъ хоть Травицкій. Это не любовь, это не стоитъ названія любви, думала она, со стыдомъ чувствуя, что не въ силахъ отодвинуться отъ слишкомъ придвинувшагося къ ней Травицкаго. Борьба опереточной героини кончается. «Я люблю тебя, я твоя»—поетъ она мягкимъ контральто, все ниже и ниже склоняя голову на грудь тенора.

— Неужели никому не скажете вы никогда этихъ словъ?— шепчетъ Травицкій, и выразительные глаза его глядятъ такъ задумчиво и мягко, что языкъ Ольшевской не поворачивается сказать ему рѣзкость. Еще минута, и Травицкій догадается, что съ ней дѣлается. Что тогда будетъ? Ничего не будетъ, думаетъ Ольшевская и чувствуетъ какую-то противную, обидную досаду. Ей теперь хочется, чтобы было что нибудь большое, особенное. Пусть ее любитъ Травицкій, пусть она сама его полюбитъ, полюбитъ такъ, чтобы, кромѣ него, ничего не видѣть, не слышать, не сознавать. Но развѣ стоитъ жить исключительно для любви? И Травицкій женатъ, его любить не честно. Любовь не разбираетъ, она стихійная сила, мелькаетъ въ умѣ Ольшевской и эта избитая, давно прислушавшаяся фраза теперь кажется ей новой истиной и полнымъ оправданіемъ.

— О чемъ вы задумались?—спросилъ Травицкій, наклонясь такъ близко, что Ольшевская у себя на щекѣ чувствовала его дыханіе.

— Меня интересуетъ,—сказала она чужимъ для себя голосомъ,—меня интересуетъ, не испугались ли бы вы, если бы кто нибудь полюбилъ васъ очень серьезно?

— Очень серьезно? а развѣ это такъ страшно? Чѣмъ же бы грозила мнѣ эта «очень серьезная» любовь? Позвольте васъ спросить.

Какая-то неуловимая перемѣна была въ лицѣ и голосѣ Травицкаго, когда онъ произнесъ эту фразу.

— О, увѣряю васъ, всегда любовь можетъ доставить только удовольствіе,—засмѣялся онъ черезъ минуту, откидываясь на спинку стула и дѣлаясь только на какой нибудь вершокъ дальше, но все же дальше отъ Ольшевской.

Ольшевская поняла, что онъ испугался. Ей сдѣлалось стыдно, обидно и больно. «Но вѣдь я не люблю его, а этотъ проклятый вопросъ онъ скоро забудетъ»,—утѣшала она себя. «А я, однако, ничуть не лучше другихъ». Ольшевская посмотрѣла на Лидію Николаевну, которая въ это время всецѣло была занята стараніемъ побѣдить сидѣвшаго съ ними молодого человѣка, и почувствовала ту брезгливость къ себѣ, какую такъ часто чувствовала къ этой красивой кривляющейся барышнѣ.

Оперетка кончилась, начались безконечные вызовы. Публика, по обыкновенію, не жалѣла ни горла, ни рукъ, и занавѣсъ то и дѣло подымался и опускался, заставляя недавнихъ героевъ, какъ всегда, усердно кланяться направо и налѣво. Ложа, гдѣ сидѣла Ольшевская, опустѣла задолго до конца вызововъ. Когда вся компанія вышла изъ душнаго театра,—прежде всего возникъ вопросъ, какъ доставить домой двухъ барышень—Ольшевскую и Лидію Николаевну. Молодой человѣкъ, на котораго все время оперетки велась правильная атака, повинуясь законамъ войны, пошелъ за побѣдительницей, а Травицкій предложилъ свои услуги Александрѣ Сергѣевнѣ. Какъ ни хотѣлось теперь Ольшевской отказаться отъ непріятнаго tête-a-tête, отказаться было нельзя, потому что это, конечно, удивило бы всѣхъ. Дорогой Травицкій вначалѣ былъ молчаливъ и шелъ такъ быстро, что Ольшевская, вполнѣ довольная тѣмъ, что скоро избавится отъ своего провожатаго, однако же едва поспѣвала за нимъ.

— Ну, скоро вы и дома,—сказалъ Травицкій, когда идти осталось дѣйствительно немного.—Когда же мы теперь увидимся?

— Не знаю, когда придется,—отвѣтила Ольшевская.

— Ну, конечно, когда придется; для васъ это вопросъ такой же важности, какъ для меня,—что теперь ѣсть за ужиномъ опереточный теноръ.

— Пожалуй, но вѣдь и для васъ не интереснѣе.

— Вы говорите не то, что думаете, а еще поборница правды,—сказалъ Травицкій, замедляя шаги.—Впрочемъ, не одной правды, а правды, красоты, простоты и еще какихъ-то пріятныхъ вещей. Такъ вѣдь? Я не перепуталъ вашихъ симпатій?

— Не знаю, что во всемъ этомъ смѣшного.

— Да развѣ жъ я смѣюсь, Александра Сергѣевна? Ну, посмотрите на меня, развѣ я смѣюсь? Въ глубинѣ души я вѣдь и самъ вѣрю во всѣ эти привидѣнія.

И въ голосѣ Травицкаго зазвучали тѣ нотки, которыя всегда привлекали къ нему Александру Сергѣевну. Она взглянула на него, и его блѣдное, усталое лицо показалось ей такимъ роднымъ и близкимъ, что сразу исчезли недавняя неловкость и досада, и хотѣлось только смотрѣть на это лицо.

— Эхъ, ночь-то какая, Александра Сергѣевна, вглядитесь, какая ночь. Вотъ тутъ вамъ и красота, и правда и все, что хотите, а въ людяхъ искать этого добра, ей-Богу, наивно.

— Вы, кажется, говорите о томъ, что васъ совершенно не интересуетъ. Еще недавно вы признавались, что терпѣть не можете «умныхъ разговоровъ»,— сказала Ольшевская, въ одно время и желая и боясь разсѣять какія-то чары.

— Почему вы думаете, что тогда я былъ искреннѣе, чѣмъ сейчасъ? Сейчасъ я только вдвоемъ съ вами, а это, во первыхъ, значитъ, что сейчасъ я не ломаюсь, а во вторыхъ, что все мало-мальски порядочное во мнѣ всплываетъ наверхъ.

— Въ третьихъ,—перебила Ольшевская,—я васъ очень, очень прошу никогда такъ не говорить, если не хотите, чтобы я самой себѣ была противна.

— Я васъ не понимаю,—сказалъ Травицкій.

— Вы забыли мой сегодняшній вопросъ.

— Вашъ вопросъ? Какой же? Кажется ничего особеннаго вы не спрашивали.

Они подошли уже къ дому.

— А знаете, Александра Сергѣевна,—сказалъ Травицкій,— я нахожу, что въ васъ самой очень мало любимой вами простоты.

— Неправда,—отвѣтила Ольшевская, взбираясь по ступенькамъ крыльца.

— Ну, такъ докажите, что это неправда.

— Чѣмъ же?

— А вотъ чѣмъ,—часъ теперь не особенно поздній, ночь чудная, Волга въ двухъ шагахъ отъ вашего дома. Пойдемъ, походимъ гдѣ нибудь по берегу.

— Да съ какой стати, къ чему?—сказала Ольшевская.

— Ни съ какой стати и ни къ чему. Видите, если бы въ васъ было побольше простоты, вы и взглянули бы на мое предложеніе просто. Спать не хочу, не устала, знакомый порядочный человѣкъ проситъ еще немного побыть съ нимъ— гдѣ причина, чтобъ отказать ему? Ну, прощайте, мнѣ хотѣлось только подвергнуть маленькому, испытанію вашу любовь къ простотѣ.—Онъ пожалъ ея руку и повернулся, чтобы идти.

— Вы правы, а я не послѣдовательна. Если хотите, пойдемъ на Волгу,—сказала Ольшевская.

— Слава простотѣ и логикѣ!—воскликнулъ Травицкій.

Они прошли улицу и спустились подъ гору. Все на берегу давно уже спало. Волга лежала неподвижная, и мѣсяцъ чуть колыхался въ водѣ. Далеко, на противоположномъ берегу то вспыхивалъ, то потухалъ одинокій костеръ. Было прохладно и совсѣмъ тихо.

— Какая прелесть!—сказала Ольшевская,—я, кажется, не жалѣю, что пошла.

— Ей это еще только кажется! Да вы возмутительны, сударыня. Ну, вонъ смотрите—пошли круги по водѣ, знаете отчего?

— Рыба это,—отвѣтила Ольшевская тихо.

— Положимъ, что и рыба, а вдругъ русалка? Прекрасная, любящая, съ чарующими глазами,—позови она меня, сейчасъ бы бросился въ воду.

— А меня оставили бы одну на берегу? Ну, нѣтъ, я боюсь,—разсмѣялась Ольшевская.

— Значитъ, со мной моя умница не боится? Такъ сядемъ на этихъ бревнахъ, я такъ усталъ, что, пожалуй, и не брошусь.

— Хорошо, минутъ пять посидимъ и домой,—сказала Ольшевская, садясь.

— Согласенъ, а когда же я васъ опять увижу?

— Я на дняхъ уѣзжаю къ бабушкѣ.

— На дняхъ уѣзжаете и до сихъ поръ ни слова? Зачѣмъ вы ѣдете? На долго?

— Вѣроятно, на все лѣто.

— Уѣзжаете на все лѣто! Если бъ васъ молили остаться, вы бы не остались?—спросилъ Травицкій быстро.

— Кому жъ это можетъ быть нужно?

— Остались бы или нѣтъ?—повторилъ онъ упрямо.

— Н-нѣтъ,—отвѣтила Ольшевская не сразу, и ей сдѣлалось какъ-то скучно, скучно.

Оба замолчали.

— Вы хотѣли домой, такъ пойдемте, а то дѣлается сыро,—сказалъ Травицкій, подымаясь,—да и жена какъ бы не стала безпокоиться,—добавилъ онъ заботливо.

Ольшевской показалось, что ее ударили, такой стыдъ охватилъ ее при послѣднихъ словахъ. Дорогой они говорили о городской пыли и жарѣ.

На слѣдующее утро, еще не совсѣмъ проснувшись, Ольшевская уже чувствовала, какъ давитъ ее что-то непріятное. Постепенно это непріятное дѣлалось все яснѣе и назойливѣе. То были вчерашнія воспоминанія. Какъ вышло все противно и глупо! Самому обыкновенному и самому маленькому ухаживанью она вдругъ придала какое-то серьезное значеніе и, кажется, вообразила себя влюбленной и готовой на всѣ жертвы. Травицкій, конечно, все понялъ и теперь смѣется надъ ней. Но главное, гдѣ же ея хваленые принципы? Вѣдь она убѣждена, что женатаго любить не хорошо. Какіе бы доводы ни придумывала нечистая совѣсть людей въ пользу свободы чувства — всегда эта свобода будетъ, во первыхъ, кражей, а во вторыхъ, вопіющимъ эгоизмомъ. Я люблю и хочу счастья, а потому я иду и, болѣе или менѣе хладнокровно, смотря по характеру, отнимаю это счастье, или ужъ во всякомъ случаѣ спокойствіе, у другого. Очень симпатично! «А вчера я, кажется, серьезно готова была поступить такъ»,—думаетъ Ольшевская. «Если бы васъ молили остаться, вы бы остались?» Неужели я только потому не остаюсь, что онъ и не думалъ молить? Неужели... А какое славное вчера было у него лицо и голосъ,—вспоминается ей съ какимъ-то сожалѣніемъ.—Только все это



дѣланное или такъ, что нибудь случайное. Онъ, конечно, не такой, какимъ иногда кажется. Онъ такой же, какъ и всѣ. И слава Богу. По крайней мѣрѣ, завтра же все забудется. Завтра надо ѣхать. Ольшевская опять перечитала письмо и сильнѣе прежняго потянуло ее въ далекую, родную Малороссію.

Вечеромъ Ольшевская пошла проститься кой съ кѣмъ изъ знакомыхъ. Въ домѣ траурной Лидіи Николаевны оказались гости. Еще изъ прихожей видѣнъ былъ разставленный столъ съ мѣлками и картами и стоявшіе кругомъ него довольные партнеры. Составлялся винтъ. Хозяйка, мать Лидіи Николаевны, тоже въ траурѣ, и тоже веселая и оживленная, суетилась съ чаемъ. Въ углу комнаты стоялъ Травицкій и, держа въ рукѣ вынутую карту, говорилъ о чемъ-то въ полголоса съ хорошенькой барыней. Не смотря на то, что видѣть Травицкаго Ольшевской было непріятно, увидѣвъ его, она сразу поняла, что не уйдетъ отсюда черезъ полчаса, какъ рѣшила раньше. И она не уходила. Травицкій игралъ въ карты, а Ольшевская сидѣла съ барышнями, скучала и, глядя на погруженнаго въ игру Травицкаго, думала: «Что же въ немъ хорошаго или особеннаго? Самый обыкновенный, самый заурядный человѣкъ. Хорошо, что я вижу его сегодня,—сегодня я ужъ совсѣмъ въ немъ разочаруюсь». Нѣсколько разъ она порывалась уйдти и все оставалась. Потомъ кончили играть и подали ужинъ. Ужинали на террасѣ. Говорили обо всемъ понемногу и больше всего о чувствахъ. Было не мало намековъ, двусмысленностей и даже пошлостей и чуть-чуть остроумія. Травицкій не отставалъ отъ другихъ. Ольшевской было скучно и жаль чего-то, какой-то разсѣявшейся запретной, но сладкой мечты. Послѣ ужина все общество, повидимому, чувствовало себя свободно и пріятно настроеннымъ. Заговорили даже о поэзіи. Травицкій усѣлся на ступенькѣ террасы у ногъ Лидіи Николаевны и хорошенькой барыни и говорилъ имъ что-то о звѣздахъ. Ольшевская видѣла, какъ блестѣли его глаза, и чувствовала себя такой чужой и далекой этому человѣку, что вчерашній вечеръ казался ей сномъ. На террасѣ было свѣтло и уютно, изъ сада пахло резедой и левкоями.—«Друзья, какъ ночь прекрасна!» запѣлъ вдругъ хозяинъ, жестикулируя руками такъ, какъ будто управлялъ многочисленнымъ хоромъ. Ему подтянули, но слабо. «Средь шумнаго бала, случайно, въ тревогѣ мірской суеты...» началъ толстый лысый полковникъ и остановился.

— Что случилось въ тревогѣ мірской суеты, господа, кто помнитъ?

— «Тебя я увидѣлъ, но тайна твои покрывала черты!» сказалъ Травицкій выразительно, подходя къ полковнику. Всѣ

невольно разсмѣялись, такъ мало было тайны въ красномъ лицѣ полковника. «Лишь очи печально глядѣли,—продолжалъ Травицкій, остановясь предъ Ольшевской,—а голосъ такъ дивно звучалъ».. и голосъ самого Травицкаго зазвучалъ такимъ богатствомъ чувства, что всѣ стали слушать. Онъ прочелъ всѣ стихи. «Люблю ли тебя я не знаю, но кажется мнѣ, что люблю»,—кончилъ онъ, обращаясь уже только къ Ольшевской. Его попросили сказать еще что нибудь. И Травицкій сталъ говорить изъ Толстого, Некрасова, Надсона. Чудныя—то радостныя, то грустныя, то неуловимыя, какъ мечта, картины проходили передъ Ольшевской, ея сердце билось въ тактъ словамъ, и терраса съ ея слушателями отошла куда-то далеко. Она видѣла только Травицкаго, забывала, что онъ говоритъ чужія слова, и ей казалось, что это его мысли, его радости и страданія. Травицкій тоже увлекся и не замѣтилъ, что большинству давно надоѣло слушать. Смѣхъ въ саду остановилъ его на половинѣ фразы. На дорожкѣ, освѣщенной луной, стояла Лидія Николаевна съ полковникомъ, и оба дружно смѣялись.

— Мы давно васъ гипнотизируемъ,—кричала Лидія Николаевна обернувшемуся Травицкому,—но вы одѣлись въ броню поэзіи и положительно неуязвимы. Знаете, мы рѣшили, что нынче ночью къ вамъ непремѣнно явится кто нибудь изъ великихъ покойниковъ и поднесетъ похвальный листъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Чувствую, что и вамъ готовится сюрпризъ!—сказалъ Травицкій, легко спрыгивая черезъ перила въ садъ. — Александра Сергѣевна! васъ не достаетъ,—крикнулъ онъ черезъ минуту оттуда.

Ольшевская машинально встала и пошла. Она не нашлась даже, что отвѣтить.—Я положительно глупѣю, думала она, чувствуя, что какая-то сила парализуетъ ея мысли и волю.

Скоро и всѣ остальные бросили террасу и сошли въ садъ. Было уже довольно поздно, но никому не хотѣлось уходить. Травицкій сидѣлъ рядомъ съ Ольшевской и, откинувшись на спинку лавочки, говорилъ какія-то незначительныя вещи, но такимъ мягкимъ, покоряющимъ голосомъ, что Ольшевская, плохо вслушиваясь въ слова, чувствовала только ласку этого голоса, и ей было хорошо, и хотѣлось сидѣть такъ, не шевелясь, долго, долго. Скоро, однако, гости стали расходиться. Она тоже подошла прощаться съ хозяйкой, но хозяйка любезно заявила, что не пуститъ ее, что лучше переночевать у нихъ, тѣмъ болѣе, что Александра Сергѣевна уѣзжаетъ, и они не увидятся все лѣто. Ольшевская отговаривалась, но Лидія Николаевна поддержала мать, спрятала кофточку и шляпу гостьи, и та должна была остаться.

— Злая, Александра Сергѣевна, развѣ вы не знаете, что мнѣ будетъ скучно возвращаться одному?—сказалъ Травицкій.

— Я зла по неволѣ,—отвѣтила Ольшевская, чувствуя въ душѣ досаду, что ее оставили.

— Утѣшеніе небольшое. «Но кажется мнѣ, что люблю...» сказалъ Травицкій тихо.—А вамъ что кажется?—спросилъ онъ, наклоняясь къ лицу Александры Сергѣевны и сжимая взятую для прощанія руку.

— Тоже... то есть не знаю, не знаю... Уходите!—черезъ силу сказала Ольшевская, выдергивая руку и скрываясь изъ прихожей.

Ольшевской постлали въ кабинетѣ хозяина, на широкой оттоманкѣ. Ей было удобно и не жарко, но она не могла спать. Изъ за плохо спущенныхъ занавѣсокъ глядѣла луна, и длинныя бѣлыя полосы лежали на полу и стѣнахъ. Ольшевская глядѣла на эти полосы и думала. Она знаетъ Травицкаго нѣсколько мѣсяцевъ, а жены его совсѣмъ не видала, потому что та лѣчилась заграницей и только недавно пріѣхала. Говорятъ, жена у него красивая и милая, и Травицкій, конечно, ее любитъ. Что за человѣкъ этотъ Травицкій? Зачѣмъ онъ съ ней кокетничаетъ, зачѣмъ хочетъ понравиться больше, чѣмъ слѣдуетъ? Или, можетъ, онъ и не думаетъ кокетничать и ровно ничего не хочетъ? Послѣднее даже вѣрнѣе. Но Александра Сергѣевна чувствуетъ, что ей не хочется, чтобы это было вѣрно, и удивляется самой себѣ. Неужели она любитъ этого чужого, мало знакомаго, не свободнаго человѣка? За что? Когда, наконецъ, успѣла полюбить? Нѣтъ, это не любовь. Это только желаніе любви, а Травицкій — случай любить. Но почему тогда еще такъ недавно она была равнодушна къ ухаживанью другихъ, почему не вышла за офицера, дѣлавшаго ей предложеніе? Ахъ, развѣ можно хитрить съ собой? На эти почему у нея есть отвѣтъ. Годъ, полтора назадъ ея требованія отъ любви были выше и чище, а теперь понизились. Требованія понизились, а потребность любви сдѣлалась больше, потому что изъ всѣхъ жизненныхъ миражей, миражъ любви оказался ярче и долговѣчнѣе. Прежде Ольшевская идеальничала, мечтала о знаніи, собиралась на курсы, училась, читала, а сейчасъ вотъ чувствуетъ, что, кромѣ любви, ей ничего не хочется. Нехорошая она стала. Но такъ, кажется, и надо. Повидимому, одно изъ двухъ: или совсѣмъ отказаться отъ счастья, или не быть черезчуръ разборчивой въ средствахъ къ нему. Идеальному мѣсто въ мечтахъ и въ хорошихъ книжкахъ, — жизнь необходимо должна быть груба, потому что требуетъ борьбы, потому что одинъ живетъ на счетъ другого. Это старыя истины, но для нея, Ольшевской,

онѣ новы, и признаніе ихъ мучительно, какъ мучительны первые шаги для начинающаго преступника. Александра Сергѣевна мысленно такъ и называла себя преступницей, но почему-то не почувствовала ни страха, ни желанія исправиться.

На другой день Ольшевская должна была ѣхать, но не уѣхала, а вмѣсто этого пошла вечеромъ съ Лидіей Николаевной въ садъ. Въ саду былъ Травицкій, и они долго ходили съ нимъ по аллеямъ, долго сидѣли на лавочкѣ и долго говорили. Семья Лидіи Николаевны переѣзжала на дачу, Ольшевскую и Травицкихъ звали на новоселье. Травицкій сказалъ, что за жену не ручается, а самъ будетъ. Дня черезъ два онъ зашелъ къ Александрѣ Сергѣевнѣ и очень просто предложилъ ей ѣхать вмѣстѣ. Былъ какой-то праздникъ и на дачѣ собралась цѣлая компанія. Мужчины опять играли въ карты, а дамы и барышни ходили по лѣсу, собирали букеты, купались, катались на лодкѣ. Ольшевская терпѣливо дожидалась, когда кончится винтъ. Теперь ей было весело только съ Травицкимъ. Вечеромъ опять уже всѣ вмѣстѣ катались по пруду. Вечеръ былъ душный и свѣтлый. Луна полнымъ кругомъ стояла на небѣ, и вода пруда блестѣла, какъ серебряная. Тутъ было мало раздолья, мало природы, но все же она чувствовалась и дѣйствовала какимъ-то страннымъ нѣжащимъ образомъ. Но, когда Ольшевская вглядывалась и вслушивалась въ то, что происходило кругомъ, ей начинало казаться, что съ дѣйствіемъ этой бѣдной природы сплетается еще дѣйствіе какихъ-то нездоровыхъ, но сильныхъ чаръ. Лидія Николаевна въ эфектной бѣлой кофточкѣ съ открытыми руками и шеей, поддаваясь этимъ чарамъ, долго не брала своей руки изъ рукъ сосѣда, когда тотъ по степени теплоты хотѣлъ узнать, не озябла ли она. Хорошенькая барыня мечтательно глядѣла на луну и, улыбаясь, отвѣчала двусмысленностями на двусмысленности инженера, а сама Александра Сергѣевна невольно вздрагивала, когда плечо Травицкаго, какъ бы нечаянно, касалось ея плеча. «Людьми движетъ чувственность», думала Александра Сергѣевна, и ей дѣлалось ясно, что она не любитъ Травицкаго. Если она то, за что привыкла считать себя, т. е. если она порядочная, она завтра же уѣдетъ и противное чувство скоро исчезнетъ. Если нѣтъ... если нѣтъ, то она останется, и конецъ всего будетъ зависѣть отъ Травицкаго. Или, еще скорѣе — ничего особеннаго не случится, а просто на просто она привыкнетъ къ этой духовной нечистоплотности, будетъ кокетничать, увлекать и сама увлекаться и, наконецъ, это обратится въ ея женскую спеціальность, какъ преблагополучно обращается у большинства дамъ и дѣвицъ. Нѣтъ, она этого не хочетъ. Она, правда, хочетъ

любви, но любви настоящей, хорошей, основанной на осмѣянномъ «сродствѣ душъ».

— По моему, Толстой въ своей «Крейцеровой Сонатѣ» правъ: люди отвратительны—всѣ какіе-то грязные,—говоритъ Ольшевская, неожиданно для самой себя, обращаясь къ Травицкому.

Травицкій долго судитъ Толстого, долго философствуетъ о людяхъ и жизни и такъ смотритъ на Ольшевскую, что ей дѣлается страшно потерять эту жизнь въ погонѣ за призрачнымъ «сродствомъ душъ». Ахъ, существуетъ ли это желанное сродство, этотъ идеалъ любви? А не любить нельзя, говорятъ ей и глаза Травицкаго, и лунная ночь, и лица сидящихъ въ лодкѣ, и звуки музыки, несущейся съ сосѣдней дачи...

Уже вторые сутки какъ ѣдетъ Ольшевская по желѣзной дорогѣ. Въ третьемъ классѣ духота, тѣснота и грязь. Ольшевская сидитъ, прижатая въ уголъ толстой лавочницей, и думаетъ о томъ, что ее ждетъ и что она оставила. Ждетъ ее ласка, покой и природа, а сзади остались трудъ, одиночество, скука, какіе-то порывы и какая-то неудовлетворенность. Она не знаетъ, навсегда ли она ушла отъ нихъ, не знаетъ потому, что во многомъ сама виновата. Стоило ей, напримѣръ, жить съ теткой, у которой она выросла, и она избѣжала бы необходимости съ утра до вечера бѣгать по грошовымъ урокамъ. Кромѣ того, она жила бы не одна, какъ теперь, а въ семьѣ. Но Ольшевская не особенно любитъ тетку, во многомъ не сходится съ ней и не хочетъ ничѣмъ пользоваться даромъ.

Матери Ольшевская совсѣмъ не помнитъ, а отецъ умеръ давно и, умирая, оставилъ сестрѣ дочку и скопленныхъ тысячи двѣ на ея воспитаніе. Маленькая Саша очень любила бабушку и хотѣла жить у нея, но ей этого не позволили и скоро увезли далеко отъ родины. Когда Саша кончила гимназію, тетка стала внушать ей, что назначеніе барышни выйти замужъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. День за днемъ прошли четыре однообразныхъ года. Ольшевская пришлась не ко двору не только въ домѣ тетки, но и у всего уѣзднаго общества; ей самой тоже никто не нравился. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше хотѣлось Ольшевской самостоятельной, сколько нибудь осмысленной жизни, людей по душѣ или ужъ полнаго одиночества. Побѣдивъ сопротивленіе тетки и цѣлый рядъ мелкихъ препятствій, Ольшевская опять переселилась въ городъ, гдѣ кончила гимназію, и стала давать уроки.

Два года самостоятельности прошли быстро, но ничего особенно радостнаго не дали Ольшевской. Весь день занята, а вечеромъ, большею частью, одна. Вечеромъ на нее нерѣдко нападаетъ тоска. Когда она жила у тетки, тетка обыкновенно иронизировала и говорила, что всѣ дѣ-

вушки тоскують, пока не выйдуть замужъ. Ольшевская чувствуетъ, что это неправда. Неправда уже потому, что съ самаго дѣтства мучаетъ ее эта тоска. Только теперь она стала сильнѣе и приходитъ чаще. Кажется тогда Ольшевской, что она напрасно живетъ на бѣломъ свѣтѣ, кажется, что она виновата въ чемъ-то, что не приноситъ никакой пользы, а сама хочетъ у жизни на свою долю того, что могло бы достаться другому. Хочется ей счастья, и противна она себѣ за это желаніе. Чего ей нужно? Въ мірѣ такъ много нужды, болѣзней, горя, а у нея нѣтъ этихъ реальныхъ страданій, и она придумываетъ ихъ себѣ. Она неблагодарна и она эгоистка. То вдругъ думается Ольшевской, что дѣло не въ благодарности, не въ альтруизмѣ, не въ другихъ высокихъ вещахъ, что все это условныя, мертвыя понятія, и живые люди въ своихъ поступкахъ совсѣмъ ими не руководствуются. Въ чемъ же дѣло? Что нужно живымъ людямъ? Что нужно мнѣ? думаетъ Ольшевская. Оказывается, что для нея прежде всего нужны именно эти «условныя, высокія понятія», а потомъ... да, потомъ, вѣроятно, любовь. Но и любовь ей нужна особенная, не такая, какъ обыкновенно встрѣчается. Раньше Ольшевская гордилась своей требовательностью, считая ее признакомъ духовнаго превосходства, а теперь она для нея тяжелое бремя. Скинуть бы съ плечъ это бремя, да нельзя, приросло оно къ ней. Когда Ольшевская думаетъ о себѣ, ей часто вспоминаются слова Некрасова: «но испорченъ онъ былъ съ малолѣтства изученьемъ опасныхъ наукъ». Да и она не жизнеспособна, и она испорчена. Испорчена и мечтами, и книгами, и далекими впечатлѣніями дѣтства.

А поѣздъ мчится все дальше и дальше. Толстую лавочницу смѣнилъ старикъ дьяконъ, а напротивъ—вся въ монистахъ и лентахъ сидитъ загорѣлая, молодая дивчина съ матерью. И воздухъ въ окно летитъ уже не тотъ, и поля уже бѣгутъ другія. Ольшевская слышитъ родную рѣчь и часто, часто стучитъ ея сердце, и губы противъ воли улыбаются, и ничего она не думаетъ, а только слушаетъ, смотритъ и любуется. Раннимъ утромъ пришелъ поѣздъ въ родной городъ. «И какъ это я раньше сюда не пріѣхала? Если нельзя было пріѣхать, какъ пѣшкомъ не пришла!—думаетъ Ольшевская. Сколько лѣтъ пропало, даромъ пропало. Она ищетъ глазами Данилу, но развѣ она узнаетъ его теперь? Разстались они четырнадцать лѣтъ назадъ, когда она была еще десятилѣтней дѣвочкой. Нѣтъ, не узнаетъ, да онъ, вѣроятно, и не выѣхалъ—бабушка ждетъ ее недѣлей позже. Отъ станціи до ихъ деревни четыре версты. Ольшевская нанимаетъ черняго загорѣлаго хохла, и низенькая, крѣпкая лошаденка тащитъ ее по засѣянному хлѣбомъ роскошному полю. Поле чуть колышется тихимъ вѣтромъ и пестрѣетъ

цвѣтами, и звучитъ веселыми звуками. Тутъ и кузнечики, и жуки, и птицы какія-то. Солнце стоитъ высоко, высоко и такъ бодро и радостно свѣтитъ, что никогда никому и въ голову не придетъ вопросъ здѣсь о томъ, стоитъ ли жить. Какимъ пошлымъ и смѣшнымъ кажется теперь Ольшевской ея недавнее чувство къ Травицкому.

— Мабудь пріихали, панночко!—говоритъ возница.—Оце-жъ огородъ Анны Павловны.

И правда пріѣхали. И огородъ и садъ, и домъ, все уже не въ мечтахъ, а наяву стоитъ передъ Ольшевской.

Быстро полетѣли первые дни. Ольшевская просыпалась съ блаженной улыбкой и съ такой же улыбкой засыпала. Съ утра шла въ садъ или въ поле и, лежа въ травѣ, прислушивалась къ треску кузнечиковъ или садились у Днѣпра подъ тѣнь широкихъ вербъ и часами смотрѣла, какъ купалось солнце въ голубой водѣ. Вечеромъ Александра Сергѣевна всегда сидѣла съ бабушкой на старомъ, широкомъ крыльцѣ. Крыльцо при каждомъ движеніи скрипѣло, а между его ступеньками росла теперь не только трава, но и цвѣты. Цвѣты были и въ саду, въ грядкахъ подъ бѣлыми акаціями, а изъ за акацій глядѣла луна и мигали большія, большія звѣзды. Бабушка постарѣла, сгорбилась, но глаза стали у нея еще добрѣе, голосъ еще мягче. Она еще дольше молилась теперь по вечерамъ передъ образами, освѣщенными лампадкой. Александра Сергѣевна, сидя съ бабушкой, клала голову на колѣни, а бабушка, тихо гладила ея волосы и говорила о томъ, какая хорошая хозяйка Глафира Дмитріевна, какъ потолстѣлъ Николай Ивановичъ и выросли дѣти Борисенко, сколько у нея, у бабушки, родится въ этомъ году вишенъ и абрикосовъ и какъ Сашенька будетъ ихъ ѣсть, а потомъ станетъ варить изъ нихъ въ саду варенье. Иногда бабушка заводила рѣчь о городскихъ «молодыхъ людяхъ» и просила Сашеньку съѣздить въ городъ къ знакомымъ, чтобъ у нихъ встрѣтиться съ новымъ докторомъ. Ольшевская слушала бабушку, какъ слушала соловья, какъ слушала шелестъ цвѣтовъ или листьевъ. Подъ эти тихіе разговоры успокаивалась не только ея душа, но и ея мысль. Будущее не существовало, а настоящее сливалось съ прошлымъ, съ далекимъ, милымъ дѣтствомъ. Развѣ не такъ было все тогда, какъ теперь—думалось временами Ольшевской. Иллюзія дѣлалась полной, когда Александра Сергѣевна, лежа въ постели, смотрѣла, какъ молилась бабушка. Бабушка стояла на колѣняхъ передъ старыми почернѣвшими иконами и, покачивая слегка головой, громкимъ шопотомъ выговаривала слова молитвъ. «Окропиши мя іссопомъ, и очищуся; омыеши мя, и паче снѣга убѣлюся. Слуху

моему даси радость и веселіе: возрадуются кости смиренныя». Свѣтъ отъ лампадки дрожалъ на серебрѣ ризъ, освѣщая и божьихъ ангеловъ, и мучениковъ, и самого Бога-Человѣка съ его Матерью Дѣвою, а бабушка, не спуская глазъ съ этого уголка неба на землѣ, продолжала: «Научу беззаконныя путемъ Твоимъ, и нечестивіи къ Тебѣ обратятся... Боже, Боже спасенія моего: возрадуется языкъ мой правдѣ Твоей».

Развѣ не такъ было все раньше, какъ теперь? Не такъ вѣрила бабушка, не такъ мигала лампадка, не такъ ложились тѣни въ углахъ, не такъ сладко дремалось? «Такъ, такъ», думала Ольшевская, засыпая.

Но разъ, когда Александра Сергѣевна, сидя съ бабушкой на старомъ крыльцѣ, слушала соловья и вдыхала запахъ травъ и цвѣтовъ, соловей ли, цвѣты ли, или кто другой, но кто-то сказалъ: «не такъ». Ольшевская прислушалась къ неясному голосу и впервые по пріѣздѣ почувствовала, что ей чего-то не достаетъ. На другой день она взялась за книгу, но одолѣла, и то съ грѣхомъ пополамъ, только двѣ страницы. Дни пошли медленнѣе, а вечерами навязывались старые нелѣпые вопросы. Ольшевская вглядывалась въ глаза бабушки ища въ нихъ хоть какого нибудь отвѣта, а бабушка говорила:—«скучно тебѣ, Сашенька, съѣзди, сердце мое, въ городъ. Господь дастъ, познакомишься съ новымъ докторомъ, сама увидишь, какой онъ интересный молодой человѣкъ. Съѣзди, дѣточко».

Ольшевская и улыбалась, и хмурилась. При чемъ тутъ новый докторъ? Но иногда дѣлалось такъ скучно, такъ пусто на душѣ, что хотѣлось плакать. Прошло еще двѣ недѣли, и Ольшевская поѣхала въ городъ. Здѣсь побывала она и у Глафиры Дмитріевны, видѣла и потолстѣвшаго Николая Ивановича, и выросшихъ дѣтей Борисенко, и новаго доктора. Докторъ оказался жизнерадостнымъ брюнетомъ, мастеромъ на всѣ руки. На вечеринкѣ у Глафиры Дмитріевны онъ и плясалъ, и острилъ, и игралъ въ винтъ, пѣлъ изъ оперъ и оперетокъ и даже показывалъ какіе-то фокусы съ картами. У него былъ необыкновенно гладкій, бѣлый лобъ и обѣщавшія потолстѣть, свѣжія щеки. Когда, во время винта доктора вызвали, говоря, что прислали отъ больной, онъ сейчасъ же согласился ѣхать, но прежде докончилъ роберъ и аккуратно счелъ всѣ плюсы и минусы.

Ольшевская пробыла въ городѣ три дня, каждый день видаясь съ докторомъ. Докторъ былъ къ ней очень внимателенъ и просилъ позволенія пріѣхать въ деревню. Бабушка пришла въ восторгъ отъ этой просьбы, а Александра Сергѣевна, сама не зная, какъ и почему, стала думать о Травицкомъ. Она вспоминала его все чаще и чаще. Теперь, когда молилась

бабушка и тѣни отъ лампадки ложились по стѣнамъ, изъ мягкаго полусвѣта выступало знакомое нервное лицо и мѣшало спать. То же лицо стояло передъ глазами, когда сидѣла Ольшевская на старомъ крыльцѣ или ходила по темнымъ дорожкамъ сада. Ясно представлялись и сѣрые, такъ часто мѣняющіе выраженіе глаза, и начинающая сѣдѣть голова, и упрямый ротъ. Ольшевская сердилась на самое себя. Что ей этотъ человѣкъ и что она ему? Обстановка много значитъ, и тамъ, въ томъ противномъ, далекомъ обществѣ, которымъ движетъ жажда легкихъ удовольствій, ея увлеченіе Травицкимъ дошло до того, что она написала ему письмо. Глупое, сантиментальное письмо. Два дня письмо лежало неотправленнымъ, пока рѣшалось Гамлетовское «быть или не быть». На третій случайная встрѣча съ женой Травицкаго кончила вопросъ. Ольшевская почувствовала себя въ положеніи человѣка, внезапно столкнувшагося съ тѣмъ, кого собирался обокрасть отъ скуки. Стыдъ и отвращеніе къ себѣ разсѣяли чары, и призрачная любовь исчезла. Къ чему же теперь эти ненужныя, не имѣющія смысла воспоминанія? Надо заняться дѣломъ, тогда наполнятся дни и не будетъ скучно. Но что дѣлать? Читать, вязать, шить или помогать на кухнѣ? Вѣчно читать невозможно; вязать, шить и готовить обѣдъ—значитъ играть въ дѣло, потому что это не необходимо и сдѣлается въ сто разъ лучше безъ нея. Неужели собрать ребятишекъ и мучить ихъ въ жару грамматикой и ариѳметикой для того, чтобы, уѣхавши черезъ мѣсяцъ, бросить ихъ такими же непросвѣщенными и только усталыми? Воспоминаніе о Травицкомъ волновало и мѣшало Александрѣ Сергѣевнѣ обдумать свою дальнѣйшую судьбу. Вернуться ли назадъ, остаться въ деревнѣ, или добиться какъ нибудь возможности осуществить свою прежнюю мечту—поступить на курсы? Ольшевская все колебалась, а дни все шли и шли.

Разъ, утромъ, когда Ольшевская, только что проснувшись, лежала въ постели, стараясь по солнечному лучу, пробившемуся черезъ плохо прикрытую ставню, угадать, который часъ, къ ней вошла бабушка, держа въ одной рукѣ громадную просфору, а въ другой какой-то блестящій предметъ. Блестящій предметъ оказался серебрянымъ образкомъ Богородицы.

— Это, Сашенька, тебѣ Данило изъ Кіева принесъ, онъ сейчасъ вернулся. Вставай, сердце, послушаешь, какъ онъ разсказываетъ про святой городъ, про дорогу. Матерь Божья, какъ тамъ хорошо! — и бабушка цѣловала просфору и крестила образкомъ себя и Сашу. Ольшевская быстро одѣлась и вышла на галлерею, на которой всегда пили чай и обѣдали.

Прежде всего ее поразила прохлада и прелесть воздуха, она давно не вставала такъ рано, было часовъ шесть не больше. Передъ бурно кипѣвшимъ самоваромъ сидѣла бабушка, а на концѣ стола помѣщался какой-то незнакомый человѣкъ, передъ которымъ лежали просфоры и образки и который, громко кусая сахаръ, пилъ чай съ блюдечка.

Степанида стояла тутъ же, опираясь на спинку стула, и съ ласковымъ любопытствомъ глядѣла на пьющаго чай.

— Барышня, Са... Александра Сергѣевна, барышня!—заговорилъ этотъ человѣкъ, подымаясь, какъ только она показалась въ дверяхъ. Онъ подошелъ къ ней вплотную, низко поклонился, потомъ поцѣловалъ руку и, поглядѣвъ пристально въ ея лицо, опять сказалъ: барышня!

— Ще малый хлопецъ бувъ, якъ бачивъ барышню,—сказала Степанида растроганнымъ голосомъ.—А що, дуже воны змѣнились?

— Змѣнились таки!—задумчиво отвѣтилъ Данило, продолжая смотрѣть на Ольшевскую.

Ольшевская въ свою очередь разглядывала богомольца, съ которымъ связывались воспоминанія ея ранняго дѣтства. Или она совсѣмъ его забыла, или и онъ очень перемѣнился. Передъ ней стоялъ высокій, загорѣлый человѣкъ, поражавшій выраженіемъ своего худощаваго лица. Казалось, что это лицо годилось бы на образъ, хоть передъ такимъ образомъ можно было бы скорѣе долго и грустно думать, чѣмъ молиться. Данило разсказывалъ про Кіевъ, про пещеры, мощи и церкви, говорилъ, какъ шелъ онъ черезъ деревни и села, какъ ночевалъ въ лѣсу и въ полѣ, говорилъ и про монаховъ, и про то, какія книжки купилъ въ городѣ, и про то, какъ чудно написаны иконы въ новомъ соборѣ. Часто онъ отвлекался въ сторону, вспоминая дѣтство, то далекое, минувшее время, когда они съ Сашей росли, какъ братъ съ сестрой. Ольшевская слушала также внимательно, какъ слушала бабушка и Степанида, и странно влекли ее къ себѣ рѣчи этого простого человѣка съ такими большими, хорошими глазами.

Приходъ Данилы внесъ какой-то новый интересъ въ однообразную деревенскую жизнь Ольшевской. Теперь, не опасаясь Днѣпровскихъ пороговъ, она могла кататься съ Данилой на лодкѣ, могла ходить за три версты ко всенощной въ сельскую церковь, а вечерами толковала съ нимъ иногда о религіи, всякій разъ удивляясь его знанію священнаго писанія. Разговоры эти велись обыкновенно передъ ужиномъ на старомъ крыльцѣ, въ обществѣ бабушки и Степаниды, которая съ гордостью слушала сына. Данило сидѣлъ всегда на нижней ступенькѣ, старое крыльцо скрипѣло, трещали въ травѣ куз-

нечики, съ неба свѣтились большія звѣзды, воздухъ жегъ и туманилъ голову.

Что такое лицо человѣка? Правду ли говорятъ, что оно есть зеркало души, т. е. отраженіе всего его невидимаго, такъ трудно познаваемаго *я*? Ольшевской казалось, что какія-то дорогія для нея понятія, какія-то любимыя ею идеи воплотились въ лицѣ Данилы. Говоря съ нимъ, она старалась разгадать выраженіе его глазъ, и часто ей дѣлалось грустно, что эти глаза принадлежатъ еле грамотному, простому Данилѣ. Развѣ онъ можетъ чувствовать и понимать все то, что говоритъ его взглядъ? Почему бы не быть такимъ глазамъ хоть у доктора?

Но когда пріѣхалъ докторъ, Ольшевская не нашла въ себѣ силы высидѣть съ нимъ цѣлый день и послѣ обѣда ушла къ себѣ въ комнату, ссылаясь на сильную головную боль. А дни все шли и шли. Теперь, засыпая, Александра Сергѣевна не видѣла уже сѣдѣющей головы Травицкаго и его властныхъ глазъ, — ее преслѣдовали другіе глаза, глубокіе, чистые глаза Данилы. «Къ чему я такъ часто объ немъ думаю?»—спрашивала себя Ольшевская, все собиралась не думать и все думала.

Разъ, въ субботу, она пошла ко всенощной. Народу было мало и, когда батюшка кадилъ передъ аналоемъ съ евангеліемъ, дымъ отъ кадила свободно носился по церкви, напоминая время хаоса, когда еще земля не была отдѣлена отъ неба. Ольшевская стояла и не молилась, а представляла себѣ Бога. Иногда ей ясно казалось, что Богъ съ своего неба видитъ и бѣдную церковь, и стараго батюшку, и тоненькія восковыя свѣчи, и ее, стоящую въ углу и такую ничтожную, такую грѣшную передъ нимъ. Тогда она становилась на колѣни и съ наслажденіемъ плотно прижималась головой къ деревянному полу. Ей хотѣлось склониться еще ниже и вѣчность переставала пугать ее. Что въ ней страшнаго, если она будетъ однимъ безконечнымъ порывомъ любви и благоговѣнія? Служба шла. Быстро, какъ жизни человѣческія, горѣли тоненькія свѣчи, что-то читали и пѣли на клиросѣ, о чемъ-то просилъ священникъ, и дымъ отъ кадила то и дѣло застилалъ воздухъ. Въ открытыя двери и окна влетали и вылетали ласточки, можетъ быть присоединяя и свою молитву къ молитвѣ людей. Когда всенощная кончилась, Ольшевская увидѣла на паперти Данилу, и они пошли вмѣстѣ. Они шли полемъ, на которомъ неподвижно стояла роскошная рожь, и говорили о Богѣ и о людяхъ.

— Мудрость человѣческая безуміе предъ Господомъ,—сказалъ, между прочимъ, Данило.—Та мы забуваемъ, что надо помнить...

— А что прежде всего нужно помнить?—спросила Ольшевская, щурясь на громадное красное солнце.

— Може всякому то, что онъ легче забувае. Мнѣ бъ надо помнить, що говорять старіи люди: дай серцу волю, заведе въ неволю. Сбирався идти въ монастырь и шовъ бы, поки...

Данило остановился и неопредѣленно махнулъ рукой.

— Що жъ поки? — спросила безпечно Ольшевская, но вдругъ почувствовала что-то въ словахъ Данилы, и вся покраснѣла. Что хотѣлъ сказать Данило? Если... если то, что ей сейчасъ показалось, то ей стыдно за себя и жаль его. Стыдно и жалко — и только. Она стала молчалива, замолчалъ и Данило. За то рожь шумѣла теперь отъ набѣгавшаго порывами вѣтра. Вмѣсто солнца взошла было луна, но скоро тучи закрыли и ее, и звѣзды. Запахло дождемъ и грозою. Но и Ольшевская, и Данило успѣли вернуться во время. Гроза ударила, уже когда они сидѣли дома, каждый со своими думами. Бабушка позакрывала окна и двери, и дождь стучалъ въ ставни, напоминая осень. И въ самомъ дѣлѣ скоро придетъ она, а вопросъ, что съ собой дѣлать—еще не рѣшенъ Ольшевской. Старинная лампа слабо освѣщала комнату, напоминая давно минувшіе длинные вечера, когда Саша читала при ней страшныя сказки, передавая ихъ потомъ Данилѣ. Что онъ теперь дѣлаетъ? Сидитъ на кухнѣ, читаетъ или думаетъ, или помогаетъ матери, можетъ быть, чиститъ самоваръ, мететъ полъ, вѣдь онъ—слуга. Можетъ и ничего не дѣлаетъ, но онъ не можетъ ни съ того. ни съ сего придти въ залъ и сѣсть рядомъ съ ней на диванѣ. Смѣшно, но разница ихъ положеній въ комнатахъ гораздо замѣтнѣе, чѣмъ въ саду, въ полѣ, на рѣкѣ. Это потому, что природа не знаетъ сословныхъ перегородокъ, какъ не знаетъ она и очень многихъ человѣческихъ условностей. Что оскорбило бы важность дивана или кресла, то не испортитъ красоты травы, камня, берега. И зачѣмъ люди связываютъ себя разными путами?—разсуждаетъ Ольшевская. Придумаютъ себѣ что нибудь неестественное, нелѣпое и, какъ язычники, поклоняются богу, созданному своими же руками. Почему мнѣ сдѣлалось стыдно, почти обидно, когда показалось, что Данило признается мнѣ въ любви? Почему я сама не влюбилась въ него, когда онъ во сто разъ лучше всѣхъ тѣхъ интеллигентныхъ, кого я знаю, когда мнѣ съ нимъ весело, интересно, когда я люблю его лицо, его глаза, голосъ? И вдругъ Ольшевской захотѣлось позвать Данилу, разсказать ему все, просить у него прощенія, любить его...

Но она не позвала Данилу; а продолжала лежать на диванѣ, разглядывая рѣзьбу его спинки и прислушиваясь къ

шуму дождя. — Откуда я взяла, что Данило можетъ меня любить? думала она черезъ полчаса. Ничего подобнаго у него и на умѣ нѣтъ, да и за что ему меня вдругъ полюбить? А не хорошо, что я такъ часто думаю о любви. Эгоизмъ это и... и просто не красиво. Надо ѣхать учиться. Буду врачемъ, и будетъ у меня дѣло, и буду приносить людямъ хоть какую нибудь пользу.

Цѣлый день Ольшевская читала, а подъ вечеръ ушла къ Днѣпру. Вечеръ былъ чудный, прохладный. Вѣтеръ чуть рябилъ воду и качалъ камыши, и ласкалъ лицо. Съ деревни неслась пѣсня, на противоположномъ берегу вспыхивали огни отъ костровъ. Варили рыбу или галушки. Ольшевской вспомнился другой вечеръ: Волга, такіе же костры и Травицкій. Какъ громко шумятъ камыши! Это ужъ не отъ вѣтра,—кто-то весломъ задѣваетъ. И, правда, плыветъ лодка. Поровнялась съ ней и остановилась.

— Барышня, хочете кататься?—говоритъ Данило, вылѣзая. Онъ блѣдный, блѣдный, вѣроятно отъ луны.

— Поѣдемъ,—отвѣчаетъ Ольшевская, но Данило бросаетъ лодку и садится рядомъ, на травѣ. Всегда онъ проситъ позволенія сѣсть, а теперь садится молча и держитъ руками голову, точно она у него болитъ.

— Данило?—вопросительно говоритъ Ольшевская и не знаетъ, что сказать дальше.

— Барышня, у меня невѣста была, давно, давно, мнѣ ще девятнадцатый годъ шовъ. Потонула она въ Днѣпру, а я ничого—жить остался, оттого что жилъ для Бога, а теперь...

Данило крѣпче сжимаетъ голову и молчитъ. Молчитъ и Ольшевская. Только камыши шелестятъ у берега.

— Барышня, Сашенька, простите!—говоритъ вдругъ Данило, протягивая къ Ольшевской руки.—Ради Христа, ради Христа!

— Данило, за что же? Данило, милый, ну милый...

Данило схватываетъ и цѣлуетъ руки Ольшевской, цѣлуетъ крѣпко, крѣпко и на эти руки бѣгутъ его слезы, склоняется голова, и Ольшевская слышитъ, какъ стучитъ его сердце.

— Данило, Данило,—говоритъ она ласково и, высвободивши одну руку, проводитъ ею по волосамъ Данилы.

— Сердце мое, радость, серденько —шепчетъ Данило... или то шелестятъ камыши, Ольшевская не слышитъ ясно. Вотъ набѣжалъ вѣтерокъ и обжегъ ей лицо и губы... или то Данило поцѣловалъ ее?

Образъ Травицкаго заслоняетъ Данилу. Или нѣтъ, кто-то другой, безконечно хорошій и безконечно любящій, милый, жданный держитъ ея руки въ своихъ и говоритъ ей что-то и

ей хорошо, хорошо оттого, что воплотилась какая-то чудная фантазія поэта и вошла въ ея жизнь.

— Сашенька, голубочко, серденько...

Камыши шелестятъ все тише и тише, звѣзды прячутся куда-то... Ольшевской кажется, что она летитъ, и у нея сладко замираетъ сердце и кружится голова. Что это—сонъ или явь? Ольшевская вскакиваетъ и осматривается. Нѣтъ, это не сонъ, но это не то, что ей нужно. О чемъ молятъ ее глаза Данилы? Какъ она хоть на минуту могла вообразить, что любитъ его, какъ могла забыться до поцѣлуя?

«...Упованіе мое Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святый...» И бабушка, какъ всегда, качаетъ головой и не спускаетъ восторженнаго взгляда со старинныхъ, одѣтыхъ серебромъ иконъ. Лампадка то вспыхиваетъ, то еле теплится, по стѣнамъ идутъ широкія тѣни. Ольшевская видитъ, какъ протягиваются къ ней руки Данилы, и все лицо ея горитъ отъ его поцѣлуевъ. Тихо, тихо кругомъ, только чуть слышно стучитъ маятникъ, а бабушка все стоитъ на колѣняхъ и молится—сколько прошло времени? Теперь, съ закрытыми глазами, Ольшевская ясно чувствуетъ, какъ наклонился предъ ней Данило. Зачѣмъ бѣжать? Предъ Богомъ всѣ, всѣ одинаково малы.

— Спишь, дѣточко?—говоритъ тотъ, кто наклонился.—Ольшевская открываетъ глаза—это бабушка.

— Бабусенька, посиди со мной,—проситъ она, какъ просила бывало въ дѣтствѣ. Какъ сказать, какъ сказать?—мучаетъ ее вопросъ. Ей хочется все разсказать, отвести душу, попросить совѣта, но нужно ли это дѣлать? Больше всего на свѣтѣ любитъ она бабушку, но развѣ послушается ея совѣта?

— Бабуничка, у меня что-то душа болитъ,—говоритъ она, прижимаясь къ бабушкѣ, но тутъ же раскаивается въ своихъ словахъ, такое страданіе и испугъ появляются на миломъ, старомъ лицѣ.

— Тебѣ скучно, Сашенька, безъ общества, только ты сама, сердце, виновата. Докторъ нарочно для тебя пріѣзжалъ, а ты спряталась.

— Да при чемъ тутъ докторъ? Ну что мнѣ, право, въ твоемъ докторѣ?

— Надо же, Сашенька, выйдти замужъ, а онъ прекрасный молодой человѣкъ и умный, и съ воспитаніемъ, и мѣсто у него хорошее. Красивый такой, за него каждая дѣвушка пойдетъ.

— А почему непремѣнно по твоему нужно выйдти замужъ?

— Это жъ не по моему, Сашенька, а всякій тебѣ то же скажетъ. Подожди, пошлетъ Господь человѣка, котораго полюбишь, тогда и сама поймешь.

— А если я полюблю женатаго, или... или совсѣмъ простого, ну хоть Данилу?

— Спаси тебя Божья Матеры! Зачѣмъ, дѣточко, говорить Богъ знаетъ что!

— То есть почему же Богъ знаетъ что? Развѣ этого не можетъ случиться?—настаиваетъ Ольшевская, чувствуя, какъ у нея колотится сердце.

— Яка жъ радость, Сашенька, любить женатаго? А грѣхъ великій. И передъ людьми стыдъ. Спаси тебя Господи. Да дѣвушка объ этомъ и думать не должна.

— И про Данилу нельзя думать?

— Про Данилу, голубятко, ты и сама не станешь думать—онъ мужикъ, а ты барышня,—говоритъ бабушка гораздо спокойнѣе, чѣмъ говорила о женатыхъ. Очевидно, съ этой стороны она не допускаетъ и мысли объ опасности, хоть и любитъ «хлопца» какъ родного.

Взгляды бабушки ясны и тверды. Вѣрны ли эти взгляды? Лампадка дрожитъ и мигаетъ и, кажется, говоритъ: вѣрны относительно Травицкаго, не вѣрны относительно Данилы. Тогда выйдти за Данилу замужъ, остаться жить въ деревнѣ простой, чистой, близкой къ природѣ жизнью? Но какъ полюбить человѣка, умъ и душа котораго свободны отъ всѣхъ приростовъ цивилизаціи, иногда не нормальныхъ, не здоровыхъ, но такихъ привычныхъ, родныхъ, часто милыхъ?

Долго не спитъ Ольшевская и мучительно думаетъ. Скоро годъ, какъ ея мысли вертятся въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Ей обидно и стыдно за себя, что вопросъ о любви сталъ для нея такимъ жгучимъ, насущнымъ вопросомъ. Да, ей стыдно, но не ложный ли это стыдъ? Можетъ быть, дѣйствительно любовь есть самое важное въ жизни? И Ольшевская думаетъ о жизни, какъ она есть на самомъ дѣлѣ и какъ изображается въ книгахъ. Нѣтъ, есть что-то высшее, лучшее. Гдѣ жъ оно, гдѣ?

Быстро, съ шумомъ и грохотомъ летитъ поѣздъ по мосту. Въ глазахъ непріятно рябитъ отъ мельканія желѣзныхъ перилъ, но Ольшевская жадно смотритъ въ окно и прощается съ Днѣпромъ. Сейчасъ въ послѣдній разъ блеснетъ его синяя вода и исчезнетъ, потомъ исчезнутъ сады и бѣлыя хаты, и пойдутъ другія рѣки, другія поля и деревни. Ахъ сердце человѣческое! Какъ часто оно само не знаетъ, чего ему нужно. Ольшевской хочется плакать, хочется оста-

новить поѣздъ, вернуть и Днѣпръ, и бабушку, и какія-то мечты, но она ѣдетъ все дальше и дальше, ѣдетъ въ чужой далекій городъ за свѣтомъ, за знаніемъ, за новой жизнью.

Какая это будетъ жизнь? Разумная, счастливая? Но въ чемъ разумъ и въ чемъ счастье? Поѣздъ стучитъ и покачивается, а Ольшевская глядитъ на убѣгающую родную землю и думаетъ, думаетъ. Она думаетъ надъ тѣми вопросами, которымъ суждено мучить всѣ мыслящія головы... по временамъ ей кажется, что рѣшить эти вопросы ясно и благоразумно мѣшаетъ что-то деспотически захватывающее и покоряющее людей своей волѣ, какія-то трудно побѣдимыя чары... Гдѣ примиреніе, гдѣ счастіе, въ чемъ свобода... Быть можетъ, она узнаетъ это тамъ, впереди, куда мчитъ ее поѣздъ?..

С. Желѣзнякъ.

Очерки законодательства о трудѣ въ Германіи *).

(Фабричная инспекція.—Промышленные суды.—Административныя дополненія къ Новеллѣ 1891 года).

Въ предыдущихъ очеркахъ мы изложили въ главныхъ чертахъ содержаніе фабричной реформы 1891 года и борьбы за нее въ рейхстагѣ.

Въ тѣснѣйшей связи съ расширеніемъ фабричнаго законодательства въ Германіи стоитъ увеличеніе состава фабричной инспекціи, за которое уже въ началѣ 80-хъ годовъ рейхстагъ высказался почти единогласно. Правительство отклонило тогда это предложеніе, мотивируя отказъ тѣмъ, что такое постановленіе можетъ быть сдѣлано только въ прусскомъ ландтагѣ. Депутаты Гитце и Либеръ внесли то же самое предложеніе въ ландтагъ; оно было и тамъ принято, но не осуществлено правительствомъ. Рейхстагъ не успокаивался, и депутаты различныхъ партій продолжали указывать на крайнюю недостаточность фабричнаго надзора, особенно въ Пруссіи. Въ засѣданіи рейхстага 19 января 1889 года Бебель «убѣдительно просилъ» союзныя правительства и въ особенности прусское обратить вниманіе на то, что необходимо увеличить составъ инспекціи и сократить размѣры каждаго округа. Во всей Германіи тогда было 48 фабричныхъ округовъ, изъ нихъ 18 въ Пруссіи, 7 въ Саксоніи, 4 въ Баваріи и по одному въ другихъ территоріяхъ. Въ то время, однако, какъ въ Саксоніи при 7 инспекторахъ находились еще 14 помощниковъ и 7 «техническихъ экспертовъ», къ обязанностямъ которыхъ, правда, относился осмотръ паровыхъ котловъ, во всей Пруссіи имѣлось 18 инспекторовъ съ 4 помощниками. Въ результатѣ, конечно, получалась невозможность внимательно слѣдить за исполненіемъ требованій закона. Условія въ Саксоніи казались еще довольно благопріятными: по отчету 1887 года, изъ 5,301 промышленныхъ предпріятій съ паровыми котлами и двигателями осмотрѣно было 3,749, или 67%. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ число ревизованныхъ фабрикъ въ отчетахъ 80-хъ годовъ колеблется между 25 и 35%. Въ Пруссіи

---

*) См. №№ 3 и 4 „Русскаго Богатства» за текущій годъ.

же надзоръ въ это время былъ несравненно слабѣе, если измѣрять его количествомъ посѣщеній: самый ретивый изъ прусскихъ Gewerberäthe, берлинскій, успѣвалъ осмотрѣть въ максимумѣ 25% всѣхъ фабрикъ. Это вполнѣ понятно, если сравнить прусскій фабричный округъ съ другими въ Германіи. Въ томъ же 1887 году на одного чина инспекціи въ Бременѣ приходилось 7,895 рабочихъ, въ Саксоніи 14,997, тогда какъ въ округѣ Аахенъ—Триръ (Пруссія) на 1 инспектора оказалось 74,375, въ Оппельнѣ—113,131, въ Берлинѣ — 124,000 рабочихъ *).

Какъ только приступлено было къ реформѣ фабричнаго закона, министръ Берлепшъ сейчасъ же заявилъ въ рейхстагѣ, что «само собою разумѣется, что составъ инспекціи будетъ увеличенъ и вся постановка ея будетъ реорганизована». И дѣйствительно, еще до вступленія въ силу новаго закона, прусское правительство провело въ ландтагѣ предложеніе, по которому, съ 1892 г. въ теченіе 4 лѣтъ, составъ инспекціи долженъ былъ быть доведенъ до 164 членовъ, изъ нихъ: 26 старшихъ инспекторовъ (Regierungs-Gewerberäte), 97 инспекторовъ (Gewerbeinspectoren) и 40 ассистентовъ. Во главѣ каждаго округа стоитъ старшій инспекторъ, и, смотря по размѣру, округъ раздѣляется на участки, отведенные отдѣльнымъ инспекторамъ. Округъ Дюссельдорфа, напр., раздѣленъ на 8 участковъ и получаетъ старшаго инспектора, его помощника, 8 участковыхъ инспекторовъ и 5 ассистентовъ. Старшій инспекторъ считается совѣтникомъ окружного правленія и является для мѣстной администраціи техническимъ совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся фабричной жизни. На каждаго участковаго инспектора въ максимумѣ—до 30,000 рабочихъ; этотъ максимумъ достигнутъ только въ центрахъ, напр., въ Берлинѣ, гдѣ промышленность сосредоточена на небольшомъ пространствѣ, и инспекторъ не теряетъ времени на разъѣзды. Въ округѣ Арнсберга, при большей разбросанности, на инспектора приходится только около 12,000 рабочихъ. Чтобы ясно представить себѣ, какъ значительно происшедшее расширеніе инспекціи, достаточно сказать, что до 1892 г. содержаніе инспекціи обходилось Пруссіи въ 184,000 мар. въ годъ, въ 1896 же году, когда реорганизація была закончена, бюджетъ инспекціи составлялъ 758,720 марокъ. Въ 1891 г. всѣхъ инспекторовъ съ

*) Послѣ цѣлаго ряда цитатъ изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, въ которыхъ заключаются жалобы на рабочихъ и на соціалъ-демократію, и послѣ сопоставленія ихъ со спокойнымъ и объективнымъ тономъ австрійскихъ и швейцарскихъ отчетовъ, Бебель, однако, заявляетъ: «Это мнѣ не мѣшаетъ признать, что въ общемъ германскіе отчеты все же чрезвычайно цѣнны; они даютъ важный и другимъ путемъ недоступный матеріалъ для оцѣнки нашихъ экономическихъ и соціальныхъ условій». Въ виду этого Бебель проситъ печатать отчеты въ полности, а не въ извлеченіи, и находитъ, что 30 — 40 т. марокъ, которыя будетъ стоить печатаніе,—вполнѣ производительная затрата.

ассистентами было 27, въ 96 г. — 163 *). По приблизительному разсчету въ Пруссіи 40,000 фабрикъ съ 1½ милліонами рабочихъ. Пруссія, такимъ образомъ, располагаетъ самымъ обширнымъ инспекторатомъ въ мірѣ: во Франціи всего 90 инспекторовъ, въ Англіи—66, въ Австріи—24.

Существенный недостатокъ въ прусской постановкѣ надзора однако тотъ, что функція инспекціи соединена съ ревизіей паровыхъ котловъ, также какъ и въ Саксоніи. Это ведетъ, во 1-хъ, къ тому, что значительная часть труда инспекторовъ уходитъ на техническія, а не на соціально-экономическія задачи; во 2-хъ, создается односторонность въ составѣ инспекціи: члены ея исключительно инженеры и техники. Первый недостатокъ смягчается тѣмъ, что значительная часть котловъ—въ Пруссіи болѣе 30%, въ Баваріи, Баденѣ и др. даже большинство — находится подъ наблюденіемъ Dampfkesselvereine, обществъ владѣльцевъ котловъ, имѣющихъ своихъ постоянныхъ ревизоровъ, такъ что для государственнаго инспектора чисто-техническая работа значительно облегчается. По инициіативѣ правительства одностороннее образованіе инспекторовъ пополняется спеціальными курсами для нихъ. Въ послѣдніе годы вновь назначенные инспектора отправляются въ Берлинъ, гдѣ имъ читаютъ лекціи по главнымъ вопросамъ политической экономіи, статистики, законовѣдѣнія. Лекторами состояли проф. Зерингъ, Постъ и др. Многому инспектора въ короткое время не могутъ научиться, но интеллигентному человѣку такіе курсы даютъ возможность оріентироваться относительно главныхъ соціально-политическихъ проблемъ, входящихъ въ кругъ его дѣятельности, и получить указанія по литературѣ практической экономіи.

Не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, но все же довольно значительно усиленъ составъ инспекціи въ Саксоніи, Вюртембергѣ и въ остальной Германіи. Уже въ инструкціяхъ и отчетахъ за 1892 и 1893 гг. вѣетъ новымъ духомъ, замѣчается болѣе внимательное отношеніе къ фабричной жизни.

Въ Баваріи правительство, не удовольствовавшись увеличеніемъ состава инспекціи, обратилось еще съ предписаніемъ къ мѣстной администраціи, въ которомъ выражено требованіе объ усиленіи дѣятельности мѣстныхъ инспекторовъ. Министерство обращаетъ вниманіе на необходимость постоянныхъ сношеній инспекціи, какъ съ хозяевами, такъ и съ рабочими; съ послѣдними черезъ выбранныхъ ими представителей. Въ виду того, что баварскими инспекторами въ теченіе года осматривается не болѣе 46% всѣхъ подчиненныхъ закону предпріятій, правительство замѣчаетъ, что этого мало и что, по крайней мѣрѣ, каждое предпріятіе съ 5 и болѣе рабочими должно бы ежегодно подвергаться контролю. Правитель-

*) Denkschrift betr. die Regelung der Gewerbsinspection. Drucksachen des preuss. Abg. 1891.

ство указываетъ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, что онѣ обязаны облегчать работу инспекціи, взявъ на себя наблюденіе за исполненіемъ чисто формальныхъ предписаній. Въ циркулярѣ съ особеннымъ удареніемъ отмѣчены сообщенія фабричнаго инспектора, въ округъ котораго входятъ Вюрцбургъ и Швейнфуртъ, и который обращаетъ вниманіе на энергичную дѣятельность мѣстнаго самоуправленія въ этихъ городахъ по улучшенію рабочихъ жилищъ. Фабричнымъ инспекторамъ особенно ставится на видъ желательность такой связи по дѣятельности съ мѣстнымъ самоуправленіемъ: гдѣ господствуетъ квартирная нужда и предпринимателями или обществами для устраненія ея не сдѣлано серьезныхъ усилій, инспекція должна повліять на общину и побудить ее взять устройство рабочихъ жилищъ въ руки города.

Во всей Германіи въ 1896 г. было 76 фабричныхъ округовъ съ 280 чинами инспекціи. Ими предпринятъ былъ въ теченіе года осмотръ 90,212 предпріятій съ 2.507,853 рабочими. Такъ какъ всѣхъ подчиненныхъ фабричнымъ законамъ промышленныхъ заведеній насчитали около 230,000, то, не смотря на усиленіе состава инспекціи, болѣе 60% всѣхъ предпріятій не были осмотрѣны хоть разъ въ годъ. Правда, къ числу тѣхъ, надъ которыми контроль фактически былъ осуществленъ, принадлежатъ, какъ показываетъ цифра рабочихъ, самыя крупныя фабрики, но едва ли въ этомъ можно найти большое утѣшеніе, такъ какъ въ мелкихъ производствахъ съ наемнымъ трудомъ постановленія закона чаще нарушаются, чѣмъ въ крупныхъ.

Что однако затрудняетъ дѣятельность инспекціи, это—отношеніе къ ней германскихъ предпринимателей, являющееся переживаніемъ старыхъ «патріархальныхъ» взглядовъ. Очень характерны показанія баденскаго фабричнаго инспектора: «Хозяева въ большинствѣ случаевъ склонны были отнестись къ обращенію ко мнѣ рабочихъ для посредничества между ними и предпринимателями, какъ къ *нарушенію дисциплины*. При нынѣшнихъ условіяхъ наша инструкція, указывающая фабричной инспекціи на благожелательное посредничество между хозяевами и рабочими, какъ на одну изъ ея главныхъ функцій, не достигаетъ цѣли. Рабочіе боятся обращаться съ жалобами и просьбами къ инспектору, потому что имѣютъ полное основаніе предполагать, что хозяинъ въ этомъ увидитъ недовѣріе къ себѣ; если жалобщиковъ и не разсчитываютъ немедленно, то во всякомъ случаѣ они послѣ обращенія къ инспектору не долго остаются на мѣстѣ. Между тѣмъ фабричный инспекторъ, помимо уже крайней желательности обращенія къ нему рабочихъ для устраненія злоупотребленій, не можетъ имѣть вѣрнаго взгляда на положеніе труда, если, какъ это было до сихъ поръ, онъ станетъ черпать свои свѣдѣнія только у фабрикантовъ» *). Верисгоферъ поэтому думаетъ, что отношенія инспекціи къ рабочимъ

*) Jahresbericht des Badischen Fabrikinspectors 1889, p. 4 и 9.



могутъ установиться вполнѣ прочно, если послѣдніе будутъ имѣть своихъ представителей, т. е. будутъ организованы. Въ Баваріи, впрочемъ, этому пытаются помочь другимъ путемъ: по настоянію палаты, въ 1895 г. правительство назначило интеллигентнаго рабочаго помощникомъ фабричнаго инспектора. Послѣднимъ нововведеніемъ въ фабричномъ надзорѣ является участіе въ немъ женщинъ. Благопріятные результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи въ Англіи, вызвали петиціи о назначеніи женщинъ-инспектрисъ и въ Германіи, и не надо думать, что эта мысль встрѣтила поддержку лишь въ радикальныхъ кругахъ, наоборотъ: защитниками женской инспекціи выступаютъ столь чуждые радикализму политическіе дѣятели, какъ національ-либеральные депутаты, бар. Гейль, Бассерманъ, кн. Каролатъ и др. *). Въ Пруссіи пока обѣщали лишь принять это желаніе къ свѣдѣнію, но въ Баваріи, Гессенъ-Дармштадтѣ и Вюртембергѣ правительство, по настоянію мѣстныхъ палатъ, уже назначило женщинъ на службу фабричной инспекціи, правда, пока лишь въ качествѣ ассистентокъ и помощницъ, имѣющихъ наблюденіе надъ исполненіемъ закона относительно женскаго труда.

Только что упомянутый отчетъ баденскаго инспектора далъ поводъ къ кампаніи мѣстныхъ фабрикантовъ противъ фабричной инспекціи, настолько характерной, что на ней надо остановиться. По баденскому примѣру мы получаемъ возможность познакомиться съ тактикой предпринимателей послѣ введенія новаго закона. Рабочая и общая политическая печать, изрѣдка отчеты фабричныхъ инспекторовъ приводили примѣры нарушеній закона отдѣльными лицами и случаи эксплоатаціи, подчасъ настолько безобразные, что противъ нихъ выступали судъ и общественное мнѣніе. Это, однако, частные случаи, которые не могутъ быть обобщены. Не на нихъ мы должны останавливаться, желая изучить идеи, настроеніе, mores цѣлой среды. По счастливой случайности, въ нашихъ рукахъ находится и матеріалъ для вполнѣ объективной оцѣнки этихъ взглядовъ. Это—переписка между обществомъ мангеймскихъ фабрикантовъ,баденскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и канцеляріей баденскаго великаго герцога, докладныя записки этого общества и отчеты о его засѣданіяхъ, помѣщенные въ Mittheilungen des Allgemeinen Fabrikanten-Vereins, Verband Mannheim за іюль 1893 года (№ 6). На обложкѣ ярко-красныхъ крупнымъ шрифтомъ обозначено: «Derjenige Theil dieser Mittheilungen, welcher die Korrespondenzen betreffend die Grossherzogl. Badische Fabrikinspection enthält, ist ausschliesslich nur für unsere Mitglieder bestimmt und deshalb streng

*) Ср., напр., отчетъ нац.-либеральной партіи о сессіи 1896—97 г. (Die Reichstags-Session 1896—97. Im Auftrage der national liberalen Partei, Heft 2, стр. 201), въ которомъ нац.-либералы съ особой гордостью заявляютъ, что они, а не соц.-демократы, потребовали назначенія женщинъ для наблюденія за мастерскими и работами въ домашней промышленности.

vertraulich zu behandeln und darf insbesonders der Presse nicht übergeben werden». Мангеймскіе фабриканты дѣйствительно имѣютъ полное основаніе желать, чтобы ихъ дѣйствія не получили широкой огласки.

Сейчасъ послѣ выхода въ свѣтъ баденскаго фабричнаго отчета за 1892-й годъ фабриканты собираются на засѣданіе. Изученіе отчета, какъ заявляетъ предсѣдатель собранія, убѣдило ихъ, что въ немъ вполнѣ выразилась «нетерпимость къ хозяевамъ и очевидная симпатія ко всему соціалъ-демократическому. Прежде всего инспекція выслушиваетъ только рабочихъ». Въ доказательство такой односторонности фабричнаго надзора въ собраніи прочитываютъ наиболѣе характерныя, оскорбительныя для фабрикантовъ и «возмутительныя» мѣста изъ отчета. Въ одномъ случаѣ инспекторъ замѣчаетъ, что рабочіе до сихъ поръ сравнительно рѣдко еще обращаются къ помощи инспектора; отчасти вслѣдствіе внѣшнихъ препятствій, какъ невозможность для самого инспектора часто видаться съ рабочими, отчасти же потому, что послѣдніе опасаются, чтобы имъ не пришлось поплатиться за свои жалобы; не безъ основанія, прибавляетъ отчетъ, и приводитъ примѣръ: въ Мангеймѣ 5 рабочихъ, спокойно и безъ рѣзкихъ выраженій указывавшіе инспектору въ присутствіи хозяина на нѣкоторые гигіеническіе недостатки фабрики, были немедленно разсчитаны. Однако, прибавляетъ инспекторъ, соціально высоко поставленные и благородно мыслящіе фабриканты относятся иначе къ жалобамъ рабочихъ. Опять слѣдуетъ примѣръ (химическій заводъ) съ поименованіемъ владѣльца въ томъ же Мангеймѣ. Въ другомъ мѣстѣ инспекторъ говоритъ о постановленіяхъ фабричныхъ правилъ и указываетъ, что не вездѣ требованіе закона, чтобы штрафы были употреблены въ пользу рабочихъ, точно соблюдалось, а гдѣ это соблюдалось, фабрикантъ иногда придавалъ штрафнымъ суммамъ характеръ какъ бы личнаго подарка. Въ главѣ о малолѣтнихъ рабочихъ упоминается, что на сигарныхъ фабрикахъ отдача въ ученичество часто ведетъ къ эксплоатаціи дѣтей, такъ какъ дѣти почти ничему не научаются и не получаютъ платы. Эти замѣчанія инспекціи, по мнѣнію мангеймскихъ фабрикантовъ, составляютъ такое явное доказательство враждебности инспекторскаго надзора, что они, для огражденія своего достоинства и интересовъ страны, должны обратиться къ министерству и самому великому герцогу: они «вынуждены обратить вниманіе на *продѣлки* инспекціи, идущей объ руку съ злѣйшими врагами порядка».

«Резолюція» доложена была великому герцогу, который попросилъ фабрикантовъ вмѣсто общихъ фразъ указать на факты, подтверждающіе неслыханное обвиненіе, взводимое на инспекцію. Министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило, что оно не въ состояніи отвѣтить на жалобу фабрикантовъ, во-первыхъ, вслѣдствіе отсутствія въ ней доказательствъ, а во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что «министерство въ выраженіяхъ резолюціи усмотрѣло крайне не-

приличный тонъ, къ какому оно не привыкло никогда прибѣгать въ своихъ собственныхъ сношеніяхъ съ представителями промышленности».

Почти одновременно съ улучшеніемъ фабричнаго законодательства въ Германіи осуществлена и другая маленькая реформа: закономъ 29-го іюля 1890 г. не введены, но правильно организованы промышленные суда, Gewerbegerichte, которымъ въ извѣстныхъ случаяхъ предоставлена и роль Einigungsämter, т. е. примирительныхъ камеръ. Только въ послѣдней своей функціи промышленные суды примыкаютъ къ соціальному законодательству, пытающемуся водворить миръ въ промышленности. Въ качествѣ же промышленныхъ судовъ, эти учрежденія не могутъ претендовать на титулъ защитниковъ рабочихъ интересовъ. Достоинства, которыми они обладаютъ, болѣе техническаго судебнаго, чѣмъ соціальнаго свойства, и выгоды отъ нихъ одинаково достаются и хозяевамъ, и рабочимъ.

Еще задолго до того, какъ отношенія въ промышленности приняли острый характеръ, въ Германіи знали товарищескіе суды и примирительныя учрежденія. Каждый цехъ имѣлъ товарищескій судъ, разбиравшій и споры между хозяевами и подмастерьями. Гдѣ существовалъ антагонизмъ между цехами, эта роль часто выпадала городскому самоуправленію. Введеніе свободы промышленности создало и въ этомъ отношеніи tabula rasa. Новые общіе суды безъ сомнѣнія были справедливы, но формальное право не всегда считается съ многообразными формами экономическихъ отношеній, судья не всегда компетентенъ въ вопросахъ промышленнаго устройства, судъ дорогъ, далекъ, медлененъ, и, что тоже имѣетъ значеніе, судиться въ общихъ судахъ почти значитъ навсегда прекратить миролюбивыя отношенія. Контрастъ съ новыми порядками въ Пруссіи представляла Рейнская провинція, гдѣ послѣ французскаго нашествія остались суды Prud'hommes. Прусское правительство не только не уничтожило ихъ, но пыталось еще насадить ихъ въ другихъ провинціяхъ; безъ достаточной, однако, энергіи и вслѣдствіе этого безъ успѣха. Гдѣ общій судъ велъ къ слишкомъ очевиднымъ неудобствамъ, на помощь являлось право городскихъ самоуправленій взять на себя разбирательство жалобъ между хозяевами и прислугой и рабочими въ качествѣ первой инстанціи, но только по незначительнымъ искамъ. Въ Саксоніи сдѣлана была попытка еще въ 50-хъ годахъ ввести особые фабричные суды; такъ какъ введеніе ихъ, однако, предоставили доброй волѣ отдѣльныхъ общинъ и профессій, то существеннаго результата и отъ этого не получилось. Промышленный Уставъ 1869 года даетъ городскимъ самоуправленіямъ право разбирательства споровъ изъ-за рабочаго договора, но опять не въ окончательной формѣ и безъ точныхъ опредѣленій компетенціи. Во Франкфуртѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ дѣйствительно возникли подобные суды на основаніи

мѣстнаго статута, но въ значительнѣйшемъ большинствѣ случаевъ и рабочему, и хозяину всетаки приходилось обращаться въ общіе суды. Чаще, чѣмъ фабриканты и фабричные рабочіе, правомъ особыхъ профессіональныхъ судовъ пользовались ремесленники, въ особенности послѣ закона 1881 г. о реформѣ цеховъ.

Между тѣмъ и въ экономической литературѣ, и на ученыхъ съѣздахъ, и въ публичныхъ собраніяхъ не прекращались требованія упрощенія суда и введенія примирительныхъ камеръ. Въ этомъ смыслѣ высказался 12-й Kongress deutscher Volkswirte въ Любекѣ въ 1871 г.; два года спустя тотъ же вотумъ принятъ былъ на съѣздѣ Verein für Socialpolitik послѣ рефератовъ Брентано и Гирша. Въ Эйзенахѣ даже рѣшено было подать петицію за примирительныя камеры рейхстагу. Идеи Мунделла и Кеттле имѣли тогда горячихъ сторонниковъ въ Германіи, крайне, правда, преувеличивавшихъ значеніе примирительныхъ учрежденій *). Только что возникшее въ Германіи тредъ-юніонистское движеніе съ своей стороны считало примирительные и третейскіе суды одною изъ составныхъ частей въ организаціи труда. Существенно мнѣнія расходились только относительно организаціи: одни требовали обязательности Gewerbekammer и Einigungsämter, другіе стояли за принципъ добровольности. Правительство не менѣе шатко относилось къ этому основному пункту. Хотя проектъ о промышленныхъ судахъ и внесенъ былъ въ 1878 г. въ рейхстагъ, но онъ остался тамъ подъ сукномъ. Правительство желало также сохранить за собой право опеки надъ судами, чего не желалъ допустить рейхстагъ. Только съ паденіемъ Бисмарка въ разгаръ «народолюбивыхъ медовыхъ мѣсяцевъ новаго курса» снова былъ выработанъ проектъ Gewerbegerichte и Einigungsaemter, который принятъ, наконецъ, рейхстагомъ.

По закону 29 іюля 1890 года, вступившему въ дѣйствіе съ 1 апрѣля 91 г., учрежденіе промышленныхъ судовъ происходитъ на основаніи обязательнаго постановленія городского самоуправленія или общины. Правительство имѣетъ право принудить общины къ изданію такого обязательнаго статута. Въ городахъ, гдѣ промышленные суды не введены, въ случаѣ спора между хозяиномъ и рабочимъ, каждая изъ сторонъ имѣетъ право обратиться къ суду представителя мѣстнаго самоуправленія или особо назначеннаго общиною лица изъ числа общинныхъ властей, и рѣшеніе въ этомъ случаѣ подлежитъ предварительному исполненію, а если въ теченіе 10 дней не послѣдуетъ обжалованіе въ общій гражданскій судъ рѣшеніе считается окончательнымъ.

Промышленные суды, учрежденные на основаніи нынѣшняго

*) Verhandlungen und Schriften des Vereins für Socialpolitik, 1878. D. r. Möller und V. Hirsch, Gewerbegerichte und Einigungsämter., Leipzig, 1892.

закона, вѣдаютъ всѣ споры между хозяевами и рабочими, вытекающіе изъ условій найма и отношеній на фабрикахъ и мастерскихъ; они вѣдаютъ также споры между самими рабочими, возникающіе вслѣдствіе принятія многими рабочими общаго заказа отъ одного и того же хозяина. Суды состоятъ изъ предсѣдателя и, по крайней мѣрѣ, двухъ засѣдателей; только въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ спорящія стороны даютъ на то согласіе, предсѣдатель рѣшаетъ единолично. Предсѣдатель избирается мѣстнымъ самоуправленіемъ, но не долженъ быть ни предпринимателемъ, ни рабочимъ. Засѣдатели избираются въ равномъ числѣ хозяевами и рабочими и выборы происходятъ тайной подачей голосовъ. Организація ихъ такая же, какъ и политическихъ выборовъ въ рейхстагѣ. Дѣлопроизводство судовъ устное и упрощенное. Адвокаты и профессіональные ходатаи не имѣютъ къ этимъ судамъ доступа. Во всѣхъ спорахъ о суммахъ менѣе 100 марокъ рѣшеніе окончательное.

Промышленнымъ судамъ по закону 1890 г. предоставлена также функція *примирительныхъ камеръ* (Einigungsaemter). Отличіе примирительной камеры отъ промышленнаго суда состоитъ въ томъ, что послѣдній рѣшаетъ споры, возникающіе изъ существующихъ договорныхъ отношеній, тогда какъ примирительныя камеры— посредники при опредѣленіи и толкованіи самихъ договорныхъ отношеній. На практикѣ роль Einigungsamt'а сводится къ примиренію хозяевъ и рабочихъ, для предупрежденія стачекъ или для окончанія уже вспыхнувшихъ стачекъ. Въ сущности, это назначеніе гораздо серьезнѣе, чѣмъ разборъ споровъ между отдѣльнымъ рабочимъ и хозяиномъ, но въ этомъ отношеніи новый законъ создаетъ только возможныя, а не обязательныя учрежденія. Промышленные суды, если они возникли въ силу постановленія города или общины, обязательны для хозяевъ и рабочихъ, примирительная же камера изъ членовъ промышленнаго суда функціонируетъ лишь при добровольномъ согласіи обѣихъ сторонъ подчиниться ея рѣшенію и даже въ этомъ случаѣ законъ не снабжаетъ камеры никакими принудительными полномочіями; каждая сторона можетъ не подчиниться рѣшенію Einigungsamt'а послѣ того, какъ она согласилась предоставить споръ на его усмотрѣніе.

Чтобы судить о достоинствахъ и недостаткахъ новаго учрежденія, какъ оно урегулировано закономъ 90 г., нужно познакомиться съ замѣчаніями, представленными въ рейхстагѣ при разсмотрѣніи правительственнаго проекта *); послѣдній, прежде чѣмъ стать закономъ, былъ значительно измѣненъ какъ коммиссіей рейхстага, такъ и при общемъ его обсужденіи in pleno. Нѣкоторыя требованія представителей рабочихъ были приняты во вниманіе, многія другія не вошли въ законъ.

---

*) Drucksache № 5. Gesetzenwurf, betr. die Gewerbeordnung. Stenogr. Bericht Anlageband I (1890) Verhandlungen, Stenogr. Bericht VIII Legisl. Bd. I, 10—28, 323—337, 421—444, 479—527.

Въ рейхстагѣ прежде всего требовали, чтобы учрежденіе промышленныхъ судовъ было признано обязательнымъ, а не зависящимъ отъ усмотрѣнія мѣстнаго самоуправленія. Это, однако, въ окончательномъ голосованіи было отклонено на томъ основаніи, что не вездѣ въ подобныхъ судахъ есть потребность, и достаточно, что правительство можетъ принудить общины къ изданію обязательнаго постановленія о промышленныхъ судахъ. Другое требованіе состояло въ томъ, чтобы промышленнымъ судамъ были подчинены всѣ виды труда: фабрики, ремесла, кустарныя производства. Законъ, однако, дѣлаетъ значительныя изъятія: имъ не подчинены заводы и фабрики военнаго вѣдомства «въ интересахъ дисциплины», только часть домашнихъ производствъ (лишь Heimarbeiter, т. е. кустарь на чужомъ матеріалѣ) подведена подъ его компетенцію; очень существенное изъятіе сдѣлано также для ремесленниковъ, принадлежащихъ къ цехамъ. Чтобы сдѣлать маленькую уступку требованіямъ цеховыхъ, правительство сохранило существовавшіе раньше цеховые суды и настояло даже на томъ, чтобы въ спорахъ между мастерами и учениками компетенція цехового (а не промышленнаго) суда обязательна была и для мастеровъ, не примыкающихъ къ цеху. Депутаты рабочихъ предлагали вовсе исключить цеховые суды вездѣ, гдѣ учреждены будутъ промышленные суды. Свободомыслящіе, нац.-либералы и соц.-демократы, послѣ того какъ это предложеніе было отклонено, потребовали, чтобъ цеховые суды разбирали только споры между ремесленниками своего цеха и учениками (но не подмастерьями) и чтобъ рѣшенія цеховыхъ судовъ подлежали обжалованію въ промышленныхъ. И это предложеніе было отклонено большинствомъ рейхстага. Оппозиціи удалось только провести подчиненіе промышленнымъ судамъ всѣхъ государственныхъ предпріятій, кромѣ военнаго и морского, тогда какъ по правительственному проекту всѣ казенныя учрежденія вообще не подлежали ихъ компетенціи.

Другія существенныя предложенія, внесенныя депутатами, касались организаціи судовъ и выборовъ въ члены суда. Отклонено было предложеніе о предоставленіи активнаго избирательнаго права (права избирать) всѣмъ достигшимъ 21-лѣтняго возраста: по нынѣшнему закону опредѣленъ для этого 25-лѣтній возрастъ. Пассивное избирательное право (быть избираемымъ въ засѣдатели) наступаетъ по закону съ 30 лѣтъ, а не съ 25, какъ требовали многіе депутаты. Въ поименномъ голосованіи большинствомъ 157 голосовъ противъ 79 отклонено предложеніе о предоставленіи избирательнаго права женщинамъ. Принято предложеніе, чтобы для полученія избирательнаго права достаточно было годичной, а не 2-хъ-годичной осѣдлости. Живыя пререканія вызвало постановленіе проекта, по которому предсѣдатели промышленныхъ судовъ, избираемые самоуправленіемъ, утверждаются въ своей должности высшей администраціей. Еще въ 1878 г. рейхстагъ не согласился предоставить

это право администраціи, вслѣдствіе чего правительство на 12 лѣтъ отказалось отъ мысли осуществить этотъ судъ. Новый рейхстагъ въ этомъ вопросѣ проявилъ меньше настойчивости. Въ законъ вошло лишь постановленіе, что, если председателемъ промышленнаго суда избрано лицо, состоящее на государственной или общественной службѣ, и при назначеніи на эту государственную или общественную должность утвержденное правительствомъ, то вторичномъ утвержденіи въ званія председателя надобности нѣтъ.

Не смотря на то, что законъ предоставлялъ учрежденіе промышленныхъ судовъ инициативѣ мѣстнаго самоуправленія, въ Германіи нѣтъ сколько-нибудь значительнаго города безъ такого суда. Въ 1894 г. ихъ было 227, теперь число ихъ доходитъ до 300. Рабочее населеніе, сначала отнесшееся недовѣрчиво или пассивно, теперь видитъ въ промышленныхъ судахъ цѣнное пріобрѣтеніе и особенно дорожитъ правомъ выбора членовъ суда. Gewerbegerichtswahlen для многихъ изъ нихъ дороже выборовъ въ думу или прусскую палату. Что касается практики судовъ, то за относительно короткое время ихъ существованія вполнѣ обнаружились тѣ достоинства, которыя имъ приписывали: простота, скорость и доступность юстиціи. Въ Берлинѣ, напримѣръ, въ 1897 г. промышленный судъ разсмотрѣлъ 13,242 жалобы, изъ которыхъ 12,683 предъявлены были рабочими и 559-хозяевами. Характерно, что только 7 разъ рабочіе жаловались другъ на друга. Почти половину всѣхъ жалобъ суду удалось удовлетворить примиреніемъ сторонъ (6,123 случая, или 46%); большинство процессовъ имѣли своимъ объектомъ цѣнность, не превышавшую 50 мар. (80,2%). Въ первую же недѣлю послѣ подачи жалобы судомъ разрѣшено 2,254 дѣла; отъ 1 до 2 недѣль пришлось ждать 6,542 жалобщикамъ, и лишь въ 31% всѣхъ дѣлъ между подачей жалобы и рѣшеніемъ прошло болѣе двухъ недѣль. Приблизительно таковы же результаты въ другихъ городахъ. Большинство всѣхъ процессовъ имѣетъ поводомъ споръ изъ-за рабочей платы, другіе же вызываются увольненіемъ отъ службы; произвольнымъ оставленіемъ работы и т. п. Безпристрастные хозяева признаютъ, что рабочіе въ качествѣ судей не обнаруживаютъ партійности и строго держатся справедливости къ обѣимъ сторонамъ. Въ качествѣ примирительныхъ камеръ промышленнымъ судамъ приходится выступать рѣдко, но и эта сторона ихъ дѣятельности уже отмѣчена хорошими результатами, какъ, напр., во время стачки портныхъ и швей въ Берлинѣ. Не забудемъ также упомянуть, что промышленнымъ судамъ принадлежитъ иниціатива общественнаго устройства найма на работы, быстро теперь развивающагося въ Германіи.

Вскорѣ послѣ принятія рейхстагомъ фабричной реформы, состоялся конгрессъ протестантскихъ пасторовъ, чиновниковъ и про-

фессоровъ, созванный придворнымъ проповѣдникомъ Штеккеромъ. Адольфъ Вагнеръ высказался на этомъ конгрессѣ по фабричному законодательству, и мы считаемъ не лишнимъ привести его отзывъ, чтобы показать, какъ въ то время умѣренная часть общества, несомнѣнно консервативная, но лично заинтересованная въ фабричныхъ дѣлахъ, относилась къ только что осуществленному законодательному акту въ пользу труда.

Вагнеръ напоминаетъ, какъ еще недавно при каждой попыткѣ законодательнаго вмѣшательства въ условія труда, предприниматели и доктринеры манчестерства подымали вопль. Теперь, по крайней мѣрѣ, никто больше не отрицаетъ права государства вмѣшиваться въ условія труда. За то въ Германіи распространено мнѣніе, что въ фабричномъ законодательствѣ нужна крайняя осторожность: «только не спѣшить, прежде надо изслѣдовать». Я первый соглашусь съ этимъ, отвѣчаетъ Вагнеръ, но вѣдь есть вопросы ясные безъ всякой анкеты, гдѣ можно говорить объ извѣстномъ минимумѣ общественныхъ обязанностей. Откладывать рѣшеніе на цѣлые годы неумѣстно и вредно, когда оно касается живыхъ людей, страдающихъ отъ настоящаго порядка. Если обратиться къ фабричной реформѣ, то относительно воскреснаго отдыха не можетъ быть сомнѣнія и противорѣчій. Однако въ защитѣ дѣтскаго труда законъ уже робокъ. Почему, въ угоду Баваріи, составляющей десятую долю Германіи, ограничить доступъ дѣтей 13, а не 14 годами, какъ этого требуютъ сами рабочіе? Предѣлы защитнаго возраста малолѣтнихъ тоже слишкомъ тѣсны: не въ 16, а въ 18 лѣтъ нужно считать юношу не нуждающимся въ большей защитѣ, чѣмъ взрослые. Для 14 и 15-лѣтняго подростка, которому еще нужно посѣщать профессіональную школу и закончить общее образованіе, достаточно 6 часовъ работы на фабрикѣ, 16—18 лѣтніе могутъ работать 8 часовъ. Привлеченіе дѣтей на фабрики усиливается въ извѣстные моменты благопріятной конъюнктуры: промышленность тогда утилизируетъ всѣ силы, какія только можно получить, и производство расширяется, но тѣмъ быстрѣе и сильнѣе наступаетъ реакція, кризисъ. Вслѣдствіе этого Вагнеръ не только не видитъ въ ограниченіи дѣтскаго труда вреда для промышленности (если послѣднюю разсматривать независимо отъ благосостоянія рабочихъ), но, наоборотъ, ограниченія и для нея очень выгодная мѣра, какъ одинъ изъ способовъ борьбы съ перепроизводствомъ и кризисами.

Самая существенная и симпатичная часть реформы—запрещеніе ночного труда женщинъ и введеніе для нихъ максимальнаго рабочаго дня. Испорчены эти постановленія, однако, тѣмъ, что максимальный день въ 11, а не въ 10 часовъ. Если считать обязательныя паузы въ 3 часа, 11 часовъ работы и 8 часовъ сна, то у женщины на все прочее: хозяйство, заботу о дѣтяхъ, умственные интересы, развлеченія,—остается 2 часа въ сутки. Слишкомъ мало не только для жены и матери, но и для взрослой дѣвушки!

Что касается взрослыхъ мужчинъ, то весьма вѣроятно, что ограниченія женскаго труда косвенно поведутъ къ максимальному рабочему дню и для мужчинъ, но законодательство поступило бы умнѣе и справедливѣе, если бы прямо установило 10 часовой рабочій день, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Вагнеръ считаетъ это практически возможнымъ и достижимымъ безъ всякаго ущерба для національной промышленности. Послѣ 10 часовъ работы 11-й и 12-й часы менѣе производительны. Нечего и говорить, что сокращеніе труда—истинная культурная задача. «Что намъ даетъ вѣкъ естественно-научныхъ открытій, котораго короли паръ и электричество, если трудъ не сталъ легче! Чтобы дать народу дѣйствительную реформу, нужно сократить рабочее время. Въ настоящее время 10 часовъ—наиболѣе справедливая и возможная мѣра». Впослѣдствіи можно будетъ еще больше сократить рабочій день, но пока и соц.-демократы, ставя принципіально требованіе 8 часовъ, серьезно имѣютъ въ виду только 10-часовой максимальный день. Часто слышится опасеніе, чтобъ сокращеніе труда не повело къ вздорожанію продуктовъ. Вагнеръ отвѣчаетъ, что нѣтъ надобности, чтобы даже при сокращеніи производств цѣны непремѣнно поднялись: вѣдь цѣны и заработная плата могутъ остаться безъ измѣненія, а сократится—предпринимательская прибыль. Es giebt je kein nothwendiges Minimum von Unternehmergewinn, wie es ein nothwendiges Minimum beim Arbeitslohn giebt.

Нельзя отрицать, что Союзный совѣтъ, какъ и правительства отдѣльныхъ странъ, пользовались предоставленными имъ закономъ полномочіями не только для того, чтобы дѣлать изъятія въ интересахъ фабрикантовъ, но и для того, чтобы распространять защиту труда. Цѣлый рядъ постановленій, изданныхъ между 1892—1897 гг. относится къ занятіямъ, представляющимъ особую опасность для здоровья и нравственности. Министръ Беттихеръ могъ заявить (12 янв. 1897 г.) въ рейхстагѣ, на упреки правительству въ недостаточномъ пользованіи предоставленнымъ ему правомъ, что однихъ распоряженій Союзнаго совѣта, касающихся защиты женщинъ, дѣтей и другихъ рабочихъ, до сихъ поръ издано 176, и много новыхъ въ томъ же направленіи уже подготовляется. Въ числѣ послѣднихъ министръ назвалъ предписаніе въ защиту рабочихъ на аккумуляторныхъ фабрикахъ, которые подвержены отравленію оловомъ; мѣры къ предупрежденію зараженія работницъ на щеточныхъ фабрикахъ, въ прядильняхъ, обрабатывающихъ конскій волосъ, а также всѣхъ рабочихъ на резиновыхъ фабрикахъ (при вулканизированіи резины, отъ сѣрнистаго углерода) и т. д. Нѣтъ, конечно, возможности перечислить здѣсь хотя бы главнѣйшія изъ изданныхъ постановленій, имѣющихъ серьезное значеніе для спеціальныхъ отраслей промышленности. Только въ видѣ примѣровъ, представляющихъ благопріятный контрастъ къ условіямъ въ нашей промышленности, мы назовемъ нѣсколько производствъ, въ кото-

рыхъ рабочіе и работницы Германіи пользуются, кромѣ общей защиты закона, еще спеціально изданными въ ихъ пользу правилами. На сахарныхъ заводахъ женщины и малолѣтніе не должны находиться въ помѣщеніяхъ, служащихъ для кристаллизаціи, въ сушильняхъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ работа происходитъ при чрезвычайно высокой температурѣ. На кирпичныхъ заводахъ малолѣтніе (моложе 18 лѣтъ) не должны допускаться къ работамъ при добычѣ и транспортѣ сырого матеріала, въ печахъ и при печахъ; женщины же, сверхъ того, не допускаются къ работамъ при формировкѣ кирпичей. Наиболѣе детальными постановленіями ограждены интересы работницъ и подростковъ на фабрикахъ сигаръ, въ которыхъ предусмотрѣны гигіеническія требованія относительно размѣра помѣщенія, высоты потолковъ, чистоты матеріала и инструментовъ, перемѣны платья. Такъ какъ сигарное производство одно изъ тѣхъ, въ которыхъ значительно распространены домашніе промыслы, и въ которыхъ даже фабрики представляютъ смѣсь фабричнаго и кустарнаго труда, то огромное значеніе имѣютъ впервые введенныя для этой промышленности постановленія (отъ 1893 г.), устраняющія эксплоатацію работницъ факторами, Zwischenmeister, и требующія, чтобы расплата, какъ и пріемъ на работы, производились самими хозяевами и ихъ уполномоченными.

Къ важнѣйшимъ вопросамъ, возбужденнымъ послѣдней фабричной реформой, принадлежитъ требованіе нормальнаго или максимальнаго рабочаго дня для всего взрослаго мужского населенія. Оно заявлено было съ двухъ сторонъ: соціалъ-демократіей, предлагавшей ввести максимальный рабочій день въ 10 часовъ, чтобы къ 1 января 1894 года уменьшить его до 9 часовъ, а съ 1 января 1898 г. до 8 часовъ,—и нѣкоторой частью гражданской демократіи изъ центра и народной партіи, требовавшей максимума въ 11 часовъ, а по субботамъ и наканунѣ праздниковъ—въ 10 часовъ. Различаясь въ конечныхъ цѣляхъ, оба предложенія аргументируютъ, однако, очень сходными доводами и мотивами. Ограниченіе рабочаго времени,—говорятъ они,—необходимое условіе для сохраненія здоровья рабочаго и предоставленія ему возможности жить съ своей семьей. Культура нашей эпохи основывается на огромныхъ успѣхахъ промышленной техники, но до тѣхъ поръ, пока не осуществлено ближайшее назначеніе всякаго техническаго развитія—сокращеніе труда человѣка, до тѣхъ поръ нельзя говорить объ участіи массъ въ нашей цивилизаціи. Соціалъ-демократы къ этому прибавляютъ: «Сокращеніе рабочаго времени тѣмъ болѣе необходимо, что съ усовершенствованіями машинъ и съ развитіемъ раздѣленія труда работы становятся интенсивнѣе, и къ рабочему предъявляются все большія требованія, если не по отношенію къ напряженію физической силы, то къ напряженію умственныхъ силъ (вниманія). Кромѣ того, всякое техническое усовершенствова-

ніе, увеличивая производительность труда, замѣняетъ въ то же время живую рабочую силу, и бороться съ вытекающею отсюда безработицей и пониженіемъ заработной платы возможно лишь путемъ постояннаго и соотвѣтственнаго сокращенія рабочаго времени» *).

Представители гражданской демократіи, высказавшіеся за 11-ти часовой максимальный день, исходятъ еще изъ той мысли, что ограниченіе рабочаго времени создастъ болѣе прочныя условія въ промышленной жизни. Сокращеніе рабочаго времени поведетъ къ увеличенію производительности труда и такимъ образомъ не только дастъ рабочему досугъ, но окажется благопріятнымъ для промышленности. Защитники этого предложенія считаютъ возможнымъ пока удовлетвориться 11-ти-часовымъ днемъ потому, что на многихъ фабрикахъ Германіи еще работаютъ 12 и 13 часовъ, слѣдовательно, законодательное урегулированіе въ ихъ смыслѣ во всякомъ случаѣ составитъ практическое пріобрѣтеніе, не говоря уже о его принципіальномъ значеніи. Въ недалекомъ будущемъ Германія, вмѣстѣ съ Австріей и Швейцаріей, можетъ быть, рѣшатся перейти и къ 10-ти-часовому максимальному дню. Возможно, наконецъ,—говорятъ инициаторы этого предложенія,—что, имѣя гарантированный закономъ 11-ти-часовой день, рабочіе собственными силами въ состояніи будутъ добиться дальнѣйшаго сокращенія рабочаго времени. Оба мнѣнія ссылаются на примѣръ Швейцаріи и Австріи. Швейцарія осуществила идею максимальнаго рабочаго дня уже въ 1878 году, и, какъ показалъ опытъ, швейцарская промышленность вполнѣ приспособилась къ новымъ требованіямъ; швейцарскіе же рабочіе въ самомъ недалекомъ будущемъ надѣются добиться сокращенія труда съ 11 до 10 часовъ **). Точно также въ Австріи, какъ показываютъ отчеты фабричныхъ инспекторовъ, нормальный рабочій день все больше примѣняется въ промышленности, и отказъ правительства продлить изъятія изъ закона ясно показываетъ, что послѣдній существуетъ не только на бумагѣ. Фактически нормальный рабочій день существуетъ и въ Англіи, такъ какъ понятіе защитныхъ рабочихъ, т. е. женщинъ, дѣтей и

---

*) Bericht der Reichstags-Commission über den derselben zur Vorberathung überwiesenen Gesetz-Entwurf betreff. Abänderung der Gewerbeordnung. Berlin, 1891, p. 88—91.

**) Въ этомъ отношеніи можно сослаться на очень цѣнное свидѣтельство д-ра Кенигса, одного изъ ближайшихъ помощниковъ прусскаго министра торговли и промышленности. Въ своей прекрасной книгѣ «Die Durchführung des schweizerischen Fabrikgesetzes», онъ на основаніи собственныхъ наблюденій подтверждаетъ, что швейцарскій максимальный день вполнѣ осуществленъ въ дѣйствительности и что даже швейцарскіе фабриканты примирились съ новыми порядками. Д-ръ Кенигсъ прибавляетъ, что Швейцарія на пути къ 10-часовому дню. Ср. также статью фабричнаго инспектора д-ра Шулера: «Der Normal-Arbeitstag in seinen Wirkungen auf die Production» (Archiv für soz. Gesetzgebung, 1891, p. 82—102), содержащую наблюденія объ отношеніи продолжительности труда къ его производительности.

подростковъ, тамъ проведено въ законѣ шире, чѣмъ въ другихъ странахъ, и это въ связи съ дѣятельностію тредъ-юніоновъ свело и трудъ взрослаго рабочаго къ 10, а въ нѣкоторыхъ производствахъ къ 9 и 8 часамъ. Консерваторы, и принципіально ничего еще не имѣвшіе тогда противъ государственнаго вмѣшательства, увѣряли однако, что нынѣшнее требованіе максимальнаго рабочаго времени слишкомъ шаблонно, такъ какъ оно не принимаетъ въ разсчетъ различныхъ условій труда, большаго напряженія или большаго вреда для здоровья въ одномъ производствѣ, нежели въ другомъ; наконецъ, оно игнорируетъ тотъ фактъ, что не всѣ виды промышленности одинаково подчинены международному рынку. На эту точку зрѣнія стало и правительство, высказавшее передъ парламентской коммиссіей свои мотивы. По отчету докладчика коммиссіи депутата Гитце,—«Введеніе максимальнаго рабочаго дня для взрослыхъ работниковъ правительству кажется неудобнымъ при настоящихъ условіяхъ. Если въ пользу предложенія (о максимальномъ рабочемъ днѣ) говорятъ, что при сокращеніи рабочаго времени не наступитъ сокращеніе рабочаго продукта, то въ столь общей формѣ это невѣрно. Уменьшеніе производства *можетъ быть* парализовано увеличеніемъ производительности труда или введеніемъ усовершенствованныхъ машинъ и методовъ работы, сберегающихъ человѣческій трудъ. Увеличеніе интенсивности труда можетъ, однако, наступить только постепенно, примѣненіе же новыхъ машинъ требуетъ отъ промышленности матеріальныхъ жертвъ. Немедленное значительное сокращеніе рабочаго времени принесетъ пользу тѣмъ иностраннымъ конкуррентамъ Германіи, которые имѣютъ болѣе искусныхъ рабочихъ и больше капитала. Внутри Германіи сокращеніе легче будетъ перенести большимъ городамъ и промышленнымъ округамъ съ издавна обученными рабочими и богатыми фабрикантами, нежели сельскимъ мѣстностямъ, въ которыхъ обрабатывающая промышленность еще недавно появилась и еще не окрѣпла. Въ этихъ видахъ представляется опаснымъ, и для интересовъ самихъ рабочихъ, внезапно сократить рабочее время, такъ какъ ближайшимъ послѣдствіемъ такой мѣры было бы сокращеніе заработковъ». Въ этихъ мотивахъ содержится, однако, не принципіальная оппозиція: министръ Берлепшъ выразился къ тому же въ рейхстагѣ, что нормальный рабочій день—такой вопросъ, о которомъ «можно толковать и спорить».

Результатъ всѣхъ дебатовъ былъ отрицательный: германскіе рабочіе не получили максимальнаго рабочаго дня, и единственная уступка, сдѣланная имъ правительствомъ и рейхстагомъ, состояла въ предоставленіи союзному совѣту права ограничить рабочее время взрослыхъ рабочихъ въ такихъ производствахъ, въ которыхъ здоровье подвергается опасности вслѣдствіе чрезмѣрной продолжительности труда (ст. 120, е). Въ коммиссіи рейхстага выражена была надежда, что правительство воспользуется этимъ своимъ правомъ

и въ особенности примѣнить его къ производствамъ, которыя предъявляютъ большія требованія къ физической силѣ рабочихъ.

Въ первый разъ Союзный совѣтъ воспользовался этимъ своимъ правомъ въ распоряженіи отъ 4 марта (н. с.) 1896 г., устанавливающемъ ограниченіе труда въ пекарняхъ. Оно вступило въ силу съ 1 іюля того же года. Какъ правительство, такъ и тѣ партіи рейхстага, которыя стали на сторону этого распоряженія, ссылались въ своихъ аргументахъ, во 1), на извѣстное изслѣдованіе Бебеля о положеніи труда въ пекарняхъ и во 2) на оффиціальное изслѣдованіе «Коммиссіи статистики труда», нарисовавшее почти въ столь же мрачныхъ краскахъ, какъ и первое изслѣдованіе, ужасныя санитарныя и трудовыя условія въ значительной части булочныхъ.

Коммиссія для статистики труда (Kommission fier Arbeiterstatistik), какъ относительно новое учрежденіе, возникшее въ связи съ народолюбивыми стремленіями въ правительствѣ и парламентѣ, заслуживаетъ особаго упоминанія. Обширныя изслѣдованія или «анкеты», издавна предпринимаемыя въ Англіи по крупнымъ вопросамъ общественной жизни съ согласія парламента, давно вызывали завистъ германскихъ экономистовъ и всѣхъ политическихъ дѣятелей: въ Германіи оффиціальныя изслѣдованія этого рода были крайне рѣдки, относились лишь къ тѣсно отмежеванному кругу промышленности и почти вовсе игнорировали желанія и мнѣнія рабочаго класса. Что же касается способа изученія условій, дававшихъ поводъ къ изслѣдованію, то наиболѣе популярная въ Англіи система допроса свидѣтелей или экспертовъ предъ коммиссіей примѣнялась лишь при изученіи условій самой промышленности (какъ, напр., въ желѣзной и прядильно-ткацкой «анкетахъ» предъ измѣненіемъ таможеннаго тарифа 1879 г.), но не ся рабочихъ. Правда, въ Германіи существуютъ превосходныя періодическія переписи населенія по занятіямъ, независимыя отъ общихъ переписей, и частными обществами, и отдѣльными учеными, какъ, напр., въ извѣстныхъ сборныхъ трудахъ общества соціальной политики, въ работахъ Туна, Сакса, Шнаппера, и мног. друг. Однако профессіональная перепись имѣетъ совершенно другія, болѣе общія задачи, чѣмъ изслѣдованіе отдѣльныхъ злобъ дня, частныя же работы не располагаютъ ни тѣмъ аппаратомъ для полученія свѣдѣній, ни тѣмъ авторитетомъ, которые отличаютъ труды оффиціальныхъ учрежденій. Чѣмъ отвѣтственнѣе слагались задачи законодательства въ области труда и чѣмъ больше при этомъ сталкивались мнѣнія и интересы въ парламентѣ, тѣмъ очевиднѣе становилась потребность во всестороннемъ изученіи условій безпристрастными и компетентными учрежденіями. Послѣдовавшее не задолго предъ тѣмъ основаніе Бюро Труда при Board of Trade въ Англіи, въ свою очередь составлявшаго подражаніе американскимъ бюро, и учрежденіе въ 1891 г. office du Travail во Франціи послужили толчкомъ къ во-

возобновленію требованій о лучшей организаціи статистики труда въ Германіи. По предварительному соглашенію съ министромъ Берлепшемъ, націоналъ-либералъ Зигле (Siegle) внесъ въ рейхстагъ предложеніе о созывѣ имперской коммиссіи для статистическаго изслѣдованія вопросовъ изъ быта рабочихъ. Предложеніе сейчасъ же встрѣтило всеобщее одобреніе. Коммиссія не имѣетъ характера казеннаго учрежденія: она на половину назначенная, на половину выборная. Правительство назначаетъ семь членовъ, рейхстагъ выбираетъ столько же членовъ изъ среды депутатовъ всѣхъ партій. Засѣданія происходятъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ товарищей статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ. Собственнаго статистическаго бюро коммиссія не имѣетъ и члены ея работаютъ безплатно, обработка же собраннаго коммиссіей матеріала происходитъ въ имперскомъ статистическомъ бюро. Если она по своей организаціи не можетъ мѣряться съ американскими, англійскими и французскими бюро, то я, однако, вполнѣ могу присоединиться къ Лексису, замѣтившему, что труды, вышедшіе изъ Kommission für Arbeiterstatistik, по крайней мѣрѣ, не хуже аналогичныхъ въ названныхъ странахъ. Коммиссія широко воспользовалась своимъ правомъ приглашать экспертовъ изъ круга какъ предпринимателей, такъ и рабочихъ (получающихъ, въ случаѣ вызова въ коммиссію, на путевые расходы и вознагражденіе за потерянное время); въ своихъ отзывахъ и предложеніяхъ она настолько безпристрастна, что въ короткое время успѣла внушить къ себѣ полное довѣріе добросовѣстныхъ людей всѣхъ партій и классовъ общества. Даже такіе фанатичные противники реформъ, какъ Штуммъ или Блокъ, не рѣшаются приписывать нежелательные имъ результаты въ трудахъ коммиссіи ея пристрастію.

Коммиссія закончила свой отчетъ канцлеру о положеніи пекарей настойчивымъ требованіемъ максимальнаго рабочаго дня въ 12 часовъ. На основаніи этого матеріала правительство составило законопроектъ, поступившій на разсмотрѣніе Союзнаго совѣта. Послѣдній нашелъ, однако, что нѣтъ надобности прибѣгать къ новому законодательному акту, такъ какъ ст. 120-я закона 1891 г. даетъ возможность быстрѣе осуществлять тѣ же задачи союзнымъ распоряженіемъ. На этомъ основаніи и изданы правила 4 марта о работахъ въ пекарняхъ, пользующихся ночнымъ трудомъ. Въ своей заботѣ о хозяевахъ Союзный совѣтъ не рѣшился принять 12 часовой день, предложенный оффиціальной коммиссіей, и ограничился требованіемъ непрерывнаго отдыха въ 8 часовъ для подмастерьевъ. Изъ остающихся 16 часовъ въ сутки въ распоряженіе хозяевъ предоставлено $13^1/_2$, лишь подъ условіемъ, чтобы между ними заключалась часовая пауза; въ противномъ же случаѣ, т. е. если трудъ происходитъ непрерывно, то рабочіе не должны работать болѣе $12^1/_2$ часовъ. Случайныя услуги не запрещаются, такъ что фактически хозяинъ можетъ пользоваться трудомъ подмастерьевъ въ предѣлахъ 16 часовъ, и сверхъ того за нимъ еще сохранено право въ теченіе 40

дней въ году (предъ праздниками, при скопленіи заказовъ) нарушать постановленія о непрерывномъ отдыхѣ подмастерьевъ.

Пекари-хозяева собирались на собранія и подавали петиціи правительству противъ новыхъ правилъ, грозящихъ будто бы паденіемъ ремесла и уничтоженіемъ старыхъ патріархальныхъ отношеній. Такъ какъ распоряженіе Союзнаго совѣта впервые затрогивало условія труда въ ремеслѣ, то и другіе ремесленники-хозяева поддерживали протестъ пекарей, опасаясь распространенія государственнаго вмѣшательства въ область своихъ профессій. Замѣчательно отношеніе рабочихъ: какъ ни несовершенно распоряженіе, изданное въ ихъ пользу, но они горячо его отстаивали, и на петиціи хозяевъ булочныхъ послѣдовали контръ-петиціи подмастерьевъ, просившихъ объ осуществленіи распоряженія Союзнаго совѣта.

Консервативная партія вмѣстѣ съ 8 «вольными» консерваторами, среди которыхъ, конечно, красуется бар. Штуммъ, и 2 антисемитами вносятъ въ рейхстагъ запросъ, выражающій сомнѣніе въ правѣ Союзнаго совѣта причислять пекарни къ производствамъ, представляющимъ неблагопріятныя для здоровья условія труда. Интерпеллянты сомнѣваются даже, не нарушилъ ли вообще Союзный совѣтъ права рейхстага, предоставивъ себѣ прерогативу замѣнять законъ распоряженіемъ? Консерваторы оказываются вдругъ охранителями парламента и сожалѣютъ, что въ свое время, при обсужденіи закона 1891 г., не принято было предложеніе свободомыслящихъ, чтобы всякое распоряженіе Союзнаго совѣта теряло силу, если этого потребуетъ рейхстагъ. Консерваторъ гр. Книппгаузенъ находилъ дѣйствія правительства—«сомнительнымъ соціальнымъ диллетанитзмомъ». Нѣсколько сдержаннѣе было отношеніе націоналъ-либераловъ, увѣрявшихъ, будто еще не доказано, что гигіеническія условія въ булочныхъ требуютъ особаго къ себѣ вниманія правительства, и будто новое распоряженіе имѣетъ то большое неудобство, что ведетъ къ вытѣсненію мелкихъ пекарень съ 1—2 рабочими—болѣе крупными, работающими двумя смѣнами. Если кого надо защищать, говорили они, то только малолѣтнихъ и подростковъ; что же касается максимальнаго рабочаго дня для взрослыхъ, то несомнѣнно существуютъ другіе, болѣе вредные промыслы, въ которыхъ его раньше слѣдовало бы ввести. Всѣ эти соображенія давали націоналъ-либераламъ возможность съ достоинствомъ стать на сторону хозяевъ. Интересы рабочихъ нашли защиту со стороны депутатовъ центра и соціалъ-демократіи. Клерикалъ Гитце и соціалъ-демократъ Молькенбуръ данными, заимствованными изъ оффиціальнаго изслѣдованія, могли доказать, что при отсутствіи контроля условія труда въ булочныхъ представляютъ опасность не только для самихъ рабочихъ, но и для всего потребляющаго населенія. По окончаніи дебатовъ консерваторы внесли очередной порядокъ, просившій Союзный совѣтъ пока не приводить въ исполненіе распоряженія о булочныхъ. Въ рейхстагѣ, однако, наступилъ

перерывъ сессіи, и 1-го іюля н. с. правила о булочныхъ вступили въ силу. Консерваторы не унимались, и Штуммъ снова внесъ предложеніе, уже не объ отмѣнѣ распоряженія Союзнаго совѣта, но объ его «измѣненіи соотвѣтственно справедливымъ интересамъ пекарной промышленности». При дебатахъ, происходившихъ по этому поводу 5 марта 1897 г., министръ Беттихеръ заявилъ, что еще въ сентябрѣ прошлаго года правительство, въ виду агитаціи булочниковъ-хозяевъ и протеста консерваторовъ, обратилось къ союзнымъ государствамъ съ запросомъ о примѣненіи новыхъ правилъ и въ особенности объ ихъ вліяніи на «прежнія добрыя отношенія между хозяевами и подмастерьями». Полученные отвѣты, заявилъ Беттихеръ, констатируютъ, что въ столь короткое время еще нельзя придти къ окончательному результату о пользѣ или вредѣ новой мѣры. Правда, изъ Гамбурга, Любека, Мюнхена мѣстныя власти сообщаютъ, что мастера въ среднихъ производствахъ страдаютъ отъ послѣдовавшей регламентаціи, такъ какъ имъ приходится увеличивать составъ рабочихъ, не увеличивая при этомъ сбыта. Изъ большинства другихъ отвѣтовъ можно усмотрѣть, что переходное время во всякомъ случаѣ связано для хозяевъ съ большими неудобствами; тѣ же отчеты, однако, сообщаютъ, что подмастерья чрезвычайно довольны новыми правилами, и что нерѣдко встрѣчаются и хозяева, которые ихъ одобряютъ. Въ отвѣтахъ, въ которыхъ подчеркнуто нарушеніе патріархальныхъ отношеній вслѣдствіе введенія правилъ, причиной этого указаны «естественныя стремленія мастеровъ какъ можно больше использовать рабочее время, тогда какъ подмастерья настаиваютъ на точномъ соблюденіи предоставленнаго имъ гигіеническаго рабочаго дня». Не смотря на всѣ жалобы консерваторовъ и антисемитовъ,—послѣдніе требовали полной отмѣны правилъ, увѣряя, что правительство введено въ заблужденіе, мастера погибаютъ, а рабочіе вовсе не нуждаются въ огражденіи,—предложеніе объ измѣненіи распоряженія Союзнаго совѣта отклонено было большинствомъ 148 противъ 104 голосовъ. Соціалъ-демократы вообще отклоняли пересмотръ правилъ, если и нуждающихся въ измѣненіи, то скорѣе въ направленіи усиленія защиты труда; центръ и свободомыслящіе не отрицали желательности измѣненій по мѣстнымъ условіямъ, но находили ихъ преждевременными *).

Въ сравненіи съ широкими перспективами, которыя открывали рескрипты Вильгельма II, и съ тѣми требованіями, которыя ставили сами массы, всѣ эти поправки, однако, слишкомъ незначительны. Чѣмъ замѣтнѣе остывало рвеніе правительства въ рабочемъ законодательствѣ, тѣмъ энергичнѣе защитники соціальныхъ реформъ

*) Berichte über die Verhandlungen des D. R. 9 Legislatur, 4-e Session (1896—97). Cp. Berichte über die Reichstagssession 1896—97, dargestellt in Auftrage der national-liberalen Partei, Heft. II, S. 192—195.

въ рейхстагѣ отстаивали необходимость какъ дальнѣйшаго распространенія законодательства на новыя сферы труда, такъ и болѣе интенсивнаго осуществленія защиты фабричнаго труда союзными и мѣстными распоряженіями. Еще въ началѣ сессіи 1895—96 г. вождь центра, Либеръ, и соціалъ-политикъ этой партіи Гитце предлагають рейхстагу, во 1-хъ: болѣе, чѣмъ до сихъ поръ, обезпечить осуществленіе выраженной въ фабричномъ законѣ мысли о защитѣ здоровья и нравственности рабочихъ, въ особенности работницъ и малолѣтнихъ, изданіемъ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ распоряженій; во 2-хъ: подготовить распространеніе постановленій фабричнаго закона, относящихся до защиты женщинъ и малолѣтнихъ, на домашнюю промышленность, принявъ во вниманіе вліяніе фабричнаго законодательства на увеличеніе послѣдней. Въ засѣданіи отъ 15 января н. ст. 1896 г. рейхстагъ принимаетъ эту резолюцію *единогласно*, замѣнивъ лишь слова: «болѣе, чѣмъ до сихъ поръ» выраженіемъ «immer wirksamer». Гитце въ обширной рѣчи доказывалъ, что правительство и парламентъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ успокоиться на томъ, что до сихъ поръ сдѣлано было для облегченія участи труда. Кромѣ усиленія требованій закона въ области фабрично-заводской промышленности, въ ближайшее время главными задачами общественной власти должны быть: широкое распространеніе основныхъ идей защиты здоровья рабочихъ во всѣхъ тѣхъ спеціальныхъ отрасляхъ труда, въ которыхъ работы или вовсе вредны, или же требуютъ недопущенія женщинъ и дѣтей. Необходимо зорко слѣдить за всѣми предложеніями, исходящими отъ фабричныхъ инспекторовъ, мѣстныхъ правительствъ, товариществъ страхованія, рабочихъ обществъ. Мѣры, оказавшіяся полезными въ одной мѣстности, должны быть распространены на всю страну. Въ то же время нельзя не считаться съ фактомъ перехода защитныхъ рабочихъ въ домашнія производства, представляющія часто картину жесточайшей эксплоатаціи, печальнѣйшаго разрушенія человѣческой жизни.

Въ послѣднемъ отношеніи наиболѣе грустными, по сознанію всѣхъ партій рейхстага, являются условія жизни работницъ въ производствахъ бѣлья, платья и различныхъ предметовъ, входящихъ въ кругъ Confection. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ вспыхнуло движеніе берлинскихъ работницъ въ этомъ производствѣ, націоналъ-либералы баронъ Гейль, Гассе, кн. Шейнахъ-Каролатъ и многіе другіе внесли въ рейхстагъ запросъ, указывающій, что еще 10 лѣтъ тому назадъ, по предложенію парламента, произведенное изслѣдованіе о положеніи швей и портнихъ обнаружило въ этой области труда нужду и злоупотребленія, противорѣчащія основнымъ требованіямъ справедливости и человѣколюбія. «Такъ какъ съ тѣхъ поръ положеніе работницъ стало еще неблагопріятнѣе, то интерпеллянты запрашиваютъ союзныя правительства: Какія законодательныя мѣры послѣднія предполагаютъ

принять для защиты здоровья и нравственности работницъ и противъ эксплоатаціи ихъ системой расплаты товарами?» Иниціаторъ запроса, бар. Гейль, мотивировалъ его въ рейхстагѣ, находясь уже, какъ и весь парламентъ и все населеніе Берлина, подъ впечатлѣніемъ вспыхнувшей стачки, въ которой трудно было не услышать отчаяннаго крика голода. Ораторъ охарактеризовалъ господствующую въ Confection систему, по которой не только предприниматели основываютъ производство на крайне низкихъ цѣнахъ за трудъ, но и при этихъ низкихъ цѣнахъ часть заработка поглащается промежуточнымъ эксплоататоромъ, Zwischenmeister, соотвѣтствующимъ вполнѣ англійскому sweater'у (какъ и вообще нѣмецкая Schwitzsystem во всѣхъ своихъ деталяхъ составляетъ точную копію англійской). Указавъ на распоряженіе 1893 г., которымъ устранена эксплоатація работницъ факторами въ сигарной промышленности, бар. Гейль требуетъ такого же закона для Confection, какъ и осуществленія другихъ справедливыхъ требованій работницъ: точно опредѣленныхъ тарифовъ заработной платы, еженедѣльной расплаты съ работницами, постановленій о пріемѣ товара безъ потери времени и нѣкоторыхъ другихъ. Замѣтивъ, что въ домашнихъ промыслахъ вообще господствуютъ злоупотребленія трудомъ, націоналъ-либеральный депутатъ ставитъ слѣдующія 4 требованія: 1) распространеніе статей фабричнаго закона (ст. 154, п. IV предоставляетъ это право императору съ согласія Союзнаго совѣта), ограничивающихъ рабочее время женщинъ и подростковъ, запрещающихъ ночную работу и предписывающихъ обязательныя паузы—на всѣ мастерскія; 2) примѣненіе требованій закона о защитѣ здоровья и нравственности рабочихъ на всѣ домашніе промыслы; 3) распространеніе на предпринимателей обязательства показывать мѣстной полиціи, сколько на каждаго хозяина работаетъ женщинъ и подростковъ, и 4) учрежденія спеціальной инспекціи для работницъ въ мастерскихъ и домашнихъ производствахъ съ участіемъ въ инспекціи женщинъ. Ораторы всѣхъ другихъ партій вполнѣ присоединились къ выраженнымъ бар. Гейлемъ требованіямъ, министръ же Беттихеръ отъ имени правительства заявилъ, что уже приступлено къ обсужденію мѣръ, которыя могли бы, если не положить конецъ, то хотя бы поставить нѣкоторыя преграды ужасающей, и по его мнѣнію, эксплоатаціи. Коммиссіи по рабочей статистикѣ поручено произвести изслѣдованіе и предложить нужныя мѣры въ защиту работницъ. Ограниченіе рабочаго времени, равно какъ и средства къ устраненію безнравственной зависимости отъ Zwischenmeister'овъ, являются, по заявленію Беттихера, необходимыми мѣрами. Министръ считаетъ даже возможнымъ поставить вопросъ: не слѣдуетъ ли измѣнить въ этихъ промыслахъ всю нынѣшнюю форму производства такъ, чтобы въ будущемъ всѣ работы исключительно производились въ мастерскихъ предпринимателя? Во всякомъ случаѣ хозяевъ можно будетъ обязать заклю-

чать съ работницами письменные договоры, въ которыхъ должны быть точно опредѣлены, какъ мѣра требуемаго труда, такъ и вознагражденіе за него и цѣны за полученные матеріалы. Правительство дѣйствительно не медлило исполненіемъ своихъ обѣщаній: 19 мая 1897 г. императоръ, съ согласія Союзнаго совѣта, издалъ распоряженіе, распространяющее на мастерскія, въ которыхъ изготовляютъ платье и бѣлье, нѣсколько наиболѣе существенныхъ статей фабричнаго законодательства *). Подъ мастерскими это распоряженіе понимаетъ лишь такія помѣщенія, въ которыхъ изготовляются предметы Confection, платья и бѣлья, въ качествѣ постояннаго занятія и при помощи наемнаго труда. На семейныя производства въ тѣсномъ смыслѣ слова распоряженіе не распространяется. Содержаніе его состоитъ въ запрещеніи труда дѣтей моложе 13 лѣтъ; дѣти отъ 13 до 14 лѣтъ могутъ работать лишь въ случаѣ, если не обязаны посѣщать школу, и не болѣе 6 часовъ въ сутки. Малолѣтніе, 14—16 л., не должны работать болѣе 10 часовъ и лишь днемъ между $5^1/_2$ утра и $8^1/_2$ вечера, притомъ имъ должны быть предоставлены правильныя паузы: не менѣе одного часа для обѣда и двухъ получасовыхъ, или же одна непрерывная пауза въ $1^1/_2$ часа. Воскресный трудъ малолѣтнимъ совершенно запрещается. Женщины, какъ и на фабрикахъ, пользуются 11 часовымъ максимальнымъ рабочимъ днемъ, наканунѣ праздниковъ—10 часовымъ и не должны допускаться къ работамъ по ночамъ, отъ $8^1/_2$ ч. вечера до $5^1/_2$ утра. Роженицамъ запрещена работа въ теченіе четырехъ недѣль послѣ родовъ; въ теченіе слѣдующихъ двухъ недѣль онѣ могутъ быть допущены къ работѣ лишь съ разрѣшенія врача. Какъ и въ фабричныхъ сезонныхъ работахъ, изъятія изъ максимальнаго рабочаго дня допускаются въ продолженіе 60 дней въ году. Предприниматели всѣхъ такихъ мастерскихъ обязаны сообщать мѣстной администраціи о женщинахъ и дѣтяхъ, работающихъ на нихъ, и вывѣшивать въ своихъ помѣщеніяхъ списки этихъ рабочихъ, съ точнымъ обозначеніемъ начала и конца работъ и паузъ, а также извлеченія изъ постановленій закона.

Не довольствуясь обезпеченіемъ участи женщинъ и дѣтей въ Confection, центръ и соціалъ-демократы настаиваютъ на распространеніи фабричнаго закона на всю область домашней промышленности. Съ другой стороны, услышавъ о намѣреніи правительства и рейхстага подчинить Hausindustrie дѣйствію фабричныхъ законовъ, общества предпринимателей и торговыя камеры подымаютъ агитацію противъ государственнаго вмѣшательства, увѣряя, что это погубитъ существованіе многихъ отраслей экспорта. Однако, баронъ Гейль, Беннигсенъ и другіе націоналъ-либералы, за исключеніемъ немногихъ принципіальныхъ противниковъ всякаго

---

*) Reichstag. 9 Legislatur-Periode, IV Session 1895—97, Drucksache № 914 (сообщено рейхстагу 8 іюня 1897 г.).

рабочаго законодательства, вносятъ въ декабрѣ 1897 г. въ рейхстагъ предложеніе, облеченное въ форму закона: распространить главныя статьи фабричныхъ законовъ на *всю* область домашней промышленности, насколько она пользуется наемнымъ трудомъ *). Сверхъ того, законопроектъ національ-либераловъ содержитъ въ себѣ рядъ спеціальныхъ постановленій, вызываемыхъ особыми условіями домашнихъ производствъ. Такъ, напримѣръ, вычеты изъ заработной платы за наемъ помѣщенія, освѣщеніе, пользованіе инструментами должны быть запрещены, за дурную работу вычетъ разрѣшается лишь при умыслѣ или грубой небрежности рабочихъ. Предприниматели отвѣтственны за дурныя помѣщенія, обязаны вести разсчетныя книжки и т. п. Проектъ еще ждетъ своего обсужденія въ рейхстагѣ, но не подлежитъ уже сомнѣнію, что въ самомъ близкомъ будущемъ рабочее законодательство распространено будетъ и на домашнія производства.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что въ Германіи начинаютъ включать въ кругъ защитныхъ рабочихъ также приказчиковъ. Изъ благодѣяній фабричнаго закона на долю приказчиковъ и дѣтей, служащихъ въ торговлѣ, пришлось только установленіе обязательнаго воскреснаго отдыха. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ,—въ защитѣ женщинъ и малолѣтнихъ, борьбѣ съ антисанитарными условіями помѣщеній и мн. др.,—законодатель обошелъ тружениковъ торговли, почему-то считая ихъ менѣе нуждающимися въ защитѣ, чѣмъ фабричныхъ и другихъ рабочихъ промышленности. Въ дѣйствительности, однако, въ торговлѣ не меньше темныхъ сторонъ, чѣмъ въ промышленности: продолжительность труда, негигіеничность лавокъ и амбаровъ и неравенство договаривающихся сторонъ въ торговлѣ часто еще хуже, нежели на фабрикѣ. Распространенное мнѣніе, будто трудъ приказчика легокъ, такъ же основывается на заблужденіи: забываютъ, что приказчику и приказчицѣ рѣдко удается присѣсть, что въ иныхъ случаяхъ у нихъ требуется (какъ, напр., въ складахъ, торговляхъ съѣстными припасами, углемъ и т. п.). чрезвычайное мускульное напряженіе, въ другихъ же къ физическимъ усиліямъ присоединяется и умственный трудъ, и притомъ въ обстановкѣ, утомляющей вниманіе и раздражающей нервы.

Неудивительно потому, что вскорѣ послѣ принятія закона 1891 г. среди приказчиковъ началось движеніе за сокращеніе рабочаго времени и распространеніе на торговлю большинства предписаній фабричнаго закона. Правительство и рейхстагъ тѣмъ болѣе имѣли основаніе внимательно прислушиваться къ этимъ требованіямъ, что приказчики въ Германіи относительно хорошо организованы. Такъ, напр., Deutcher Verband Kaufmännischer Wereine, состоящій главнымъ образомъ изъ приказчиковъ, насчитываетъ 87,600 чле-

---

*) Gesetz betreffend den Arbeiterschutz in Werkstätten der Hausgewerbetreibenden. Reichstag 1898, Aktenstück № 37.

ковъ; Verband deutcher Hahdlungsgehilfe въ Лейпцигѣ имѣетъ около 40,000; Общество торговыхъ приказчиковъ, осков. въ 1858 г., въ Гамбургѣ—около 42,000 членовъ. Коммиссія статистики труда, состоящая на половину изъ депутатовъ рейхстага, и на половину изъ чиновниковъ по назначенію правительства, подвергла поэтому условія наемнаго труда въ торговлѣ тщательному изученію по всей Германіи. Результатомъ ея трудовъ *) было предложеніе канцлеру ввести обязательное закрытіе торговли въ будни въ 8 час. вечера. На основаніи подробной статистики, составленной по показаніямъ 67 союзовъ какъ хозяевъ, такъ и приказчиковъ, и опроса въ 374 городахъ и мѣстечкахъ, сдѣланнаго въ 8,235 торговыхъ предпріятіяхъ разнаго рода, коммиссіей обнаружено существованіе цѣлаго ряда злоупотребленій трудомъ, безусловно требующихъ вмѣшательства закона. Главное зло—чрезмѣрная продолжительность труда, почти въ половинѣ всѣхъ предпріятій превышающая 14 часовъ въ сутки; въ 6,5% торговыхъ заведеній работа продолжается болѣе 16 час. въ сутки. Въ рѣдкихъ случаяхъ приказчику и ученику предоставляютъ правильныя паузы для обѣда. Коммиссія подтвердила также справедливость жалобъ на существующіе порядки договора найма, тогда какъ другой изъ упрековъ, часто раздающійся въ приказчичьихъ кругахъ, хозяевамъ, будто система ученичества, въ сущности, сводится къ замѣнѣ наемнаго труда взрослаго безплатной работой ребенка, въ дѣйствительности оказался преувеличеннымъ. На 16,845 приказчиковъ и приказчицъ (8,211 м. и 8,634 ж.), опрошенныхъ по порученію коммиссіи, пришлось лишь 6,880 учениковъ и ученицъ, т. е. на 100 взрослыхъ 29 дѣтей.

На заключеніе коммиссіи о необходимости всеобщаго сокращенія труда въ торговлѣ и распространенія на нее предписаній фабричныхъ законовъ несомнѣнное вліяніе оказала записка имперскаго бюро народнаго здравія (Kaiserliches Gesundheitsamt). На основаніи данныхъ, собранныхъ коммиссіей, и показаній кассъ страхованія отъ болѣзней, сопоставленыхъ съ нѣкоторыми данными иностранной статистики, имперское бюро полагаетъ, что трудъ приказчика въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть названъ легкимъ, и условія, при которыхъ онъ происходитъ, въ особенности же его продолжительность въ связи съ стоячей дѣятельностью, вредно отражается на жизни и здоровьи приказчика. Въ видѣ примѣра приведемъ только одинъ фактъ: въ то время, какъ во всѣхъ классахъ страхованія отъ болѣзни на одного больного приходится 17—18 дней болѣзни, въ приказчичьихъ кассахъ оказывается 20—22 дня. Чтобы достигнуть существенныхъ улучшеній—такъ заканчивается записка высшаго медицинскаго учрежденія,—рабочее время должно

---

*) Drucksachen der Kommission für Arbeiterstatistik. Erhebungen № 5. и № 7. Verhandlungen № 3. Berlin, Heimanns Verlag, 1893—97.

быть сокращено, и это въ особенности необходимо для дѣтей моложе 16 лѣтъ.

Предположеніе коммиссіи, хотя и поддержанное многими торговцами, встрѣтило, однако, сопротивленіе со стороны большинства купечества, и этому надо приписать, что оно до сихъ поръ не внесено было правительствомъ въ рейхстагъ. Весьма вѣроятно, однако, что урегулированіе труда въ торговлѣ будетъ одной изъ главныхъ темъ ближайшей сессіи рейхстага. Послѣдній едва ли удовлетворится постановленіями въ защиту наемнаго труда, которыя въ промежуткѣ между фабричнымъ закономъ и особымъ проектомъ въ защиту приказчичьяго труда внесены были въ новое торговое уложеніе (вступающее, впрочемъ, въ силу лишь съ 1900 г.). Въ этихъ постановленіяхъ безспорно много хорошаго: они заключаютъ въ себѣ требованіе гигіеническаго устройства помѣщеній, запрещеніе злоупотребленія ученичествомъ, пользованія дѣтскимъ трудомъ для частнаго хозяйства предпринимателя, устанавливаютъ болѣе справедливыя условія договора; но какъ эти, такъ и нѣкоторыя другія постановленія въ пользу труда далеко не охватываютъ всей сферы наемныхъ отношеній и не предусматриваютъ постояннаго контроля за исполненіемъ закона, въ лицѣ инспекторовъ, который здѣсь не менѣе необходимъ, чѣмъ на фабрикѣ.

Г. Іоллосъ.

Разсказы Дэнгля (А. Томсона).

(Съ англійскаго).

I

Подарокъ пруссака.

(Рождественскій разсказъ).

Былъ рождественскій сочельникъ,—тотъ вечеръ, когда на землѣ бываетъ миръ и въ человѣкахъ благоволеніе. Отрядъ національной гвардіи, въ шинеляхъ, карабкался по крутому лѣсистому обрыву, поднимаясь къ деревушкѣ, гдѣ хорошенькіе бѣлые и голубые домики были разбросаны среди большихъ огородовъ, уже окутанныхъ мракомъ. Въ этотъ вечеръ тутъ можно было—не правда ли?—встрѣтить веселье, смѣхъ, яркіе огни? Вѣдь былъ рождественскій сочельникъ—время мира на землѣ и благоволенія въ человѣкахъ.

Съ линіи фортовъ, баттарей и редутовъ, освѣщенныхъ заревомъ огней, доносился страшный гулъ и трескъ. Рожденіе Христа встрѣчалось здѣсь, среди христіанскихъ народовъ, громомъ безпощадной пальбы, какой никогда не слышалъ міръ. Гвардейцы, взбиравшіеся по крутизнѣ, чувствовали, какъ земля дрожитъ подъ ихъ ногами.

— Боже Ты мой!—вздыхалъ Жакъ Гревенъ, съ высоты своего роста обращаясь за сочувствіемъ къ маленькому сосѣду, капралу Анри Фердю.—А въ прошлый сочельникъ я ѣлъ гуся... Проклятая сволочь пруссаки!

Капралъ Фердю дѣлаетъ видъ, что не слышитъ, и шагаетъ въ гору.

— И еще подъ соусомъ,—разсуждаетъ Жакъ.—Чортъ побери, люблю соусы! А огонь на очагѣ! Божественно! Право, точно въ аду: такая жара!... Послушай, ты развѣ забылъ, что нынче рождественскій сочельникъ?

— Не забылъ,—отвѣчаетъ неохотно капралъ.

— Чего же ты молчишь? Человѣкъ еле ворочаетъ языкомъ, когда рѣчь идетъ о Рождествѣ и о жирномъ рождественскомъ

гусѣ подъ соусомъ! Такіе люди опасны для общественнаго спокойствія!... О, канальи!—продолжаетъ Жакъ по адресу просвистѣвшей мимо нихъ бомбы.—Они не соблюдаютъ даже простой вѣжливости христіанскаго народа! Пусть-ка мой штыкъ наткнется на этихъ мерзавцевъ! У дьявола на балу станетъ тѣсно. А пока, Анри, нашъ христіанскій долгъ—помнить про сочельникъ. Послушай: ты ѣдалъ хорошаго гуся? Жирнаго, знаешь ли? Подъ соусомъ?

— Сколько разъ,—вздыхаетъ маленькій капралъ.

— Ишь ты! Кто бы могъ подумать! «Сколько разъ»! А самъ молчитъ. Ну, если ужъ намъ не придется справлять нынче сочельникъ, разскажи, по крайней мѣрѣ, про тѣхъ гусей. Разсказывай, братъ, по порядку. Да не забудь про соусы.

— Оставь меня, Жакъ. Мнѣ не до шутокъ.

— Давно замѣтилъ, дружище, и жалѣю. Это, не въ обиду будь сказано, большой изъянъ въ тебѣ. Человѣкъ, который не любитъ разсказывать про рождественскаго гуся подъ соусомъ, легко можетъ быть заподозрѣнъ въ атеизмѣ. Еще если бъ я говорилъ про кошекъ или крысъ, которыхъ ни подъ какимъ соусомъ не съѣшь! Чортъ побери, божественные гуси!... Ну скажи, что бы ты сейчасъ съѣлъ?

— Вотъ этихъ проклятыхъ бестій пруссаковъ, вотъ кого я съѣлъ бы!—не выдержалъ маленькій капралъ.—Мнѣ надоѣло лежать въ траншеяхъ и ждать, пока меня подстрѣлятъ. Я хочу напиться ихъ крови!

— Странный у тебя вкусъ!—засмѣялся Жакъ.—По мнѣ, лучше бы стаканчикъ абсенту.

— Какъ ты можешь шутить такими вещами! Не слышалъ развѣ, какъ они сажаютъ на штыки младенцевъ? Какъ душатъ дѣтей? А женщины?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я побывалъ въ Баваріи и видѣлъ ихъ у себя дома, я что-то не довѣряю этимъ страннымъ разсказамъ.

— Да, ты всегда ихъ защищаешь! Если бы я не зналъ тебя такъ...

Трахъ!

Онъ не успѣлъ кончить. Ружейный залпъ остановилъ ошеломленныхъ французовъ. Они стояли лицомъ къ лицу передъ сильной баварской засадой. Черезъ мгновеніе капралъ Фердю лежалъ безъ чувствъ и истекая кровью у края пруда.

— Впередъ, молодцы!—вскричалъ лейтенантъ. Французская колонна ринулась на врага. Въ продолженіе четверти часа среди этихъ христіанскихъ воиновъ разыгралась такая дикая оргія рѣзни, что лукавымъ духамъ ада оставалось только щелкать зубами изъ зависти. Они бились въ темнотѣ ночи, душили другъ друга, рѣзали, кололи, рвали штыками, не выпуская врага.

даже тогда, когда скатывались въ предсмертной агоніи въ окровавленныя воды пруда.

Когда Жаку Гревенъ случалось разсказывать объ этой рѣзнѣ, онъ всегда утверждалъ, что она продолжалась не болѣе минуты. Но въ этомъ онъ ошибался.

— Вдругъ сверкнула молнія и грянулъ громъ,—объяснялъ онъ впослѣдствіи маленькой дѣвочкѣ, которая съ удивленіемъ слушала его, сидя у него на колѣняхъ въ сочельникъ, какъ разъ на другой годъ послѣ той рѣзни.—Я почувствовалъ боль въ ногѣ и убѣжалъ.

— Раненый въ ногу, съ человѣкомъ на спинѣ,—прибавилъ съ тихой улыбкой отецъ дѣвочки.

— Да, душенька; о немъ я и позабылъ!—продолжалъ Жакъ.— Тамъ дѣйствительно былъ глупый маленькій человѣкъ, и вообрази: онъ лежалъ смирно-смирно на землѣ среди шума и крика. Правда, какой глупый человѣкъ?

— Да!—засмѣялась Жанета.—Онъ спалъ?

— Онъ никогда не проснулся бы,—отвѣчалъ отецъ Жанеты дрогнувшимъ голосомъ,—если бы старый Жакъ не подобралъ его и не унесъ оттуда.

Мать Жанеты съ взволнованнымъ лицомъ подкрадывается къ креслу Жака, беретъ толстыя ручонки дѣвочки и обвиваетъ ими шею Жака. Жанета удивленно смотритъ своими черными глазами то на мать, то на Жака. Она видитъ, какъ слеза катится по загорѣлой щекѣ Жака; она крѣпче прижимается къ нему своими ручонками и цѣлуетъ его въ губы.

— Бѣдный старый Жакъ!—говоритъ она.—Гадкій человѣчекъ былъ тяжелый, и Жакъ плачетъ изъ за него!

— Нѣтъ!—говоритъ Жакъ.—Человѣчекъ былъ легкій, какъ перышко, его и поднимать не стоило. Но, знаешь ли, у меня была знакомая маленькая дѣвочка, и я хотѣлъ подарить ей къ Рождеству этого человѣчка. Я положилъ его себѣ въ карманъ жилета и унесъ поскорѣе.

— Мальчикъ-съ-пальчикъ!—смѣется Жанета, хлопая въ ладоши.—Ты отдалъ его дѣвочкѣ?

— Да, благодаря Бога!—говоритъ мать Жанеты. Съ трудомъ сдерживая слезы, она наклоняется и цѣлуетъ стараго Жака.

— Это ни на что не похоже!—восклицаетъ Жакъ.—Анри, старина, не позволяй женѣ цѣловать каждаго, кто приходитъ къ тебѣ въ домъ! Не то кончится бѣдою! Посмотри, дѣтка, какъ папа сердится. Или тебѣ опять захотѣлось съѣсть пруссака?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ капралъ Фэрдю.—Оргія той ночи отрезвила меня. Разскажи ей, Жакъ, о подаркѣ пруссака.

— Да, Жанета, вообрази: пруссакъ спасъ жизнь твоего... моего человѣчка. Холодно было ночью, Господи Ты Боже мой,

какъ холодно! Тысячи французовъ замерали въ тотъ страшный сочельникъ. А мой человѣчекъ такъ застылъ, что я уже боялся—оттаетъ ли онъ?... Я отнесъ его въ ближнюю церковь въ Бобиньи, думалъ достать тамъ немножко водки.

— Ахъ, какъ смѣшно! церковь, гдѣ продаютъ водку!— смѣется Жанета.

— Вотъ и не дали мнѣ водки!—продолжаетъ Жакъ.—Бѣда! А человѣчку нуженъ былъ хоть одинъ глотокъ вина, а то онъ не проснулся бы никогда. Тогда старый Жакъ положилъ его на паперти, а самъ вошелъ въ церковь, гдѣ лежали люди, которые были ранены въ сраженіи. У этихъ людей онъ просилъ водки. Онъ слышалъ крики, стоны, проклятія, но не досталъ и капельки коньяку.... Тогда вошелъ въ церковь одинъ человѣкъ—онъ называлъ себя французомъ,—прости, Господи! Онъ предложилъ достать водки за деньги. Я сказалъ ему, что у меня нѣтъ денегъ. Я умолялъ его на колѣняхъ, чтобы онъ далъ мнѣ каплю вина для моего человѣчка, у котораго дома была жена и маленькая дочка. Разбойникъ разсмѣялся мнѣ въ лицо! Я сталъ грозить ему; тогда онъ выбѣжалъ изъ церкви, крикнувъ, что позоветъ пруссаковъ, чтобы они меня закололи.

— А они что?—спрашиваетъ Жанета, съ пылающимъ лицомъ глядя въ лицо стараго Жака.

— Нѣтъ, душенька, пруссаки были добрѣе его. Намъ разсказывали про нихъ всѣхъ много страшнаго, но это была ложь. Что ты скажешь на это, Анри?

Отецъ Жанеты, не отвѣчая, склоняетъ голову.

— Такъ вотъ,—продолжаетъ Жакъ,—вернулся я къ своему человѣчку, задыхаясь отъ гнѣва. Я громко призывалъ Бога и его святыхъ въ свидѣтели такой жестокости и проклиналъ великій праздникъ Рождества Христова. Я кричалъ, что другіе люди въ этотъ день получаютъ подарки, а мнѣ нельзя будетъ принести живого человѣчка моей маленькой дѣвочкѣ!

—Въ то время, когда я такъ кричалъ, кто-то дернулъ меня за шинель. Я обернулся и вдругъ увидѣлъ, что рядомъ съ моимъ умирающимъ человѣчкомъ лежитъ пруссакъ. Въ своей ярости я подумалъ, что онъ собирается убить насъ, и схватилъ ружье, которое валялось у меня подъ ногами. Прости меня Господи! я хотѣлъ убить его. Въ эту минуту, къ счастью, показался мѣсяцъ, и я взглянулъ въ лицо пруссака. Оно было блѣдно, покрыто кровью. Онъ умиралъ. Онъ былъ страшно израненъ, душенька. И вообрази! это блѣдное лицо умирающаго было мнѣ знакомо! Это былъ человѣкъ, съ которымъ я жилъ, когда работалъ въ Баваріи, въ шестьдесятъ седьмомъ году. Добрый, кроткій человѣкъ, который много говорилъ мнѣ о

братствѣ народовъ,—ну все равно, ты этого не поймешь теперь, дѣвочка. Я смотрѣлъ, смотрѣлъ на него, и вдругъ замѣтилъ, что онъ протягиваетъ мнѣ что-то. Въ его рукѣ была маленькая фляжка. Онъ слабымъ жестомъ указалъ на моего человѣчка, лежавшаго въ безпамятствѣ. Его посинѣвшія губы зашевелились. Я склонился къ нему. Онъ прошепталъ:

— Спасите его, ради его жены и ребенка!

— А вы, Лейдорфъ!—вскричалъ я.—Скажите, ради Бога, чѣмъ я могу помочь вамъ?

— Не надо, — съ усиліемъ прошепталъ онъ. — Скажите моей женѣ, моему ребенку въ Розенгеймѣ... Возьмите, — медленно проговорилъ онъ, между тѣмъ какъ глаза его сомкнулись, — рождественскій подарокъ для французскаго ребенка...—И онъ выронилъ фляжку изъ руки.

Черезъ минуту онъ умеръ съ улыбкою на устахъ.

Мать Жанеты подала Жаку фляжку съ виномъ.

— Нашъ рождественскій пиръ!—шепнула она.

Жакъ осторожно снялъ Жанету съ колѣнъ и, вставъ, торжественно провозгласилъ здравицу за «соединенные штаты цивилизаціи». Потомъ онъ передалъ фляжку капралу Фердю.

— За нашихъ братьевъ въ Пруссіи, — твердо сказалъ капралъ и осушилъ вино до дна. Потомъ онъ обернулся и пожалъ руку своему другу.

— Старый Жакъ опять плачетъ!—вскричала Жанета.

— Да, душенька! Это всегда бываетъ, когда я ѣмъ жаренаго гуся подъ соусомъ. Должно быть мнѣ это вредно. И въ прошломъ году я думалъ, что не буду никогда ѣсть рождественскаго гуся, а вотъ, опять пришлось! Своей судьбы не узнаешь!

II

Парижскія развлеченія.

1.

Въ февралѣ 1896 года.

Битва конфетти въ Лондонѣ? Да развѣ это возможно! Въ Лондонѣ, гдѣ тяжеловѣсные джентльмэны каждый день набиваютъ себѣ желудокъ ростбифомъ и плумпуддингомъ!.. Это было бы нелѣпо, немыслимо!

Были, правда, времена, когда британцы довольствовались пирогами и элемъ даже по праздникамъ; но это теперь предано забвенію. Что же касается парижскихъ праздниковъ, гдѣ

главную роль играютъ розы и легкое вино, — они положительно не для насъ.

Только здѣсь, въ Парижѣ, и возможны эти праздники,— въ Парижѣ, гдѣ мужчины бываютъ сыты отъ дыма сигаретокъ, а женщины—отъ сливочнаго пирожнаго,—въ веселомъ, артистическомъ Парижѣ, въ этомъ городѣ легкомысленной радости и свѣтлой красоты, гдѣ всѣ смѣшливы, болтливы, измѣнчивы, непостоянны, самодовольны, сладострастны и коварны,— гдѣ имѣетъ свое пребываніе Комусъ, богъ веселыхъ пировъ, и Момусъ, богъ шутокъ, и гдѣ царитъ богиня Венера.

Я пріѣхалъ сюда два дня тому назадъ,—пріѣхалъ по дѣламъ, впопыхахъ. Мое дѣло меня безпокоило, я считалъ его чрезвычайно важнымъ. Мало ли что я считалъ важнымъ третьяго дня! Сколько времени пролетѣло съ тѣхъ поръ! Теперь я удивляюсь, какъ могъ я безпокоиться изъ-за такихъ пустяковъ. Я знаю только, что теперь — карнавалъ, и я хочу принимать участіе въ весельи, чортъ возьми! Если наша жизнь—сновидѣнье, то пусть она будетъ лучше очаровательной грезою, а не кошмаромъ.

Такъ я и рѣшилъ.

Не покачивайте укоризненно головою, сударыня! Можетъ быть вы и правы,—Парижъ развращаетъ людей. Я самъ предчувствую, что соглашусь съ вами, но не ранѣе, какъ завтра, когда я снова очнусь для тяжелыхъ заботъ долга. А теперь я хочу участвовать въ карнавалѣ.

Да здравствуетъ радость!

Здѣшніе хитрецы говорятъ, что карнавалъ въ нынѣшнемъ году такъ веселъ и роскошенъ оттого, что палата находится въ опасности. Ропотъ голодныхъ сумасбродовъ въ темныхъ подвалахъ становился серьезнымъ. Они требовали уничтоженія реакціонной верхней палаты парламента; эти голодные безумцы требовали хлѣба.

Нужно было что-нибудь предпринять. Тогда прозорливые правители вздумали устроить блестящій карнавалъ. Вмѣсто хлѣба они дали народу мѣшки конфетти и серпентинъ, и прелестную, забавную процессію, среди которой медленно подвигался жирный быкъ. И народъ рукоплескалъ.

Сегодня по бульварамъ разсыпалась цѣлая армія метельщиковъ, съ огромными тачками, на которыя они сваливаютъ цѣлыя кучи конфетти; мѣстами эти кучи достигаютъ высоты въ нѣсколько футовъ. Другіе рабочіе, взобравшись на высокія лѣстницы, снимаютъ съ деревьевъ фантастическіе уборы изъ пестрыхъ бумажныхъ лентъ.

Какъ веселъ былъ карнавалъ!.. Представьте себѣ картину: все населеніе Парижа запрудило главныя улицы; нельзя протѣсниться черезъ толпу; всѣ скамейки заняты; у каждаго окна,

на каждомъ балконѣ люди. Каждый смѣется, болтаетъ, какъ только можетъ смѣяться и болтать французъ и особенно француженка. Многіе наряжены въ причудливые костюмы, многіе въ маскахъ, или, по крайней мѣрѣ, со смѣшными привязными носами изъ картона. И каждый,—представьте себѣ!—*каждый* держитъ мѣшокъ, наполненный маленькими дисками изъ цвѣтного картона, которые летятъ во всѣ стороны, въ мужчинъ и женщинъ, въ старыхъ и малыхъ, безостановочно въ продолженіе трехъ дней карнавала. Другіе вооружены метелками изъ пестрыхъ лентъ и услужливо обмахиваютъ ими платье и лицо каждаго встрѣчнаго.

Съ балкона клуба, на площади Оперы, бросали въ толпу цѣлые мѣшки конфетти. Сначала полился потокъ розовой бумаги и окрасилъ мостовую нѣжно-алымъ цвѣтомъ. Потомъ высыпали огромныя кучи зеленыхъ конфетти; они красиво отдѣлялись отъ розовыхъ. Потомъ, среди крика и возгласовъ толпы, полились черные диски, словно огромный потокъ сажи. Потомъ посыпались съ балкона маленькіе букеты фіалокъ; на нихъ набросились молодыя дѣвушки. Потомъ полетѣла въ толпу визжащихъ мальчугановъ мелкая монета.

Каждый, кто только вышелъ на улицу, весь осыпанъ конфетти; они пестрѣютъ на шляпѣ, и на волосахъ, и на бородѣ, и на плечахъ, и на платьѣ; никто не избѣгъ общей участи. Они лежатъ толстымъ слоемъ на улицахъ, какъ лежали нѣкогда листья въ Валломброзѣ.

И когда вечеромъ вернешься домой, цѣлыя кучи конфетти валятся на полъ изъ кармановъ, изъ-за воротника, изъ каждой складки платья, отовсюду падаютъ разноцвѣтные пестрые конфетти. Серпентины (длинныя бумажныя ленты, которыя бросаютъ въ толпу подобно лассо, или кидаютъ изъ оконъ) украсили всѣ бульвары пестрыми гирляндами; каждая вѣточка каждаго дерева на большихъ бульварахъ увита яркой бумажной лентой.

А процессія? Забуду ли я эту чудную колесницу, символически изображавшую очарованіе цвѣтовъ?.. Высокая бесѣдка изъ бѣлыхъ и красныхъ розъ медленно двигалась по улицамъ, и изъ каждаго огромнаго розана выглядывало лукавое личико красавицы. И еще говорятъ, что искусство и дѣйствительность исключаютъ другъ друга!..

Друзья мои! Я видѣлъ зрѣлище непостижимое, неописуемое, непонятное для солидныхъ лондонскихъ джентльмэновъ. Я видѣлъ сказочное царство; я видѣлъ сказочное царство въ дѣйствительности, охваченное безуміемъ; я видѣлъ безумное сказочное царство, которое потрясали судороги безпечнаго веселья,—клянусь, это было невиданное зрѣлище, дикая и безумная сатурналія, чудесный парадоксъ!

Я видывалъ на своемъ вѣку множество балетовъ, феерій,

обстановочныхъ пантомимъ, какъ всякій почтенный джентльмэнъ моего возраста и положенія въ Соединенномъ королевствѣ. И прежде мнѣ случалось видѣть процессіи парижскаго карнавала. Но никогда и нигдѣ не видѣлъ я ничего подобнаго парижскому карнавалу 1896 года.

Но увы! теперь уже все кончено. Розы увяли, ихъ ароматъ исчезъ, и мистрисъ Дэнглъ въ видѣ напоминанія о домашнемъ очагѣ прислала мнѣ счетъ газопроводнаго общества.

Ну что жъ, и пусть! А я всетаки повеселился.

II.

Въ маѣ 1871 года.

Non semper erunt Saturnalia! Не всегда бываетъ весело въ жизнерадостномъ Парижѣ. Съ каждымъ годомъ онъ становится все болѣе и болѣе цивилизованнымъ, болѣе искусственнымъ и болѣе развратнымъ. Вотъ уже больше тридцати лѣтъ какъ я знаю Парижъ, и теперь, когда опьяненіе карнавала прошло, я могу сказать, что никогда, даже въ самые порочные дни третьей имперіи, распутство Парижа не бросалось такъ сильно въ глаза.

Взгляните на безстыдныя картины въ окнахъ магазиновъ по улицѣ Риволи и по бульварамъ; прочтите романы, которые пользуются огромнымъ успѣхомъ за проповѣдь грязныхъ пороковъ; взгляните па раскрашенныя, истасканныя лица женщинъ, на разслабленныя фигуры мужчинъ; посмотрите, какъ нагло выставляетъ себя на показъ порокъ, какъ дерзко выступаютъ воры и убійцы!

Да, эта веселая столица просвѣщенной Европы заклеймена знакомъ апокалипсическаго звѣря. Если свѣжая струя жизни изъ областей не проникнетъ въ одуряющую атмосферу этой теплицы, Парижу грозитъ неминуемая бѣда.

Ибо—non semper erunt Saturnalia! Не всегда веселъ карнавалъ въ бѣлоголубой Лютеціи. Другія процессіи и другія конфетти видѣли парижскія улицы. Да, я самъ былъ очевидцемъ другого карнавала. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ я видѣлъ, какъ сыпались здѣсь бомбы, слышалъ, какъ гремѣли выстрѣлы; а отцы этихъ весельчаковъ, которые бросали вчера конфетти, плясали тогда танецъ смерти подъ адскую музыку картечи.

Изъ того же окна, откуда вчера сыпался дождь розовыхъ бумажекъ, я видѣлъ темные клубы дыма, предвозвѣстники пуль, которые сыпались на людей. Я видѣлъ эти веселые бульвары озаренными огнемъ пожаровъ; я видѣлъ груды тѣлъ на этихъ нарядныхъ улицахъ; красная кровь обильною струей стекала по трубамъ, и тачки метельщиковъ, на которыя сегодня собирали груды конфетти, тогда безостановочно свозили тѣла убитыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Вчера Парижъ былъ опьяненъ весельемъ и разгуломъ, а двадцать пять лѣтъ тому назадъ я видѣлъ его опьяненнымъ ненавистью и безумною жаждою мести. Вчера по улицамъ его пестрѣлъ изящный маскарадъ; двадцать пять лѣтъ тому назадъ на тѣхъ же улицахъ разыгрывалась тяжелая трагедія.

И тогда небо было такъ же ясно и лазурно, какъ вчера; но подъ этою ласковой лазурью весны люди отчаянно боролись, словно въ судорогахъ страшной агоніи.

И въ то время не мало видѣлъ я людей, которые какъ нельзя лучше годились бы для вчерашняго маскарада. Я встрѣчалъ изящныхъ, живописно разодѣтыхъ офицеровъ, въ шляпахъ съ развѣвающимися перьями, въ хорошенькихъ кепи, въ гарибальдійскихъ блузахъ и въ блестящихъ латахъ кирасиръ. Они звенѣли шпорами и бряцали саблями. Они шумѣли въ кафе по бульварамъ, гарцовали по улицамъ. Клянусь, и Соломонъ въ славѣ своей не могъ бы сравняться съ ними. Навѣрно, Юлій Цезарь не курилъ папиросъ съ большимъ изяществомъ, и если бы Александръ Македонскій съ такимъ же звономъ волочилъ за собою саблю по мостовой, его слава еще гораздо больше гремѣла бы по свѣту.

Но когда завязалась борьба, эти молодцы стали менѣе замѣтны. Ихъ блестящіе мундиры исчезли какъ по волшебству. Дни ихъ блеска прошли; на каждомъ перекресткѣ возвышалась баррикада, на каждой улицѣ разыгрывались драмы, и каждое сраженіе имѣло своихъ героевъ.

Во время этого карнавала трехцвѣтное знамя Франціи побѣдоносно подвигалось по улицамъ города, преданнаго смерти и огню. Дворцы горѣли, какъ головешки въ огромномъ кострѣ, и пламя вздымалось языками къ черному небу. Эта кровавая буря длилась цѣлую недѣлю. Исхудалыя, ослабѣвшія жертвы преслѣдовались отъ баррикады къ баррикадѣ, изъ одной улицы въ другую, изъ одного квартала въ другой, пока послѣднія изъ нихъ, оттѣсненныя къ нынѣ столь мирному кладбищу «Père Lachaise» были разстрѣляны въ одно воскресное утро.

Трудно представить себѣ тѣ ужасы, которые совершались въ Парижѣ въ эту недѣлю мая мѣсяца 1871 года. Почти каждый, кто отваживался выйти на улицу, подвергался аресту, а каждаго арестованнаго разстрѣливали. Въ паркахъ были вырыты огромныя ямы, и въ эти ямы бросали тѣла убитыхъ и раненыхъ. Люди, жившіе неподалеку отъ этихъ страшныхъ могилъ, разсказывали, что слышали по ночамъ стоны несчастныхъ, зарытыхъ вмѣстѣ съ трупами и часто прохожіе видѣли судорожно сжатую руку или ногу, выставлявшуюся изъ плохо зарытой могилы...

Итакъ, да здравствуетъ радость! Да здравствуетъ счастливая Франція!

Черезъ Сенъ-Бернаръ.

Раннее утро, но вагоны поѣзда, мчащагося по Ронской долинѣ, набиты биткомъ. Сегодня воскресенье. Швейцарцы, судя по котомкамъ и альпенштокамъ, спѣшатъ воспользоваться свободнымъ днемъ. Грохотъ колесъ заглушается взрывами безпричиннаго, повидимому, но заразительнаго и счастливаго смѣха. Повидимому, молодежь смѣется, главнымъ образомъ, потому, что утро такъ чисто, Леманъ такъ прекрасенъ, а горы такъ причудливо изящны. Грянула стройная пѣсня. Молодежь, бородатые старики, даже древняя старуха въ углу дружно вмѣстѣ выводятъ припѣвъ, знаменитое «іодельнъ», т. е. своеобразныя рулады горломъ.

Хотя солнце еще скрыто за хребтами, но отъ невидимыхъ лучей его бронзовымъ свѣтомъ горятъ уже причудливые зубцы Dent du Midi. Ронская долина закутана въ туманъ. Сонные кусты ивы отряхаютъ лѣниво сѣдые влажные клоки тумана съ пепельно-зеленыхъ кудрей своихъ. Показалось солнце, и туманъ, подрѣзанный лучами, заколебался надъ деревьями, какъ золотое кружево. Клочки облаковъ, ночевавшихъ, тѣсно прижавшись къ склону горы, поплыли вверхъ, медленно тая въ голубомъ небѣ, какъ стая призраковъ, вспуганныхъ солнечнымъ свѣтомъ. Съ каждой станціей вагоны пустѣютъ. Изъ окна я вижу, какъ по тропинкамъ, ведущимъ въ горы, идутъ мои разряженные по праздничному попутчики, весело размахивая альпенштоками. Со мной въ вагонѣ остаются нѣсколько англичанъ; но это не мои попутчики. И я радъ этому. Шутники въ Англіи говорятъ, что «Switzerland is the Mecca of the holiday maker», т. е. Швейцарія—Мекка отдыхающаго англичанина. Я очень люблю и уважаю англичанъ; но, тѣмъ не менѣе, ни за что не согласился бы вмѣстѣ съ ними «ѣздить въ Мекку». Помните ли вы, какъ гоголевскій Яичница принимаетъ по описи приданое Агафьи Тихоновны? Еще не видя хозяйки, онъ читаетъ по реестру: «домъ каменный—есть. Флигель деревянный на каменномъ фундаментѣ—есть. Не надула проклятая сваха». Средній англичанинъ въ Швейцаріи напоми-

наетъ Яичницу. Онъ природу принимаетъ по реестру, составленному Бедеккеромъ, и успокаивается, когда реестръ оказывается составленнымъ добросовѣстно. Въ «описи» сказано, напр., что отъ Коль-де-Жаманъ «is a fatiguing ascent of 1¼ hr.» до вершины Данъ-де-Жаманъ. И англичанинъ полѣзетъ на крутой рубецъ горы, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли дорога «fatiguing». Теперь мои попутчики рѣшили добросовѣстно провѣрить «реестръ» до Шамони. Я же иду на Б. Сенъ-Бернаръ, чтобы побыть въ знаменитомъ монастырѣ, а оттуда спуститься въ Италію.

Станція Мартиньи. Отсюда до вершины горы 32 англійскія мили, т. е. верстъ сорокъ ходьбы, которыя приходится сдѣлать въ одинъ день. Вначалѣ дорога, какъ паркетъ. Подъемъ совершенно почти не замѣтенъ. Дорога огромными кольцами огибаетъ склоны горы, покрытые виноградниками. Такъ до деревни Орзіеръ, куда можно доѣхать еще въ дилижансѣ. Возлѣ харчевни, носящей громкое названіе Hôtel des Alpes, на площади я засталъ сходъ общины. Подъ навѣсомъ стоялъ волостной писарь и, по дьячковски, читалъ реестры. Кругомъ тѣснымъ кольцомъ обступили мужики, въ глаженныхъ сорочкахъ, съ цвѣтами на шляпахъ и бабы въ черныхъ шляпкахъ. Въ той комнатѣ гостиницы, гдѣ сижу я, деревенскій докторъ свидѣтельствуетъ древнюю старуху «на предметъ общественной помощи». Старуха, сморщенная, подслѣповатая, слезливо жалуется на то, что не имѣетъ болѣе силъ, что жизнь тяжела, что если приняли въ богадѣльню Гаспара Вейто, то должны принять и ее.

Докторъ внимательно слушаетъ старуху. У него лицо совсѣмъ крестьянское, широкое, бородатое, обвѣтренное. И платьемъ онъ тоже не отличается отъ крестьянъ. Сходъ, очевидно, кончился, потому что писарь и еще кто-то изъ начальства, съ книгами и реестрами подъ мышкой, заходятъ въ комнату запивать рѣшеніе абсентомъ съ водой.

За Орзіеромъ изчезаютъ виноградники, а вскорѣ и хлѣбныя поля. Большія деревни остались позади. Лишь изрѣдка попадаются разсѣянныя отдѣльныя деревни. Все больше и больше начинаетъ окутывать поразительная тишина высокихъ горъ. Вотъ гулко гудятъ колокольчики. Гордо выступаютъ коровы, которыхъ сегодня выгоняютъ на болѣе высокія пастбища. Пройдутъ онѣ, и снова скованная тишина, нарушаемая лишь грохотомъ потока, воющаго гдѣ-то на страшной глубинѣ внизу. Исчезли деревья. Тамъ, внизу, середина лѣта. Здѣсь—ранняя весна. Изъ пожелтѣвшей прошлогодней травы, съ которой только что сошелъ снѣгъ, глядятъ бѣлыя головки дикаго шафрана и желтые цвѣтки примулусовъ. Широкая дорога исчезла давно. Вмѣсто нея—крутая, каменистая тропа вдоль

берега Дрансы. Это—Pas de Marengo, ущелье, носящее названіе въ память знаменитаго перехода французскихъ войскъ въ 1800 г. Какъ они ухитрились протащить здѣсь пушки,—совершенно непонятно. Вѣроятно, вамъ встрѣчалась статуэтка или же гравюра, изображающая Наполеона, лихо скачущаго на конѣ во главѣ войска по крутизнамъ С. Бернара, а на скалахъ подъ копытами надпись: «Анибалъ», «Барбаросса» и т. д. Дѣйствительность была не такъ красива. Переходъ свершился подъ предводительствомъ Лана, Бертье и Мареспо. Первый консулъ прослѣдовалъ не на конѣ, а на смиренномъ ослѣ, позади, когда войска Лана были уже въ Аостѣ. Пѣснопѣвецъ Наполеона—Тьеръ расшилъ прозаическій переходъ цвѣтами добродѣтели во вкусѣ французскаго буржуа. Первый консулъ, по словамъ Тьера, бесѣдуетъ запросто съ проводникомъ, молодымъ парнемъ, который объясняетъ Наполеону свое горе: онъ такъ бѣденъ, что не можетъ жениться, не можетъ «réaliser tous les rêves de sa modeste ambition». Прибывъ въ монастырь, Наполеонъ пишетъ записку, которую отдаетъ парню и велитъ передать генералъ-цехмейстеру. «Вечеромъ молодой человѣкъ возвратился въ С. Пьеръ и здѣсь лишь узналъ какого важнаго путешественника онъ возилъ сегодня, «et sut que le général Bonaparte lui faisait donner un champs, une maison et les moyens de se marier».

За Pas de Marengo исчезаетъ всякій слѣдъ растительности и начинаетъ попадаться снѣгъ.

Вначалѣ онъ лежитъ лишь въ падяхъ и подъ навѣсами скалъ.

Подъемъ все круче да круче. Снѣгъ сталъ сплошнымъ. Ноги скользятъ по замерзшей поверхности. Кругомъ—дикія скалы, кое-гдѣ зелеными пятнами выступающія изъ подъ снѣга. Тихо всюду; только слышно, какъ журчатъ подъ снѣгомъ безчисленные ключи, да гулко реветъ прыгающій по камнямъ гдѣ-то далеко внизу горный потокъ. Ни одного живого звука. Не слышно даже клекота горныхъ кречетовъ, не забирающихся на такую высоту. Солнце готово скрыться. Тяжелыя облака зацѣпились за изящно очерченные снѣжные зубцы Меринье. Бѣлый конусъ Монъ-Велана совсѣмъ скрылся въ сизой тучѣ, которая, какъ исполинское безформенное чудовище, медленно сползаетъ, припадая брюхомъ къ крутому откосу. Вотъ оно ближе и ближе. Чувствуется уже его холодное дыханіе, отъ котораго ознобъ пробѣгаетъ по всему тѣлу. Нужно спѣшить. Между тѣмъ, съ каждымъ шагомъ все сильнѣе и сильнѣе чувствуется сорокаверстный переходъ въ гору. Ноги подкашиваются. Въ груди такое ощущеніе, какъ будто съ каждымъ вздохомъ вбираешь въ легкія струю горячаго пара. Ремни котомки, какъ ножами, рѣжутъ плечи, хотя въ сумкѣ не болѣе

пяти фунтовъ вѣса. А дорога становится все круче и круче. Чтобы подвинуться хоть шагъ впередъ, нужно предварительно выдолбить ступеньку альпенштокомъ. Дороги совсѣмъ не видать. Ее завалило снѣжными лавинами. Приходится подвигаться по материковому снѣгу, руководствуясь слѣдами прошедшихъ прежде... Подъемъ до того крутъ, усталость до того сильна, что садишься отдыхать каждую минуту и то еще нужно употребить усилія, чтобы внушить самому себѣ: «отдохнешь, когда пройдешь десять шаговъ». Хочется повалиться прямо въ снѣгъ, растянуться и лежать безъ конца. Но вотъ въ холодномъ воздухѣ, прямо изъ тучи, какъ кажется, раздается протяжный звонъ колокола. Еще и еще... Глухо и страшно вторитъ проснувшееся въ ущельяхъ эхо. Но какой чудной музыкой кажется этотъ звонъ! На хребтѣ снѣжнаго откоса вырисовался сѣрый, обвѣтренный непогодами деревянный крестъ. Облако, спустившееся съ каменнаго зубца, уползло въ ущелье; стало виднѣе; на фонѣ блѣднаго вечерняго неба, пропитаннаго зеленоватымъ свѣтомъ, показались два большихъ угрюмыхъ зданія, сложенныя изъ большихъ сѣрыхъ камней. До самыхъ дверей, надъ которыми едва различается изъѣденный вѣками каменный гербъ,—лежатъ слегка почернѣвшіе на поверхности сугробы снѣга. Теперь я вижу, что нѣсколько въ сторонѣ отъ двухъ большихъ корпусовъ стоитъ еще одно зданіе, низкое и неуклюжее, не похожее на жилье. Но кругомъ столько облаковъ, я такъ усталъ, что оставляю детальный осмотръ до другого дня и вхожу въ темный, холодный, кажущійся мнѣ безконечнымъ корридоръ. Шаги гулко звучатъ по каменнымъ, сильно выбитымъ плитамъ, которыми вымощенъ полъ. Полумракъ, стоящій въ корридорѣ, принимаетъ совершенно фантастическій характеръ отъ цвѣтныхъ, разрисованныхъ стеколъ окна. Гдѣ-то, какъ мнѣ кажется, подъ поломъ, громко залаяла собака. Гулкимъ густымъ эхомъ перекатился лай по безконечному корридору. Сбоку пріотворилась дверь; сверкнула полоса свѣта, а въ ней, какъ въ рамѣ, показалась голова въ странномъ мѣховомъ колпакѣ.

— Un voyageur!—крикнулъ кто-то.

Изъ бокового окошечка высунулась огромная коричневая рука и дернула за веревку. Гдѣ-то вверху жалобно завылъ надтреснутый колоколъ. Черезъ минуту ко мнѣ на встрѣчу вышелъ маронье, т. е. послушникъ (maronier), въ черной сутанѣ, перетянутой бѣлымъ шнуромъ.

— Soyez le bienvenu!—ласково сказалъ послушникъ.— Пожалуйте въ рефекторію.

Но мнѣ не до ѣды, такъ какъ мечтаю лишь объ одномъ: объ отдыхѣ, и прошу маронье указать мнѣ постель. Снова безконечные сырые корридоры; мы взбираемся по каменнымъ лѣст-

ницамъ, перила которыхъ до такой степени отсырѣли, что, дотронувшись до нихъ, кажется, что коснулся огромной змѣи. Наконецъ, послушникъ толкнулъ одну дверь. Я—въ длинной, узкой, обшитой досками комнатѣ съ тремя высокими кроватями подъ балдахинами. Передъ кроватями на полу, вмѣсто ковровъ, частью вылѣзшія уже козьи шкуры. На стѣнѣ—гравюры, изображающія Христа передъ Пилатомъ, видѣніе Св. Бернара и какой-то пароходъ. Судя по подписи, послѣдняя картина англійскаго происхожденія. Въ комнатѣ сыро. Вода въ кувшинѣ на умывальникѣ покрыта тоненькими ледяными иглами. Послушникъ ушелъ. Я раскрылъ окно. Какъ одиноко и безпріютно кругомъ! Холодныя бѣлыя облака ползутъ мимо окна. Всюду снѣгъ, изъ подъ котораго кое гдѣ торчатъ острые каменные зубцы, покрытые зелеными пятнами лишаевъ. Нигдѣ ни былинки. Возлѣ монастыря—маленькое озеро. Оно все покрыто льдомъ, не смотря на конецъ іюня. Лишь въ двухъ-трехъ мѣстахъ на льду показались небольшія зеленыя проталины. Пальцы на рукахъ коченѣютъ. Трудно вѣрится, что лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда ярко свѣтитъ солнце, поля пестрѣютъ цвѣтами и стелются по склону холмовъ виноградники. Здѣсь же совсѣмъ полярный пейзажъ. Какъ будто бы я вновь перенесся на далекій сѣверо-востокъ, куда нибудь на Сухарное, на берегъ Ледовитаго океана. Мнѣ припоминаются слова Гумбольдта, сказанныя въ «Космосѣ», что температура вершины С.-Бернара—та же, что и мѣста, лежащаго подъ 75° с. ш. А вѣдь теперь еще лѣто. Что же должно быть зимой? Холодъ заставляетъ меня закрыть окно и скорѣе залѣзть въ постель. Кому знакомо ощущеніе сырыхъ простынь, долженъ прибавить къ этой прелести еще температуру замерзанія воды. Нервы сильно возбуждены и утомительнымъ переходомъ, и обстановкой, и полной тишиной, какъ будто накрывшей все. Ухо напрасно старается уловить хоть какой либо звукъ. Несомнѣнно, въ двухъ верхнихъ этажахъ монастыря теперь никого нѣтъ...

Разбудилъ меня гулъ колокола. Было пять часовъ. Вода въ кувшинѣ совсѣмъ замерзла, такъ что, прежде чѣмъ умыться, пришлось долбить ледяную кору. Я спустился въ нижній этажъ. Солнечные лучи, проникнувъ сквозь раскрашенныя стекла окна, образовали на каменномъ полу причудливыя розетки, тона которыхъ безпрерывно мѣнялись отъ набѣгавшихъ тучъ. Картина на стеклахъ изображаетъ августинскаго монаха, съ собакой, отогрѣвающаго замерзшаго путешественника. Снизу подпись: «Fideliter, Fortiter, Feliciter». Какъ я узналъ впослѣдствіи, это—даръ монастырю изъ Англіи отъ покойнаго поэта Вилльяма Морриса. Подъ окномъ я разглядѣлъ теперь огромную черную мраморную доску, на которой золотыми, потускнѣвшими буквами выбито: «Napoleon primo francorum imperatori

semper augusto republicae Valesianae restauratori semper optimo, aegyptiaco, bis Italico semper invicto in Monte Jovis et Sempronii semper memorando. Republica Valesiae grata». Я вошелъ въ церковь, находящуюся въ концѣ корридора. Холодомъ вѣетъ отъ ея голыхъ стѣнъ, выкрашенныхъ охрой. Единственнымъ украшеніемъ служитъ большая картина, изображающая Св. Бернара Ментонскаго, основателя монастыря и рыцаря Тампліера съ краснымъ крестомъ поверхъ латъ. Подъ картиной— кружка съ надписью: «offrandes pour l'hospice». Путешественники получаютъ въ монастырѣ все безплатно, но каждый можетъ жертвовать сколько можетъ.

Шла месса. Изъ посторонней, не монастырской, публики ее слушали лишь двѣ старухи, повязанныя платочками, совсѣмъ наши странницы-богомолки, да стоявшій все время на колѣняхъ кривобокій парень въ кожаной курткѣ. Когда я сталъ возлѣ него, парень обернулся и закивалъ дружески головой. Я разсмотрѣлъ низкій лобъ, густую шапку спутанныхъ волосъ да выдающуюся нижнюю челюсть съ отвисшей толстой заслюненной губой. То былъ кретинъ. На этой высотѣ есть цѣлыя деревни, жители которыхъ поражены идіотизмомъ. Сурово звучатъ въ сырыхъ, холодныхъ стѣнахъ латинскія слова мессы. Жалобнымъ стономъ кажутся аккорды стариннаго органа. Все говоритъ о совершенно иной жизни, чѣмъ тамъ, въ долинѣ...

Монастырь основанъ въ десятомъ вѣкѣ св. Бернаромъ Ментонскимъ, родившимся въ 923 г. «во времена короля Рауля», въ замкѣ, который «видѣнъ еще до сихъ поръ на холмѣ, что на сѣверномъ берегу озера Анси», какъ говоритъ монахъ, описавшій жизнь святого. Любопытная книжка эта, которую я видѣлъ въ монастырской библіотекѣ, носитъ слѣдующее названіе: «Vie de Saint-Bernard de Menthon archidiacre d'Aoste, fondateur de l'hospice des Mont Jovis et Colonne Joux, par un Chanoine du Grand-Saint-Bernard, avec l'approbation de Monseigneur l'evêque de Sion» (т. е. Житіе св. Бернара Ментонскаго, архидіакона Аостскаго, основателя монастыря и колонны на горѣ Юпитера (старое названіе С.-Бернара); составлено съ одобренія епископа сіонскаго каноникомъ С.-Бернарскаго монастыря). Житіе составлено въ наивномъ духѣ средневѣковыхъ хроникъ. На первой страницѣ — изображеніе святого, держащаго на цѣпи поверженнаго діавола, со всѣми традиціонными аттрибутами, полагающимися по штату послѣднему: т. е. съ козлиными рогами, съ закрученнымъ бубликомъ хвостомъ съ кисточкой, съ конскими копытами на ногахъ и пр. Но наивный авторъ хорошо, тѣмъ не менѣе, выясняетъ тотъ мотивъ, который заставилъ Бернара Ментонскаго поселиться на вершинѣ горы, на перевалѣ. Съ дѣтства Бернаръ видѣлъ кругомъ себя лишь грабежъ, насилія и попраніе человѣческихъ правъ.

Безпрерывно мимо родныхъ мѣстъ молодого человѣка проходили отряды завоевателей, привлеченныхъ съ далекаго сѣвера, какъ волки запахомъ крови, разсказами про замѣчательныя богатства Италіи и про красоту ея женщинъ. За норманами тянулись лонгобарды, затѣмъ—венгерскія орды. Прошли иноземные хищники,—стали грабить свои, въ особенности, могущественный феодалъ маркизъ Иврійскій (D'Ivrée). Крестьяне и пастухи, чтобы спастись отъ своихъ и чужеземцевъ,—вынуждены были постоянно кочевать со своимъ скуднымъ добромъ черезъ гору Юпитера. Даже лѣтомъ перевалъ представляетъ большую опасность; тѣмъ болѣе она была велика зимой и весной (въ періодъ таянія снѣговъ). «Засельщина» погибала тогда десятками. Трупы и кости ея служили своего рода дорожными знаками для дальнѣйшихъ изгнанниковъ. Св. Бернаръ жилъ въ то время въ Аостскомъ монастырѣ, славившимся строгостью устава. Но ни молитвы, ни посты, ни бичеванія недавали душевнаго равновѣсія монаху. Ему нужно было живое дѣло, среди живыхъ людей. Въ его груди былъ огромный запасъ жалости, который не находилъ себѣ исхода среди четырехъ стѣнъ келіи. Чутко прислушивался онъ къ тѣмъ воплямъ страданія, которые слышались вокругъ. Въ монастырѣ часто искала убѣжища «засельщина», выгнанная изъ родныхъ избъ благородными разбойниками. Онъ слышалъ разсказы про страшный перевалъ и рѣшился поселиться тамъ. Въ 969 г. съ семью монахами Бернаръ оставилъ Аосту и поднялся на вершину страшной горы. Римляне хорошо знали перевалъ черезъ Monte Jove. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ стояла колонна съ надписью: «Jovi Optimo, Maximo». У подножія ея благочестивые путники складывали монеты и чеканенныя мѣдныя пластинки въ жертву Громовержцу. Во времена Юлія Цезаря рядомъ съ колонной построили храмъ Юпитера и убѣжище (mansio) для путешественниковъ, захваченныхъ непогодой. Полки лонгобардовъ, явившіеся грабить Италію, какъ христіане, сочли долгомъ разрушить убѣжище, воздвигнутое служителями діавола. Со страшными трудностями Бернаръ Ментонскій выстроилъ свой монастырь изъ камней разрушеннаго храма.

Съ тѣхъ поръ въ монастырѣ живутъ постоянно семь монаховъ августинскаго ордена и 15 послушниковъ (maroniers). Послѣдніе поступаютъ въ возрастѣ 20 лѣтъ. Жизнь на вершинѣ горы такъ сурова, что къ тридцати пяти годамъ монахи совершенно разбиты; съ жестокими ревматизмами въ сочлененіяхъ, съ чахоткой въ груди, они отправляются умирать въ болѣе мягкій климатъ, въ монастырь, что въ Мартиньи...

Месса кончилась. Ко мнѣ подошли маронье, встрѣтившій меня вчера, и еще другой монахъ, сгорбленный слегка, съ

болѣзненнымъ, крайне нервнымъ, бритымъ лицомъ. Тонкія губы его безпрерывно вздрагивали, какъ будто его била лихорадка. Это былъ о. Антуанъ, библіотекарь. Онъ повелъ меня въ довольно темный залъ, обставленный простыми, некрашенными шкафами съ книгами. На отдѣльныхъ столахъ лежали позеленѣвшія бронзовыя пластинки съ латинскими надписями, римскія монеты, обломки статуй и карнизовъ, подобранныя на мѣстѣ древняго храма. Далѣе виднѣлись скудныя коллекціи тѣхъ насѣкомыхъ, которыя лѣтомъ забираются даже на эту высоту. Въ библіотекѣ безпрерывно раздавался короткій, сухой, нервный кашель о. Антуана, который опустился повидимому на самодѣльный стулъ.

— О, ничего, ничего!—говоритъ монахъ, когда я спрашивалъ, не лучше ли уйти отсюда, такъ какъ въ библіотекѣ еще холоднѣе, чѣмъ въ корридорѣ. Я подхожу къ полкамъ, чтобы посмотрѣть книги. Онѣ—на латинскомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ. Рядомъ съ теологическими сочиненіями,—произведенія французскихъ классиковъ XVII и XVIII вв. На столѣ, возлѣ шкафовъ, между старымъ гербаріемъ скудной альпійской флоры и нѣсколькими образчиками минераловъ,—лежала огромная книга, in folio, переплетенная въ пергаментъ. Это былъ «Théotime» св. Франциска Сальскаго (François de Sales). Я раскрылъ на угадъ фоліантъ на мѣстѣ, заложенномъ старинной, нѣкогда вышитой шелками, но теперь выцвѣтшей совершенно закладкой. Вышла девятая глава второй книги. «Есть нѣсколько различныхъ степеней совершенства въ благотворительности: prester aux pauvres, hors la très-grande nécessité, c'est le premier degré de l'aumosne,—писалъ авторъ на своемъ старинномъ французскомъ языкѣ. «Болѣе высшая степень это—дарить нуждающимся; еще высшая—отдавать имъ все; но самая высшая это—отдать всецѣло самого себя, посвятить всю свою личность служенію страждущимъ и отстаиванію забитыхъ,—какъ это дѣлалъ великій Бернаръ Ментонскій».

Болѣзненный стонъ раздался въ библіотекѣ и затихъ. Казалось, разомъ порвалась какая-то страшно натянутая струна. Я быстро обернулся. Отецъ Антуанъ, съ побѣлѣвшимъ лицомъ, выражавшимъ страшную боль и ужасъ, и широко раскрывъ глаза, сидѣлъ неестественно скрючившись. Обѣими руками онъ крѣпко сжалъ колѣно. И жилы на рукахъ напружились, какъ веревки, какъ будто отецъ Антуанъ сдавилъ пальцами шею какого-то страшнаго звѣря, который вотъ, вотъ, вырвется на волю. И вдругъ, прежде чѣмъ я успѣлъ понять, въ чемъ дѣло, руки монаха упали безсильно, какъ будто бы звѣрь, котораго онъ удерживалъ, дикій и яростный, вырвался на свободу. Какъ подстрѣленный, свалился библіотекарь со стула, голова

его гулко стукнулась о каменныя плиты, а руки и ноги стали судорожно сводиться, будто отталкивая кого-то. Это былъ припадокъ падучей болѣзни. На стукъ тѣла и на мой крикъ вбѣжали два послушника; поспѣшно накинули они на лицо о. Антуана черную сутану и унесли его.

Разбитый и потрясенный сценой, я тоже оставилъ библіотеку. Внизу встрѣчаю знакомаго послушника.

— О, да!—шепчетъ онъ:—библіотекарю давно пора спуститься въ Мартиньи, потому что климатъ его убиваетъ; но онъ ни за что не хочетъ оставить постъ, какъ выражается онъ, и увѣряетъ все, что силъ въ немъ еще много, во всякомъ случаѣ, больше, чѣмъ нужно, чтобы сидѣть на покоѣ въ Мартиньи. Это слова о. Антуана. Вначалѣ онъ не упускалъ ни одной экспедиціи, отправляемой изъ монастыря въ бурныя ночи на розыски прохожихъ. Не смотря на слабыя силы, онъ забирался въ такія мѣста, куда не всякій опытный горецъ заберется. Онъ все бралъ нервными силами. Наконецъ, съ нимъ случилось «это» (маронье намекалъ на падучую). Его уговорили стать библіотекаремъ; думали устранить его отъ тяжелой работы; но и теперь, какъ только завоетъ буря, братъ Антоній рвется изъ монастыря на поиски за погибающими. Онъ протестовалъ, когда его уговаривали не ходить болѣе по дрова. Вѣдь это очень тяжело. Лѣса начинаются лишь въ четырехъ часахъ отсюда. Мы несемъ дрова на плечахъ.

— Когда была послѣдняя мятель въ этомъ году?—интересуюсь я узнать.

— Двадцать седьмого мая. Мы тогда нашли два трупа, а трехъ замерзающихъ удалось отогрѣть.

Изъ дальнѣйшаго разговора узнаю, что жертвами бури становится обыкновенно народъ бѣдный: рабочіе, бродяги, контрабандисты. Съ тѣхъ поръ, какъ проведена Сенъ Готардская желѣзная дорога, а черезъ Симплонъ установлено отличное правильное сообщеніе въ дилижансахъ,—сколько нибудь состоятельные люди слѣдуютъ тѣми безопасными путями. Лишь перекатная голь да изрѣдка туристъ, любитель сильныхъ ощущеній, становятся жертвами непогоды. Лишь завоетъ мятель, изъ монастыря снаряжаются отряды монаховъ и послушниковъ. Они отлично знаютъ всѣ горныя ущелья, всѣ тропы и по направленію вѣтра могутъ опредѣлить, куда буря приблизительно загонитъ сбившихся путниковъ.

— Не хотите ли взглянуть на нашихъ товарищей и помощниковъ,—предложилъ маронье. Онъ отворилъ маленькую дверь; оттуда съ радостнымъ воемъ выскочили четыре огромныя рыжія съ бѣлыми пѣжинами лобастыя собаки, онѣ завертѣлись по корридору, вскочили маронье на грудь лапами, лизнули его дружески по лицу, затѣмъ курбетами стали вы-

ражать свое удовольствіе. Это—всѣ собаки монастыря. Больше ихъ уже не осталось.

Я вспомнилъ о третьемъ зданіи, которое видѣлъ вчера, когда подходилъ къ монастырю. Черезъ снѣжные сугробы я добрался до низенькаго шале, сложеннаго изъ камней и покрытаго ими же. Маленькая дверь, задѣланная деревянной рѣшеткой, служила также и единственнымъ окномъ. Я заглянулъ туда. Вначалѣ я увидѣлъ лишь глыбы льда да снѣжные сугробы; но вотъ, когда глаза мои нѣсколько привыкли къ темнотѣ, предо мной смутно стали вырисовываться въ глубинѣ какія-то неподвижныя фигуры. Сердце забилось усиленно. Я присматриваюсь. Несомнѣнно, это трупы, завернутые въ саваны и перевязанные веревками. Я могу даже различить, что въ углу трупъ женщины и рядомъ съ ней ребенокъ, и мнѣ припоминаются слышанные разсказы. Это—моргъ, куда монахи складываютъ неопознанные трупы, найденные во время мятелей. Трупы хранятся здѣсь два года. Среди вѣчнаго льда нечего бояться разложенія. Есть что-то дико-торжественное въ этихъ трупахъ, лежащихъ въ нетающихъ сугробахъ. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ я собираюсь уйти, чтобы спуститься въ тотъ же день въ Аосту; но маронье предлагаетъ предварительно поѣсть. Въ огромной рефекторіи я — единственный туристъ. Стѣны увѣшаны гравюрами и картинами; судя по подписямъ, это—все подарки благодарныхъ путешественниковъ. Мое вниманіе привлекаетъ одна гравюра съ надписью: «Ai Monaci Agostiniani del Gr. St. Bernardi» (Августинскимъ монахамъ Большого С. Бернара). Снизу имя—Джузеппе Гарибальди.

Съ массой сильныхъ впечатлѣній я прощаюсь съ монахами.

Вмѣстѣ со мной спускается въ Италію цѣлая партія прохожихъ, представляющихъ замѣчательную коллекцію типовъ. Я стараюсь опредѣлить профессію одного, заинтересовавшаго меня своими широкими плечами, громадными волосатыми кулаками, да круглымъ, добродушнымъ, коричневымъ отъ загара лицомъ, съ вздернутымъ носомъ, и тихо спрашиваю у маронье, кто бы могъ это быть, по его предположенію. Легкая улыбка скользитъ по плотно сжатымъ губамъ послушника, когда онъ отвѣчаетъ:

— О, мы его хорошо знаемъ, c'est un honnête contrebandier (это—честный контрабандистъ), и тутъ же маронье даетъ значеніе этого нѣсколько страннаго сочетанія словъ. Населеніе итальянскихъ пограничныхъ деревень считаетъ не только не зазорнымъ, но даже похвальнымъ контрабандный переносъ черезъ Альпы соли, обложенной въ Италіи, какъ и все, высокимъ налогомъ. Крестьяне не хотятъ понимать, почему въ Ст. Пьерѣ, въ послѣдней швейцарской деревнѣ, можно класть въ

похлебку соли столько, сколько принимаетъ ее душа, тогда какъ въ Ст. Реми, въ первомъ итальянскомъ городкѣ, мѣриломъ долженъ служить не вкусъ, а карманъ. Два другихъ попутчика, судя по разговору, шли изъ нѣмецкой Швейцаріи.

Одинъ изъ нихъ съ раздутымъ лицомъ, перевязаннымъ грязнымъ платкомъ, живописно объяснялъ сосѣду, гдѣ и какъ разукрасили его.

— Sakerdie, muchu i mi gestert aber gut unterhalte ha!— слышу я толкованіе на берндейчѣ. Но меня больше всего интересуетъ послѣдній попутчикъ,—французъ, испитой, болѣзненный молодой человѣкъ съ растрепанными рыжими усами. Одѣтъ онъ совсѣмъ не для горной экскурсіи: на ногахъ— стоптанные вывороченные башмаки, изъ которыхъ глядятъ пальцы; штаны его у щиколодки болтаются грязными лентами; воротникъ порыжѣлаго выцвѣтшаго пиджака поднятъ, повидимому, чтобы скрыть дефекты бѣлья. Локти, не менѣе пальцевъ, любопытствуютъ узнать, что творится на бѣломъ свѣтѣ кругомъ. Въ туалетѣ моего попутчика, однако, есть что то, составляющее рѣзкій контрастъ со всѣмъ костюмомъ. Это—раскрытый, изящный шелковый зонтикъ. Повидимому, французъ усиленно заботится о томъ, чтобы не загорѣть, здѣсь, при температурѣ замерзанія воды. Зонтикъ— единственный багажъ француза, тогда какъ у другихъ болтаются за плечами на веревкахъ и ремняхъ котомки. Начался спускъ, еще болѣе головоломный, чѣмъ подъемъ. Вотъ въ сторонѣ площадка, на которой когда-то стоялъ храмъ Юпитера. Тропинка змѣится вдоль скалистаго рога; она то огибаетъ его, то сразу падаетъ внизъ на уступъ. Мои попутчики ловко и быстро, какъ козы, перепрыгиваютъ съ камня на камень, придерживаясь лишь иногда за веревку, которая, въ видѣ перилъ, спущена съ каменнаго рога. Я пробую сдѣлать то же, но теряю равновѣсіе и начинаю стремительно помимо моей воли спускаться первобытнымъ путемъ. Къ счастью для меня—по дорогѣ падь, засыпанная рыхлымъ снѣгомъ, въ который въѣзжаю по поясъ. Альпенштокъ описываетъ кривую линію, какъ бумерангъ австралійскихъ дикарей, и вонзается остріемъ въ снѣгъ. Пока я выбираюсь изъ пади, и пока достаю палицу,—проходитъ не мало времени, и мои попутчики совершенно скрываются изъ виду. Это нѣсколько интригуетъ меня. Дѣло въ томъ, что ниже рога—совершенно открытая морена, на которой видно очень далеко. Рѣшаю, что попутчики могутъ быть только въ томъ шале, сложенномъ изъ камней, что стоитъ внизу, въ началѣ морены и гдѣ, по указанію Бедеккера, находится таверна. Я удивляюсь лишь завидному аппетиту ихъ.

Спускъ становится все труднѣе и труднѣе. Тамъ, гдѣ нѣтъ каменныхъ уступовъ, тамъ снѣжныя, почернѣвшія уже поля,

подъ которыми бурлятъ потоки. Кое-гдѣ снѣгъ протаялъ и образовалъ глубокіе колодцы, на днѣ которыхъ клокочетъ вода. Мнѣ приходитъ въ голову, что, пожалуй, провалиться въ колодезь совсѣмъ ужъ не такъ трудно, хотя очень непріятно. Картина провала представляется мнѣ до такой степени реально во всѣхъ деталяхъ, что я начинаю изо всѣхъ силъ колотить альпенштокомъ по насту, чтобы опредѣлить, выдержитъ ли снѣгъ меня, и совершенно пе обращаю вниманія на то, что возлѣ шале давно уже стоятъ двѣ человѣческія фигуры, слѣдятъ за каждымъ моимъ аллюромъ и кричатъ мнѣ что-то. Наконецъ настъ пройденъ благополучно, пошла морена, и я бодро начинаю шагать по мелкой галькѣ. Мнѣ машутъ руками возлѣ шале; но я полагаю, что это трактирщикъ проситъ зайти, и кричу, что не хочу. Вдругъ въ утреннемъ чистомъ воздухѣ гулко перекатывается энергичное ругательство и затѣмъ слышится грозный окрикъ:

— Per bacco! Aspetti un momento! Приказъ выраженъ въ такомъ тонѣ категорическаго императива, что объ ослушаніи не можетъ быть и рѣчи. У дверей шале стоятъ два солдата въ невиданной мною до тѣхъ поръ формѣ и приглашаютъ войти. Солдаты оборваны и грязны, какъ чумички. То, что я принялъ за таверну, оказалось новой заставой, воздвигнутой на границѣ итальянскимъ правительствомъ послѣ мятежа. Вхожу. Темная комната пропитана дымомъ крѣпкаго табаку и специфическимъ острымъ запахомъ кордегардіи. Въ углу нары, а на нихъ, на кучѣ соломы, спитъ и высвистываетъ носомъ какой-то мужчина въ мундирѣ съ галунами. Возлѣ маленькаго окна съ радужными отъ времени и грязи стеклами, за кривоногимъ столомъ—чиновникъ въ затасканномъ мундирѣ съ почернѣвшими галунами. На столѣ навалены истрепанныя, засаленныя бумаги. Возлѣ стола—всѣ мои попутчики.

— Francese, Tedesco, Espagnolo? задаетъ мнѣ вопросъ чиновникъ. Я понимаю, что онъ меня спрашиваетъ, на какомъ языкѣ мнѣ удобнѣе всего говорить, и отвѣчаю Franchese. Начался форменный допросъ:

— Doue va? (куда вы идете).

— Donde viene? (откуда).

— Quando tornerà? (Когда вернетесь).

Отвѣчаю, что никогда, если судьбѣ будетъ угодно.

— Ваши бумаги.

Показываю паспортъ, который чиновникъ держитъ вверхъ ногами. Мнѣ припоминается разсказъ Искандера о переѣздѣ черезъ прусскую границу по паспорту няньки. Я переворачиваю страницу и показываю французскій переводъ текста. Но французскій языкъ, повидимому, такъ же мало говоритъ чиновнику, какъ и русскій. Онъ внимательно смотритъ на штем-

пель визировки, затѣмъ подозрительно поднимаетъ на меня глаза и говоритъ:

— У васъ дата 1896 г., а теперь 1898 г.

Собираю всѣ мои познанія въ итальянскомъ языкѣ и стараюсь объяснить, что этотъ паспортъ не имѣетъ срока, что два года я прожилъ заграницей. Секунда неловкаго молчанія. Вынимаю круговой куковскій билетъ. Лицо чиновника проясняется.

— Туристъ!—облегченно вздыхаетъ онъ, ласково улыбается, передавая мнѣ паспортъ, и фамильярно протягиваетъ руку за видами С. Бернара, которые замѣтилъ у меня.

— Вотъ первый разъ за два года, что показываю паспортъ, говорю я, засовывая книжку въ карманъ.

— Le fo mille e mille scuse,— нѣсколько виновато отвѣчаетъ чиновникъ,—Cio non, dipende da me! (Прошу тысячу извиненій. Это не отъ меня зависитъ). Синьоръ знаетъ, что кое что случилось здѣсь.

Я ухожу и слышу, какъ объясненія въ кордегардіи становятся все болѣе и болѣе энергичными. Джентельмэнъ съ подвязанной щекой кричитъ на великолѣпнѣйшемъ берндейчѣ; французъ съ зонтикомъ раскатывается отборнѣйшими ругательствами. «Honnête contrebandier» глухо рычитъ кто-то. А всѣхъ старается перекричать чиновникъ.

— Maledetto briccone! Я говорю, что вы должны убираться назадъ. Нѣтъ паспорта, нѣтъ и хода!

Кончилась морена; пошли луга. По откосамъ дороги карабкаются стада козъ, дробно звеня бубенцами. Мальчикъ пастухъ, въ облѣзломъ мѣховомъ колпакѣ, картинно уперся на окованную палку и застылъ такъ. Повидимому, туристы здѣсь не особенно часты. Кое-гдѣ уже видны доползшіе сюда изъ овраговъ одинокія лиственницы и пихты, какъ наиболѣе храбрые солдаты изъ идущаго на приступъ полка, которые первыми вскарабкались на непріятельскія стѣны, оставивъ позади сплошные ряды своихъ. Далеко внизу видны ярко зеленыя поля, скаты холмовъ, покрытыхъ виноградниками (лозами изъ Аосты, Augusta Pretoria Salassorum, воспѣтыми римскими поэтами), да домики, кажущіеся совсѣмъ игрушечными. Сколько разъ въ теченіе 25 вѣковъ, приблизительно съ того самаго мѣста, гдѣ стою я, на города внизу жадными глазами глядѣли орды культурныхъ и не культурныхъ завоевателей, привлеченныхъ сюда слухами о богатой добычѣ, ради которой были преодолѣны страшныя трудности грознаго перевала! Африканскіе стрѣлки Анибала, орды гунновъ и лонгобардовъ, закованные въ чеканенные доспѣхи отряды Барбароссы, впослѣдствіи полки Наполеона. И постоянно одно и то же страдательное лицо, которое на своихъ плечахъ вынесло чужую славу—«мужикъ-засельщина». Старинная англійская легенда

говоритъ про Эрна—дикаго охотника, который въ ночь на св. Губерта трубитъ въ свой огромный рогъ, вмѣщающій цѣлыхъ пять галлоновъ. На призывные звуки собираются всѣ погибшіе насильственной смертью и «дикая охота» съ воплями и воемъ мчится по горамъ до самаго разсвѣта. Если бы Эрнъ-охотникъ могъ затрубить здѣсь! Какія безчисленныя разноязычныя полчища встали бы тогда на призывные звуки изъ всѣхъ падей и ущелій!

Дорога огромными загогулинами спускается все ниже и ниже. Сплошной массой пошли лѣса, далѣе стали попадаться хлѣбныя поля, пестрѣющія макомъ и васильками. Я подхожу къ первому итальянскому городку, къ Сенъ-Реми. Первое зданіе—огромный каменный розовый домъ, на стѣнахъ котораго надпись большими буквами: «R. Dogana» (Таможня). На крылечкѣ сидятъ два толстыхъ чиновника. Завидѣвъ меня, они машутъ рукой. Вхожу вмѣстѣ съ ними въ «Dogana»: полъ заплеванъ и забросанъ окурками. Въ углу нары. Воздухъ такой специфическій и крѣпкій, что хоть ножемъ его ковыряй.

Начинаются стереотипные вопросы:

— Dove va? Donde viene?—И въ концѣ концовъ неизбѣжное: «lori passeporti». Куковскій билетъ опять мнѣ оказываетъ еще большую услугу, чѣмъ паспортъ. На основаніи его рѣшается, что я туристъ.

— А что у васъ въ сумкѣ?—слѣдуетъ затѣмъ приватный вопросъ. Объясняю.

— А шоколада, пороха, спирта, табаку и соли нѣтъ?—Показываю.

Унтеръ съ нашивками перерываетъ бѣлье. Изъ бокового отдѣленія сумки выволакивается на свѣтъ Божій дорожная фляжка съ крѣпкимъ виномъ, унтеръ отвинчиваетъ пробку и нюхаетъ, глубокомысленно поджавъ губы.

— Маконъ!—рѣшаетъ онъ безаппеляціонно тономъ знатока, значительно поднявъ брови.

Я думалъ, что послѣ двухъ опросовъ теперь со всякими заставами дѣло кончилось; но не тутъ-то было. Черезъ часъ прохожу большую деревню Gignod. Вдругъ изъ окна дома, надъ которымъ красуется щитъ съ гербами, выглянула усатая голова, крикнула что-то въ глубь комнаты и изчезла. Черезъ секунду на порогъ выскакиваетъ солдатикъ и ласково кричитъ мнѣ:

— Aspetti un momento. Меня встрѣчаетъ господинъ, при видѣ котораго вспоминаю слова Сквозника-Дмухановскаго о «проклятой гарнизѣ», которая сверхъ рубашки накинетъ мундиръ, а снизу ничего нѣтъ. Господинъ по случаю жары (чѣмъ дальше спускался я, тѣмъ солнце припекало сильнѣе) сидѣлъ лишь въ одномъ бѣльѣ и поспѣшно накинулъ мундиръ въ

видѣ фрака, съ какими-то серебряными ленточками, вышитыми на фалдочкахъ. Въ подобные мундиры въ опереткѣ наряжають всегда адмирала швейцарскаго флота.

— Вашъ паспортъ и ваши деньги.

— Я всего лишь два часа въ Италіи, а между тѣмъ у меня уже три раза спросили паспортъ, да на придачу предлагають показать деньги, совсѣмъ, какъ бродягѣ,—говорю я, конопатя пробѣлы въ итальянской рѣчи французскими словами, которыя стараюсь объитальянизировать. Въ отвѣтъ я слышу столь знакомую фразу:

— Le fo mille e mille scuse. Ci non dipende da me! Синьоръ, понятно, знаетъ, что случилось.

Я иду теперь мѣстами, гдѣ нѣсколько недѣль тому назадъ лилась кровь. Безпрерывныя приглашенія въ кордегардію и опросы «Dove va?»—надоѣли и я рѣшаю покончить съ хожденіемъ пѣшкомъ,—не смотря на всю прелесть его,—въ первомъ же городѣ, гдѣ есть желѣзная дорога, т. е. въ Аостѣ, до которой всего четыре часа ходьбы.

Ниже и ниже спускаюсь я въ долину. Все богаче и богаче становится природа. На полдень отъ большой дороги зазмѣилось глубокое ущелье, на днѣ котораго прыгаетъ съ грознымъ ревомъ потокъ, какъ будто желаетъ разорвать сковавшую его берега цѣпь скалъ. На крутыхъ холмахъ, тамъ и сямъ видны мрачныя развалины башенъ. Это все остатки замковъ графовъ Шалланъ, когда-то державшихъ въ ужасѣ всю округу. Какъ логовища хищныхъ звѣрей, стояли ихъ замки на проѣзжихъ дорогахъ. Какія ужасныя легенды связаны съ этими развалинами! Вотъ въ той башнѣ графъ Гуго Шалланъ замуравилъ свою жену; въ другой башнѣ Умберто Шалланъ повѣсилъ за ребро странствующаго пѣвца, пропѣвшаго грозному феодалу про страданія вассаловъ. Къ тому обрыву одинъ изъ графовъ гналъ псами тѣхъ вассаловъ, которые отказывались признавать право властелина на честь новобрачной... Ни одного свѣтлаго воспоминанія не оставили эти страшные феодалы... По обѣимъ сторонамъ дороги идутъ виноградники. Какая масса вѣкового труда цѣлыхъ поколѣній видна на каждомъ шагу! Стѣны, предназначенныя скрѣпить гору и предупредить оползни—кажутся работой циклоповъ. Воздѣланъ каждый клочекъ земли. Я вижу мужика, ползущаго съ корзиной навоза на плечахъ на почти отвѣсную скалу, на вершинѣ которой, на пространствѣ величиной съ полъ-маленькой комнаты,—нѣсколько виноградныхъ лозъ, обнесенныхъ стѣной изъ булыжника. Всюду я прохожу мимо мужиковъ, бабъ и дѣтей, копающихся, не разгибая спины, въ виноградникахъ. Какъ тяжело видѣть богатую природу, чудные виноградники, «буйные» хлѣба, колосья которыхъ отъ вѣтерка звучать металлическимъ

шелестомъ и среди всего этого видѣть народъ оборванный, нищихъ, босыхъ, въ лохмотьяхъ, не смотря на поразительное трудолюбіе!

— Тра-та-та! Вдругъ раздался трескъ и рокотъ барабановъ. Проходятъ солдаты въ бѣлыхъ киверахъ, подоткнувъ полы шинелей, размахивая въ ладъ окованными палками. Впереди, лихо закрутивъ усики, гордо шагаютъ офицеры, сверкая болтающимися саблями.

Всѣ знаютъ, что бремя налоговъ, лежащихъ на итальянскомъ народѣ, очень велико; но далеко не всѣ подозрѣваютъ даже истинные размѣры тяготы. Въ нѣкоторыхъ округахъ, напр., всякая лира дохода съ земледѣлія отдается сейчасъ же сборщику податей. Въ Пьемонтѣ, по которому я прохожу теперь, въ широкихъ размѣрахъ практикуются изгнанія съ земельныхъ участковъ. Въ 1892 г. въ одномъ лишь округѣ Домо д'Оссола было 2000 подобныхъ изгнаній. До чего велика бѣдность, видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьянъ изгоняли потому, что они не могли заплатить недоимку въ *двѣ лиры* (Revue de Paris, май, 1898 г.). Чтобы собрать двѣ тысячи лиръ податей въ округѣ Киволо, казначейство затратило три тысячи лиръ. Золотая монета почти исчезла изъ обращенія, бумажныя лиры страшно обезцѣнены. Вмѣсто наличныхъ денегъ, въ деревняхъ идутъ участки земли. По словамъ современнаго изслѣдователя Италіи Mabileau, жатва большею частью продается на корню, а крестьянину не приходится даже пользоваться ею. Тотъ же изслѣдователь говоритъ о тѣхъ страшныхъ размѣрахъ, которыхъ достигаетъ въ Италіи ростовщичество: фактъ вполнѣ понятный въ странѣ, гдѣ дешеваго кредита нѣтъ. Рабочіе и мужики берутъ взаймы у своихъ хозяевъ и землевладѣльцевъ по 120 и даже по 150%, не считая «благодарности» въ видѣ безплатнаго труда. Въ концѣ концовъ, цѣлыя семейства становятся рабами, а долгъ растетъ и передается по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому. По словамъ Феррариса, вся Италія заложена. Въ парламентѣ нѣсколько разъ заявлялось, что лишь одно можетъ спасти страну отъ страшной катастрофы: признаніе правительствомъ всѣхъ закладныхъ не дѣйствительными.

Поля по обѣимъ сторонамъ дороги становятся все болѣе и болѣе роскошными. Все чаще мелькаютъ на нихъ скорчившіяся фигуры, двигающія киркой, не разгибая спины. Привыкнувъ уже къ англійской «country» съ работницами въ шляпкахъ и съ работниками въ глаженныхъ сорочкахъ,—мнѣ страннымъ кажется встрѣчать теперь босыхъ бабъ, повязанныхъ платками, да мужиковъ въ самодѣльныхъ соломенныхъ шляпахъ. Какъ много знакомаго и въ ландшафтѣ, и въ этой шири! Волы, запряженные въ телѣгу парой, сонно и мѣрно выступаютъ по пыль-

ной дорогѣ. Вотъ и вербы, склонившіяся надъ ручьемъ, какъ будто желаютъ обмыть свои пепельно-зеленыя кудри, въ которыя вѣтеръ набилъ пыль. Совсѣмъ знакомая картина! Далекая родина внезапно воскресаетъ въ памяти. Кажется, вотъ выглянутъ изъ за ряда стройныхъ тополей бѣлыя хатки подъ соломенными крышами, а на угорѣ покажется дѣвушка, возвращающаяся отъ *криницы* съ полными ведрами, покрытыми лопухомъ. Но нѣтъ. За тополями показывается въ глубокой долинѣ рядъ старинныхъ домовъ, обнесенныхъ кое гдѣ полуразвалившейся крѣпостной стѣной. Это Аоста. Опять звуки барабановъ. Это патруль. Тамъ и сямъ по обѣимъ сторонамъ улицъ книжныя лавки, «соціальные клубы», судя по вывѣскамъ; но двери всюду заперты наглухо, а на нихъ — лаконическое объявленіе: «закрыты по распоряженію правительства»... Въ гостиницѣ, гдѣ останавливаюсь, мнѣ говорятъ, что и въ Аостѣ есть старинная башня Bramafam, въ которой одинъ изъ графовъ Шалланъ заморилъ кого-то голодомъ, и берутся даже свести туда, но я насмотрѣлся достаточно, пока спускался вонъ съ той вершины, которая теперь вся ушла въ облака. И мнѣ кажется, что то, что я видѣлъ на вершинѣ, находится за предѣлами дѣйствительности; что все это призрачно, какъ тѣ облака, что прижались къ скаламъ С. Бернара...

Діонео.

---

* * *

Когда опустивъ малодушныя руки,
Я съ болью въ душѣ помышляю о томъ,
Что жизнь оборвется—и всѣ мои муки
Потонутъ безслѣдно въ забвеньи нѣмомъ,—
Страдалица скромная! образъ твой чистый
Вдали мнѣ сіяетъ укоромъ живымъ:
Безъ жалобъ идешь ты дорогой тернистой,
Награды не требуя мукамъ своимъ.
Награды? Но ты удивиться готова;
За что? Развѣ сердце справлялось съ цѣной?
Безъ сладости жертвы, безъ счастья чужого
Ты вкуса не видѣла въ жизни самой—
Той жизни, что счета не знаетъ измѣнамъ,
Волненьямъ корысти, уколамъ обидъ,
И трауромъ насъ облекаетъ безсмѣннымъ
И сердце отравою злобы поитъ!
Всю душу отдавши другимъ, ты забыла,
Любя, что могла и любимою быть...
О, гдѣ же ты мужество жить находила?
Гдѣ черпала силы, чтобъ грѣть и свѣтить?
Ты свѣтишь—и такъ колебанья постыдны!
Такъ хочется бодрымъ пребыть до конца!
Что властное, гордое зло, если видны
Во мракѣ подобныя звѣзды-сердца?
Безвѣстная міру, стезею суровой
Идешь ты, и долга сознанье—твой щитъ.
Но вижу: вѣнокъ твой колючій терновый
Свѣтлѣй діадемы алмазной горитъ!

П. Я.

1898, октябрь.

Народно-хозяйственные наброски.

Средняя семья въ Воронежской губерніи.

«Сводный сборникъ» Ѳ. А. Щербины по Воронежской губерніи по пріемамъ работы и по содержанію сильно отличается отъ тверской сводки г. Вихляева, о которой мы бесѣдовали съ читателемъ. Этотъ громадный томъ—свыше 1000 стр.—дѣлится на три неравныя части. Первая (300 стр.) представляетъ описаніе способовъ производства подворной переписи въ Воронежской губерніи; третья (болѣе 600 стр.) состоитъ изъ таблицъ и лишь около 100 стр. посвящены переработкѣ добытаго матеріала и то—только по одному вопросу: по анализу средней семьи. Такимъ образомъ, прежде всего это—не изслѣдованіе по экономикѣ Воронежской губерніи, подобное изслѣдованію г. Вихляева крестьянскаго хозяйства Тверской губ. Для того, чтобы громадный, роскошный матеріалъ, собранный г. Щербиной и его товарищами, сталъ достояніемъ русской науки и мысли и для того, чтобы онъ могъ служить практическимъ земскимъ цѣлямъ, онъ еще нуждается въ большой монографической обработкѣ по той системѣ и тѣми приблизительно пріемами, какіе употреблены были для обработки матеріаловъ по крестьянскому хозяйству Тверской губерніи. Если этого не будетъ сдѣлано, драгоцѣнные результаты огромнаго труда воронежскихъ статистиковъ погибнутъ для нашей народно-хозяйственной литературы. Если этого не будетъ сдѣлано теперь, если монографическая ихъ переработка будетъ отложена на нѣсколько лѣтъ—за выводами ихъ сводки, сдѣланной г. Щербиною останется лишь одинъ историческій интересъ. Чтобы ихъ использовать теперь же, необходимо дать научную обработку воронежской сводкѣ возможно скорѣе и тѣмъ достойно завершить пользующіяся заслуженной извѣстностью земско-статистическія работы въ этой губерніи. А это было бы тѣмъ необходимѣе, что изслѣдованіе ея представляетъ особый интересъ по разнообразію этнографическаго и хозяйственнаго состава ея населенія.

Первая часть «Сборника», какъ упомянуто, даетъ подробное списаніе техники производства подворной переписи. Здѣсь мы находимъ и «способы и пріемы полученія свѣдѣній при переписяхъ»,

и «отношеніе крестьянъ къ переписямъ», и «роль статистиковъ въ дѣлѣ подворныхъ переписей», и «разработку матеріаловъ и построеніе таблицъ». Все это очень интересно и очень подробно разсказано. Но написанъ весь этотъ отдѣлъ, конечно, только для спеціалистовъ, для которыхъ, конечно, весьма полезно узнать, какъ велись работы подъ руководствомъ такого знатока дѣла, какъ Ѳ. А. Щербина. Прочей читающей публикѣ всѣ эти 300 стр. едва ли можно одолѣть, по ихъ совершенно профессіональному содержанію. А если такъ, то отдѣлъ этотъ, какъ кажется, могъ бы быть сокращенъ. Въ немъ бросается въ глаза немало такихъ подробностей, которыя составляютъ азбуку дѣла для каждаго статистика. Къ такимъ мы относимъ, напр., весь параграфъ объ образовательномъ цензѣ изслѣдователей. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, все это неизвѣстно и зачѣмъ говорить о необходимости для нихъ знакомства съ четырьмя правилами ариѳметики (стр. 192)! Или—нужно ли употреблять много времени и мѣста для доказательства при помощи особыхъ табличекъ того элементарнаго положенія, что «практика временныхъ регистраторовъ далеко не отличалась такой продолжительностью, какъ у статистиковъ постоянныхъ» (стр. 207)! Это, конечно, мелочи, но ихъ наберется немало и въ общемъ, повторяемъ, отдѣлъ первый можно бы значительно посократить, отъ чего онъ замѣтно выигралъ бы. — Но есть въ немъ и сообщенія, имѣющія немалый общій интересъ. Много такихъ встрѣчается въ главѣ объ отношеніи населенія къ переписи, гдѣ замѣчены нѣкоторыя весьма цѣнныя бытовыя черты, обусловливающія удачу или неудачу труда статистиковъ, когда они приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ опрашиваемыми крестьянами. Характерны, между прочимъ, случаи, когда «сами статистики преклонялись, такъ сказать, передъ крестьянской добросовѣстностью. Вотъ—крестьянинъ, сдѣлавшій 20 верстъ, побывавшій въ двухъ деревняхъ прежде, чѣмъ нашелъ статистика, котораго и просилъ внести въ карточку пропущенную при переписи корову. Вотъ другой, приводящій на сходъ старика-священника для засвидѣтельствованія, что у него въ день переписи родился сынъ Никита. Вотъ старушка крестьянка, бѣгущая за нѣсколько верстъ въ волость узнать записали ли статистики ея «курочекъ», которыхъ, въ концѣ концовъ, всетаки не записали. Вотъ 60-ти лѣтній дьяконъ, нагоняющій статистиковъ 18 верстъ верхомъ, чтобы сообщить имъ о пропускѣ у него трехлѣтней телки; «случаи, когда крестьяне пріѣзжали въ другія селенія съ цѣлью исправленія количества скота, повторялись въ практикѣ переписей буквально сотни разъ» (153). Вообще, «отношеніе крестьянъ къ переписи характеризуются двумя выдающимися чертами: съ одной стороны, добросовѣстнымъ участіемъ въ дѣлѣ, а съ другой—несомнѣннымъ уваженіемъ къ авторитету схода, какъ контролирующаго органа крестьянской общественной жизни—условія, одинаково способствовавшія полученію доброка-

чественныхъ статистическихъ данныхъ». «Разъ рѣчь заходила объ экономическихъ признакахъ того или другого единичнаго хозяйства, сходу нерезонно было допускать, чтобы значеніе хозяйства богача было умалено на ряду съ хозяйствомъ крестьянина-середняка и тѣмъ болѣе—бѣдняка. Примѣры явной недобросовѣстности въ этомъ отношеніи были вообще рѣдки, исключительны. Въ худшихъ случаяхъ крестьянинъ не способенъ не отвѣтить на вопросъ, если онъ поставленъ ему прямо, категорически, а изъ такихъ вопросовъ состояла вся перепись. Въ большинствѣ же остальныхъ случаевъ крестьяне серьезно заботились лишь о томъ, чтобы припомнить, не забыть тѣхъ или другихъ обстоятельствъ изъ ихъ хозяйственной жизни, и въ этомъ имъ помогали сосѣди, пріятели, сходъ, общество» (стр. 185—186).

Мы не будемъ останавливаться на отдѣлѣ таблицъ. Имя Ѳ. А. Щербина достаточно ручается за то, что онъ составленъ съ большой детальностью. Каждая изъ 44 таблицъ ждетъ работника, который произвелъ бы надъ ней всѣ нужныя статистическія манипуляціи и сдѣлалъ всѣ возможные выводы—громадное и благодарнѣйшее поле для работы. Особенное вниманіе обращаютъ на себя три комбинаціонныя таблицы съ группировкой дворовъ по хозяйственнымъ признакамъ. Отмѣтимъ заслуживающее подражанія нововведеніе—къ этому отдѣлу приложено семь образцовъ переписныхъ карточекъ.

Остановимся на анализѣ средней семьи, подробно и тщательно разработанной въ «Сборникѣ». «Семейный составъ представляетъ собой тотъ центральный пунктъ въ хозяйствѣ, около котораго концентрируются всѣ хозяйственные признаки». Въ Воронежской губ. онъ отличается большимъ разнообразіемъ — начиная съ одиночекъ и мелкихъ хозяйствъ въ 2, 3 и 4 души, до семействъ изъ 20, 30,40 и даже болѣе душъ (309). Въ среднемъ по губерніи приходится менѣе 7 душъ на семью (687 на 100 семействъ), причемъ поуѣздныя колебанія этой средней величины (отъ 777 въ Нижнедѣвицкомъ до 659 въ Богучарскомъ, т. е. а 17,9%) значительно больше, чѣмъ колебанія ея по разрядамъ крестьянъ (у бывш. государственныхъ 699, у собственниковъ 659, у дарственниковъ 632). Причины, оказывающія въ данномъ случаѣ вліяніе, очень сложны; сюда относятся, съ одной стороны, національныя и бытовыя условія, а съ другой—народно-хозяйственныя. «При самомъ поверхностномъ сопоставленіи данныхъ о средней семьѣ съ другими данными подворныхъ переписей легко подмѣтить ту и другую зависимость между тѣми и другими»: съ одной стороны—группа уѣздовъ (Нижнедѣвицкій, Коротоякскій, Землянскій), характеризующаяся наибольшей средней семьей, населена преимущественно великороссами, а группа уѣздовъ (Острогожскій, Валуйскій, Богучарскій), отличающаяся наименьшей средней семьею, наоборотъ, населена главнымъ образомъ малороссами. Съ другой

стороны, наибольшій составъ семьи у бывш. государственныхъ крестьянъ совпадаетъ съ наибольшимъ ихъ среднимъ земельнымъ обезпеченіемъ (13,39 дес. на семью), второе мѣсто по обоимъ признакамъ занимаютъ собственники (6,63 дес.), а послѣднее—дарственники (2,37 дес.). Т. е. чѣмъ богаче крестьяне землей, тѣмъ больше у нихъ средній составъ семьи, и наоборотъ. Аналогичная реакція получается и при сопоставленіяхъ по другому хозяйственному признаку—по скоту (въ Коротоякскомъ уѣздѣ у бывш. государственныхъ при 5,3 гол. скота на семью средній ея составъ 7,29 душъ, а у дарственниковъ при 6,7 гол.—8,35; въ Бирюченскомъ уѣздѣ у первыхъ 3,2 гол. и 6,83 душъ, а у вторыхъ—4,0 гол. и 7,08 душъ). Очевидно, въ ряду народно-хозяйственныхъ факторовъ размѣръ средней семьи можетъ опредѣляться не какимъ либо однимъ, а взаимодѣйствіемъ нѣсколькихъ признаковъ (310—13).

Во времени замѣчается дробленіе семьи: на 100 семействъ приходится у бывш. государственныхъ населенія ревизскаго 1037, а наличнаго—699; у бывш. помѣщичьихъ перваго—772, второго—653. Это явленіе находится въ связи съ семейными раздѣлами—больше половины семействъ (55,9%) раздѣлилось въ послѣдніе 20 лѣтъ, причемъ поуѣздныя колебанія этой цифры устанавливаютъ, что «процессъ измельчанія крестьянской семьи начался позже у великороссовъ, имѣющихъ и теперь еще большую семью, чѣмъ у малороссовъ, и раньше у этихъ послѣднихъ» (315—17). Приходится пожалѣть, что этотъ интересный вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ не разработанъ у Ѳ. А. Щербины нѣсколько подробнѣе. Было бы весьма полезно пролить свѣтъ на то обстоятельство, поскольку эти національныя различія стушевываются передъ вліяніемъ другихъ—народно-хозяйственныхъ факторовъ, дѣйствующихъ въ одномъ направленіи на обѣ народности—словомъ, изучить размѣръ вліянія на данное явленіе той и другой серіи факторовъ.

Детализируя приведенныя данныя, авторъ дѣлаетъ сопоставленія размѣровъ средней семьи у различныхъ общественныхъ группъ населенія. Прежде всего, семья оказывается гораздо крупнѣе у наличнаго крестьянскаго населенія (687 на 100 сем.), чѣмъ у сторонняго (всѣхъ сословій) (483 на 100 сем.) и у отсутствующаго (419). Изъ этого уже можно видѣть, что у крестьянъ семья по составу значительно болѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ представителей деревни. И въ самомъ дѣлѣ дальнѣйшія группировки показываютъ, что «средняя семья мельчаетъ по мѣрѣ того, какъ извѣстная группа населенія дальше, такъ сказать, отодвигается отъ крестьянъ или больше теряетъ связей съ ними». На первомъ мѣстѣ по данному признаку стоятъ три названные выше разряда крестьянъ (699—632 души на 100 семействъ), за ними слѣдуютъ быв. дворовые (558) и сторонніе крестьяне (473), далѣе—мѣщане (469), привилегированныя сословія (443) и, наконецъ, отсутствующее населеніе (внѣ уѣзда 432 и въ предѣлахъ уѣзда 336). Понятно, почему дво-

ровые—эти «обойденные закономъ и затѣмъ совсѣмъ забытые крестьяне»—по составу семьи стоятъ ближе всѣхъ къ коренному крестьянскому населенію. Старыя крестьянскія связи и нѣкоторое тяготѣніе къ землѣ (выражающееся въ арендованіи земель) пока продолжаютъ видимо сказываться въ семейномъ составѣ той части двороваго населенія, которая не порвала окончательно нитей съ родными нѣдрами и деревней».—Значительно мельче семья у стороннихъ селу крестьянъ, мѣщанъ и привилегированныхъ сословій. Хозяйственный бытъ этихъ группъ существенно отличается отъ предыдущихъ. Это—люди, живущіе жалованіемъ, большимъ по размѣрамъ, чѣмъ заработокъ рядового крестьянина, торговцы, промышленники, крупные арендаторы, кабатчики и пр. и—бѣдняки «съ наклонностями и привычками городского пролетаріата». Словомъ, это это та часть семейнаго населенія, которая «и по условіямъ жизни, и по привычкамъ и наклонностямъ больше тяготѣетъ къ занятіямъ, существенно отличнымъ отъ исконныхъ занятій крестьянина земледѣльца». У этихъ—и семья меньше и большая близость среднихъ величинъ для всѣхъ трехъ группъ. Наконецъ, двѣ послѣднія группы (отсутствующіе внѣ уѣзда и въ предѣлахъ уѣзда) состоятъ изъ лицъ, порвавшихъ связи съ родной деревней. Одни изъ нихъ составляютъ такое же «стороннее» населеніе въ другихъ селахъ, какъ и предыдущіе, находящіеся въ «полупривилегированномъ» положеніи въ деревнѣ, иногда въ городѣ; другіе—бѣдняки, потерявшіе связи съ землей и земледѣльческой жизнью. Отходъ накладываетъ, однако, на тѣхъ и другихъ одинаковый отпечатокъ въ томъ смыслѣ, что семья ихъ достигаетъ своего минимума по размѣрамъ. Болѣе или менѣе кочевой образъ жизни способствуетъ, по-видимому, весьма сильно выдѣленію новыхъ семей (стр. 318—22).

Въ крестьянскихъ семействъ г. Щербина останавливается прежде всего на «аномальныхъ» хозяйствахъ—бобылей и одиночекъ. Они не представляютъ собой семей въ обычномъ смыслѣ. «Это оторванные отъ семьи члены, живущіе, однако, какъ самостоятельныя хозяйственныя единицы». Число ихъ гораздо меньше среди мѣстнаго приписного населенія (1,34%), чѣмъ среди сторонняго (дворовыхъ, стороннихъ крестьянъ и мѣщанъ — 5,30%). Первая цифра, въ свою очередь, подвергается весьма крупнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ степени земельнаго обезпеченія крестьянъ: у безземельныхъ бобыли и одиночки составляютъ болѣе $^1/_6$ части всего числа ихъ семействъ (17,4%), у имѣющихъ до 5 дес. на дворъ — 2,1%, у тѣхъ, которые владѣютъ 5—15 дес.—менѣе $^1/_2$% (0,42%), у имѣющихъ 15—25 дес.—менѣе 0,1% (0,07%), а у наиболѣе состоятельныхъ (свыше 25 дес.) — всего 0,02%. Такимъ образомъ, относительное число ихъ значительно только у безземельныхъ; оно еще замѣтно у самыхъ малоземельныхъ, но составляетъ ничтожную величину у среднихъ и высшей группъ. Характерно, что среди одиночекъ женщины составляютъ весьма крупную часть — почти

половину (48,2%). Особенно часто онѣ встрѣчаются въ группѣ безземельныхъ: тамъ онѣ составляютъ болѣе $^3/_4$ (77,3%) всего числа бобылей. «Это — такъ называемыя черничкн или вѣкоуши, особый классъ женщинъ, не мирящихся съ тяжелою крестьянскою обстановкою и предпочитающихъ супружеству и семьѣ одиночное существованіе». Онѣ носятъ отличную отъ крестьянской одежду, иначе устраиваютъ свою домашнюю жизнь, избѣгаютъ по возможности тяжелаго крестьянскаго труда и обставляютъ себя иногда лучшими матеріальными условіями. Но участь женщинъ-бобылокъ «безродныхъ», какъ и мужчинъ бобылей, болѣе тяжела; среди нихъ встрѣчается и много бездомовыхъ; однако, бобылокъ не черничекъ среди одиночекъ немного (322—26).

Далѣе, составъ средней семьи увеличивается въ зависимости отъ улучшенія соотношенія между важнѣйшими хозяйственными факторами — землей, рабочими силами и рабочимъ скотомъ. Такъ, въ «упалыхъ» хозяйствахъ Нижедѣвицкаго и Коротоякскаго уѣздовъ приходится:

	На 1 семью душъ обоего пола:
1) Безъ земли, безъ работника и безъ рабочаго скота	1,79
2) Безъ земли, безъ работника, но съ 1 рабочей лошадью	2,75
3) Безъ земли, безъ рабочаго скота, но съ 1 работникомъ	3,61
4) Безъ земли, но съ 1 работникомъ и 1 рабочею лошадью	3,94

Т. е. «средняя семья упалыхъ хозяйствъ тѣмъ выше, чѣмъ больше оказывается на лицо положительныхъ хозяйственныхъ факторовъ и, наоборотъ—оно тѣмъ ниже по составу, чѣмъ меньше въ наличности этихъ послѣднихъ» (329).

На основаніи всего сказаннаго уже должно предположить, что матеріальная обезпеченность двора играетъ крупную роль въ опредѣленіи размѣровъ средней семьи. Мы уже видѣли выше, что на это явленіе оказываетъ вліяніе распредѣленіе крестьянъ по разрядамъ, обусловливающее разное ихъ земельное обезпеченіе. Еще рѣзче выясняется значеніе послѣдняго при болѣе мелкой надѣльной группировкѣ: у безземельныхъ средній составъ семьи—346 душъ на 100 дворовъ, у слѣдующихъ надѣльныхъ группъ (до 5 дес., 5—15, 15—25) — 505, 650, 891 и у наиболѣе многоземельныхъ (болѣе 25 дес.)—1263. Въ послѣдней группѣ средняя семья оказывается въ $3^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ первой, и въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ во второй; или—каждыя $3^1/_2$ безземельныя семьи и $2^1/_2$ малоземельныя составятъ только одну семью многоземельную. Интересно, что увеличенію надѣла въ каждой изъ упомянутыхъ группъ на одно и то же количество (5) десятинъ соотвѣтствуетъ

и почти одинаковый коэффиціентъ расширенія размѣровъ средней семьи: цифра первой группы относится къ цифрѣ второй, какъ 1 : 1,5, второй къ третьей, какъ 1 : 1,3. третья къ четвертой, какъ 1:1,4. Т. е. «замѣчаются если не совершенно тождественныя, то во всякомъ случаѣ очень правильныя однообразныя цифровыя отношенія». То же наблюдается и при поѣздныхъ сопоставленіяхъ (333 — 34). Нельзя не пожалѣть, что г. Щербина не дополнилъ этихъ разсчетовъ надѣльными группировками по количеству земли не на дворъ, а на ѣдока—результатъ былъ бы еще болѣе убѣдительнымъ. Въ томъ видѣ, какой они имѣютъ въ «Сборникѣ», приведенныя сопоставленія могутъ внушить неправильное предположеніе, что размѣры надѣльнаго обезпеченія при всякихъ размѣрахъ семьи остаются приблизительно одинаковыми на ѣдока. Неосновательность этого предположенія легко замѣтить, произведя примѣрный подсчетъ соотвѣтственныхъ цифръ даже приведенной таблички. Но всетаки такой подсчетъ еще надо произвести, а безъ него нѣсколько умаляется убѣдительность важнаго вывода, къ которому привели автора цифры.

Совершенно аналогично вліяніе колебаній и другихъ хозяйственныхъ признаковъ на средніе размѣры семьи. Эти размѣры увеличиваются съ ростомъ числа *работниковъ* въ хозяйствѣ (по двумъ уѣздамъ: безъ работника — на 100 семействъ 340, съ 1 работникомъ — 552, съ 2-мя — 801, съ тремя и болѣе — 1228), *рабочаго скота* (по пяти уѣздамъ: безъ рабочаго скота — 450, съ 1 лош. или 1 пар. вол.—592, съ 2—3 лош. или паръ вол.—837, съ 4 и бол. лошад. или парами воловъ—1296) и *вообще крупнаго скота* (по 8 уѣздамъ: въ селеніяхъ, имѣющихъ на 1 хозяйство 1—2 гол.—574, 2—5 гол.—663, 5—10 гол.—749, болѣе 10 гол. 929). И въ этомъ случаѣ увеличеніе средней семьи въ каждой послѣдующей группѣ по сравненію съ предыдущей совершается съ большой послѣдовательностью (по числу рабочихъ 1 : 1,5 или къ 1,6, по рабочему скоту—1 : 1,3—1,5 (стр. 396—8). Такимъ образомъ, увеличеніе каждаго изъ главныхъ факторовъ крестьянскаго хозяйства въ результатѣ вліяетъ въ смыслѣ роста размѣровъ средней семьи. «Малый размѣръ семьи обусловливается не только безземеліемъ или малоземеліемъ, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что безземельная или малоземельная группы хозяйствъ заключаютъ въ себѣ, сверхъ того, большой процентъ хозяйствъ безъ работника или съ однимъ работникомъ, которыя къ тому же и лишены рабочаго скота, а высокій размѣръ средней семьи, наоборотъ, обусловливается инымъ составомъ хозяйствъ, имѣющихъ при достаточномъ земельномъ обезпеченіи достаточное количество наличныхъ работниковъ и рабочаго скота». Это положеніе подтверждается цифровыми сопоставленіями, не оставляющими сомнѣнія въ его справедливости, въ результатѣ которыхъ оказывается, что составъ средней семьи представляетъ собой «какъ бы равнодѣйствующую всѣхъ видовъ хо-

зяйствъ, какія входятъ въ извѣстную группу по тому или другому преобладающему признаку». Чѣмъ въ группѣ болѣе упалыхъ, слабосильныхъ хозяйствъ, тѣмъ средніе размѣры семьи въ ней меньше и наоборотъ (340—41).

Такія же колебанія размѣровъ средней семьи обнаруживаются и при группировкѣ по другимъ признакамъ. У бездомовыхъ на 100 семействъ 376 душъ, а у имѣющихъ дома — 698. Въ хозяйствахъ, нанимающихъ батраковъ на сторону, 658, въ хозяйствахъ безъ найма въ батраки и не нанимающихъ батраковъ—682, а въ хозяйствахъ съ батраками—855 (стр. 342). Бездомовыя и отпускающія на сторону батраковъ семьи, т. е. бѣднѣйшія—меньше, болѣе состоятельныя, нанимающія батраковъ, — больше. Слабѣе реакція тѣхъ же количествъ по признаку занятій промыслами—размѣръ семействъ, не занимающихся никакими промыслами, занимающихся сельско-хозяйственными промыслами и смѣшанными, почти одинаковъ (719—731); но даже и въ этомъ случаѣ на 100 наиболѣе самостоятельныхъ хозяйствъ, занимающихся торговопромышленными промыслами приходится гораздо больше—1108 душъ (стр. 343). Слѣдовательно, колебанія интересующихъ насъ величинъ зависятъ отъ размѣровъ матеріальнаго обезпеченія двора; «центръ тяжести находится въ различномъ удовлетвореніи потребностей личности, семьи и хозяйства, поскольку зависитъ это удовлетвореніе отъ экономической силы хозяйствъ» (стр. 344).

Г. Щербина указываетъ, далѣе, на установившееся мнѣніе, что на работникѣ держится все благостояніе крестьянской семьи. Развивая его далѣе, авторъ указываетъ на то, что и организація крестьянскаго хозяйства строго приспоблена къ числу работниковъ (въ громадномъ большинствѣ дворовъ оказывается столько же рабочихъ лошадей и столько же сохъ, сколько работниковъ); а это наводитъ на мысль, что и «внутренній строй крестьянской семьи также обусловливается отношеніемъ работника къ остальнымъ ея членамъ», т. е., что семейный составъ долженъ находиться въ извѣстномъ количественномъ отношеніи къ числу наличныхъ работниковъ. Такое предположеніе въ дѣйствительности и подтверждается. По уѣздамъ Воронежской губ., на 1 работника приходится въ семьѣ душъ обоего пола весьма мало измѣняющееся количество—3,18 — 3,45; колебанія его очень невелики. И далѣе, тамъ, гдѣ средняя семья крупнѣе (сѣверные уѣзды — 7,01 душъ), приходится больше душъ на 1 работника (1,62) и, наоборотъ (южные уѣзды—6,46 душ. и 1,59), «съ измѣненіями патріархальной крестьянской семьи мѣняется, очевидно, и составъ ея въ двухъ отношеніяхъ: и сама по себѣ она мельчаетъ, уменьшается и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается число лицъ, причитающихся на 1 работника. Измѣненія общихъ жизненныхъ условій ведутъ къ измѣненіямъ въ семьѣ прежде всего чисто количественнымъ, и малая семья, какъ бы въ противоположность большой, старой, патріархальной семьѣ, служитъ признак-

комъ прежде всего хозяйственныхъ измѣненій». Въ подтвержденіе сопоставляются среднія числа душъ обоего пола на работника у крестьянъ съ такими же числами у «сторонняго» деревенскаго населенія, изъ чего оказывается, что у послѣдняго они меньше, чѣмъ у первыхъ (среднее у крестьянъ—3,28, у дворовыхъ—3,05, у стороннихъ крестьянъ—3,09, у мѣщанъ—2,97). Но средняя крестьянская семья сокращается и какъ бы стремится догонять этихъ послѣднихъ: «на ряду съ крестьянами - земледѣльцами начинаетъ, образовываться классъ хозяевъ-ремесленниковъ, промышленниковъ торговцевъ и представителей одного лишь труда,—и вотъ данныя о хозяйствахъ этихъ типовъ вліяютъ понижающимъ образомъ на средній составъ крестьянской семьи» (345—348).

Развивая далѣе высказанное положеніе, авторъ останавливается на анализѣ элементовъ той части семьи, которая группируется вокругъ взрослаго работника, начиная съ возрастнаго ея состава. Особая табличка показываетъ, что число дѣтей возрастаетъ вмѣстѣ съ земельнымъ обезпеченіемъ (до 6 лѣтъ у безземельныхъ—15,41%, а у имѣющихъ свыше 25 дес.—22,63%; 7—13 лѣтъ — у первыхъ 13,86%, у вторыхъ—16,29%; обѣ группы вмѣстѣ у первыхъ—29,57%, у вторыхъ 38,92%, т. е больше почти на 10%), и изъ другой вытекаетъ, что чѣмъ въ большемъ количествѣ дѣти входятъ въ извѣстную группу семействъ, тѣмъ больше приходится на 1 работника и ѣдоковъ. Слѣдовательно, въ большихъ земледѣльческихъ семьяхъ («приближающихся по своему типу къ старымъ патріархальнымъ семьямъ») дѣтей больше, а въ малыхъ—меньше (350 — 352). Большее обезпеченіе землей способствуетъ увеличенію числа дѣтей, а меньшее—его сокращенію. Тенденція къ сокращенію среднихъ размѣровъ семьи должна поэтому отражаться на уменьшеніи дѣтскаго населенія. Отъ какихъ же причинъ можетъ происходить такое явленіе? Этотъ вопросъ приводитъ къ необходимости познакомиться съ цифрами смертности. Соотвѣтственныя сопоставленія указываютъ на то, что процентъ смертности населенія падаетъ съ увеличеніемъ размѣровъ средней семьи и количества ѣдоковъ на 1 работника (въ 3 уѣздахъ съ увеличеніемъ средняго надѣла отъ $<$ 5 дес. до $>$ 25 дес. средняя семья ростетъ съ 4,55 душъ на 14,18, а % умершихъ падаетъ съ 3,32 на 2,39; въ 6 уѣздахъ первая увеличивается съ 5,17 на 12,03, а второй уменьшается съ 3,50 на 2,62). «Цифры съ поразительной правильностью указываютъ на зависимость размѣра семьи отъ % смертности». Изучая, далѣе, тѣ же величины по возрастамъ (для 6 уѣздовъ) удается замѣтить, что на приведенныя среднія величины вліяютъ больше всего цифры дѣтской смертности. Въ группѣ до 1 года умираютъ у безземельныхъ 21,71%, а у имѣющихъ болѣе 25 дес —только 14,93%; въ группѣ 1—6 лѣтъ—у первыхъ 7,82%, у вторыхъ—4,71%. Едва ли слѣдуетъ прибавлять, что во всѣхъ возрастныхъ группахъ до 60 лѣтъ смертность первыхъ выше смерт-

ности вторыхъ и только послѣ 60 лѣтъ отношеніе это мѣняется въ обратную сторону, такъ какъ доживаніе до старчества у болѣе состоятельныхъ чаще, чѣмъ у бѣднѣйшихъ. — Слѣдовательно, малыя и менѣе состоятельныя семьи вымираютъ сильнѣе, что обусловливается главнымъ образомъ болѣе сильной дѣтской ихъ смертностью. Въ большихъ семьяхъ процентъ послѣдней значительно слабѣе, доживаніе до болѣе старшаго возраста чаще и количество ѣдоковъ, и особенно дѣтей, на 1 работника больше (353—5).

Аналогичные выводы получаются и изъ сопоставленія данныхъ о калѣчности и болѣзненности съ среднимъ составомъ семьи. По мѣрѣ увеличенія послѣдней отъ безземельной группы до наиболѣе многоземельной съ 3,46 на 12,05 душъ, % лицъ калѣчныхъ и имѣющихъ физическіе недостатки рѣзко падаетъ съ 3,91 на 0,88. Характерно крупное паденіе этой величины: число такихъ лицъ у безземельныхъ, какъ указано, почти достигаетъ 4%, но дѣлаетъ большой скачекъ даже къ минимальной земельной группѣ (до 5 дес. —1,78%), затѣмъ цифры уменьшаются въ слѣдующихъ группахъ гораздо менѣе быстро (1,78%; 1,47%; 1,15% и 0,88%). Получается, что занятіе земледѣліемъ какъ бы предохраняетъ населеніе отъ калѣчества и пріобрѣтенія разныхъ физическихъ недостатковъ и тѣмъ больше, чѣмъ легче можно земледѣльцу обойтись безъ постороннихъ заработковъ. Такая закономѣрность наблюдается и во всѣхъ возрастныхъ группахъ въ отдѣльности и «граничитъ съ математической точностью». Рядомъ съ этимъ процентъ калѣчества постепенно возрастаетъ отъ дѣтскаго возраста къ старческому (напр., у безземельныхъ—съ 0,52% до 8, 64%, у имѣющихъ свыше 25 дес.—съ 0, 26% до 2,94% и т. п.), причемъ цифры также не даютъ ни одного отклоненія. Г. Щербина правильно изъ этого выводитъ, что калѣчество, какъ и смертность, возрастаетъ, во первыхъ, въ зависимости отъ размѣровъ семьи и земельнаго обезпеченія и, во вторыхъ, параллельно тому, какъ ребенокъ, переходя въ зрѣлый возрастъ, подвергается все больше тѣмъ условіямъ, которыми вызывается калѣчность въ крестьянской жизни и обстановкѣ, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ хозяйство бѣднѣе землей, т. е. опять таки рядомъ съ уменьшеніемъ численнаго состава семьи. Совершенно тѣ же отношенія замѣчаются и по признаку болѣзненности. Процентъ больныхъ понижается отъ группы безземельныхъ (0,97%) при наименьшемъ среднемъ составѣ семьи (3,46 душъ) къ группѣ наиболѣе многоземельной (0,25%) при наибольшемъ среднемъ составѣ семьи (12,03 душъ); вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же цифры увеличиваются по возрастнымъ группамъ отъ дѣтской къ старческой и, конечно, быстрѣе у менѣе обезпеченныхъ, чѣмъ у болѣе состоятельныхъ (у безземельныхъ—съ 0,27% до 2,22%, у имѣющихъ свыше 25 дес.—съ 0,12% на 0,81%). Слѣдовательно, «надо полагать, что и условія труда, и хозяйственная обстановка, и жизненныя удобства и вообще неравномѣрное удовлетвореніе потребностей личныхъ, се-

мейныхъ и хозяйственныхъ вызываютъ различные проценты заболѣваемости, калѣчности и смертности у различныхъ хозяйственныхъ группъ населенія. Объясненіе всего этого, стало быть, надо искать главнымъ образомъ въ потребительныхъ процессахъ крестьянскаго хозяйства, какъ результатѣ приложенія труда при различныхъ хозяйственныхъ условіяхъ» (стр. 355 — 361). А такъ какъ всѣ эти измѣненія совершаются параллельно уменьшенію среднихъ размѣровъ семьи, вызываемому ухудшающимися хозяйственными условіями,—то тщательное изученіе вліянія, которое оказываетъ это явленіе на производственные и потребительные процессы крестьянскаго хозяйства пріобрѣтаетъ выдающійся народно-хозяйственный интересъ.

Въ ближайшей связи со всѣмъ сказаннымъ находится и приростъ населенія, измѣняющійся въ томъ же направленіи. Въ 6 уѣздахъ у безземельныхъ ежегодные его размѣры весьма скромны— 0,62%, у имѣющихъ до 5 дес.—1,68%, у имѣющихъ 5—15 дес.— 2,06%, у имѣющихъ 15—25 дес.—2,44%, а въ многоземельной группѣ свыше 25 дес.—2,95% (стр. 392). Гдѣ больше надѣлъ и гдѣ крупнѣе составъ семьи, тамъ жизненныя удобства нѣсколько улучшаются и приростъ населенія вслѣдствіе этого увеличивается. Это характерное обстоятельство получаетъ интересную иллюстрацію въ анализѣ денежныхъ расходовъ крестьянской семьи Воронежской губерніи. Приведемъ изъ него нѣсколько цѣнныхъ данныхъ. Средніе размѣры такихъ расходовъ *на одну душу* обоего пола *ростутъ* вмѣстѣ съ величиной надѣла (у безземельныхъ 18 р. 42 к., у слѣдующихъ группъ 18 р. 77 к., 18 р. 55 к., 19 р. 17 к., у имѣющихъ болѣе 25 дес.—22 р. 79 к.) (стр. 376). Но мы уже знаемъ, что вмѣстѣ съ ростомъ надѣла увеличиваются и размѣры средней семьи. Слѣдовательно, чѣмъ больше семья, тѣмъ она можетъ нести большіе денежные расходы. На какой же предметъ они производятся? Оказывается, что на *личныя* потребности *денежные* расходы крупнѣе у бѣднѣйшихъ группъ, чѣмъ у болѣе состоятельныхъ (у безземельныхъ на 1 душу об. п. 15 р. 51 к., у имѣющихъ до 5 дес. на дворъ 10 р. 81 к., у слѣдующихъ группъ 8 р. 97 к., 8 р. 33 к. и у высшей—9 р. 3 к.). Въ то же время расходы на *хозяйственныя* потребности, наоборотъ—и въ томъ же порядкѣ группъ возрастаютъ (на 1 душу об. п. у безземельныхъ—2 р. 91 к., у слѣдующихъ группъ 7 р. 96 к., 9 р. 58 к., 10 р. 84 к. и у имѣющихъ свыше 25 дес.—13 р. 66 к.) (стр. 377). Слѣдовательно, увеличеніе денежныхъ расходовъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ семьи происходитъ не на покупку большаго числа продуктовъ на рынкѣ для личнаго потребленія, а на улучшеніе своего хозяйства. Мы позволимъ себѣ, слѣдуя г. Щербинѣ (378), нѣсколько детализировать это важное положеніе въ слѣдующей табличкѣ. Денежные расходы въ рубляхъ (на 1 душу об. п. по 6 уѣздамъ):

	Безземельн.	До 5 дес.	5—15 дес.	15—25 дес.	Бол. 25 д.
На личныя потребности:					
На покупку хлѣба	3,87	1,56	0,68	0,32	0,15
» » другой пищи	1,45	1,05	0,81	0,65	0,60
» » чая	0,60	0,32	0,21	0,16	0,25
» » одежды и обуви	3,03	3,18	2,92	2,87	3,21
» остальн. личн. потребн.	6,46	4,70	4,35	4,33	4,92
На хозяйственныя потребности:					
На скотъ	0,44	1,13	1,61	2,20	2,87
» инвентарь	0,15	0,49	0,64	0,72	0,91
» батраковъ	0,17	0,13	0,26	0,33	0,53
» платежи	0,29	1,45	2,80	3,61	4,18
» остальныя хоз. нужды	1,86	4,66	4,27	3,98	5,17

Бѣглаго взгляда на горизонтальные ряды табличка достаточно, чтобы замѣтить глубокое различіе ихъ въ обѣихъ категоріяхъ расходовъ. Въ то время, какъ личные расходы сокращаются отъ первой группы (безземельной) къ послѣдней (многоземельной), хозяйственные въ томъ же порядкѣ возрастаютъ. Исключеній немного и они не характерны; указанная тенденція сказывается въ табличкѣ съ весьма большой правильностью.

Рядомъ съ этимъ денежные *доходы* въ среднемъ на 1 душу об. п. измѣняются по земельнымъ группамъ весьма мало (20 р. 98 к., 20 р. 9 к., 19 р. 89 к., 20 р. 73 к. и 25 р. 92 к.) (стр. 380); они повышаются лишь въ послѣдней многоземельной группѣ. Но существуетъ значительное различіе въ источникахъ, изъ которыхъ онѣ почерпаютъ эти доходы: безземельныя и малоземельныя группы— главнымъ образомъ отъ промысловъ (17 р. 69 к., 13 р. 30 к., 10 р. 19 к.,—а у имѣющихъ 15—25 дес. 8 р. 49 к., у имѣющихъ болѣе 25 дес. — 8 р. 40 к.), а большеземельныя — отъ продажи хлѣба и скота (у безземельныхъ 1 р. 34 к., у слѣдующихъ группъ 4 р. 93 к., 7 р. 61 к., 10 р. 29 к., у высшей 15 р. 35 к.) (стр. 381).

Такимъ образомъ, средняя величина денежныхъ доходовъ семьи на 1 душу является величиной довольно постоянной и повышается сколько нибудь замѣтно только въ группѣ, обладающей наибольшимъ надѣломъ. Размѣры ихъ, повидимому, диктуются внѣшними условіями, окружающими крестьянское потребленіе и платежи. Если семья не можетъ получить такой суммы изъ своего надѣльнаго хозяйства, то она принуждается заработать ее отъ промысловыхъ занятій. Когда, наконецъ, эти деньги получены тѣмъ или другимъ путемъ, имъ дается то или иное назначеніе, сообразно опять таки наличнымъ условіямъ земледѣльческаго хозяйства. Если послѣднее обставлено разными хозяйственными факторами слабо, или его про-

дуктивная доходность, даже по крестьянской мѣрѣ, мала, то и затрать на него дѣлается сравнительно немного, ибо значительно большую часть дохода надо истратить на *покупку* предметовъ первой необходимости. Если же, наоборотъ, продуктивная доходность хозяйства сильнѣе, если оно можетъ нѣсколько больше удовлетворить первымъ потребностямъ семьи, то тратить на покупку предметовъ потребленія со стороны приходится относительно меньше и, слѣдовательно—употреблять относительно больше на поддержку того же хозяйства. Но мы уже имѣемъ доказательства того, что этимъ путемъ происходитъ нѣсколько лучшее, болѣе полное удовлетвореніе потребностей хозяйской семьи: и дѣтей въ такихъ дворахъ бываетъ больше, и меньше больныхъ, калѣкъ и смертныхъ случаевъ. Слѣдовательно, болѣе обезпеченный дворъ, обладающій этими преимуществами, носитъ болѣе потребительный характеръ. Въ то же время онъ обладаетъ и большимъ среднимъ составомъ семьи. Т. е. чѣмъ она крупнѣе, тѣмъ меньше имѣетъ дѣло съ рынкомъ, тѣмъ *натуральнѣе* ея хозяйство и тѣмъ лучше обставляется ея потребленіе. И наоборотъ, чѣмъ семья менѣе обезпечена своимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, тѣмъ она мельче, тѣмъ болѣе она носитъ промысловый характеръ, тѣмъ болѣе она покупаетъ для себя продуктовъ на сторонѣ (въ среднемъ на 1 душу) и тѣмъ хуже обставлено ея потребленіе.

На этомъ можно остановиться. Сказанное даетъ уже тѣ существенныя черты явленія, которыя представляются особенно цѣнными въ изслѣдованіи г. Щербины.

Исходнымъ пунктомъ, какъ можно было замѣтить, является степень устойчивости крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Его крѣпость или маломочность является главнѣйшимъ факторомъ, регулирующимъ всѣ прочіе процессы, о которыхъ шла рѣчь. Чѣмъ лучше дворъ обезпеченъ землей, рабочими и скотомъ, чѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ семья крупнѣе. Такая хозяйственная единица крѣпче держится за землю, меньше занимается промыслами, меньше отпускаетъ батраковъ на сторону; она потребляетъ больше продуктовъ, добытыхъ въ собственномъ хозяйствѣ, и получаетъ лучшее удовлетвореніе своихъ потребностей; вслѣдствіе этого—въ ней меньше развита болѣзненность, меньше дѣтская смертность и смертность вообще, большее количество лицъ доживаетъ до старшихъ возрастовъ и прироетъ ея происходитъ быстрѣе. Наоборотъ, чѣмъ хуже обезпеченіе двора землей, рабочими и скотомъ, чѣмъ онъ маломочнѣе, тѣмъ средніе размѣры семьи меньше. Среди такихъ хозяйствъ больше бобылей, одиночекъ, «упалыхъ» дворовъ; такія принуждаются больше заниматься промыслами, отпускать больше батраковъ на сторону; они потребляютъ меньше продуктовъ своего хозяйства и получаютъ худшее удовлетвореніе своимъ потребностямъ; вслѣдствіе этого въ такихъ семьяхъ больше развита болѣзненность, смертность и въ частности—дѣтская смертность, меньшее количество лицъ

доживаетъ до старшихъ возрастовъ и приростъ происходитъ медленнѣе. Слѣдовательно, всѣ факторы, увеличивающіе благосостояніе семьи, вліяютъ въ смыслѣ продолженія и развитія процессовъ перваго рода и, наоборотъ, всѣ факторы, уменьшающіе ея благосостояніе, вліяютъ въ смыслѣ продолженія и развитія процессовъ второго рода. Какой же изъ этихъ случаевъ происходитъ въ дѣйствительности?

Средніе размѣры надѣловъ на ѣдока съ теченіемъ времени уменьшаются; т. е. сокращается главнѣйшій факторъ благосостоянія земледѣльческаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ средній составъ семьи становится мельче. Оба эти явленія служатъ и причиной, и показателемъ того, что, по крайней мѣрѣ, въ Воронежской губерніи должны имѣть мѣсто процессы второго рода. Становится понятнымъ все то, что, какъ выше указано, говоритъ г. Щербина объ измѣняющихся условіяхъ жизни массы, о нарожденіи «класса хозяевъ ремесленниковъ, промышленниковъ и представителей одного лишь труда» и т. п. Но мы видѣли, что средняя семья мельчаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе та или иная группа населенія отходитъ отъ земли. Слѣдовательно, съ пониженіемъ суммы продуктовъ, доставляемыхъ среднимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, или, что то же, съ увеличеніемъ роли промысловъ и разныхъ не земледѣльческихъ занятій, она должна мельчать еще болѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ она должна при этомъ, какъ указано, больше отпускать на сторону батраковъ, хуже удовлетворять своимъ потребностямъ; при этомъ болѣзненность ея и смертность должны возрастать, а приростъ — сокращаться. Наконецъ, при такомъ процессѣ должно развиваться и выселеніе (у беземельныхъ семьи выселившіяся составляютъ по 10 уѣздамъ—52,0%, въ слѣдующихъ надѣльныхъ группахъ—18,9%, 6,4% и 3,0%, а въ высшей—только 1,8%) (стр. 399). Результатъ такого уменьшенія состава семьи для земледѣльческаго промысла страны должны быть, конечно, удручающіе. Къ этому типу измельчавшаго хозяйства можетъ быть болѣе, чѣмъ ко всякому другому, примѣненъ отзывъ К. Маркса о мелкихъ производителяхъ: въ нихъ развиваются трудно преодолимыя преграды развитію производства, преграды, сводящіяся къ недостатку средствъ для приложенія общественной производительной силы труда, къ тому, что «преобладающимъ трудомъ является трудъ не общественный, а обособленный, что, слѣдовательно, при этомъ исключается возможность богатства и развитія, воспроизводства какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ условій, а потому также и условій раціональной культуры» *).

«Происходящія въ крестьянской семьѣ измѣненія, говоритъ г. Щербина, указывающія на распаденіе старой патріархальной земледѣльческой семьи, характеризуются разростаніемъ беземель-

*) Капиталъ, т. III, русск. пер. стр. 667—72.

ныхъ и малоземельныхъ группъ крестьянскаго хозяйства, по которымъ, въ свою очередь, наименьшія семьи по составу выселяются на сторону» (404). Не мы, конечно, будемъ печалиться по поводу распаденія этой «патріархальной» семьи, въ которой, очевидно, есть немало моментовъ, побуждающихъ молодыя семьи изъ нея выдѣляться. Да и сожалѣніемъ въ данномъ процессѣ можно помочь такъ же мало, какъ и законодательными ограниченіями семейныхъ раздѣловъ. Внутренній общественный процессъ, о которомъ идетъ рѣчь, какъ показываетъ анализъ г. Щербины, обусловленъ такой массой сложныхъ и взаимно переплетающихся причинъ (изъ которыхъ авторомъ указаны даже далеко не всѣ), что думать о «поворотѣ исторіи назадъ» представляется совершенно неблагодарнымъ занятіемъ.

Но крупная семья представляла собой извѣстную форму семейной кооперація, поднимавшую производительность труда. Не можетъ быть случайностью и неожиданностью то обстоятельство, что хозяйство самыхъ большихъ семействъ даетъ возможность получать нѣсколько болѣе крупные доходы *на ѣдока*, производить большіе расходы *на ѣдока же* въ самомъ хозяйствѣ, членамъ хозяйской семьи лучше питаться, меньше болѣть и умирать. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть улучшенія качества труда, какъ результатъ большей общественности его, лучшаго его раздѣленія. Хотя основанная и на семейномъ началѣ, но такая группа людей представляетъ собой нѣкоторую разновидность ассоціаціи, имѣющей большую хозяйственную жизнеспособность, чѣмъ самая мелкая или просто брачная пара съ малолѣтками. Мы видѣли сейчасъ, что тотъ типъ разрушается. На то есть свои причины, переломить которыхъ нельзя. Констатируя этотъ фактъ, нельзя, однако, не задаться вопросомъ о томъ, что же идетъ ему на смѣну? Едва ли можно помириться на мысли, что крестьянское земледѣльческое хозяйство указаннымъ процессомъ ведется по прямому пути къ уменьшенію производительности труда, къ ухудшенію и безъ того плохихъ условій продовольствія населенія и ко всѣмъ тѣмъ демографическимъ послѣдствіямъ этихъ явленій, о которыхъ только что говорено выше.— Самъ г. Щербина лѣтъ 10 назадъ въ своей извѣстной статьѣ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (прежней редакціи)—«Договорная семья» указывалъ на интереснѣйшія проявленія противоположной тенденціи въ крестьянствѣ Воронежской губ —тенденціи къ *укрупненію* семьи, но уже на договорныхъ началахъ. Здѣсь не мѣсто приводить сообщенныя тамъ нѣкоторыя высоко интересныя комбинаціи, къ которымъ прибѣгаютъ домохозяева, стремящіеся на развалинахъ семьи патріархальной построить, изъ мотивовъ хозяйственныхъ, нѣчто вродѣ земледѣльческой ассоціаціи. Было бы весьма полезно, если бы г. Щербина, въ дополненіе къ своему весьма содержательному изслѣдованію о распаденіи семьи, сообщилъ результаты упомянутыхъ стремленій новѣйшей формаціи, стремленій, слу-

жащихъ лишь разновидностью той болѣе широкой, болѣе общей мысли объ артельномъ крупномъ хозяйствѣ, въ поискахъ реальнаго осуществленія которой работаетъ теперь немало людей, подъ вліяніемъ насущной матеріальной нужды мельчающей семьи и мельчающаго хозяйства.

Н. Карышевъ.

Читатель народной газеты.

Съ марта 1894 г. вятское губернское земство предприняло изданіе для народа періодическаго органа «Вятская сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная газета». Газета выходила еженедѣльно и стоила по подпискѣ 1 руб., но, сверхъ того, высылалась безплатно во всѣ волостныя и сельскія управленія, народныя библіотеки и народныя школы губерніи, въ томъ числѣ въ церковно-приходскія школы и школы грамоты. Всего газета расходилась въ 6,000 экземплярахъ. Характеръ газета носила узко-спеціальный, точно опредѣленный самымъ ея названіемъ. Такое ограниченіе земствомъ поля дѣятельности своей народной газеты было болѣе или менѣе отрицательно отмѣчено въ свое время нашею печатью. Такъ «Рус. Жизнь», «Рус. Вѣд.» и «Техн. Образов.» говорили о необходимости расширить програму газеты, «Рус. Мысль» высказывалась за возможное расширеніе задачи, хотя бы въ предѣлахъ утвержденной програмы. На самомъ дѣлѣ вятское земство съ самаго же начала сознавало, что первоначально приданный имъ газетѣ спеціально-сельско-хозяйственный характеръ далеко не отвѣчаетъ ея цѣлямъ и потому не можетъ оставаться постояннымъ. Оно рѣшило, начавши съ малаго, постепенно добиваться расширенія програмы своего изданія. Къ концу перваго же года существованія газеты имъ было испрошено разрѣшеніе расширить програму ея пятью новыми отдѣлами: 1) правительственныя распоряженія, 2) хозяйственная жизнь губерніи и Россіи, 3) земское продовольственное и страховое дѣло, 4) медицина и ветеринарія и 5) народное образованіе. На слѣдующій годъ земство возбудило ходатайство о расширеніи програмы газеты новымъ отдѣломъ — историко-литературнымъ. Это ходатайство тоже было уважено, и съ марта 1896 г. газета начала выходить уже по новой програмѣ. Однако и въ своемъ настоящемъ видѣ газета не оказалась достаточно полною и всестороннею для того, чтобы удовлетворить читателя изъ народа, и вотъ, мы видимъ, что губернское земское собраніе 1897 г. возбуждаетъ ходатайство о новомъ расширеніи про-

граммы «Вятской газеты». Послѣднее ходатайство было признано министромъ не подлежащимъ удовлетворенію.

Такова исторія единственнаго періодическаго органа, издаваемаго земствомъ для народа. Входить въ разборъ достоинствъ и недостатковъ газеты, дѣлать оцѣнку ея литературныхъ свойствъ въ прошломъ и настоящемъ мнѣ, какъ одному изъ бывшихъ близкихъ ея сотрудниковъ, было бы не совсѣмъ удобно. Гораздо интереснѣе будетъ попытаться охарактеризовать отношеніе къ газетѣ самого читателя изъ народа, благо для этого есть данныя.

Желая опредѣлить—поскольку газета отвѣчала истиннымъ нуждамъ населенія и какъ относился къ ней читатель-крестьянинъ, вятская земская управа въ началѣ второго года существованія газеты разослала свыше 1,000 вопросныхъ бланковъ во всѣ школы губерніи, какъ земскія и церковно-приходскія, такъ и школы грамоты. Бланки заключали въ себѣ слѣдующіе вопросы:

1) Аккуратно ли получается въ сельскихъ обществахъ газета или безпорядочно?

2) Раздаютъ ли старосты газету для прочтенія и какимъ порядкомъ?

3) Многіе ли крестьяне читаютъ газету?

4) Какія статьи въ газетѣ наиболѣе интересуютъ крестьянъ?

5) Насколько понятно для крестьянъ изложеніе (языкъ) статей въ газетѣ?

6) Удовлетворяются ли крестьяне выборомъ и содержаніемъ статей?

7) Какихъ статей не достаетъ въ газетѣ, по мнѣнію крестьянъ?

8) Сохраняется ли газета послѣ прочтенія и гдѣ?

На эти бланки управою было получено свыше 500 отвѣтовъ, результатомъ тщательной разработки которыхъ и является настоящая статья. Матеріалъ этотъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ совсѣмъ не былъ использованъ ни печатью, ни самимъ вятскимъ земствомъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ новизною предмета, соблазнитъ, быть можетъ, меня мѣстами разбирать отвѣты съ излишнею подробностью, но это, мнѣ думается, въ достаточной мѣрѣ оправдывается самымъ предметомъ.

Первое знакомство съ отвѣтами относительно «Вятской Газеты» прежде всего въ значительной степени разочаровываетъ въ цѣнности этого матеріала. Вмѣсто полныхъ и цѣнныхъ указаній, основанныхъ въ непосредственномъ наблюденіи, по большей части встрѣчаешь на предложенные вопросы короткіе и формальные, до утомительности однообразные отвѣты, которые порой даже прямо возбуждаютъ сомнѣніе въ своей достовѣрности. Кромѣ того, многіе корреспонденты уклонились отъ отвѣтовъ на наиболѣе важные вопросы, отговариваясь или тѣмъ, что газета издавалась слишкомъ непродолжительное время, или же, что имъ не приходилось говорить объ этомъ съ крестьянами. Такъ, одна учительница Орловскаго уѣзда пи-

шетъ, что высылаемой въ школу «Вят. Газ.» пользуется только одно мѣстное духовенство, крестьянамъ же она ее не предлагала. Другая учительница церковно-приходской школы пишетъ: «на вопросы дать отвѣта не могу, такъ какъ я, какъ учительница, занятая своимъ дѣломъ, не имѣю возможности слѣдить за той пользой, какую приноситъ «Вят. Газ.» среди крестьянскаго сословія» Третья учительница Глазовскаго уѣзда пишетъ, что она «не имѣетъ никакихъ свѣдѣній не только о степени удовлетворительности и пригодности для мѣстнаго населенія «Вят. Газ.» но и о томъ, извѣстно ли крестьянамъ о самомъ существованіи этой газеты, такъ какъ, не говоря уже о малограмотности крестьянъ, при школѣ вовсе нѣтъ документа, который бы уполномочивалъ учителя пускать вышеупомянутую газету въ обращеніе среди крестьянъ, а потому» и т. д. Четвертая учительница на всѣ вопросы откровенно заявляетъ: «Не бесѣдуя никогда съ крестьянами —не знаю». Въ этомъ же родѣ встрѣчаются и еще отвѣты, какъ учителей и учительницъ, такъ и представителей духовенства. Чаще всего они отдѣлываю ся односложными отвѣтами, вродѣ— «неизвѣстно», «не заявлено» и т. п., которые они выставляютъ аккуратно послѣ каждаго вопроса. Многіе изъ корреспондентовъ, даже давшихъ вполнѣ опредѣленные отвѣты, раньше тоже видимо не интересовались этимъ вопросомъ. Одна учительница Вятскаго уѣзда разсказывала мнѣ напр., объ исторіи своихъ отвѣтовъ слѣдующее. До полученія запроса земской управы получаемый въ школѣ экземпляръ газеты оставался никѣмъ не прочитаннымъ, а о томъ, получается ли газета старостами и волостнымъ правленіемъ,—учительница не знала. Получивши «предписаніе» управы, она было обратилась съ разспросами къ мѣстнымъ грамотѣямъ и старостамъ. Какъ тѣ, такъ и другіе отвѣтили ей, что никакой газеты они не получали, и даже не слыхали о ней. Тогда учительница дала нѣсколькимъ грамотѣямъ по одному номеру «Вят. Газ.» и просила въ назначенный день сдѣлать ей отзывы о газетѣ. Въ назначенный день грамотѣи возвратили номера газеты, причемъ одни изъ нихъ отозвались о газетѣ одобрительно, но больше газеты не просили, другіе сказали, что мало интереснаго, третьи же заявили, что многое непонятно. Въ своихъ отвѣтахъ управѣ учительница привела было всѣ эти отвѣты цѣликомъ, но завѣдующій школою священникъ (школа церковно-приходская) сказалъ, что если такъ послать, то управа «бидится», и велѣлъ передѣлать отвѣты. Учительница выполнила требованіе своего патрона, и въ результатѣ появился одинъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся отвѣтовъ, свидѣтельствующихъ, что газету читаютъ «немногіе», содержаніемъ и выборомъ статей удовлетворяются и т. д. Въ самыхъ отвѣтахъ тоже иногда встрѣчаются указанія на то, что они составлены не на основаніи предыдущихъ наблюденій, а лишь на основаніи свѣдѣній, собранныхъ спеціально для этихъ отвѣтовъ. Такъ, одинъ священникъ пишетъ, что старосты трехъ сельскихъ обществъ,

будучи имъ «27-го сего апрѣля допрошены по всѣмъ вышеозначеннымъ пунктамъ, показали», что крестьянъ наиболѣе интересуютъ статьи по земледѣлію и кустарной промышленности, что крестьяне «все хвалятъ, только къ дѣлу приложить никакъ не могутъ, какъ малограмотные»; по вопросу же о томъ, какихъ статей, по мнѣнію крестьянъ, недостаетъ въ газетѣ, сообщается, что «такого мнѣнія въ ихъ головахъ пока не видно».

Если мы даже оставимъ въ сторонѣ отвѣты этого рода и будемъ имѣть дѣло лишь съ лучшими изъ нихъ, то и эти послѣдніе производятъ недостаточно опредѣленное впечатлѣніе. Прежде всего въ авторахъ многихъ изъ нихъ чувствуется недостатокъ вдумчивости, недостатокъ практическаго знакомства съ предметомъ и въ то же время узость теоретическаго взгляда на вопросъ. Затѣмъ тяжелое впечатлѣніе производитъ безграмотность многихъ отвѣтовъ. Особенно безграмотны отвѣты учителей церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, а иногда также отвѣты нѣкоторыхъ священниковъ. Нѣкоторые изъ отвѣтовъ учителей школъ грамоты съ успѣхомъ могли бы фигурировать на страницахъ любого юмористическаго журнала. Среди нихъ есть такіе, въ которыхъ буквально всѣ до одного слова искажены, такъ что при чтеніи ихъ невольно возникаетъ мысль объ умышленномъ искаженіи.

Перейдемъ, однако, къ разсмотрѣнію самаго содержанія отвѣтовъ. Замѣчу при этомъ, что отвѣты касаются какъ экземпляровъ газеты, высылаемыхъ сельскимъ старостамъ такъ и экземпляровъ, получаемыхъ школами.

На первый вопросъ, — аккуратно ли получается въ сельскихъ обществахъ газета, — подавляющее большинство корреспондентовъ (439) отвѣчаетъ утвердительно. Жалуются на неаккуратную доставку газеты 58 человѣкъ, причемъ въ 26 случаяхъ нѣкоторые номера газеты нерѣдко затериваются. Кромѣ того, въ 7 отвѣтахъ жалуются на полное неполученіе газеты сельскими обществами и школами, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ даже и не подозрѣвали раньше, что имъ высылается газета. Неаккуратное доставленіе газеты по назначенію обусловливается, главнымъ образомъ, отдаленностью отдѣльныхъ селеній отъ волостного правленія, частью же просто небрежностью волостного начальства. Изъ волостного правленія газета нерѣдко посылается съ разными случайными оказіями, такъ что иногда приходитъ черезъ мѣсяцъ и большіе промежутки времени, иногда же нѣкоторые номера ея и совсѣмъ задерживаются. Такое неаккуратное полученіе корреспонденціи, по сообщенію нѣкоторыхъ корреспондентовъ, мѣшаетъ имъ выписывать для себя газеты и журналы вообще.

Способъ пользованія газетою имѣетъ несомнѣнный практическій интересъ и потому мы остановимся на этомъ вопросѣ подробнѣе. Получивши газету, старосты иногда передаютъ ее учителямъ, чтобы тѣ раздавали ее желающимъ читать, иногда же дѣлаютъ это сами. Никакого

порядка при раздачѣ газеты обыкновенно не соблюдается. Школьный экземпляръ иногда читается одними учениками, въ большинствѣ же случаевъ чрезъ учениковъ попадаетъ къ деревенскимъ грамотѣямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти грамотѣи берутъ газету непосредственно отъ учителя или учительницы. Есть, впрочемъ, указанія на то, что и школьный экземпляръ газеты не всегда доходитъ до народа. Такъ, напр., одинъ изъ учителей жалуется на то, что школьный экземпляръ «Вят. Газ.» высылается «на имя священно служителей, которые и сами ее не читаютъ, и другимъ не даютъ, а держатъ въ церковномъ архивѣ». Что касается раздачи газеты сельскими старостами, то она производится еще болѣе безсистемно. Староста не всегда предлагаетъ грамотнымъ газету самъ, и потому многіе грамотѣи нерѣдко даже не знаютъ о ея существованіи. Особенно трудно получить газету отъ неграмотнаго старосты, который часто и не знаетъ, для чего она присылается. По сообщенію ряда корреспондентовъ, неграмотные старосты либо тщательно хранятъ газету и никому не даютъ, боясь, что въ случаѣ потери имъ придется за нее отвѣчать, либо употребляютъ ее на «сигарки» или украшаютъ листами ея передній уголъ своей избы. Если неграмотный староста и даетъ газету грамотѣямъ, то въ самомъ безпорядочномъ видѣ. По словамъ одного священника, у неграмотныхъ старостъ «номера перепутаны и почти всегда даютъ, напр., № 7 съ концомъ № 3 или 5, 3-й съ 6-мъ и пр.» Боясь потери, нѣкоторые старосты Котельническаго у. «газету для прочтенія не раздаютъ, а даютъ читать ее у себя на дому». Въ другомъ мѣстѣ, по словамъ корреспондента, газета выдается старостою читателямъ подъ росписку. Одинъ земскій начальникъ Елабужскаго у. сообщаетъ, что волостныя правленія ввѣреннаго ему участка выдаютъ старостамъ газету подъ росписки, которыя затѣмъ предъявляются ему.

Недостатки существующей организаціи раздачи «Вят. Газ.» грамотнымъ крестьянамъ черезъ старостъ наводятъ на мысль о необходимости существенныхъ измѣненій. Такъ, одинъ священникъ пишетъ, что «вмѣсто раздачи газеты черезъ старостъ, лучше бы было распространять ее или черезъ духовенство, или черезъ школу; тогда, говоритъ корреспондентъ, и четвертая часть экземпляровъ болѣе бы принесла пользы и вѣрнѣе дошла бы до цѣли». Къ существующей системѣ распространенія газеты черезъ старостъ онъ относится вполнѣ отрицательно. Одинъ учитель Уржумскаго у. дѣлаетъ нѣсколько иное предложеніе. «Не лучше ли было бы, спрашиваетъ онъ, высылать газету учителю, если въ обществѣ есть такой, а если нѣтъ, то одному изъ самыхъ грамотныхъ въ томъ обществѣ, такъ сказать, любителю чтенія? Такіе «любители-начетчики» есть почти въ каждой деревнѣ и ихъ всѣ знаютъ. Можно съ увѣренностью сказать, что газета будетъ прочитана такими «начетчиками» отъ заголовка до объявленій и подписи редактора включительно, и будетъ служить предметомъ его бесѣдъ съ сосѣдями.

Ко всему этому можно замѣтить, что такіе «начетчики» съ уваженіемъ относятся ко всему печатному, и можно надѣяться, что въ ихъ рукахъ газета не будетъ употреблена на сигарки и т. д. Все это, оговаривается далѣе корреспондентъ, мое личное мнѣніе и, если редакція думаетъ иначе, то я беру его назадъ».

Если въ однихъ селахъ грамотные крестьяне лишь съ большимъ трудомъ могутъ доставать газету, то въ другихъ чтеніе ея является чуть ли не своего рода натуральною повинностью. Такъ, въ Юрской волости Глазовскаго у., какъ сообщаетъ корреспондентъ, «по распоряженію г. земскаго начальника староста объѣзжаетъ по деревнямъ съ писаремъ сборныя избы и читаетъ газету (вслухъ), а потомъ выдаетъ ее грамотнымъ». Другой корреспондентъ пишетъ, что «сельскіе старосты раздаютъ газету интересующимъ его (?) лицамъ и влекущимъ себя къ сельско-хозяйственной жизни» и далѣе добавляетъ: «многіе крестьяне одобренныя для нихъ статьи (кѣмъ?) списываютъ для себя, дабы не могли впослѣдствіи забыть». Вообще чтеніе газеты вслухъ на сходахъ, въ сборныхъ избахъ и школахъ практикуется нерѣдко. По крайней мѣрѣ объ этомъ сообщаютъ 32 корреспондента. Къ сожалѣнію, они не пишутъ, по чьей иниціативѣ начались чтенія и какъ относятся къ нимъ крестьяне. По этому вопросу есть всего одно сообщеніе учительницы Орловскаго у. «На мой вопросъ, пишетъ она, съ охотой ли читаютъ крестьяне газету и находятъ ли чего полезнаго въ ней, старосты нѣкоторые отвѣчаютъ такъ: рѣдко читаютъ на сходахъ, а если и читаетъ кто, такъ большая часть крестьянъ не слушаетъ чтеніе». О результатахъ чтенія газеты въ школѣ ученикамъ имѣются тоже разнообразные отвѣты. Одни пишутъ, что школьники или плохо понимаютъ статьи «Вят. Газ.», или не интересуются ихъ содержаніемъ, другіе утверждаютъ противное. Изъ отвѣтовъ второго рода обращаетъ на себя вниманіе сообщеніе священника о. Тукмачева. Онъ сообщаетъ, что, кромѣ учениковъ находящеися въ его вѣдѣніи церковно-приходской школы, газету, получаемую школой, никто не читаетъ. По прочтеніи учениками газета «остается навсегда въ школѣ для руководства при нѣкоторыхъ случаяхъ. Содержаніе статей, пишетъ далѣе о. Тукмачевъ, весьма утѣшало учениковъ, какъ по доступности изложенія, такъ и по содержанію, въ особенности относительно сельскаго хозяйства. Такъ, напр., въ приходѣ села Бѣльско-Троицкаго, Воронинской волости, Глазовскаго у., устроено крестьянами до 100 штукъ косуль, чего прежде не было». Трудно понять почему это нововведеніе о. Тукмачевъ ставитъ въ связь съ чтеніемъ учениками газеты. Другой корреспондентъ, учитель, сообщая о практикуемомъ въ его школѣ чтеніи газеты вслухъ ученикамъ, прибавляетъ, что ученики, «по его совѣту», списывали изъ газеты нѣкоторыя статьи «для примѣненія въ хозяйствѣ».

На вопросъ, многіе ли крестьяне читаютъ газету, подавляющее большинство корреспондентовъ (232) отвѣчаетъ отрицательно: «очень

немногіе», «немногіе» и т. д.; 36 корреспондентовъ пишутъ, что въ ихъ селахъ никто не читаетъ газеты, 76 корреспондентовъ сообщаютъ что газета читается многими и 35,—что газета читается большинствомъ грамотныхъ. Изъ остальныхъ корреспондентовъ одни не отвѣтили на этотъ вопросъ вовсе, другіе доставили цифровыя данныя о числѣ крестьянъ, читающихъ газету. Вотъ эти цифры: 1, 1. 1, 2. 2, 2, 2, 2—3, 2—3, 2—3, 3, 3, 3—4, 3—4, 3—4, 4, 5, 5, 5. 6, 6—7, 7, 8, 8. 10. 10, 12, 18, 20, 25, 30, 43. Изъ корреспондентовъ, приславшихъ цифровыя данныя, нѣкоторые прибавляютъ, что и это число читателей нельзя считать постояннымъ: многіе изъ нихъ читаютъ не каждый номеръ и въ номерѣ не всѣ статьи. За то другіе пишутъ, что число крестьянъ, знакомыхъ съ газетою, больше числа читателей, потому что у грамотнаго чтеца нерѣдко бываютъ неграмотные слушатели.

Очевидно на вопросъ, многіе ли крестьяне читаютъ газету, приходится, къ сожалѣнію, дать отрицательный отвѣтъ. Конечно, это въ значительной степени зависитъ отъ недостаточнаго распространенія грамотности въ нашей деревнѣ вообще, въ частности отъ низкаго культурнаго уровня крестьянина Вятской губерніи, затѣмъ отъ непродолжительнаго существованія газеты и отъ неудовлетворительной постановки самаго дѣла распространенія ея въ деревнѣ. Но, кромѣ того, многіе корреспонденты указываютъ и на другія причины неуспѣха, кроющіяся въ характерѣ самой газеты. Эти указанія особенно цѣнны. Они служатъ практическимъ доказательствомъ того, что въ принципѣ вятскимъ земствомъ было принято и раньше, а именно — необходимости возможно большаго расширенія программы «Ват. Газ.»; они показываютъ, что спеціально сельско-хозяйственное и техническое изданіе не можетъ ни заинтересовать, ни удовлетворить крестьянина. Такъ, одна учительница Вятскаго у., прослужившая въ школѣ 8 лѣтъ и, слѣдовательно, имѣвшая время изучить умственные запросы читателя изъ народа, пишетъ: «газета читается очень немногими. По словамъ этихъ немногихъ, читавшихъ газету крестьянъ, имъ непонятны въ ней только нѣкоторыя «мудреныя» слова, а вообще статьи понятны, да только мало «лестныхъ», т. е. интересныхъ статей. Оказывается, что статьи сельско-хозяйственнаго характера мало интересуютъ крестьянъ, потому что всѣ эти совѣты они находятъ непримѣнимыми въ своемъ хозяйствѣ». То же самое пишутъ и изъ другихъ уѣздовъ. Такъ, одинъ учитель Сарапульскаго у. пишетъ: «читаютъ газету весьма немногіе. Не только отдѣльныя статьи, но и вся газета, какъ видно, крестьянъ не интересуетъ. Это объясняется тѣмъ, что крестьяне нашего общества никакихъ занятій и ремеслъ не имѣютъ, а также говорятъ: «гдѣ, дескать, намъ покупать или заводить то или другое, когда и безъ того едва едва перебиваемся». Другой учитель того же уѣзда сообщаетъ, что «нѣкоторые крестьяне статьи, относящіяся къ земледѣлію, считаютъ

лишними». Изъ Орловскаго у. подобныхъ отвѣтовъ полученъ цѣлый рядъ. Одна учительница пишетъ, что «крестьяне не изъявляли желанія брать газету, а просятъ книжки изъ библіотеки училищной». Другая учительница того же уѣзда сообщаетъ, что газета читается немногими наиболѣе грамотными крестьянами. «Изложеніе статей для нихъ хотя понятно, говоритъ она но, повидимому, не интересно, такъ какъ они болѣе интересуются разсказами». Всѣ эти корреспонденты констатируютъ полное недовѣріе со стороны крестьянъ къ статьямъ сельско-хозяйственнаго и техническаго характера. «Они убѣждены, пишетъ одинъ священникъ Орловскаго у., въ правильности употребляемыхъ ими способовъ веденія своего хозяйства и не вѣрятъ въ пользу сообщаемыхъ газетою свѣдѣній, указаній и совѣтовъ, считая пріемы и способы обработки земли и вообще веденія хозяйства, унаслѣдованные ими отъ своихъ отцовъ, лучшими и наиболѣе удобными для себя... Разубѣдить ихъ въ ошибочности ихъ взглядовъ можно только примѣромъ, но не книгой». Отвѣтовъ этого рода въ моемъ распоряженіи имѣется очень много, но я не буду пестрить статью дальнѣйшими выписками изъ нихъ, такъ какъ при всей своей поучительности они являются не болѣе, какъ варіаціями на одну и ту же тему и часто чуть не буквально повторяютъ другъ друга. О томъ, что крестьяне не интересуются газетой, получено 41 сообщеніе. Изъ остальныхъ отвѣтовъ 24 говорятъ, что крестьяне интересуются въ газетѣ «всѣмъ вообще», нѣсколько отвѣтовъ утверждаютъ, что крестьяне наиболѣе интересуются статьями по народному образованію, по разнымъ вопросамъ народнаго быта, по земскому вопросу, о хозяйственной жизни губерніи и Россіи, о продовольственномъ дѣлѣ, объ интересныхъ событіяхъ; наконецъ, есть сообщенія, что крестьяне наиболѣе интересуются справочными извѣстіями, помѣщаемыми въ газетѣ, объявленіями и т. д. Громадное большинство (326) корреспондентовъ на вопросъ, какія статьи въ газетѣ наиболѣе интересуютъ крестьянъ, или отвѣтило односложно: «по сельскому хозяйству», «по земледѣлію», или указало на какую нибудь отрасль хозяйства, развитую въ данной мѣстности и потому интересующую мѣстныхъ крестьянъ *); 39 корреспондентовъ указали, что крестьянъ наиболѣе интересуютъ статьи по ремесламъ и кустарной промышленности, причемъ опять таки интересуетъ, обыкновенно, промыселъ, существующій въ данной мѣстности. «Смотря потому, чѣмъ занимаются, отвѣчаетъ на

*) Считаю нужнымъ напомнить, что вопросъ о томъ, какими статьями въ газетѣ крестьяне наиболѣе интересуются, задавался въ то время, когда газета имѣла исключительно сельско-хозяйственный и ремесленный характеръ. Вопросъ сводился, слѣдовательно, не къ тому, какія статьи въ газетѣ были бы желательны и интересны, а къ тому, какія изъ статей, уже напечатанныхъ въ газетѣ, слѣдовательно статей спеціально сельскохозяйственнаго и техническаго характера, показались читателямъ наиболѣе интересными.

этотъ вопросъ одна учительница Вятскаго у.: занимающихся ремеслами интересуютъ больше статьи по ремесламъ и промысламъ, хлѣбопашцевъ—статьи по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, особенно по травосѣянію и землепашеству». Учитель сарапульской городской школы пишетъ: «наиболѣе интересными статьями для городского населенія являются статьи по кустарнымъ промысламъ, мастерству, огородничеству и садоводству». Между тѣмъ изъ мѣстностей съ чисто земледѣльческимъ населеніемъ слышатся требованія иного рода. Такъ, одинъ священникъ пишетъ: «кажется, читаютъ статьи болѣе относящіяся къ землепашеству: по удобренію земли, о сѣмянахъ, о травосѣяніи и т. п. Извѣстія, касающіяся кустарной промышленности, мало интересуютъ, потому что здѣсь кустарной промышленности нѣтъ, кромѣ кованія гвоздей и строганія соломки для спичекъ. Но, прибавляетъ онъ, если здѣшніе крестьяне и читаютъ «Вят. Газ.», то довѣрія ко всему сообщаемому питаютъ мало, утверждая, что все это непригодно для нашихъ земель; потому результатовъ чтенія газеты не замѣтно». То же отсутствіе интереса къ статьямъ по промысламъ, которыми мѣстное населеніе не занимается, отмѣчаютъ и другіе корреспонденты.

Если въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ газету читаютъ немногіе и немногіе интересуются ею, то въ мѣстностяхъ съ болѣе культурнымъ заводскимъ населеніемъ корреспонденты отмѣчаютъ почти полное отсутствіе этого интереса. Обусловливается это отчасти отсутствіемъ въ населеніи земледѣльческихъ интересовъ, отчасти же тѣмъ, что оно сравнительно съ кореннымъ деревенскимъ населеніемъ предъявляетъ къ книгѣ и газетѣ болѣе широкія требованія. Что послѣдняя причина дѣйствительно имѣетъ здѣсь мѣсто, доказывается перечнемъ журналовъ и газетъ, выписываемыхъ, по сообщенію корреспондентовъ, мѣстнымъ заводскимъ населеніемъ. Наряду съ псевдонародными изданіями князя Мещерскаго и «Свѣтомъ», мы наталкиваемся въ этомъ перечнѣ на толстые журналы и дорогія столичныя газеты, какъ то: «Рус. Вѣд.», «Новости», «Нов. Вр.» и др. Интересно, что въ этомъ перечнѣ нѣтъ ни одного спеціальнаго журнала или газеты. Сѣрый читатель, очевидно, не доросъ еще (я скорѣе сказалъ бы—еще не опустился) до такого грубо утилитарнаго взгляда на печатное слово, который усвоили себѣ многіе просвѣтители его. Онъ ищетъ въ немъ пищи для ума, ищетъ отвѣта на многіе сложные вопросы, которые выдвигаетъ передъ нами жизнь и которые часто порождаютъ въ его душѣ такую массу колебаній и сомнѣній, которая знакома далеко не всякому интеллигентному мыслящему человѣку.

Обратимся, однако, къ ближайшему разсмотрѣнію отвѣтовъ, доставленныхъ изъ заводскихъ мѣстностей. «Населеніе Залазнанскаго завода и волости, Глазовскаго у., пишетъ мѣстный учитель, г. Алфимовъ, состоитъ исключительно изъ заводскихъ рабочихъ, изъ которыхъ очень немногіе занимаются хлѣбопашествомъ въ небольшихъ

размѣрахъ; поэтому разными вопросами по сельскому хозяйству почти не интересуются и читаютъ газету очень немногіе». «Газету читаютъ очень немногіе, такъ какъ жители завода почти совсѣмъ не интересуются сельскимъ хозяйствомъ», пишутъ изъ другой заводской мѣстности. «Немногіе крестьяне читаютъ «Вят. Газ.», пишетъ третій корреспондентъ, что объясняется тѣмъ, что мѣстное населеніе, занимаясь отхожими промыслами, мало интересуется сельскимъ хозяйствомъ». Учитель Яранскаго у., г. Клыковъ, пишетъ то же самое: «читаютъ газету немногіе, говоритъ онъ. Населеніе не земледѣльческое и потому статьи не отвѣчаютъ запросамъ жизни». Учитель воткинской школы, Сарапульскаго у., пишетъ: «мѣстное населеніе совсѣмъ не пользуется высылаемой безплатно газетой, вслѣдствіе, вѣроятно, своего рода занятій (работники завода)». Это подтверждаютъ другой учитель и учительница того же села, которые уже болѣе опредѣленно заявляютъ, что «сельскіе обыватели Воткинскаго завода земледѣліемъ не занимаются и земледѣльческой газетой не интересуются». Изъ с. Кукарки, Яранскаго у., получены точно такія же свѣдѣнія. «Газету читаютъ мало, пишетъ мѣстный учитель, такъ какъ она по своему содержанію болѣе земледѣльческаго характера и не соотвѣтствуетъ жителямъ мѣстнымъ, какъ болѣе или менѣе торговому классу или ремесленнику. Статей, которыя бы удовлетворяли мѣстное населеніе, въ газетѣ мало». Слободской городской учитель пишетъ, что никто изъ населенія какъ города, такъ и окрестныхъ селеній не беретъ газету. Учительница Усть-Чепецкой школы пишетъ: «Вят. Газ.» крестьяне мало интересуются, такъ какъ почти не занимаются обработкой земли и сѣютъ больше одинъ картофель для выдѣлки крахмала. Болѣе интересовали крестьянъ статьи о крашеніи пряжи, о пчеловодствѣ и огородничествѣ». Изъ Ижевскаго заводскаго района, Сарапульскаго у., одна учительница тоже пишетъ, что «ижевскими сельскими обывателями «Вят. Газ.» не прочитывается». Учительница женской школы того же села не только подтверждаетъ, но и поясняетъ этотъ фактъ. «Свѣдѣнія, сообщаемыя этой газетой, спеціальны, пишетъ она, и не интересуютъ заводскихъ обывателей вообще, а обывательницъ въ особенности». То же сообщаетъ и учитель ижевскаго зарѣчнаго училища. «По справкамъ въ волостномъ правленіи, пишетъ онъ, оказалось, что для Зарѣчной волости Ижевскаго завода высылается два экземпляра «Вят. Газ.», но они остаются при волостномъ правленіи, потому что, по словамъ писаря, не смотря на предложеніе газеты мастеровымъ со стороны правленія, никто читать ее не желаетъ. Да оно и понятно: содержаніе газеты интересно только сельскимъ хозяевамъ, а не мастеровымъ, у которыхъ весь интересъ въ заработкѣ на заводахъ, а не на полѣ и въ домашнемъ хозяйствѣ». Въ этомъ же родѣ отвѣчаютъ и многіе другіе корреспонденты заводскихъ мѣстностей.

На вопросъ о томъ, насколько понятно для крестьянъ изложе-

ніе статей въ газетѣ, 294 корреспондента сообщаютъ, что языкъ статей понятенъ для крестьянъ, 57—утверждаютъ противное и 53 корреспондента говорятъ, что статьи эти мало понятны только инородцамъ, русскіе же крестьяне ихъ понимаютъ, кромѣ нѣкоторыхъ техническихъ или иностранныхъ словъ и нѣкоторыхъ специальныхъ статей. Въ виду этого многіе выражаютъ желаніе, чтобы «каждый спеціальный терминъ, употребляемый въ газетѣ, былъ тутъ же точно поясненъ, какъ можно общепонятно». Нѣкоторые корреспонденты даже указываютъ слова, которыя непонятны крестьянамъ, и здѣсь мы, наряду съ такими словами, какъ *агрономъ*, *фуражъ*, *результатъ*, *калій*, *контроль*, *силосъ* и т. д., находимъ слова уже чисто русскія, каковы, напр., *среда*, *косность*, *условія* и т. д Одинъ учитель Глазовскаго уѣзда пишетъ, что «во многихъ мѣстахъ не достаетъ пояснительныхъ чертежей». То же пишутъ и изъ другого уѣзда, хотя рядомъ встрѣчаются сообщенія, что именно чертежи-то и являются наиболѣе непонятными для крестьянъ. Одинъ изъ корреспондентовъ пишетъ: «языкъ газеты, особенно статей передовыхъ*) для большинства читающихъ крестьянъ, малыхъ грамотѣевъ, не удобопонятенъ. Многіе желаютъ видѣть эту газету въ формѣ бесѣды одного сосѣда съ другимъ, которые уже испытали то или другое и получили отъ того пользу или вредъ». То же сообщаетъ и другой корреспондентъ. «Статьи, помѣщаемыя въ газетѣ, говоритъ онъ, пишутся все болѣе въ формѣ научныхъ разсужденій. Въ этомъ случаѣ, думаю, приложимѣе были бы упрощенныя бесѣды, какія иногда помѣщаются въ «Сел. Вѣстн.». Послѣднія излагаются иногда простонароднымъ языкомъ и весьма доступны пониманію малоразвитого крестьянина. Всѣ предметы лучше всего излагать въ формѣ бесѣды, какъ, напр , помѣщенная статья о чесоткѣ. Эта форма понравится мужику». Одинъ священникъ тоже выражаетъ желаніе, чтобы языкъ газеты «по понятности приближался къ «Сельск. Вѣстн.» Есть, наконецъ, указанія, что языкъ статей, будучи понятенъ для взрослыхъ, мало понятенъ для «малолѣтнихъ» читателей газеты. Нерѣдко корреспонденты прибавляютъ, что за разъясненіемъ непонятнаго крестьяне обращаются къ учителю, священнику или къ кому либо изъ болѣе грамотныхъ односельцевъ. Но бываютъ случаи, когда малопонятная статья совсѣмъ отбиваетъ читателей отъ газеты. Одна учительница разсказываетъ, напр., такой случай. «Одинъ крестьянинъ прочиталъ нѣсколько номеровъ «Вятск. Газ.» и, какъ видно, понялъ, потому что когда принесъ, то на вопросъ—хорошо ли читать?—сказалъ: «баско читать, объ родномъ-де тутъ говориться»; перемѣнилъ прочтенные номера на другіе. Другой принесъ номера и сказалъ: «не понялъ, не баско

---

*) Корреспондентъ по ошибкѣ употребляетъ этотъ терминъ, потому что въ «Вят. Газ.» за все время ея существованія отдѣла передовыхъ статей не было.

читать» и не сталъ больше брать.—Другой учитель Котельническаго уѣзда пишетъ почти то же самое со словъ сельскаго старосты. «Одинъ изъ деревни беретъ газету для чтенія, разсказываетъ староста, но не хвалитъ—не все понятно. «Сельск Вѣсти» будетъ много лучше—занимательнѣе».—Самому корреспонденту приходилось сталкиваться точно съ такимъ же отношеніемъ. «Давалъ я читать газету своимъ ученикамъ, разсказываетъ онъ, но не нравится,—не понятна. Читали, разсказывали и даже записывали (по моему совѣту) только тогда, когда самъ предварительно велъ съ ними бесѣду о томъ, что совѣтовалъ имъ прочитать, напр., о силосованномъ кормѣ, о кормѣ скота картофелемъ, о фосфоритномъ удобреніи, артельныхъ пасѣкахъ и нѣкоторыя другія; словомъ, на что обратишь вниманіе, да растолкуешь, то и читаютъ. То же замѣчалъ и по отношенію къ взрослымъ, которымъ давалъ сію газету для чтенія. О которыхъ статьяхъ поговоришь и заинтересуешь, то и просятъ почитать. Инымъ (пчеловодамъ) статьи по пчеловодству такъ прямо безъ просьбъ посылалъ,—читали. Бесѣдовать же о томъ, насколько приложимы изложенныя въ газетѣ свѣдѣнія и могутъ ли крестьяне поступать такъ, какъ въ газетѣ присовѣтовано, не доводилось. Тѣ же, которые читали газету вновь сами не просили, а просили книжки...» Въ этомъ же родѣ встрѣчаются отвѣты и изъ другихъ мѣстностей Такъ, одна учительница Нолинскаго уѣзда пишетъ: «было бы лучше, если бы были изложены статьи на простомъ нарѣчьи, такъ какъ крестьяне незнакомы съ тонкостями науки.» Изъ Орловскаго у. учитель пишетъ: «крестьяне пока читаютъ или слушаютъ, то кой-что понимаютъ, но какъ только прочитали, то все и забыли, а нѣкоторые даже не понимаютъ что и читаютъ». Другой корреспондентъ тоже говоритъ, что «языкъ газеты, какъ бы онъ ни былъ простъ, для человѣка читающаго по складамъ, все же языкъ книжный». Одинъ священникъ Вятскаго у. пишетъ то же самое. «По умственной неразвитости крестьянъ, говоритъ онъ, языкъ газеты кажется имъ несовсѣмъ понятнымъ». Есть и отвѣты довольно неопредѣленные. Такъ, напр., одинъ діаконъ пишетъ: «по мѣрѣ своего развитія и каждый старается понять содержаніе по своему».

Всѣ эти указанія заслуживаютъ большого вниманія, хотя руководиться ими нужно съ большою осторожностью. Говоря просто и избѣгая ученыхъ терминовъ, должно еще въ большей степени избѣгать подлаживанія подъ неправильную крестьянскую рѣчь и третированія деревенскаго читателя свысока. По словамъ лучшихъ изслѣдователей этого вопроса такое отношеніе скорѣе всего способно оттолкнуть деревенскаго читателя, оно претитъ ему. Встрѣчаются замѣчанія этого рода и среди разбираемыхъ отвѣтовъ. Такъ, горячимъ защитникомъ литературнаго изложенія статей въ газетѣ является одинъ сельскій діаконъ, который говоритъ, что народъ

понимаетъ обыкновенный литературный языкъ и что газета можетъ оказать большую услугу, пріучивъ крестьянъ къ правильной литературной рѣчи.

Переходя къ слѣдующему вопросу,—удовлетворяются ли крестьяне выборомъ и содержаніемъ статей,—необходимо сдѣлать небольшую оговорку. При всей своей краткости, вопросъ этотъ такъ сложенъ и серьезенъ, что способенъ поставить втупикъ любого учителя или священника, изъ которыхъ большинство, очевидно, совсѣмъ не задумывалось надъ этимъ раньше. Этотъ вопросъ задается всего черезъ годъ послѣ возникновенія газеты и притомъ задается людямъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ мы видѣли выше, никогда не имѣли случая даже просто поговорить съ крестьяниномъ, не считая чисто дѣловыхъ оффиціальныхъ отношеній. Учительница г-жа Орлова вполнѣ справедливо пишетъ, что «отвѣтить на этотъ вопросъ, при разнообразіи читающей газету публики и ея интересовъ, довольно трудно». Кромѣ того, сельскимъ учителямъ и учительницамъ приходится такъ много получать разныхъ запросовъ въ этомъ родѣ и такъ мало видѣть результатовъ такихъ изслѣдованій, что даже у самыхъ добросовѣстныхъ изъ нихъ постепенно утрачивается способность серьезно смотрѣть на свои отвѣты при такихъ запросахъ, вырабатывается формализмъ, привычка отписываться. И, дѣйствительно, на вышеупомянутый вопросъ большинство корреспондентовъ отдѣлалось простыми отписками вродѣ: «удовлетворяются», «вполнѣудовлетворяются», «довольствуются», «довольны» и т. д. Такихъ отвѣтовъ получено 232. Конечно, было бы очень печально, если бы эти отвѣты характеризовали дѣйствительное отношеніе деревенскихъ читателей къ газетѣ. Нуженъ слишкомъ низкій уровень умственныхъ потребностей, слишкомъ узкій взглядъ на значеніе и задачи печатнаго слова для того, чтобы «вполнѣ удовлетворяться» спеціальною газетою и притомъ газетою, статьи которой, по показанію тѣхъ же самыхъ корреспондентовъ, считаются крестьянами непримѣнимыми на практикѣ. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло дѣйствительно съ простыми формальными отписками—убѣждаешься тотчасъ же, какъ только вникнешь въ эти отвѣты. Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаешь натяжки, противорѣчія. Только что сообщивъ, что крестьяне газетою не интересуются или не понимаютъ печатающихся въ ней статей, корреспондентъ на слѣдующей строкѣ, ничѣмъ не смущаясь, увѣряетъ, что крестьяне «выборомъ и содержаніемъ статей вполнѣ удовлетворяются». Такъ, одна учительница Малмыжскаго у. пишетъ: «изъ бравшихъ газету только одинъ заинтересовался ею и читаетъ постоянно, остальные же, прочитавъ 1—2 нумера, перестали брать». Прибавивъ дальше, что содержаніе статей по мнѣнію нѣкоторыхъ крестьянъ мало понятно, учительница эта неожиданно заявляетъ, что выборомъ и содержаніемъ статей въ газетѣ крестьяне удовлетворяются. То же самое заявляетъ одинъ учитель другого уѣзда, хотя и въ его селѣ газету читаетъ всего

одинъ крестьянинъ. Иногда корреспонденты не ограничиваются однимъ этимъ и прибавляютъ еще, что крестьяне наиболѣе интересуются статьями по сельскому хозяйству. Такъ, одинъ учитель школы грамоты на вопросъ,—многіе ли читаютъ газету?—отвѣчаетъ: «одинъ учитель» (sic!) и далѣе на вопросъ,—какія статьи въ газетѣ наиболѣе интересуютъ *крестьянъ*?—не обинуясь, отвѣчаетъ: «о руководствѣ пчеловодства». На вопросъ — насколько понятенъ для крестьянъ языкъ газеты?—онъ отвѣчаетъ: «достаточно», на вопросъ — удовлетворяются ли крестьяне выборомъ и содержаніемъ статей?—отвѣчаетъ утвердительно и на вопросъ—какихъ статей не достаетъ въ газетѣ, по мнѣнію крестьянъ?—успокоительно заявляетъ: «покедова достаточно». Другой учитель отвѣчаетъ: «Это хотя безызвѣстно, но надо полагать, что удовлетворяются, такъ какъ для крестьянина болѣе этого нечего и желать». Формализмъ этихъ отвѣтовъ осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что вопросъ этотъ не былъ достаточно понятъ самими корреспондентами. Такъ, одинъ учитель изъ инородческой мѣстности пишетъ, что крестьяне-инородцы «удовлетворяются газетою черезъ переводчика на родной языкъ». Другіе корреспонденты этого рода стараются подчеркнуть тотъ фактъ, что дареному коню въ зубы не смотрятъ. Такъ, одинъ священникъ сообщаетъ, что крестьяне газетою «вполнѣ удовлетворяются, такъ какъ она дается безмездно». Другой священникъ тоже пишетъ, что крестьяне «довольны даромъ почитать». Буквально то же пишетъ одна учительница. Затѣмъ мы встрѣчаемъ рядъ отвѣтовъ, авторы которыхъ, повидимому, находили незаконнымъ желаніе крестьянъ видѣть въ газетѣ другіе отдѣлы, кромѣ сельско-хозяйственнаго, и либо умалчивали о нихъ, либо упоминали лишь въ видѣ доказательства того, какъ мало крестьяне понимаютъ цѣль, преслѣдуемую газетой. Такъ, одинъ корреспондентъ сообщаетъ: содержаніе и выборъ статей удовлетворяютъ крестьянъ относительно свѣдѣній по сельскому хозяйству. Тоже пишетъ учитель г. Рѣдниковъ: «Удовлетворяются ли крестьяне выборомъ и содержаніемъ статей—объ этомъ пока съ ними не было рѣчи. Никто изъ крестьянъ не заявилъ своего желанія имѣть какія-либо еще неизвѣстныя для нихъ свѣдѣнія о той или другой отрасли сельскаго хозяйства». Учитель г. Мещеряковъ пишетъ тоже, что «статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства въ газетѣ достаточно». Учитель Сарапульскаго уѣзда, г. Кибардинъ, сообщивъ, что газетою интересуются и пользуются очень немногіе и что читатели не довѣряютъ помѣщаемымъ въ ней статьямъ, пишетъ: «содержаніе «Вятской Газеты» обнимаетъ всѣ отрасли сельскаго хозяйства, такъ что *съ этой стороны* крестьяне не предъявляютъ къ ней большихъ требованій». Учитель Глазовскаго у., г. Шатровъ, пишетъ: «плохо понимая цѣль, преслѣдуемую газетой, и ея спеціальное назначеніе, многіе изъ крестьянъ желали бы, чтобы наряду со статьями сельско-хозяйственнаго содержанія были бы и статьи другого характера, какъ въ «Сельск. Вѣстн.» Еще одна учительница

сообщаетъ, что «крестьяне, не вполнѣ понимая, что высылаемая газета спеціально сельско-хозяйственная желали бы встрѣчать въ ней статьи по вопросамъ ихъ земельнаго и административнаго устройства». Вообще оговорки въ этомъ родѣ встрѣчаются часто и показываютъ, что корреспонденты и сами не совсѣмъ поняли желаніе земской управы и, предъявляя къ газетѣ тѣ или иныя требованія въ предѣлахъ узко спеціальной програмы, не допускали мысли о возможности полнаго измѣненія характера газеты. Хорошо еще, что нѣкоторые изъ нихъ мимоходомъ упомянули о желаніяхъ деревенскаго читателя, выходящихъ за предѣлы существующей програмы газеты, но многіе, надо полагать, совсѣмъ замолчали подобныя желанія крестьянъ, находя ихъ незаконными.

Къ тому же и трудно было бы ждать опредѣленнаго отвѣта на этотъ серьезный, хотя и не сложный вопросъ отъ полуграмотнаго читателя, который, быть можетъ, никогда и въ руки не бралъ никакой другой газеты. Эта сторона вопроса тоже затронута нѣкоторыми корреспондентами. Такъ одинъ законоучитель Вятскаго уѣзда пишетъ: «удовлетворяются пока, такъ какъ газету читаютъ въ первый разъ, притомъ же ничего почти не слыхали ни откуда о полезныхъ нововведеніяхъ и улучшеніяхъ въ веденіи сельскаго хозяйства, кустарныхъ производствъ, промысловъ». «Крестьяне читаютъ въ газетѣ все, сообщаетъ другой корреспондентъ, и не потому, чтобы интересно, а только потому, что хочется ему что-нибудь читать. О томъ, удовлетворяются ли крестьяне выборомъ и содержаніемъ статей и какихъ статей не достаетъ въ газетѣ, по мнѣнію крестьянъ, —этого они не высказываютъ, такъ какъ многаго они въ газетѣ не понимаютъ». Учительница г-жа Мышкина тоже много помогаетъ разъясненію причинъ этой «удовлетворенности» крестьянъ газетою. «Крестьяне, пишетъ она, довольны всѣмъ, что предлагается имъ для чтенія». Эти отвѣты стоятъ того, чтобы въ нихъ вдуматься. Деревенскій читатель въ массѣ слишкомъ еще неразвитъ для того, чтобы критически отнестись къ газетѣ или книгѣ, которую ему даютъ читать; но жажда къ чтенію у него уже есть. Не вѣря вычитаннымъ совѣтамъ, нерѣдко не вполнѣ даже понимая прочитанное, онъ тѣмъ не менѣе читаетъ все, что попадется ему подъ руку, читаетъ нерѣдко съ жадностью, такъ какъ помимо всего остальнаго, даже самый механизмъ чтенія доставляетъ ему удовольствіе. Но, видя такого читателя читающимъ съ жадностью какую бы то ни было книгу, еще нельзя утверждать, что она его удовлетворяетъ. «Большинство, пишетъ одинъ учитель Котельническаго у., съ жадностью читаетъ первую попавшуюся книгу».

Отсутствіе критическаго отношенія къ газетѣ, смѣшиваемое съ «удовлетворенностью», отмѣчаетъ и учитель Сарапульскаго у., г. Федуловъ. «Въ критику статей газеты, пишетъ онъ, крестьяне не пускаются и мнѣ приходилось слышать отъ крестьянъ только одобрительные отзывы о газетѣ. Съ расширеніемъ програмы газеты

число читателей несомнѣнно увеличится». Учительница Вятскаго у., г-жа Хлѣбникова, пишетъ то же самое: «относятся къ газетѣ не критически, такъ что опредѣленныхъ мнѣній слышать не приходилось, а тѣмъ болѣе ясно выраженныхъ требованій относительно содержанія статей». Учительница Сарапульскаго у., г-жа Каллистова, пишетъ, что «чтеніе газеты для мѣстныхъ крестьянъ еще дѣло новое и потому они, по этому вопросу, ничего не высказываютъ». Еще одинъ корреспондентъ пишетъ: «на всѣ эти пункты сказать что либо положительное очень трудно. Грамотныхъ слишкомъ немного, да и эти немногіе владѣютъ грамотою недостаточно, чтобы предъявлять какія либо требованія къ газетѣ». Встрѣчаются и еще отвѣты въ этомъ родѣ.

Нѣкоторые корреспонденты, сообщая, что «Вят. Газ.» удовлетворяетъ крестьянъ, въ то же время даютъ почувствовать, что при расширеніи умственнаго горизонта деревенскаго читателя она едва ли будетъ удовлетворять его. «По опросѣ оказалось, пишетъ одинъ корреспондентъ, что *пока* удовлетворяются и этимъ выборомъ и содержаніемъ статей». Расширеніе программы газеты привѣтствуютъ многіе корреспонденты, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые сообщаютъ, что крестьяне газетою «вполнѣ удовлетворяются». Такъ, напримѣръ, о крестьянахъ галановскаго сельскаго общества корреспондентъ пишетъ: «выборомъ и содержаніемъ статей крестьяне вполнѣ удовлетворяются, но еще больше удовольствія высказываютъ по случаю увеличенія программы газеты».

Изъ остальныхъ корреспондентовъ нѣкоторые уклонились отъ отвѣта на этотъ вопросъ или отвѣтили неопредѣленно (напр., «неизвѣстно», потому что крестьяне относительно этихъ вопросовъ ничего не выражаютъ», «не дѣлали никакихъ заявленій» и т. д.); другіе (40) отвѣтили на него отрицательно. Перейдемъ къ разсмотрѣнію отвѣтовъ этого рода.

Авторы отвѣтовъ отрицательнаго характера не всегда пытаются формулировать смутныя требованія деревенскаго читателя, недовольнаго теперешнимъ характеромъ газеты. «Крестьяне и сами этого не знаютъ», пишетъ одинъ корреспондентъ на вопросъ, какихъ статей не достаетъ въ газетѣ, по мнѣнію крестьянъ, сообщивъ предварительно, что настоящій подборъ и содержаніе статей въ газетѣ крестьянъ не интересуетъ и не удовлетворяетъ. Другой корреспондентъ пишетъ почти слово въ слово то же самое: «выборомъ статей крестьяне не удовлетворяются, но на счетъ того, какихъ статей не достаетъ въ газетѣ, ни не могутъ дать отвѣта». Въ другихъ отвѣтахъ на эти два вопроса тоже сплошь и рядомъ встрѣчаются односложныя фразы, вродѣ: «ничего не выражаютъ», «ничего не высказываютъ» и т. д. Да и трудно было бы ждать болѣе цѣнныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ отъ лицъ, которыя, какъ мы видѣли выше, такъ далеко стоятъ отъ народа. Нужно много наблюдательности, много любви къ дѣлу и — главное — необходимы

тѣсныя, простыя отношенія между учителемъ и мѣстнымъ населеніемъ, для того, чтобы онъ могъ подмѣтить и вѣрно угадать зарождающуюся въ деревенскомъ полуграмотномъ читателѣ потребность въ хорошей разумной умственной пищѣ. Подмѣтить и формулировать эту потребность, смутную для самихъ читателей, до нѣкоторой степени удалось только лучшимъ изъ корреспондентовъ. Большинство даже и не пыталось сдѣлать этого, да врядъ ли они, впрочемъ, когда и задумывались надъ этимъ вопросомъ. Этимъ обстоятельствомъ, повидимому, и объясняются 30 корреспондентскихъ отвѣтовъ, утверждающихъ, что статей въ газетѣ, по мнѣнію крестьянъ, «достаточно», «вполнѣ достаточно», что крестьяне «недостатка статей не ощущаютъ» и т. д. Выше мы уже видѣли, въ какія противорѣчія съ самими собою и въ какія несообразности попадаютъ часто корреспонденты, которые стараются отдѣлаться простою отпискою, что все обстоитъ благополучно. Теперь замѣчу еще разъ, что разбираемые отвѣты далеко не одинаковой цѣнности и достовѣрности и что это обстоятельство необходимо принимать во вниманіе, дѣлая изъ этого матеріала какіе либо выводы. Подчеркивая это обстоятельство, я вовсе не упрекаю народныхъ учителей и учительницъ въ формальномъ отношеніи къ дѣлу и въ далекости ихъ отъ темной народной массы, которую они призваны просвѣщать, а лишь констатирую фактъ столько же естественный, сколько и несомнѣнный. Сухой формализмъ, характеризующій весь механизмъ дѣла народнаго образованія, неминуемо долженъ былъ захватить и учителя народной школы. Иного отношенія къ дѣлу и трудно было бы ожидать отъ малокультурныхъ и загнанныхъ учителей, которые вдобавокъ даже боятся дать газету мужику, не имѣя на то «документа».

Выше я говорилъ уже, какъ трудно полуграмотному читателю сдѣлать ту или иную оцѣнку какой бы то ни было газеты. Въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ только сравнивать одну извѣстную ему газету съ другою и говорить, что эта лучше, а другая хуже, но и тутъ очень рѣдкій изъ нихъ сумѣетъ сказать, чѣмъ лучше эта и чѣмъ хуже та. Кромѣ «Сельскаго Вѣстника», крестьянинъ обыкновенно никакой газеты не знаетъ и потому ему приходится сравнивать «Вят. Газ.» съ этимъ казеннымъ органомъ. Трудно, кажется, представить менѣе опаснаго соперника и, однако, всѣ 9 корреспондентовъ, которые пишутъ о сравнительномъ отношеніи крестьянъ къ этимъ двумъ газетамъ, единогласно утверждаютъ, что «Сельскій Вѣстн.» нравится крестьянамъ больше «Вят. Газеты». Нѣкоторые корреспонденты прямо таки заявляютъ, что крестьяне просятъ «уподобить» «Вят. Газ.» «Сельскому Вѣстнику», потому что онъ лучше и занимательнѣе. «По мнѣнію крестьянъ, пишетъ одна учительница Уржумскаго у., въ сравненіи «Вят. Газ.» съ «Сельскимъ Вѣстн.» не достаетъ многихъ статей». Учительница Вятскаго у., г-жа Ельчугина, пишетъ, что крестьяне не удовлетворяются содержаніемъ статей «Вят. Газ.» и предпочитаютъ ей «Сельскій Вѣстн.»

Учительница г-жа Лобовикова констатируетъ приблизительно то же самое. «Крестьяне, пишетъ она, желали бы, чтобы газета по типу и содержанію своему приблизилась къ «Сельскому Вѣстнику», который они охотнѣе выписываютъ и съ большимъ удовольствіемъ читаютъ. «Вят. Газ.» крестьяне мало интересуются». Учитель г. Суходоевъ отмѣчаетъ тотъ же фактъ. «Вят. Газ.», пишетъ онъ, никто не беретъ. За то крестьяне съ наслажденіемъ читаютъ «Вят. Губ. Вѣд.» и «Сельск. Вѣстн.», послѣдній разбирается нарасхватъ». Всѣ эти невыгодныя для «Вят. Газ.» отзывы объясняются опять таки узко-спеціальною программою того времени. «Сельск. Вѣстн.» и мѣстныя «Губ. Вѣд.», при всей своей сухости и оффиціальности, иногда затрагиваютъ всетаки болѣе живые вопросы текущей жизни деревни; сельско-хозяйственныя же и техническія статьи «Вят. Газ.» представлялись деревенскому читателю самымъ мертвымъ и неинтереснымъ матеріаломъ для чтенія.

Разбирая отвѣты на вопросъ, «удовлетворяются ли крестьяне выборомъ и содержаніемъ статей и какихъ статей не достаетъ въ газетѣ, по мнѣнію крестьянъ?»—сталкиваешься съ тѣмъ же обстоятельствомъ. «Подборъ статей, пишетъ одна учительница, мало удовлетворяетъ любознательности мѣстнаго населенія, такъ какъ статьи мало приложимы къ нуждамъ мѣстнаго края (травосѣяніе, удобреніе почвы, устройство овиновъ, огородничество и т. п.). Эти статьи мало интересуютъ нашего простого крестьянина, привыкшаго только къ унаслѣдованнымъ отъ отцовъ и дѣдовъ первобытнымъ способамъ веденія своего незамысловатаго хозяйства. Поэтому и газету читаютъ немногіе». Въ томъ же родѣ отвѣчаетъ и учитель одной церковно-приходской школы, діаконъ Селивановскій: «очень немногіе изъ крестьянъ грамотныхъ, пишетъ онъ, знаютъ о существованіи газеты. Языкъ большинству понятенъ, но выборомъ и содержаніемъ статей крестьяне удовлетворяются не всегда. Къ чему, напримѣръ, печаталась статья объ окраскѣ рога въ нѣкоторыя цвѣта и подъ перламутръ? Многихъ ли она интересуетъ въ цѣломъ уѣздѣ? Лучше было бы послать тѣмъ, кто занимается обработкою рога, книжку по ихъ спеціальности, или указать, гдѣ она продается»... Нѣсколько далѣе о. Селивановскій прибавляетъ: «по программѣ прошлаго года газета не удовлетворяла крестьянъ; теперь же, когда будутъ печататься распоряженія правительства, статьи по медицинѣ и ветеринаріи и т. д., можно думать, что газета будетъ больше нравиться и приносить пользы». Учительница Нолинскаго уѣзда пишетъ: «газету читаютъ очень немногіе. Крестьяне газетою интересуются мало, утверждая, что они безъ газеты знаютъ свое дѣло и что, по ихъ мнѣнію—«не земля родитъ, а небо»... Такъ какъ крестьяне совершенно равнодушны къ газетѣ, то они не заявляютъ никакихъ недостатковъ». Священникъ Модестовъ, завѣдующій игринскою церковно-приходскою школою, на вопросъ, какихъ статей недостаетъ въ газетѣ, по мнѣнію

крестьянъ, заявляетъ: «такого мнѣнія въ ихъ головахъ пока не видно».

Къ счастью, нашлись среди сельскихъ учителей и учительницъ и такіе, которые кое-что увидѣли «въ ихъ головахъ»; увидѣли и по мѣрѣ силъ отмѣтили. Изъ числа этихъ послѣднихъ я уже отмѣтилъ выше девять голосовъ, просящихъ «уподобить» газету «Сельскому Вѣстнику», другими словами хоть немного расширить ея програму. Сюда же слѣдуетъ отнести 12 отвѣтовъ, въ которыхъ корреспонденты пишутъ, что крестьяне «радуются расширенію программы» или «просятъ расширить газету». Изъ другихъ отвѣтовъ 56 выражаютъ желаніе видѣть въ газетѣ побольше статей по той или другой отрасли хозяйства и ремеслъ. Каждый корреспондентъ требуетъ больше статей по тѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства или по тѣмъ ремесламъ, какія болѣе развиты въ данной мѣстности. Одни просятъ статей по садоводству, другіе—по пчеловодству, лѣсоводству, скотоводству, хмѣлеводству, травосѣянію, машиностроенію и т. д. Вдаваться въ подробный разборъ отвѣтовъ этого рода я не вижу ни малѣйшей надобности и потому перейду къ разбору болѣе интересныхъ и заслуживающихъ большаго вниманія отвѣтовъ, требующихъ введенія въ газетѣ новыхъ отдѣловъ, желающихъ видѣть въ ней статьи болѣе общаго характера. Большинство отвѣтовъ этого рода, а именно 50, высказывается за помѣщеніе въ газетѣ статей по медицинѣ, гигіенѣ и ветеринаріи. Затѣмъ слѣдуетъ 25 отвѣтовъ, которые находятъ необходимымъ ввести въ газетѣ отдѣлъ политическихъ извѣстій и правительственныхъ распоряженій, 11 отвѣтовъ высказанныхъ за расширеніе (вѣрнѣе говоря, за введеніе) въ газетѣ отдѣла мѣстной жизни, указывая на желательность корреспонденцій изъ уѣздовъ, статей о разныхъ сторонахъ мѣстной жизни, земской хроники, статей по продовольственному вопросу, по народному образованію, о хозяйственной жизни губерніи и т. д. 9 корреспондентовъ высказываются за печатаніе въ газетѣ статей по соціологіи («собственно, какъ устроить жизнь лучше», поясняютъ корреспонденты это громкое слово, вкладывая въ него такимъ образомъ свой собственный смыслъ) и статей «объ удобствахъ жизни въ другихъ мѣстностяхъ губерніи и Россіи»; 17 корреспондентовъ высказываются за справочный отдѣлъ о цѣнахъ на жизненные припасы, скотъ, на рабочія руки, свѣдѣнія объ урожаѣ и т. д.; 6 отвѣтовъ требуютъ введенія въ газетѣ литературнаго отдѣла и 6—юридическаго. Затѣмъ уже слѣдуютъ отзывы, имѣющіе за себя 2—3 голоса. Здѣсь прежде всего слышатся голоса духовенства, рѣшительно требующія печатанія въ газетѣ статей религіозно-нравственнаго и поучительнаго характера. Особенно типично въ этомъ отношеніи письмо завѣдующаго церковно-приходскою школою с. Медянъ, Вятскаго уѣзда, священника Медвѣдицына. По его мнѣнію, въ газетѣ слѣдовало бы завести «особый отдѣлъ проявленія знаменій и чудесъ, особенно въ нынѣшнія времена». Такой отдѣлъ,

по его увѣренію, имѣется въ журналѣ «Кормчій». Точно также одиноки и другіе голоса, изъ которыхъ одни говорятъ, что «вообще мало статей», другіе просятъ печатать предсказанія погоды, третьи отчеты агрономовъ о ихъ дѣятельности, четвертые о томъ—«какъ избавиться отъ пьянства, т. е. уничтожить главный его корень» и т. д.

Ближайшее разсмотрѣніе отвѣтовъ, указывающихъ на недостатки газеты въ ея тогдашнемъ видѣ, очень интересно. По нимъ можно судить и о самомъ корреспондентѣ: о степени его культурности, о близости его отношеній къ населенію и т. д. Сверхъ того, они интересны какъ матеріалъ для разработки вопроса о внѣшкольномъ народномъ образованіи.

«Газета проникаетъ почти во всѣ деревни, переходя отъ одного къ другому, пишетъ одна учительница: относительно статей, помѣщаемыхъ въ газетѣ, читающіе не выражаютъ своихъ мнѣній, не предъявляютъ никакихъ особенныхъ требованій, хотя приходилось слышать: «а хорошо бы еще что прочитать», но что именно—они сами не знаютъ ясно: «ну, хотя бы о политикѣ, новости и т. д.». То же говоритъ и учительница Вятскаго уѣзда, г-жа Лопатина, письмо которой я уже цитировалъ отчасти выше. По ея словамъ, крестьяне хотя и понимаютъ статьи, но не находятъ «лестныхъ», т. е. интересныхъ статей. Статьи сельско-хозяйственнаго характера они находятъ непримѣнимыми въ своемъ хозяйствѣ и потому мало интересуются ими. «Лестными же статьями, какихъ не достаетъ въ газетѣ, по мнѣнію крестьянъ, пишетъ г-жа Лопатина дальше, являются для нихъ внутреннія и внѣшнія политическія извѣстія и мѣстныя корреспонденціи. Приходилось слышать и такіе отзывы, что въ газетѣ мало помѣщается статей по ремесламъ и промысламъ и совсѣмъ не помѣщается статей, касающихся сельскаго быта». Учитель г. Братчиковъ пишетъ: «въ газетѣ недостаетъ статей юридическаго характера, изъ области волостного и сельскаго самоуправленія, подобныхъ тѣмъ, какія печатаются въ «Сельскомъ Вѣстникѣ». Сколь ни велико сельско-хозяйственное невѣжество крестьянъ, но оно не такъ ощутительно, какъ невѣжество юридическое, и послѣднее сознаетъ самъ крестьянинъ. Онъ не знаетъ ни своихъ правъ, ни обязанностей и часто отъ этого терпитъ гораздо болѣе, чѣмъ отъ неурожаевъ». Важность этого отдѣла отмѣчаетъ и еще одинъ корреспондентъ Вятскаго уѣзда. Онъ пишетъ, что, по мнѣнію крестьянъ, въ газетѣ «не достаетъ статей о законахъ, относящихся до сельскаго быта». Точно то же пишетъ одна учительница. «Среди мужичковъ, читающихъ «Вятскую Газету», неоднократно приходилось наблюдать такое желаніе: «а что-бы земству учить насъ въ этой газетѣ нашимъ крестьянскимъ законамъ, а то у насъ никто не знаетъ толкомъ, кого ему о чемъ просить и куда ему на что жаловаться». Указанія на желательность отдѣла политическихъ извѣстій тоже далеко не исчерпываются приведенными выше. Такъ,

одна учительница пишетъ: «выборомъ статей крестьяне удовлетворяются только по привычкѣ интересоваться рубрикою политическихъ статей и замѣтокъ; они и въ этой газетѣ ищутъ этихъ статей и не находитъ». Учительница г-жа Арбузова тоже пишетъ, что «крестьянинъ мало былъ удовлетворенъ газетой, потому что не видѣлъ политическихъ извѣстій. По своему опыту скажу, что интересуются этою газетою немногіе крестьяне, хотя и не выражаютъ недовольства, кромѣ вышеупомянутаго». Изъ Котельническаго уѣзда учитель г. Федоровъ и учительница г-жа Луппова пишутъ, что «въ газетѣ недоставало статей по медицинѣ и ветеринаріи, такъ какъ для крестьянина весьма важно знать, какъ предохранять себя и животныхъ отъ заболѣваній, а также самые простые домашніе способы лѣченія, по крайней мѣрѣ при легкихъ заболѣваніяхъ». Нѣкоторые отвѣты говорятъ относительно формы статей. Такъ, учитель Орловскаго уѣзда, г. Обжеринъ, пишетъ: «выборомъ и содержаніемъ статей крестьяне удовлетворяются, но газета могла бы завоевать болѣе прочную почву среди крестьянскаго населенія, если бы нѣкоторыя статьи излагались въ повѣствовательной формѣ и помѣщались статьи по скотоводству, пчеловодству, лѣсному дѣлу и др.». Учительница Вятскаго уѣзда, г-жа Ельчугина, тоже пишетъ: «по моему мнѣнію въ газетѣ не достаетъ небольшихъ разсказцевъ въ народномъ духѣ». Учитель Краевъ сообщаетъ, что «крестьяне выражаютъ желаніе читать въ газетѣ статьи изъ быта крестьянъ». Еще одна учительница пишетъ: «старосты раздаютъ газету, а потомъ она передается изъ одного селенія въ другое. Грамотные крестьяне читаютъ ее всѣ. Изложеніе статей вполнѣ понятно, но читатели—крестьяне просятъ расширить газету. По ихъ мнѣнію, не достаетъ статей о правленіи губерніей, уѣздомъ и волостью». Другая учительница пишетъ приблизительно то же: «крестьянъ интересуютъ статьи о хозяйственной жизни губерніи и Россіи вообще, также земское дѣло въ уѣздѣ и продовольственное. Крестьяне желаютъ расширенія статей о хозяйственной жизни и свѣдѣній болѣе ясныхъ по дѣламъ земства и вообще крестьянства».

Для полноты приведу еще нѣсколько требованій, предъявляемыхъ корреспондентами къ газетѣ, хотя они и не заключаютъ въ себѣ ничего новаго. Одинъ священникъ пишетъ, что въ томъ районѣ, гдѣ онъ живетъ, «за недостаткомъ лѣса крестьяне рвутся въ лѣсныя мѣста. Желательно имъ разведеніе лѣса и сбереженіе остающагося и статьи о пользѣ лѣса для урожаевъ». Учитель уликской школы, Глазовскаго уѣзда, пишетъ: «крестьяне неохотно читаютъ статьи научнаго содержанія, а болѣе интересуются статьями, по совѣту которыхъ онъ можетъ улучшить свое полеводство и вообще поставить свое хозяйство болѣе продуктивнымъ. Крестьяне охотно берутъ травяныя сѣмена, фосфоритъ, косули; если многіе и не берутъ, то благодаря своей бѣдности». Одна учительница тоже пишетъ, что крестьянъ особенно интересуютъ «статьи, имѣющія прак-

тическое примѣненіе къ крестьянскому хозяйству. Кромѣ того, пишетъ она, крестьяне, не вполнѣ понимая, что высылаемая газета спеціально хозяйственная, желали бы встрѣчать въ ней статьи по вопросамъ ихъ земельнаго и административнаго устройства». Діаконъ Малмыжскаго уѣзда, о. Свѣчниковъ, пишетъ, что «выборъ и содержаніе статей не совсѣмъ удовлетворительны. Статьи должны писаться какъ можно короче и проще и имѣть прямое отношеніе къ быту крестьянъ». Священникъ о. Зоркинъ пишетъ: «такъ какъ сельско-хозяйственное положеніе пока только начинаетъ развиваться, то и выборъ статей пока требованіямъ читателей удовлетворяетъ. Думается, что на будущее время кругъ свѣдѣній по извѣстнымъ даннымъ будетъ расширенъ и статьи объ нихъ будутъ излагаться въ болѣе пространномъ объемѣ». Далѣе корреспондентъ выражаетъ желаніе видѣть въ газетѣ статьи «по всѣмъ отраслямъ бытовой жизни».

Послѣ всего сказаннаго самъ собою напрашивается вопросъ о практическихъ результатахъ распространенія въ народѣ посредствомъ газеты сельско-хозяйственныхъ знаній. Разумѣется, трудно ждать сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ послѣ перваго же года изданія газеты. Тѣмъ не менѣе разборъ относящихся къ этому вопросу отвѣтовъ будетъ нелишнимъ, такъ какъ по тому, что сдѣлано, можно судить и о томъ, что можетъ быть сдѣлано въ будущемъ. Громадное большинство отвѣтовъ совсѣмъ не упоминаетъ о томъ, дало ли чтеніе «Вят. Газ.» какіе бы то ни было практическіе результаты, что даетъ полное основаніе думать, что такихъ результатовъ въ этихъ мѣстностяхъ не было. Затѣмъ изъ отвѣтовъ, такъ или иначе коснувшихся этой стороны дѣла, 13 говорятъ, что крестьяне безусловно не вѣрятъ печатавшимся въ газетѣ сельско-хозяйственнымъ совѣтамъ, 19 отвѣтовъ говорятъ, что крестьяне находятъ эти совѣты непригодными въ своемъ хозяйствѣ и потому не рѣшаются дѣлать опыта, и 5 отвѣтовъ сообщаютъ, что крестьянами съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ дѣлались попытки примѣнить тѣ или иные совѣты, вычитанные въ газетѣ.

Такая незначительность плодовъ культуртрегерства — явленіе вполнѣ естественное и обусловливается бѣдностью сельскаго населенія и его некультурностью. Бѣдность забиваетъ мысль крестьянина, связываетъ его по рукамъ и ногамъ и совершенно лишаетъ его возможности дѣлать какія бы то ни было улучшенія въ своемъ жалкомъ хозяйствѣ на ничтожномъ клочкѣ земли. Некультурность крестьянина, обусловленная его экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ, дѣлаетъ его недовѣрчивымъ къ какимъ бы то ни было новшествамъ, заставляетъ его крѣпко держаться за порядки и обычаи, заведенные изстари. Вліяніе этихъ двухъ факторовъ такъ громадно, что въ борьбѣ съ ними безсильны попытки распространенія агрономическихъ и техническихъ знаній. Эти спеціальныя знанія

будутъ имѣть значеніе лишь тогда, когда будетъ значительно поднятъ уровень общей культуры трудящагося класса и когда измѣнится его экономическое положеніе.

Остановимся, однако, на отвѣтахъ, сообщающихъ, что указанія «Вят. Газ.» не остались безплодными. Отвѣтовъ этого рода такъ немного, что можно привести ихъ всѣ, включая сюда не только указанія на улучшенія уже сдѣланныя, но и однѣ надежды корреспондентовъ на возможность этихъ улучшеній. Одинъ учитель сарапульскаго училища пишетъ: «въ послѣднее время крестьяне стали интересоваться травосѣяніемъ. Хотя травосѣяніе въ здѣшней мѣстности до сихъ поръ и не было введено, но нужно думать, что оно, благодаря «Вят. Газ.» и нѣкоторымъ другимъ объявленіямъ, издаваемымъ земской управой отдѣльно, въ недалекомъ будущемъ привьется здѣсь». Діаконъ Сарапульскаго уѣз., о. Рязановъ, пишетъ: «многіе изъ крестьянъ, прочитавъ номера газеты, обращались ко мнѣ за совѣтомъ, гдѣ и какъ можно доступать (достать?) извѣстные предметы по пчеловодству и хозяйству... Не достаетъ въ газетѣ правительственныхъ распоряженій и иностранныхъ свѣдѣній». Въ этомъ же родѣ отвѣчаетъ и одинъ учитель Яранскаго уѣзда. «Газету, пишетъ онъ, старосты раздаютъ по очереди всѣмъ грамотнымъ которые читаютъ охотно, а неграмотные, какъ я замѣтилъ, слушаютъ и примѣняютъ къ дѣлу, особенно же статейки по сельскому хозяйству. Многіе крестьяне обзаводятся уже сортировками, вѣялками и другими орудіями». Учительница шестаковскаго училища тоже пишетъ, что «многое, заимствованное изъ газеты, крестьянами удачно примѣняется къ дѣлу».

Мнѣ остается еще прибавить два слова по вопросу о томъ, сохраняется ли газета послѣ прочтенія и гдѣ именно? Изъ корреспондентовъ, отвѣтившихъ на этотъ вопросъ, 439 сообщили, что газета сохраняется, 28,—что она либо затеривается, либо идетъ на оклейку избъ сельскихъ старостъ и крестьянъ и 12,—что она сохраняется не совсѣмъ аккуратно. Сохраняется «Вят. Газ.» по большей части въ школьныхъ библіотекахъ или на рукахъ сельскихъ старостъ, которые, оставляя должность, передаютъ газету своимъ преемникамъ. Есть единичныя указанія на то, что газета сохраняется либо въ церкви, либо на рукахъ мѣстнаго земскаго начальника. Небрежное отношеніе къ сохраненію газеты объясняется тѣмъ, что старосты, на рукахъ которыхъ находятся экземпляры газеты, высылаемые въ сельскія общества, народъ по большей части неграмотный.

На этомъ можно было бы и закончить разборъ данныхъ, имѣющихся въ редакціи «Вятской Газеты», такъ какъ данныя эти говорятъ сами за себя. Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь высказать еще нѣсколько мыслей, навѣянныхъ разборомъ этого матеріала.

Вопросъ о необходимости изданія газеты для народа—вопросъ не новый въ нашей литературѣ и обществѣ. Его возбуждали еще

въ концѣ 50 гг., когда задача народнаго образованія выдвинулась впередъ. Съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ не только нерѣдко возбуждался въ печати, но иногда въ этомъ направленіи дѣлались и практическія попытки, не приведшія, правда, къ желательному результату. Причиною неудачи была невозможность поставить дѣло на прочныхъ основаніяхъ въ силу незначительности спроса на газету въ народной массѣ и, сверхъ того, полная невыясненность требованій народа по отношенію къ печатному слову.

Ростъ умственныхъ потребностей деревенскаго читателя, ростъ не только количественный, но и качественный, замѣчается не только по отношенію къ книгѣ, но и по отношенію къ газетѣ. Мнѣ уже приходилось говорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ *), при описаніи исторіи безвременно погибшей другой «народной» газеты «Неоффиціальной части Сарат. Губ. Вѣд.». Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ, впрочемъ, лишь одинъ фактъ изъ исторіи этой газеты. Въ 1892 г. редакція «Неоф. Части» обратилась къ своимъ читателямъ съ печатнымъ запросомъ, какъ крестьяне относятся къ разнымъ отдѣламъ газеты, какія статьи въ ней наиболѣе ихъ интересуютъ, какіе отдѣлы и статьи были бы желательны въ газетѣ еще и т. д. На этотъ запросъ редакція получила очень цѣнныя указанія, напоминающія отвѣты, полученные редакціею «Вятской Газеты». Такъ, напр., многіе подписчики, главнымъ образомъ крестьяне, высказывали желаніе, чтобы въ газетѣ былъ введенъ отдѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ извѣстій. «Крестьяне, писали къ редактору эти корреспонденты,—вовсе не такъ равнодушны къ политикѣ, какъ вы, очевидно, думаете. Напротивъ, они относятся съ самымъ живымъ интересомъ ко всѣмъ политическимъ слухамъ, проникающимъ въ деревню окольными путями—черезъ письма, солдатъ и т. д. Иногда самый нелѣпый слухъ, полученный такимъ путемъ, переходитъ изъ устъ въ уста и обходитъ цѣлые уѣзды». Редакція, во вниманіе къ этимъ требованіямъ, тогда же выхлопотала разрѣшеніе открыть въ газетѣ отдѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ извѣстій. Интересны и другія требованія читателя изъ народа относительно газетнаго матеріала, полученныя редакціею этой газеты. Напр., по вопросу о беллетристикѣ большинство корреспондентовъ высказывалось безусловно противъ разсказовъ нравоучительныхъ. По вопросу о статьяхъ сельско-хозяйственнаго характера многіе писали, что народъ или не читаетъ ихъ, или считаетъ всѣ совѣты газеты непригодными въ своемъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Нѣкоторые, впрочемъ, прибавляли, что школьники читаютъ эти статьи съ увлеченіемъ и мечтаютъ въ будущемъ вести свое хозяйство по «книжкѣ». Многіе читатели писали въ редакцію, прося вновь ввести въ газетѣ библіографическій отдѣлъ, изгнанный цензурою.

Всѣ разобранные отвѣты, констатируя безсиліе народной газеты

*) Въ «Вятскомъ Краѣ» 1895 года.

повліять благотворно на технику мелкаго производства, показываютъ, какъ нецѣлесообразно при существующихъ условіяхъ придавать народной газетѣ спеціально сельско-хозяйственный или техническій характеръ. Мы видѣли уже, какъ мало удовлетворяетъ такая газета читателя изъ народа и видѣли, что требованія расширить програму газеты идутъ съ двухъ сторонъ. Для крестьянъ малограмотныхъ необходимо чтеніе болѣе занимательное; для того, чтобы они стали читать газету, необходимо сначала пріучить ихъ къ чтенію, разбить традиціонное недовѣріе къ прочитанному, иначе газета не найдетъ среди нихъ читателей и тѣмъ менѣе охотниковъ примѣнять ея совѣты въ своемъ хозяйствѣ. Для крестьянъ уже начитанныхъ и любящихъ чтеніе газета вполнѣ понятна и нерѣдко они охотно читаютъ ее, но она уже не можетъ удовлетворить ихъ. Они уже переросли ея програму, у нихъ создались извѣстные умственные интересы и ихъ мысль начинаетъ останавливаться на вопросахъ поважнѣе земледѣлія,—она начинаетъ работать надъ разными вопросами окружающей дѣйствительности. Въ газетѣ они ищутъ матеріала для мысли, ищутъ отвѣтовъ на выдвигаемые самою жизнью вопросы. Если такой «мятущійся умъ» и остановится за неимѣніемъ лучшаго на земледѣльческой газетѣ, если такая газета и заставитъ его отъ жгучихъ вопросовъ жизни перейти къ вопросамъ сельскаго хозяйства, то едва ли нужно прибавлять, что она сыграетъ роль отрицательнаго характера. Вотъ почему я глубоко убѣжденъ, что народу нуженъ не какой-нибудь спеціально сельско-хозяйственный или техническій органъ, а органъ просвѣтительный въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, не лишенный при этомъ публицистическаго характера. Распространяя общія знанія, давая читателямъ отвѣты на важнѣйшіе вопросы жизни и способствуя ихъ самостоятельной работѣ, такой органъ не долженъ чуждаться и текущей дѣйствительности, долженъ отзываться на злобы дня. Только такой органъ, стремясь къ развитію самосознанія и гражданственности въ народѣ, къ коренному переустройству его умственной жизни, можетъ подготовить деревенскую читающую публику къ воспріятію прикладныхъ знаній.

В. Арефьевъ.

Новыя книги.

К. Бальмонтъ. Тишина. Лирическія поэмы. СПБ. 1898 г.

Г. Бальмонтъ писатель еще молодой, ему всего лишь тридцать лѣтъ, какъ видно изъ одного вошедшаго въ настоящій сборникъ стихотворенія, и едва ли онъ насчитываетъ болѣе 5—6 лѣтъ литературной дѣятельности; и однако это не мѣшаетъ ему пользоваться уже довольно обширной извѣстностью. Можно лишь удивляться плодовитости и энергіи въ работѣ нашего поэта-символиста; затмить его въ этомъ отношеніи могъ бы въ недавніе годы одинъ г. Мережковскій, нынче почему-то совсѣмъ замолкшій. Въ самомъ дѣлѣ, какъ переводчикъ, г. Бальмонтъ предпринялъ огромный трудъ передачи на русскій языкъ стиховъ Шелли, одного изъ величайшихъ и сложнѣйшихъ поэтическихъ геніевъ нынѣшняго столѣтія, но параллельно съ этимъ онъ переводилъ и Эдгара Поэ, и Гофмана, и исторію скандинавской литературы Горна, и исторію итальянской литературы Гаспари; теперь онъ готовитъ къ печати драмы Кальдерона... Какъ поэтъ оригинальный, г. Бальмонтъ выпускаетъ уже третій сборникъ стиховъ съ неизмѣнно громкими заглавіями: „Подъ сѣвернымъ небомъ", „Въ безбрежности" и „Тишина"... Не выступая въ родной литературѣ въ качествѣ критика или публициста, нашъ поэтъ, однако, и на этомъ полѣ не прочь пожать лавры: онъ печатаетъ въ иностранныхъ журналахъ оригинальныя критическія обозрѣнія, гдѣ „Сѣверный Вѣстникъ" объявляется, напр., лучшимъ литературнымъ органомъ въ Россіи, а г. Волынскій „знаменитымъ" критикомъ, и, кромѣ того, читаетъ иногда за границей публичныя лекціи о той же русской литературѣ, гдѣ разумѣется, проводятся, не менѣе самостоятельные взгляды... Это ли не изумительно-плодовитая дѣятельность, и это ли не серьезныя права на громкую извѣстность?

Въ глубокомъ сознаніи этихъ своихъ правъ г. Бальмонтъ такъ обращается въ одномъ изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ сборникѣ „Тишина", къ Шелли:

Мой лучшій братъ, мой свѣтлый геній,
Съ тобою слился я въ одно.
Межъ нами цѣпь однихъ мученій,
Однихъ небесныхъ заблужденій
Всегда лучистое звено.
И я, какъ ты, люблю равнины
Безбрежныхъ стонущихъ морей,
И я съ душою андрогины

Нѣжнѣй, чѣмъ лилія долины,
Живу, какъ тѣнь, среди людей.
И я, какъ свѣтъ, вскормленный тучей (?),
Блистаю вспышкой золотой.
И мнѣ открытъ аккордъ пѣвучій
Неумирающихъ созвучій,
Рожденныхъ вѣчной красотой.

Каково, читатель? Человѣкъ самъ объявляетъ свои стихи безсмертными, а самого себя золотой вспышкой... Но это бы куда еще ни шло,—мы въ достаточной степени привыкли къ самомнѣнію нашихъ новѣйшихъ сыновъ Феба; куда бы ни шло и то, что г. Бальмонтъ зоветъ себя „нѣжнымъ, какъ лилія долины"—и къ этому мы тоже привыкли; безмолвно выслушали бы мы, пожалуй, и признаніе въ томъ, что онъ чувствуетъ себя андрогиной: языкъ человѣческій безъ костей и можетъ говорить, что ему угодно... Но, признаемся, насъ удивило публичное братанье съ Шелли! Вѣдь это все равно, какъ если бы покойный Гербель назвалъ своимъ братомъ Байрона или Шекспира, или г. Минскій—Гомера!.. Переведя изъ Шелли нѣсколько десятковъ стихотвореній и еще не дождавшись серьезной оцѣнки своего труда, г. Бальмонтъ уже спѣшитъ высокомѣрно объявить, что между нимъ и Шелли нѣтъ, въ сущности, большой разницы...

Однако, не слишкомъ ли вы торопитесь, гордый поэтъ? Намъ кажется, что нѣкоторая разница всетаки есть. Быть можетъ, вы и дѣйствительно страстно любите природу, до того, что временами даже „тревожите" ея листву своими „попѣлуями", но вѣдь и гоголевскій Маниловъ тоже мечталъ жить подъ тѣнью „этакого какого нибудь вяза"... Дайте намъ сперва великія поэтическія созданія, изъ которыхъ было бы видно, что вы равняетесь въ этомъ отношеніи съ Шелли, который въ обожаніи природы доходитъ до полнаго сліянія со всемірнымъ духомъ, проникающимъ каждую былинку и каждую волну. Но развѣ значеніе великаго англійскаго поэта заключалось только въ любви къ природѣ, только въ умѣньи живо писать ее яркими, оригинально-свѣжими красками, а не въ томъ, главнымъ образомъ, что онъ былъ однимъ изъ пророковъ новаго человѣчества, одинъ изъ смѣлыхъ бойцовъ за его грядущее счастье? Неправду вы утверждаете, г. Бальмонтъ, будто Шелли жилъ какъ тѣнь среди людей! Тѣни—жильцы кладбища и могилъ, порожденія истлѣвшаго или истлѣвающаго прошлаго, а жизнерадостная поэзія Шелли—колыбель свѣтлаго будущаго, и если нужно сравнить съ чѣмъ нибудь этого поэта, то ужъ скорѣе всего съ солнечнымъ лучомъ, а никакъ не съ тѣнью. И поэзія его и его жизнь вытекали изъ одного и того же яркаго источника, любви къ человѣчеству, были

продолженіемъ одна другой. Вотъ объ этой-то маленькой разницѣ вы и забыли, торопливый поэтъ!

Оригинальная муза г. Бальмонта, дѣйствительно, является блѣдной, безжизненной тѣнью изъ какого-то луннаго міра. Людей съ ихъ живыми радостями и муками для нея, точно, не существуетъ:

Мнѣ странно видѣть лицо людское,
Я вижу взоры существъ иныхъ.
Со мною вѣтеръ и все морское (!),
Все то, что чуждо для думъ земныхъ.

Очевидно, духъ шеллевской поэзіи усвоенъ г. Бальмонтомъ крайне односторонне: онъ взялъ изъ нея лишь то, чѣмъ плѣняется и въ Эдгарѣ Поэ и въ Гофманѣ,—любовь ко всему туманному, неземному, фантастическому, таинственному. Но у Шелли это была лишь форма,—правда, иногда странная и болѣзненная,—въ которую облекалось великое содержаніе, у г. Бальмонта это—все. И намъ думается, что если бы г. Бальмонтъ родился не въ концѣ XIX вѣка, не въ современномъ русскомъ обществѣ, главной отличительной чертой котораго является глубокій реализмъ, ясная душевная трезвость, а въ началѣ, наприм., столѣтія, когда изъ глазъ нашихъ бабушекъ столько слезъ исторгала „Эолова Арфа" Жуковскаго, тогда вокругъ мечтательнаго пѣвца „Свѣтланы" и „Громобоя" и онъ, быть можетъ, могъ бы вращаться маленькимъ спутникомъ. Въ своихъ оригинальныхъ стихахъ онъ повторяетъ давно и невозвратно уже пройденные русской поэзіей зады романтизма: мы встрѣчаемъ въ нихъ опять ту же луну съ мчащимися подъ нею „духами ночи", тѣ же безплотные и безкровные призраки и то же неясное стремленіе dahin, dahin, wo die Zitronen blühen... Но Жуковскій обладалъ тѣмъ великимъ свойствомъ истинныхъ поэтовъ, котораго у г. Бальмонта, какъ, впрочемъ, и у всей школы русскихъ символистовъ, и въ поминѣ нѣтъ: замѣчательной простотой формы и не менѣе замѣчательной искренностью чувства. Имѣя очень небольшой талантъ и безсознательно (а быть можетъ, и сознательно) чувствуя всю наивную допотопность своихъ поэтическихъ вкусовъ, г. Бальмонтъ, конечно, съ превеликой радостью долженъ былъ ухватиться за новыя «символистскія» теоріи, дающія право писать всякую чепуху подъ ярлыкомъ недоступной простымъ смертнымъ глубины, и вотъ однимъ изломаннымъ, манернымъ и неискреннимъ поэтомъ стало у насъ больше. Посмотрите, читатель, чего стоитъ одинъ этотъ жеманный, явно придуманный, а не изъ сердца, какъ у Шелли или у Жуковскаго, выливающійся языкъ, которымъ онъ долженъ писать, чтобы казаться «глубокимъ»! Ни одного самаго маленькаго стихотвореньица вы не найдете у него, написаннаго въ простотѣ, — каждое съ

какой нибудь ужимочкой символизма. Вѣтеръ не просто дуетъ, а «бьетъ дыханьемъ твердь»; корабли—«выброски зыбей»; валъ «мятежится»; путники жаждутъ «качанья нѣмыхъ кораблей»; для нихъ «развернула свой свитокъ сѣдая печаль»; поэтъ сумѣетъ найти въ своей душѣ «безконечный расцвѣтъ златоока» (?); въ своемъ воздушно-лучистомъ замкѣ онъ полонъ «нѣмымъ упоеньемъ безстрастной звѣзды»; въ темной ночи жизни *дышетъ* сначала звонъ заоблачныхъ соборовъ, а потомъ и какая-то «ткань свѣтлѣй земныхъ узоровъ»; очень недурны также: «звучная волна забытыхъ сочетаній, шепчущій родникъ давно умолкшихъ дней»; «непонятная лазурь»; «улыбка волны»; «тучка—воздушная нѣга»; «призракъ упованій запредѣльныхъ, тайна радостей прозрачныхъ и безцѣльныхъ»; «жажда слiянья съ лучомъ откровенья»; «мерцаніе мира и лѣни»; «быстрый ропотъ испуганныхъ столѣтій»; «часъ преступленья, улыбокъ и сна»; наконецъ, можно объявить премію тому, кто разгадаетъ два такихъ ребуса: цвѣтокъ, «удвоенный влагой сквозною» и «въ туманности эѳира огни безвременной росы»... По сравненію съ этой выдумкой простымъ дѣтскимъ лепетомъ были знаменитые бенедиктовскіе перлы риторики, отмѣченные нѣкогда Бѣлинскимъ: «живыя иглы штыковъ»; «откованный въ горнилѣ сердца стихъ»; «мысль, заряженная огнемъ гремучихъ вдохновеній»; «въ развалинахъ столбы — изгнанники высотъ»; «поэтъ—пѣвучій пловецъ, безъякорный въ жизненномъ морѣ» и пр., и пр. И развѣ мы не вправѣ повторить вопросъ великаго критика: «Неужели же это поэзія?» А если намъ возразятъ, что это, молъ, символическая поэзія, которой не зналъ Бѣлинскій, то мы скажемъ: возможно, но въ такомъ случаѣ символизмъ и поэзія, по крайнему нашему разумѣнію, двѣ совершенно разныя вещи...

Стихъ г. Бальмонта пользуется репутаціей необыкновенно музыкальнаго, виртуознаго стиха, и мы, пожалуй, готовы признать это, только какой же цѣной покупается эта „чарующая„ музыкальность? Поэтъ никогда не затрудняется смысломъ своихъ стиховъ, вѣрностью или точностью эпитетовъ, и если въ умѣ его прозвучитъ счастливая риѳма (а богатство и обиліе риѳмъ—слабая струнка г. Бальмонта), то ужъ непремѣнно быть ей на его арканѣ, хотя бы новая строка и не имѣла никакой логической связи съ предыдущими!

Идейное содержаніе всѣхъ трехъ сборниковъ г. Бальмонта до утомительности однообразно и скудно: это все то же, что воспѣваютъ и гг. Льдовъ, Сологубъ, et tutti quanti,—какая то невѣдомая красота, «медленно (по истинѣ медленно!) встающая въ даляхъ невозможнаго», какая-то «цѣльность забвенія въ безднѣ безцѣльности», стремленіе въ «пустыню», любовь

къ холоду, смерти, тишинѣ... Бр! какъ все это холодно, мертвенно и, главное, скучно, скучно!

Выпишемъ цѣликомъ одно изъ характернѣйшихъ стихотвореній новаго сборника г. Бальмонта, такъ и просящееся на пародію. Называется оно «Бромелія» (у этого поэта все вычурно и кокетливо вплоть до заглавій; есть даже цѣлый отдѣлъ стихотвореній, озаглавленный: «Воздушно-бѣлые»... (кто, что—одному Богу извѣстно!). Итакъ, вотъ «Бромелія»:

В окутанной снѣгомъ плѣнительной Швеціи
На зимнія стекла я молча глядѣлъ,
И ярко мнѣ снились каналы Венеціи
Мнѣ снился далекій забытый предѣлъ.
Впивая дыханье цвѣтущей бромеліи,
Цвѣтка золотого съ лазурной каймой,
Я видѣлъ въ глазахъ наклонившейся Леліи
Печаль, затѣненную страстью нѣмой.
Встрѣчалися взоры съ отвѣтными взорами,
Мы были далеко, мы были не тѣ (?).
Баюкалъ насъ иней своими узорами,
Звала насъ бромелія къ дальней мечтѣ.
И снова, какъ прежде (?), звеня отголосками,
Волна (?) сладкозвучно росла за волной
И свѣтлыя тѣни, подъятыя всплесками (?)
На гондолахъ плыли подъ блѣдной луной.

Какое будущее предстоитъ г. Бальмонту? Онъ самъ рисуетъ его себѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Было много... Сны, надежды, свѣжесть чувства, чистота,
А теперь душа измята, извращенна и пуста.
Я усталъ. Весна поблекла. Съ небомъ порванъ мой завѣтъ.
Тридцать лѣтъ моихъ я прожилъ, больше молодости нѣтъ.
Я въ безцѣльности блуждаю, въ безпредѣльности грущу
И, утративъ счетъ ошибкамъ, больше Бога не ищу.
Я хотѣлъ отъ сердца къ небу перебросить свѣтлый мостъ,—
Сердце прокляло созвѣздья, сердце хочетъ лучшихъ звѣздъ. (!)
Что же мнѣ еще осталось? Съ каждымъ шагомъ холодѣть?
И на все, что проситъ счастья, съ безучастіемъ глядѣть?
О, послѣдняя надежда, свѣтъ измученной души,
Смерть, услада всѣхъ страданій, смерть, я жду тебя, спѣши!

Такимъ образомъ, г. Бальмонту, какъ человѣку, по собственному его сознанію, осталось одно—умереть. Нужно надѣяться, что по свойственной ему склонности къ фразѣ онъ преувеличиваетъ безвыходность своего житейскаго положенія, но врядъ ли можно за то сомнѣваться, что пробуждающееся сознаніе общества очень скоро поставитъ крестъ надъ его мертворожденной поэзіей... Грустно!

Ив. Бунинъ. Подъ открытымъ небомъ. Стихотворенія. Библіотека „Дѣтскаго Чтенія". М. 1898 г.

Съ большимъ удовольствіемъ останавливаемъ вниманіе читателей на этомъ небольшомъ сборничкѣ стиховъ; среди мертвой пустыни всякой символической и не символической дребедени его смѣло можно назвать, хоть и маленькимъ, но свѣтлымъ оазисомъ. Сборникъ назначается, собственно, для дѣтей, но, быть можетъ, съ несравненно большимъ правомъ онъ долженъ разсчитывать на взрослую аудиторію. Дѣло въ томъ, что дѣти, несомнѣнно, меньше насъ любятъ и понимаютъ природу, и чтобы заинтересовать ихъ стихами, посвященными описаніямъ природы, эти послѣдніе должны обладать болѣе яркими красками, большею силою образности, нежели какая имѣется въ распоряженіи г. Бунина: это подъ силу лишь очень крупнымъ поэтическимъ талантамъ, вродѣ Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Майкова, Полонскаго. Сравнительно мелкіе поэты только случайно могутъ угодить маленькой публикѣ и написать вещь, которую она искренно полюбитъ. Въ стихахъ г. Бунина, очень симпатичныхъ и искреннихъ, нѣтъ такихъ яркихъ образовъ (въ нихъ нѣтъ къ тому же *разсказа*, а только одни описанія), и мы боимся, что дѣти станутъ надъ ними зѣвать. За то взрослыхъ стихи эти подкупятъ именно своей замѣчательной простотой и безыскусственностью, столь соотвѣтствующими нашей сѣверной, буднично-сѣренькой природѣ.

Талантъ г. Бунина невеликъ, но онъ беретъ глубокимъ знаніемъ родной природы. Сейчасъ видишь, что пишетъ не человѣкъ, всю жизнь прожившій въ Петербургѣ и наблюдавшій деревенскую жизнь лишь во время лѣтняго отдыха въ столичныхъ окрестностяхъ. Въ его стихахъ то и дѣло встрѣчаются тонкіе реальные штрихи, придающіе имъ особенную прелесть и жизненность.

Межъ круглыхъ *рыхлыхъ* облаковъ
Невинно небо голубѣетъ,
И солнце ласковѣе грѣетъ
Въ затишьи гуменъ и дворовъ.

Или:

Еще чернѣютъ чащи бора,
Еще въ тѣни его сырой,
Какъ зеркала, стоятъ озера
И дышутъ свѣжестью ночной.

Не чувствуется ли здѣсь сразу, что рѣчь идетъ именно о веснѣ, русской деревенской веснѣ, хотя слова этого поэтъ и не употребляетъ?

Или, вотъ, превосходное описаніе грозы:

...По тополямъ и кленамъ
Холодный вихорь пролетѣлъ...
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,

Окно захлопнулось со звономъ,
Блеснула молнія огнемъ...
И вдругъ надъ самой крышей дома
Раздался трескъ короткій грома
И тяжкій грохотъ... Все кругомъ
Затихло сразу и глубоко
Садъ потемнѣйшій присмирѣлъ,—
И благодатно и широко
Весенній ливень зашумѣлъ.

Приводимъ еще нѣсколько образчиковъ тонкой наблюдательности г. Бунина и его близкаго знакомства съ жизнью природы: „По лощинамъ, звѣзды отражая, ямы свѣтятъ тихою водой"; „запахли медомъ ржи, на солнцѣ бархатомъ пшеницы отливаютъ»; «сосенъ красныя колонны»; «отъ паровоза бѣлый дымъ, какъ хлопья ваты, расползаясь, плыветъ»; «въ сизыхъ ржахъ васильки зацвѣтаютъ, бирюзовый виднѣется ленъ»; «по межѣ тушканъ, таинственно, какъ духъ, несется быстрыми неслышными прыжками»... Всѣ эти мелкія, но въ высшей степени реальныя и, главное, неизбитыя черточки составляютъ главную цѣнность сборника г. Бунина, и жаль одно, что въ погонѣ за ними поэтъ вдается иногда въ излишества. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, напр., о довольно сомнительномъ «тепломъ запахѣ талыхъ крышъ», или въ другомъ—о дремлющемъ на кочкѣ копчикѣ, «покрытомъ пылью матовой росы», которую врядъ ли кто наблюдалъ на копчикѣ...

Отмѣтимъ, въ заключеніе, прекрасное стихотвореніе «мать», которое лишь недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ выписать дѣсь цѣликомъ.

В. Микуличъ. Черемуха. Новенькая, Студентъ. Разсказы. Спб. 1898.

В. Микуличъ. Зарницы. Второе изд. Спб. 1898.

В. Микуличъ. Мимочка. Спб. 1898.

Трудно представить себѣ болѣе удачное начало литературной карьеры, чѣмъ то, которое выпало на долю г-жи Микуличъ: ея небольшой очеркъ „Мимочка невѣста" сразу обратилъ на себя вниманіе и далъ ея автору немалую извѣстность. Продолженіе „Мимочки" утвердило эту извѣстность, дальнѣйшія произведенія ровно ничего къ ней не прибавили и теперь г-жа Микуличъ въ первомъ ряду женщинъ писательницъ.

Прежде и больше всего г-жа Микуличъ дѣйствуетъ на читателя обаяніемъ своего изложенія: и въ самомъ дѣлѣ она превосходная разсказчица. Разсказъ ея тянется безъ перерыва, ни на минуту не утомляя читателя; онъ остроуменъ, изященъ и никогда не переходитъ въ болтовню, хотя порою

и страдаетъ длиннотами, особенно въ большой повѣсти „Зарницы", черезъ чуръ переполненной слишкомъ знакомыми картинами заграничной природы. Вообще же очерки г-жи Микуличъ очень невелики. Это хорошо, такъ какъ ея герои очень элементарны, а ихъ житейскія столкновенія элементарны не въ меньшей степени. Къ тому же и тема г-жи Микуличъ всегда одна и та же: любовь дѣвушки (Зарницы, Черемуха, Студентъ) или женщины-ребенка (Мимочка), утонувшая въ грязи житейскихъ отношеній или увядшая отъ житейскихъ морозовъ. Тема, конечно, богатая, но все же это одна тема, да и разработывается она въ очень узкихъ рамкахъ опредѣленнаго получиновнаго—полупомѣщичьяго кружка общества. И какъ только г-жа Микуличъ хочетъ выбраться изъ нея—вмѣсто живыхъ людей передъ нами блѣдныя тѣни, вродѣ Ольги и Жюля („Мимочка отравилась") или доктора Бѣгоцкаго (Черемуха). Жизнь она знаетъ, очевидно, мало, но то, что ей знакомо—знакомо вполнѣ.

Изложеніе—изложеніемъ; но оставляя даже его въ сторонѣ, мы должны будемъ признать за г-жей Микуличъ полное право на наше вниманіе: у нея большой запасъ чувства. Это чувство—какая-то грустная, основанная исключительно на жалости и состраданіи любовь къ бѣднымъ и слабенькимъ Мимочкамъ, Наташамъ и Машамъ, жизнь которыхъ проходитъ такъ ненужно и блѣдно при свѣтѣ зарницъ, а не солнца, чьи порывы, влеченія и привязанности остаются или неузнанными или непризнанными,—чье сердце оказывается разбитымъ сейчасъ же, какъ только оно захочетъ заявить о своей самостоятельности. За что, почему? спросите вы себя вмѣстѣ съ авторомъ, а подъ вліяніемъ талантливаго изложенія вы невольно почувствуете ту же грусть, которая наполняетъ страницы разсказа, и вамъ и въ голову не придетъ вспомнить суровый приговоръ Писарева надъ «женщинами птичьей породы». Легко, конечно, сказать «птичья порода», но не такъ легко отдѣлаться отъ представленія, что и къ птичьей породѣ могутъ принадлежать люди, имѣющіе во всякомъ случаѣ не меньшее право на счастье, чѣмъ люди породы звѣриной.

Какъ не пожалѣть Мимочку, которую съ дѣтства наряжали какъ куклу, воспитывали какъ куклу и какъ куклу же выдали замужъ за толстаго генерала Спиридона Ивановича? Она, наконецъ, полюбила горячо, искренно и беззавѣтно. Съ ея стороны это было во истину геройскимъ поступкомъ. Она увлеклась гувернеромъ своего сына—Жюлемъ, она ухаживала за нимъ больше, чѣмъ онъ за ней; безсознательно, инстинктомъ она оцѣнила въ немъ и умъ, и характеръ; послѣ разрыва она сдѣлала все возможное, и когда увидѣла, что всѣ усилія ни къ чему—хватила яду. «Мимочка отравилась ели-

житъ у себя на постели, блѣдная, холодная, неподвижная. На ночномъ столикѣ, между фарфоровымъ подсвѣчникомъ и бронзовымъ колокольчикомъ, лежитъ пустая опрокинутая баночка отъ выпитаго яда». Вокругъ суетятся и бѣгаютъ, но Мимочкѣ уже ни до чего нѣтъ дѣла: она въ какомъ то бреду безумія. «Мимочка была такъ счастлива, такъ счастлива»! И вдругъ теперь порвать, забыть, пережить разлуку съ нимъ... Она не въ силахъ! Нѣтъ, нѣтъ! Она будетъ бороться и вернетъ его. Или вернетъ, или умретъ... Что ей жизнь безъ него? Скука и мученіе. Онъ—ея жизнь, онъ—ея все. Что maman такъ смотритъ на нее? Она не сошла съ ума; она не заговаривается. Всякому хочется жить! И ей хочется жить, хочется, чтобы было чѣмъ помянуть молодость. За что въ самомъ дѣлѣ ея жизнь изуродовали?.. За что?.. И, зарывая блѣдное лицо въ подушку, Мимочка повторяла: «Изуродовали, изуродовали»... и все тѣло ея билось, колыхалось и дрожало подъ легкимъ одѣяломъ».

Хорошее, вѣрное слово повторяла Мимочка и тѣмъ больше, конечно, жаль ее. Одинаково жаль и Машу изъ разсказа «Черемуха». Это тоже женщина изъ птичьей породы, такое же пассивное существо, какъ и Мимочка. Бѣдняжка полюбила серьезнаго и умнаго человѣка, но, робкая и застѣнчивая, она даже не посмѣла открыться ему. За нее устроили ея жизнь и выдали замужъ за сухопараго, геморроидальнаго, жалующагося то на ноги, то на руки, то на печень, почки, сердце, мигрень, спину, бокъ, суставы, малокровіе, худосочіе, переутомленіе, ссѣкъ, филэ, тонкій край и пр. чиновника, и весеннія грезы любви сразу же смѣнились обязанностями жены, взятой для обстановки и удобства. А вѣдь Маша увлекалась, искала въ жизни чего-то высокаго, чему можно было бы отдаться всей душой, долго отказывалась ѣхать въ театръ, много молилась, спала на голыхъ доскахъ. Въ результатѣ она страшно одинока рядомъ со своимъ департаментскимъ мужемъ... «Дочитавъ главу, она поцѣловала евангеліе, потомъ наклонилась, чтобы поднять съ полу упавшій цвѣтокъ. Это была вѣтка розовой черемухи, сорванной когда-то въ Кіевѣ въ ботаническомъ саду. Вѣтка съежилась и высохла, цвѣты поблѣднѣли и осыпались, а жесткіе бурые листья ломались, но Марья Николаевна знала ее и улыбнулась, какъ старому другу... Ей вспомнился Кіевъ и клиника, и ботаническій садъ, голубое небо и чудное дерево черемухи, сплошь покрытое блѣднорозовымъ цвѣтомъ, вспомнились и ея дѣтскія слезы подъ этой черемухой. Какъ давно это было. Точно хорошій, свѣтлый сонъ. Тогда она была такая глупая и такая счастливая. Хорошо быть молодой. Хорошо быть дѣвушкой».

Жаль и Наташу изъ повѣсти «Зарницы», узнавшую, что

любимый ею человѣкъ давно уже женатъ на собственной кухаркѣ; жаль и маленькую институтку Эллисъ, влюбившуюся черезъ рѣшетку въ «студента» и, конечно, неудачно. Жаль, словомъ, всѣхъ этихъ слабенькихъ, худосочныхъ созданій, которымъ ничего не дастъ ихъ чистая любовь, въ комъ жизнь такъ безжалостно забиваетъ все человѣческое и жестоко наказываетъ за всякую попытку быть собой... Но въ концѣ концовъ—не слишкомъ ли злоупотребляетъ г-жа Микуличъ нашей жалостью? и своимъ литературнымъ талантомъ? и своимъ умѣніемъ даже простымъ созвучіемъ словъ возбуждать грустное ощущеніе? Кажется, что да.

Еще ея счастье, что она не впадаетъ въ слащавость. Въ ея дарованіи есть счастливая сторона юмора или, точнѣе, «юмористическаго остроумія», что спасаетъ ее отъ излишней чувствительности; иначе читатели давнымъ бы давно отъ нея отвернулись. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ концѣ концовъ все, что она разсказываетъ—одно и то же. Всѣ ея героини родныя сестры, всѣ ихъ трагедіи на одинъ ладъ. И кто эти героини? и что это за трагедіи? Худосочныя, безсильныя женщины, худосочныя, безсильныя дѣвушки, не умѣющія ни защитить себя отъ бѣды, ни завоевать себѣ счастье, ни даже привязать къ себѣ любимаго человѣка. Ихъ внутренняя дряблость, ихъ духовная немощь слишкомъ очевидна, чтобы на ней останавливаться. Маша, напр., и не думала выходить замужъ, а когда всѣ стали твердить ей, что Павелъ Петровичъ—женихъ, она тоже стала смотрѣть на него какъ на жениха и т. д. Такія натуры—чистые рудименты. Жизнь давно уже произнесла надъ ними суровый и окончательный приговоръ. Въ этомъ приговорѣ нѣтъ, разумѣется, ничего обвиняющаго: жизнь старуха умная и прямо сказала Мимочкамъ и Машамъ, что „вы для меня не годитесь". И этихъ „непригодныхъ", для которыхъ трудно даже изобрѣсти подходящую обстановку среди современныхъ условій существованія,—можно жалѣть такъ же, какъ жалѣешь неизлѣчимо больныхъ, страдающихъ, положимъ, наслѣдственной чахоткой. Прекрасное и высокое чувство состраданія нужно человѣку каждый день, но все равно, какъ странно жалѣть «мірозданіе», къ чему чувствуютъ склонность наши поэты—такъ не менѣе странно жалѣть только Мимочекъ, только первую дѣвичью любовь, увядшую отъ житейскихъ морозовъ. Для г-жи же Микуличъ и въ Мимочкѣ, и въ первой дѣвичьей любви сосредоточились всѣ интересы жизни; первая заслонила отъ нея другихъ людей, вторая въ ея представленіи является чѣмъ-то мистическимъ. И какъ только г-жа Микуличъ выходитъ изъ круга свѣтскихъ куколъ (великолѣпная maman въ „Мимочкѣ", Катя въ „Зарницахъ", Леокадія Николаевна въ «Черемухѣ» и т. д.) или женщинъ

птичьей породы—она вынимаетъ изъ старыхъ ящиковъ литературы рецептъ, по которому былъ составленъ Штольцъ и создаетъ Ольгу или Жюля.

Это очень заставляетъ усомниться въ силѣ и глубинѣ ея дарованія, чисто литературнаго и совсѣмъ не творческаго. Талантливый виртуозъ, г-жа Микуличъ спокойно пользуется старыми темами и фигурами, и вся ея заслуга сводится къ тому, что она мастерски подновляетъ ихъ, и не только мастерски, но и съ большою любовью. Прелесть ея языка и разсказа даютъ жизнь и внѣшнюю оригинальность даже старымъ, поѣденнымъ молью типамъ, и пока эти типы, хотя бы въ видѣ рудиментовъ, существуютъ между нами, должны являться и разсказы à la Мимочка или Черемуха. Но увлекаться ими до возведенія автора въ степень и причисленія его къ лику—это было бы черезъ край.

Мило, очень мило написано. Не къ этому ли, въ концѣ концовъ, должна свестись критика произведеній г-жи Микуличъ, слишкомъ еще, впрочемъ, мало написавшей, чтобы мы высказались о ней окончательно.

Н. А. Вербицкій. Очерки изъ охотничьей жизни. Тула. 1898 г.

На стр. 53-ей названной книги читаемъ: «я шелъ по дорогѣ и думалъ... я не помню, о чемъ думалъ... это, знаете, тѣ думы, что часто приходятъ въ голову на охотѣ: онѣ поднимаются одна за другою... и лопаются, какъ мыльные пузыри... и не вспомнишь потомъ... а пріятно»...

На стр. 138-ой той же книги изображено: «я думалъ... *то есть* я ни о чемъ не думалъ: я сидѣлъ, глядѣлъ и переживалъ моментъ безсознательныхъ сладкихъ ощущеній»... и т. д.

Надо отдать г. Вербицкому справедливость: онъ очень мило, забавно и порою остроумно разсказываетъ о своихъ знакомыхъ и пріятеляхъ по охотѣ, но каковъ удѣльный вѣсъ его литературнаго дарованія, мы въ точности не знаемъ. Его разсказы совсѣмъ какъ мысли на охотѣ: „они поднимаются одинъ за другимъ... и лопаются какъ мыльные пузыри... и не вспомнишь потомъ... а пріятно“. Кое что взято у Тургенева, очень многое изъ «Разоренья» Атавы, ну кое что, разумѣется, и отъ себя прибавлено. Два или три раза на послѣднихъ страницахъ очерковъ раздаются пистолетные выстрѣлы самоубійцъ и опять это выходитъ очень мило и занятно и ничуть не устрашительно. Прочесть книгу можно единымъ духомъ, не особенно жалѣя о потерянномъ на то времени и ничуть объ ея окончаніи.

Впрочемъ, если г. Вербицкій человѣкъ молодой и „Охотничьи разсказы» лишь проба его пера, мы совѣтуемъ ему продолжать: въ его книгѣ попадаются и литературныя страницы и недурныя описанія природы. Только намъ кажется, что писатель не долженъ слишкомъ уже увекаться пописываніемъ; иначе можетъ случиться прямо непріятная вещь: названіе „Охотничьи разсказы“ будетъ принято не въ прямомъ, а, такъ сказать, въ иносказательномъ смыслѣ. А извѣстно, что такое «охотничьи разсказы»: тутъ и волкъ, вывернутый на изнанку, тутъ и мастодонтъ, убитый бекассинникомъ въ болотахъ Новгородской губерніи, и погоня за стаей страусовъ на коломяжской дорогѣ и пр., и пр.—вообще много милаго и занятнаго...

Кенетъ Грэемъ. Золотой возрастъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. СПБ. 1898.

Эта книжка проникнута съ начала до конца тѣмъ милымъ, неподдѣльнымъ юморомъ, къ которому насъ издавна пріучили англійскіе писатели; ее читаешь со смѣхомъ и покидаешь въ раздумьи. Это рядъ разсказовъ изъ дѣтской жизни, написанныхъ съ такимъ увлеченіемъ, комизмомъ и вниманіемъ къ дѣтямъ, какъ это бываетъ не часто. Разсказы изъ дѣтской жизни, предназначенные для взрослыхъ читателей, встрѣчаются не рѣдко, но пишутся какъ-то a priori, предвзято и по излюбленному шаблону; въ нихъ — точно въ баснѣ — приняты „постоянные типы“, лишенные интимныхъ черточекъ индивидуальности и обличающіе въ авторѣ не столько умѣлаго наблюдателя, сколько опытнаго литератора; образцы дѣтской логики дышатъ „выдумкой“ взрослаго человѣка и мѣсто наиболѣе естественнаго здѣсь тона—юмора—занимаетъ голый комизмъ, не оставляющій въ читателѣ никакихъ глубокихъ слѣдовъ. Къ такимъ произведеніямъ относится, напримѣръ, переводный «Дневникъ маленькаго проказника», напечатанный въ этомъ году въ одномъ нашемъ журналѣ; неистовыя проказы героя, нанизанныя одна за другою безъ толку и безъ нужды, въ концѣ концовъ, оставляютъ въ читателѣ только досадное чувство: ну, выскочилъ изъ поѣзда; ну, прицѣпилъ ребенка къ змѣю, поджегъ шутиху подъ женихомъ сестры и т. д.—но что же изъ всего этого? Къ чему эти выдуманныя и утрированныя шалости?

Читатель «Золотого возраста» не задастъ себѣ такого вопроса. Съ самой первой страницы его окутываетъ особенная, опьяняющая атмосфера дѣтской фантазіи; онъ не усваиваетъ себѣ этой логики и не раздѣляетъ этихъ иллюзій — иронія автора не позволяетъ ему отрѣшиться отъ своего глубоко-

прозаическаго міровоззрѣнія,—но онъ начинаетъ жалѣть объ этомъ и, въ концѣ концовъ, готовъ вмѣстѣ съ авторомъ спросить: „кто возьмется рѣшить, что дѣйствительно серьезное дѣло и что только дѣтская игра“?

Это совершенно особый міръ. Дѣйствительность кажется здѣсь призракомъ, и иллюзіи являются единственными реальностями. Воображеніе живетъ настолько дѣятельной, сильной жизнью, что достаточно сѣсть подъ кустомъ и сосредоточиться, чтобы онъ мигомъ превратился въ тропическій лѣсъ; „обезьяны спускаются надъ головой, попугаи перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку, вокругъ сіяютъ красками огромные, странные цвѣты, а шорохъ и шаги крупныхъ звѣрей, невидимо двигающихся, восхитительно тревожатъ и волнуютъ души“. Выводы дѣлаются съ удивительной простотой: проѣзжаютъ солдаты—*значитъ* война; въ Англіи нѣтъ индѣйцевъ и круглоголовые давно не существуютъ—*значитъ* война съ французами. Какъ кончается такая война, извѣстно: „французы запираютъ тебя въ такую штуку, которая называется Бастиліей; тамъ ты достаешь себѣ пилу—ее тебѣ посылаютъ въ краюшкѣ хлѣба; этой пилой надо подпилить рѣшотку въ окнѣ и спуститься внизъ по канату, и они всѣ въ тебя стрѣляютъ, только никогда не попадаютъ,—и ты бѣжишь какъ можно скорѣе къ морскому берегу и плывешь къ британскому фрегату... *вотъ и все*“! Не мудрено, что еще болѣе юному собесѣднику „все“ это кажется настолько привлекательнымъ, что онъ предлагаетъ: „Если они захотятъ взять насъ въ плѣнъ, мы не побѣжимъ, хочешь“? Эта фантастика—какимъ бы парадоксомъ это ни звучало—покоится цѣликомъ на глубокой вѣрѣ въ фактъ; голословныя разсужденія, совѣты и соображенія наталкиваются на рѣшительное недовѣріе; наоборотъ, довѣрчивость къ ясному и категорическому утвержденію необычайна. Когда гувернантка говоритъ, что фей нѣтъ, но что и изъ ложнаго представленія объ ихъ существованіи мы можемъ извлечь нѣкоторую пользу, ей рѣшительно возражаютъ: «Какъ вы можете чему нибудь научиться отъ того, чего не существуетъ»? Пасторъ, который знаетъ дѣтей и умѣетъ съ ними обращаться, даже не пытается спорить съ ними по существу; дѣти убѣждены, что солдаты ѣдутъ сражаться, и бѣгутъ за ними до изнеможенія—добрый старикъ и не думаетъ грубо разрушать ихъ волшебные замки: «Битвы сегодня не будетъ. Ее отложили по случаю перемѣны погоды». Этому вѣрятъ. Невѣроятное и невозможное до такой степени ясно и просто въ этомъ мірѣ, что маленькій Эдвардъ, предлагая играть во львовъ, говоритъ: «Я добѣгу до того угла и буду львомъ... нѣтъ, *я буду заразъ двумя львами, по одному съ каждой стороны дороги*». Всякое забвеніе условій времени и

пространства меркнетъ предъ этимъ рѣшительнымъ отрицаніемъ индивидуальности.

Что знаменательнѣе всего—дѣти не одиноки въ скачкахъ своей своеобразной мысли: они находятъ родственныя души въ противномъ лагерѣ—среди большихъ. Общій тонъ разсказовъ—глубокое презрѣніе къ большимъ, «олимпійцамъ», какъ ихъ называетъ герой,—этимъ «безнадежно неспособнымъ существамъ», которые внушали дѣтямъ не уваженіе, а «только крошечку зависти къ ихъ удачѣ и состраданіе къ ихъ полной неспособности пользоваться ею». Но и среди этихъ слѣпыхъ и скучныхъ людей, которые «могли бы по цѣлымъ днямъ плескаться въ прудѣ, гоняться за курами, лазить по деревьямъ въ самыхъ новыхъ воскресныхъ платьяхъ, покупать порохъ на глазахъ цѣлаго міра... и ничего этого не дѣлаютъ»—и среди нихъ есть люди, понимающіе дѣтей, сами «большія дѣти»: пасторъ, который «всегда съ перваго слова соглашался сдѣлаться и вражескимъ войскомъ и шайкой индѣйцевъ грабителей», старый ученый, серьезно разговаривающій съ ребенкомъ о вопросахъ классической филологіи, молодой художникъ, тоскливо «взыскующій града». Онъ ищетъ духовнаго Рима, а мальчикъ мечтаетъ о Римѣ реальномъ, но это маленькое недоразумѣніе не мѣшаетъ друзьямъ строить совмѣстные планы. И фантазирующій ребенокъ разстается съ взрослымъ фантастомъ еще болѣе убѣжденный въ своей правотѣ: «я уходилъ съ тяжелымъ сердцемъ отъ этого человѣка, который такъ понималъ меня, и шелъ назадъ домой, гдѣ я никогда, никогда не могъ угодить; почему ему все казалось такъ понятно и естественно, рѣшительно все, что эти тетки, викаріи и другіе большіе принимали просто за глупости»? И послѣ невѣроятно смѣшного діалога, сплошь построеннаго на забавныхъ qui pro quo, сердце читателя вдругъ болѣзненно сжимается безнадежнымъ сознаніемъ, что милый мальчикъ тоже не найдетъ своего Рима, какъ не находитъ его никто изъ насъ.

На лекціи одного замѣчательнаго языковѣда мыслителя намъ пришлось какъ-то слышать оригинальное, мелькомъ брошенное замѣчаніе: въ вопросахъ психологіи и соціологіи искусство идетъ впереди науки. Эту мысль превосходно подтверждаетъ лежащая передъ нами книжка. Въ самомъ дѣлѣ, по элементарной дѣтской психологіи, трактующей о первыхъ душевныхъ движеніяхъ мы имѣемъ не мало научныхъ изслѣдованій; напомнимъ хотя бы классическій трудъ Прайера. Но слѣдующей ступени развитія души ребенка въ ея сложныхъ и прихотливыхъ движеніяхъ наука точно не знаетъ; и тѣми обобщенными матеріалами, которыми мы располагаемъ въ этой области, мы обязаны не ученымъ, а поэтамъ; только

отъ нихъ мы имѣемъ указанія на тѣ своеобразные пути, которыми идетъ дѣтская мысль, въ сущности, всегда предоставленная сама себѣ, потому что наши вліянія доходятъ до нея въ такой формѣ, въ какой мы бы ихъ, пожалуй, и не признали. Поэтому самыя мастерскія и правдивыя изображенія дѣтей городскихъ менѣе интересны: эти дѣти слишкомъ мало дѣти—они слишкомъ взрослыя; таковы, напримѣръ, дѣти Достоевскаго, изломанныя, ожесточенныя и даже влюбленныя самымъ настоящимъ образомъ, и непремѣнно въ большихъ. «Золотого дѣтства» они не знаютъ, и не къ нимъ обратится изслѣдователь, ищущій художественнаго изображенія истинно дѣтской души. Не то здѣсь: это дѣти настоящія, потому что деревенскія, а этимъ, вѣрно, объясняется то, что изъ минутки, проведенной съ ними, читатель выноситъ не щемящую тоску, а мягкую, ласкающую грусть воспоминаній, которая, пожалуй, заставитъ его не разъ перелистать эту забавную и милую книжку.

П. Николаевъ. Альфонсъ Додэ. Изданіе редакціи журн. «Жизнь». Спб. 1898.

Эта книжка составлена на скорую руку, непосредственно вслѣдъ за смертью покойнаго французскаго романиста. Какъ некрологическая статья, она имѣла въ свое время смыслъ на страницахъ журнала. Издавать ее отдѣльно не стоило, тѣмъ болѣе, что авторъ не могъ воспользоваться даже столь цѣннымъ источникомъ, какъ воспоминанія сына писателя, Леона Додэ.

Писать біографію Додэ и легко и трудно,—глядя по требованіямъ, какія себѣ ставитъ; легко,—потому что въ его произведеніяхъ заключается много матеріаловъ для его біографіи и характеристики; трудно потому, что это богатство матеріаловъ обязываетъ: надо отнестись къ нимъ именно какъ къ матеріаламъ и пользоваться ими съ достаточнымъ тактомъ и осторожностью. Легко и заманчиво смѣшать героя автобіографическаго романа съ его авторомъ, но выиграетъ ли отъ этого истина, сомнительно. Составитель утилизировалъ автобіографическія произведенія Додэ—романъ „Petit Chose“ и сборники „Trente ans de Paris“ и „Souvenirs d' un homme de lettres“—довольно неумѣло, почти сырьемъ перенося на Додэ впечатлѣнія его злополучнаго героя и выбравъ изъ воспоминаній романиста наименѣе интересные для его характеристики эпизоды. Передается ненужная характеристика Вильмессана, издателя «Фигаро», не игравшаго въ развитіи Додэ никакой роли, разсказъ «Первый фракъ» и т. п., а изъ драгоцѣнной для біографа писателя «Histoire des mes livres» взяты по пре-

имуществу внѣшнія мелочи, имѣющія мало отношенія къ психологіи его творчества.

Къ достоинствамъ книжки надо отнести ея языкъ,—живой и литературный. Но по русски не говорятъ *герцогъ Брунсвикъ*, а герцогъ Брауншвейгскій.

A. Pachalery. Dictionnaire phraséologique de la langue française. Одесса.

„На томъ основаніи, что табакъ и табачный дымъ содержатъ никотинъ, а никотинъ—ядъ, врачи приписываютъ этому растенію разнообразныя тлетворныя дѣйствія. Что до меня, я этому не вѣрю. Вотъ ужъ болѣе тридцати лѣтъ, какъ я курю и курю много—и никакой опасности для моего здоровья отъ этого не вижу. Наоборотъ, табакъ оказываетъ на мою мысль благопріятное дѣйствіе; онъ успокаиваетъ меня, когда я взволнованъ; онъ убаюкиваетъ меня, когда я спокоенъ" и такъ далѣе, и такъ далѣе. Это необходимое для французской фразеологіи сообщеніе читатель найдетъ въ словарѣ г. Пашалери на 137 страницѣ подъ словомъ Aristote. Почему Аристотель? Понятно, почему: потому—что Корнель сказалъ:

«Quoi qu'en dise Aristote et sa docte cabale»,
«Le tabac est divin, il n'est rien qui l'égale».

По поводу слова Amphitryon разсказывается въ стихахъ и въ прозѣ о томъ, какъ выполнялся обычай мыть руки до и послѣ обѣда у древнихъ грековъ, римлянъ, турокъ, французовъ. Такихъ примѣровъ много: ненужныя цитаты, анекдоты, всевозможные пустяки загромождаютъ словарь и чуть не скрываютъ то хорошее, что въ немъ есть. Это роковой удѣлъ множества сборниковъ по фразеологіи; у насъ классическимъ примѣромъ ихъ служитъ распространенная книга Михельсона. По какому-то недоразумѣнію за составленіе такихъ книгъ берутся люди, иногда весьма начитанные, но довольно далекіе отъ пониманія тѣхъ научныхъ требованій, которыя предъявляются къ такого рода сборникамъ. Отсюда и пустословіе, и анекдоты, и всякая отсебятина: богатый матеріалъ, приведенный не у мѣста и распредѣленный неудобно.

Между тѣмъ въ словарѣ г. Пашалери есть по истинѣ драгоцѣнныя для изслѣдователя вещи, и въ рукахъ большой читающей публики онъ тоже можетъ быть очень полезенъ. Для современной филологіи языкъ—это сплошной идіотизмъ: онъ весь состоитъ изъ сложныхъ выраженій и „этимологія", т. е. историческое объясненіе ихъ—задача въ высшей степени важная въ разнообразнѣйшихъ отношеніяхъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда составитель приводитъ извѣстное выраженіе

безъ такого объясненія, онъ оказываетъ этимъ услугу опредѣленію наличнаго состава языка. Надо только и въ этомъ отношеніи быть очень осторожнымъ и не вводить въ словарь выраженій, которыя могли быть кѣмъ либо брошены, но, быть можетъ, не вошли въ живую рѣчь. Кто нибудь могъ вмѣсто «онъ умеръ» сказать il a remisé sa bicyclette; но *говорятъ* ли такъ, остается подъ сомнѣніемъ. Достоевскому случалось бросать выраженія вродѣ «обшмыга», «подымчивое сердце», «ссорная минута» и т. д., но они не войдутъ въ русскій фразеологическій словарь, какъ не вошли въ употребленіе. Иное дѣло его же «безудержъ» или «бездна паденія» или «стушеваться»—выраженіе, которое «потеряло бы автора», если бы онъ не заявилъ правъ на него.

Еще слово—о сближеніи пословицъ. Г. Пашалери часто это дѣлаетъ, не всегда удачно и всегда безъ нужды: самая идея огульнаго сближенія разнообразныхъ пословицъ и выраженій—довольно рискована: смыслъ большинства пословицъ—произведеній поэтическаго иносказанія—не можетъ считаться установленнымъ разъ на всегда; его модифицируетъ тотъ, кто примѣняетъ пословицу къ опредѣленному житейскому случаю; такихъ случаевъ и, стало быть, такихъ толкованій—сколько угодно; всѣхъ не переберешь, да и не къ чему. Но слѣдовало бы указывать хоть ходячее пониманіе пословицы, а то французскій читатель подумаетъ, что „глупому сыну не въ помощь наслѣдство" въ самомъ дѣлѣ, значитъ: „природа выдаетъ себя, какъ бы ни стараться скрыть ее". Иногда составитель плохо усваиваетъ смыслъ древняго языка русскихъ пословицъ и сближаетъ „княгинѣ—княжа, кошкѣ—котя, а Катеринѣ свое дитя", прелестную пословицу, говорящую о законности всякой материнской любви, съ „à l'âne l'âne semble très beau" („княжа" „котя"—не prince и chat, а дѣтеныши).

Мы не остановимся на этихъ мелкихъ погрѣшностяхъ, число ихъ можно былобы умножить, — но ихъ неизбѣжное присутствіе не должно скрывать отъ читателя достоинства лежащей предъ нами работы. Кто, читая стараго французскаго классика или новаго романиста, чувствовалъ невозможность понять его вполнѣ безъ надежнаго руководителя, кто замѣтилъ, какъ устарѣлъ Литтре, отставшій отъ вѣчно живого и продуктивнаго языка съ его бойкими и мѣткими «арготизмами» на цѣлую четверть вѣка, тотъ, конечно, пожелаетъ словарю г. Пашалери и распространенія и скорѣйшаго перехода ко всему алфавиту отъ буквы А, которою пока исчерпывается первый выпускъ этого обширнаго труда.

Н. Череванскій. Двѣ волны. Историческая хроника въ двухъ томахъ съ иллюстраціями. СПБ. 1898 г.

Мы не сомнѣваемся, что хроника г. Череванскаго въ извѣстной степени можетъ принести пользу людямъ, интересующимся русской исторіей и успѣхами русской колонизаціи въ Средней Азіи, но въ какой именно степени — сказать не беремся. Содержа въ себѣ исторію татарскихъ племенъ и народностей отъ первыхъ сохранившихся данныхъ, она поэтому самой сущностью своею затрогиваетъ вопросъ огромной важности — о большемъ или меньшемъ вліяніи татарскаго владычества на наши свычаи и обычаи и всевозможные устои. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу проклятыхъ нашего историческаго прошлаго и въ разныхъ рукахъ получалъ до сихъ поръ разныя рѣшенія. Если Соловьевъ и (отчасти) славянофилы полагали, что вліяніе это было лишь временно и скоро преходящее и, въ сущности, сводили его на нѣтъ, то Костомаровъ, наоборотъ, приписывалъ ему значеніе большое и продолжительное, пожалуй, даже—длящееся. Посредствующихъ же звеньевъ, соединяющихъ оба эти мнѣнія, не перечесть. Г. Череванскій вопроса, конечно, не разрѣшилъ, но его «Первая волна» (если можно такъ выражаться), т. е. исторія татаръ, хотя и слишкомъ ужъ эпизодически написанная, даетъ нѣчто для его разрѣшенія. „Вторая волна", т. е. обратное движеніе потока людей, но уже русскихъ, въ степи Средней Азіи, гдѣ нѣкогда беззаботно безчинствовали большіе и маленькіе Тамерланы, произвела на насъ какъ разъ то впечатлѣніе, котораго не хотѣлъ производить авторъ—именно она не совсѣмъ намъ понравилась. Не то чтобы она была не интересно написана (г. Череванскій, вообще говоря, пишетъ интересно и эффектно); но намъ кажется, что авторъ смотритъ на все слишкомъ уже радужными глазами, сквозь розовыя очки и подъ вліяніямъ патріотическаго веселящаго газа. Иллюстраціи эффектны.

В. И. Семевскій. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе. Изданіе И. М. Сибирякова. 2 т. СПБ. 1898 г.

Новое изслѣдованіе В. И. Семевскаго, давно уже занимающаго почетное мѣсто среди немногочисленныхъ у насъ историковъ народной жизни, является весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей научной литературы, равно заслуживая вниманія со стороны какъ ученыхъ спеціалистовъ, такъ и болѣе широкихъ круговъ читающей публики, интересующейся исторіей и современнымъ положеніемъ рабочихъ массъ. «Въ числѣ многихъ, весьма крупныхъ, пробѣловъ нашей

исторической литературы — справедливо говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи — не послѣднее мѣсто занимаетъ почти совершенное отсутствіе изслѣдованій по исторіи фабричнаго и заводскаго, вообще промышленнаго труда. Правда, мы имѣемъ нѣсколько работъ о прошлой жизни крѣпостныхъ, приписныхъ и поссессіонныхъ рабочихъ и мастеровыхъ на фабрикахъ и заводахъ, но исторія фабричнаго и заводскаго труда въ Россіи во всемъ его объемѣ еще составляетъ одну изъ серьезныхъ задачъ науки. Для этого необходимо изучить подробно исторію крѣпостного труда на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, поссессіонныхъ мастеровыхъ (особенно въ эпоху крестьянской реформы) и, наконецъ, свободныхъ рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, каменноугольныхъ копяхъ, золотыхъ промыслахъ на Уралѣ и т. п. Дѣло это нелегкое, такъ какъ собираніе подобнаго матеріала представляетъ едва ли не бсльшія трудности, чѣмъ его разработка. Часть неизданныхъ источниковъ по этому предмету найдется и въ столичвыхъ архивахъ, но большинство ихъ разсѣяно въ архивахъ различныхъ казенныхъ провинціальныхъ учрежденій или частныхъ имѣній, фабрикъ, заводовъ и т. п., а провинціальныя частныя и казенныя хранилища рукописей обыкновенно весьма мало доступны» (XXVI — XXVII). Въ этихъ словахъ правильно указаны и важная задача, которую предстоитъ еще рѣшить русской исторической наукѣ, и затрудненія, какія встрѣчаются на пути къ успѣшному ея выполненію. Что касается самого автора, то въ избранной имъ спеціальной области онъ блестяще справился съ этими затрудненіями. Правда, для этого ему пришлось затратить немало времени и труда. Какъ мы узнаемъ изъ предисловія В. И. Семевскаго, онъ употребилъ на настоящую свою работу около десяти лѣтъ: еще въ 1885 г. И. М. Сибиряковъ, бывшій тогда его слушателемъ въ петербургскомъ университетѣ, обратился къ нему съ предложеніемъ написать исторію быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, но онъ могъ приняться за этотъ трудъ лишь въ 1888 г. Значительная часть этого почти десятилѣтняго промежутка времени была употреблена имъ на собираніе матеріала по печатнымъ и—въ гораздо большей еще мѣрѣ—по неизданнымъ источникамъ. Не ограничившись тѣмъ матеріаломъ, какой оказалось возможнымъ найти въ петербургскихъ архивахъ—государственнаго совѣта, комитета министровъ, министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и горнаго департамента,— онъ предпринялъ еще спеціальную поѣздку въ Сибирь, за время которой осмотрѣлъ и изучилъ документы 28 мѣстныхъ бумагохранилищъ, въ томъ числѣ 19 архивовъ административныхъ учрежденій и 9 архивовъ золотопромышленниковъ. Эта поѣздка, описаніе которой читатель найдетъ въ преди-

словіи къ книгѣ В. И. Семевскаго, доставила ему вмѣстѣ съ тѣмъ возможность наглядно ознакомиться съ производствомъ работъ на пріискахъ и положеніемъ рабочихъ. Въ основу настоящаго труда легъ такимъ образомъ громадный матеріалъ, извлеченный по преимуществу изъ неизданныхъ источниковъ и самъ по себѣ уже составляющій цѣнный вносъ въ науку. Въ результатѣ разработки этого матеріала умѣлою рукою талантливаго историка наша литература обогатилась образцовымъ изслѣдованіемъ по исторіи быта рабочихъ, какимъ по справедливости могли бы гордиться и литературы болѣе богатыхъ въ смыслѣ научной производительности странъ. Широкая постановка вопросовъ изслѣдованія въ связи съ строго выдержаннымъ единствомъ основной точки зрѣнія автора, богатство фактическаго матеріала, умѣло расположеннаго и всегда критически провѣреннаго, точность покоющихся на этомъ прочномъ основаніи обобщеній и выводовъ автора въ соединеніи съ чрезвычайною ихъ осторожностью—таковы наиболѣе выдающіяся особенности этого труда, охватывающаго исторію рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ за три четверти столѣтія, протекшія со времени возникновенія послѣднихъ. По мѣрѣ ознакомленія съ книгою В. И. Семевскаго передъ читателемъ постепенно развертывается широкая картина унылой, безотрадной, полной неимовѣрно тяжелаго труда и всевозможныхъ лишеній жизни пріисковаго рабочаго, едва лишь въ послѣднее время начинающаго завоевывать себѣ элементарныя человѣческія права. Передача даже наиболѣе общихъ очертаній этой картины, даже важнѣйшихъ выводовъ автора увела бы насъ далеко за скромные предѣлы журнальной рецензіи. Мы только отмѣтимъ тѣ внѣшнія рамки, въ которыя заключена работа В. И. Семевскаго, и лишь попутно попытаемся указать нѣкоторые изъ наиболѣе существенныхъ выводовъ, къ какимъ приходитъ уважаемый авторъ въ итогѣ своего изслѣдованія.

Первый томъ посвященъ времени отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г. Возникновеніе казенной золотопромышленности въ Сибири относится къ началу нашего столѣтія, частной же—ко второй его четверти, а уже въ концѣ 30-хъ годовъ на частныхъ сибирскихъ промыслахъ насчитывалось отъ 12.000 до 13.000 рабочихъ. Готовый контингентъ пролетаріевъ-рабочихъ для нуждъ крупной золотопромышленности нашелся въ Сибири въ лицѣ ссыльнопоселенцевъ, которые первоначально и составляли подавляющее большинство рабочихъ на пріискахъ: такъ, въ 1834 г. 84% общаго числа рабочихъ было изъ ссыльнопоселенцевъ. Лишь постепенно развивался притокъ на пріиски полноправныхъ рабочихъ, понемногу оттѣснившихъ ссыльнопоселенцевъ на второй планъ;

въ 80-хъ годахъ послѣдніе составляли уже меньшинство рабочихъ. Въ первой главѣ авторъ и описываетъ это начало золотопромышленности въ Сибири, способы производства работъ на пріискахъ и положеніе рабочихъ въ періодъ времени до 1838 г. Законодательство весьма мало охраняло въ это время рабочихъ отъ эксплоатаціи со стороны золотопромышленниковъ. Не особенно заботилась о такой охранѣ и мѣстная администрація, а въ тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ, случаяхъ, когда отдѣльные ея представители, стоя на почвѣ закона, вступались за интересы рабочихъ, ихъ дѣйствія парализовались внушеніями, шедшими изъ высшихъ административныхъ сферъ, въ которыхъ золотопромышленники легко находили себѣ покровителей. Благодаря этому эксплоатація рабочихъ, проявлявшаяся въ самыхъ беззастѣнчивыхъ формахъ, не знала предѣловъ и притѣсненія пріисковой администраціи доходили до того, что бывали случаи, когда за найденные самородки съ рабочими расплачивались не деньгами, а розгами. Въ свою очередь рабочіе выражали свой протестъ въ единственно доступной имъ формѣ побѣговъ съ пріисковъ и волненій, и усиленіе тѣхъ и другихъ привело, наконецъ, администрацію къ мысли о необходимости болѣе точнаго законодательнаго регулированія взаимныхъ отношеній рабочихъ и владѣльцевъ пріисковъ. Съ этою цѣлью въ 1838 г. было издано Положеніе о частной золотопромышленности въ Сибири. Исторіи составленія этого законодательнаго акта и его разбору посвящена вторая глава книги, а слѣдующая глава трактуетъ о законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ относительно пріисковыхъ рабочихъ съ конца 30-хъ до начала 50-хъ г. Въ законѣ 1838 г., при всѣхъ его серьезныхъ недостаткахъ, авторъ отмѣчаетъ и нѣкоторыя благопріятныя по тому времени для рабочихъ постановленія; что же касается до другихъ мѣръ, то онѣ частью были вызваны интересами золотопромышленниковъ, частью же принимались мѣстной администраціей не столько для охраны рабочихъ отъ чрезмѣрнаго произвола, сколько въ интересахъ опеки надъ ними, и потому не имѣли благотворныхъ послѣдствій. Сами золотопромышленники въ это время мечтали даже объ образованіи на пріискахъ крѣпостного труда путемъ прикрѣпленія къ нимъ крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ и съ этою цѣлью въ 30-хъ и 40-хъ годахъ ими составленъ былъ рядъ проектовъ, разсматриваемыхъ авторомъ въ особой главѣ. Эти попытки, замѣчаетъ онъ, «къ счастью потерпѣли крушеніе; но то, чего золотопромышленники не пріобрѣли путемъ юридическаго закрѣпленія, было въ извѣстной степени достигнуто ими посредствомъ экономическаго закабаленія рабочихъ вслѣдствіе полной имущественной несостоятельности поселенцевъ» (90—91). Пятая глава книги отве-

дена авторомъ изображенію быта рабочихъ въ промежутокъ времени съ конца 30-хъ до начала 50-хъ годовъ. Пользуясь разнообразными источниками, въ ряду которыхъ особенно видное мѣсто занимаютъ подлинные контракты, заключавшіеся съ рабочими, и показанія современныхъ администраторовъ, авторъ говоритъ здѣсь о порядкѣ найма рабочихъ и путешествіи ихъ на пріиски, о размѣрѣ заработной платы, о количествѣ рабочихъ часовъ и урочной работы. о жилищахъ и пищѣ рабочихъ, объ ихъ семействахъ, о пріисковыхъ лавкахъ и пріобрѣтеніи изъ нихъ товаровъ рабочими, о болѣзняхъ, господствовавшихъ на пріискахъ, и о врачебной помощи, оказывавшейся рабочимъ, о наказаніяхъ послѣднихъ, ихъ побѣгахъ и волненіяхъ и, наконецъ, о выходѣ ихъ съ пріисковъ. На практикѣ положеніе рабочихъ оказывалось гораздо еще хуже сравнительно съ тѣмъ, какъ опредѣлялъ его законъ. Въ то время, какъ по закону 1838 г. рабочій день опредѣлялся въ 15 часовъ, со включеніемъ времени на обѣдъ, и для пріисковъ, не имѣвшихъ теплыхъ промываленъ, устанавливался срокъ окончанія работъ 10 сентября, въ контрактахъ дѣйствительный рабочій день, за исключеніемъ отдыха, назначался въ 12½—14 часовъ, а срокъ окончанія лѣтнихъ работъ нерѣдко отодвигался позже 10 сентября. Бывали даже такіе контракты, въ которыхъ какъ для срока работъ, такъ и для размѣра жалованья рабочихъ, величны задатковъ и т. п. попросту оставлялись пробѣлы. Пріисковая администрація не особенно заботилась о здоровьи и даже самой жизни рабочихъ и одинъ изъ управляющихъ пріисками въ 1845 г. заявилъ, что онъ не считаетъ себя отвѣтственнымъ за смерть хотя бы всѣхъ рабочихъ, если она послѣдуетъ отъ небрежнаго веденія имъ работъ (131). Что касается общей администраціи, то все ея вниманіе было поглощено опекой надъ рабочими и попытками устранить ихъ кутежи по выходѣ съ пріисковъ, становившіеся неизбѣжными благодаря чрезмѣрному истощенію организма рабочихъ непосильнымъ трудомъ, затрудненіямъ въ доступѣ на пріиски для женъ рабочихъ и насильственному воздержанію послѣднихъ отъ вина, перемежавшемуся спаиваніемъ ихъ самими золотопромышленниками. Заботы объ отученіи рабочихъ отъ излишней роскоши достигали такой степени, что въ 1841 г. генералъ губернаторъ Восточной Сибири Руперть, ошибочно разсчитавъ, будто золотопромышленники заготовили для рабочихъ мяса по разсчету 2½ ф. на человѣка въ день, циркуляромъ предписалъ всѣмъ управляющимъ частными пріисками выдавать рабочимъ не болѣе 1¼ ф. мяса въ день, и то лишь въ скоромные дни (120). Въ слѣдующей затѣмъ главѣ авторъ по такой же широкой программѣ разсматриваетъ положеніе рабочихъ въ 50-хъ годахъ. Характернымъ для этого

періода явленіемъ было введеніе на сибирскихъ пріискахъ машиннаго производства при промывкѣ золота, что сопровождалось увеличеніемъ рабочаго дня и пониженіемъ заработной платы. 7-ая и 8-ая главы книги посвящены мастеровымъ кабинетскихъ золотыхъ промысловъ на Алтаѣ и мастеровымъ и ссыльно каторжнымъ на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ за время съ 1830 по 1861 г. Въ 9-ой главѣ авторъ возвращается къ положенію рабочихъ на частныхъ промыслахъ въ теченіе 60-хъ годовъ. За это десятилѣтіе продолжалось начавшееся еще въ предыдущемъ періодѣ увеличеніе рабочаго дня, достигавшееся путемъ довольно разнообразныхъ способовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружились и оригинальныя явленія, заключавшіяся въ измельчаніи промысла на большинствѣ золотоносныхъ системъ и въ появленіи рядомъ съ рабочими, состоящими на хозяйскомъ содержаніи, артелей такъ называемыхъ старателей-золотничниковъ, получающихъ вознагражденіе съ золотника добытаго золота. Изъ двухъ послѣднихъ главъ этого тома одна трактуетъ о введеніи свободнаго труда на Алтайскихъ промыслахъ по Положенію 8 марта 1861 г., а другая излагаетъ исторію выработки правилъ о наймѣ рабочихъ 1870 г.

Въ первой главѣ второго тома авторъ разсматриваетъ правила о рабочихъ Устава о золотопромышленности 1870 г., во второмъ—законодательныя и административныя мѣры относительно рабочихъ на частныхъ промыслахъ съ 1870 до половины 1890-хъ годовъ. Уставъ 1870 г., составленный подъ вліяніемъ золотопромышленниковъ и либеральныхъ экономистовъ, вродѣ Вернадскаго, проповѣдывавшихъ невмѣшательство государства въ развитіе частной промышленности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хуже обезпечивалъ рабочаго, чѣмъ даже законъ 1838 г., и вообще былъ крайне неудовлетворителенъ: „новыя правила, говоритъ г. Семевскій, не регулировали продолжительности рабочаго дня, не опредѣляли количества праздниковъ, не ограничивали труда женщинъ и малолѣтнихъ рабочихъ, не опредѣляли размѣра пищевого довольствія рабочаго, весьма въ недостаточномъ размѣрѣ устанавливали вознагражденіе за увѣчья, не указывали причинъ, дающихъ рабочему возможность прекратить договоръ и проч.“ (II, 7). Другія законодательныя и административныя мѣры того періода также не внесли замѣтныхъ улучшеній въ бытъ рабочихъ. Администрація, правда, за эти годы нѣсколько болѣе, чѣмъ прежде, обращала вниманія на положеніе пріисковыхъ рабочихъ, но ея вниманіе и теперь, не безъ участія золотопромышленниковъ, направлялось, главнымъ образомъ, по ложному слѣду, въ сторону опеки надъ рабочими по выходѣ ихъ съ пріисковъ, а не охраны на самыхъ пріискахъ.

Наиболѣе энергично дѣйствовалъ въ интересахъ рабочихъ въ началѣ 70-хъ годовъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ, но и его мѣры частью не имѣли успѣха по своей непрактичности, частью были вскорѣ отмѣнены его преемниками. Не мало способствовало безсилію мѣръ высшей администраціи края и то обстоятельство, что какъ чины горной администраціи, такъ и жандармскіе офицеры, наблюдавшіе за пріисками, по установившемуся обычаю, получали отъ золотопромышленниковъ громадное содержаніе, въ нѣсколько разъ превосходившее ихъ скромное казенное жалованье. Благодаря всему этому, въ пяти обширныхъ главахъ, посвященныхъ положенію рабочихъ за указанный періодъ времени въ различныхъ золотоносныхъ системахъ, автору приходится отмѣчать лишь незначительныя измѣненія къ лучшему. Увеличивается число пріисковыхъ больницъ и самыя больницы нѣсколько улучшаются, мѣстами заводятся школы, возникаютъ церкви, которыхъ, впрочемъ, рабочіе не могутъ посѣщать за отсутствіемъ на пріискахъ праздниковъ, значительно ослабѣваетъ самовольная расправа владѣльцевъ пріисковъ и ихъ управляющихъ съ рабочими. Наряду съ этимъ, однако, основныя особенности положенія послѣднихъ,—тяжелый трудъ, не даромъ ими самими называемый вольною каторгой, недостаточное питаніе, ничтожное сравнительно вознагражденіе, безпощадная эксплоатаціи со стороны пріисковыхъ управленій и полная безпомощность потерявшаго свое здоровье на пріисковомъ трудѣ рабочаго,—остаются въ прежней силѣ. Въ двухъ особыхъ главахъ авторъ изслѣдуетъ еще положеніе ссыльнокаторжныхъ и вольнонаемныхъ рабочихъ на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ послѣ 1861 г. и артелей старателей-золотничниковъ, послѣ 1870 г. сильно развившихся какъ на частныхъ, такъ и на кабинетскихъ промыслахъ. Отдѣльную главу онъ отводитъ исторіи волненій и стачекъ рабочихъ съ 1870 по 1895 г. Наконецъ, въ послѣдней главѣ авторъ разсматриваетъ законодательное регулированіе положенія рабочихъ за послѣдніе годы. Здѣсь онъ подробно излагаетъ исторію подготовки закона 20 февраля 1895 г. о наймѣ рабочихъ на частные золотые промыслы и даетъ обстоятельный анализъ постановленій какъ этого закона, такъ и закона 2 іюня 1897 г. о продолжительности рабочаго дня въ его примѣненіи къ пріисковымъ рабочимъ. Онъ излагаетъ здѣсь же первыя попытки примѣненія закона 1895 г. въ видѣ обязательныхъ постановленій томскаго горнозаводскаго присутствія о работѣ въ праздничные дни, пищевомъ довольствіи рабочихъ, выдачѣ имъ винныхъ порцій, о пріисковыхъ лавкахъ, оказаніи врачебной помощи рабочимъ и штрафахъ съ послѣднихъ, и другія мѣры, принятыя въ самые послѣдніе годы для улучшенія

быта рабочихъ. Въ ряду этихъ мѣръ особенно выдаются пожертвованіе И. М. Сибиряковымъ 420.000 р. на выдачу пособій увѣчнымъ и потерявшимъ здоровье на пріискахъ рабочимъ и образованіе въ Томскѣ общества вспомоществованія горнорабочимъ.

Мы представили, конечно, не болѣе, какъ бѣглый перечень важнѣйшихъ темъ, разработанныхъ въ трудѣ В. И. Семевскаго, но, надѣемся все же, что онъ дастъ читателю приблизительное понятіе о богатствѣ содержанія этого замѣчательнаго изслѣдованія.

И. С. Блiохъ. Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Въ шести томахъ съ атласомъ. Спб. 1898 г.

Подъ такимъ заглавіемъ извѣстный варшавскій банкиръ и желѣзнодорожный дѣятель выпустилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ огромное сочиненіе, призванное познакомить насъ съ характеромъ и значеніемъ будущей войны. Такою вѣроятною будущею войною авторъ считаетъ столкновеніе тройственнаго союза съ франко-русскимъ и всѣ свои данныя, различныя вычисленія и предсказанія подгоняетъ къ гипотезѣ подобной войны, лишь вскользь останавливаясь на другихъ возможныхъ случайностяхъ. Впрочемъ, группируя свои данныя преимущественно вокругъ указанной гипотезы, г. Бліохъ дѣлаетъ изъ нихъ общіе выводы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы данныя ни были сгруппированы, они настолько значительны и многочисленны, что выводы, если они справедливы, должны поневолѣ сохранить свое значеніе и при всякой другой группировкѣ и всякой другой предвидимой исторической случайности. Когда книга составлялась, эти иныя случайности казались мало вѣроятными. Война между Испаніей и Соединенными Штатами и едва едва не вспыхнувшая война между Англіей и Франціей показали міру, что человѣчество гораздо ближе къ войнѣ, нежели то принято думать, и что горючій матеріалъ собранъ не только по обѣ стороны Вогезовъ. Эта страничка въ исторіи текущаго года настолько знаменательна и значительна, что весь пятый томъ книги г. Бліоха, посвященный «войнѣ въ политическомъ отношеніи», оказывается уже устарѣлымъ. Ослабленіе узъ, соединяющихъ державы тройственнаго союза, новая группировка державъ на Дальнемъ Востокѣ, выступленіе Сѣверо-Американской республики въ роли дѣятельнаго политическаго фактора—присоединяются къ вышеуказаннымъ фактамъ испано-американской войны и остраго англо-французскаго столкновенія и рѣшительно измѣняютъ политическую физіономію цивилизованнаго міра. Поли-

тическія соображенія г. Бліоха, не предвидѣвшаго ни этой новѣйшей исторіи, ни мирной ноты русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, не соотвѣтствуютъ болѣе политическому положенію. Они сохраняютъ нѣкоторый историческій интересъ преимущественно по многочисленнымъ историческимъ справкамъ, занимающимъ много мѣста въ пятомъ томѣ.

Въ виду того, что авторъ считается опытнымъ и свѣдущимъ финансистомъ, наиболѣе интереса представляетъ четвертый томъ, посвященный обзору экономическихъ условій и экономическихъ послѣдствій будущей войны. Авторъ рисуетъ очень мрачную картину. Война будетъ разорительна, какъ до сихъ поръ никакая другая. Она можетъ обратить міръ въ пустыню. Человѣчество должно серьезно подумать объ этомъ и отыскать средства къ устраненію предвидимой случайности. Обильныя данныя, собранныя г. Бліохомъ и указывающія, какъ общая европейская война отразится на продовольствіи населенія, его заработкахъ, его имуществѣ, его нравственномъ состояніи, не оставляютъ въ душѣ читателя сомнѣнія въ неописуемомъ ужасѣ того бѣдствія, къ которому европейское человѣчество съ такою лихорадочною поспѣшностью готовится уже больше четверти вѣка. Само это приготовленіе есть уже несомнительное бѣдствіе и націи начинаютъ приходить къ состоянію экономическаго упадка даже безъ войны, уже склоняясь подъ рѣшительно непосильнымъ бременемъ военныхъ расходовъ. Особенно доказательны таблицы и діаграммы, обозначающія параллельно ростъ народнаго благосостоянія и ростъ военнаго бремени. Такъ, напр., въ Италіи (IV, 52), если сравнить ростъ населенія, богатства, государственныхъ доходовъ и государственныхъ расходовъ за періодъ 1875—1892 гг., то окажется, что «во второмъ пятилѣтіи (1880—1884 гг.), сравнительно съ первымъ (1875—1879 гг.), богатство возрасло значительнѣе, нежели населеніе, и ростъ государственныхъ доходовъ развивался параллельно съ благосостояніемъ населенія. Но въ третьемъ пятилѣтіемъ періодѣ (1885—1889 гг.), по сравненію со вторымъ, увеличеніе богатства шло уже медленнѣе и едва въ равной степени съ приростомъ населенія, а въ послѣдніе три года оно уже отстаетъ отъ прироста населенія (*т. е. населеніе бѣднѣетъ*). Между тѣмъ сборы государства, а еще болѣе его расходы возрастали очень быстро». Если мы припомнимъ, что именно около половины восьмидесятыхъ годовъ Италія, примкнувъ къ тройственному союзу, вышла на путь военныхъ приготовленій, то доказательность этихъ выводовъ не оставляетъ ничего желать. Аналогичныя данныя, только нѣсколько болѣе сложныя, приводятся г. Бліохомъ и для другихъ великихъ націй Европы и, какъ мы уже сказали, въ общемъ рисуютъ

дѣйствительно страшную картину угрожающихъ бѣдствій и опасности современнаго состоянія. Можно отъ души поблагодарить автора за выясненіе этого положенія, которое, конечно, и до него было извѣстно, но выяснять которое никогда не лишнее. Къ сожалѣнію, поспѣшность ли труда, или его огромность повели къ тому, что сведенный матеріалъ не всегда одинаковаго достоинства и цѣнности. Попадаются и прямо промахи, порою непонятные подъ перомъ финансиста. Такъ на стр. 177 читаемъ: «Отсюда видно, что публикуемыя въ русскихъ *Обзорахъ внѣшней торговли* данныя о русскомъ вывозѣ представляютъ цифры ниже, чѣмъ онѣ оказываются въ дѣйствительности; относительно же ввоза товаровъ въ Россію въ *Видахъ внѣшней торговли*, оцѣнка оказывается преувеличенною». Это слѣдуетъ изъ сравненія русскихъ данныхъ съ данными иностранными. Неужели г. Бліохъ не знаетъ, что такое существуетъ вездѣ и всюду и не можетъ не существовать? Изъ Одессы везутъ пшеницу въ Лондонъ: въ русскихъ данныхъ она будетъ оцѣнена по одесскимъ цѣнамъ, а въ англійскихъ—по лондонскимъ, которыя всегда выше. Поэтому итоги русскаго вывоза всегда окажутся по русскимъ даннымъ ниже, нежели по иностраннымъ. Тоже и наоборотъ, вслѣдствіе чего итоги ввоза по русскимъ даннымъ будутъ всегда выше, нежели по иностраннымъ. Это элементарно, а между тѣмъ г. Бліохъ строитъ нѣкоторыя соображенія на основаніи своего недосмотра. Можно было бы указать и другіе недосмотры и даже противорѣчія (напр., въ оцѣнкѣ значенія смертности для готовности населенія къ бою), но сколько бы мы ихъ ни нашли, затѣя останется очень обширной и весьма богатой матеріаломъ для истолкованія изслѣдуемыхъ вопросовъ и авторъ заслуживаетъ живѣйшей благодарности за его огромный и полезный трудъ.

Одинъ томъ посвященъ, какъ мы уже сказали, политикѣ, и одинъ—экономическимъ вопросамъ. Еще одинъ томъ представляетъ сводъ общихъ выводовъ. Затѣмъ, однако, остаются еще три тома (I—III) для технической стороны дѣла. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ военной техники, но, быть можетъ, не лишнее отмѣтить, что испано-американская война не оправдала нѣкоторыхъ изъ предсказаній г. Бліоха. Такъ авторъ «Будущей войны» предсказывалъ, что при настоящихъ флотахъ даже значительно болѣе сильная на морѣ воюющая сторона не будетъ въ состояніи сохранить свои морскія сообщенія. Оказалось, однако, что не только Соединенные Штаты, но и Испанія все время сохраняла всѣ свои морскія сообщенія. И сраженія съ малокалиберными скорострѣльнымъ ружьемъ при бездымномъ порохѣ не были кровопролитнѣе прежнихъ. Совершенно наоборотъ тѣмъ предви-

дѣніямъ, которыя цитировалъ г. Бліохъ... Они были достаточно кровопролитны, чтобы не желать новыхъ опытовъ.

Э. Б. Тайлоръ. Антропологія. Переводъ съ англійскаго доктора И. С. Ивина. 2 изданіе 1899.

Наконецъ, послѣ „Первобытной культуры" Тайлора, дождалось второго русскаго изданія и его превосходное „Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи". Это одна изъ тѣхъ книгъ, которымъ можно пожелать самаго широкаго распространенія. Главное ея достоинство въ томъ, что она воспитательна: вводя въ новый кругъ идей, она не только даетъ отвѣты; она—что подчасъ гораздо важнѣе—ставитъ вопросы; она не просто сообщаетъ факты — она учитъ думать въ извѣстномъ направленіи. Содержаніе книги Тайлора охватываетъ въ бѣглыхъ чертахъ всю область той сравнительно юной науки, къ которой относятся и прежнія спеціальныя работы автора; это обзоръ исторіи человѣка въ переходѣ его отъ низшихъ позвоночныхъ, въ ростѣ его языка, въ успѣхахъ его житейской техники, въ развитіи его общественной организаціи, въ ходѣ его духовной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ отъ науки и искусства до миѳологіи, религіи и нравственности.

Книгу Тайлора называли „исторической антропологіей". Это похоже на плеоназмъ: въ такой наукѣ, какъ антропологія, едва ли возможны какія бы то ни было цѣнныя изслѣдованія и правильные выводы, не проникнутые динамической точкой зрѣнія. Эта точка зрѣнія и есть то важнѣйшее достояніе современной научной мысли, которое должно прежде всего стать общимъ достояніемъ; эта трудная и почетная задача лежитъ главнымъ образомъ на трудахъ по антропологіи, и должно сознаться, что до сихъ поръ у насъ едва ли найдется книга, исполняющая эту задачу болѣе просто и съ меньшимъ разсчетомъ на подготовку читателя, чѣмъ „Антропологія" Тайлора. Идея *историчности* душевной жизни проникаетъ ее отъ первой строки до послѣдней и въ концѣ чтенія становится однимъ изъ основныхъ началъ міровоззрѣнія читателя. А между тѣмъ, не усвоивъ себѣ этой идеи во всей ея полнотѣ и важности, совершенно невозможно понять сущность важнѣйшихъ проявленій человѣческаго духа. Завѣтъ классическаго оракула „познай самого себя" принимаетъ въ наукѣ новую форму: познай свою исторію. Для этого она знаетъ одинъ путь: изученіе происхожденія и развитія такихъ объективированныхъ продуктовъ человѣческаго сознанія, какъ миѳъ, обычай, нравственность, религія и—на первомъ планѣ—языкъ. Значеніе ихъ изслѣдованія не только въ томъ, что они болѣе

доступны анализу, чѣмъ неустойчивыя внутреннія воспріятія, но главнымъ образомъ въ томъ, что они въ извѣстной степени раскрываютъ наблюденію такіе процессы духовной жизни, которые съ виду совершенно чужды нашему теперешнему мышленію, а на самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ его зародыши. Это особенно относится къ языку, и нельзя не пожалѣть, что Тайлоръ, удѣливъ много вниманія вопросу о происхожденіи словъ, почти совершенно не остановился на грамматическихъ формахъ, тогда какъ именно здѣсь, въ исторіи предложенія, мы находимъ слѣды такихъ древнихъ состояній мысли, какія едва ли доступны иному способу наблюденія. Ни въ одномъ доисторическомъ курганѣ, ни въ одномъ старомъ обычаѣ или переживаніи нѣтъ такихъ древностей, какія находитъ изслѣдователь въ древнемъ языкѣ. Насъ удивляетъ то состояніе мысли, которое характеризуется, напримѣръ, убиваніемъ стариковъ, судомъ Божьимъ, побратимствомъ, кувадой. Но, очевидно, безконечно дальше отъ насъ и гораздо удивительнѣе тотъ строй сознанія, при которомъ въ немъ нѣтъ еще разницы между именемъ и глаголомъ, при которомъ подлежащее стоитъ въ звательномъ падежѣ. Изученіе исторіи мысли при помощи изслѣдованія развитія языка представляетъ нѣкоторыя изъ существующихъ попытокъ философскаго построенія исторіи въ новомъ свѣтѣ. Предъ нами неожиданно раскрываются такія неизвѣданныя глубины человѣческой исторіи, которыя казались намъ безусловно недоступными для точной науки и были заповѣднымъ удѣломъ апріорныхъ построеній. Безконечныя перспективы далекой древности уясняются и мысль усматриваетъ въ началѣ ихъ такія свои формы, какія она еле себѣ представляетъ. Едва ли удастся кому либо удовлетворительно объяснить развитіе этихъ формъ, напримѣръ, ходомъ хозяйственной жизни. Едва-ли когда нибудь будетъ возможно представить положительныя доказательства рѣшающаго значенія экономическихъ моментовъ въ тѣхъ гигантскихъ духовныхъ переворотахъ, какіе мы открываемъ въ древнейшей исторіи языка. Трудно представить себѣ, какъ могутъ такія явленія, какъ „усиленіе глагольности сказуемаго» быть сведены къ предварительнымъ условіямъ хозяйственнаго характера. А между тѣмъ въ этихъ явленіяхъ находятъ себѣ выраженіе такіе мощные процессы въ мышленіи, какъ замѣна идеи субстанціи идеей силы и т. п. Тайлоръ обходитъ эти спорные вопросы формальнаго развитія языка, лишь мимоходомъ отмѣтивъ значеніе согласованія; такіе же пробѣлы можно указать и въ другихъ частяхъ его книги; но онъ и не берется исчерпать предметъ—онъ намѣчаетъ только пути, по которымъ должны двигаться интересы читателя—и тотъ, кто задумается надъ воз

бужденными имъ вопросами, найдетъ достаточный матеріалъ для изученія въ указанной авторомъ литературѣ. Жаль только, что переводчикъ не нашелъ удобнымъ пополнить списокъ автора—вообще очень неполный—сочиненіями на русскомъ языкѣ и переводами. Такія книги, какъ «Антропологія» Тайлора, полезны только въ рукахъ не спеціалистовъ, которымъ необходимо помогать въ дальнѣйшей работѣ, а помощь эта прежде всего должна состоять въ указаніи соотвѣтственныхъ пособій.

А. Скворцовъ, профессоръ Новоалександрійскаго Института Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства. **Основанія политической экономіи.** Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898.

Передъ нами не элементарный учебникъ, годный для ознакомленія начинающихъ съ элементами науки. Авторъ самъ предостерегаетъ отъ такого взгляда на свое произведеніе. Онъ «не задавался цѣлью создать учебникъ, но имѣетъ въ виду дать систематическій обзоръ всего цикла явленій, составляющихъ предметъ изслѣдованія науки» (стр. VII). Авторъ преслѣдовалъ спеціальную цѣль: имъ «руководила мысль разсмотрѣть весь циклъ экономическихъ явленій въ современномъ обществѣ, какъ продуктъ эволюціи общественно-экономическихъ отношеній подъ вліяніемъ матеріальныхъ факторовъ» (VII); онъ и совѣтуетъ читателю браться за чтеніе «Основаній» «только въ томъ случаѣ, если его интересуетъ вопросъ объ экономической эволюціи» (IX). Послѣднія утвержденія, однако, не соотвѣтствуютъ содержанію книги, трактующей исключительно чисто-теоретическіе вопросы экономической науки, что, конечно, является крайне недостаточнымъ матеріаломъ для изслѣдованія «вопроса объ экономической эволюціи». Установленныя, такимъ образомъ, въ предисловіи рамки работы оказались шире ея дѣйствительнаго содержанія.

Книгу г. Скворцова можно подраздѣлить на двѣ рѣзко отличныя другъ отъ друга части. Большинство главъ «Основаній» занято популярнымъ изложеніемъ элементарныхъ вопросовъ экономической теоріи: сюда относятся главы о цѣнности, прибавочной цѣнности, заработной платѣ, народонаселеніи, о формахъ производства, деньгахъ, кредитѣ, отдѣлъ о потребленіи и т. д. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ своей книги проф. Скворцовъ является послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ сторонникомъ трудовой теоріи, не чуждымъ склонности къ самостоятельной, оригинальной работѣ мысли, приводящей, впрочемъ, не всегда къ равнымъ результатамъ; въ общемъ, однако, здѣсь содержится матеріалъ, мало чѣмъ отличающійся отъ обычныхъ изложеній учебниковъ. За то другія

главы,—именно о прибыли и рентѣ,—полны новаторскихъ попытокъ, представляющихъ рѣзкій контрастъ съ популярно-элементарнымъ содержаніемъ прочихъ главъ.

Извѣстно, что наиболѣе интересною задачею, занимающею умы современныхъ послѣдователей нѣмецкаго экономиста, является примиреніе ученій 3-го и 1-го томовъ «Капитала», примиреніе ученій о цѣнности и прибавочной цѣнности съ ученіями о цѣнѣ и прибыли. Свою попытку примиренія предлагаетъ и проф. Скворцовъ, развивая и дополняя въ данномъ случаѣ свое ученіе, изложенное до выхода въ свѣтъ 3-го тома «Капитала» во «Вліяніи парового транспорта» (стр. 149—177) и въ статьѣ «Прибыль и процентъ», напечатанной въ «Юридич. Вѣстникѣ» (1890 № 1). Авторъ приходитъ къ результатамъ довольно неожиданнымъ и чрезвычайно смѣлымъ. Онъ объявляетъ все содержаніе соотвѣтствующаго ученія 3-го тома «Капитала» не только не убѣдительнымъ и необоснованнымъ, но даже излишнимъ. Въ дѣйствительности, по увѣренію профессора, никакого противорѣчія между законами прибавочной цѣнности и прибыли, цѣнности и цѣны нѣтъ, и товары продаются по трудовой цѣнности съ незначительными, конечно, уклоненіями въ отдѣльныхъ случаяхъ. Словомъ, г. Скворцовъ возвращается отъ Маркса къ классикамъ. Въ защиту такого смѣлаго шага нашъ авторъ развиваетъ слѣдующую аргументацію. Фактъ равенства прибылей, являющійся корнемъ даннаго вопроса и вызвавшій у Маркса для своего объясненія законы прибыли и цѣны, достаточно объясняется законами трудовой цѣнности и прибавочной цѣнности. Если Марксъ указываетъ на то, что предпріятія съ высокимъ органическимъ составомъ капитала, вырабатывая относительно мало прибавочной цѣнности, утилизируютъ, тѣмъ не менѣе, прибыль, равную по нормѣ прибыли предпріятій съ низкимъ составомъ капитала, гдѣ прибавочной цѣнности вырабатывается гораздо больше, — то въ этомъ противорѣчіи повиненъ прежде всего неправильный способъ исчисленія у Маркса прибыли. Послѣдняя должна исчисляться не по отношенію ко всему капиталу, приложенному въ данномъ предпріятіи, какъ это дѣлаетъ Марксъ,—а по отношенію къ капиталу авансированному, т. е. дѣйствительно потраченному въ данномъ процессѣ производства. И такъ какъ въ предпріятіяхъ, характеризующихся высокимъ органическимъ составомъ капитала, изъ всей суммы послѣдняго потребляется въ каждомъ процессѣ производства только незначительная часть (весь перемѣнный капиталъ, а изъ постояннаго — весь оборотный + только изнашивающаяся часть основного),—то ясно, что, при исчисленіи прибыли по отношенію къ авансированному капиталу, норма прибыли такихъ предпріятій значительно

поднимется, и разница между нормами прибыли въ предпріятіяхъ съ высокимъ и низкимъ составомъ капитала окажется весьма малою. Но и эта малая разница можетъ быть погашена тѣмъ, что въ крупныхъ предпріятіяхъ, благодаря значительному участію тамъ постояннаго капитала, норма прибавочной цѣнности должна быть выше, оборотъ быстрѣе, участіе кредита значительнѣе и т. д. Все это дѣлаетъ допустимымъ существованіе меньшей нормы прибыли въ крупныхъ предпріятіяхъ. Наконецъ, если при учетѣ указанныхъ условій все таки окажется разница въ нормахъ прибылей крупныхъ и мелкихъ предпріятій, то необходимо принять во вниманіе, что полнаго равенства прибылей и не существуетъ въ дѣйствительности: есть только тенденція къ равенству, которое практически никогда и не достигается (149). Итакъ, законъ равенства прибылей вполнѣ объяснимъ на почвѣ закона прибавочной цѣнности, и, слѣдовательно, нѣтъ нужды въ установленіи цѣны, какъ категоріи, отличной отъ цѣнности. Такова аргументація г. Скворцова. Ее нельзя не признать въ корнѣ ложною. Толкуя ученіе Маркса, нашъ авторъ предлагаетъ исчислять прибыль по отношенію къ авансированному только капиталу. Но, ставъ на почву такихъ поправокъ въ исчисленіи, мы можемъ предложить г. Скворцову исчислять прибыль по отношенію къ перемѣнному капиталу, т. е. капиталу, дѣйствительно эту прибыль производящему. Съ научной точки зрѣнія, такое «исчисленіе» будетъ правильнѣе, а между тѣмъ при такомъ исчисленіи не окажется между прибавочною цѣнностью и прибылью, равно между нормами прибылей въ разныхъ предпріятіяхъ и тѣни разницы. Все дѣло, однако, въ томъ, что въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ точка зрѣнія именно капиталиста, который не можетъ исчислять прибыль иначе, какъ по отношенію ко всему капиталу.

По разсужденію г. Скворцова выходитъ, что капиталистъ, вложивъ въ предпріятіе милліонъ рублей, получаетъ прибыль лишь, примѣрно, съ трехсотъ тысячъ, остальныя же семьсотъ тысячъ «работаютъ» безвозмездно. Увы! такая теорія безвозмездныхъ «услугъ» капитала мало соотвѣтствуетъ нравамъ современной капиталистической жизни, гдѣ каждый рубль, каждая копѣйка не проводятъ ни одной минуты безъ того, чтобы не приносить прибыли или, по крайней мѣрѣ, процента. Прибыль должна исчисляться именно такъ, какъ она исчисляется въ дѣйствительной жизни капиталистомъ, т. е. по отношенію ко всему капиталу, и, слѣдовательно, задача, поставленная Марксомъ въ 3-мъ томѣ «Капитала».—задача примиренія законовъ прибыли и прибавочной цѣнности, цѣны и цѣнности, — пріобрѣтаетъ значеніе реальное, а не основан-

ное только на неправильности исчисленія. Что же касается вліянія нормы прибавочной цѣнности, быстроты оборота и т. д., то Марксъ возможности и значенія такого вліянія не отрицалъ; ясно, однако, что эти частичныя, выходящія изъ рамокъ принципіальнаго анализа 3-го тома, вліянія не въ сосостояніи компенсировать *всю разницу* между нормами прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ, если только исчислять прибыль по отношенію ко всему капиталу. На основаніи сказаннаго мы не можемъ не признать поправку, вносимую г. Скворцовымъ, совершенно необоснованною.

Изъ смысла этой поправки вытекаетъ и взглядъ г. Скворцова на теорію ренты. Признавая фактъ продажи въ капиталистическомъ обществѣ товаровъ по ихъ трудовой цѣнности, г. Скворцовъ не можетъ согласиться съ закономъ *дифференціальной* ренты, проистекающей изъ различія плодородія участковъ, продукты съ которыхъ обладаютъ то большею, то меньшею цѣнностью въ зависимости отъ лучшаго и худшаго положенія даннаго участка (209—10). Что же касается закона *абсолютной* ренты, получающейся и съ худшихъ участковъ и объясняемой какъ низкимъ составомъ земледѣльческаго капитала, такъ и частною собственностью на землю, то этотъ законъ признается и г. Скворцовымъ (226 и др.). Однако, въ силу отрицанія имъ закона дифференціальной ренты, г. Скворцовъ оказался неспособнымъ проанализировать то различіе обоихъ видовъ ренты, которое было неизвѣстно классикамъ и открытіе котораго составляетъ великую заслугу Маркса.

И безъ того растянувшіеся размѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ остановиться на оцѣнкѣ другихъ частей разбираемой работы. Впрочемъ, о послѣднихъ мало и можно сказать. Поименованныя выше элементарныя главы, помимо нѣкоторыхъ частностей, мало чѣмъ отличаются отъ соотвѣтствующихъ отдѣловъ обычныхъ учебниковъ. Достаточно же оригинальные взгляды автора на явленія русской экономической жизни давно извѣстны. Отмѣтимъ только, что аргументація г. Скворцова въ различныхъ мѣстахъ оставляетъ желать многаго въ смыслѣ ясности и послѣдовательности изложенія. Ограничимся однимъ примѣромъ, относящимся къ самому опредѣленію политической экономіи. Предметомъ политической экономіи служитъ, грубо и обще выражаясь, изученіе хозяйственной дѣятельности человѣка. Но что же представляетъ собою хозяйственная дѣятельность человѣка? Одни экономисты понимаютъ подъ нею дѣятельность, направленную на удовлетвореніе *матеріальныхъ потребностей*; другіе подводятъ подъ это понятіе дѣятельность человѣка, направленную на удовлетвореніе *всѣхъ* потребностей, но только *матеріаль-*

ными средствами. Различіе существенное. Къ какому же опредѣленію примыкаетъ нашъ авторъ? На 1-й же страницѣ читаемъ, что „подъ хозяйственною дѣятельностью человѣка мы разумѣемъ ту дѣятельность, которая имѣетъ цѣлью удовлетвореніе *матеріальныхъ потребностей*“ (курс. нашъ). Перевернувши, однако, страницу, наталкиваемся на такое заявленіе: „здѣсь (въ понятіи хозяйственной дѣятельности) важенъ *не родъ потребности* (!?), а способъ ея удовлетворенія: характернымъ для хозяйственной дѣятельности отличіемъ является то, что въ ней стремятся къ „полученію извѣстныхъ *матеріальныхъ предметовъ* (курс. нашъ) для удовлетворенія своихъ потребностей“ (2). Наконецъ, нѣсколькими строками ниже помѣщается прибавленіе: «Результатомъ такой (хозяйственной) дѣятельности являются *матеріальные предметы или явленія* (курс. нашъ), удовлетворяющіе извѣстную *матеріальную потребность*» (ib.) (2). Итакъ, по терминологіи г. Скворцова, опредѣляющимъ моментомъ хозяйственной дѣятельности является то *родъ потребности* (матеріальная), удовлетворяемой при помощи этой дѣятельности, то «не родъ потребности», а родъ предметовъ (матеріальные), при помощи которыхъ удовлетворяются потребности; то, наконецъ, и родъ потребности, и родъ предметовъ. Можетъ ли идти дальше путаница опредѣленій и терминологіи?

И эта путаница преподносится читателю съ первыхъ же строкъ «Основаній».

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

А. М. Өедоровъ. Стихотворенія. Спб. 98. Ц. 1 р.

Въ лучшіе годы. Собраніе стихотвореній **Н. И. Позднякова.** Изд. 2-е. Спб. 98.

А. Эмге. Проза. Томъ I. Стихи. Томъ II. Спб. 98. Ц. 50 к. за томъ.

М. М. Филипповъ. Историческія повѣсти. Изд. Л. И. Филипповой. Спб. 98. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

В. Н. Авенаріусъ. Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи «Ученическіе годы Гоголя». Изданіе кн. магазина П. В. Луковникова. Спб. 99.

Сергѣй Роміасъ. Семья Никитиныхъ. Романъ-хроника. Въ двухъ томахъ. М. 99. Ц. 4 р. 50 к.

Въ городѣ и деревнѣ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Составилъ А. Ивинъ. Съ рис. Н. Н. Ольшанскаго. Изданіе 2-е В. С. Спиридонова. М. 98. Ц. 30 к.

Новая звѣздочка. Три разсказа **А. В. Круглова**. Съ рис. Н. Н. Ольшанскаго. Изданіе 2-е В. С. Спиридонова. М. 98. Ц. 25 к.

Друзья дѣтей. Сборникъ разсказовъ. Составилъ А. Ивинъ. Съ рис. П. Литвиненко. М. 98. Ц. 40 к.

Анна Догановичъ. Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчелъ. Съ рис. П. Литвиненко. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 98. Ц. 40 к.

А. В. Кругловъ. Маленькимъ читателямъ. Разсказы въ прозѣ и стихахъ. Съ рис. Н. Н. Ольшанскаго. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 98. Ц. 35 к.

Чудныя ночи. Рождественскіе и пасхальные разсказы и очерки **К. С. Баранцевича**. Изданіе редакціи «Дѣтскаго Чтенія». М. 99. Ц. 45 к.

Лучше поздно, чѣмъ никогда. **М. Тиличеевой**. М. 98.

Ванинъ дѣдушка. **М. Тиличеевой**. М. 98.

Щелкунчикъ и мышиный царь. Сказка **Гофмана**. Съ рис. Ю. Я. Кремеръ. Изданіе Д. И. Тимковскаго. М. 98. Ц. 50.

Сочиненія **Ю. И. Касиненко**. Т. I. (Путевые очерки и разсказы). Изданіе Н. П. Загайкевича. Лубны 98. Ц. 80 к.

Литературный сборникъ «Волжскаго Вѣстника». Казань. 98. Ц. 1 р. 50 коп.

Г. Брандесъ. Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Англійская литература. Переводъ съ нѣм. М. Іолшина. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 98. Ц. 75 к.

Исторія французской литературы. **Г. Лансона**. XVII вѣкъ. Переводъ съ франц. З. Венгеровой. Ц. 1 р. XVIII вѣкъ. Переводъ съ франц. П. О. Морозова. Ц. 1 р. Изданіе журн. «Образованіе» Спб. 99.

Н. Котляревскій. Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. Спб. 98. Ц. 2 р.

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Съ рисунками. Художника **В. В. Верещагина**. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Листки изъ записной книжки художника **В. В. Верещагина**. М. 98. Ц. 1 р.

Уроки по электричеству **Джона Тиндаля**. Съ послѣдняго англ. изданія перевелъ Е. А. Предтеченскій. Съ рисунками. Изданіе кн. магазина П. В. Луковникова. Спб. 98. Ц. 50 к.

К. Щолковскій. Самостоятельное горизонтальное движеніе управляемаго аэростата. (Новыя формулы сопротивленія воздуха и движенія аэростата). Одесса. 98.

Гётчинсонъ. Вымершія чудовища. Вып. II и III. Съ 9 табл. и 47 рис. Переводъ В. М. Павловой. Съ предисловіемъ проф. А. П. Павлова. М. 98. Ц. 28.

О методѣ въ біологіи. Въ области гипотезъ и теоретическихъ выводовъ. **М. Романовскаго**. Одесса 98. Ц. 1 р.

К. Тимирязевъ. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Изданіе 4-е В. Н. Маракуева. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Б. Ауэрсвальдъ и Э. А. Россмесслеръ. Ботаническія бесѣды. Редакція академика А. Н. Бекетова. Изданіе 3-е, исправленное. Съ 50 хромолитографіями и 339 политипажами въ текстѣ. М. 98. Ц. 8 р.

Геніальность, психическая неуравновѣшенность и преступность. **В. И. Воротынскаго**. Казань 98.

Алкоголь и душевное разстройство. Лекція д-ра **Августа Фореля**.

Переводъ съ нѣм. подъ редакціей А. М. Коровина. Изданіе Е. Б. Гронковской. М. 98. Ц. 20 к.

Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Рецензіи народныхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ. Труды комиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. М. 98. Ц. 50 к.

Для чего доктора дѣлаютъ операціи и какая отъ этого бываетъ польза больному. Врача **А. Г. Архангельской**. Изданіе комиссіи по распространенію гигіенич. знаній въ народѣ. М. 97. Ц. 5 к.

О дурной болѣзни. Ординатора мясницкой городской больницы **Н. Сперанскаго**. Съ 8 рисун. 4-е изданіе комиссіи по распространенію гигіенич. знаній въ народѣ. М. 98. Ц. 5 к.

Сибирская язва. Врача **Д. Я. Дорфа**. Съ 4 рис. Изданіе комиссіи по распространенію гигіенич. знаній въ народѣ. М. 98. Ц. 5 к.

Краткій отчетъ за десятилѣтіе по Александровскому хирургическому бараку при Красноярской городской лѣчебницѣ. Составилъ **В. Т. Крутовскій**. Томскъ 98.

Къ статистикѣ внѣполового зараженія сифилисомъ. **А. Розенквиста**. (Изъ журнала «Библіотека Врача» № 8, 1898 г.).

Фельдшерскій вопросъ на VII съѣздѣ земскихъ врачей Казанской губ. Составилъ фельдшеръ **Ан. Петровъ**. Спб. 97.

Очерки фельдшеризма въ Херсонской губ. Земскаго фельдшера **М. П. Мартыненко**. Изданіе «Медицинскаго Журнала». Спб. 98. Ц. 80 к.

Елена Іоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Біографическій очеркъ въ связи съ исторіей того времени. **Е. Церетели**. Въ пользу о-ва вспоможенія окончившихъ курсъ на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Сергѣй Смирновъ. Древнерусскій духовникъ. Очеркъ. Сергіевъ Посадъ 99. Ц. 75 к.

А. Рамбо. Живописная исторія древней и новой исторіи. Съ рис. Изданіе 2-е т-ва И. Д. Сытина. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. II. Переводъ съ англ. Н. Н. Шамонина. М. 98. Ц. 70 к.

Токвиль. Старый порядокъ и революція. Переводъ подъ редакціей П. Г. Виноградова. Изданіе 2-е. М. 98. Ц. 50 к.

Я. А. Галяшкинъ и К. Н. Успенскій. Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. М. 98. Ц. 95 к.

Сидней Веббъ. Положеніе труда въ Англіи за послѣдніе 60 лѣтъ. Изданіе Н. И. Березина и М. Н. Семенова. Спб. 99. Ц. 15 к.

Общественная жизнь Англіи. Изданіе **І. Д. Трайля**. Т. V. Переводъ съ англійск. П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 98. Ц. 2 р. 50 к.

Швейцарія. Швейцарскія горы, швейцарскіе города и деревни; жизнь швейцарскаго народа. Составила **В. М. Величкина**. М. 98. Ц. 50 к.

М. Оржельскій. Польскій вопросъ. Кіевъ 98. Ц. 60 к.

Д-ръ **М. Шляпошниковъ**. 2-й всемірно-еврейскій конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ. Изданіе книгоиздательства «Улей». Харьковъ 98. Ц. 15 коп.

Что такое Шулханъ-Арухъ? Къ освѣщенію еврейскаго вопроса. Этюдъ **Н. Переферковича**. Спб. 99. Ц. 1 р. 30 к.

Нашъ родной учитель (К. Д. Ушинскій). Біографическій очеркъ **В. Е. Ермилова**. Съ портретомъ и рисункомъ. Изданіе «Дѣтскаго Чтенія». М. 99. Ц. 20 к.

Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. 2-е, исправленное и дополненное изданіе. М. 99. Ц. 45 к., съ перес. 63 к.

Статистическій очеркъ. Зимній сезонъ 1897—98 г. въ новомъ городскомъ театрѣ въ Иркутскѣ. Изданіе дирекціи городского театра. Иркутскъ 98.

Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго общества «Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ» за 1896 и 1897 гг. Спб. 98.

Отчетъ правленія общему собранію членовъ Общества содѣйствія начальному образованію въ Курской губ. Курскъ 98.

Харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности. Отчеты о дѣятельности комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ и учрежденныхъ имъ библіотекъ за 1897 годъ. Харьковъ 98.

Отчетъ общества калужской безплатной народной библіотеки-читальни за 1897 г. Калуга 98.

Положеніе начальнаго народнаго образованія въ Тобольской губ. за 1896—97 учебный годъ. Статистическій очеркъ **Е. Ѳ. Соколова**. Тобольскъ 98.

Народное образованія въ Херсонской губ. за 1896 г. Изданіе херсонской земской управы. Херсонъ 98.

Причины крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. **В. А. Колесникова.** Ярославль 98. Ц. 50 к.

Ряжскій уѣздъ. Изслѣдованіе по нѣкоторымъ податнымъ вопросамъ надѣльнаго землевладѣнія. Податного инспектора Ряжскаго уѣзда **А. В. Еропкина.** Ряжскъ 98.

Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губ. 1897 годъ. Вып. III и IV. Спб. 98.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. VIII. Изъ «Извѣстій Московской Городской думы». М. 98.

Данныя о положеніи питейнаго дѣла въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губ. Собраны и обработаны **П. А. Распоновымъ.** Изданіе московскаго губернскаго земства. М. 98.

Систематическій сборникъ очерковъ по отечестовѣдѣнію. Составили М. Н. Беклемишевъ, В. Ѳ. Дерюжинскій, Н. А. Карышевъ, Л. Е. Лебедевъ, Ѳ. А. Макшеевъ, В. И. Марковъ, Н. А. Обручевъ, В. В. Степановъ, бар. А. Е. Тизенгаузенъ, А. П. Турчаниновъ и В. Г. Яроцкій подъ редакціей генералъ-лейтента Ѳ. А. Фельдмана. Изданіе Императорскаго Александровскаго Лицея. Спб. 98. Ц. 3 р.

Вся Россія. Русская книга промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и администраціи. Адресъ-календарь Россійской Имперіи. Въ двухъ томахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 99.

Министерство Финансовъ. Департаментъ торговли и мануфактуръ. Торгово-промышленная Россія. Справочная книга для купцовъ и фабрикантовъ. Составлена подъ редакціей **А. А. Блау.** Спб. 99.

Альманахъ-ежегодникъ П. О. Яблонскаго на 1899 г. Календарь и сборникъ свѣдѣній полезныхъ и необходимыхъ каждому въ ежедневной жизни. Спб. 98.

A. Chemchovrine. Le XII congrès médcial international à Moscou en 1897

ТЕОРІЯ РЫНКОВЪ.

въ ея отношеніи къ вопросу объ экономическомъ развитіи страны.

(По поводу книги С. Булгакова: «О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Теоретическій этюдъ». Москва 1897).

I.

Вопросъ о рынкахъ весьма старый вопросъ экономической теоріи, по поводу котораго ломали копья экономисты всѣхъ странъ, начиная съ классиковъ и кончая сегодняшними представителями нашей науки. Теорія рынковъ тѣсно соприкасается съ ученіемъ о кризисахъ, а кризисы являются характернымъ и, такъ сказать, центральнымъ явленіемъ капиталистической жизни. Неудивительно, поэтому, что вопросъ о рынкахъ разрабатывается во всѣхъ экономическихъ системахъ и трактатахъ, стремящихся пролить свѣтъ на смыслъ капиталистическаго хозяйства, вникнуть въ сущность современныхъ, буржуазныхъ общественныхъ отношеній.

Въ русской литературѣ вопросъ о рынкахъ получилъ особенно важное значеніе, такъ какъ здѣсь онъ оказался связаннымъ съ вопросомъ, столь волнующимъ русскую общественную мысль, «о судьбахъ капитализма въ Россіи». При всей трудности изслѣдованія, возникающей изъ осложненія вопроса о рынкахъ другимъ, въ свою очередь очень большимъ и важнымъ вопросомъ, такую постановку вопроса о рынкахъ, связывающую его съ основными проблемами современной исторической эпохи, нельзя не признать крайне интересною.

Такъ ставится вопросъ и въ «теоретическомъ этюдѣ» г. Булгакова, послужившемъ поводомъ для нашей замѣтки.

Г. Булгаковъ не согласенъ съ теоріей рынковъ, выставленною у насъ писателями народническаго направленія. Основною задачею своей работы онъ ставитъ опроверженіе этой теоріи (стр. 2 и друг.). Съ другой стороны, онъ находитъ мало удовлетворительными и ученія тѣхъ русскихъ писателей, которые боролись противъ народнической теоріи рынковъ, хотя и соглашается съ ихъ конечными выводами. Такъ, взгляды г. Струве по этому вопросу, принципіально вѣрные, даже «превосходные», однако «лишены всякаго теоретическаго обоснованія» (32). Точно также «аргументація г. Тугана-Барановскаго въ защиту выставленныхъ имъ (по вопросу о рынкахъ) положеній недостаточна... въ отдѣльныхъ частяхъ несогласована, противорѣчива» (247, 257); «можно найти у него еще част-

ныя противорѣчія и неясности, и вообще его воззрѣнія не сводятся въ стройную и цѣльную систему» (257) и т. д.

Итакъ, г. Булгаковъ находитъ народническую теорію рынковъ по существу неправильною, а теорію писателей противоположнаго направленія необоснованною и недоказанною. Посмотримъ же, насколько ему удалось опровергнуть одно и обосновать другое ученіе о рынкахъ.

Работа г. Булгакова посвящена главнымъ образомъ «теоретической провѣркѣ» (2) того основного положенія народнической теоріи рынковъ, согласно которому капиталистическая форма производства не можетъ существовать и развиваться иначе, какъ на основѣ внѣшняго рынка. Этотъ взглядъ, какъ извѣстно, игралъ весьма важную роль въ системѣ народничества, проводился въ цѣломъ рядѣ произведеній гг. В. В. и Николая-она *), и, потому, не мѣшаетъ напомнить нѣсколько его содержаніе.

Въ процессѣ капиталистическаго производства товаровъ, разсуждаютъ упомянутые экономисты, принимаютъ участіе—прямое и косвенное—двѣ группы лицъ: рабочіе и предприниматели - капиталисты.

Цѣнность всякаго капиталистически произведеннаго товара, равно какъ и цѣнность всего годового производства даннаго капиталистическаго хозяйства можетъ быть, поэтому, разложена на двѣ части: одну, которую получаютъ въ формѣ заработной платы непосредственные производители-рабочіе, и другую, достающуюся въ видѣ прибавочной цѣнности въ руки капиталистовъ. Найти сбытъ капиталистически произведенныхъ товаровъ значитъ, слѣдовательно, сбыть, отчудить, реализовать тѣ элементы цѣнности этихъ товаровъ, которые соотвѣтствуютъ какъ заработной платѣ, такъ и прибавочной цѣнности. Въ какой же мѣрѣ осуществима эта реализація? Что касается той части цѣнности, которая соотвѣтствуетъ заработной платѣ, она можетъ быть пріобрѣтена и дѣйствительно пріобрѣтается рабочими на ихъ заработную плату. А какова должна быть участь другого элемента цѣнности—прибавочной цѣнности? Очевидно, она можетъ быть или потреблена самими капиталистами, въ карманы которыхъ попадаетъ, или же она должна быть вымѣнена на что-нибудь другое, отчуждена на сторону.

Первое физически невозможно. Владѣльцы прибавочной цѣнности не въ состояніи потребить всю прибавочную цѣнность, такъ какъ потребности человѣка ограничены, а капиталистическое про-

*) См. В. В. «Судьбы капитализма въ Россіи». Спб. 1881. стр. 14—16 и др. Его же; «Излишекъ снабженія рынка товарами», «Отеч. Записки», 1883, № 7, стр. 13—32; «Фантазія и дѣйствительность русскаго капитализма», «Отеч. Запис.» 1881, № 3, стр. 1—2, 22—23 и др.; «Милитаризмъ и капитализмъ», «Рус. Мысль», 1889, № 9; «Очерки теоретической экономіи». Спб. 1895, стр. 147—207; Николай-онъ. «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства». Спб. 1893. стр. 201—214.

изводство имѣетъ тенденцію къ безграничному росту производительныхъ силъ и къ все большему возрастанію прибавочной цѣнности. Итакъ, часть прибавочной цѣнности необходимо вывѣзть, отчудить, сбыть. Но кому? Гдѣ возьмется требуемый для помѣщенія или реализаціи прибавочной цѣнности рынокъ, когда каждый шагъ по пути капитализма влечетъ за собою обѣднѣніе массъ, уменьшеніе ихъ платежной способности, — словомъ, сокращеніе внутренняго рынка? Остается, конечно, надежда на рынокъ внѣшній, на сбытъ товаровъ за границу. И вотъ начинается засвидѣтельствованная исторіей борьба капиталистическихъ странъ за внѣшній рынокъ,— борьба, являющаяся типичнымъ признакомъ нашего времени, служащая источникомъ войнъ, мирныхъ договоровъ, всяческихъ международныхъ комбинацій и союзовъ. Но очевидно, что въ этой борьбѣ шансы на побѣду—на сторонѣ странъ, ранѣе захваченныхъ капитализмомъ, ранѣе выступившихъ на поприще международнаго товарнаго обмѣна. За ними и высшая степень техники, и большее усовершенствованіе самаго механизма обмѣна, въ ихъ пользу, наконецъ, служитъ и самый фактъ ранняго снабженія товарами чужихъ странъ,—фактъ, имѣющій тенденцію обратиться въ своего рода промышленно-коммерческую традицію. Если мы обратимся теперь къ Россіи, то увидимъ, что, какъ страна, едва лишь вступившая въ семью странъ капиталистическихъ, она менѣе всего обладаетъ шансами на пріобрѣтеніе внѣшнихъ рынковъ и, слѣдовательно, на прочное существованіе капиталистическаго способа производства. Отсюда — капитализмъ не имѣетъ у насъ прочныхъ корней подъ собою, русскій капитализмъ—это мертворожденное дѣтище, неспособное повести по пути промышленнаго прогресса и общественнаго обновленія: это — цвѣтокъ, которому суждено, не расцвѣтши, отцвѣсти.

Вотъ въ двухъ словахъ содержаніе той народнической теоріи рынковъ, которая вызвала горячія возраженія въ русской литературѣ съ самаго момента своего появленія. *). Изъ приведеннаго видно, что гг. В. В. и Николай—онъ отрицаютъ возможность развитія капитализма въ Россіи и вообще въ «молодыхъ» странахъ въ силу отсутствія для нихъ свободнаго внѣшняго рынка; послѣдній

*) См., напр., ст. Е. П. о кн. В. В. «Судьбы капитализма» въ журналѣ «Дѣло», 1882, № 1; о той же книгѣ ст. А. Исаева «Юрид. Вѣстникъ», 1883, №1, стр. 97-98; Н. Каблуковъ. «Экономическая хроника», ibidem, 1883, № 5, стр. 68-78 А. Мануиловъ. «Милитаризъ», ibidem, 1890, № 1, стр. 170-2, 175-6. П. Струве. «Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи», Спб. 1894, стр. 245—260. М. Туганъ-Барановскій. «Промышленные кризисы въ современной Англіи», Спб. 1894, стр. 403-38 Н. Бельтовъ. «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». Спб. 1895, стр. 269-72 и др., А. Волгинъ. «Обоснованіе народничества въ трудахъ В. В». Спб. 1896, ст. 70-7. К. Т-нъ, «Къ характеристикѣ экономическаго романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты», «Новое Слово», 1897, апрѣль, стр. 30—50.

же они считаютъ безусловно необходимымъ для капиталистическаго производства, во 1-хъ, въ силу физической невозможности для капиталистовъ потребить всю прибавочную цѣнность, во вторыхъ—въ виду невозможности отчужденія лишней части прибавочной цѣнности въ капиталистическомъ обществѣ, прогрессивно бѣднѣющемъ.

Возражая противъ этой теоріи, г. Булгаковъ, однако, соглашается съ ея представителями въ томъ, «что страны, поздно выступившія на капиталистическую арену, не имѣютъ надежды завоевать внѣшній рынокъ въ значительныхъ размѣрахъ; слѣдовательно, развитіе капиталистической промышленности, основанное на внѣшнемъ рынкѣ, въ сколько нибудь значительной степени для новыхъ странъ невозможно» (190, ср. стр. 199-200). Но изъ этого, по мнѣнію г. Булгакова, далеко не слѣдуетъ, чтобы капитализмъ въ такихъ странахъ былъ немыслимъ, представлялъ собою мертворожденное дѣтище. Народники, полагающіе это, имѣютъ въ виду такія страны, какъ Англія, Франція, Германія, Бельгія и др., гдѣ капиталистическое производство, дѣйствительно, опирается на внѣшній рынокъ. Но этимъ странамъ г. Булгаковъ противопоставляетъ примѣръ другихъ странъ: Соединенныхъ Штатовъ, Индіи, гдѣ «ростъ промышленности совершается насчетъ развитія внутренняго рынка» (183). Почему же однѣ страны, какъ Англія, Франція, Германія, не могутъ обходиться безъ внѣшняго рынка, тогда какъ для другихъ, какъ Соединенные Штаты, Индія, Россія, можетъ оказаться достаточнымъ одинъ внутреній рынокъ? для отвѣта на этотъ вопросъ г. Булгаковъ устанавливаетъ, слѣдуя Листу, дѣленіе странъ на три типа: Agriculturstand (страны, располагающія собственнымъ сырьемъ и вообще земледѣльческими продуктами и ввозящіе мануфактурные), «Manufacturstand» (страны, вывозящія мануфактурныя издѣлія и ввозящія сырье), наконецъ—Agriculturmanufacturstand (страны, имѣющія у себя запасы сырья и хлѣба и въ то же время развившія переработку этого сырья, организовавшія обрабатывающую промышленность) (192-6). Отношеніе странъ этихъ трехъ категорій къ рынку слѣдущее. Что касается странъ типа Agriculturstand, то о нихъ нечего говорить: это страны съ слабымъ развитіемъ капитализма, притомъ же число такихъ странъ постепенно сокращается. Страны типа Manufacturstand, не располагая собственнымъ сырьемъ, принуждены ввозить его изъ другихъ странъ; но «та страна, которая поставлена въ необходимость ввозить какіе нибудь продукты, не можетъ не вывозить эквивалентнаго количества своихъ продуктовъ» (199),—т. е. въ данномъ случаѣ фабрикатовъ. Поэтому-то для странъ даннаго типа вывозъ, т. е. внѣшній рынокъ является безусловною необходимостью. «Для Англіи такое прекращеніе (вывоза фабрикатовъ) равносильно экономической агоніи и даже смерти» (199). Въ такомъ же положеніи находятся и Германія, Франція, Бельгія и другія страны. Не то страны третьяго типа—Agriculturmanufacturstand. Располагая обширною территоріею, разнообразными естественными богат-

ствами, онѣ имѣютъ полную возможность добывать нужное сырье и перерабатывать его у себя же дома; если онѣ что либо вывозятъ, то обыкновенно сырье, а ихъ обрабатывающая промышленность можетъ обходиться безъ вывоза, можетъ существовать однимъ внутреннимъ рынкомъ, который представляется многочисленнымъ населеніемъ этихъ странъ. Къ странамъ такой категоріи относятся Соединенные Штаты, Индія, Россія. Словомъ, по мнѣнію г. Булгакова, въ данномъ случаѣ повторяющаго лишь взглядъ, ранѣе его высказанный г. Туганъ-Барановскимъ *), потребность внѣшняго рынка должна быть признана не внутреннею и не всеобщею потребностью капиталистическаго производства, а лишь случайною, индивидуальною потребностью нѣкоторыхъ странъ, именно странъ ввозящихъ. Потребность внѣшняго рынка для вывоза вытекаетъ изъ потребности ввоза для бѣдныхъ естественными дарами странъ, какъ Англія, Франція, Германія, Бельгія и др. Но этой потребности не существуетъ для странъ богатыхъ этими дарами, какъ Штаты, Индія, Россія. «Вотъ эту-то условную необходимость, вытекающую не изъ сущности капиталистическаго производства, какъ таковаго, а лишь изъ индивидуальныхъ условій промышленной жизни отдѣльной страны, въ нашей литературѣ возвели во внутреннюю необходимость, присущую капиталистической формѣ производства, стали вообще утверждать, что «капиталистическая форма производства требуетъ внѣшнихъ рынковъ» (Николай —онъ)» (181).

Притомъ же, чѣмъ доказывали г.г. В. В. и Николай —онъ ту мысль, что капиталистическое хозяйство нуждается во внѣшнемъ рынкѣ? Тѣмъ соображеніемъ, что прибавочная цѣнность не можетъ быть ни потреблена капиталистами въ виду физической ограниченности ихъ потребностей, ни вымѣнена на другіе продукты въ виду прогрессивнаго обѣднѣнія массъ. Съ послѣднимъ замѣчаніемъ г. Булгаковъ можетъ согласиться только отчасти. Въ дѣйствительности, по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства потребительныя силы населенія возрастаютъ, хотя въ меньшей пропорціи, нежели та, въ которой возрастаютъ размѣры производства. Иными словами, совершается абсолютный ростъ, но относительный упадокъ потребленія (147—154). Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, народники правы въ томъ, что не вся прибавочная цѣнность можетъ быть вымѣнена. Не вся она потребляется и капиталистами. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что въ такомъ случаѣ часть прибавочной цѣнности или, что то же, часть капиталистическихъ продуктовъ должна быть вывезена на внѣшній рынокъ? Нѣтъ, такое заключеніе слѣдуетъ признать, по мнѣнію г. Булгакова, совершенно произвольнымъ. И въ доказательство своей мысли, нашъ авторъ удачно развиваетъ то ученіе 2-го тома «Капитала» (именно двухъ послѣднихъ главъ его), гдѣ Марксъ разрушаетъ «фантастическій догматъ» Адама

*) М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы, стр. 429 и др.

Смита, сдѣлавшійся «правовѣрнымъ догматомъ всей классической политической экономіи», будто вся прибавочная цѣнность или весь капиталистическій продуктъ долженъ быть потребленъ либо капиталистами, либо другими лицами. Къ этому «догмату» примкнули, вслѣдъ за Смитомъ, такіе ученые, какъ Мальтусъ, Сисмонди, Чомерсъ, Моффатъ, Кирхманъ; на немъ основываютъ свою теорію рынковъ г.г. В. В. и Николай —онъ, а между тѣмъ его дѣйствительно подвергъ безпощадному разрушенію знаменитый нѣмецкій ученый. Цѣнность капиталистически произведеннаго товара—какъ указываетъ Марксъ — распадается не на двѣ части: заработную плату и прибавочную цѣнность, какъ учили всѣ названные экономисты, включая и нашихъ народниковъ, а на три части:

«w» (цѣнность) = «c» (постоянный капиталъ) + «v» (перемѣнный капиталъ = заработная плата) + m (прибавочная цѣнность). Первый изъ этихъ трехъ элементовъ, на которые разлагается цѣнность продукта: с, постоянный капиталъ, идетъ на продолженіе производства; уже изъ этого видно, что далеко не весь продуктъ долженъ быть потребленъ, какъ думалъ г. В. В. Но этого мало. Продолжимъ нашъ анализъ роли различныхъ элементовъ цѣнности и мы убѣдимся, что далеко не все изъ оставшейся, послѣ отдѣленія с, части цѣнности продукта нуждается въ томъ, чтобы быть потребленнымъ. Цѣнность перемѣннаго капитала пріобрѣтается рабочими на ихъ заработную плату. А m, прибавочная цѣнность, для помѣщенія которой считалось необходимымъ прибѣгнуть къ внѣшнему рынку? Вся ли она потребляется? Да, вся. Только не вся она затрачивается на потребленіе въ собственномъ смыслѣ, на *личное* потребленіе, на ѣду, питье и т. д. На все это уходитъ только часть прибавочной цѣнности; другая же часть идетъ на потребленіе капиталистическое, производительное, на изготовленіе орудій и средствъ производства, необходимыхъ для расширенія промышленности, для накопленія, составляющаго исходный пунктъ и конечную цѣль капиталистическаго хозяйства.

При этомъ оказывается, что по мѣрѣ развитія капиталистическаго способа производства на потребленіе личное уходитъ относительно все меньшая, а на потребленіе производительное относительно все большая часть прибавочной цѣнности. Если такъ, если изъ состава всей цѣнности (w = c + v + m) «c» уходитъ на продолженіе производства, v на предметы потребленія рабочихъ, часть m на предметы потребленія капиталистовъ и, наконецъ, остальная часть m на производительное потребленіе, на расширеніе производства, на накопленіе,—то ясно, что весь капиталистически произведенный продуктъ или сумма всего годового производства даннаго капиталистическаго хозяйства можетъ быть реализована въ предѣлахъ этого хозяйства и, повидимому, само собою напрашивается заключеніе, что въ цѣляхъ реализаціи прибавочной цѣнности

ни въ какомъ внѣшнемъ рынкѣ капиталистическое производство не нуждается.

Таковъ въ самой сухой и блѣдной передачѣ—результатъ того замѣчательнаго анализа, которымъ Марксъ сразу поставилъ крестъ на самыхъ грубыхъ заблужденіяхъ классической политической экономіи, и изъ котораго съ неумолимою логическою необходимостью, повидимому, вытекаетъ заключеніе о несостоятельности взгляда на внѣшній рынокъ, какъ на необходимое условіе реализаціи прибавочной цѣнности или вообще капиталистическаго товара. И этотъ важный выводъ былъ полученъ, главнымъ образомъ, благодаря постановкѣ *накопленія*, взамѣнъ *потребленія*, въ центръ капиталистическаго зданія. Совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Булгаковъ, что для того, «чтобы понять накопленіе какъ цѣль капиталистическаго производства, нужно было проанализировать весь процессъ производства капитала, историческія особенности этой формы производства... Этотъ анализъ былъ представленъ только Марксомъ, поэтому до Маркса и не могло быть построено удовлетворительной теоріи рынковъ» (21). Ниже мы вернемся къ оцѣнкѣ дѣлаемыхъ нашимъ авторомъ выводовъ изъ даннаго ученія Маркса. Мы будемъ при этомъ имѣть случай убѣдиться, на примѣрѣ самого г. Булгакова, въ томъ, что и «*послѣ* Маркса» построеніе правильной теоріи рынковъ является дѣломъ далеко не легкимъ. Теперь же ограничимся по поводу данной, несомнѣнно лучшей части «этюда» г. Булгакова замѣчаніемъ, что въ ней слѣдуетъ видѣть лишь нѣсколько болѣе полное и въ частностяхъ болѣе правильное развитіе взглядовъ и возраженій, высказанныхъ давно уже другими гг. Мануиловымъ, К. Т—нымъ и Туганъ-Барановскимъ *) и не представляющихъ интереса новизны.

Такова теорія рынковъ г. Булгакова, оцѣнка которой и составляетъ цѣль нашей замѣтки. Сущность этой теоріи можетъ быть выражена въ слѣдующихъ основныхъ положеніяхъ:

1) Безусловно правильно мнѣніе объ отсутствіи внѣшнихъ рынковъ для странъ въ промышленномъ отношеніи молодыхъ, въ томъ числѣ—Россіи.

2) Неправильно, однако, дѣлаемое отсюда народниками заключеніе о невозможности въ такихъ «молодыхъ» странахъ развитія капитализма. Наоборотъ, капиталистическое производство можетъ существовать средствами одного внутренняго рынка. Доказательствомъ тому могутъ служить какъ фактическіе примѣры Соединенныхъ Штатовъ, Индіи, гдѣ ростъ промышленности совершается насчетъ внутренняго рынка, такъ и

4) нѣкоторыя теоретическія поясненія. Въ этомъ отношеніи необходимо принять дѣленіе странъ на три типа, изъ которыхъ только группа странъ типа Manufacturstand, какъ странъ нуждаю-

*) См. названныя произведенія.

щихся во ввозѣ продуктовъ, требуетъ и вывоза, т. е. внѣшняго рынка.

5) Наконецъ, мнѣніе о необходимости внѣшняго рынка для всѣхъ капиталистическихъ странъ въ цѣляхъ потребленія прибавочной цѣнности опровергается анализомъ 2-го тома «Капитала», гдѣ доказывается какъ разъ противоположное: возможность потребленія всей прибавочной цѣнности, или, что то же, всего капиталистическаго продукта въ результатѣ личнаго и производительнаго потребленія.

Обратимся къ разбору этихъ положеній.

II.

Прежде всего нельзя не отмѣтить любопытный фактъ присоединенія г. Булгакова къ мнѣнію о томъ, что для «молодыхъ» странъ,— а, слѣдовательно, и для Россіи—нѣтъ мѣстъ на внѣшнемъ рынкѣ. Положеніе о невозможности для «молодыхъ» странъ завоевать внѣшніе рынки считалось до сихъ поръ до того ультра-народническимъ, что всякій писатель, его высказывавшій, рисковалъ тѣмъ самымъ быть зачисленнымъ въ народники.

Это положеніе въ извѣстной части литературы подвергалось систематическому высмѣиванію. Надъ нимъ подшучивалъ г. Волгинъ *), по поводу него издѣвались надъ «россійскими народниками» въ «Новомъ Словѣ» **). Теперь къ нему довольно неожиданно примыкаетъ строгій обличитель народничества—г. Булгаковъ!

И примыкаетъ—замѣтимъ мы—совершенно напрасно, такъ какъ въ данномъ вопросѣ трудно согласиться съ народниками. Трудно согласиться потому, что ихъ мнѣнію противорчатъ фактическія данныя, характеризующія положеніе отдѣльныхъ странъ на аренѣ международнаго товарнаго обмѣна. Прислушаемся къ голосу специалиста, чуждаго всякимъ теоретическимъ пререканіямъ:

«Обзоръ международнаго товарнаго обмѣна за послѣднюю четверть столѣтія представляетъ одну изъ наиболѣе любопытныхъ страницъ исторіи всемірной торговли по борьбѣ отдѣльныхъ государствъ изъ за господства на всемірномъ рынкѣ: первое мѣсто на немъ во все продолженіе 19-го вѣка безраздѣльно принадлежало и продолжаетъ принадлежать Великобританіи, слѣдовательно, объ ней нечего говорить. Франція занимала второе мѣсто до 1873 года, когда должна была впервые уступить его Германіи, которая продержалась на немъ до 1879 г. Въ слѣдующемъ году торговые обороты Германіи нѣсколько понижаются, и она принуждена не только вернуть второе мѣсто Франціи, но даже поступиться третьимъ въ

---

*) А. Волгинъ. Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова (В. В.) стр. 70—77. Ср. Н. Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. стр. 269, 272.

**) См. напр., рецензію книги Уильямса „Торжество германской промышленности“—„Новое Слово“, 1897, сентябрь, стр. 44—45.

пользу Соединенныхъ Штатовъ С. А.; однако, послѣднее государство продержалось на третьемъ мѣстѣ только три года и уже въ 1883 г. Германія снова заняла его, а черезъ годъ оттѣснила и Францію со второго мѣста. Положеніе Франціи начинаетъ сильно колебаться, и въ 1885 г. второе мѣсто занимаютъ Соединенные Штаты. Въ 1886 году она дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы занять второе мѣсто, но уже въ 1887 году сразу переходитъ на четвертое мѣсто, съ котораго уже не можетъ сойти по настоящее время. За послѣднее десятилѣтіе второе и третье мѣсто съ перемѣннымъ счастьемъ оспариваютъ другъ у друга Соединенные Штаты и Германія. Торговые обороты Франціи наибольшаго своего размѣра достигли въ 1880 г.—2,125 м. р., но съ тѣхъ поръ они показываютъ явную тенденцію къ пониженію. Между тѣмъ на міровомъ рынкѣ ровно и безъ колебанія усиливается крошечное въ территоріальномъ, но мощное въ торговомъ отношеніи государство—Голландія, и весьма возможно, что она скоро оттѣснитъ Францію. Шестое и седьмое мѣсто съ перемѣннымъ счастьемъ занимаютъ Россія и Австро-Венгрія, восьмое и девятое оспариваютъ другъ у друга Индія и Бельгія, а на десятомъ покоится Италія, которая, судя по угнетенному состоянію ея торговли за послѣднее десятилѣтіе, вѣроятно, скоро будетъ вытѣснена другими и изъ этого скромнаго угла всемірнаго рынка» *).

Все это длинное мѣсто мы позволили себѣ привести въ доказательство того, что всемірный рынокъ представляетъ собою составное изъ нѣсколькихъ элементовъ, находящихся не всегда въ одинаковой комбинаціи другъ съ другомъ. Пальма первенства здѣсь безпрерывно оспаривается то тѣмъ, то другимъ государствомъ, и часто страна, сегодня занимающая подчиненное мѣсто, завтра оттѣсняетъ другія силою своего торгово-промышленнаго превосходства. Разумѣется, все это совершается не по волѣ случайности, каприза; успѣхъ здѣсь коренится въ самыхъ основахъ экономическаго, политическаго, культурнаго состоянія соперничающихъ странъ, и, быть можетъ, трудно найти другое явленіе, которое бы въ такой мѣрѣ отражало на себѣ совокупное вліяніе взаимодѣйствія всѣхъ указанныхъ факторовъ. Но очевиднымъ становится изъ приведенныхъ фактовъ, что нельзя приговаривать какую либо страну, хотя бы и «молодую», къ вѣчному торгово-промышленному подчиненію; а если мы примемъ во вниманіе обнаружившіеся за послѣднее время факты усерднаго и успѣшнаго соперничества на внѣшнихъ рынкахъ Германіи съ Англіей **), то мы должны будемъ допустить, что и для послѣдней не вѣчно состояніе торгово-промышленной гегемоніи. Все это вмѣстѣ

*) Ст. О. Гулишамбаровъ, «Всемірная торговля въ 19-мъ вѣкѣ и участіе въ ней Россіи». Спб. 1898 г. 1898. стр. 200—1.

**) Факты эти собраны въ сочиненіи Е. Е. Уильямса «Торжество германской промышленности. Made in Germany», перев. съ англ., Спб. 1897. Мы уже имѣли случай, однако, замѣтить, «что сочиненіе это, написанное съ точки зрѣнія англійскаго фабриканта, скорбящаго объ утратѣ Англіей былыхъ промышленныхъ привилегій, грѣшитъ значительнымъ сгущеніемъ красокъ» въ пользу Германіи. См. «Русск. Богатство», 1898 № 7, стр. 17.

разрушаетъ правильность мнѣнія объ отсутствіи для «молодыхъ» странъ мѣста на внѣшнемъ рынкѣ. Въ результатѣ нельзя не пожалѣть, что г. Булгаковъ присоединился къ довольно слабому мѣсту разрушаемой имъ народнической теоріи рынковъ.

Однако, центръ тяжести аргументаціи г. Булгакова содержится не въ только что разобранномъ взглядѣ, а въ положеніи, что внѣшній рынокъ вовсе не составляетъ необходимости для капиталистическаго производства; что при извѣстныхъ условіяхъ данный способъ производства можетъ развиваться, опираясь исключительно на рынокъ внутренній. Противъ этого мнѣнія невольно напрашивается съ самаго начала возраженіе въ видѣ того всѣмъ извѣстнаго факта, что въ дѣйствительности капитализмъ всюду прибѣгаетъ къ содѣйствію внѣшняго рынка. Не является ли, поэтому, своего рода «утопизмомъ»—утвержденіе, что капитализмъ можетъ существовать, опираясь на одинъ внутренній рынокъ? Реальныя тенденціи *дѣйствительнаго*, а не *возможнаго* капитализма свидѣтельствуютъ о противоположномъ: упорное, страстное исканіе внѣшнихъ рынковъ составляетъ явную и типичную принадлежность капиталистическихъ странъ. Это *историческій фактъ*, въ правильномъ объясненіи котораго можно видѣть первый искусъ для теоріи рынковъ г. Булгакова. И г. Булгаковъ, дѣйствительно, даетъ свое объясненіе, приведенное нами въ предыдущей главѣ.

Обращаясь къ оцѣнкѣ этого объясненія, коснемся прежде всего фактическихъ ссылокъ на Индію и Соединенные Штаты, какъ на страны, въ которыхъ капиталистическій способъ производства развивается, опираясь на одинъ внутренній рынокъ. Что касается Индіи, мы не совсѣмъ понимаемъ цѣли ссылки на нее со стороны нашего автора. Исторія промышленности этой страны извѣстна. Нѣкогда Индія служила для всей Европы страной съ высокоразвитой мануфактурой и тогда она снабжала всемірный рынокъ тончайшими шалями, красками, хлопкомъ и джутомъ, перерабатывавшимися мѣстными кустарями. Впослѣдствіи, послѣ укрѣпленія владычества англичанъ въ Индіи, Великобританія стала употреблять усилія къ уничтоженію или ослабленію вывоза изъ Индіи готовыхъ издѣлій и облегченію ввоза туда своихъ произведеній. Хотя эта политика и имѣла успѣхъ, но за послѣднія 25 лѣтъ условія производства нѣсколько измѣнились къ лучшему для Индіи, и теперь она въ нѣкоторыхъ странахъ можетъ успѣшно конкуррировать съ Великобританіей. Во всякомъ случаѣ, и до сихъ поръ Индія нуждается во многихъ привозныхъ предметахъ, преимущественно обрабатывающей промышленности *). Итакъ, Индія, во первыхъ, далеко не представляетъ собою законченнаго экономическаго типа съ опредѣленнымъ характеромъ промышленной и торговой дѣятельности; во вторыхъ,

*) Ст. О. Гулишамбаровъ. «Всемірная торговля въ девятнадцатомъ вѣкѣ», стр. 139—140.

это страна съ слабымъ развитіемъ обрабатывающей и вообще капиталистической промышленности. Поэтому ссылаться на примѣръ Индіи въ доказательство положенія о возможности существованія капитализма на средства одного внутренняго рынка возможно лишь по недоразумѣнію.

Гораздо болѣе убѣдительнымъ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, представляется примѣръ другой страны, къ которой отсылаетъ насъ г. Булгаковъ для доказательства своей теоріи—Соединенныхъ Штатовъ. Ссылка на Штаты постоянно фигурируетъ у писателей, утверждающихъ возможность развитія капитализма на средства одного внутренняго рынка *). Но и эта ссылка, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается мало доказательною. Въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества, при чтеніи доклада г. Булгакова о «характерѣ потребленія въ современномъ народномъ хозяйствѣ» одинъ одинъ изъ оппонентовъ, Н. А. Каблуковъ, сдѣлалъ замѣчаніе о томъ, что если Америка и обходится болѣе или менѣе безъ внѣшняго рынка, то для объясненія этого явленія необходимо принять во вниманіе дѣйствіе особаго фактора—систематической иммиграціи въ Америку. Это ежегодное приращеніе населенія и служитъ для Соединенныхъ Штатовъ, до извѣстной степени, замѣной внѣшняго рынка **). Данное замѣчаніе г. Каблукова мы признаемъ столь же правильнымъ, сколь и важнымъ. Дѣйствительно, за время съ 1821 по 1895 годъ число переселенцевъ въ Америку достигло 17,5 мил. душъ ***). «Такого «великаго переселенія народовъ», такого быстраго увеличенія населенія не запомнитъ исторія ни одного государства Стараго Свѣта ****)». Прибавимъ сюда фактъ наличности свободныхъ земель для разселенія этой громадной арміи иммигрантовъ, и мы легко поймемъ причины исключительной возможности существованія въ Штатахъ капиталистической промышленности на средства «внутренняго» рынка, который мы, однако, вправѣ, на основаніи указанныхъ соображеній, назвать рынкомъ «внѣшнимъ».

Но время шло. Свободныхъ земель становилось все меньше, процентъ иммигрирующихъ сокращался, «внѣшній» въ условленномъ нами смыслѣ рынокъ для американской промышленности тоже сокращался. И что же мы видимъ? Параллельно съ этимъ медленно, постепенно, но неуклонно расчищаютъ себѣ Соединенные Штаты путь на настоящемъ внѣшнемъ рынкѣ. Такъ, по недавно опубликованнымъ даннымъ статистическаго бюро при федеральномъ казначействѣ за истекшій финансовый годъ, т. е. съ 1-го іюля 1897 по

---

*) См., напр., П. Струве. Критическія замѣтки, стр. 260—4. К. Т-нъ, Къ характеристикѣ экономическаго романтизма, стр. 50.

**) Русскія Вѣдомости, 1897 г., № 308.

***) Ст. О. Гулишамбаровъ «Всемірная торговля въ 19-мъ вѣкѣ», стр. 152.

****) Его же: «Нефтяная промышленность Соед. Штатовъ Сѣв. Ам. въ связи съ общимъ промышленнымъ развитіемъ страны». Спб. 1894, стр. 77.

1-е іюля 1898 г., констатируется не только сильное увеличеніе вывоза вообще изъ Соединенныхъ Штатовъ, но увеличеніе вывоза продуктовъ земледѣлія, организованнаго тамъ въ значительной степени капиталистически, и что особенно для насъ важно, крупное увеличеніе вывоза фабрикатовъ, который дошелъ уже до ¼ общей цѣнности вывоза *). О томъ же самомъ стремленіи американской обрабатывающей промышленности къ захвату внѣшняго рынка свидѣтельствуетъ и поведеніе буржуазныхъ классовъ Соединенныхъ Штатовъ во время минувшей испано-американской войны. Мы разумѣемъ посланіе президента американской ассоціаціи экспортеровъ (United States Export Association), адресованное Макъ-Кинлею по поводу колебанія послѣдняго въ вопросѣ о присоединеніи Филиппинскихъ острововъ.

«Промышленная система (обособленности), защищаемая отцами нашей республики»,—гласитъ посланіе,—«была умѣстна въ свое время, въ свое поколѣніе; но паръ, электричество и машинное производство измѣнили условія, сократили время и пространство, и теперь въ торговлѣ, какъ и въ религіи, поле дѣятельности—весь міръ. Производство перегнало потребленіе, и эта промышленная революція лежитъ въ основаніи движенія главныхъ народовъ къ раздѣлу территоріи слабыхъ народовъ, чтобы найти рынокъ для своихъ товаровъ... Хотя принципіально я противъ войны . . . , однако, разъ уже война началась и территорія и рынки попали въ наши руки, я бы не отказался отъ нихъ... Торговые интересы протестуютъ противъ этого, и я не могу вѣрить, что ваша администрація откажется отъ такой счастливой случайности — стать впереди промышленныхъ народовъ міра... Американскіе фабриканты готовы къ дѣйствію; наши поля, лѣса, копи, фабрики—наши орудія... Неужели творецъ американской промышленности (т. е. Макъ-Кинлей) не дастъ ей возможности одержать побѣду въ этой индустріальной войнѣ? Каждый рынокъ—фортъ, каждый торговый корабль—барабанщикъ» **).

Вотъ какъ смотрятъ на значеніе внѣшняго рынка представители той самой промышленности, для которой, по мнѣнію г. Булгакова, внѣшній рынокъ не составляетъ необходимости. И если мы вспомнимъ, что приведенное посланіе исходило отъ союза, включающаго крупнѣйшихъ фабрикантовъ въ 37 индустріяхъ, находящихся въ 21 штатѣ, съ капиталомъ въ 700,000,000 долларовъ и съ арміей рабочихъ въ 300,000 человѣкъ; если, съ другой стороны, мы припомнимъ, что, по мнѣнію писателя, соціологическія воззрѣнія котораго въ данномъ пунктѣ г. Булгаковъ несомнѣнно раздѣляетъ, «господствующіе въ обществѣ взгляды и воззрѣнія на вопросы фабричнаго строя» необходимо разсматривать «какъ выраженіе даннаго соотношенія общественныхъ силъ», ***)—то станетъ ясно, что идея, проведенная въ посланіи, идея необходимости внѣшняго рынка для успѣшнаго существованія американской промышленно-

*) Русскія Вѣдомости, 1898 г., № 155.
** Русскія Вѣдомости, 1898 г., № 161.
***) М. Туганъ-Барановскій. „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“. Томъ I. Спб. 1898, стр. IV.

сти, вытекаетъ изъ действительныхъ потребностей промышленниковъ и промышленности Соединенныхъ Штатовъ. А если такъ, то ссылку г. Булгакова на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ въ доказательство положенія о возможности существованія капиталистическаго хозяйства на средства одного внутренняго рынка нельзя не признать не менѣе неудачною, чѣмъ упоминаніе объ Индіи.

Такимъ образомъ, фактическія данныя, на которыя опирается теорія г. Булгакова, сами по себѣ оказываются мало убѣдительными. Но г. Булгаковъ присоединяетъ къ нимъ еще и теоретическое поясненіе, котораго мы и должны теперь коснуться. Какъ мы видѣли, г. Булгаковъ утверждаетъ, что только страна ввозящая нуждается во внѣшнемъ рынкѣ. Насколько основательно это утвержденіе? Что страна, ввозящая изъ другихъ странъ товары, принуждена, въ свою очередь, вывозить приблизительно равное количество своихъ товаровъ—это очевидно. Но чѣмъ доказано, что, помимо необходимости ввоза, не существуетъ никакихъ другихъ импульсовъ, дѣлающихъ обязательнымъ для капиталистической страны вывозъ товаровъ, исканіе внѣшняго рынка? Взамѣнъ доказательствъ г. Булгаковъ отсылаетъ насъ ко 2-му тому «Капитала», въ двухъ послѣднихъ главахъ котораго дается образцово-логическое доказательство возможности потребленія всей прибавочной цѣнности и, слѣдовательно, всего капиталистическаго продукта въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства. Если признать данный анализъ Маркса правильнымъ,—а мы его признали таковымъ,—то, повидимому, необходимо сдѣлать изъ него тотъ выводъ, что капиталистически произведенные продукты не нуждаются для сбыта въ рынкѣ внѣшнемъ. Мы и готовы были бы преклониться предъ даннымъ анализомъ, сдѣлать изъ него указанный выводъ, если бы тому не мѣшало одно обстоятельство. Любопытно, что у самого Маркса, на ряду съ указанными главами 2-го тома «Капитала» и какъ бы въ явное противорѣчіе съ невольно напрашивающимся выводомъ изъ нихъ, имѣются многочисленныя мѣста, выдвигающія необходимость внѣшняго рынка для капиталистическаго производства. Такъ, «стóитъ только вспомнить», по вѣрному указанію Зомбарта, «тѣ мѣста... гдѣ разсматривается вліяніе расширенія рынка на производство», чтобы понять, что уже въ этомъ раннемъ произведеніи Марксъ былъ далекъ отъ игнорированія роли внѣшняго рынка въ дѣлѣ историческаго созданія капитализма» *). Далѣе интересно то мѣсто 1-го тома «Капитала», гдѣ «торговая война европейскихъ націй на пространствѣ всего земного шара» выставляется однимъ изъ «главныхъ моментовъ первоначальнаго накопленія» **). Равнымъ образомъ, и колоніальная система отнесена Марксомъ къ «различ-

*) Зомбартъ. „Къ критикѣ экономической системы Карла Маркса". «Научное Обозрѣніе», 1898, № 4. стр. 702.

**) Karl Marx. «Das Kapital», B. I, 4 Auflage, Hamburg 1890, 716.

вымъ моментамъ первоначальнаго накопленія» *). Въ другихъ мѣстахъ того же 1-го тома подчеркивается та «важная роль, которую играла колоніальная система» въ моментъ созданія капитализма **); «колонія обезпечивала возникающимъ мануфактурамъ рынокъ сбыта и увеличенное (potenzirte) путемъ монополизаціи рынка накопленіе» ***). Намъ могутъ возразить, что всѣ эти мѣста свидѣтельствуютъ лишь о важномъ значеніи внѣшняго рынка въ процессѣ историческаго созданія современнаго капитализма; но здѣсь нѣтъ принципіальнаго, теоретическаго положенія о внутренней, всеобщей необходимости внѣшняго рынка для всякаго капиталистическаго производства. Въ этомъ отношеніи важны нѣкоторыя указанія 3-го тома «Капитала». Здѣсь въ одномъ мѣстѣ «созданіе всемірнаго рынка» отнесено (наряду съ концентраціей средствъ производства и организаціей труда) къ «основнымъ фактамъ капиталистическаго производства» ****). Далѣе мы находимъ слѣдующее любопытное мѣсто: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что великіе перевороты, происшедшіе въ торговлѣ въ 16 и 17 вѣкахъ вслѣдствіе географическихъ открытій и быстро подвинувшіе развитіе торговаго капитала, образовали основной моментъ, способствовавшій переходу феодальнаго процесса производства въ капиталистическій. Внезапное расширеніе міроваго рынка» послужило однимъ изъ условій, создавшихъ капиталистическій строй. «Самъ всемірный рынокъ образуетъ основу (Basis) этого способа производства. Съ другой стороны, его же имманентная необходимость—производить все въ бóльшихъ размѣрахъ (Stufenleiter) побуждаетъ къ постоянному расширенію всемірнаго рынка» *****). Наконецъ, характерны слѣдующія слова: «Внѣшняя торговля... позволяя удлинять размѣры (Stufenleiter) производства... тѣмъ ускоряетъ накопленіе... Расширеніе внѣшней торговли, послуживъ въ дѣтствѣ капиталистическаго производства основой послѣдняго, въ дальнѣйшемъ его развитіи, въ силу внутренней необходимости этого способа производства, въ силу потребности его во все расширяющемся рынкѣ, сдѣлалось его собственнымъ продуктомъ» ******).

Если сопоставить всѣ приведенныя мѣста 3-го тома «Капитала» (присоединивъ сюда же указанныя мѣста 1-го тома) съ тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ теоріи рынковъ изъ 2-го тома, то впечатлѣніе должно получиться довольно странное. Капитализмъ не нуждается необходимо во внѣшнемъ рынкѣ—такъ, повидимому, говоритъ Марксъ 2-го тома; внѣшній рынокъ является внутреннею необходимостью капитализма—такъ безъ сомнѣнія говоритъ Марксъ

*) Ibidem, S. 716.
**) Ibidem, S. 719.
***) Ibidem, S. 719.
****) Karl Marx. „Das Kapital", B. III, Hamburg, 1894, S. 249.
*****) Ibidem, S. 316—317.
******) Ibidem, S. 218.

3-го, а пожалуй, и 1-го тома. Какому же Марксу можно и должно вѣрить? Г. Булгаковъ, очевидно, питаетъ довѣріе исключительно къ ученію 2-го тома, пренебрежительно обходя отмѣченныя нами мѣста другихъ томовъ того же сочиненія. Нѣсколько внимательнѣе отнесся къ данному вопросу г. Туганъ-Барановскій, выразившійся, что «если держаться 3-го тома «Капитала», то можно, пожалуй, утверждать, съ нѣкоторымъ кажущимся правдоподобіемъ, что Марксъ не допускалъ возможности развитія капиталистическаго производства на основѣ узкаго внутренняго рынка. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это воззрѣніе совсѣмъ не вяжется съ анализомъ воспроизводства капитала, даннымъ Марксомъ во 2 томѣ. Противорѣчіе это объясняется тѣмъ, что 2 и 3 томы «Капитала» представляютъ собою лишь далеко не законченный черновой набросокъ теоріи обращенія капитала и процесса капиталистическаго производства, взятаго въ его цѣломъ. По этой причинѣ мы не находимъ въ третьемъ томѣ выводовъ изъ замѣчательнаго анализа, представленнаго во второмъ томѣ, и даже встрѣчаемъ утвержденія, рѣшительно опровергаемыя этимъ анализомъ» *). Неубѣдительность такого объясненія очевидна. Мы согласны, что и 2 и особенно 3 томы «Капитала» незакончены, необработаны. Согласны, что между ученіями 2 и 3 томовъ «Капитала» вообще и по данному вопросу въ частности не установлено Марксомъ опредѣленнаго соотношенія. Но дѣлать на основаніи этого заключеніе о томъ, что въ 3 томѣ Марксъ могъ говорить нѣчто діаметрально противоположное тому, что вытекало изъ второго тома,—особенно если принять во вниманіе, что 2 и 3 томы, по заявленію Энгельса, были набросаны одновременно **), и что уже въ 1-мъ томѣ Марксъ ясно представлялъ себѣ будущій анализъ 2-го тома ***)—дѣлать такое заключеніе можно, только предполагая склонность Маркса къ вопіющимъ противорѣчіямъ съ самимъ собою, къ забвенію собственныхъ теорій и положеній. Мы думаемъ, что объясненія кажущагося несоотвѣтствія между ученіями и отдѣльными утвержденіями, относящимися къ вопросу о рынкахъ, во 2 и 3 томахъ «Капитала», можно и нужно искать и не прибѣгая къ такому предположенію. Какія цѣли преслѣдовалъ Марксъ въ двухъ послѣднихъ главахъ второго тома «Капитала»? Какъ намъ уже извѣстно, онъ тамъ стремился доказать, что неправильно разложеніе цѣнности продукта на двѣ составныя части: $v+m$ съ опущеніемъ третьей части ея: c; что неправильно мнѣніе, будто вся величина m должна уходить на цѣли личнаго потребленія; что необходимо принимать во вниманіе потребленіе производительное, на которое по мѣрѣ развитія капита-

---

*) Туганъ-Барановскій. „Капитализмъ и рынокъ“. «Міръ Божій», 1898, № 6. стр. 122—3.

**) Das Kapital, B. III, Vorw.. v. Fr. Engels, S. V.

***) Das Kapital, I. Cap. XXII, 2, S. 551—4.

листическаго способа производства уходитъ все большая часть прибавочной цѣнности; что, наконецъ, въ результатѣ какъ личнаго, такъ и производительнаго потребленія можетъ быть реализованъ весь капиталистически произведенный продуктъ. Необходимо ли, однако, при этомъ содѣйствіе внѣшняго рынка? Этого вопроса Марксъ и не ставилъ во 2 томѣ «Капитала». Правда, что «капиталистическое производство вообще не существуетъ безъ внѣшней торговли» — это не только сознавалъ Марксъ, но категорически это отмѣтилъ въ одномъ мѣстѣ той части второго тома, въ которой данъ трактуемый анализъ *). Однако, вслѣдъ затѣмъ Марксъ намѣренно игнорируетъ, «абстрагируетъ» внѣшнюю торговлю, какъ элементъ, включеніе котораго въ анализъ «можетъ только запутать (verwirren), не будучи въ состояніи доставить ни одного момента» для рѣшенія занимавшей его задачи: опредѣленія роли составныхъ частей цѣнности: c, v, m, опредѣленія соотношеній ихъ въ процессѣ личнаго и производительнаго потребленія **). Фактъ абстракціи внѣшней торговли, внѣшняго рынка при анализѣ 2-го тома слѣдуетъ признать научно-законнымъ. Въ данномъ отдѣлѣ своего обширнаго трактата Марксъ поставилъ вопросъ о реализаціи капиталистически произведеннаго продукта и, вскрывъ заблужденіе классической школы, забывшей о накопляющейся части прибавочной цѣнности, пришелъ къ заключенію о возможности реализаціи продукта цѣликомъ въ результатѣ какъ личнаго, такъ и производительнаго потребленія. Этотъ выводъ слѣдуетъ признать, согласно общему духу 2-го тома «Капитала», чисто-*абстрактнымъ*. Возникаетъ, однако, вопросъ: проявляется ли эта абстрактная возможность реализаціи продукта въ реальной капиталистической жизни? Реализуется ли, дѣйствительно, весь капиталистически произведенный продуктъ въ нѣдрахъ даннаго капиталистическаго хозяйства, или же для достиженія этой реализаціи требуется содѣйствіе новыхъ факторовъ, напр.—внѣшняго рынка? Такого вопроса по существу не могъ ставить Марксъ во 2-омъ томѣ, который, какъ и томъ первый, былъ занятъ абстрактнымъ изображеніемъ процесса обращенія капитала, «внѣ вниманія ко всѣмъ побочнымъ вліяніямъ обстоятельствъ ему чуждыхъ» ***). Это могло быть изслѣдовано только въ третьемъ томѣ, имѣвшемъ цѣлью «найти и изобразить тѣ конкретныя формы, какія возникаютъ изъ процесса движенія капитала, взятаго въ его цѣломъ» ****). Обращаясь къ 3-му тому, мы находимъ тамъ въ различныхъ мѣстахъ и именно въ главѣ, озаглавленной «*Внѣшняя торговля*» *****) приведенныя выше мысли, подчеркивающія не только важность, но и внутреннюю,

*) Karl Marx. „Das Kapital", B. II, 2-te Auflage. Hamburg, 1893, S. 446.

**) Ibidem.

***) Das Kapital, B. III, Th. I, S. 1.

****) Ibidem.

*****) Ibidem, Kap. XIV, v, S. 218—21.

«имманентную» необходимость внѣшняго рынка для капиталистическаго производства. Марксъ не сблизилъ, однако, этихъ замѣчаній съ результатами анализа второго тома. Попытаемся сами это сдѣлать.

На нашъ взглядъ, изображенная во второмъ томѣ абстрактная возможность реализаціи капиталистически произведеннаго продукта требуетъ для своего проявленія наличности опредѣленныхъ условій, во второмъ томѣ не указанныхъ. Такъ, изъ краткаго содержанія даннаго анализа, приведеннаго нами, видно, что необходимымъ условіемъ реализаціи капиталистически произведеннаго продукта является систематическое и все усиливающееся отвлеченіе части прибавочной цѣнности на расширеніе производства, на накопленіе. Для безпрепятственнаго же хода расширенія производства, накопленія необходимо, въ свою очередь, чтобы все возрастающій капиталъ *распредѣлялся въ строго опредѣленной пропорціи* между всѣми отраслями промышленности. Если изъ суммы накопленнаго капитала хотя бы въ какую нибудь одну отрасль промышленности будетъ помѣщенъ капиталъ въ нѣсколько большихъ размѣрахъ, чѣмъ то допускаютъ условія спроса на продукты этой отрасли, то въ ней произойдетъ перепроизводство, которое, въ силу тѣсной связи, существующей между всѣми вѣтвями капиталистической промышленности, разразится во всеобщій *кризисъ*. Поэтому, *пропорціональное распредѣленіе* капитала между всѣми отраслями капиталистической промышленности является conditio sine qua non реализаціи капиталистически произведеннаго продукта. Таковъ выводъ, естественно и необходимо вытекающій изъ ученія второго тома выводъ, сдѣланный и Марксомъ *), и писателями, оперировавшими надъ даннымъ ученіемъ Маркса, напр., г. Туганъ-Барановскимъ **) и самимъ г. Булгаковымъ (158).

Но спрашивается, осуществимо ли такое пропорціональное распредѣленіе въ условіяхъ капиталистическаго строя? На этотъ вопросъ приходится несомнѣнно отвѣтить отрицательно, и такъ на него, дѣйствительно, отвѣчаютъ и г. Туганъ-Барановскій *), и г. Булгаковъ. «Такая пропорціональность распредѣленія,—замѣчаетъ послѣдній,—столь легко достижимая при общинной организаціи производства, при сознательномъ регулированіи производства обществомъ объединенныхъ производителей, при капиталистической организаціи производства представляетъ трудности неимовѣрныя» (163); «пропорціональность распредѣленія различныхъ отраслей промышленности постоянно нарушается и не можетъ не нарушаться при господствѣ свободной конкурренціи, какъ регулятора этого послѣдняго, и эти нарушенія ведутъ къ кризису» (200). Однако, кризисъ,

*) См., напр., „Das Kapital", B. III, Th. I, s. 225—6.
**) М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы, стр. 484 и др.
***) Ibidem, стр. 478 и др.

по мнѣнію г. Булгакова, можетъ быть предупрежденъ или ослабленъ въ томъ случаѣ, если въ распоряженіи данной капиталистической страны имѣется внѣшній рынокъ, на который можно сбыть излишекъ продуктовъ, получившійся въ результатѣ нарушенія пропорціональнаго распредѣленія. «Въ этомъ случаѣ,—заключаетъ нашъ авторъ,—внѣшній рынокъ и внѣшняя торговля играютъ роль *предохранительнаго клапана* отъ перепроизводства и кризиса (частнаго и общаго) для данной страны» (201). Но, скажемъ мы, если, какъ извѣстно, кризисы являются внутреннимъ, необходимымъ условіемъ капиталистическаго производства, и если, съ другой стороны, внѣшній рынокъ служитъ «предохранительнымъ клапаномъ» отъ кризисовъ, то, очевидно, мы обязаны признать, что и внѣшній рынокъ является необходимымъ, внутреннимъ условіемъ капиталистическаго производства. Если г. Булгаковъ такого заключенія не дѣлаетъ,—это показываетъ, только, что онъ не доводитъ свою теорію до ея необходимаго логическаго конца.

Правильность нашего мнѣнія о внутренней необходимости для капиталистическаго производства внѣшняго рынка именно въ виду связи послѣдняго съ явленіемъ кризисовъ можетъ быть подтверждена еще однимъ соображеніемъ, способнымъ играть роль косвенной улики противъ теоріи г. Булгакова. Если бы послѣдняя была вѣрна, мы могли бы предположить возможность благополучнаго существованія капитализма и въ тотъ моментъ, когда промышленность будетъ всюду организована капиталистически, т. е. когда внѣшняго рынка не будетъ существовать ни для какой страны. Такое предположеніе и допускаетъ г. Булгаковъ въ п. 4 своихъ «Выводовъ» (259). Но вѣдь такое предположеніе должно быть признано явнымъ абсурдомъ. Если капитализмъ въ своемъ поступательномъ шествіи достигнетъ того момента, когда внѣшній рынокъ не будетъ существовать ни для одной страны, т. е. когда исчезнутъ «предохранительные клапаны» отъ кризисовъ, то въ твердынѣ капиталистическаго строя образуется фундаментальная брешь: кризисъ будетъ на кризисѣ, и отъ этого капиталистическій способъ производства долженъ рухнуть. Не признавать этого, значитъ считать капитализмъ категоріею вѣчною, а не историческою. Конечно, помимо указаннаго условія, для реформированія буржуазныхъ экономическихъ формъ остаются еще могущественныя общественныя силы, но вѣдь необходимо принимать во вниманіе и условія технико-экономическія, внѣ гармоніи съ которыми окажется безсильнымъ всякій общественный факторъ. Зависимость отъ кризисовъ (а слѣдовательно и отъ внѣшнихъ рынковъ) конечной судьбы капиталистическаго способа производства есть положеніе, признаваемое всѣми экономистами, которымъ мы обязаны существующею теоріею капиталистическаго развитія, въ частности, тѣмъ ученымъ, у которыхъ и мы съ г. Булгаковымъ заимствуемъ основныя части нашего соціологическаго міровоззрѣнія. Забывая это, г. Булгаковъ, незамѣтно

для самого себя, договаривается до полнаго игнорированія одной изъ важнѣйшихъ сторонъ грядущихъ судебъ капиталистическаго строя, подобно тому, какъ г. Туганъ-Барановскій въ стремленіи доказать возможность существованія капитализма однимъ внутреннимъ рынкомъ договорился до утвержденія невозможности общаго товарнаго перепроизводства, т. е. въ сущности кризисовъ *).

Итакъ, уже въ силу неосуществимости пропорціональнаго распредѣленія капиталистическое производство необходимо нуждается во внѣшнемъ рынкѣ. Но пропорціональность распредѣленія является не единственнымъ условіемъ, отсутствіе котораго въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ порождаетъ необходимость для послѣдняго исканія внѣшняго рынка.

Никакіе излишки производства, получающіеся въ силу нарушенія пропорціональнаго распредѣленія, не могли бы вести къ трудностямъ при реализаціи продукта, если бы не существовало другого основного условія капиталистическаго строя—несоотвѣтствія роста потребительныхъ силъ населенія росту производства **). Любопытное явленіе: благодаря отсутствію пропорціональнаго распредѣленія въ различныхъ отрасляхъ промышленности и во всемъ капиталистическомъ цѣломъ оказывается перепроизводство, излишекъ продуктовъ. Между тѣмъ въ томъ же капиталистическомъ обществѣ массы пребываютъ въ состояніи систематическаго неудовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. Очевидно изъ этого, что въ перепроизводствѣ, въ излишкѣ продуктовъ, въ невозможности реализовать весь результатъ производства повинно не только отсутствіе пропорціональнаго раздѣленія, но и низкій уровень потребительныхъ силъ населенія, несоотвѣтствіе роста этихъ силъ росту капиталистическаго производства. Въ этомъ смыслѣ Марксъ былъ правъ, говоря, что «условія реализаціи (продукта)... ограничены... пропорціональностью различныхъ отраслей производства и потребительною силою общества» ***). Но если мы соглашаемся съ послѣднимъ положеніемъ Маркса, то логически необходимымъ является отсюда заключеніе о необходимости для капиталистическаго производства внѣшняго рынка. Въ самомъ дѣлѣ, капиталистическое про-

*) На это указалъ Ник. Водовозовъ. „Экономическіе взгляды Мальтуса“. „Журналъ Спб. Юрид. Общества“, 1895, кн. VI, стр. 39; ср. С. Булгаковъ „Рынки“, стр. 14, прим.

**) Марксъ отмѣтилъ это «противорѣчіе въ капиталистическомъ строѣ: рабочіе важны для рынка въ качествѣ покупателей товаровъ, но капиталистическое общество имѣетъ тенденцію ограничивать ихъ минимумомъ цѣны какъ продавцовъ ихъ товаро-рабочей силы... Продажа товаровъ, реализація товарнаго капитала, слѣдовательно также и прибавочной цѣнности, ограничены не только потребительными нуждами общества вообще, но потребительными нуждами такого общества, въ которомъ большинство всегда бѣдно и всегда должно оставаться бѣднымъ». „Das Kapital“, B. II, s. 289, № 82.

***) Das Kapitl, B. III. Th. I, S. 225—6.

изводство, съ одной стороны, лишено возможности достигать пропорціональнаго распредѣленія, т. е. учитывать количество потребнаго въ данной отрасли продукта; съ другой стороны, то же производство не въ состояніи идти въ уровень съ потребительными силами населенія. Слѣдовательно, оно необходимо нуждается въ вывозѣ «излишковъ» за границу, во внѣшнемъ рынкѣ.

Таковъ необходимый выводъ изъ ученія Маркса, такъ мы и толкуемъ это ученіе.

Формулируя сущность нашего толкованія ученія Маркса, напомнимъ, что центръ спора лежитъ во взглядѣ на характеръ ученія второго тома «Капитала» о реализаціи продукта. На нашъ взглядъ, въ этомъ ученіи установлена лишь абстрактная возможность реализаціи капиталистически произведеннаго продукта въ результатѣ личнаго и производительнаго потребленія. Не слѣдуетъ, однако, думать, что эта теоретическая возможность воплощается прямо, безъ посредствующихъ элементовъ, въ современной капиталистической жизни, на основѣ буржуазныхъ формъ производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія. Въ дѣйствительности, для воплощенія въ жизнь абстрактной возможности реализаціи продукта требуется наличность двухъ условій: пропорціональности распредѣленія различныхъ отраслей промышленности и нѣкотораго соотвѣтствія потребительныхъ нуждъ населенія размѣрамъ производства. Имѣются ли въ наличности эти два условія въ современной жизни? Этого вопроса Марксъ не ставилъ во 2-мъ томѣ, но отрицательный отвѣтъ на нихъ вытекаетъ самъ собой изъ смысла всего ученія Маркса. Именно въ силу отсутствія этихъ двухъ условій возникаетъ необходимость внѣшняго рынка, о чемъ имѣется заявленіе въ третьемъ томѣ «Капитала». Таково, очевидно, соотношеніе, существующее между ученіемъ 2-го тома «Капитала» и тѣми заявленіями о необходимости внѣшняго рынка, которыя содержатся въ 3-мъ томѣ того же сочиненія. Основная ошибка г. Булгакова и заключается въ томъ, что онъ неправильно придалъ значеніе реальнаго факта капиталистической жизни абстрактному построенію 2-го тома. Ошибка эта подобна той, которую дѣлали писатели, полагавшіе, будто абстрактные законы цѣнности и прибавочной цѣнности, установленные въ 1-мъ томѣ «Капитала», проявляются, по мысли Маркса, въ своей неприкосновенной абстрактной формѣ въ дѣйствительной жизни, безъ того, чтобы превратиться, подъ вліяніемъ фактовъ частной собственности на орудія производства и капиталистической конкурренціи, въ законы цѣны и прибыли. Нельзя такъ смотрѣть и на абстрактный законъ реализаціи продукта, установленный во 2-мъ томѣ. Какъ законы цѣнности и прибавочной цѣнности для своего непосредственнаго проявленія требуютъ наличности отсутствующихъ въ капиталистическомъ обществѣ условій и въ силу этого терпятъ ограниченія; точно также не менѣе абстрактный законъ реализаціи продукта требуетъ наличности столь

же отсутствующихъ въ буржуазномъ обществѣ условій: пропорціональности распредѣленія и соотвѣтствія потребительныхъ силъ населенія размѣрамъ производства, а при отсутствіи этихъ условій законъ не проявляется въ полной мѣрѣ, реализація становится невозможной; отсюда потребность вспомогательнаго фактора — внѣшняго рынка для воплощенія абстрактнаго закона въ дѣйствительную жизнь. А что внѣшній рынокъ, дѣйствительно, необходимъ, на это имѣются прямыя указанія въ 3-мъ томѣ «Капитала».

Въ этомъ уподобленіи характера теоріи реализаціи продукта Маркса характеру основныхъ законовъ системы этого ученаго мы находимъ новое, наиболѣе убѣдительное, *методологическое* доказательство правильности нашего толкованія ученія Маркса.

Къ приведенному выше нелишне, быть можетъ, будетъ добавить, что взглядъ на необходимость для капиталистическаго производства внѣшняго рынка раздѣляется и многими послѣдователями Маркса «Національный (т. е. внутренній) рынокъ недостаточенъ для капиталистическаго производства» *) говоритъ Парвусъ, подъ псевдонимомъ котораго прячется «одинъ изъ наиболѣе ортодоксальныхъ и рѣшительныхъ послѣдователей Карла Маркса » **). Того же воззрѣнія держится не менѣе рѣшательный и еще болѣе ортодоксальный послѣдователь нѣмецкаго ученаго Карлъ Каутскій. «Производительность труда»,—говоритъ онъ,—«въ теперешней крупной промышленности возростаетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ національное потребленіе: увеличеніе внѣшняго рынка становится важнѣйшею потребностью. Но это увеличеніе совершается не такъ быстро, какъ возрастаетъ производительность труда. Мы стоимъ предъ международнымъ, хроническимъ перепроизводствомъ, которое является страшнымъ тормазомъ экономическаго развитія» ***). Наконецъ, русскій послѣдователь Маркса—Н. Зиберъ—напоминалъ «о томъ прекращеніи накопленія, которое непремѣнно наступитъ раньше или позже съ распространеніемъ капитализма и съ насыщеніемъ всѣхъ рынковъ по всѣмъ закоулкамъ Азіи и Африки... Вѣдь если каждая страна будетъ имѣть свои фабрики важнѣйшихъ средствъ существованія, — а это такъ же вѣрно, какъ то, что днемъ свѣтитъ солнце,—то гдѣ онѣ найдутъ себѣ безпрерывно расширяющійся сбытъ, необходимый для накопленія капитала?» ****) «До тѣхъ поръ, пока одна Англія снабжала чуть не полміра произведеніями обрабатывающей промышленности, увеличеніе капитала могло казаться не имѣющимъ предѣла. Но разъ на тотъ же самый путь вступили и

---

*) Парвусъ. „Міровой рынокъ, и сельско-хозяйственный кризисъ". Перев съ нѣм. Л. Я. Спб. 1898, стр. 6.

**) Рецензія о названной книжкѣ въ «Мірѣ Божіемъ», 1898, № 8, стр. 91.

***) Карлъ Каутскій. „Очерки и этюды". Спб. 1895, стр. 129.

****) Н. Зиберъ. „Лассаль сквозь очки г. Чичерина". Журналъ «Слово» стр. 87.

Франція, и Бельгія, и Германія, и Австрія и другія государства, то откуда же взяться потребителямъ въ такомъ количествѣ, чтобы накопленіе капитала не подвергалось замедленію и даже остановкѣ» *).

Въ этихъ словахъ одного изъ болѣе выдающихся русскихъ марксистовъ, такъ же, какъ и въ приведенныхъ замѣчаніяхъ двухъ нѣмецкихъ послѣдователей Маркса, внѣшній рынокъ изображенъ въ качествѣ необходимаго условія капиталистическаго производства. Противоположный взглядъ защищаютъ нѣкоторые современные русскіе марксисты: гг. Струве, Туганъ-Барановскій, Булгаковъ, но, какъ мы видѣли, для того, чтобы связать свою теорію рынковъ съ ученіемъ Маркса, они вынуждены прибѣгать къ ссылкамъ на противорѣчія Маркса съ самимъ собою.

Резюмируя все сказанное, приходимъ къ слѣдующему заключенію о теоріи рынковъ, развитой въ книжкѣ г. Булгакова.

Лучшимъ мѣстомъ данной работы является та ея часть, гдѣ, опираясь на анализъ Маркса, г. Булгаковъ опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ экономистовъ и въ томъ числѣ русскихъ народниковъ, будто внѣшній рынокъ является необходимымъ въ виду невозможности для капиталистовъ потребить всю прибавочную цѣнность. Но это уже было доказано задолго до г. Булгакова, которому принадлежитъ только заслуга нѣсколько большаго развитія и обоснованія этой идеи. Обращаясь отъ этой критической части разбираемаго этюда къ собственнымъ положеніямъ г. Булгакова, мы должны признать послѣднія въ значительной степени заимствованными у г. Тугана-Барановскаго и столь же неправильными, какъ положенія этого автора. Невѣрно мнѣніе г. Булгакова, которымъ онъ примыкаетъ къ народничеству, будто для «молодыхъ» странъ нѣтъ мѣста на внѣшнемъ рынкѣ. Столь же невѣрнымъ слѣдуетъ признать другое положеніе автора, будто капитализмъ можетъ существовать безъ внѣшняго рынка, на средства исключительно рынка внутренняго. Приводимые г. Булгаковымъ въ доказательство даннаго положенія фактическіе примѣры Индіи, Соединенныхъ Штатовъ, взятые въ свѣтѣ правильнаго теоретическаго и историческаго освѣщенія, оказываются неубѣдительными. Что же касается логическаго обоснованія даннаго положенія, то, оперируя надъ голымъ, абстрактнымъ матеріаломъ 2-го тома «Капитала», игнорируя указанія даннаго автора въ другихъ мѣстахъ, г. Булгаковъ неправильно пришелъ къ своему заключенію и произвольно навязалъ Марксу выводъ, котораго тотъ не высказывалъ. Г. Булгаковъ оказалъ этимъ плохую услугу тому ученому, систему котораго онъ такъ энергично

*) Его же. „Д. Рикардо и К. Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ". Изд. 3-е, Спб. 1898, стр. 451.

и въ иныхъ случаяхъ весьма талантливо стремится популяризировать и развивать.

Приведенныя данныя позволяютъ намъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія и по отношенію къ положенію вопроса о рынкахъ въ русской экономической литературѣ вообще.

Народничество исходило изъ совершенно правильной мысли о необходимости для капиталистическаго производства внѣшняго рынка. Доводы, приводимые его представителями въ доказательство этой мысли, слѣдуетъ, однако, признать совершенно неудачными. Они усвоили неправильный взглядъ на потребленіе, какъ на рѣшающій факторъ и конечную цѣль капиталистическаго производства, и доказывали необходимость для послѣдняго внѣшняго рынка именно невозможностью потребить всю прибавочную цѣнность и, слѣдовательно, весь капиталистическій продуктъ. Это была крупная теоретическая ошибка. Мы находимъ здѣсь и игнорированіе характернѣйшихъ чертъ современнаго капиталистическаго строя и параллельно съ этимъ неправильное пониманіе основъ новѣйшей экономической теоріи. Это съ одной стороны. Съ другой—не *менѣе* важною, но еще болѣе чреватою своими практическими послѣдствіями явилась и вторая ошибка народнической теоріи: мнѣніе о занятости внѣшнихъ рынковъ, объ отсутствіи ихъ для «молодыхъ» странъ, въ томъ числѣ для Россіи. Изъ этого положенія, какъ извѣстно, вытекалъ для народниковъ отрицательный отвѣтъ на вопросъ о возможности развитія капитализма въ Россіи, а между тѣмъ мы имѣли случай доказать ошибочность и этого положенія народнической теоріи.

Все это были столь же явныя, сколь и важныя ошибки, требовавшія и, дѣйствительно, вызвавшія возраженія.

Марксизмъ ополчился противъ пункта о необходимости личнаго потребленія всей прибавочной цѣнности, и въ этомъ отношеніи его заслуги несомнѣнны; но представители этого направленія впали въ другую ошибку, настаивая на возможности, не смотря на отсутствіе внѣшняго рынка, существованія въ такой странѣ, какъ Россія, капитализма на средства одного внутренняго рынка. Теоретическая неправильность такого взгляда нами была доказана на протяженіи всей этой статьи.

Мы утверждаемъ, что внѣшній рынокъ безусловно необходимъ для капиталистическаго производства, хотя доказываемъ это положеніе совершенно иначе, чѣмъ это дѣлали народники. Въ виду этого, мы пришли бы къ неминуемому выводу о невозможности существованія капитализма въ Россіи, если бы намъ было доказано отсутствіе внѣшняго рынка для этой страны. Но именно это положеніе мы считаемъ невѣрнымъ. Наоборотъ, мы полагаемъ, что внѣшній рынокъ открытъ для всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и для Россіи, гдѣ капитализмъ, поэтому, обладаетъ прочными шансами на существованіе. *Въ какой мѣрѣ*, однако, Россія можетъ утвердиться

на внѣшнемъ рынкѣ и, въ силу этого, развить у себя капиталистическій способъ производства,—это вопросъ особый, который можетъ быть разрѣшенъ не путемъ теоретическихъ построеній, а на основаніи точнаго фактическаго изслѣдованія, до сихъ поръ не произведеннаго. Тѣмъ не менѣе, касаясь этого вопроса, мы можемъ придти къ нѣкоторому частичному, но не рѣшающему, заключенію на основаніи уже однихъ теоретическихъ построеній.

Принимая во вниманіе историческій моментъ вступленія Россіи на путь капитализма, мы смѣло можемъ усомниться въ способности этой страны къ такому интенсивному, безграничному развитію капиталистическаго способа производства, какъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, въ Англіи, въ эпоху ея промышленной гегемоніи. «Марксъ изобразилъ»,—говорили мы недавно въ другомъ мѣстѣ *),— «промышленную жизнь Англіи въ эпоху ея *монополіи* на всемірномъ рынкѣ; этой монополіи не существуетъ теперь ни для Англіи, ни какой нибудь другой страны; на всемірномъ рынкѣ, находившемся раньше подъ исключительною властью Англіи, теперь царитъ ожесточенная конкурренція разныхъ европейскихъ и внѣевропейскихъ странъ, причемъ число конкуррентовъ имѣетъ тенденцію возрастать, внѣшній рынокъ оказывается суженнымъ для каждой конкуррирующей страны въ отдѣльности... Вліяніе этого явленія понятно, хотя не слѣдуетъ и преувеличивать, не слѣдуетъ думать, будто внѣшніе рынки вовсе закрыты для «молодыхъ» странъ, гдѣ капитализмъ долженъ оказаться «мертворожденнымъ дѣтищемъ»: почти на нашихъ глазахъ «молодая» Германія превратилась въ промышленнаго гиганта, съ которымъ не всегда удается справиться и закаленной въ промышленномъ бою Великобританіи. Но, съ другой стороны, при современномъ положеніи международной торговли, такого безграничнаго, всепоглощающаго распространенія капитализма, какое наблюдалось прежде въ Англіи, опиравшейся на монополію всемірнаго снабженія, нельзя въ настоящее время ожидать ни въ одной странѣ». Нельзя этого ожидать и въ Россіи.

Итакъ, вопреки ученію народниковъ, ставящихъ Россію въ исключительное, почти самобытное положеніе страны, не могущей развить у себя капитализмъ за отсутствіемъ внѣшнихъ рынковъ; вопреки и ученію нѣкоторыхъ марксистовъ, впадающихъ въ противоположную крайность и ставящихъ Россію въ другое исключительное положеніе страны, способной будто бы развить у себя капиталистическій способъ производства помощью одного внутренняго рынка,—мы приходимъ къ заключенію, что, по условіямъ историческаго момента вступленія Россіи на путь промышленнаго прогресса, въ ней необходимо ожидать *нѣсколько замедленнаго темпа развитія новаго способа производства*. Но такова участь не одной Рос-

*) «Русское Богатство», 1898, № 7, отд. II, стр. 17.

сіи, подчиняющейся будто бы исключительнымъ законамъ капиталистическаго развитія; такова судьба всѣхъ одновременно съ нею на капиталистическій путь вступающихъ странъ, изъ которыхъ Россія не можетъ составить исключенія.

М. Ратнеръ.

Г. Евгеній Марковъ о крестьянскомъ банкѣ.

Мою статью о крестьянскомъ банкѣ почтилъ вниманіемъ г. Евгеній Марковъ. Въ трехъ номерахъ «Новаго Времени» (№№ 8156, 8158 и 8159) онъ бесѣдуетъ о ней съ читателями, возражаетъ мнѣ, споритъ. Нечего говорить, что въ лицѣ г. Евгенія Маркова я имѣю дѣло съ отмѣнно галантнымъ и просвѣщеннымъ противникомъ. Онъ и начинаетъ-то свой споръ съ любезности. Доведя до свѣдѣнія читателей «Новаго Времени», что «въ сентябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщенъ довольно обстоятельный анализъ послѣдняго отчета крестьянскаго поземельнаго банка», мой оппонентъ высказываетъ лестное мнѣніе о журнальныхъ работахъ этого рода. «Нельзя,—говоритъ онъ,—не поблагодарить почтенныхъ авторовъ, не оставляющихъ безъ вниманія эти, на видъ сухіе столбцы статистическихъ цифръ (т. е. отчеты крестьянскаго банка) и дающихъ себѣ трудъ дѣлать изъ нихъ поучительные и доступные публикѣ выводы». Право на такую благодарность принадлежитъ, конечно, не мнѣ одному, и мнѣ, быть можетъ, даже меньше, чѣмъ другимъ. Не даромъ г. Евгеній Марковъ тутъ же напоминаетъ, что «особенно часто посвящаютъ свои статьи крестьянскому банку «Русскія Вѣдомости», нерѣдко высказывающія весьма основательныя сужденія по вопросамъ, связаннымъ съ дѣятельностью крестьянскаго банка». Стало быть, просвѣщенные читатели обязаны быть признательными преимущественно «Русскимъ Вѣдомостямъ». Но и меня, автора «довольно обстоятельнаго анализа» и т. д., г. Евгеній Марковъ, повидимому, не хочетъ лишить этого удовольствія. Какъ угодно, это очень любезно.

Пріятно имѣть любезнаго оппонента, но еще пріятнѣе, если вашимъ противникомъ является человѣкъ, смотрящій на печать съ широкой государственной точки зрѣнія. Г. Евгеній Марковъ прекрасно рекомендуетъ себя и съ этой стороны. «Дѣло такой огромной практической важности, какъ земельныя операціи крестьянскаго банка, разумѣется,—говоритъ мой критикъ,—болѣе чѣмъ какое либо другое требуетъ возможно разносторонней и свободной

критики и энергическаго содѣйствія печати, часто освѣщающей такія стороны предмета, которыя невольно ускальзываютъ отъ вниманія лицъ, такъ сказать, слишкомъ приглядѣвшихся къ нему». Это замѣчаніе дѣлаетъ честь просвѣщенному взгляду г. Евгенія Маркова и удовольствіе авторамъ статей о крестьнскомъ банкѣ, значеніе которыхъ, наконецъ, признано такимъ компетентнымъ судьей. Нельзя забывать, что мой критикъ самъ принадлежитъ къ числу «лицъ, такъ сказать, приглядѣвшихся» къ дѣятельности крестьянскаго банка, такъ такъ онъ давно занимаетъ должность управляющаго воронежскимъ отдѣленіемъ его.

Однако, если бы за авторами статей о крестьянскомъ банкѣ числились однѣ заслуги, г. Евгеній Марковъ, вѣроятно, не взялся бы за перо. Но онъ не можетъ «обойти молчаніемъ той своеобразной струи, которая нерѣдко протекаетъ сквозь иныя изъ этихъ статей, и которая особенно бросилась мнѣ (т. е. г. Маркову) въ глаза въ цитированной выше статьѣ «Русскаго Богатства».

Что же это за «струя»? По наблюденіямъ г. Евгенія Маркова, авторы статей о крестьянскомъ банкѣ нерѣдко позволяютъ себѣ «вводить въ серьезный разборъ серьезныхъ экономическихъ явленій сантиментальныя точки зрѣнія», а именно толковать «всегда и вездѣ, кстати и не кстати» о крестьянскихъ «нуждахъ и обидахъ». Г. Марковъ считаетъ и эту тему дозволительной. Даже больше: онъ и самъ не прочь поговорить объ этихъ нуждахъ и обидахъ, ибо онъ не только просвѣщенный публицистъ и чиновникъ, но и другъ народа. Онъ рекомендуетъ моему вниманію свое испытанное сочувствіе «интересамъ крестьянъ» и свое знаніе крестьянства, «въ тѣсномъ общеніи» съ которымъ мой критикъ прожилъ многіе годы. Поэтому крестьянскихъ обидъ и нуждъ г. Марковъ «никогда не замалчивалъ» и не будетъ «замалчивать ни въ печати, ни въ своей общественной дѣятельности». Но, будучи истиннымъ другомъ народа и знатокомъ крестьянскаго быта, онъ остается другомъ правды, и если говоритъ и пишетъ о мужикѣ, то только кстати, «просто и искренно, давая одни правдивые факты»... Вотъ и теперь г. Евгеній Марковъ прервалъ свое молчаніе съ прекрасною цѣлью «откровенно указать почтенному сотруднику «Русскаго Богатства» (т. е. мнѣ) на ту сантиментальную нотку въ его статьѣ, которая звучитъ для моего уха (т. е. для уха г. Маркова) нѣсколько фальшиво».

Посмотримъ, гдѣ и въ чемъ мой критикъ подмѣтилъ эту «нотку». Изъ моей статьи онъ выводитъ заключеніе, что я не доволенъ «нижеслѣдующими сторонами» дѣятельности крестьянскаго банка:

«Во первыхъ, банкъ удовлетворилъ далеко не всѣ предъявленныя къ нему требованія кредита, такъ что въ этомъ отношеніи сдѣлалъ для увеличенія крестьянскаго землевладѣнія гораздо менѣе, чѣмъ другіе частные банки и свободныя покупки земель крестьянами; во вторыхъ, образъ дѣйствій крестьянскаго банка поощрилъ

гораздо больше увеличеніе землевладѣнія состоятельныхъ крестьянъ, чѣмъ самыхъ нуждающихся, давъ перевѣсъ товарищескимъ покупкамъ съ болѣе крупными доплатами изъ собственныхъ средствъ передъ покупками цѣлыхъ сельскихъ обществъ, не имѣющихъ возможности вносить такихъ крупныхъ доплатъ; и, въ третьихъ, что крестьянскій банкъ распространилъ слишкомъ мало свѣдѣній о своей дѣятельности среди крестьянскаго населенія, вслѣдствіе чего цѣлые уѣзды и волости часто не знаютъ о самомъ существованіи крестьянскаго банка, а потому и число покупныхъ сдѣлокъ съ помощью крестьянскаго банка меньше, чѣмъ должно было быть».

Такъ формулируетъ мой «общій выводъ» г. Евгеній Марковъ, приступая къ своей критической работѣ. Дальше, исходя изъ этихъ положеній, онъ старается показать мнѣ, что моя оцѣнка фактовъ неправильна. Поэтому, въ интересахъ истины, которая такъ дорога моему оппоненту, я попрошу его прежде всего внести нѣкоторыя поправки въ его изложеніе моей статьи. Я не буду вдаваться въ большія подробности и ограничусь двумя-тремя замѣчаніями. Во первыхъ, не укажетъ ли г. Евг. Марковъ, гдѣ это я «укоряю»— выраженіе моего критика—«крестьянскій банкъ въ томъ, что онъ не удовлетворилъ *всѣхъ* обращенныхъ къ нему требованій»? Такого мѣста въ моей статьѣ мой искренній и правдивый противникъ, конечно, не найдетъ, а, между тѣмъ, сколько напрасныхъ словъ онъ расточаетъ, разъясняя, что не всѣ просьбы о ссудахъ могутъ и должны быть удовлетворены крестьянскимъ банкомъ!.. Очевидно, что я имѣю дѣло съ просвѣщеннымъ и любезнымъ, но невнимательнымъ оппонентомъ. Въ этомъ меня еще больше убѣждаетъ весь третій пунктъ составленнаго имъ обвинительнаго акта.

«Критикъ «Русскаго Богатства»,—пишетъ г. Марковъ,—указываетъ еще на то, будто крестьяне мало знаютъ о дѣятельности и существованіи крестьянскаго банка, и этому обстоятельству приписываетъ сравнительную ограниченность операцій крестьянскаго банка». Я долженъ поправить моего оппонента: это говорю не я, а администрація крестьянскаго банка, составители его отчета за 1896 г. и нѣкоторыя изъ его мѣстныхъ отдѣленій. Г. Марковъ находитъ далѣе, что нельзя винить крестьянскій банкъ, если неграмотное населеніе не читаетъ его объявленій. Совершенно справедливо, но я не только не виню банкъ въ томъ, что его объявленій въ деревняхъ не читаютъ, но и высказываю опасеніе, какъ бы надежда на публикаціи одного изъ отдѣленій (черниговскаго) «не разбилась въ близкомъ будущемъ все о тотъ же «низкій уровень общественнаго развитія» и, вѣроятно, грамотности черниговскихъ крестьянъ». Наконецъ, мой критикъ старается меня увѣрить, что крестьяне давно знаютъ о существованіи крестьянскаго банка. Г. Марковъ опять-таки ломится въ открытую дверь. Вотъ что онъ можетъ прочесть въ моей статьѣ. Приведя изъ отчета банка мѣстныя свидѣтельства о томъ, что мѣстами среди крестьянъ недостаточно рас-

пространены свѣдѣнія о крестьянскомъ банкѣ, я говорю: «Не всѣ, однако, и не вездѣ были такъ плохо освѣдомлены о существованіи банка и объ условіяхъ полученія изъ него ссуды. Многіе изъ крестьянъ, прибѣгавшихъ къ кредиту на покупку земли изъ разныхъ источниковъ, знали кое-что о дѣятельности крестьянскаго банка и, если не обращались къ нему, то именно потому, что знали...» Кажется ясно, что говорить намъ съ г. Марковымъ по поводу третьяго его тезиса больше нечего...

Возвращаюсь къ первымъ двумъ пунктамъ возраженія г. Маркова. Если оставить въ сторонѣ измышленное моимъ оппонентомъ требованіе, чтобы банкъ удовлетворялъ *всѣ* предъявленныя ему просьбы, то—о чемъ мы споримъ съ нимъ «во первыхъ»? Я утверждалъ и утверждаю, что до реформы 1895 года дѣятельность крестьянскаго банка не получила широкаго развитія; что покупки крестьянами земли безъ содѣйствія крестьянскаго банка совершались во множествѣ такихъ случаевъ, когда его участіе было бы вполнѣ умѣстно и согласно съ его задачами; что въ первый послѣ реформы годъ операціи банка по выдачѣ ссудъ на пріобрѣтеніе крестьянами земли не испытали большого приращенія, тогда какъ спросъ на кредитъ со стороны крестьянъ быстро пошелъ въ гору... Обо всемъ этомъ я говорю въ своей статьѣ и нахожу, что такой ходъ дѣла долженъ быть поставленъ банку въ пассивъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, крестьянскій банкъ могъ и долженъ былъ оказывать содѣйствіе крестьянамъ гораздо чаще, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Въ своей статьѣ я приводилъ различныя фактическія данныя, чтобы подтвердить справедливость сдѣланныхъ мною заключеній. Можно бы и еще кое-что указать. Но мой оппонентъ не любитъ «мертвыхъ цифръ». Поэтому, чтобы очистить свою точку зрѣнія отъ упрека въ сантиментальности, я укажу г. Евгенію Маркову, что такого взгляда на прошлое крестьянскаго банка придерживаются не только авторы журнальныхъ статей, но и авторы произведеній, стоявшихъ до сихъ поръ внѣ всякихъ подозрѣній въ сантиментальности. Въ представленіи министерства финансовъ по пересмотру устава крестьянскаго банка мой оппонентъ можетъ прочесть слѣдующее замѣчаніе: «Въ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка за первое, едва истекшее десятилѣтіе его существованія, нельзя отвергать двухъ неблагопріятныхъ для него чертъ: во 1-хъ, *довольно скромнаго развитія этой дѣятельности*, въ особенности во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи...» и т. д. Такова оффиціальная оцѣнка прошлаго крестьянскаго банка, оцѣнка, сдѣланная въ 1895 году наканунѣ реформы. Звучитъ ли въ этомъ оффиціальномъ отзывѣ для г. Маркова «сантиментальная нотка»?

Замѣчу еще, что прямымъ послѣдствіемъ такого взгляда на прежнюю дѣятельность крестянскаго банка явился уставъ 27 ноября 1895 г., «направленный, какъ сказано въ журналѣ государственнаго совѣта, къ болѣе широкому развитію его (банка) опера-

цій». Достигаетъ ли новый уставъ этой цѣли, или нѣтъ—другой вопросъ, котораго не касаемся ни я въ своей статьѣ, ни г. Марковъ въ своемъ возраженіи. Но здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ объ одной мѣрѣ, принятой или, точнѣе, въ принципѣ одобренной въ 1895 году. Новый уставъ, какъ извѣстно, вводитъ въ число операцій крестьянскаго банка выдачу ссудъ подъ залогъ земель, купленныхъ крестьянами безъ содѣйствія банка, для погашенія обременяющаго эти земли долга. Я доказывалъ въ своей статьѣ, что такія покупки совершались крестьянами частенько. Г. же Марковъ полагаетъ, что это бывало «въ очень рѣдкихъ случаяхъ», если не говорить объ операціяхъ крестьянъ-капиталистовъ, крестьянъ по названію только, дѣлающихъ крупныя земельныя пріобрѣтенія. Не обращаясь болѣе къ «мертвымъ цифрамъ», я ограничусь теперь ссылкою на заявленіе «лицъ, такъ сказать, приглядѣвшихся», т. е. чиновниковъ крестьянскаго банка. Въ отчетѣ его за 1896 годъ по этому поводу говорится буквально слѣдующее: «Въ отчетномъ году эта операція (выдача ссудъ подъ залогъ земель, купленныхъ крестьянами безъ содѣйствія крестьянскаго банка) достигла лишь незначительныхъ размѣровъ, но *есть основаніе предполагать, что въ ближайшемъ будущемъ ей предстоитъ большое развитіе*. Извѣстно, что и до учрежденія крестьянскаго банка, и *послѣ открытія его дѣйствій, крестьянами совершалось много земельныхъ покупокъ*, частью съ помощью земскихъ учрежденій и частныхъ кредитныхъ установленій, частью же безъ такой помощи». Но то, что извѣстно совѣту крестьянскаго банка, неизвѣстно г. Евг. Маркову. Или, быть можетъ, мой критикъ полагаетъ, что совѣтъ имѣетъ тутъ въ виду крестьянъ-капиталистовъ, покупающихъ крупныя имѣнія, т. е. разсчитываетъ совершать такія сдѣлки, которыя по закону и по самому назначенію крестьянскаго банка не могутъ получить его содѣйствія?

Впрочемъ, я надѣюсь, что мой оппонентъ согласится не со мною, а съ «лицами, такъ сказать, приглядѣвшимися», и признаетъ, что размѣры дѣятельности крестьянскаго банка, до реформы 1895 года, давали поводъ къ неудовольствію съ несантиментальной точки зрѣнія. Но остается подъ вопросомъ, измѣнилось ли положеніе дѣла со времени реформы. Прежде дѣятельность крестьянскаго банка была затруднена, между прочимъ, вслѣдствіе того, что законъ не былъ удовлетворителенъ. «Значеніе новаго устава,—говорятъ совѣтъ банка въ своемъ отчетѣ за 1896 годъ,—по мнѣнію отдѣленій, заключается въ томъ, что имъ устранены *многія правила* положенія 1882 года, которыя *препятствовали развитію покупокъ съ содѣйствіемъ банка*». Въ числѣ отдѣленій, высказавшихся въ этомъ смыслѣ, названо, между прочимъ, и *воронежское*. Такимъ образомъ я нахожу новое основаніе надѣяться, что г. Евг. Марковъ, согласится не считать «сантиментальнымъ» взглядъ на прошлую дѣятельность банка, какъ на недостаточную по размѣрамъ.

Онъ можетъ сказать, что виноватъ въ этомъ уставъ банка, а не администрація его, только примѣняющая обязательный для нея законъ. Положенія 1882 года защищать я не стану, но скажу, что и при немъ были періоды относительно оживленной дѣятельности крестьянскаго банка, были періоды и застоя. Стало быть, въ дѣятельности крестьянскаго банка оставалось нѣкоторое мѣсто для политики и направленіе ея, дѣйствительно, не разъ мѣнялось. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, сошлюсь на тотъ же отчетъ за 1896 годъ. Въ немъ приведенъ слѣдующій отзывъ ярославскаго отдѣленія о причинахъ увеличившагося требованія на ссуды изъ крестьянскаго банка. «Въ 1895 и 1896 гг.—говорится въ этомъ отзывѣ—совѣтъ банка разрѣшалъ ссуды на болѣе благопріятныхъ для покупщиковъ условіяхъ, не требуя отъ нихъ значительныхъ доплатъ изъ своихъ средствъ...» и т. д. Такая перемѣна въ 1896 году можетъ быть объяснена введеніемъ новаго устава, но въ 1895 году дѣйствовало еще старое положеніе. Оно не помѣшало разрѣшать ссуды хотя бы на нѣсколько болѣе благопріятныхъ основаніяхъ, чѣмъ за годъ-за два передъ тѣмъ. Очевидно, и политика въ дѣятельности крестьянскаго банка что нибудь да значитъ.

Но можно ли признать, что въ теченіе перваго послѣ реформы года операціи крестьянскаго банка по выдачѣ ссудъ на пріобрѣтеніе крестьянами земли получили широкое развитіе, соотвѣтствующее сильно выросшему спросу на его кредитъ. Основываясь на данныхъ отчета я далъ въ своей статьѣ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Факта не отрицаетъ и г. Марковъ, но, пытаясь найти ему приличное объясненіе, мой критикъ пускается въ праздное разсужденіе на счетъ того, что не *всѣ* просьбы можно удовлетворять, что иныя не заслуживаютъ этого!.. Но такъ какъ въ убѣдительность этого полемическаго пріема и самъ г. Марковъ, повидимому, не очень вѣритъ, то про запасъ у него есть еще одно объясненіе. Дѣло, видите ли,—«въ естественномъ накопленіи неоконченныхъ дѣлъ» по причинѣ большого наплыва ихъ, при прежнемъ составѣ служащихъ. Не знаю, достаточенъ ли персоналъ чиновниковъ крестьянскаго банка для того, чтобы онъ дѣлалъ свое дѣло безъ волокиты. Новые увеличенные штаты, судя по отчету, были введены уже въ 1896 году. Во всякомъ случаѣ, нельзя забывать, что «медленность производства»—старый порокъ крестьянскаго банка, успѣвшій принести, по отзыву его мѣстныхъ органовъ, свои не весьма пріятные плоды. Начинать же дѣятельность послѣ преобразованія повтореніемъ прежняго грѣха какъ ни какъ не похвально.

Теперь перейдемъ ко второму и, быть можетъ, самому важному пункту нашего спора. Въ своей статьѣ я доказываю, что требованіе большихъ доплатъ изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ придаетъ дѣятельности крестьянскаго банка нежелательное одностороннее направленіе: онъ кредитуетъ преимущественно болѣе со-

стоятельную группу крестьянства и, въ частности, поощряетъ покупки земли товариществами болѣе сильныхъ домохозяевъ въ ущербъ земельнымъ пріобрѣтеніямъ цѣлыхъ обществъ. Такъ было до реформы 27 ноября 1895 года. Отчетъ за первый годъ дѣятельности крестьянскаго банка на основаніи новаго устава показываетъ, что въ этомъ отношеніи практика не измѣнилась. Поэтому, на мой взглядъ, и въ отчетномъ году дѣятельность банка не была должнымъ образомъ согласована съ интересами тѣхъ слоевъ населенія, которые наиболѣе нуждаются въ его помощи. Мой оппонентъ полагаетъ, что банкъ въ этомъ отношеніи слѣдовалъ указаніямъ закона, былъ только исполнителемъ его требованій. Но новый уставъ крестьянскаго банка даетъ возможность держаться въ вопросѣ о доплатахъ иной политики. Въ подтвержденіе своихъ словъ я, не пускаясь въ разборъ подробностей устава 27 ноября, приведу лишь одно мѣсто изъ законодательныхъ мотивовъ преобразованія 1895 года. «Ограниченіе размѣра ссудъ извѣстнымъ процентомъ оцѣнки—читаемъ мы въ журналахъ государственнаго совѣта по пересмотру устава крестьянскаго банка—вызываетъ необходимость обязательной доплаты къ ссудѣ со стороны покупщиковъ. Но требованіе доплатъ представляется вполнѣ раціональнымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ производятся дѣйствительно изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ и, кромѣ того, у послѣднихъ остается оборотный капиталъ для надлежащаго веденія хозяйства на купленномъ участкѣ. Такъ какъ, однако, эти условія встрѣчаются сравнительно рѣдко, то указанное требованіе ведетъ лишь къ обремененію крестьянъ долгами за высокіе, обыкновенно, проценты, а въ лучшемъ случаѣ оставляетъ ихъ безъ средствъ на покупку живого и мертваго инвентаря и на удовлетвореніе другихъ текущихъ хозяйственныхъ надобностей. Поэтому, и признавая неудобнымъ повышать размѣръ ссудъ, при выдачѣ оныхъ на счетъ свидѣтельствъ банка, до 100% спеціальной оцѣнки, департаменты полагаютъ, что представлялось бы необходимымъ допустить выдачу ссудъ въ видѣ общаго правила, безъ особаго каждый разъ разрѣшенія министра финансовъ, въ размѣрѣ 90% оцѣночной суммы... Хотя такія ссуды значительно уклонились бы отъ общихъ нормъ (въ 60% и 75%), принятыхъ для всѣхъ ипотечныхъ банковъ, не исключая и дворянскаго, но предположенное изъятіе для крестьянскаго банка оправдывалось бы въ достаточной степени тѣмъ, что платежи по ссудамъ, выдаваемымъ послѣднимъ, обезпечиваются не только рентою земли, но и трудомъ заемщиковъ-крестьянъ, лично обработывающихъ пріобрѣтаемые ими участки». Вотъ какое рѣшеніе вопросъ о доплатахъ къ ссудамъ крестьянскаго банка получилъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Замѣчу, что фактически покупка земли съ помощью крестьянскаго банка можетъ совершаться съ небольшими доплатами или вовсе безъ доплатъ. Банкъ уполномоченъ выдавать 90% спеціальной оцѣнки, а не продаж-

ной цѣны, которая можетъ быть и меньше оцѣнки. Кромѣ того, ограниченіе ссудъ 90% оцѣночной суммы установлено лишь при выдачѣ ихъ за счетъ свидѣтельствъ крестьянскаго банка. Но съ введеніемъ устава 27 ноября банкъ получилъ право пріобрѣтать земли, для перепродажи ихъ крестьянамъ, за счетъ собственнаго капитала. Эти ссуды могутъ быть выдаваемы въ размѣрѣ свыше 90% и даже въ суммѣ полной оцѣнки продаваемаго участка. Притомъ уставъ открываетъ банку полную возможность въ тѣхъ случаяхъ, когда полезно выдать заемщикамъ болѣе 90% оцѣночной суммы, замѣнить покупку по соглашенію сторонъ покупкою за счетъ собственнаго капитала. Словомъ, по дѣйствующему уставу требованіе крупныхъ доплатъ необязательно, законъ стремится свести ихъ къ минимальнымъ размѣрамъ, и это стремленіе, на мой взглядъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Обращаясь къ операціямъ крестьянскаго банка, нетрудно убѣдиться, что, по крайней мѣрѣ, въ первый годъ послѣ реформы, онѣ были ближе въ разсматриваемомъ отношеніи къ старой практикѣ, нежели къ желательному, по моему мнѣнію, и вполнѣ осуществимому, на основаніи дѣйствующаго закона, порядку. Понятно, что я сожалѣю объ этомъ. Г-нъ же Марковъ, напротивъ, находитъ, что все идетъ, какъ нельзя лучше, и что иного направленія дѣятельность банка не можетъ и не должна получить. Но пусть онъ самъ говоритъ въ защиту своего мнѣнія. Кстати и читатель ознакомится съ нѣкоторыми перлами этой публицистики откровеннаго направленія. Во первыхъ, общественныя покупки: ихъ почти нѣтъ—и не должно быть. «Печальный опытъ,—увѣряетъ г. Марковъ,—показалъ, что сельскія общества, больше всего покупавшія земли въ первое время дѣйствій крестьянскаго банка, оказались менѣе всего способными удержать эти земли и очень скоро порастеряли ихъ, накопивъ на себя неоплатныя недоимки крестьянскому банку. Чѣмъ многочисленнѣе было общество, тѣмъ скорѣе наступалъ срокъ его ликвидаціи, потому что въ многолюдномъ селеніи всегда больше нерадивыхъ и неумѣлыхъ хозяевъ, нисколько не интересующихся увеличеніемъ общественнаго землевладѣнія и своею, часто намѣренною неисправностью въ платежахъ крестьянскому банку, вынуждающихъ задерживать платежи и накоплять недоимки даже и исправныхъ хозяевъ».

Свое содѣйствіе крестьянскій банкъ долженъ направлять въ сторону состоятельныхъ элементовъ деревни,—иначе никакъ нельзя. «Кредитъ крестьянскаго банка предназначенъ на вполнѣ опредѣленную цѣль,—говоритъ мой просвѣщенный оппонентъ,—на поднятіе хозяйственной дѣятельности крестьянина. Какъ же возможно ожидать, чтобы слабые хозяева, не имѣющіе ни денежныхъ сбереженій, ни достаточнаго количества рабочихъ рукъ, рабочаго скота, рабочаго инвентаря, точно такъ же, какъ хозяева нерадивые, лѣнтяи, пьяницы, неудачные отъ природы, могли сравняться въ этомъ отношеніи съ энергическими, дѣльными и разсчетливыми хозяевами,

сумѣвшими запастись всѣмъ, что необходимо для успѣшнаго веденія крестьянскаго хозяйства, не упускающими ничего, что служитъ къ подъему ихъ благосостоянія?»

Другъ народа и знатокъ крестьянства даже возмущается при мысли, что крестьянскій банкъ станетъ проявлять особенную заботливость и интересъ къ нуждамъ «слабыхъ хозяевъ, не имѣющихъ сбереженій». Не о тѣхъ, видно, крестьянскихъ «нуждахъ и обидахъ» думалъ г. Марковъ, когда обѣщалъ ихъ не замалчивать; или вспоминать о нихъ въ данномъ случаѣ, по его мнѣнію, было бы совсѣмъ некстати? Уравняй банкъ кредитомъ неравные въ имущественномъ отношеніи элементы деревни, да это было бы,—восклицаетъ нашъ знатокъ крестьянскаго быта,—«именно величайшимъ неравенствомъ и величайшею несправедливостью, такою же несправедливостью, какъ если бы мы хилому ребенку отпускали ту же порцію пищи, какъ и взрослому силачу». Нѣтъ, искренній и правдивый другъ народа противъ такой «безразсудной системы». Изъ своего многолѣтняго «тѣснаго общенія» съ крестьянами, о которомъ онъ такъ любезно сообщилъ мнѣ, г. Евг. Марковъ вынесъ убѣжденіе, что, хотя «нерѣдко благосостояніе крестьянина разстраивается не по его винѣ, а по стеченію разныхъ бѣдственныхъ для него обстоятельствъ», но «гораздо чаще разстройство крестьянскаго хозяйства бываетъ связано съ внутренними свойствами самого хозяина». Поэтому для г. Маркова вполнѣ ясно, что «фальшь иныхъ благонамѣренныхъ взглядовъ» заключается именно въ томъ, «что у насъ бѣдность, безсиліе непремѣнно хотятъ выставить, какъ синонимъ невинно страждущей добродѣтели, которой только подайте руку помощи—и она сейчасъ же возсіяетъ всѣми доблестями ума и сердца. А забываютъ при этомъ, что въ экономическомъ быту хозяйственное безсиліе и соединенная съ нимъ бѣдность очень часто являются слѣдствіемъ не какихъ-нибудь роковыхъ внѣшнихъ причинъ, а проявленіемъ внутренняго безсилія и даже негодности человѣка».

Само собою разумѣется, что крупныя доплаты изъ средствъ покупщиковъ къ ссудамъ крестьянскаго банка г. Марковъ считаетъ весьма полезными, даже необходимыми. На этотъ счетъ у моего просвѣщеннаго противника создалась цѣлая теорія. «Сантиментальному» взгляду на доплаты онъ противополагаетъ свой «утѣшительный».

«На высокій процентъ приплатъ крестьянъ-покупателей изъ собственныхъ средствъ нужно смотрѣть,—учитъ нашъ знатокъ экономическаго быта крестьянъ,—еще и съ другой нѣсколько болѣе утѣшительной точки зрѣнія. Вѣдь это наша собственная фантазія, будто крупныя приплаты вызываются исключительно неблагоразумною требовательностью банка и его пристрастіемъ къ богатымъ покупателямъ. Кто знаетъ близко жизнь и взгляды крестьянина и кто знакомъ съ дѣятельностью крестьянскаго банка не по однимъ от-

читамъ его,—въ большей части случаевъ нисколько не ужасается величинѣ этихъ приплатъ. Воображать себѣ, что у русскаго крестьянства, при всей его несомнѣнной бѣдности, вовсе нѣтъ никакихъ денежныхъ сбереженій—большое заблужденіе».

Мужикъ и самъ понимаетъ выгоду доплатъ: вѣдь, меньше платить въ банкъ процентныхъ денегъ—какъ не понять этого! «Покупатель мужикъ съ особенною охотою приплачиваетъ за землю, что только можетъ изъ своего кармана, чтобы уменьшить свою задолженность, чтобы придвинуть поближе къ себѣ радостный ему срокъ полнаго владѣнія купленною землею, и потому напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы не уменьшать, а увеличить свою доплату. Цифры, приводимыя почтеннымъ авторомъ, лучше всего доказываютъ это: въ то время, какъ требованія устава крестьянскаго банка ограничиваютъ обязательную доплату покупателей изъ собственныхъ средствъ всего 10% оцѣнки,—самъ же авторъ убѣдился изъ отчета крестьянскаго банка, что на дѣлѣ цифра доплатъ въ 1896 году дошла до 28,7%, а ранѣе доходила до 31,3% и даже до 37,2%!»

«Утѣшительный» взглядъ на доплаты такъ увлекаетъ г. Маркова, что онъ и меня приглашаетъ радоваться: это явленіе, т. е. крупныя доплаты, сдѣланныя заемщиками банка, должны бы, по мнѣнію моего критика, вызывать,—«не печальные вздохи, а на противъ того, чувство удовлетворенія, какъ наглядный признакъ нѣкоторой зажиточности крестьянъ-покупателей и какъ условіе скорѣйшаго выкупа ими купленныхъ земель въ свою полную собственность».

«Нѣкоторая зажиточность» русскаго мужика «при несомнѣнной его бѣдности» приводитъ въ восторгъ г. Евгенія Маркова. Онъ готовъ даже войти со мною въ соглашеніе... для чего бы, вы думали? Для того, чтобы «поднять вопросъ объ измѣненіи устава крестьянскаго банка въ томъ смыслѣ, чтобы въ исключительныхъ случаяхъ, на примѣръ, съ крестьянъ, получавшихъ «нищій» надѣлъ (такъ обозвали сами крестьяне установленный въ положеніи 19-го февраля «низшій» надѣлъ), съ крестьянъ переселенцевъ и т. п. вовсе не требовалось бы доплаты при покупкахъ земли съ помощью крестьянскаго банка».

Кажется, довольно: нашъ просвѣщенный другъ народа весь вылился въ своемъ негодованіи на «безразсудную систему", въ своей радости по поводу большихъ доплатъ и въ своемъ елейномъ планѣ благодѣтельствовать мужику въ исключительныхъ случаяхъ... «Исключительные случаи» «нищаго» надѣла — какое завидное знаніе экономическаго быта крестьянъ! Но стоитъ ли останавливаться на подробностяхъ аргументаціи г. Евгенія Маркова, когда и въ главныхъ своихъ положеніяхъ мой правдивый и искренній противникъ допускаетъ непростительныя погрѣшности противъ истины.

Мы видѣли, что г. Евгеній Марковъ ссылается на печальный опытъ крестьянскаго банка, будто бы доказавшій, что сельскія

общества неспособны удерживать въ своихъ рукахъ купленныя земли. На самомъ дѣлѣ печальный опытъ доказалъ нѣчто иное. Согласно изслѣдованію, произведенному мѣстными дѣятелями крестьянскаго банка, неудача покупокъ, совершонныхъ съ его помощью, зависѣла отъ разныхъ причинъ и, прежде всего, какъ было оффиціально указано при пересмотрѣ устава банка, отъ слѣдующихъ: «весьма распространенными и несомнѣнными серьезными причинами неудачи многихъ, заключенныхъ при посредствѣ крестьянскаго банка сдѣлокъ слѣдуетъ считать *высокую цѣну покупки* земель чрезъ посредство банка *и обременительный размѣръ* банковыхъ *платежей*». Г. Евгеній Марковъ, говоря о невозможности разрѣшеній всѣхъ испрашиваемыхъ у банка ссудъ, останавливается, между прочимъ, на томъ, что крестьяне нерѣдко соглашаются на невыгодныя условія, и что въ такихъ случаяхъ крестьянскій банкъ вынужденъ отклонять просьбы о помощи. Мой оппонентъ дѣлаетъ весьма основательное предположеніе, что и я не написалъ бы похвальнаго слова крестьянскому банку, если бы послѣдній сталъ «платить владѣльцамъ по 100 рубл. за десятину земли, не стоющей и 30 рублей». Но... но изслѣдованіе, о которомъ сейчасъ идетъ у насъ рѣчь, привело къ заключенію, что въ дореформенной практикѣ банка бывали случаи, когда «при самой покупкѣ земли банковые платежи за нее (оставляя даже въ сторонѣ обязательства по доплатѣ прежнему владѣльцу земли) значительно, иногда въ $1^1/_2$ раза, превышали мѣстныя арендныя цѣны и, между прочимъ, ту самую аренду, которую тѣ же крестьяне платили за пріобрѣтенную ими землю до ея покупки». А возможность такихъ случаевъ объясняется тѣмъ, что крестьянскій банкъ, дѣйствуя на основаніи положенія 1882 года, не былъ обязанъ и далеко не всегда, вопреки увѣренію г. Маркова, входилъ «въ обсужденіе практическихъ условій сдѣлки». Напомню еще, что признаніе этого факта въ 1895 году, какъ извѣстно, повлекло за собою рядъ перемѣнъ въ самой организаціи банка.

Многія сдѣлки обязаны своей неудачей, какъ выяснило то же изслѣдованіе, еще и другому обстоятельству, имѣющему прямое отношеніе къ вопросу о значеніи доплатъ. «*Обременительность* банковыхъ платежей, т. е. несоотвѣтствіе ихъ доходности земли *усугубляется весьма часто приплатами* крестьянъ продавцамъ *сверхъ банковой ссуды*. Такъ какъ наличныхъ средствъ для этого нѣтъ, то приплаты или разсрочиваются, или покрываются путемъ займа, возвратъ коего опять таки затягивается на нѣсколько лѣтъ, причемъ онѣ принимаютъ форму дополнительныхъ къ банковымъ платежей на первое время по пріобрѣтеніи земли».

Этотъ результатъ изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ дѣла на мѣстахъ не мирится съ тѣмъ «утѣшительнымъ» взглядомъ, котораго придерживается г. Евгеній Марковъ. Доплаты оказываются не только неблагодѣтельными, но прямо вредными. Не будемъ допыты-

ваться, звучитъ ли для него «сантиментальная нотка» въ этомъ заключеніи самого крестьянскаго банка. Довольно и сказаннаго, что бы видѣть, что причина неудачъ общественныхъ покупокъ коренится не въ «неспособности» этихъ союзовъ пользоваться кредитомъ, и что доплаты вовсе не такъ необходимы для успѣха операцій крестьянскаго банка, какъ это кажется г. Маркову. Конечно, при остальныхъ равныхъ условіяхъ исправности въ платежахъ можно скорѣе ожидать отъ товарищества зажиточныхъ крестьянъ, чѣмъ отъ общества, въ составъ котораго входятъ домохозяева разной степени состоятельности, но, въ свою очередь, и товарищества уступаютъ въ этомъ отношеніи богатымъ единоличнымъ покупателямъ, могущимъ уплатить изъ собственныхъ средствъ большую долю покупной цѣны. Съ «утѣшительной» точки зрѣнія нашего друга крестьянства, вполнѣ послѣдовательно было бы потребовать, чтобы крестьянскій банкъ занялся исключительно этими «взрослыми силачами». Это было бы, конечно, не сантиментальностью, и могло бы вдобавокъ вполнѣ удовлетворить тонкому нравственному чувству моего просвѣщеннаго и любезнаго оппонента. Видите ли, г. Евгеній Марковъ очень дорожитъ правиломъ, «что чѣмъ меньше человѣкъ получаетъ помощи и одолженій со стороны и чѣмъ больше силъ принужденъ онъ черпать изъ самого себя, тѣмъ больше воспитываетъ онъ въ себѣ здоровыя нравственныя и экономическія привычки, чувствуя себя не вѣчно опекаемымъ малолѣткомъ, а взрослымъ, самостоятельнымъ существомъ, обязаннымъ и способнымъ заботиться о самомъ себѣ». Какъ ни скромна дѣятельность крестьянскаго банка въ настоящее время, всетаки противъ этого правила онъ нерѣдко погрѣшаетъ. Развѣ вотъ только доплата, какъ выражается г. Марковъ, «нѣсколько удовлетворяетъ законному чувству самолюбія крестьянина-покупателя, стыдящагося вообще получить что нибудь «на дармовщину», ни за что, ни про что», а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, до извѣстной степени успокаиваетъ друзей народа, опасающихся пуще всего, какъ бы не развратили мужика.

В. Р.

Къ вопросу о неурожаяхъ послѣднихъ лѣтъ *).

III.

Каждой фазѣ хозяйственнаго развитія свойственны извѣстныя формы общественныхъ и правовыхъ отношеній, находящіяся въ соотвѣтствіи съ основнымъ складомъ народно-хозяйственной жизни. Въ крѣпостной Россіи и народно-хозяйственныя и правовыя отношенія проникнуты были одними и тѣми же общими началами. Краеугольнымъ камнемъ дореформеннаго хозяйственнаго строя служилъ несвободный трудъ крестьянскаго населенія, отбываемый въ пользу помѣщиковъ. Этотъ основной хозяйственный фактъ давалъ общую окраску и общій тонъ и всему строю соціальной жизни. Зависимость труда неизбѣжно должна была влечь за собою и зависимость личную. Чтобы имѣть возможность осуществлять свое право на распоряженіе трудомъ крестьянина, приписаннаго къ его имѣнію, помѣщикъ былъ вооруженъ извѣстною, весьма значительною долею власти надъ личностью этого крестьянина. Заботы объ охраненіи этой власти и о поддержаніи повиновенія среди закрѣпощенной массы населенія не могли не налагать извѣстнаго отпечатка и на всѣ распорядки государственной и общественной жизни. Вся эта жизнь насквозь была проникнута началами авторитета и дисциплины. Существованіе крѣпостного права не совмѣстимо было съ проявленіемъ сколько-нибудь широкой общественной или индивидуальной самодѣятельности и независимости даже и среди тѣхъ группъ населенія, которыя не входили въ составъ «крещеной собственности». Всѣ такія проявленія прямо или косвенно могли колебать основные устои крѣпостного строя и потому энергически сдерживались и подавлялись. Другою характеристическою чертою дореформеннаго уклада,—тоже тѣсно связанною съ существованіемъ несвободнаго труда и подчиненія одного класса населенія другому,—была сословная организація общества. Сословныхъ перегородокъ, раздѣлявшихъ все населеніе на обособленныя сословныя группы, было (а отчасти сохраняется и донынѣ) великое множество. «Четыре главные рода людей», на которые законы о состояніяхъ дѣлятъ всѣхъ россійскихъ обывателей—дворянство, духовенство, городскіе обыватели и сельскіе обыватели—распадались въ свою очередь на цѣлый рядъ меньшихъ сословныхъ группъ, отличавшихся одна отъ другой личными и корпоративными правами,—или особенностями того тягла,

*) См. „Русское Богатство“, 1898 г. № 9.

которое было на нихъ возложено государствомъ. Всѣ эти сословныя группы могли, однако, быть соединены въ двѣ большія категоріи такъ называемыхъ «привилегированныхъ» сословій, изъятыхъ отъ подушной подати, рекрутства и тѣлесныхъ наказаній и пользующихся и другими льготами, и сословій «непривилегированныхъ», обложенныхъ подушною податью, несшихъ воинскую и другія натуральныя повинности и подвергавшихся тѣлеснымъ наказаніямъ и по суду, и по усмотрѣнію полиціи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ (помѣщичьи крестьяне) по распоряженію лицъ привилегированнаго класса или ихъ приказчиковъ и управляющихъ. Все государственное управленіе организовано было на сословныхъ началахъ. Это создавало еще большія преимущества высшимъ сословіямъ надъ низшими. На вершинѣ общественной лѣстницы стояло помѣстное дворянство, которому принадлежало преобладающее положеніе и въ общественной, и въ государственной жизни. Нижнія ступени этой лѣстницы занимали крестьяне разныхъ наименованій.

Самую безправную группу среди крестьянства (тоже подраздѣлявшагося на цѣлый рядъ различающихся одно отъ другого «сословій») составляли крестьяне помѣщичьи. Надъ ними, сверхъ общегосударственнаго тягла, тяготѣла еще власть помѣщика, очень обширная, довольно неопредѣленная въ своихъ границахъ и почти совсѣмъ безконтрольная. Распространялась она и на имущество, и на личность крестьянина. Помѣщику предоставлялось налагать на своихъ крѣпостныхъ «всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исполненія личныхъ повинностей, съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали чрезъ сіе разоренія и чтобы положенное закономъ число дней оставляемо было на исполненіе собственныхъ ихъ работъ». Число дней «барщины», по закону императора Павла, опредѣлялось тремя въ недѣлю. Затѣмъ помѣщикъ не долженъ былъ заставлять крестьянъ работать на него въ воскресные дни, а также въ двунадесятые праздники, 29 іюня, 9 мая, 6 декабря и въ храмовые въ каждомъ селеніи праздники. Во всемъ остальномъ опредѣленіе размѣровъ и формъ крестьянскихъ повинностей предоставлялось вполнѣ усмотрѣнію помѣщика. Крестьянъ законъ обязывалъ спокойно пребывать въ ихъ званіи, быть послушными помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ и вообще безпрекословно повиноваться владѣльцамъ «во всемъ томъ, что не противно общимъ государственнымъ узаконеніямъ». Прямыхъ указаній объ обязанности помѣщиковъ предоставлять въ пользованіе крестьянъ извѣстныя количества земли въ законѣ не заключалось. Земельное надѣленіе крѣпостныхъ крестьянъ имѣло своимъ источникомъ экономическую необходимость, вытекающую изъ натуральныхъ формъ хозяйства той эпохи, и установившійся обычай. Закономъ оно регулировано не было и самые размѣры и формы такого надѣленія вполнѣ зависѣли отъ произвола помѣщика. Каждаго от-

дѣльнаго крестьянина помѣщикъ могъ по своему усмотрѣнію снять съ земли и лишить надѣла. Законъ предоставлялъ ему неограниченное право переводить своихъ крестьянъ во дворъ и со двора на пашню, а также отдавать ихъ стороннимъ лицамъ въ услуженіе, для обученія ремеслу или на воспитаніе. Крѣпостные крестьяне были стѣснены въ пользованіи даже самыми элементарными гражданскими правами. Безъ позволенія помѣщика крестьянинъ не могъ вступать въ бракъ, пріобрѣтать и отчуждать недвижимую собственность, заниматься торговлею и промыслами, выдавать долговыя обязательства. Помѣщику принадлежала въ его владѣніяхъ и вотчинахъ полиція и юстиція. Онъ разбиралъ и судилъ окончательно взаимные ссоры и иски крѣпостныхъ крестьянъ между собою. Всѣ преступленія и проступки, не влекущіе за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія, если они «были учинены противъ помѣщика или его семейства, или противъ другихъ его крестьянъ или дворовыхъ людей»,—подлежали расправѣ самого помѣщика, не доходя до суда. По жалобѣ обиженныхъ помѣщикъ могъ разбирать такіе преступленія и проступки и противъ постороннихъ лицъ. Широкую карательную власть, которою онъ былъ вооруженъ, помѣщикъ могъ передовѣрять другимъ лицамъ—своимъ управляющимъ и приказчикамъ (право не предоставляемое вообще никакому судьѣ). «Смотря по важности преступленія, учиненнаго крѣпостнымъ человѣкомъ», онъ могъ быть подвергнутъ, по приказанію помѣщика или его управляющаго, наказанію розгами до 40 или палками до 15 ударовъ, или же аресту до 7 дней, а «въ случаяхъ особенной важности» и до 2 мѣсяцевъ. За преступленія и проступки «еще болѣе важные» помѣщикъ могъ отсылать крѣпостныхъ въ смирительные дома или въ арестантскія роты (на срокъ до 6 мѣсяцевъ). Отъ тѣлесныхъ наказаній не освобождались ни женщины, ни старики, ни дѣти. Всѣ дѣла помѣщикъ вершалъ безапелляціонно и безконтрольно. Никакихъ жалобъ отъ крѣпостныхъ крестьянъ на ихъ помѣщиковъ не принималось. Даже въ порядкѣ гражданскомъ, въ случаѣ неправильнаго присвоенія его движимаго имущества, крестьянинъ могъ искать судебной защиты только отъ посторонняго, но не отъ помѣщика. Помѣщикъ въ такихъ случаяхъ самъ являлся судьею въ своемъ дѣлѣ и притомъ судьею, на рѣшеніе котораго не было апелляціи. Благодаря этой безсудности крѣпостныхъ крестьянъ, даже и тѣ немногія ограниченія, которыя законъ ставилъ для помѣщичьей власти, были въ сущности только благими пожеланіями,—такими же, какъ и возлагаемыя на помѣщика обязанности: «пещись о приведеніи крестьянъ своихъ въ лучшее состояніе» и воздерживать ихъ «отъ всякихъ пороковъ, ссоръ, дракъ и тому подобныхъ непорядковъ». Всѣ ограничительныя опредѣленія закона не имѣли за собою никакой санкціи и власть помѣщиковъ надъ крѣпостными крестьянами вполнѣ носила на себѣ характеръ про-

произвола—благожелательнаго или жестокаго, смотря по личнымъ свойствамъ носителей этой власти.

Только въ рѣдкихъ случаяхъ выходящихъ изъ ряда злоупотребленій правительственная власть вмѣшивалась въ отношенія между помѣщиками и ихъ крѣпостными крестьянами. Законъ предоставлялъ главнымъ начальникамъ губерній право брать помѣщичьи имѣнія въ опеку, «когда виною помѣщика деревня доведена будетъ до разоренія, и крестьяне обременены будутъ безмѣрными и несносными тягостями, также въ случаѣ нетерпимой въ управленіи ихъ жестокости». Помѣщики, «изобличенные въ жестокихъ съ крѣпостными людьми своими поступкахъ», могли быть предаваемы, сверхъ того, и уголовному суду,—но не иначе какъ по особому каждый разъ высочайшему повелѣнію. Всѣ такія дѣла возбуждались по собственному почину правительственныхъ установленій: искать защиты у власти даже и «отъ нетерпимой жестокости» самимъ пострадавшимъ законъ воспрещалъ подъ угрозою строгихъ каръ.

Крѣпостные крестьяне, какъ мы уже говорили, составляли самую безправную общественную группу въ крѣпостной Россіи. Поэтому здѣсь всего ярче и неприкрытѣе выступали впередъ характерныя черты общественнаго строя, основаннаго на крѣпостномъ правѣ.

Другую, болѣе смягченную форму зависимыхъ отношеній представляли собою порядки, господствовавшіе въ управленіи крестьянъ государственныхъ, причислявшихся, по терминологіи закона, къ разряду «свободныхъ сельскихъ обывателей». Если въ крѣпостной деревнѣ царилъ голый и ничѣмъ не стѣсненный произволъ помѣщика, то бытъ крестьянъ государственныхъ подчиненъ былъ самой мелочной регламентаціи и опекѣ, распространявшейся на всѣ проявленія не только общественной, но и частной жизни крестьянина. Выполнялась такая опека цѣлою сѣтью учрежденій и начальствъ, большихъ и малыхъ, начиная съ сельскихъ старостъ и кончая министромъ государственныхъ имуществъ. Всѣ эти власти должны были заботиться не только объ охраненіи порядка и закона, но и о поддержаніи нравственности среди государственныхъ крестьянъ. Законъ вмѣняетъ это въ обязанность и сельскимъ старостамъ, и сельскому старшинѣ, и волостному головѣ. Цѣлый рядъ статей «сельскаго полицейскаго устава» и «устава сельскаго судебнаго» содержитъ въ себѣ многообразныя запрещенія и предписанія, касающіяся правилъ поведенія государственныхъ крестьянъ. Заботливость закона въ этомъ отношеніи шла очень далеко. Въ полицейскомъ уставѣ заключались и постановленія «о обязанностяхъ относительно вѣры», и «о сохраненіи правилъ нравственности», и «объ обхожденіи государственныхъ крестьянъ между собою и съ проѣзжими». Строгія кары установлены были за пьянство и за мотовство и расточительность. «Кто злообыченъ въ пьян-

ствѣ—говоритъ 496 ст. сельск. суд. устава—или болѣе времени въ году бываетъ пьянъ, нежели трезвъ, того наказывать розгами». То же наказаніе назначалось и тѣмъ, «кои станутъ покупать вино подъ залогъ одежды и прочей домашней утвари, а также подъ залогъ скота, земледѣльческихъ и другихъ необходимыхъ орудій и полевыхъ произведеній, особенно еще не снятыхъ и остающихся на корнѣ» (ст. 497). Напивающіеся пьяными въ праздничные дни, до окончанія обѣдни, приговаривались къ заключенію подъ стражу (ст. 493). Точно также должны были сажаться подъ стражу, а во второй разъ наказывались тѣлесно всѣ тѣ, «кои будутъ играть на деньги въ карты и другія игры (исключая игоръ азартныхъ, за которыя подвергается виновный уголовному суду)» (ст. 529). Законъ воспрещалъ, подъ строгимъ наказаніемъ, не только поступки безнравственные, но и опасные и вредные для самого виновнаго. «Кто, не смотря на запрещеніе начальства,—говоритъ ст. 513 сельск. судебн. уст.—пойдетъ черезъ рѣку по льду, когда уже по немъ опасно ходить, или же будетъ переѣзжать при бурномъ вѣтрѣ, а также тогда, когда ледъ идетъ по рѣкѣ, того приговаривать къ простому заключенію подъ стражу на одинъ день». Государственнымъ крестьянамъ предписывалось (ст. 284 уст. сельск. полиц.) «не употреблять въ пищу плодовъ недозрѣлыхъ, хлѣба недопеченаго, мяса и рыбы протухлыхъ, мертвечины и вообще припасовъ несвѣжихъ и потому для здоровья вредныхъ»; воспрещено было «употребленіе копорскаго чая (иванъ-чай) какъ одного, такъ и въ смѣшеніи съ китайскимъ» и «сборъ самой травы, изъ которой чай копорскій составляется (ст. 285)»; воспрещалось также «употреблять для варенія пищи или питья мѣдные не луженые самовары, чайники, кострюли и всякую мѣдную посуду, не имѣющую полуды» (ст. 286). Предусмотрительность сельскаго полицейскаго устава простиралась даже до установленія правилъ о томъ, какъ поступать въ случаѣ, если дикіе животные «сами собою оставятъ гнѣзда и логовища свои, перейдутъ въ другое мѣсто и будутъ въ немъ водиться» (ст. 273)... Но, не смотря на все это обиліе всякихъ уставовъ, инструкцій, наказовъ, не смотря на весь бумажный, бюрократическій формализмъ,—государственный крестьянинъ нисколько не былъ огражденъ отъ злоупотребленій со стороны многочисленныхъ начальствъ, надъ нимъ поставленныхъ. Онъ былъ безправенъ предъ чиновникомъ, какъ крѣпостной крестьянинъ былъ безправенъ предъ помѣщикомъ. И здѣсь, въ отношеніяхъ между носителями власти, крупными и мелкими, и подвластными имъ обывателями господствовалъ произволъ, переплетавшійся съ цѣлью стѣсненій и ограниченій, давящихъ на крестьянина и сковывавшихъ всякія проявленія его личности и самодѣятельности.

Остальныя группы крестьянскаго населенія (которыхъ насчитывалось довольно много въ крѣпостной Руси) занимали промежуточное положеніе между государственными и помѣщичьими крестья-

нами, приближаясь по распорядкамъ своей жизни къ тому или другому изъ этихъ типовъ дореформеннаго склада крестьянскихъ общественныхъ отношеній.

Но въ общественной жизни крестьянства существовало и другое руководящее начало, помимо начальственной опеки у крестьянъ государственныхъ и помѣщичьяго усмотрѣнія у крестьянъ владѣльческихъ. Этимъ руководящимъ началомъ былъ народный обычай. Авторитетъ обычая опирался на общее признаніе его обязательной силы; онъ имѣлъ за собою и внѣшнюю санкцію въ видѣ принудительной власти «міра», общества, которая могла быть обращена противъ ослушника, нарушившаго традиціонные порядки жизни. Но, конечно, не въ этой внѣшней силѣ лежали главные залоги устойчивости и опредѣляющаго значенія обычая въ крестьянской жизни. Обычай былъ живучъ и силенъ главнымъ образомъ потому, что обычные порядки слагались подъ вліяніемъ тѣхъ требованій, которыя ставились самыми условіями и обстановкою крестьянской жизни, преимущественно трудовой ея стороны. Условія крестьянскаго труда диктовали и распорядки крестьянскихъ общественныхъ отношеній. Огромная масса крестьянства была земледѣльческою; поэтому именно земледѣльческій трудъ и положилъ наибольшій отпечатокъ на обычныя нормы крестьянской общественной жизни. При преобладаніи натуральнаго хозяйства и слабомъ участіи крестьянства въ мѣновыхъ хозяйственныхъ процессахъ,—въ крестьянской средѣ могли выработаться и поддерживаться особыя, расходящіяся съ писаннымъ закономъ, правовыя нормы, которыми опредѣлялись взаимныя отношенія внутри крестьянскаго міра, между его членами. Существовали обычныя формы землевладѣнія и землепользованія, обычные порядки наслѣдованія, извѣстныя особенности договорнаго и обязательственнаго права, несходные съ постановленіями гражданскихъ законовъ. Обычай регулировалъ и правовыя отношенія, и хозяйственные распорядки, и семейную и личную жизнь крестьянина. Большая часть крестьянства пользовалась землею на общинномъ началѣ. У крестьянъ государственныхъ община была узаконеннымъ институтомъ. Земли и угодья, отведенныя каждому селенію, считались общественнымъ имуществомъ; владѣніе ими предоставлялось мірскому обществу даннаго селенія, съ платежомъ оброка безъ ограниченія времени и срока. Такъ какъ—объясняетъ при этомъ законъ—«сіи земли и угодья принадлежатъ во владѣніе не каждому крестьянину порознь, но всѣмъ вообще обывателямъ одной слободы, села и деревни, то распредѣленіе ихъ на участки по семействамъ и внутреннее оными распоряженіе принадлежитъ цѣлому мірскому обществу». Не смотря на обиліе всѣхъ регламентацій по отношенію къ быту государственныхъ крестьянъ, внутренніе поземельные распорядки предоставлялись вполнѣ крестьянскому міру,—отъ всякихъ подробныхъ, регулирующихъ указаній въ этомъ случаѣ законодательство о государственныхъ крестьянахъ

воздерживалось. У крестьянъ помѣщичьихъ, по отношенію къ землепользованію которыхъ никакихъ законодательныхъ опредѣленій не имѣлось, земельная община существовала какъ бытовой, обычный фактъ. И здѣсь, не смотря на неограниченный произволъ помѣщичьей власти, коллективная жизнь крестьянства всетаки не исчезала, и «міръ» выступалъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ какъ нѣчто цѣлое. Общинное, мірское начало проникало обычные распорядки и по отношенію къ другимъ—кромѣ землепользованія—сторонамъ крестьянской жизни и придавало своеобразную окраску всему обычному укладу этой жизни.

Свойственныя этому укладу черты первобытнаго аграрнаго коллективизма нерѣдко служили поводомъ къ значительной его идеализаціи (въ особенности со стороны старыхъ славянофиловъ, а частью—позднѣйшихъ народниковъ). Не слѣдуетъ, однако, забывать, что крестьянскіе обычаи носили на себѣ слѣды очень разнообразныхъ вліяній, подъ которыми они сложились. Не могли не отразиться на нихъ и гнетъ крѣпостной зависимости, и приниженіе личности и жестокіе нравы старой Руси. Отъ этого, рядомъ съ здоровыми элементами, рядомъ съ значительнымъ развитіемъ общественности, мы встрѣчаемся въ крестьянскомъ обычномъ укладѣ и съ обычаями жестокими и рабскими. Отъ дальнѣйшей эволюціи крестьянской жизни, по выходѣ ея изъ крѣпостного періода, отъ той обстановки, въ которой должны были складываться новыя общественныя отношенія среди освобожденнаго крестьянства, зависѣло: какія изъ существовавшихъ въ старомъ укладѣ задатковъ должны были окрѣпнуть и получить новыя формы, соотвѣтствующія измѣнившимся условіямъ соціальной среды.

IV.

Паденіе крѣпостного права должно было дать толчекъ къ перестройкѣ всѣхъ общественныхъ распорядковъ крѣпостной эпохи. Всѣ они, такъ или иначе, связаны были съ существованіемъ принудительнаго труда и личной зависимости одной части населенія отъ другой. Вслѣдъ за раскрѣпощеніемъ труда естественно должно было начаться и раскрѣпощеніе всей общественной жизни.

Освобожденіе труда отъ крѣпостныхъ цѣпей не дѣлало его еще, конечно, вполнѣ независимымъ и реально свободнымъ. И при договорныхъ отношеніяхъ фактическая зависимость одной стороны, слабѣйшей, отъ другой, обладающей экономическимъ могуществомъ, можетъ быть очень велика. Но эта зависимость иного рода, чѣмъ крѣпостное порабощеніе и труда, и личности работника. Власть денегъ безлична. Она не требуетъ тѣхъ конкретныхъ формъ подчиненности труда, которыя свойственны крѣпостному строю, гдѣ именно данные работники находятся въ зависимости отъ данныхъ владѣльцевъ, и гдѣ такая зависимость должна поддерживаться

внѣшнимъ принужденіемъ. Хозяйственные процессы, развивающіеся на почвѣ формально свободнаго труда, неизбѣжно должны вести къ распространенію того же начала формальной свободы и на другія области общественныхъ отношеній. Экономическая жизнь на этой ступени своего развитія получаетъ характеръ общей борьбы соперничающихъ интересовъ. Эта борьба требуетъ простора для проявленія хозяйственной инипіативы и самодѣятельности. Крайнее развитіе опеки надъ общественною жизнью, характеризующее крѣпостную эпоху, стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ потребностями новаго строя хозяйственныхъ отношеній, основанныхъ на свободномъ трудѣ, — неизбѣжно поэтому должны были возникнуть стремленія, направленныя къ ограниченію этой опеки и къ расширенію сферы общественной и личной самодѣятельности. Вмѣстѣ съ этимъ въ общественную жизнь должно было привзойти и новое регулирующее начало, являющееся коррелятивомъ гражданской свободы и совершенно чуждое, по крайней мѣрѣ фактически, крѣпостному строю — это именно начало *права* и *законности*. При крѣпостныхъ порядкахъ законъ неизбѣжно долженъ былъ оставаться мертвою буквою, хотя руководящее его значеніе и признавалось формально. Пока основою общественнаго строя являлась безконтрольная власть одного сословія надъ другимъ, немногихъ привилегированныхъ надъ безправною массою,—вся общественная атмосфера была слишкомъ пропитана произволомъ, чтобы могло оставаться мѣсто для сколько нибудь серьезнаго и систематическаго проведенія въ жизнь начала законности.

Измѣнившіяся условія хозяйственной и общественной жизни не могли оставить незатронутымъ и другой устой стараго строя— сословную его организацію. Новыя силы, выступающія впередъ при смѣнѣ народно-хозяйственныхъ формъ, выходятъ, обыкновенно, не изъ тѣхъ круговъ, которые стояли на вершинѣ общественной лѣстницы при старомъ порядкѣ. Существованіе сословныхъ привилегій и сословной обособленности можетъ только стѣснять развитіе ихъ дѣятельности. Съ отмѣною закрѣпощенія труда сословная организація теряла подъ собою ту реальную почву, на которой она главнымъ образомъ держалась. Новыя хозяйственныя условія требовали и новой общественной группировки, основанной на *фактическомъ* распредѣленіи экономическихъ силъ. Вмѣсто сословій выступали впередъ общественные классы. Перестройка общественной организаціи должна была неизбѣжно идти и далѣе, распространяясь и на меньшія общественныя группы, внутри отдѣльныхъ сословій. Крѣпостная эпоха почти совсѣмъ не знала свободныхъ общественныхъ союзовъ. Мы встрѣчаемъ въ этомъ періодѣ, съ одной стороны, принудительныя общественныя группы сословнаго характера, принадлежность къ которымъ зависѣла не отъ свободнаго желанія ихъ членовъ, а опредѣлялась ихъ происхожденіемъ, или обязательною для лицъ непривилеги-

рованныхъ сословій, которыя должны были «избрать себѣ родъ жизни» «приписоюо» къ тому или иному обществу, цеху или иной корпораціи; а съ другой союзы патріархальные, вродѣ большихъ крестьянскихъ семей стараго времени. Крестьянскій «міръ» съ его обычно-правовымъ укладомъ и патріархальнымъ строемъ отношеній многими своими сторонами примыкалъ къ этому послѣднему типу, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и принудительною организаціею, несущею извѣстное тягло по отношенію къ помѣщику и къ государству.

Индивидуалистическія тенденціи, развивающіяся на почвѣ мѣнового, денежнаго хозяйства, неизбѣжно должны оказывать разрушительное вліяніе на старыя союзныя организаціи, и внѣшне-принудительныя и традиціонныя. Если внутреннія или внѣшнія условія не допускали перехода этихъ организацій въ новыя формы, болѣе приспособленныя къ измѣнившимся условіямъ жизни,—онѣ должны были или распадаться или терять внутренній смыслъ и значеніе, поддерживаясь только внѣшнею связью. Но рядомъ съ этимъ разрушительнымъ процессомъ долженъ былъ идти и процессъ противоположный. Потребности въ союзной группировкѣ ощущаются очень интенсивно и при тѣхъ формахъ хозяйственнаго строя, которыя смѣнили натуральное хозяйство крѣпостной эпохи, — можетъ быть даже еще интенсивнѣе, чѣмъ въ періоды болѣе ранніе. Союзъ есть прежде всего необходимое орудіе самозащиты для слабѣйшихъ общественныхъ элементовъ въ той безпощадной борьбѣ противоположныхъ интересовъ, которая характеризуетъ эту фазу экономическаго развитія. Но этимъ же орудіемъ пользуются и болѣе сильныя общественныя группы. При развитыхъ формахъ денежнаго хозяйства вся общественная организація представляетъ собою цѣлую сѣть различныхъ союзовъ и федерацій этихъ союзовъ, начиная отъ самыхъ мелкихъ коллективныхъ единицъ, до громадныхъ коалицій, переходящихъ за предѣлы отдѣльнаго государства и принимающихъ международный характеръ. Такимъ образомъ на мѣсто индивидуальныхъ единицъ въ хозяйственной жизни опять выступаютъ впередъ цѣлыя коллективныя группы,—но группы составившіяся, такъ сказать, путемъ искусственнаго, сознательнаго подбора, въ отличіе отъ бытовыхъ или принудительныхъ союзовъ стараго періода.

Историческія условія русской жизни мало способствовали осуществленію всѣхъ намѣченныхъ тенденцій свободнаго хозяйственнаго строя. Въ первые годы послѣ освобожденія широкое обновительное движеніе охватило всѣ стороны общественной жизни, вскорѣ, однако, началось и обратное теченіе. Весь послѣдующій, переходный періодъ, который мы переживаемъ и до сихъ поръ, наполненъ этою борьбою новаго со старымъ. И никакъ нельзя сказать, чтобы въ результатѣ такой борьбы оказывалось хотя бы и медленное, но постоянное и неуклонное поступательное движеніе, ведущее къ закрѣпленію и развитію новыхъ, пореформенныхъ обще-

ственныхъ началъ. Старые порядки сохранили еще за собою многія, очень крѣпкія и очень важныя позиціи и нерѣдко на протяженіи послѣднихъ десятилѣтій давали общій тонъ и общую окраску всему теченію нашей соціальной жизни. Такимъ образомъ та внѣшняя оболочка, подъ которою формировались новыя хозяйственныя отношенія, въ значительной мѣрѣ осталась старая. Отъ этого самый процессъ перестройки хозяйственной структуры общества долженъ былъ принять болѣзненныя формы, отражаясь на слабѣйшихъ общественныхъ группахъ болѣе своею разрушительною, чѣмъ созидательною стороною. Всего тяжелѣе оказывалось положеніе крестьянской массы. Изъ всѣхъ общественныхъ группъ крестьянство оказалось наименѣе раскрѣпощенною и потому наименѣе приспособленною къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ и наиболѣе беззащитною въ той всеобщей экономической борьбѣ, которою характеризуется періодъ мѣнового, денежнаго хозяйства, смѣнившій собою натуральный хозяйственный строй крѣпостной эпохи.

Правовое положеніе освобожденнаго крестьянства и распорядки общественной его жизни въ пореформенный періодъ опредѣлены были, въ главныхъ своихъ чертахъ, «Положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», 19 февраля 1861 года. Этотъ законодательный актъ не во всѣхъ своихъ частяхъ носилъ однородный характеръ, отражая на себѣ слѣды разныхъ теченій, подъ вліяніемъ которыхъ складывалось дѣло реформы. Благодаря этому, извѣстная часть наслѣдія крѣпостной эпохи осталась и въ пореформенномъ строѣ. Позднѣйшій ходъ законодательства и административной практики въ крестьянскомъ дѣлѣ отнюдь не способствовалъ ликвидаціи этого наслѣдія и не уничтожилъ той двойственности, которая обнаруживалась въ законодательныхъ опредѣленіяхъ «Положенія» 19 февраля.

Реформа 19 февраля дала всѣмъ крестьянамъ права «свободныхъ сельскихъ обывателей» и уничтожила личную зависимость отъ владѣльцевъ и гражданское безправіе помѣщичьихъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянамъ предоставлена была и значительная доля самостоятельности въ управленіи своими внутренними, общественными дѣлами. Завѣдываніе этими дѣлами въ каждомъ сельскомъ обществѣ и въ каждой волости—въ которыя группировались сельскія общества—находилось въ рукахъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ (въ составѣ всѣхъ домохозяевъ въ сельскомъ обществѣ и выборныхъ отъ каждаго общества на сходахъ волостныхъ) и въ рукахъ поставленныхъ этими сходами должностныхъ лицъ. Въ каждой волости учреждался особый крестьянскій судъ, тоже изъ выборныхъ судей. Компетенція крестьянскихъ общественныхъ учрежденій—въ дѣлахъ касающихся внутреннихъ распорядковъ крестьянскаго міра—намѣчена была очень широко. Для значительнаго круга этихъ дѣлъ рѣшенія сельскихъ и волостныхъ учрежденій были окончательными и не допускали пересмотра по существу. Изъ

числа выборныхъ должностныхъ лицъ крестьянскихъ общественныхъ учрежденій только для волостного старшины требовалось утвержденіе со стороны администраціи.

Напуганному воображенію представителей крѣпостнической реакціи эти общественные распорядки освобожденнаго крестьянства, распространенные вслѣдъ затѣмъ и на остальныя группы крестьянскаго населенія—рисовались даже какъ установленія среди бывшаго крѣпостного населенія «десяти тысячъ какихъ-то республикъ, съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи», — республикъ, въ которыхъ предоставленное членамъ волости право публичнаго обвиненія своихъ выборныхъ должно было поддерживать и развивать «коллективную оппозицію противъ должностныхъ лицъ» *).

Дѣйствительность, конечно, была слишкомъ далека отъ этихъ фантасмагорій. На самомъ дѣлѣ волостныя и сельскія «республики» сохранили въ себѣ очень много чертъ, перенесенныхъ изъ стараго крѣпостного строя, не отошедшаго цѣликомъ въ область прошлаго и послѣ эмансипаціи.

Крестьяне и въ пореформенную эпоху оставались особымъ «родомъ людей» въ государствѣ, составляя отрозненную отъ остального населенія сословную группу, неравноправную съ другими сословіями, живущую подъ особыми правовыми нормами и не пользующуюся въ равной съ ними мѣрѣ защитою общаго закона и общаго суда. Крестьянскимъ общественнымъ учрежденіямъ предоставлена была, правда, значительная доля власти внутри крестьянскаго міра, въ кругѣ дѣлъ, касающихся взаимныхъ отношеній членовъ этого міра между собою и ихъ обязанностей по отношенію къ цѣлому обществу. Но ихъ независимость и самостоятельность прекращалась за чертою этого міра. Крестьянское общественное управленіе подчинено было спеціально поставленному надъ нимъ надзору, организованному по «Положенію» 19 февраля на началахъ сословно-бюрократическихъ. Мировые посредники, ближайшіе органы этого надзора, вооружены были дискреціонною дисциплинарною властью надъ должностными лицами крестьянскаго управленія. Волостные старшины и сельскіе старосты должны были исполнять также и полицейскія обязанности, становясь, такимъ образомъ, въ подчиненіе органамъ полиціи въ уѣздѣ. Наконецъ, за крестьянскими общественными союзами сохранился и старый тяглый характеръ по отношенію къ государству, — а до конца «временно-обязанныхъ» отношеній, т. е. до выкупа надѣла, и по отно-

*) Мнѣніе 36 членовъ редакціонныхъ коммиссій второго призыва, напечатанное въ XII части „Матеріаловъ" редакц. коммиссіи. Цитируемъ по книгѣ Н. П. Дружинина „Юридическое положеніе крестьянъ", 1897 г. стр. 56.

шенію къ помѣщику. Всѣ казенныя, земскія и мірскія повинности должны были отбываться крестьянами каждаго общества за круговою порукою всего общества, безразлично къ тому въ общинномъ или въ подворномъ владѣніи находилась отведенная въ надѣлъ обществу земля. Это фискальное тягло, наложенное на крестьянскія общественныя группы, въ значительной степени обусловливало и предоставленное имъ право самоуправленія. Но оно не могло не придавать и особаго оттѣнка этому самоуправленію. Фискъ находилъ болѣе удобнымъ ставить свои требованія не отдѣльнымъ лицамъ, а коллективной единицѣ, цѣлому обществу, которому затѣмъ предоставлялось вѣдаться, какъ знаетъ, со своими членами. Коллективная отвѣтственность цѣлой группы и лучше обезпечивала исправное отбываніе всякаго рода повинностей, наложенныхъ на крестьянство, и избавляла вѣдающія этими повинностями административныя учрежденія отъ большой и не всегда для нихъ посильной работы. Эта работа перелагалась на крестьянскій міръ и его выборныя учрежденія. Съ другой стороны, эти учрежденія облекались и властью, необходимою для выполненія фискальныхъ обязанностей, на нихъ возложенныхъ.

Таковы были основныя начала общественныхъ крестьянскихъ порядковъ, созданныхъ «Положеніемъ» 19 февраля. Многое въ нихъ носило временный и переходный характеръ. Окончательную форму должно было дать имъ дальнѣйшее развитіе нашей общественной и государственной жизни въ пореформенный періодъ.

V.

Рѣзкія различія между высшими, «привилегированными» и низшимъ «податнымъ» сословіями, существовавшія въ ту эпоху, когда создавалось «Положеніе» 19 февраля и отразившіяся и въ постановленіяхъ этого законодательнаго акта — были въ извѣстной мѣрѣ сглажены послѣдующимъ законодательствомъ. Положеніе о всеобщей воинской повинности уничтожило разницу между лицами обязанными и необязанными рекрутскою повинностью. Личная подушная подать отмѣнена была сначала для непривилегированныхъ группъ городскихъ обывателей, а затѣмъ,—въ восьмидесятыхъ годахъ — и для крестьянъ (кромѣ нѣсколькихъ окраинныхъ мѣстностей). Еще ранѣе, законъ 17 апрѣля 1863 г. изгналъ изъ уголовнаго уложенія плети и розги, какъ особые виды уголовныхъ каръ для сословій, «неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній»; остатки тѣлесныхъ наказаній сохранились для всѣхъ «не изъятыхъ» отъ нихъ категорій лицъ только въ формѣ наложенія оковъ и бритья половины головы (для арестантовъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія).

Но не смотря на эти и многія другія узаконенія, направленныя къ смягченію сословной неравноправности между различными

категоріями россійскихъ обывателей, неравноправность эта далеко не исчезла и понынѣ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о правовомъ положеніи крестьянскаго сословія.

И послѣ отмѣны личныхъ податей крестьянство представляетъ собою сословіе податное, такъ сказать, по преимуществу. Фискальная точка зрѣнія до сихъ поръ еще замѣтно господствуетъ въ законодательныхъ опредѣленіяхъ, относящихся къ крестьянскому быту. Отсюда усиленныя заботы объ обезпеченіи исправнаго отбыванія наложеннаго на крестьянство податного тягла. Отсюда-же и многообразныя ограниченія въ правѣ свободнаго распоряженія своею личностью и своимъ имуществомъ, существующія исключительно для крестьянства. Возлагая на сельскія общества круговую отвѣтственность за податную исправность ихъ членовъ, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ вооружилъ ихъ и особыми правами для достиженія такой исправности. Сельскому сходу предоставляется не только распредѣленіе между членами общества всѣхъ податей и повинностей,—а въ обществахъ съ мірскимъ пользованіемъ землею и земельныхъ надѣловъ,—но и право надзора и вмѣшательства въ хозяйственную и личную жизнь крестьянина, если отъ оказывающихся въ ней «непорядковъ» можетъ пострадать исправное отбываніе податного тягла. И въ правѣ свободнаго передвиженія, и въ правѣ выбора мѣстожительства и оставленія того общества, къ которому они приписаны, крестьяне подчинены извѣстнымъ ограниченіямъ, вытекающимъ изъ ихъ податныхъ обязанностей и отвѣтственности общества за выполненіе этихъ обязанностей.

По отношенію къ неисправнымъ плательщикамъ законъ допускаетъ очень суровыя мѣры. Взысканіе можетъ быть обращено не только на имущество недоимщика, движимое и недвижимое (причемъ не можетъ быть отобрана только выкупленная крестьяниномъ усадьба), но и на его личность. Сельское общество можетъ «отдать самого недоимщика, или кого-либо изъ членовъ его семейства въ сторонніе заработки въ томъ же уѣздѣ или въ сосѣдственномъ уѣздѣ, съ условіемъ—выработанныя деньги обратить въ мірскую кассу». Такіе неисправные плательщики, «кои не платятъ повинностей по упорству, нерадѣнію или распутству» могутъ отсылаться въ заработки даже въ другія губерніи. Сельскій сходъ можетъ «опредѣлить къ недоимщику опекуна, безъ разрѣшенія котораго не дозволяется неисправному хозяину отчуждать что либо отъ его имущества или доходовъ до пополненія недоимки»; онъ можетъ также «вмѣсто неисправнаго хозяина *назначить старшимъ въ домъ* другого члена той же семьи» (ст. 188 общ. полож.).

Право вмѣшательства общества въ семейную жизнь своихъ сочленовъ не ограничивается только такими случаями, когда податная и хозяйственная ихъ неисправность уже обнаружилась, въ видѣ накопленія недоимки. Это вмѣшательство можетъ имѣть цѣлью

и предупрежденіе такой неисправности. Сельскій сходъ можетъ принудить жить вмѣстѣ и сообща вести свое хозяйство членовъ семьи, желающихъ раздѣлиться между собою. Ст. 51 общ. полож. о кр. выш. изъ крѣп. зависим. (п. 5-й) къ числу предметовъ вѣдѣнія сельскаго схода относитъ и «разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ». Такую регламентацію семейныхъ крестьянскихъ отношеній нѣсколько трудно согласить съ разъясненіемъ 21 ст. «Положенія» о томъ, что «на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространены общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ». Можно было думать, поэтому, что сказанное существенное изъятіе изъ этихъ общихъ постановленій имѣетъ характеръ только временной, переходной мѣры. На самомъ дѣлѣ, однако, позднѣйшимъ законодательствомъ оно было подтверждено и развито еще далѣе. Въ 1886 г. (18 марта) изданы были особыя «правила о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ существуетъ общинное пользованіе мірскою полевою землею»,—имѣвшіе цѣлью *ограничить* право сельскихъ сходовъ на разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ. Эти правила ставятъ необходимымъ условіемъ для такого разрѣшенія согласіе на раздѣлъ со стороны родителя или старшаго члена семьи, желающей раздѣлиться. Только въ случаяхъ, когда поводомъ къ раздѣлу «служатъ расточительность или безнравственное поведеніе домохозяина»—сходъ можетъ входить въ обсужденіе по существу заявленій о раздѣлахъ и при отсутствіи упомянутаго согласія большака семьи (ст. 2). При разсмотрѣніи заявленій о раздѣлахъ, сходъ обязанъ выяснить: «1) существуетъ ли основательный поводъ къ раздѣленію семьи; 2) способны ли образующіяся семейства къ самостоятельному веденію хозяйства; 3) достаточны ли принадлежащіе имъ усадебные участки для устройства на нихъ усадьбъ съ соблюденіемъ требованій строительнаго устава, а въ случаѣ неимѣнія такихъ участковъ—представляется ли возможнымъ отвести ихъ изъ мірской усадебной земли и 4) будетъ ли, въ случаѣ допущенія надѣла, обезпечено исправное поступленіе числящихся на семьѣ недоимокъ и текущихъ окладовъ по податямъ, повинностямъ и другимъ казеннымъ взысканіямъ» (ст. 3). При отсутствіи одного изъ этихъ условій, сходъ долженъ отказать въ дозволеніи раздѣла (ст. 4). Для постановленія приговора о разрѣшеніи раздѣла необходимо большинство $^2/_3$ голосовъ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать на сходѣ (ст. 7) Постановленія по дѣламъ о раздѣлахъ, какъ и всѣ вообще постановленія сельскихъ сходовъ, въ общемъ правилѣ, окончательны; обжалованіе ихъ по существу допускается только въ такихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о раздѣлахъ помимо согласія родителя или помимо согласія старшаго члена семьи; причемъ въ первомъ случаѣ (въ дѣлахъ дѣтей съ родителями) можетъ жаловаться только родитель при постановленіи приговора, несоот-

вѣтственнаго его желанію, а во второмъ—при столкновеніи между старшимъ и остальными членами семьи — обѣ заинтересованныя стороны.

Какъ показываютъ свѣдѣнія, собранныя хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ и опубликованныя въ изданномъ въ прошломъ году «Сводѣ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ»,—суровая регламентація закона 18 марта 1886 г. не въ силахъ была остановить того процесса распаденія патріархальныхъ семей стараго времени, который составляетъ всеобщее и постоянное явленіе въ пореформенную эпоху. Рядомъ съ сокращеніемъ числа раздѣловъ, разрѣшенныхъ сходомъ, въ мѣстностяхъ, на которыя распространено дѣйствіе закона 1886 г., прогрессивно умножились такъ называемые «самовольные раздѣлы». Но если такимъ образомъ оказалась недостигнутою та цѣль, которая преслѣдовалась при изданіи закона о семейныхъ раздѣлахъ, это не значитъ еще, чтобы тѣ стѣсненія, которыя имъ налагаются, оказывались отъ этого менѣе ощутительными или менѣе тяжелыми. «Правила» 1886 г. рѣзко выдвигали впередъ и подчеркивали взглядъ на крестьянскую семью, какъ на единицу по преимуществу тяглую. Добрая воля членовъ семьи, ихъ взаимныя симпатіи и склонности— все это отодвигалось при рѣшеніи семейныхъ вопросовъ на задній планъ предъ соображеніями фискальными и хозяйственными. Сельскіе сходы, слѣдуя буквѣ закона 1886 г., должны были удерживать крестьянскія семьи въ принудительномъ сожитіи, не взирая на нежеланіе ихъ членовъ продолжать это сожитіе и на существованіе вполнѣ законныхъ мотивовъ для этого нежеланія,—разъ при раздѣленіи семьи оказывалось не обезпеченнымъ «исправное поступленіе числящихся на семьѣ недоимокъ и текущихъ окладовъ» податей и повинностей. Даже явная и доказанная порочность главы семьи, сама по себѣ,безъ наличности остальныхъ, установленныхъ закономъ условій для разрѣшенія раздѣла, не могла служить рѣшающимъ обстоятельствомъ для раздѣленія семьи. И въ такихъ случаяхъ сходъ могъ обязать семью продолжать нравственно для нея невозможное сожитіе и совмѣстное хозяйничанье. Опытъ показалъ, что осуществить такое принужденіе въ дѣйствительности гораздо труднѣе, чѣмъ постановить соотвѣтственное рѣшеніе. Но уже одно созданіе, въ результатѣ попытокъ примѣненія закона 1886 года, цѣлой новой категоріи внѣлегальныхъ крестьянскихъ семейныхъ единицъ—«самовольно» раздѣлившихся семей—не могло не внести новаго и очень крупнаго замѣшательства во внутреннія отношенія крестьянскаго міра, и безъ того полныя всякими замѣшательствами *).

*) Одною изъ многочисленныхъ иллюстрацій того неудобнаго положенія, въ которое попадаютъ нерѣдко семьи, существованіе которыхъ не

Неравноправность крестьянъ съ остальными сословіями остается до сихъ поръ и въ области суда.

«Положеніе» 19 февраля не признало возможнымъ подчинить крестьянскія частно-правовыя отношенія всецѣло юрисдикціи общаго суда. На это были двойныя причины. Во 1-хъ, дореформенный судъ самъ доживалъ въ то время послѣдніе дни, во 2-хъ, обычныя правовыя нормы, господствовавшія въ крестьянской жизни, слишкомъ рѣзко отличались во многихъ случаяхъ отъ постановленій писаннаго закона. Хранителемъ этого неписаннаго обычнаго права «Положеніе» 19 февраля и сдѣлало вновь образованный крестьянскій волостной судъ, назначаемый, по выбору, волостнымъ сходомъ каждой волости. Волостному суду предоставлено было рѣшать окончательно всѣ дѣла по искамъ и тяжбамъ собственно между крестьянами на сумму до 100 р.; споры, превышающіе эту сумму, подлежали разсмотрѣнію волостного суда только при добровольномъ на то согласіи тяжущихся сторонъ. Юрисдикція волостныхъ судовъ распространялась не только на гражданскіе споры, но на нѣкоторыя категоріи дѣлъ уголовныхъ. Предѣлы подсудности здѣсь были опредѣлены очень эластично. Ст. 101 общ. полож. подчиняла вѣдѣнію волостного суда дѣла о «маловажныхъ» проступкахъ крестьянъ, совершонныхъ «въ предѣлахъ волости, противъ лицъ принадлежащихъ къ тому же состоянію и безъ участія лицъ другихъ состояній». Болѣе точнаго указанія о томъ, какіе именно виды нарушенія должны считаться «маловажными проступками» законъ не дѣлалъ Каждый волостной судъ могъ толковать это по своему и такимъ образомъ въ значительной мѣрѣ самъ опредѣлялъ границы своей подсудности.

Производство въ волостныхъ судахъ изъято было отъ всякихъ обязательныхъ формальностей. Судьи руководствовались совѣстью и «народнымъ обычаемъ». Всѣ рѣшенія и приговоры волостного суда признавались окончательными. По первоначальнымъ опредѣленіямъ «По-

---

легализировано соотвѣтствующимъ разрѣшеніемъ сельскаго схода, можетъ служить, между прочимъ, слѣдующій случай, недавно разсказанный провинціальною прессой. Въ Нижегородской губ. есть большое село Доскино. Село это выгорѣло и послѣ пожара должно было перестроиваться вновь, «по плану»; домохозяевамъ пришлось брать жеребья на новыя усадебныя мѣста. При этомъ и возникъ вопросъ о семьяхъ, существующихъ de facto, но игнорируемыхъ de jure, какъ самовольно отдѣлившіяся. Земскій начальникъ заявилъ, что на самовольно раздѣлившіяся семьи—по смыслу инструкціи, изданной въ развитіе закона 1886 г.,—должно отводиться по одному жеребью, хотя бы ранѣе того онѣ и жили порознь, двумя домами. Такъ крестьяне и поступили, хотя вслѣдствіе этого пришлось сгонять вмѣстѣ давно уже разошедшихся членовъ бывшихъ семей. Выполнялось это съ такимъ усердіемъ, что даже и такія семьи, которыя подѣлились «самовольно» много ранѣе изданія самаго закона 1886 г., не избѣжали общей участи. Жалобы потерпѣвшихъ проходили чрезъ всѣ инстанціи мѣстнаго крестьянскаго управленія, но остались безрезультатными (см. „Нижегородскій Листокъ", 1898, № 291).

ложенія» 19 февраля на нихъ вовсе не допускались жалобы ни въ какомъ порядкѣ. Только 5 лѣтъ спустя правило это подвергнуто было нѣкоторому ограниченію и, по закону 14 февр. 1866 г., разрѣшено было приносить просьбы объ отмѣнѣ незаконныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ въ мѣстный съѣздъ мировыхъ посредниковъ, который, однако, при разсмотрѣніи этихъ жалобъ долженъ былъ ограничиваться лишь разрѣшеніемъ вопроса о томъ, не нарушены ли волостнымъ судомъ предѣлы предоставленной ему власти и не постановлено ли по дѣлу рѣшеніе безъ вызова участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Самое существо рѣшенія ни въ какомъ случаѣ не подлежало пересмотру.

Для волостного суда были какъ бы совсѣмъ необязательны опредѣленія закона ни съ формальной, ни съ матеріальной ихъ стороны, т. е. ни по отношенію къ самой судебной процедурѣ, ни по отношенію къ существу постановляемыхъ рѣшеній. Внутренняя, не писанная правда народной жизни, которая воплощалась въ народномъ обычаѣ, должна была обезпечивать правосудіе. Но, каково бы ни было значеніе обычныхъ нормъ при старомъ дореформенномъ укладѣ народной жизни, оно не могло сохраниться въ той же силѣ и при совершенно иномъ строѣ отношеній, въ который вступила соціальная жизнь страны. «Народный обычай», не оформленный, не имѣющій за собою иной санкціи, кромѣ общаго признанія, являлся очень мало пригоднымъ регуляторомъ въ ту эпоху, когда шла ломка старыхъ патріархальныхъ устоевъ крестьянской жизни, когда совершался процессъ разслоенія крестьянскаго міра и образованія новыхъ формацій въ жизни деревни. Связанное тысячью нитей съ общимъ хозяйственнымъ оборотомъ страны, крестьянство нуждалось и въ общихъ со всѣми группами населенія гарантіяхъ закона *).

Позднѣйшее законодательство о крестьянахъ не устранило юридической обособленности крестьянства отъ другихъ сословій. «Временныя правила о волостномъ судѣ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ» 12 іюня 1889 г. значительно расширивъ компетенцію волостного суда и въ гражданской, и въ уголовной сферѣ, не приблизили его къ типу учрежденій, дѣйствующихъ по закону. Правила эти дали сторонамъ право обжалованія по существу рѣшеній волостного суда,—но апелляціонною инстанціею поставленъ былъ не общій судъ, а административное учрежденіе — уѣздный съѣздъ земскихъ начальниковъ. Главною, существенною чертою измѣненій, внесенныхъ въ крестьянскіе судебные порядки «Временными правилами», являлось усиленіе административнаго вліянія на крестьянскую юстицію со стороны земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ этихъ начальниковъ. Крестьянскій судъ по прежнему остался отрозненнымъ отъ общей судебной организаціи; только теперь къ обычнымъ нормамъ, замѣ-

*) «Р. Б.», 1897. № 3, Хроника внутр. жизни, 189.

нявшимъ въ крестьянскомъ правосудіи опредѣленія формальнаго закона, присоединилось еще, въ качествѣ регулирующаго начала, административное усмотрѣніе органовъ спеціальнаго надзора надъ крестьянскими учрежденіями.

Въ связи съ особымъ судомъ для крестьянъ существуютъ и особые виды наказаній. Крестьянское сословіе до сихъ поръ еще не изъято отъ *тѣлесныхъ наказаній*, налагаемыхъ по суду, за «маловажные проступки». Въ лѣстницѣ тѣхъ взысканій, которыя могутъ быть опредѣляемы волостными судами, значится наказаніе розгами, до 20 ударовъ. Въ первоначальныхъ постановленіяхъ о волостномъ судѣ (примѣняемыхъ и нынѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ не введено въ дѣйствіе положеніе о земскихъ начальникахъ) не заключалось при этомъ почти никакихъ указаній о томъ, за какіе именно изъ «маловажныхъ проступковъ» могло опредѣляться это наказаніе. Назначеніе мѣры наказанія за каждый проступокъ предоставлялось усмотрѣнію самого суда. Въ законѣ сдѣлана была только общая ссылка о томъ, что «до изданія общаго сельскаго устава» волостные судьи должны примѣняться къ правиламъ, установленнымъ сельскимъ уставомъ для госуд. крестьянъ. Но руководство этимъ уставомъ «въ точности» не было обязательно для волостныхъ судовъ, а отсутствіе права обжалованія постановляемыхъ этими судами приговоровъ дѣлало довольно призрачнымъ значеніе всякихъ регулирующихъ ихъ дѣятельность указаній. «Временныя правила» 1889 года вводятъ въ нѣкоторыя рамки право примѣненія тѣлеснаго наказанія волостными судами, оставляя, однако, для него еще очень широкое поле. Въ «Правилахъ» помѣщенъ длинный перечень случаевъ, въ которыхъ волостными судами можетъ быть назначено наказаніе розгами.

Мы встрѣчаемъ здѣсь и преступленія, такъ сказать, спеціально крестьянскія, каковы, напр., «мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство» (по отношенію ко всѣмъ остальнымъ обывателямъ законъ—ст. 153 уст. о пред. и прес. преступл. — ограничивается лаконическимъ предписаніемъ: «запрещается всѣмъ и каждому пьянство»,—сѣченіе розгами пьянствующихъ или расточительныхъ отцовъ семей составляетъ privillegium odiosum одного крестьянства, и нарушенія гражданскихъ договоровъ о наймѣ на сельскія работы, и цѣлый рядъ проступковъ общаго характера, предусмотрѣнныхъ уставомъ о наказ., налаг. мировыми судьями, за которые, въ большинствѣ случаевъ по уставу этому назначаются—для обыкновенныхъ обывателей — довольно легкія относительно взысканія. Наконецъ, къ тѣлеснымъ наказаніямъ за всякіе проступки могутъ приговариваться рецидивисты, уже подвергавшіеся аресту, и лица, совершившія нѣсколько проступковъ, каждый изъ которыхъ карается по закону взысканіемъ не ниже ареста. Въ общемъ кругъ такихъ случаевъ, въ которыхъ волостнымъ судомъ разрѣшено примѣненіе тѣлеснаго наказанія, намѣченъ «временными правилами» такъ

широко, что постановленія этихъ правилъ въ данномъ отношеніи только весьма условно могутъ быть названы ограничительными. Съ другой стороны, подчиненіе юрисдикціи преобразованныхъ волостныхъ судовъ, кромѣ крестьянъ, также и имѣющихъ постоянное жительство въ селеніяхъ мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, неизбѣжно распространяло область примѣненія розги еще на нѣсколько категорій обывателей, по отношенію къ которымъ эта карательная мѣра не практиковалась со времени отмѣны, въ 1863 году, тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ общихъ судовъ.

Мы ограничимся приведенными фактическими данными. Полагаемъ, ихъ совершенно достаточно, чтобы видѣть, что и законодательство, слѣдовавшее за «Положеніемъ» 19 февраля, далеко не устранило того рѣзкаго правового неравенства между крестьянствомъ и остальными сословіями, какое существовало въ моментъ эмансипаціи. И нынѣ несомнѣнно крестьяне все еще являются низшимъ изъ тѣхъ четырехъ «главныхъ родовъ людей», на которые дѣлятся всѣ русскіе обыватели. Посмотримъ теперь, какую эволюцію испытали въ пореформенный періодъ порядки общественнаго крестьянскаго устройства *).

VI.

«Положеніе» 19 февраля предоставляло, какъ мы уже видѣли, широкую автономію крестьянскимъ общественнымъ учрежденіямъ въ завѣдываніи общественными крестьянскими дѣлами. Но кромѣ этихъ дѣлъ, на крестьянскія учрежденія возложены были и нѣкоторыя обязанности по общему управленію, главнымъ образомъ фискальныя и полицейскія. Волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ законъ вмѣнялъ въ обязанность «исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, мѣстной полиціи всѣхъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства» (ст. 85 общ. полож.). Эти полицейскія обязанности выборныхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія неизбѣжно ставили ихъ въ зависимость отъ мѣстной администраціи, зависимость постоянно возроставшую, по мѣрѣ того какъ расширялись служебныя функціи волостного управленія, какъ низшей административной инстанціи всѣхъ вѣдомствъ. Мало по малу это служебное тягло почти совсѣмъ заслонило и затерло первоначальный характеръ сельскихъ и волостныхъ учрежденій, какъ органовъ крестьянскаго общественнаго самоуправленія по преимуществу. Но и въ этомъ своемъ послѣднемъ качествѣ крестьянскія общественныя учрежденія не были оставлены безъ надзора, порученнаго особымъ правительственнымъ органамъ, по отношенію къ которымъ вы-

*) Подробнѣе объ этомъ см. „Р. Б.“, 1897, № 3, Хроника внутренней жизни („Пересмотръ положенія о крестьянахъ“), стр. 180 и сл.

борныя крестьянскія власти,—полновластныя внутри крестьянскаго міра, стояли въ положеніи подчиненномъ и зависимомъ. Эта зависимость съ теченіемъ времени не уменьшалась, а возростала. Послѣдняя реформа 12 іюня 1889 г. подчинила контролю органовъ сословно-административнаго надзора не только дѣятельность крестьянскихъ должностныхъ лицъ, но и всѣ постановленія крестьянскихъ сходовъ и рѣшенія крестьянскихъ судовъ.

Постепенное наростаніе подчиненности крестьянскаго общественнаго управленія шло такимъ образомъ двумя путями—непосредственнымъ усиленіемъ власти органовъ спеціальнаго надзора надъ этимъ управленіемъ и путемъ усиленія служебныхъ обязанностей крестьянскихъ учрежденій, ставящихъ ихъ въ зависимость отъ мѣстной полиціи и администраціи.

Въ первые годы послѣ изданія «Положенія» 19 февраля непосредственный надзоръ за дѣятельностью крестьянскихъ общественныхъ учрежденій принадлежалъ мировымъ посредникамъ,—чиновникамъ, назначаемымъ губернаторомъ изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ. Мировые посредники облечены были дискреціонною властью подвергать должностныхъ лицъ сельскаго и общественнаго управленія взысканіямъ, въ формѣ замѣчаній, выговоровъ, денежныхъ штрафовъ до 50 руб. или аресту до 7 дней. Эта дисциплинарная власть составляла въ ихъ рукахъ сильное оружіе для воздѣйствія на крестьянскія выборныя установленія. Правомъ штрафовать по усмотрѣнію крестьянъ, не состоящихъ должностными лицами, мировые посредники не пользовались, но это право принадлежало подчиненнымъ имъ сельскимъ и волостнымъ начальствамъ. Ст. 64 общ. полож. предоставляла сельскому старостѣ право «за маловажные проступки, совершенные лицами, ему подвѣдомственными, подвергать виновныхъ: назначенію на общественныя работы до 2 дней, или денежному, въ пользу мѣстныхъ суммъ, взысканію до 1 рубля или аресту не долѣе 2 дней». Такое же право, по отношенію ко всѣмъ крестьянамъ волости, принадлежало волостному старшинѣ.

Въ 1874 году институтъ мировыхъ посредниковъ былъ упраздненъ. Надзоръ надъ крестьянскимъ управленіямъ перешелъ въ руки коллегіальныхъ крестьянскихъ присутствій, образованныхъ въ каждомъ уѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, въ составѣ непремѣннаго члена, уѣзднаго исправника, предсѣдателя уѣздной земской управы и одного изъ мировыхъ судей. Изъ числа членовъ уѣздныхъ присутствій особою властью облечены были уѣздные исправники. Къ нимъ перешло право налагать дисциплинарныя взысканія на волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ,—въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ оно принадлежало прежде мировымъ посредникамъ,—за нарушеніе этими должностными лицами обязанностей своихъ «по дѣламъ, подвѣдомыхъ уѣздному исправнику», т. е. податнымъ и полицейскимъ. Періодъ дѣйствія

положенія объ уѣздномъ и губернскомъ крестьянскомъ учрежденіяхъ 1874 г. является періодомъ преимущественнаго усиленія фискальныхъ обязанностей крестьянскаго общественнаго управленія и рѣшительнаго подчиненія этого управленія полицейскимъ властямъ.

Какъ широко воспользовались уѣздные исправники предоставленною имъ дисциплинарною властью, можно судить отчасти по слѣдующимъ, взятымъ нами на выдержку даннымъ, основаннымъ на оффиціальныхъ матеріалахъ. «Въ Симбирской губерніи,—читаемъ мы въ изслѣдованіи г. Бржескаго «Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ» *)—числится 151 волостныхъ старшинъ и 2.239 сельскихъ старостъ; въ 1894 году число административныхъ взысканій достигаетъ въ отношеніи старшинъ 281 и въ отношеніи старостъ 970.» По показанію вятскаго губернскаго совѣщанія, помѣщенному въ «Сводѣ заключеній губ. совѣщаній по вопросамъ, относящ. къ пересмотру законод. о крестьянахъ», изданномъ земскимъ отдѣломъ м. в. д. (подъ № 655)—«во многихъ волостяхъ, особенно бѣдныхъ и недоимочныхъ, старшина почти не выходитъ изъ подъ ареста». «Озабоченные исключительно безнедоимочнымъ сборомъ повинностей,—говоритъ пермское совѣщаніе **),—чины полиціи, упуская изъ виду другія, не менѣе важныя обязанности, возложенныя на старшинъ и старостъ, требовали, чтобы они сосредоточивали все свое вниманіе на возможно быстромъ сборѣ повинностей». Старшины и старосты отправлялись подъ арестъ цѣлыми десятками. «Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существовалъ даже такой порядокъ, что, находя усилія должностныхъ лицъ по взысканію податей недостаточно энергичными, становые пристава при рапортѣ отправляли волостныхъ старшинъ въ полицейское управленіе, не дожидаясь распоряженія исправника. Бывали даже случаи отправки волостныхъ старшинъ подъ арестъ, въ городъ, этапнымъ порядкомъ».

Это одностороннее усиленіе полицейскаго и фискальнаго элемента въ строѣ крестьянскаго управленія не могло не отразиться на общемъ характерѣ дѣятельности общественныхъ крестьянскихъ учрежденій и на уровнѣ нравственныхъ качествъ ихъ личнаго состава. «Изъ органовъ, поставленныхъ на стражѣ интересовъ крестьянскаго самоуправленія, сельскія власти обратились въ зависимыхъ отъ полиціи взыскателей податей, энергія которыхъ находится въ прямой зависимости отъ воздѣйствія полицейскаго начальства» ***).

Въ зависимости отъ понизавшагося уровня крестьянскихъ должностныхъ лицъ, рѣзко выступили наружу разныя темныя стороны крестьянской общественной жизни, настоятельно выдвинувшія впередъ вопросъ о необходимости преобразованія крестьянскаго управленія.

---

*) Стр. 249.
**) См. тамъ-же № 672.
***) Бржескій, Недоимочность и кругов. порука сел. обществъ, Спб. 1897, 249.

Преобразованіе это осуществилось въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Измѣненія, внесенныя имъ въ строй крестьянской общественной жизни, шли въ направленіи усиленія опеки надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ и ограниченія его самостоятельности. При этомъ такая опека получала сословный характеръ. «Главное ядро реформы 1889 г. составляло созданіе на мѣстахъ сильной власти, вооруженной широкими полномочіями по отношенію къ надзору за крестьянскими общественными учрежденіями и за всѣмъ ходомъ крестьянской общественной жизни. Этою властью явились земскіе начальники. Съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ возстановлено было начало *единоличнаго* надзора, который совмѣщали въ себѣ мировые посредники, но только полномочія земскихъ начальниковъ гораздо обширнѣе: это органы не надзора только, но и непосредственной опеки надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, остающимся таковымъ только по названію, а не по сущности дѣла, уже совершенно исчезнувшей» *).

На земскаго начальника законъ возлагаетъ «попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ ввѣреннаго ему участка». Всѣ приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ обязательно проходятъ чрезъ контроль земскаго начальника; земскій начальникъ можетъ пріостановить исполненіе всякаго приговора и представить его со своимъ заключеніемъ въ уѣздный съѣздъ. Послѣдній облеченъ правомъ отмѣнить такой приговоръ, который «постановленъ не согласно съ законами, либо клонится къ явному ущербу сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ или причисленныхъ къ волости лицъ»,—тогда какъ бывшіе мировые посредники и замѣнившія ихъ учрежденія были блюстителями только *формальной* правильности общественныхъ приговоровъ.

Вмѣстѣ съ административными функціями земскій начальникъ совмѣщаетъ и судебныя. Чрезъ четверть вѣка послѣ изданія судебныхъ уставовъ 1864 г., въ низшей первой инстанціи общаго суда снова возстановляется такимъ образомъ то соединеніе административной и судебной власти, которое составляло общее правило въ дореформенную эпоху и устраненіе котораго являлось однимъ изъ основныхъ положеній судебной реформы. Спеціально по отношенія къ крестьянству судебная власть земскаго начальника проявляется какъ непосредственно, такъ и чрезъ волостной судъ, который поставленъ правилами 12 іюня 1889 года въ полную отъ него зависимость.

Земскій начальникъ пользуется широкою властью наложенія взысканій и внѣ суда, въ административномъ порядкѣ. Онъ можетъ подвергать должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія замѣчаніямъ и выговорамъ, денежному

*) „Русск. Бог“., 1897, № 3, Хрон. внутр. жизни, 194

штрафу до 50 р. или аресту до 7 дней; помимо этого земскому начальнику предоставляется временно отстранять всѣхъ означенныхъ должностныхъ лицъ (въ томъ числѣ и волостныхъ судей) отъ должностей и входить съ представленіями въ уѣздный съѣздъ о совершенномъ увольненіи ихъ отъ службы или о преданіи ихъ суду. Земскій начальникъ можетъ собственною властью, «безъ всякаго формальнаго производства», подвергать каждаго крестьянина или другого обывателя своего участка, подвѣдомственнаго крестьянскому общественному управленію, аресту на время не свыше 3 дней или денежному взысканію не свыше 6 р., за не исполненіе законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника. Постановленія этого рода считаются окончательными и приводятся въ исполненіе немедленно.

Дисциплинарная власть, предоставленная земскому начальнику, не отмѣнила и не сузила такой же власти уѣздныхъ исправниковъ.

Такимъ образомъ надъ сельскимъ обывателемъ стоитъ цѣлая лѣстница начальствъ, большихъ и малыхъ, вооруженныхъ дискреціонною властью карать и миловать его по усмотрѣнію. Крестьянинъ находится въ полной зависимости отъ сельскаго схода, власть котораго простирается, какъ мы видѣли, на самыя интимныя стороны его жизни. Его могутъ дискреціонно штрафовать, отсылать на общественныя работы или сажать въ холодную сельскій староста и волостной старшина,—въ свою очередь подчиненные такой же дискреціонной власти земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ исправниковъ; фактически власть исправника распространяется и далѣе круга должностныхъ лицъ,—такъ какъ всегда возможно, пригрозивъ арестомъ или штрафомъ волостному старшинѣ или старостѣ, заставить ихъ наложить соотвѣтственное взысканіе и на подвѣдомственнаго имъ крестьянина. Земскій начальникъ, какъ мы видѣли, можетъ и самъ, непосредственно, подвергать такимъ взысканіямъ всѣхъ непривилегированныхъ обывателей своего участка. Наконецъ, каждый рядовой крестьянинъ,—не принадлежащій къ тѣмъ относительно немногочисленнымъ категоріямъ сельскихъ обывателей, которыя законъ избавляетъ отъ тѣлесныхъ наказаній,—можетъ быть за самый незначительный проступокъ подвергнутъ поркѣ волостнымъ судомъ, если надъ нимъ не смилуется земскій начальникъ и не воспользуется предоставленнымъ ему правомъ замѣнить розги другимъ видомъ наказанія.

Подведемъ итоги.

Мы видѣли въ первой части нашей статьи насколько велико было то тягло, которое наложилъ на крестьянство ходъ экономической эволюціи дореформеннаго періода. Это тягло прибавляло крупную величину къ *пассиву* крестьянскаго хозяйства.

Новые порядки раскрѣпощенной общественной жизни должны были соотвѣтственно поднять *активъ* этого хозяйства.

Данныя, сгруппированныя нами выше, показываютъ, въ какомъ положеніи находятся нѣкоторые наиболѣе крупные элементы этого актива.

Разъ пассивъ счетовъ не покрывается активомъ, *балансъ* неизбѣжно долженъ оказываться не благопріятнымъ.

Внѣшнимъ проявленіемъ этого нарушеннаго баланса крестьянской пореформенной жизни и служатъ тѣ хроническія голодовки,—бросить нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе которыхъ составляло задачу нашихъ замѣтокъ.

Н. Анненскій.

Новая біографія Парнелля.

I.

Возможны ли «герои» въ наше время? Я понимаю тутъ не людей, способныхъ пожертвовать всѣмъ, включая жизнь, за други своя, но «героевъ», какъ ихъ понимали авторы трагедій, т. е. людей, одушевленныхъ одною какою либо страстью, являющеюся моторомъ всей ихъ жизни; людей, прямо идущихъ къ намѣченной цѣли, не считаясь рѣшительно съ тѣмъ, что стоитъ по дорогѣ; людей, для которыхъ условія современнаго общества, сковывающія обыкновенныхъ смертныхъ, повидимому, не существуютъ. Героя классическихъ трагедій порой ненавидятъ окружающіе; но все же слѣдуютъ за нимъ, потому что есть что-то неотразимо-обаятельное для людей слабыхъ въ этой желѣзной волѣ, въ отсутствіи рефлексіи, въ презрѣніи къ тому, что скажутъ другіе, въ глубокой вѣрѣ въ самого себя. Прочитавъ внимательно объемистый трудъ, который въ настоящее время составляетъ тему дня въ Англіи, а еще больше въ Ирландіи, мы придемъ къ заключенію, что герои классическихъ трагедій возможны въ наше время. Трудъ, о которомъ я говорю, — двухтомная біографія Чарльза Стюарта Парнелля, написанная Барри О'Бріеномъ. «Парнелль былъ самый замѣчательный изъ всѣхъ людей, которыхъ я когда либо встрѣчалъ,—писалъ Гладстонъ;—я не говорю наиболѣе умственно одаренный, но наиболѣе замѣчательный и интересный. Онъ былъ феноменъ своего рода. Онъ не походилъ ни на кого изъ встрѣченныхъ мною. Парнелль говорилъ и поступалъ не какъ всѣ» *). Въ

*) Barry O'Brien, The Life of Charles Stewart Parnell, v. II, p. 357.

самой внѣшности его было что-то обаятельное для толпы: «Когда Парнелль поднялся на платформу,—пишетъ Horgan,—слушатели привѣтствовали его оглушительными рукоплесканіями. Аппплодисменты повторялись еще и еще. Стоя на платформѣ, онъ казался королемъ: онъ былъ такъ красивъ, такъ величественъ; такъ удивительно владѣлъ собой, что народъ стоялъ, какъ очарованный». Не только вообще среди современныхъ политическихъ дѣятелей, но даже въ самой ирландской партіи были люди гораздо болѣе умственно одаренные, болѣе краснорѣчивые, оригинальные, болѣе знающіе и не менѣе преданные дѣлу, чѣмъ Парнелль; но именно онъ явился «невѣнчаннымъ королемъ Ирландіи», за нимъ послѣдовала вся нація; *ему* удалось дисциплинировать партію, состоявшую на половину изъ людей, ненавидѣвшихъ его. «Абсолютное послушаніе, въ которомъ онъ держалъ партію, строгая военная дисциплина—все это было что-то невѣроятное,—писалъ Гладстонъ. Подъ его главенствомъ партія была всегда объединена, всегда готова къ бою, никогда не избѣгала сраженія и почти всегда побѣждала». Какъ герой классической трагедіи, Парнелль испыталъ всю сладость чрезмѣрной власти и всю горечь паденія. Его ненавидѣла министерская партія и, въ то же время, искала союза съ нимъ. Вице-король и министръ премьеръ вначалѣ искали повода, чтобы отправить его, по меньшей мѣрѣ, въ каторжныя работы, потомъ заискивали предъ нимъ и приглашали въ союзники. Какъ въ жизни классическаго героя, женщина играла въ дѣятельности Парнелля роковую роль. Плутархъ говоритъ, что ненависть къ римлянамъ была главнымъ стимуломъ, побуждавшимъ Анибала убѣждать Кареагенъ послать полки противъ Рима. Главнымъ моторомъ Парнелля была ненависть къ англичанамъ, ненависть, какъ увидимъ, наслѣдственная. «Парнелль ненавидѣлъ Англію и все англійское; ему противна была самая форма англійскаго мышленія» (Чарльзъ Дилкъ) «Парнелль ненавидѣлъ Англію еще раньше, чѣмъ былъ избранъ въ палату общинъ. Парламентская опытность сдѣлала эту ненависть еще болѣе интенсивной. Онъ думалъ, что положеніе ирландскихъ депутатовъ до крайности унизительно; они вымаливали милости у англичанъ, ждали, пока ихъ господа будутъ въ хорошемъ расположеніи духа. Англійскіе министры вели себя такъ, какъ будто бы они принадлежали къ обниженной націи; какъ будто бы они проявляли необыкновенное великодушіе, терпя ирландцевъ въ своей средѣ. Это пренебреженіе мучило Парнелля. Не въ его натурѣ было подходить къ кому бы то ни было съ понуренной головой. И онъ рѣшилъ вырвать силой уступки у Англіи, унизивъ ее при этомъ. Ему нужно было не только удовлетвореніе, но также и мщеніе» *). Ненависть къ англичанамъ была передана ему по наслѣдству и усилена тѣми картинами страданія Ирландіи, которыя онъ видѣлъ

*) The Life of Parnell, p. 98, v. I.

вокругъ наслѣдственнаго замка Авондейлъ, близъ Дублина. Подобно Улфу Тону, Фицджеральду, О'Конеллю, О'Коннору, Батту и многимъ другимъ ирландскимъ дѣятелямъ, — Парнелль принадлежалъ къ богатой семьѣ ирландскихъ аристократовъ. Меньше всего Парнелль, ненавидѣвшій англичанъ, походилъ на ирландцевъ. О послѣднихъ говорятъ: It takes two irishmen to make a row, three to make a revolt, and four to make an insurrection (гдѣ соберутся два ирландца,—тамъ свалка, гдѣ три—тамъ бунтъ, а четыре — дѣлаютъ возстаніе). Ирландцы вспыльчивы, экспансивны, легко падаютъ духомъ, тогда какъ Парнелль былъ холоденъ, сдержанъ, удивительно владѣлъ собой *), настойчивъ. Ему трудно было взять извѣстное рѣшеніе; но, разъ сдѣлавъ это, онъ никогда ужъ не отступалъ. Его настойчивость и сила воли импонировали всѣмъ окружающимъ. «Какимъ образомъ Парнелль пріобрѣлъ такое огромное вліяніе? — спросилъ я у Макъ Карти, — пишетъ Барри О'Бріенъ. Онъ отвѣтилъ: «Своимъ вліяніемъ онъ былъ обязанъ силой своей воли и удивительной способностью угадывать, какъ именно слѣдуетъ поступить въ данный моментъ. Въ общемъ, въ партіи его не любили; но всѣ преклонялись передъ нимъ, потому что всѣ чувствовали, что онъ единственный человѣкъ, знающій, какъ слѣдуетъ поступить въ данный моментъ; всѣмъ было извѣстно, что тотъ путь, который онъ изберетъ,—путь правильный. Парнелль обладалъ геніемъ главнокомандующаго. Многіе изъ насъ были полезны въ различныхъ случаяхъ, но когда наступалъ кризисъ и нужно было сдѣлать крайне отвѣтственный шагъ, могущій имѣть важныя послѣдствія,—мы всѣ бывали парализованы. Тогда всѣ возлагали надежды на Парнелля, и онъ дѣлалъ именно то, что было наиболѣе выгодно для партіи» **). Умственный кругозоръ Парнелля не былъ широкъ. «Онъ не зналъ общественныхъ дѣлъ, никогда ничего не читалъ, предпочитая разспрашивать, если ему нужны были справки». Онъ не зналъ даже ирландской исторіи (O'Brien, v. II, p. 39). Онъ научился обструкціонизму отъ Биггара, о которомъ дальше; проектъ земельной лиги былъ ему предложенъ Майкелемъ Дэвитомъ, проектъ аграрныхъ реформъ былъ для него выработанъ Хилли. Но ни Биггаръ, ни Майкель Дэвитъ, ни Хилли не могли сдѣлать со своими идеями и сотой доли того, что сдѣлалъ съ ними Парнелль. Отсутствіе рефлексіи, которое составило бы недостатокъ въ другомъ, было достоинствомъ его, какъ «героя». У Парнелля была одна собственная идея: это—стремленіе объединить всѣ оппозиціонныя силы страны, чтобы двинуть ихъ противъ общаго врага. Въ этомъ отношеніи, Парнелль проявилъ талантъ великаго организатора. «Я не хочу

---

*) «Я никогда не зналъ, волновало ли его что нибудь, и если волновало, то на сколько именно: наболѣе характерной чертой Парнелля было поразительное самообладаніе» (Чемберлэнъ).

**) Barry O'Brien, v. I, p. p. 224—225.

быть въ зависимости отъ какой либо англійской партіи, — сказалъ Парнелль разъ на митингѣ.—Совѣтую и вамъ поступать такъ же. Нѣкоторые совѣтуютъ намъ возложить надежды на англійскую демократію; но я не знаю такой партіи, которая рѣшилась бы воздѣйствовать на правительство, если только крайняя необходимость не принудитъ ее. Въ силу этого я говорю вамъ: не полагайтесь ни на одну англійскую партію; не полагайтесь даже на великую англійскую демократію, какъ бы хорошо она ни была расположена къ вамъ. Полагайтесь только на самихъ себя, на свои организаціи, разсѣянныя по всей Америкѣ, но больше всего возлагайте надежды на нашъ народъ, живущій на нашей старой родинѣ». «Англія станетъ васъ уважать по стольку, по скольку вы уважаете самихъ себя,—говорилъ онъ на другомъ митингѣ.—Англичане ничего не дадутъ Ирландіи изъ чувства справедливости. Они дадутъ вамъ свободу не раньше, чѣмъ когда убѣдятся, что *должны* сдѣлать это». Англичане согласятся на уступки, — говорилъ Парнелль, только тогда, когда убѣдятся, что ирландское общество готово поддержать и отстоять требованія депутатовъ. «Ни одна оппозиціонная единица не должна быть потеряна для Ирландіи». Онъ объединилъ феніевъ со священниками, конституціоналистовъ съ фермерами и всѣхъ повелъ въ бой. Больше всего Парнелль ненавидѣлъ ссоры между ирландцами. Опытъ доказалъ, что тактика Парнелля была вѣрная и, если бы не случайность, Ирландія имѣла бы теперь самостоятельный парламентъ.

Для довершенія характеристики Парнелля слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту, которая его приближаетъ еще болѣе къ героямъ классическихъ трагедій: его суевѣріе. Онъ боялся цифры тринадцать, считалъ зеленый цвѣтъ несчастнымъ, вѣрилъ, что октябрь приноситъ ему всегда что либо непріятное, боялся спать одинъ въ темнотѣ (и это при замѣчательной личной храбрости), блѣднѣлъ, когда видѣлъ три свѣчи и пр. Одинъ изъ сотоварищей его разсказываетъ, какъ онъ набрасывалъ проектъ «національной лиги» возлѣ постели больного Парнелля. На столѣ горѣли четыре свѣчи. Одна догорѣла совсѣмъ. «Вдругъ, я вижу, больной поднимается, наклоняется ко мнѣ и дуетъ изо всѣхъ силъ, пока не потушилъ одну свѣчу. Тогда онъ успокоился, снова легъ и закутался въ одѣяло».

— Что съ вами, что вы дѣлаете?—спросилъ я. Зачѣмъ вы потушили свѣчу? Мнѣ темно писать.—Парнелль обернулся ко мнѣ, и въ глазахъ его блеснулъ испугъ.

— Развѣ вы не знаете,—сказалъ онъ,—что ничто такъ не предвѣщаетъ несчастія, какъ три свѣчи.

Познакомимся теперь нѣсколько ближе съ дѣятельностью этой замѣчательной личности. Біографъ его даетъ намъ крайне богатый матеріалъ. Барри О'Бріенъ съ любовью изучилъ вопросъ, собралъ массу писемъ, опросилъ всѣхъ знаменитыхъ современниковъ Пар-

нелля. Многіе факты, какъ, напр., детали дѣла Пигота, переговоры съ лордомъ Карнарвономъ, подробности Гаварденскаго свиданія съ Гладстономъ—опубликованы въ первый разъ.

Я сказалъ уже, что ненависть Парнелля къ англичанамъ была наслѣдственная. Его предки всегда боролись противъ англійскаго режима. Прадѣдъ Парнелля дрался во время войны за независимость Соединенныхъ Штатовъ на сторонѣ американцевъ; затѣмъ мы видимъ въ рядахъ противниковъ Англіи дѣда Парнелля — сэра Джона, дядю и мать. О послѣдней, лѣтъ тридцать пять тому назадъ, ректоръ Уипоо сдѣлалъ точную отмѣтку въ своемъ журналѣ: «Встрѣтился сегодня съ крайне замѣчательной женщиной, мисисъ Парнелль. Это настоящая мятежница. Никогда не слыхалъ я во всю мою жизнь такихъ замѣчательныхъ рѣчей. Безъ всякаго повода, она открыла по всей линіи огонь противъ англійскаго правительства и насъ англичанъ. И, клянусь Юпитеромъ, она задала намъ жару!» *) Ректоръ забываетъ прибавить, что тѣ картины, которыя пришлось наблюдать мисисъ Парнелль, не могли смягчить ея чувства по отношенію къ англичанамъ. То были страшныя картины голода 1848 г., когда пять милліоновъ оказались безъ денегъ и безъ хлѣба. Ирландцы достигли послѣдней ступени нищеты,—писалъ тогда Джонъ Стюартъ Милль. Далѣе слѣдуетъ голодная смерть. И населенію пришлось переступить и эту ступень. Народъ умиралъ отъ голода въ фермахъ, на улицахъ, на дорогахъ. Человѣку со слабыми нервами нельзя читать такое описаніе 48 года, которое далъ Сюлливанъ въ своей книгѣ «New Ireland». Началось поголовное бѣгство ирландцевъ за океанъ. «Корабли были биткомъ набиты эмигрантами, здѣсь наблюдались, пожалуй, не менѣе страшныя картины, чѣмъ въ Ирландіи. Смертность эмигрантовъ увеличилась въ 12 разъ. Лишь въ одномъ Монреалѣ въ девять недѣль умерло 800 эмигрантовъ. Въ шесть мѣсяцевъ ихъ умерло три тысячи человѣкъ. Изъ каждыхъ пяти эмигрантовъ умеръ одинъ. Пережившіе дорогу были въ не менѣе ужасномъ положеніи, чѣмъ на родинѣ. Они были слишкомъ слабы, чтобы работать, и слишкомъ бѣдны, чтобы жить безъ работы» **). Въ Ирландіи, не смотря на голодъ, лэндлорды требовали арендную плату полностью; такъ какъ фермеры, продавшіе платье, чтобы купить пищу, не могли внести ренту, то ихъ изгоняли. Кое гдѣ въ странѣ вспыхнуло возстаніе, министерская партія отвѣтила арестами, суровыми приговорами и отмѣной Habeas Corpus. Такія картины видѣла мать Парнелля. Чарльзъ Стюартъ Парнелль родился за два года до страшнаго 48 года.

Въ 1859 г. образовалось общество для освобожденія Ирландіи, носившее названіе «Ирландскаго Братства». Впослѣдствіи организація стала извѣстна подъ названіемъ «Феніанскаго общества». Во

*) The Life of Parnell, v. I, p. 39.

**) W. St. Gregg, «Irish History», p. 188.

главѣ послѣдняго стояли Джонъ О'Магони и Джемсъ Стефенсъ. Число сочленовъ быстро увеличивалось. Главнымъ образомъ, вступали молодые люди изъ хорошо обезпеченныхъ классовъ. Феніи имѣли въ виду только независимость Ирландіи. Въ 1863 г. возникла въ Дублинѣ феніанская газета «Irish People» (Ирландскій народъ). Изъ номера въ номеръ она проповѣдовала крестовый походъ противъ англичанъ. Между сотрудниками газеты была молодая, граціозная дѣвушка, которая еженедѣльно приносила сама въ редакцію рукопись, большею частью—боевые стихи. Эта дѣвушка была миссъ Фанни Парнелль, сестра будущаго лидера ирландской партіи. Феніанизмъ скоро хлынулъ волной въ Авондейлъ, въ наслѣдственный замокъ Парнеллей. Политическія событія обсуждались всѣми. Въ особенности сильно интересовалась движеніемъ мать Парнелля; она пользовалась всякимъ поводомъ, чтобы высказать свои воззрѣнія въ томъ высшемъ кругу, въ которомъ она вращалась. Въ присутствіи вице-короля она, не стѣсняясь, осуждала англійскіе порядки и оправдывала феніевъ. Въ 1865 г. министерская партія приняла суровыя мѣры противъ послѣднихъ. Редакторы и главные сотрудники «Irish People» были арестованы. Послѣдовалъ рядъ политическихъ процессовъ и отмѣна Habeas Corpus, а въ отвѣтъ—неудачное, быстро подавленное возстаніе. Вожди «феніанскаго общества» были арестованы и преданы суду. Въ Англіи привыкли видѣть подсудимыми въ подобныхъ случаяхъ людей не культурныхъ, большею частью, крестьянъ. Таковы были и «бѣлые ребята» и «лунные молодцы», молодые крестьянскіе парни, калѣчившіе скотъ лэндлордовъ. Теперь скамью подсудимыхъ занимали «джентельмэны», хорошо воспитанные, обезпеченные. Они, вмѣсто защиты, доказывали судьямъ, что наступитъ пора, когда вопросъ о политической независимости Ирландіи станетъ обсуждаться не въ тайныхъ обществахъ, а въ парламентѣ. Судьи глумились. Время показало, кто былъ правъ. «До тѣхъ поръ, покуда есть въ моей странѣ люди, готовые жертвовать свободой и даже жизнью за родину,—она не погибла еще»—говорилъ одинъ изъ подсудимыхъ, Люби. Въ Авондейлѣ лихорадочно слѣдили за всѣми перипетіями процессовъ. Парнеллю было тогда 19 лѣтъ. Все окружающее не могло не подѣйствовать на него; но особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на него манчестерскій процессъ «трехъ невиновныхъ» *)

---

*) Въ 1867 г. въ Манчестерѣ, на улицѣ, феніи сдѣлали нападеніе на тюремную карету, въ которой перевозили двухъ вождей феніанства: Келли и Дизи. Желая сбить замокъ, одинъ изъ напавшихъ выстрѣлилъ изъ пистолета. Пуля сбила замокъ, но прошла сквозь дверь кареты и убила стражника. По подозрѣнію были арестованы впослѣдствіи Алленъ, Ларкинъ и Кондонъ и преданы суду. Противъ нихъ не было уликъ, но судъ полагалъ, что необходимъ «примѣръ». Въ силу этого обвиняемые были осуждены. Не смотря на протестъ, поданный журналистами, стенографировавшими процессъ, не смотря на петицію, подписанную Миллемъ, Гербертомъ Спенсеромъ, Льюисомъ и др.,—осужденные были казнены. Въ Англіи казнь произвела удручающее впечатлѣніе.

Въ Ирландіи казнь вызвала ужасъ и взрывъ негодованія. Дублинъ устроилъ торжественныя похороны казненнымъ. Съ тѣхъ поръ, надгробный гимнъ, сложенный тогда— God save Ireland сталъ боевымъ гимномъ ирландцевъ. На Парнелля процессъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Такія натуры, какъ Парнелль, умѣютъ сильно ненавидѣть. Ненависть ихъ не ослабѣваетъ, а наоборотъ, разгорается все сильнѣе и сильнѣе. На сѣверо-востокѣ Сибири часто оставляются путешественниками по тундрамъ не потушенные костры. Торфъ загорается съ трудомъ, крайне медленно, но разъ загорѣвшись, онъ уже не тухнетъ. Подземный пожаръ захватываетъ все большее и больше пространство. Снизу подъ землей тлѣетъ не угасающее пламя, сверху все покрыто снѣгомъ, блестящимъ, крѣпкимъ, покрытымъ застругами отъ леденящаго вѣтра. Но вотъ въ одномъ мѣстѣ провалился снѣгъ, и рѣдкій путешественникъ пораженъ столбомъ пламени, внезапно вырвавшимся наружу. Нѣчто подобное представляетъ намъ Парнелль. У него «пламя» не скоро вырвалось наружу. Прошло еще нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ Парнелль выступилъ на арену общественной дѣятельности. «Онъ не дѣлалъ никогда ничего поспѣшно, а обдумывалъ каждый вопросъ. Прежде, чѣмъ сдѣлать шагъ, онъ пытливо осматривался кругомъ, за то, разъ избравъ путь, никогда уже не сворачивалъ съ него и не оглядывался» *).

Двадцать второго апрѣля 1875 г. Парнелль былъ избранъ въ парламентъ. Ирландская партія поддержала его, такъ что онъ, какъ протестантъ и лендлордъ, могъ быть полезенъ, но отъ него не ждали ничего. Полагали, что онъ будетъ однимъ изъ тѣхъ «нѣмыхъ депутатовъ», которыхъ такъ много въ парламентѣ.

Во главѣ ирландской партіи, состоявшей тогда изъ 59 человѣкъ, стоялъ Исаакъ Баттъ, крайне интересная и крупная личность въ исторіи Ирландіи. Адвокатъ по профессіи, онъ выдвинулся во время феніанскихъ процессовъ своими защитительными рѣчами. Убѣжденія его были далеко не крайнія. Въ 1870 г. Баттъ выработалъ проектъ мѣстнаго самоуправленія для Ирландіи. На митингѣ, состоявшемся тогда въ Дублинѣ, была основана «Home Rule League», лига самоуправленія, во главѣ которой сталъ Баттъ. Онъ вѣрилъ въ возможность подѣйствовать на нравственное чувство министровъ. Каждый годъ регулярно въ парламентѣ повторялась одна и та же сцена. Баттъ вносилъ билль о самоуправленіи Ирландіи, а парламентъ отвергалъ проектъ. Надъ Баттомъ подшучивали, надъ нимъ смѣялись, но старикъ, какъ всегда закинувъ голову съ длинными сѣдыми кудрями, по прежнему произносилъ горячія рѣчи на тему о справедливости. На внесеніе Баттомъ билля смотрѣли, какъ на парламентскій водевиль. На ряду съ проектомъ гомъ-руля, Баттъ отстаивалъ необходимость аграрнаго закона, извѣстнаго теперь подъ названіемъ «Трехъ Ф», устанавливающаго справедливую ренту,

*) The Lifeof Parnell. v. I, p. 51.

право фермера продавать тѣ улучшенія, которыя онъ сдѣлалъ, и ограничивающаго право лэндлорда изгонять фермера. По англійски три прилагательныхъ, опредѣляющихъ всѣ три перечисленныхъ пункта, начинаются съ буквы F (*Fixity* of tenure. *Fair* rent, *Free* sale of tenant right).

II.

Въ парламентѣ въ то время на скамьяхъ, занимаемыхъ ирландской партіей, былъ одинъ депутатъ, который не симпатизировалъ тактикѣ вождя. Если бы онъ зналъ по нѣмецки, онъ, навѣрное, обратился бы къ лидеру со словами Гейне:

„Rede Dolche, rede Schwerter!
Sei nicht mehr die weiche Flöte.
Das idyllische Gemüth...
Sei Kanone, sei Karthaune".

Каждый разъ, когда Баттъ поднимался и, картинно тряхнувъ сѣдыми кудрями, собирался вносить обычный билль, который долженъ былъ быть тутъ же отвергнутъ, — слышался грубый и рѣзкій басъ: и все это глупости, сэръ! Этотъ недовольный былъ Джоржъ Джиммъ Биггаръ, богатый дублинскій купецъ. Онъ явился въ парламентъ, какъ говорилъ, только для того, чтобы убѣдиться, съ какой стороны можно причинить Англіи возможно больше вреда. Биггаръ не обладалъ ни ораторскимъ талантомъ, ни образованіемъ. Онъ презиралъ книги и тѣхъ, которые читаютъ ихъ; но Биггаръ былъ уменъ, проницателенъ, практиченъ и безстрашенъ. Онъ поставилъ себѣ двѣ цѣли: во первыхъ, возможно болѣе причинить непріятностей палатѣ общинъ; во вторыхъ, сдѣлать все возможное, чтобы его ненавидѣли въ Англіи. Нужно сознаться, и въ томъ и въ другомъ Биггаръ успѣлъ замѣчательно. Именно онъ напалъ на мысль объ обструкціонизмѣ, которою такъ воспользовалась впослѣдствіи ирландская партія. Внесенъ былъ министерствомъ новый coercion bill для Ирландіи. Биггаръ поднимается и предлагаетъ поправку. Онъ говорилъ битыхъ четыре часа. Нужно имѣть въ виду, что депутатъ не можетъ связать трехъ фразъ. Парламентъ измученъ, но Биггаръ не истощилъ еще своего запаса. Онъ вытаскиваетъ ворохъ старыхъ газетъ и начинаетъ читать длиннѣйшіе столбцы цифръ, повидимому, не имѣющихъ никакого отношенія къ темѣ рѣчи; затѣмъ, на смѣну, является груда синихъ книгъ, которыя Биггаръ начинаетъ цитировать отъ страницы до страницы. «Мы не можемъ даже пытаться суммировать четырехчасовую рѣчь м-ра Биггара, писалъ *Таймсъ*.—Мы не знаемъ, въ чемъ сущность ея». Но Биггаръ и не думалъ сказать что либо существенное; его намѣреніе было лишь—причинить возможно больше непріятностей парламенту. Въ чемъ онъ и успѣлъ. За рѣчью Биггара все время съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ молодой Парнелль. Онъ убѣдился,

что можно заторнозить дѣла парламента и сдѣлать смѣшнымъ засѣданіе его, что эта система обструкціонизма можетъ превратиться въ искусныхъ рукахъ въ могучее оружіе.

Въ 1875 г. Парнелль почти не участвовалъ въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ: онъ наблюдалъ и изучалъ. Къ концу года онъ пришелъ къ заключенію, что система Батта совершенно ошибочна, что парламентская партія можетъ имѣть лишь тогда значеніе, когда она опирается на соединенныя силы всей страны. Парнелль пришелъ къ выводу, что объединеніе всѣхъ депутатовъ еще не гарантируетъ уступокъ въ пользу Ирландіи; необходимо, чтобы внѣ парламента находилась сила, которая можетъ поддержать требованія ирландскихъ депутатовъ. «Какая польза отъ того, что мы вносимъ билли, — говорилъ онъ.—Мы вѣдь ихъ не можемъ проводить. Англичане отвергаютъ наши билли. Почему же намъ не остановить ихъ билли? Нѣтъ биллей для Ирландіи, такъ пусть же не будетъ и биллей для Англіи». И онъ рѣшилъ принять систему обструкціонизма, придуманную Биггаромъ. Но послѣдній былъ грубъ, неуклюжъ, Парнель же былъ утонченно вѣжливъ, изященъ, вполнѣ «джентельмэнъ». И у Парнелля обструкціонизмъ принялъ совсѣмъ особую форму. Повидимому, молодой депутатъ вносилъ лишь поправку къ правительственному биллю; повидимому, поправка была серьезная, между тѣмъ, дебаты затягивались до безконечности, очередные законы первой важности не могли обсуждаться и должны были быть отложены до слѣдующей сессіи. Парнелль былъ замѣчательный стратегъ. Онъ отлично зналъ ту черту, до которой можно дойти въ обструкціонизмѣ, не вызывая взрыва негодованія (если только этотъ взрывъ не былъ надобенъ ему). И аттаку онъ велъ, имѣя за собой всего лишь пять депутатовъ. Остальные ирландцы, съ Баттомъ во главѣ, были противъ системы обструкціонизма, считая ее недостойной парламента. Въ 1877 г. въ парламентѣ для всѣхъ уже было ясно, что Парнелль — могучій боецъ, съ которымъ борьба будетъ очень не легка. Баттъ уронилъ себя въ глазахъ Ирландіи, выступилъ противъ Парнелля, обличая систему обструкціонизма. Министерская партія апплодировала Батту, но эти апплодисменты были, своего рода, ударами молота, заколачивавшими въ гробъ политическую карьеру стараго вождя. Съ пятью товарищами Парнелль, при помощи системы обструкціонизма, боролся съ цѣлой палатой. Засѣданіе продолжалось 26 часовъ, и маленькая группа осталась побѣдителемъ: очередной билль не могъ слушаться. Къ концу 1877 г. Парнелль былъ, по словамъ біографа, наиболѣе ненавистнымъ человѣкомъ въ Англіи. Въ Ирландіи же его считали героемъ. Въ сентябрѣ 1877 г. Парнелль былъ избранъ, вмѣсто Батта, лидеромъ ирландской партіи.

«Ирландіи дороги всѣ оппозиціонныя силы, — говорилъ онъ. — Она не можетъ пожертвовать никѣмъ». Въ силу этого, первой его заботой было объединить всѣ оппозиціонныя силы страны: чистые

конституціоналисты, феніи, священники, фермеры—всѣ были необходимы, чтобы сформировать огромную армію и двинуть ее противъ общаго врага. Нужно было, кромѣ того, дисциплинировать парламентскую партію, сдѣлать ее послушной, какъ роту солдатъ. Нужно имѣть въ виду, что Парнеллю приходилось имѣть дѣло съ впечатлительной, сварливой, самолюбивой группой, привыкшей къ раздорамъ и дрязгамъ. Онъ выказалъ талантъ не только замѣчательнаго стратега, но и диктатора. Узость взглядовъ придала его дѣйствіямъ необыкновенную прямолинейность. Гордый, самоувѣренный, настойчивый, онъ шелъ, не уклоняясь ни на шагъ отъ разъ намѣченнаго пути. «Ирландія должна быть свободна. Англичане захватили ее грабежомъ. Въ силу этого, всѣ средства, при помощи которыхъ можно отнять заграбленное, не только дозволены, но даже похвальны. Кромѣ того, ирландскій фермеръ имѣетъ право на ту землю, которую обрабатываетъ и которая принадлежала его предкамъ, покуда англичане не отобрали ее». — Таковъ былъ политическій символъ вѣры Парнелля. Около двухъ лѣтъ борьба велась скорѣе партизанскимъ путемъ; но вотъ Парнеллю предлагаютъ проектъ организаціи, и вождь убѣждается, что именно она необходима по условіямъ времени.

Въ октябрѣ 1879 г. Майкель Дэвитъ, недавно освобожденный изъ каторжныхъ работъ, предложилъ проектъ борьбы съ лэндлордизмомъ, выработанный имъ въ тюрьмѣ. Это былъ проектъ *земельной лиги* (National Land League); земля должна была стать основой ирландской національности. Въ это время уже вполнѣ выяснилось, что земельный актъ 1870 г. не улучшаетъ положенія Ирландіи. Законъ долженъ былъ уничтожить произвольныя изгнанія фермеровъ. Въ силу его фермеръ могъ получить вознагражденіе за всѣ сдѣланныя имъ улучшенія; но законъ не далъ никакихъ практическихъ результатовъ. Власть и произволъ лэндлорда остались прежними. Для всѣхъ было ясно, что необходимо что-то сдѣлать для урегулированія земельныхъ отношеній. Вмѣстѣ съ Дэвитомъ, Парнелль полагалъ, что соглашеніе между лэндлордомъ и фермерами невозможно. «Одинъ изъ нихъ долженъ удалиться, — говорилъ Парнелль; — гораздо легче удалиться немногимъ (т. е. лэндлордамъ), чѣмъ всѣмъ». Кромѣ того, Парнелль видѣлъ, что необходимость защищать интересы лэндлордовъ, какъ класса, не позволитъ англійскому правительству дать самоуправленіе для Ирландіи, пока лэндлордизмъ будетъ существовать какъ классъ. Въ Ирландіи въ то время дѣла были очень плохи. Урожай погибъ. Странѣ угрожалъ голодъ. Не было ни запасовъ, ни денегъ. Почти всюду фермеры, чтобы не умереть отъ голода, должны были прибѣгнуть къ общественной благотворительности. Это не помѣшало лэндлордамъ особенно настойчиво потребовать ренту. Недоимщики были изгнаны. Въ 1879 г. изгнали четыре тысячи фермеровъ. Земельная лига имѣла цѣлью составить союзъ фермеровъ, рѣшившихъ

уплачивать лишь такую ренту, которую считають возможной и справедливой въ этотъ голодный годъ. Лига имѣла огромный успѣхъ. Предсѣдателемъ ея былъ избранъ Парнелль. Англійское правительство рѣшило замирить край террористическими мѣрами. Полицейскіе отряды посылались охотно, чтобы помочь лэндлордамъ изгнать неплательщиковъ. Наступила сессія 1880 г. Ирландскіе депутаты требовали немедленнаго законодательства для облегченія страны. Министръ Форстеръ, допуская важность такихъ законовъ, заявилъ, однако, что въ этомъ году нѣтъ времени обсуждать ихъ. Депутаты тогда потребовали временнаго закона для пріостановленія изгнаній фермеровъ, покуда билль будетъ внесенъ; но и тутъ получили отпоръ. Внесена была лишь одна поправка къ закону 1870 г. Въ силу ея окружные судьи (county court judges) *могли* присуждать вознагражденіе изгнаннымъ фермерамъ, если найдутъ, что несостоятельность фермеровъ вызвана исключительно неурожаемъ. Поправка не устраняла изгнаній, поэтому она не удовлетворила ирландскихъ депутатовъ; тѣмъ не менѣе, консерваторы осуждали ее, какъ революціонную мѣру. Поправка прошла въ палатѣ общинъ, но была отвергнута палатой лордовъ. Число изгнаній быстро увеличилось. Лэндлорды боялись, что въ обѣщанномъ биллѣ будетъ какой нибудь пунктъ, стѣсняющій ихъ свободу по отношенію къ фермерамъ, поэтому спѣшили избавиться отъ всѣхъ недоимщиковъ. Вѣсть о томъ, что поправка отвергнута лордами, произвела въ Ирландіи страшное впечатлѣніе. Начались всюду аграрныя преступленія. Ирландцы называли «земельными захватчиками» тѣхъ, что снимали участки, съ которыхъ согнали фермеровъ. Въ такихъ «захватчиковъ» стрѣляли изъ-за угла, жгли ихъ хлѣбъ и калѣчили ихъ скотъ. Повсюду возродились среди крестьянъ тайныя террористическія общества «бѣлыхъ ребятъ» (White boys). Рѣчи вождей земельной лиги стали тоже болѣе зажигательными. Вожди осуждали убійства и другія формы террора; они предлагали для борьбы другую мѣру, извѣстную теперь подъ названіемъ «бойкотъ». Первый формулировалъ эту мѣру Парнелль въ рѣчи къ фермерамъ въ Энисѣ. «Если вы откажетесь платить незаконную ренту, если вы не возьмете фермъ, изъ которыхъ только что изгнаны другіе,—земельный вопросъ будетъ разрѣшенъ, притомъ такъ, что вы будете довольны. Теперь скажу вамъ, что слѣдуетъ дѣлать съ фермеромъ, что снимаетъ участокъ, съ котораго прогнали другого. Отворачивайтесь отъ него, если встрѣтите на дорогѣ; отвернитесь отъ него въ лавкѣ, въ полѣ, на базарѣ, въ церкви. Тѣмъ, что вы оставите его совершенно одного, какъ въ старину поступали съ прокаженными, вы покажете ему то отвращеніе, которое вы питаете къ совершонному имъ преступленію». Черезъ три дня агентъ лорда Эрна,—капитанъ Бойкоттъ отказался взять предложенную ему ренту и издалъ приказаніе объ изгнаніи фермеровъ. На слѣдующій же день капитанъ былъ оставленъ совершенно одинъ. Ушли кучера, горничныя, кухарки. Лавочники не хотѣли ничего продавать ему.

Прачка не брала его бѣлья. Между тѣмъ наступило время жатвы. Хлѣбъ осыпался, но рабочихъ нельзя было достать. Чтобы спасти престижъ власти, правительство послало 50 рабочихъ подъ конвоемъ 7,000 солдатъ, и хлѣбъ и картофель были убраны. По разсчету, каждый фунтъ убраннаго картофеля обошелся, такимъ образомъ, правительству въ 1 шиллингъ. При всемъ желаніи, вожди лиги не могли уничтожить аграрныхъ преступленій. Правда, ихъ было меньше, чѣмъ прежде, они не носили такого жестокаго характера (убійства почти прекратились; главнымъ образомъ, *бѣлые ребята* калѣчили скотъ); но ихъ все же было очень много. Вожди лиги объясняли аграрныя преступленія изгнаніями фермеровъ и страданіями Ирландіи; правительство же ставило лигѣ эти преступленія въ текущій счетъ. Въ декабрѣ 1880 года главные дѣятели лиги были преданы суду по обвиненію въ заговорѣ. Судъ продолжался 19 дней и кончился ничѣмъ, такъ какъ присяжные раздѣлились. Въ январѣ 1881 г. Форстеръ потребовалъ суровыхъ законовъ для усмиренія Ирландіи. Онъ говорилъ, что прежде, чѣмъ вносить земельный билль, необходимо провести законъ объ осадномъ положеніи (coercion bill). Послѣдній былъ очень суровъ: правительство получало право арестовать безъ суда и держать въ тюрьмѣ всякаго, *заподозрѣннаго* въ измѣнѣ, въ заговорѣ или же въ устрашеніи другихъ. Законъ имѣлъ обратную силу, такъ что могъ быть посаженъ въ тюрьму каждый, когда либо прежде защищавшій бойкотъ. Ирландцы были возмущены не столько самимъ биллемъ, сколько тѣмъ, что его провели раньше земельнаго закона. Въ Ирландіи было тогда 40,000 фермеровъ, подлежавшихъ изгнанію. На обвиненія въ томъ, что лига не остановила террористическихъ покушеній,—она отвѣчала, что странно обвинять ее въ этомъ, если правительство съ 25,000 солдатъ и 14,000 полицейскихъ не могло ничего сдѣлать. «Пусть правительство издастъ законъ, который остановитъ изгнанія, и не будетъ надобности въ coercion bill; пусть реформируютъ аграрные законы, и земельная лига прекратится»,—сказалъ Парнелль въ парламентѣ. Начался правительственный терроръ. Многіе вожди лиги, въ томъ числѣ Майкелъ Дэвитъ, были арестованы; земельная лига была признана противозаконной организаціей. Въ тюрьмахъ сидѣли около 1000 ирландцевъ, задержанныхъ по подозрѣнію. Форстеръ требовалъ суровыхъ мѣръ противъ того, кого считали душой движенія, противъ Парнелля. 12 октября 1881 г. кабинетъ рѣшилъ арестовать вождя. Черезъ два дня Парнелль былъ арестованъ въ Дублинѣ и посаженъ въ Килменгэнскую тюрьму, гдѣ сидѣли уже многіе видные дѣятели лиги. «Арестъ Парнелля радостно привѣтствовали въ Англіи, какъ будто это была побѣда, одержанная англичанами надъ ненавистнымъ и страшнымъ врагомъ»,—пишетъ сэръ Уимисъ Гидъ, авторъ книги «Life of the Right Hon. W. E. Forster». Банкиры Сити устроили овацію Фор-

стеру, когда онъ имъ сообщилъ на парадномъ обѣдѣ, что Парнелль сидитъ въ тюрьмѣ.

Вожди лиги изъ тюрьмы выпустили воззваніе къ ирландскому народу, предлагая отвѣтить на арестъ —поголовнымъ отказомъ платить ренту. Въ данномъ случаѣ Парнелль не зналъ, насколько подготовлена Ирландія къ отпору. Воззваніе появилось въ «United Ireland» въ номерѣ отъ 17 октября, но не произвело желаемаго результата, а послужило лишь врагамъ Парнелля.

Вообще говоря, условія тюремной жизни не были тягостны. Одно время Парнелль былъ даже выпущенъ на честное слово для поѣздки во Францію для свиданія съ больной сестрой. Поѣздка продолжалась двѣ недѣли. Ирландцы, осужденные, напр., въ 1868 г. отбывали каторжныя работы вмѣстѣ со всѣми уголовными преступниками: щипали пеньку, дробили камни, вертѣли.безсмысленное орудіе пытки, «мельницу топчакъ». Но Парнеллю была въ тягость и облегченная тюрьма. Медленно тянулись мѣсяцы за мѣсяцами. Между тѣмъ, въ Ирландіи новый форстеровскій coercion bill установилъ царство террора. Форстеръ заявилъ въ парламентѣ, что всѣ лица, стрѣлявшія изъ за угла и калѣчившія скотъ—извѣстны полиціи; они остаются безнаказанными, такъ какъ противъ нихъ имѣются лишь подозрѣнія. Съ изданіемъ coercion bill, дозволяющимъ арестъ подозрительныхъ,—всѣ преступники будутъ сразу схвачены, и Ирландія успокоится; преступленія прекратятся. Законъ былъ изданъ. Тюрьмы въ Ирландіи и въ Англіи не только наполнились, но даже переполнились. Хватали безъ разбора всѣхъ; но аграрныя преступленія не только не уменьшились, но даже увеличились. Онѣ приняли притомъ же болѣе опасный характеръ. Всюду возникали общества поджигателей и убійцъ. Кружки эти были совершенно самостоятельны. Земля въ Ирландіи дымилась кровью. За десять мѣсяцевъ, предшествовавшихъ изданію coercion bill, въ Ирландіи было семь аграрныхъ убійствъ, 21 случай стрѣлянія изъ за угла и 62 случая стрѣлянія въ окна. Въ десять мѣсяцевъ послѣ изданія coercion bill аграрныхъ убійствъ было 20, сдѣланы были 63 покушенія и 122 раза стрѣляли въ окна. «Всѣ совѣтовали намъ отмѣнить Habeas Corpus,—заявилъ вице-король, лордъ Кауперъ:—намѣстники графствъ, полиція, судьи. Полиція сбила насъ совсѣмъ съ прямого пути. Она сказала, что знаетъ всѣхъ преступниковъ и можетъ изловить ихъ, если Habeas Corpus будетъ отмѣненъ. Мы убѣдились впослѣдствіи, что полиція ошиблась» *). Беззаконіе порождаетъ беззаконія. Правительственный терроръ и презрѣніе къ правамъ личности породили, какъ антитезу, тайныя общества «непобѣдимыхъ», «мстителей» и т. д. Даже тогда, когда правительство захотѣло перемѣнить политику,—не было уже никакой возможности обезоружить сразу тайныя, совершенно самостоятельныя сообще-

*) The Life of Charles S. Parnell, v. I, p. 330.

ства; подъ ножомъ участниковъ одного изъ нихъ палъ впослѣдствіи рыцарски честный, нисколько неповинный въ coercion bill человѣкъ—лордъ Кавендишъ. То, что терроръ не замиритъ Ирландіи, понялъ въ числѣ первыхъ Гладстонъ. Въ апрѣлѣ 1882 года онъ вступилъ черезъ Макъ Карти и капитана О'Ши въ переговоры съ Парнеллемъ. Въ тюрьмѣ послѣдній набросалъ проектъ того земельнаго закона (Arrears Bill), который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ проведенъ, какъ правительственный актъ. Этотъ билль былъ—мирный договоръ между парнеллистами и либеральнымъ министерствомъ. Интересна слѣдующая черта, характеризующая суевѣріе Парнелля. Билль набрасывался въ тюрьмѣ спѣшно. Нужно было отправить его непремѣнно съ первой почтой, чтобы министерство успѣло напечатать его и раздать для ознакомленія членамъ парламента. За полчаса до отхода почты билль готовъ. Парнелль просматриваетъ его и считаетъ параграфы. Вдругъ онъ блѣднѣетъ и заявляетъ, что все нужно передѣлать.

— Какъ, развѣ что нибудь не вѣрно?—спросилъ товарищъ по камерѣ Хили.

— Нѣтъ, но въ биллѣ тринадцать параграфовъ. Все пойдетъ къ чорту. Съ такимъ проклятымъ числомъ законъ не можетъ имѣть успѣхъ.

Пришлось на скоро прибавить еще одинъ пунктъ, иначе Парнелль не хотѣлъ отправлять билль. Вице король, ничего не знавшій о переговорахъ, былъ пораженъ, когда получилъ письмо отъ Гладстона съ извѣщеніемъ, что парнеллисты должны быть освобождены. «Извѣщенія, которыя мы получили, вкратцѣ формулируются такъ,—писалъ Гладстонъ:—намъ извѣстно, что Парнелль и друзья его отказываются совершенно отъ уговариванія фермеровъ не платить ренту, если правительство приметъ билль, облегчающій положеніе фермеровъ недоимщиковъ и дающій имъ возможность уплатить недоимки». «Предложеніе освободить парнеллистовъ поразило меня до крайности, — писалъ вице-король. — Повидимому, мы потеряли надежду возстановить порядокъ и выпускаемъ парнеллистовъ подъ условіемъ, что они намъ помогутъ замирить край». Приказъ объ освобожденіи былъ немедленно подписанъ и 3 мая парнеллисты вышли на свободу. Вице-король и Форстеръ подали въ отставку. Во всей Ирландіи, кромѣ Ольстера, привѣтствовали освобожденія Парнелля, какъ національную побѣду. Но тайныя общества, порожденныя coercion bill, не могли быть уничтожены сразу. Шестого мая 1882 г. въ Дублинъ пріѣхалъ новый вице-король графъ Спенсеръ, а въ тотъ же день, въ семь часовъ вечера, въ Фениксъ-паркѣ, близь дворца, были убиты новый министръ лордъ Фредерикъ Кавендишъ и товарищъ министра Форстера Беркъ. Впослѣдствіи выяснилось, что убійцы хотѣли убить лишь Берка. Лордъ Кавендишъ палъ лишь случайной жертвой. Трагедія въ Фениксъ-паркѣ произвела всюду потрясающее впе-

чатлѣніе. Едва ли не болѣе всѣхъ былъ потрясенъ Парнелль. «Мнѣ нанесли ударъ кинжаломъ въ спину»,—говорилъ онъ. Убійство подѣйствовало такъ сильно на Парнелля, что онъ думалъ отказаться совсѣмъ отъ общественной дѣятельности. Парнеллисты выпустили тотчасъ же «воззваніе» къ ирландскому народу, въ которомъ осуждалось убійство и выражалась надежда, что убійцы скоро предстанутъ передъ судомъ. Странно сказать, трагедія привела въ восторгъ партію Форстера. Она теперь громко восхваляла правительственный терроръ и осуждала какія бы то ни было уступки. Вся страна, всѣ оппозиціонные элементы были сдѣланы отвѣтственными за убійство, совершонное нѣсколькими лицами. Одиннадцатаго мая министерство внесло новый «crimes bill» для замиренія Ирландіи силой меча. Проектъ закона былъ набросанъ лордомъ Кауперомъ, бывшимъ ирландскимъ вице-королемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ силу этого закона, судъ присяжныхъ замѣнялся судомъ правительственныхъ чиновниковъ, допросъ могъ быть произведенъ тайно; лица могли быть арестованы по подозрѣнію. Насколько широко воспользовалось правительство новымъ биллемъ, видно изъ слѣдующаго.

Въ январѣ 1883 г. арестовали Дэвита, Хили и Квина; такъ какъ ихъ преступленіе не подходило подъ современные законы, то выкопали законъ, не примѣнявшійся съ XVII вѣка, со времени Карла I. Опять возродились аграрныя убійства. 1882 г. былъ особенно богатъ ими. Каждую недѣлю газеты приносили новую страшную вѣсть. На Парнелля извѣстія эти производили удручающее впечатлѣніе. «Его удручало не то, что общественное мнѣніе Англіи было «потрясено»,—пишетъ Барри О'Бріенъ.—Парнелль не вѣрилъ въ искренность англичанъ. По его мнѣнію, это—нація лицемѣровъ. «Англичане убиваютъ и грабятъ по всему свѣту,—говорилъ Парнелль,—но лишь только кого либо убьютъ въ Ирландіи, они поднимаютъ вой, потому что въ этомъ убійствѣ нѣтъ выгоды для нихъ». Взрывъ беззаконія въ Ирландіи волновалъ Парнелля потому, что онъ видѣлъ въ немъ вредъ для національнаго движенія. Земельная лига была запрещена. Для легальной борьбы была основана 17 октября 1882 г. «Національная лига», во главѣ которой сталъ Парнелль. Первымъ пунктомъ программы «лига» выставила самоуправленіе для Ирландіи, затѣмъ слѣдовали земельныя, земскія и муниципальныя реформы. Земельныя реформы должны были стремиться къ тому, чтобы сдѣлать фермеровъ собственниками арендуемыхъ ими земельныхъ участковъ.

Между тѣмъ, производилось слѣдствіе по поводу убійства въ Фениксъ-паркѣ. Одинъ изъ участниковъ, Джемсъ Кери, сдѣлался предателемъ и за обѣщанную свободу раскрылъ все. Тѣ, которые вели слѣдствіе, изъ всѣхъ силъ старались привлечь къ отвѣтственности и ирландскихъ депутатовъ, а главнымъ образомъ Парнелля. Во враждебныхъ ирландскому движенію органахъ печати появля-

лись, повидимому, инспирированныя статьи, въ которыхъ обѣщались публикѣ «поразительныя разоблаченія»; внушалось, что отъ этихъ разоблаченій «мыльный пузырь, именуемый гомъ-рулемъ», разсѣется безслѣдно. *Таймсъ*, забывъ обычную чопорность, заявлялъ, что разоблаченія «собьютъ маленько спесь съ ребятъ» («will take the starch out of the boys»), т. е. съ ирландскихъ депутатовъ. И вотъ Форстеръ, пылая местью за внезапную отставку, выступилъ въ парламентѣ съ рядомъ обвиненій противъ Парнелля. Въ этомъ инцидентѣ характеръ лидера выяснился необыкновенно рельефно. Бывшій министръ въ началѣ рѣчи заявилъ, что онъ докажетъ, что тотъ, съ которымъ Гладстонъ вступалъ въ переговоры; тотъ, съ которымъ интриговалъ Чемберлэнъ,—въ дѣйствительности,—врагъ Англіи, «главарь противозаконной и мятежнической агитаціи, имѣющей цѣлью всадить ножъ въ сердце имперіи». Рѣчь Форстера была напоена ядомъ и желчью. «Преступленіе—тѣсный союзникъ лиги», — говорилъ онъ. «Я обвиняю въ нихъ достопочтеннаго представителя города Корка *)... Не разъ констатировалась и доказывалось фактами, что убійства слѣдовали непосредствено за агитаціей земельной лиги. Рѣшится ли достопочтенный депутатъ опровергнуть это положеніе? Я тогда все же стану настаивать на моемъ заявленіи. По всей вѣроятности, въ зданіи парламента никто еще никогда не выступалъ противъ депутата съ такими тяжкими обвиненіями. Я не говорю, что самъ достопочтенный представитель Корка подготовлялъ и замышлялъ убійства; но онъ или потакалъ имъ, или не употреблялъ всего своего вліянія, чтобы предупредить ихъ». Въ сущности говоря, весь фактическій матеріалъ Форстера былъ очень бѣденъ, точнѣе говоря, онъ равнялся нулю. Форстеръ могъ ссылаться лишь на памфлетъ «Правда о земельной лигѣ» (The Truth about the Land League), въ которомъ были приведены выдержки изъ рѣчей нѣкоторыхъ главарей организаціи. Но отсутствіе доказательствъ не мѣшало оппозиціи (консерваторамъ) апплодировать послѣ каждой фразы. Видно было, что многіе изъ либераловъ стали бы тоже апплодировать, если бы не сознавали, что аттака эта сдѣлана не только противъ Парнелля, но и противъ Гладстона. Форстеръ кончилъ. Всѣ ожидали, что Парнелль вскочитъ, какъ ужаленный, и отвѣтитъ тому, кто обвинялъ его. Но Парнелль сидѣлъ совершенно спокойно, какъ будто бы рѣчь шла не о немъ. Ему рѣшительно все равно было, что станутъ думать о немъ англичане. Онъ презиралъ ихъ общественное мнѣніе, въ какой бы формѣ оно ни выразилось. Ирландскіе депутаты должны были умолять Парнелля отвѣтить. Онъ согласился. На слѣдующій день, 23 февраля 83 г., парламентъ былъ набитъ биткомъ. Весь цвѣтъ Лондона собрался послушать, что скажетъ Парнелль. Отвѣтъ лидера заклю-

*) Т. е. Парнелля. Въ парламентѣ депутаты не называются по фамиліямъ.

чался лишь въ гордомъ вызовѣ. «Во время моей политической дѣятельности я привыкъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ тѣхъ, которымъ хотѣлъ помочь, и тѣхъ, вмѣстѣ съ которыми я боролся за свободу и благосостояніе Ирландіи. Если я скажу теперь нѣсколько словъ, то только для ирландцевъ, живущихъ на родинѣ и разсѣянныхъ по всему свѣту». Вся дальнѣйшая рѣчь Парнелля была проникнута гордымъ презрѣніемъ къ обвинителямъ. На чемъ основаны обвиненія? На нѣсколькихъ газетныхъ вырѣзкахъ. Но не въ томъ даже дѣло. Кто такой Форстеръ? Человѣкъ, вышвырнутый за негодностью собственною партіею. Какое право онъ имѣетъ задавать вопросы? Какое право имѣютъ вообще англичане требовать отчета у ирландцевъ, отстаивающихъ то, что захвачено у нихъ грабежомъ? «Что касается меня, я вѣрю въ будущность Ирландіи,—продолжалъ Парнелль,—хотя горизонтъ и покрытъ тучами, я вѣрю, что нашъ народъ вынесетъ гнетъ, какъ онъ перенесъ гораздо большія несчастья. Хотя дѣло освобожденія медленно, но оно все же идетъ. Наступитъ время, когда депутаты этого парламента и англійскій народъ поймутъ, что они обмануты, что они апплодировали тѣмъ, которыхъ должны были бы стыдиться. Парламентъ и англійскій народъ поймутъ тогда, какъ преступно они поступали, желая управлять благороднымъ, храбрымъ, великодушнымъ и отзывчивымъ народомъ. Тогда, я надѣюсь, англичане отвернутся отъ своихъ вождей, которые указывали имъ ложные пути, какъ отвернулись отъ достопочтеннаго депутата города Бредфорда (т. е. Форстера)». Смыслъ рѣчи былъ тотъ, что Парнелль, присланный въ парламентъ волей ирландскаго народа,—считается лишь съ мнѣніемъ послѣдняго.

Попытка открыть участіе ирландскихъ депутатовъ въ аграрныхъ преступленіяхъ не удалась. Въ политической жизни Парнелля наступилъ долгій интервалъ. Причиной было, отчасти, слабое здоровье; а главнымъ образомъ то, что къ этому періоду относится сближеніе съ миссисъ О'Ши, которая сыграла такую важную роль въ жизни вождя. Но объ этомъ дальше. Въ это время положеніе англійскихъ политическихъ партій было крайне характерно. Консерваторы и либералы не могли уже болѣе держаться на тѣхъ старыхъ принципахъ, которые заложены были въ основу партій столько лѣтъ. На арену общественной жизни выступали новыя силы; нужно было или пойти на встрѣчу имъ и выставить на своемъ знамени новые лозунги, или же остаться безъ поддержки. Ни либералы, ни консерваторы не рѣшались сдѣлать этотъ шагъ и искали другихъ союзниковъ. Такимъ казалась великолѣпно дисциплинированная ирландская партія, состоявшая изъ восьмидесяти слишкомъ депутатовъ. Правда, во главѣ этой партіи стоялъ человѣкъ, котораго ненавидѣли и либералы, и консерваторы; но нужно было выбирать либо союзъ съ нимъ, либо соглашеніе съ невѣдомымъ новымъ избирателемъ, который выступалъ съ такой массой требованій. И вотъ

передъ выборами 1885 г. за Парнеллемъ начинаютъ ухаживать со всѣхъ сторонъ. Въ парламентѣ лордъ Рандольфъ Черчиль обличаетъ «coercion bill». «Правительственная политика привела въ отчаяніе вспыльчивыхъ, но великодушныхъ и благородныхъ ирландцевъ,—сказалъ онъ,—если бы министерство осталось у власти, то всѣ штыки, имѣющіеся въ наличности, не удержали бы страшнаго взрыва». Консервативныя газеты были шокированы этимъ «wooing Parnell» (кокетничаніемъ съ Парнеллемъ). «Лордъ Рандольфъ Черчиль обличалъ не только лорда Спенсера, но всѣхъ англійскихъ вице-королей и судей»,—ворчалъ старый *Таймсъ*. Вице-король, лордъ Карнарвонъ, сдѣлалъ прямое предложеніе Парнеллю вступить въ союзъ съ консерваторами. Съ другой стороны, съ нимъ вели переговоры Чемберлэнъ, помышлявшій самъ о премьерствѣ, и Гладстонъ. Парнелль холодно и спокойно взвѣшивалъ то, съ кѣмъ выгоднѣе для Ирландіи заключить союзъ. Если бы пришлось избрать партію, онъ выбралъ бы консерваторовъ, потому что полагалъ, что только они могутъ провести билль о гомъ-рулѣ въ палатѣ лордовъ; но какъ человѣка, онъ предпочиталъ Гладстона. Онъ глубоко уважалъ его силу и стратегическій талантъ. Въ концѣ концовъ, послѣ кратковременнаго союза съ консерваторами, Парнелль соединился съ Гладстономъ. «У насъ въ программѣ лишь одинъ пунктъ теперь,—заявилъ Парнелль въ августѣ 1885 г.—національная независимость». Идеалъ его остался тотъ же: видѣть фермеровъ, сидящихъ на собственныхъ участкахъ; но Парнелль убѣдился, что идеалъ недостижимъ, пока будетъ лэндлордъ; послѣдній же останется, пока Ирландія не станетъ независимой. Первая попытка Гладстона провести билль о гомъ-рулѣ окончилась, какъ извѣстно, пораженіемъ министерства. Оно просуществовало лишь 175 дней. Двадцать шестого іюля 1886 г. премьеромъ сталъ во второй разъ маркизъ Салисбюри. Это было министерство крупныхъ лэндлордовъ, и вопросъ объ устраненіи такимъ или инымъ путемъ Парнелля, грозившаго уничтожить лэндлордизмъ въ Ирландіи—сдѣлался особенно острымъ. Въ то время вліяніе Парнелля было особенно сильно. Въ Ирландіи его называли не вѣнчаннымъ королемъ. Когда принцъ Уэльскій посѣтилъ тогда Ирландію, то, не смотря на увѣщанія вождя не дѣлать никакихъ демонстрацій, населеніе вывѣшивало знамена съ надписью: «У насъ одинъ король—Чарли» (т. е. Чарльзъ Парнелль). Признательность населенія выразилась и осязательно. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что денежныя дѣла Парнелля пошатнулись,—въ короткій періодъ по подпискѣ было собрано 40,000 ф. ст., которыя и поднесли вождю, какъ знакъ признательности отъ родины. Въ декабрѣ 1886 г. началась опять аграрная война, когда министерство Салисбюри отвергло земельный билль. Она продолжалась три года. Правительство отвѣтило coercion bill. Въ то же самое время какія то невидимыя руки созидали процессы, которые должны

были погубить вождя ирландцевъ. И въ первую очередь было знаменитое дѣло Пигота.

III.

Въ 1885 году въ Дублинѣ основалось консервативное общество «The Irish Loyal and Patriotic Union», во главѣ котораго сталъ молодой журналистъ Джемсъ Хаустонъ. Главной задачей «патріотическаго союза»—было разгромить національную партію и спасти имперію. Съ этой цѣлью Хаустонъ заручился содѣйствіемъ нѣкоего Ричарда Пигота, или *Дика*, извѣстнаго очень хорошо, какъ въ ирландскихъ организаціяхъ, такъ и въ кабинетахъ секретной полиціи. «Почти всѣ, соприкосновенные съ ирландской политикой, знали *Дика* Пигота, или слыхали про него. Онъ былъ издателемъ газеты «Ирландецъ». Сдѣлавъ своей профессіей патріотизмъ,—онъ готовъ былъ при первомъ удобномъ случаѣ продать всѣхъ патріотовъ. Большинство избѣгало его, какъ своего рода нравственную проказу, одно соприкосновеніе съ которой заразительно». Въ 1881 году Пиготъ обратился съ просьбой къ Форстеру, правительственному секретарю въ Ирландіи (т. е. министру)—субсидировать «Ирландца» въ интересахъ правительства. Въ томъ же самомъ году Пиготъ просилъ казначея земельной лиги, Патрика Игана, помочь ему какъ патріоту. Пока еще не прибылъ отвѣтъ отъ земельной лиги, Пиготъ писалъ министру, предлагая ему свое содѣйствіе для разгромленія лиги. За все онъ просилъ субсидію для своей газеты, да еще 1500 ф. «Эта сумма избавила бы меня отъ долговъ. Я бы могъ покончить съ моими кредиторами, если бы у меня было даже хоть 1,000 фунт. стерл. Если правительство мнѣ дастъ авансомъ одну изъ этихъ суммъ,—я стану самымъ вѣрнымъ, послушнымъ и полезнымъ слугою его». Черезъ три дня Форстеръ отвѣтилъ. *Дика* знали уже хорошо, поэтому, щедрое вообще на подкупы англійское правительство въ Ирландіи — не спѣшило съ пріобрѣтеніемъ «вѣрнаго, послушнаго и полезнаго слуги». «Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я обратилъ вниманіе на тонъ передовыхъ статей вашей газеты,—писалъ министръ. Я думаю, что эти статьи принесли большую пользу и было бы крайне печально, если бы ваша газета прекратилась; но, къ сожалѣнію, я не могу удовлетворить вашу просьбу объ авансѣ». Черезъ нѣсколько дней Пиготъ отправляетъ Патрику Игану, секретарю земельной лиги, слѣдующее посланіе. «Мнѣ предлагаютъ 500 ф. за опубликованіе документовъ, которые, хотя большею частью сфабрикованы, но, тѣмъ не менѣе, могутъ сильно повредить вамъ». Далѣе Пиготъ распространяется о своихъ денежныхъ дѣлахъ и говоритъ, что если лига не придетъ къ нему на помощь,—онъ долженъ будетъ заключить сдѣлку съ правительствомъ. Иганъ отвѣтилъ на эту попытку шантажа рѣзкимъ отказомъ. «Насколько я васъ понимаю,—писалъ

онъ, — вы грозите напечатать поддѣльные документы, компрометирующіе лигу, если мы вамъ не пришлемъ къ извѣстному сроку 500 ф. ст. Я не имѣю никакого права распоряжаться фондами лиги; но если бы даже и имѣлъ, то ни за что не далъ бы вамъ ни одного фартинга. Если вы напечатаете фальшивые документы, — мы уже будемъ знать, какъ защищаться». Пиготъ тогда опять обратился къ Форстеру съ просьбой о субсидіи для газеты. Министръ вновь отказалъ, но согласился помочь Пиготу «изъ собственныхъ денегъ» и прислалъ ему 100 ф. ст. «Пусть васъ не безпокоитъ этотъ долгъ; не спѣшите отдачей»,—любезно писалъ Форстеръ. Вообще, *Дикъ* Пиготъ никогда «не спѣшилъ отдачей», такъ что слова министра были совершенно излишни.

Въ 1885 г. Пиготъ былъ занятъ собираніемъ матеріаловъ для памфлета «Разоблаченный Парнеллизмъ» (Parnellism Unmasked). Онъ обратился къ нѣкоторымъ виднымъ уніонистамъ съ просьбой дать деньги на изданіе. И вотъ, предсѣдатель «Патріотическаго союза» рѣшилъ остановиться на ренегатѣ, какъ на спасителѣ отечества отъ Парнелля. Хаустонъ нашелъ «Дика» и предложилъ ему 60 ф. на напечатаніе «Разоблаченнаго Парнеллизма». Памфлетъ появился безъ имени автора и произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе въ рядахъ уніонистовъ. Но Хаустону желательно было имѣть противъ Парнелля какое нибудь болѣе острое оружіе, чѣмъ анонимный памфлетъ. Ему хотѣлось имѣть документальныя доказательства связи парнеллистскаго движенія съ аграрными преступленіями. Въ декабрѣ 1885 г. Хаустонъ предложилъ Пиготу найти подобные документы.

— Это невозможно,—отвѣтилъ Дикъ.

— Попробуйте,—настаивалъ Хаустонъ. Я вамъ стану платить по гинеѣ въ день, да покрывать всѣ ваши дорожные расходы и счета въ гостиницѣ пока будутъ продолжаться поиски.—Щедрое предложеніе открывало совершенно новые горизонты передъ задолжавшимъ кругомъ Пиготомъ. Онъ отвѣтилъ, что попробуетъ поискать документовъ, и тронулся въ путь. Дикъ посѣтилъ Лондонъ, Парижъ, Лозанну, перебрался затѣмъ въ Нью-Іоркъ, разыскивая всюду, какъ онъ сказалъ, феніевъ. Хаустону онъ писалъ, что ляжетъ костьми, но найдетъ документы, на основаніи которыхъ можно будетъ послать Парнелля на висѣлицу или же хотя въ каторжныя работы. Въ мартѣ 1886 г. въ штабъ-квартирѣ «патріотическаго союза» было великое ликованье: Пиготъ прислалъ телеграмму, состоявшую всего изъ одного слова: «Нашелъ»! Вскорѣ прибыло и подробное сообщеніе. *Дикъ* писалъ, что нашелъ компрометирующіе документы, собственноручныя письма Парнелля и Игана. Документы хранятся въ Парижѣ, «въ черномъ мѣшкѣ» у нѣкоего Келли, который «купилъ ножи для убійцъ лорда Кавендиша». Пиготъ привезъ одиннадцать копій съ этихъ писемъ. Но англійскіе судьи такъ упрямы: они ни за что не захотятъ послать человѣка на висѣлицу на основаніи копіи, хотя

бы она была доставлена такимъ идеально честнымъ и достовѣрнымъ свидѣтелемъ, какъ Дикъ Пиготъ! И вотъ Хаустонъ предлагаетъ Дику достать подлинники. Въ іюлѣ послѣдній отправляется за ними въ Парижъ въ сопровожденіи вождей «патріотическаго союза»: Хаустона и др. Магира. Черезъ три дня, ночью, Дикъ таинственно входитъ, съ «чернымъ мѣшкомъ» въ рукахъ, въ номеръ «Hôtel des Deux Mondes», гдѣ остановились патріоты.—Вотъ документы!—сказалъ Пиготъ.—Люди, продавшіе мнѣ ихъ, тамъ, внизу. Они хотятъ получить сейчасъ же деньги.—Патріоты вынули письма, разсмотрѣли ихъ и рѣшили, что они настоящія. Пиготу, въ силу этого, было передано 650 ф. ст.: пятьсотъ «людямъ внизу», а 150—самому Дику за коммиссію. Съ драгоцѣнными документами въ рукахъ патріоты поспѣшили въ Лондонъ, въ радакцію газеты *Times*. Письма были переданы эксперту, который рѣшилъ, что они настоящія. Тогда редакція *Times* пріобрѣла ихъ въ собственность. Хаустонъ, хотя и горячій патріотъ, не брезгалъ и земными благами: на письмахъ онъ получилъ огромный барышъ. Онъ далъ за нихъ Пиготу 650 ф., а продалъ газетѣ за 2530 ф. ст. Специальная коммиссія, назначенная впослѣдствіи парламентомъ, открыла еще нѣсколько любопытныхъ подробностей. Хаустонъ получилъ отъ той же газеты «за коммиссію» 27500 ф. ст. Выходило такъ, что все время за спиной «патріотическаго союза» стояла могучая газета Сити. Седьмого марта 1887 г. въ *Таймсъ* появилась первая статья серіи «Парнеллизмъ и Преступленіе», подписанная псевдонимомъ «Громовержецъ». Авторъ доказывалъ, что парнеллизмъ — революціонное движеніе, стремящееся къ насильственному ниспроверженію англійскаго правительства въ Ирландіи. Газета, повидимому, рѣшила добить окончательно Парнелля и покончить съ нимъ. Восемнадцатаго апрѣля *Таймсъ* помѣстилъ факсимиле письма ирландскаго вождя къ одному изъ главарей феніевъ. Парнелль извинялъ убійство въ Фениксѣ-паркѣ. Вотъ что говорилось въ письмѣ: «Милостивый Государь! Меня не удивляетъ гнѣвъ нѣкоторыхъ изъ вашихъ друзей, но вы должны знать, что намъ только и оставался одинъ исходъ: осуждать убійство. Послѣднее намъ необходимо было сдѣлать изъ политическихъ соображеній. Но вы можете сказать «ему» (т. е. убійцѣ) и всѣмъ соприкосновеннымъ съ «этимъ», что хотя я и сожалѣю о смерти лорда Кавендиша, но сознаю, что Беркъ получилъ по заслугамъ. *) Вы, если хотите, можете показать «ему» и другимъ вѣрнымъ людямъ мое письмо. Не сообщайте только моего адреса. Пусть пишутъ мнѣ въ палату об-

*) «Ничто такъ не опозорило Ирландію за пятьдесятъ лѣтъ борьбы за политическія и соціальныя реформы, какъ это низкое и подлое убійство дружественно расположеннаго иностранца. Пятно будетъ лежать до тѣхъ поръ, пока убійцы лорда Кавендиша и Мр. Берка не будутъ преданы суду».—писали въ «Manifest to the Irish people» ирландскіе депутаты по поводу трагедіи въ Фениксъ-паркѣ. Первый подписалъ «манифестъ» — Парнелль.

щинъ. Вашъ Чарльзъ С. Парнель». Письмо произвело впечатлѣніе бомбы. О немъ говорилъ въ то утро весь городъ. «Наконецъ-то нанесенъ смертельный ударъ главарю шайки мятежниковъ и убійцъ,— писала въ тотъ день ультра-консервативная *С. Джемсова Газета*. Гомъ-руль теперь убитъ». Такъ думали тогда всѣ уніонисты. «Вечеромъ того же дня Парнелль, не подозрѣвая ничего, спокойно явился въ парламентъ,—пишетъ Гарингтонъ.

— Видѣли ли вы сегодня Times?—спросилъ я.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ вождь. — Онъ почти никогда не читалъ газетъ, если только не обращали его вниманія на какую-нибудь статью. Я ему сказалъ въ чемъ дѣло.

— А!—спокойно замѣтилъ Парнелль, — пойдемъ въ читальню, посмотримъ, въ чемъ дѣло.— Онъ развернулъ номеръ *Таймса* и внимательно прочелъ письмо. Я ожидалъ, что онъ вскипитъ и воскликнетъ въ негодованіи:—Какой отчаянный негодяй! Какой наглый подлогъ!—Или что либо въ этомъ родѣ. Но я ждалъ напрасно, Парнелль указалъ мнѣ пальцемъ на букву «S» въ своей подписи и совершенно хладнокровно, какъ о вещи безразличной, сказалъ:

— Я уже съ 1878 г. не пишу такихъ буквъ.

— Боже мой!—подумалъ я, — если онъ такимъ образомъ захочетъ защищаться въ парламентѣ,—не будетъ ни одного англичанина, который не станетъ думать, что письмо написалъ именно Парнелль» *). Въ тотъ же вечеръ Парнелль заявилъ въ парламентѣ, что все письмо, отъ первой буквы до послѣдней,—грубый подлогъ. «Мнѣ непонятно, какимъ образомъ редакторъ большой, и считающей себя корректной, газеты могъ быть настолько ослѣпленъ, обманутъ и обойденъ (so hoodwinked, so hoaxed, so bamboozled), чтобы помѣстить такую глупую выдумку, какъ мой автографъ. ...Содержаніе письма нелѣпо до очевидности. Фразеологія глупа. Каждая буква его дышетъ подлогомъ. Повидимому, англійскіе политики сбиты совсѣмъ съ толку, если вождю парламентской партіи въ 86 депутатовъ приходится защищаться отъ анонимнаго подлога, учиненнаго утромъ *Таймсомъ*». Этимъ объясненіемъ вопросъ о письмѣ былъ на время исчерпанъ. «Громовержецъ» продолжалъ, между тѣмъ, печатаніе статей «Парнеллизмъ и преступленіе». Въ *Times*'ѣ появились также письма, будто бы, написанныя Иганомъ, казначеемъ земельной лиги. Но вотъ Парнелль вынужденъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ.

Одинъ изъ членовъ парламента О'Доннель счелъ себя оклеветаннымъ статьями «Громовержца» и привлекъ газету къ суду. Защитникъ *Times*, стряпчій по дѣламъ казны (Attorney-General) заявилъ, что газета обвиняетъ въ преступленіяхъ только одного Парнелля, а не О'Доннеля. Вождю ирландской партіи пришлось тогда предпринять рѣшительный шагъ. Парнелль потребовалъ назначенія

*) «The Life of Charles S. Parnell», v. II., p. 197—199.

спеціальной парламентской коммиссіи для изслѣдованія подлинности письма. Правительство соглашалось назначить трехъ судей для провѣрки всѣхъ обвиненій, выставленныхъ «Громовержцемъ». Въ сентябрѣ 1888 г. специальная коммиссія открыла свои засѣданія. Каждая изъ сторонъ пригласила самыхъ лучшихъ и ученыхъ адвокатовъ Англіи: со стороны *Times* былъ стряпчій по дѣламъ казны (Attorney-General), со стороны Парнелля—лордъ судья, лордъ Россель. Парнелль сосредоточилъ все свое вниманіе на подложномъ письмѣ. «Обвиненія, выставленныя *Громовержцемъ*, не стоятъ тѣхъ денегъ, которыя я заплачу адвокату, чтобы опровергнуть ихъ,—говорилъ онъ.—Если мнѣ удастся доказать, что письмо подложно, все остальное рухнетъ само собою. Если я не въ силахъ буду сдѣлать это, то пусть коммиссія оправдаетъ меня по всѣмъ пунктамъ, въ глазахъ публики, я все же буду осужденъ. Нужно розыскать человѣка, поддѣлавшаго письмо, и поставить его свидѣтелемъ подъ перекрестный допросъ». Въ словахъ этихъ виденъ замѣчательный политическій стратегъ, никогда не теряющійся, стратегъ, который проницательнымъ взглядомъ сразу умѣетъ опредѣлить, куда слѣдуетъ двинуть полки, чтобы съ наименьшими утратами добиться наибольшихъ результатовъ.

Но какъ узнать, кто совершилъ подлогъ?

Times, между прочими документами, помѣстилъ автографъ письма Патрика Игана. Въ немъ была характерная, хотя не замѣтная на первый взглядъ орѳографическая ошибка: слово «hesitancy» (сомнѣніе) было написано черезъ *e* (hesit*e*ncy). Мы видѣли, что Иганъ велъ переписку съ Пиготомъ. Вспомнивъ письма послѣдняго, Иганъ категорически заявилъ: «это характерная ошибка Дика Пигота. Онъ поддѣлалъ письмо». Союзники выработали планъ кампаніи. Агенты выслѣдили Дика и сказали ему, что его желаютъ видѣть по важному дѣлу нѣсколько друзей, прибывшихъ изъ Америки. Свиданіе должно было произойти въ домѣ Лабушера, редактора *Truth*. Дикъ попалъ въ ловушку. На квартирѣ Лабушера онъ встрѣтился съ Парнеллемъ, который ему прямо заявилъ, что поддѣлалъ письмо онъ, Пиготъ.

— Пиготъ,—вмѣшался адвокатъ Парнелля,—письмо поддѣлали вы. Мы имѣемъ многочисленныя доказательства. Вы можете сдѣлать одно изъ двухъ: или сознаться и сказать газетѣ, чтобы она извинилась, или же продолжать быть безстыднымъ, т. е. явиться въ судъ свидѣтелемъ и подъ присягой показать, что письмо подлинное. Въ послѣднемъ случаѣ вамъ не миновать каторжныхъ работъ за подлогъ и клятвопреступленіе.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія Пиготъ сознался. Рѣшено было сойтись завтра опять для снятія формальнаго письменнаго сознанія въ подлогѣ. Но на другой день Пиготъ раздумалъ. Онъ рѣшилъ «быть безстыднымъ до конца» и дать ложную присягу. Въ аналахъ англійской юриспруденціи на вѣчныя времена записанъ

перекрестный допросъ Пигота лордомъ Росселемъ, адвокатомъ Парнелля. Повидимому, предавая Парнелля, въ то же время Дикъ думалъ о предательствѣ тѣхъ, которые купили его. За нѣсколько дней до появленія статей «Громовержца»—Пиготъ писалъ дублинскому архіепископу, близко принимавшему къ сердцу дѣла ирландской національной партіи: «Вы можете быть увѣрены, что я пишу съ полнымъ знаніемъ дѣла и что я могу доказать все то, что сообщаю. Далѣе я могу увѣрить ваше высокопреосвященство, что знаю, какъ предупредить грозящую опасность... Едва ли я долженъ прибавить, что, считай я націоналистовъ повинными въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя будутъ возведены на нихъ,—я не посмѣлъ бы внушать вашей милости мысли заступиться за нихъ. Я долженъ прибавить, что съ внѣшней стороны обвиненія очень убѣдительны, и, на основаніи ихъ, англійскіе присяжные навѣрное вынесутъ соотвѣтствующій приговоръ. Я хочу отвратить большую опасность отъ головы народа, которому, какъ извѣстно, вы сочувствуете. Я лично не играю роли въ томъ, что случится съ парнеллистами, хотя знаю всѣ подробности». Письмо, конечно, заканчивалось просьбой денегъ. Этотъ документъ въ рукахъ адвоката Парнелля послужилъ исходнымъ пунктомъ. Путемъ необыкновенно искуснаго перекрестнаго допроса лордъ Россель добился полнаго сознанія отъ Пигота.

Дикъ бѣжалъ въ Мадридъ и застрѣлился, когда пришли арестовать его. «Таймсъ» долженъ былъ по приговору суда заплатить Парнеллю 5 тысячъ ф. ст.

Періодъ, слѣдовавшій за этимъ процессомъ, былъ самымъ блестящимъ въ жизни Парнелля; но могучій врагъ, пораженный разъ, не считалъ себя окончательно сраженнымъ и высматривалъ лишь удобный моментъ для новаго нападенія. Онъ не заставилъ себя ждать долго и на этотъ разъ повелъ къ трагическому концу. Парнелль былъ тогда въ апогеѣ славы. Барри О'Бріенъ говоритъ объ этомъ періодѣ въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ: «Парнелль заставилъ замолчать клеветниковъ, подавилъ распри, уничтожилъ соперничество, примирилъ противоположныя силы, соединилъ конституціоналистовъ съ революціонерами, потушилъ старинную вражду между церковью и феніями, организовалъ и дисциплинировалъ партію, сильнѣе которой никто еще не видалъ въ парламентѣ; однимъ словомъ, онъ объединилъ ирландскую расу, разсѣянную по всему міру, и сталъ во главѣ не только партіи, но цѣлой націи. Онъ разбилъ почти всѣхъ своихъ враговъ. Форстеръ былъ подавленъ, папа—отраженъ, Гладстонъ—побѣжденъ, *Times*—опрокинутъ, тори потрясены, либералы разсѣяны или же подчинены. Не было человѣка, не было партіи, которые не выносили бы изъ боя съ нимъ глубокихъ. ранъ» *).

---

*) Life of Parnell, v. II, p. 235.

IV.

Близились общіе выборы. Парламентская сессія 1890 г. была до невѣроятности скучна и не интересна; но вотъ газеты заговорили разомъ по поводу одного процесса. Торійская печать, съ *Таймсомъ* во главѣ, употребляла всѣ усилія, чтобы раздуть скандалъ въ огромный пожаръ. Взвинченная газетами одна часть англійскаго общества пережила тотъ острый припадокъ пуританскаго бѣшенства, который, по словамъ Маколея, овладѣваетъ англичанами періодически, каждые семь лѣтъ. Въ ноябрѣ 1890 года назначенъ былъ разборъ бракоразводнаго процесса. Капитанъ О'Ши требовалъ развода съ своей женой, обвиняя ее въ прелюбодѣяніи съ Парнеллемъ. Капитанъ О'Ши, разорившійся ирландскій помѣщикъ, отчасти былъ извѣстенъ въ политическихъ кружкахъ, хотя большую часть своего времени проводилъ въ игорныхъ домахъ, въ ресторанахъ и на скачкахъ. Онъ называлъ себя вигомъ и охотно вступалъ въ сдѣлки съ представителями англійскаго правительства въ Ирландіи, которые употребляли его, какъ агента и парламентера. Въ 1880 году Парнелль познакомился съ О'Ши на общихъ выборахъ. Капитанъ тоже выступилъ тогда кандидатомъ. Тогда же Парнелль познакомился съ мистрисъ О'Ши. Съ 1881 г. до самой смерти, по словамъ біографа, Парнелль и она жили, какъ мужъ съ женой. Такимъ образомъ, связь была долгая; о ней знали всѣ и прежде всѣхъ капитанъ. Въ 1881 г. онъ вызвалъ Парнелля на поединокъ; вождь не отказался отъ вызова, но дуэль не состоялась. Вскорѣ стало извѣстно, что капитанъ согласился взять деньги за то, чтобы предоставить свободу своей женѣ. Вліяніе г-жи О'Ши на Парнелля принадлежитъ къ той же категоріи загадокъ, какъ вліяніе женъ Гете, Руссо или Гейне. Оно было сильно въ особенности въ первые два года: Парнелль тогда почти совершенно удалился отъ общественныхъ дѣлъ. Связь сильно встревожила друзей и политическихъ союзниковъ Парнелля. Грубый Бриггъ послалъ ему рѣзкую и лаконическую телеграмму: «Mrs O'Shea will be your ruin». (Г-жа О'Ши будетъ вашей погибелью). О характерѣ отношеній О'Ши къ Парнеллю знали всѣ вожди политическихъ партій. Нѣсколько разъ Парнелль посылалъ г-жу О'Ши делегатомъ къ Гладстону. Съ ней и съ капитаномъ велъ всѣ переговоры Чемберлэнъ. И этой-то многолѣтней связью воспользовались невидимые враги, чтобы погубить Парнелля, когда не удался пиготовскій ходъ. Повидимому, проницательный, не терявшійся никогда вождь не представлялъ себѣ возможности процесса. Парнелль хорошо зналъ капитана и думалъ, что тотъ хочетъ «сорвать» съ него новый кушъ. Онъ полагалъ, что одной тысячью фунтовъ можно успокоить О'Ши. Парнелль не понялъ, что за спиной капитана стоятъ другіе, располагающіе мно-

гими десятками тысячъ фунтовъ ст. Пятнадцатаго ноября начался процессъ. Защиты не было. Семнадцатаго ноября судъ высказался за разводъ. Трудно себѣ даже представить тѣ грошовыя обличительныя статьи, которыя появились по поводу этого процесса въ консервативныхъ газетахъ и, въ особенности, въ «Таймсѣ». Читая ихъ, можно подумать, что съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Англія, никогда еще не было такого грѣха; можно подумать, что судьи спасли родину отъ страшнаго чудовища, покусившагося на сіяющую, какъ снѣгъ на вершинѣ Эвереста, общественную нравственность. Въ своей «Pall Mall Gazette» Стэдъ «блѣднѣлъ отъ ужаса» при мысли, какія опасности угрожаютъ англійской нравственности, если такія «чудовища безнравственности», какъ Парнелль, останутся на посту. Интереснѣе всего то, что именно въ «Pall Mall Gazette» и именно подъ перомъ г. Стэда появились памфлеты «Maiden Tribute of Modern Babylon», о которыхъ я говорилъ въ прошломъ письмѣ. Автору памфлетовъ, конечно, было извѣстно, что въ Лондонѣ существуютъ гораздо болѣе ужасныя преступленія, г. Стэду было извѣстно, что виновниками этихъ преступленій являются благородные лорды. Какъ же было принято рѣшеніе суда націоналистами? Восемнадцатаго ноября, т. е. на слѣдующій день послѣ приговора, состоялось въ Дублинѣ засѣданіе національной лиги. Депутаты рѣшили остаться вѣрными Парнеллю. «Прежде всего я желаю выразить мою глубокую преданность Парнеллю. Сохрани Господь, чтобы мы бросили въ трудную для него минуту вождя, который такъ мужественно велъ насъ въ то время, какъ политическій горизонтъ нашей родины былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ грозовыми тучами. Я считаю величайшей честью для себя то, что находился возлѣ вождя, когда онъ произносилъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ свою первую рѣчь. Еще болѣе я буду гордъ сознаніемъ, что боролся рядомъ съ нимъ до послѣдняго момента». Это говорилъ Свифтъ Макъ Нейлъ, черезъ нѣсколько дней оставившій Парнелля. Черезъ день въ *Freeman's Journal*, въ оффиціальномъ органѣ націоналистовъ, появилось слѣдующее сообщеніе. «Мы уполномочены сказать, что Парнелль не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія сложить съ себя обязанность вождя ирландской парламентской партіи... Пусть это твердо помнитъ та часть печати, которая повинна въ махинаціяхъ Пигота. Быть можетъ, тогда она одной ложью меньше пуститъ въ обращеніе среди публики и одной низостью сдѣлаетъ меньше *). М-ръ Парнелль избранъ ирландскимъ народомъ, и лишь послѣдній имѣетъ право такъ или иначе вліять на его обществен-

*) Тонъ ирландскихъ газетъ, вообще, рѣзко отличается отъ таковаго—англійскихъ. Говорятъ, ирландцы по рожденію заговорщики, ораторы и публицисты. Не знаю, насколько это вѣрно, но ирландскіе публицисты пишутъ порой не чернилами, а желчью. Изъ одной статьи ирландской газеты можно выбрать столько энергичныхъ выраженій, сколько не наберете изъ англійской газеты за цѣлый годъ.

ную дѣятельность. Лживыя, дикія и безстыдныя завыванія пиготистовъ отнюдь не могутъ повліять на отставку мистера Парнелля». Еще черезъ день, Джонъ Диллонъ, нынѣшній вождь анти-парнеллистовъ, писалъ: «Я не вижу въ томъ, что случилось, ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы Парнелль сложилъ съ себя обязанность вождя. Подобный шагъ имѣлъ бы гибельныя послѣдствія». Подобнаго же мнѣнія были и либералы, въ то время — политическіе союзники ирландцевъ. Двадцатаго ноября состоялся въ Дублинѣ большой митингъ союзниковъ. Будущій вождь анти-парнеллистовъ, Джюстинъ Макъ Карти, предложилъ выразить довѣріе Парнеллю. Резолюція была принята единогласно. «Если Парнелль откажется, то его выберутъ немедленно опять»,—заявилъ Хили, черезъ недѣлю сдѣлавшійся однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ противниковъ лидера. «Мы поступимъ глупо и преступно,—продолжалъ онъ, если по такому поводу оставимъ великаго вождя, съ которымъ мы одержали столько побѣдъ; мы будемъ измѣнниками, если присоединимся къ воющей шайкѣ, устроившей скандалъ». Другіе ораторы совершенно справедливо указывали на то, что рыцарскіе пріемы въ политической борьбѣ—совершенно неизвѣстное явленіе; что здѣсь на первый планъ выступаютъ хитрость, интрига и предательство». Изъ ирландцевъ тогда только двое строго осуждали Парнелля и доказывали необходимость отреченія его. Одинъ изъ нихъ стоялъ на религіозной почвѣ; это былъ священникъ Хегъ Прайсъ Хегсъ. Другой, именно Майкель Дэвитъ, стоялъ на моральной почвѣ. Но вотъ выступаетъ новый дѣятель, и въ ирландской партіи образуется расколъ. Среди націоналистовъ распространяется слухъ, что Гладстонъ заявилъ, что либералы потерпятъ пораженіе на общихъ выборахъ, если Парнелль останется вождемъ. Двадцать четвертаго ноября стало извѣстнымъ содержаніе письма Гладстона къ Морлею, которое и либералы, и націоналисты сочли ультиматумомъ. Оно было истолковано такъ: «или Гладстонъ, или Парнелль». Такого ультиматума Гладстонъ не ставилъ. Письмо было составлено не особенно ясно. Великій старецъ воздавалъ должную оцѣнку заслугамъ Парнелля, но предсказывалъ «неисчислимыя бѣдствія» для либеральной партіи на общихъ выборахъ, если Парнелль останется лидеромъ. «Въ подобномъ случаѣ, мое вліяніе, какъ вождя либеральной партіи, выставившей на знамени прежде всего самоуправленіе для Ирландіи,—будетъ почти подорвано»,—писалъ Гладстонъ. Изъ книги Барри О'Бріена мы знаемъ, что Гладстонъ не хотѣлъ полной отставки Парнелля, а думалъ лишь о временномъ устраненіи отъ дѣлъ. Письмо съ поразительной быстротой появилось въ печати и прежде всего въ консервативномъ «Standard». И либералы, и націоналисты, и консерваторы поняли письмо въ томъ смыслѣ, что, по мнѣнію Гладстона, либеральная партія потерпитъ пораженіе на общихъ выборахъ, если Парнелль останется лидеромъ.

Накануне опубликованія письма ирландскіе депутаты, собравшись въ парламентѣ (сессія открывалась черезъ день), избрали своимъ лидеромъ Парнелля. Вождь былъ спокоенъ, холоденъ и неприступенъ, какъ всегда, пожалуй, даже больше, если вѣрить наивному заявленію одного изъ ирландскихъ депутатовъ: «Парнелль явился къ намъ съ такимъ видомъ, какъ будто бы мы свершили прелюбодѣяніе съ его женой». Письмо Гладстона произвело сильное впечатлѣніе. Немедленно ирландцы собрались въ парламентѣ. Это было черезъ день послѣ того, какъ состоялось избраніе лидера. Въ партіи начинался расколъ. Одни, какъ Барри, совѣтовали лидеру выйти въ отставку, другіе, какъ полковникъ Ноланъ, доказывали, напротивъ, настоятельную необходимость «to stand to his guns», т. е. не оставлять баттареи, какъ выражаются ирландцы. Засѣданіе ничѣмъ не окончилось. Назначили лишь рѣшающій митингъ на первое декабря 1890 г.; но уже въ тотъ же вечеръ выяснилось, что Диллонъ, Вилльямъ О'Бріенъ и Т. О'Коноръ ни въ коемъ случаѣ не пойдутъ за лидеромъ. Ирландскіе журналисты очень много писали о причинахъ, вызвавшихъ расколъ. Другъ друга обвиняли не только представители различныхъ партій, какъ напр., Диллонъ и Редмондъ, но даже представители одной и той же группы. Всего лишь на дняхъ вышелъ ядовитый, писанный желчью памфлетъ Хили: «Why Ireland is not Free?» На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ: «потому что Диллонъ вмѣшивается въ общественныя дѣла». Къ несчастью, ирландскія дѣла служатъ нагляднымъ доказательствомъ, какъ много теряютъ партіи, которыя, вмѣсто того, чтобы соединиться для борьбы съ общимъ врагомъ,— губятъ общее дѣло взаимными раздорами. Почему произошелъ расколъ? Анти-парнеллисты боялись, что если Парнелль останется,— уйдетъ Гладстонъ; если уйдетъ послѣдній,—будутъ проиграны общіе выборы. Пораженіе же либеральной партіи на общихъ выборахъ означало, по мнѣнію депутатовъ, смерть гомъ-руля.

Парнелль гордо объявилъ вызовъ всѣмъ противникамъ, опубликовавъ манифестъ къ ирландскому народу. «Шестнадцать лѣтъ тому назадъ,—писалъ онъ, между прочимъ,—задумалъ я организовать ирландскую парламентскую партію, независимую вполнѣ отъ англійскихъ партій. Десять лѣтъ тому назадъ я былъ избранъ лидеромъ этой партіи. Все это время она оставалась независимой и, въ силу этого именно, англійскій народъ пришелъ къ сознанію, что самоуправленіе для Ирландіи — необходимо. Я не вѣрю, чтобы гомъ-руль подвергался теперь опасности оттого, что ирландскій народъ станетъ поддерживать меня. Но если бы даже была та опасность, которой грозитъ намъ либеральная партія, то, мнѣ кажется, лучше подвергаться ей, чѣмъ вступать въ компромиссы, унижающіе наше національное достоинство». Перваго декабря, т. е. черезъ три дня послѣ опубликованія манифеста, всѣ ирландскіе депутаты собрались въ парламентѣ, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о

лидерѣ. Одинъ изъ депутатовъ сразу предложилъ такую резолюцію: «Парнелль отнынѣ не можетъ оставаться болѣе вождемъ». Оставшіеся вѣрными Парнеллю предлагали перенести митингъ въ Дублинъ. Они разсчитывали, что общественное мнѣніе тамъ выскажется за стараго вождя. Это предложеніе было разбито 44 голосами противъ 29. Горячіе и страстные дебаты не привели ни къ чему. Тогда Джюстинъ Макъ-Карти заявилъ, что совершенно безполезно продолжать дебаты, такъ какъ онъ и друзья его рѣшили оставить совѣщательный комитетъ. Сорокъ пять депутатовъ удалились. Парнелль остался съ 24 послѣдователями. Расколъ произошелъ.

Арена борьбы теперь была перенесена изъ Лондона въ Ирландію. Предстояли выборы въ Килкеней. Они должны были служить первымъ доказательствомъ того, перешла ли страна на сторону анти-парнеллистовъ, или же она осталась вѣрной еще старому вождю. Въ округѣ духовенство имѣло сильное вліяніе. До послѣдняго времени оно поддерживало Парнелля, хотя не могло симпатизировать протестанту, находящемуся, какъ думало духовенство, въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ феніями. Теперь же духовенство высказалось противъ Парнеля. Въ Дублинѣ лидера встрѣтили восторженно. Онъ собралъ большой митингъ. «Я не стану увѣрять, что моя личная жизнь всегда была безъ всякаго пятна,—сказалъ, между прочимъ, тогда Парнелль; но я торжественно заявляю, что никогда ни однимъ поступкомъ, словомъ или помышленіемъ не измѣнилъ Ирландіи и не нарушилъ довѣрія, оказаннаго ею мнѣ».

Прежде чѣмъ Парнелль оставилъ Дублинъ, ему пришлось взять приступомъ газету «United Ireland». Она прежде была органомъ парнеллистовъ; но затѣмъ перешла къ анти-парнеллистамъ. Чтобы изгнать ихъ изъ редакціи, пришлось осаждать ее и выламывать двери, такъ какъ новые сотрудники забаррикадировались. Изъ окна взятой приступомъ редакціи Парнелль обратился къ аплодировавшему и махавшему ему платками народу: «я полагаюсь на Дублинъ,—сказалъ онъ; Дублинъ—вѣренъ Ирландіи. Что Дублинъ говоритъ сегодня, то вся Ирландія скажетъ завтра».

Выборы въ Килкеней продолжались десять дней. «Это была борьба, главнымъ образомъ, между парнеллизмомъ и клерикализмомъ»,—говоритъ Барри О'Бріенъ. Парнелль былъ разбитъ; кандидатъ, предложенный имъ, получилъ 1362 голоса, тогда какъ представитель другой партіи—2527 голосовъ. «Мы разбиты,—писалъ Парнелль,—но это лишь первая стычка. Я буду сражаться, покуда живъ». Черезъ три мѣсяца Парнелль снова былъ разбитъ на выборахъ (въ Сѣверномъ Слайго). Наружно Парнелль оставался, повидимому, такъ же спокоенъ, какъ и всегда; но онъ страдалъ жестоко. Для него вся жизнь была борьба. «Я не отрицаю моихъ ошибокъ; я совершилъ ихъ множество,—мрачно сказалъ онъ тогда одному изъ своихъ друзей; но одной ошибки не могу простить себѣ. Я не былъ въ достаточной степени непреклоненъ. Они звали меня диктато-

ромъ. Къ сожалѣнію, я не вполнѣ былъ имъ. Я дозволялъ дѣлать слишкомъ многое; но этого больше не будетъ». Но Парнеллю больше не пришлось уже бороться. Седьмого октября 1891 г. его не стало. «Передайте Ирландіи, что я страстно любилъ ее». Таковы были послѣднія слова вождя. Одиннадцатаго октября Дублинъ хоронилъ національнаго героя. Не далеко отъ стариннаго собора св. Патрика въ Дублинѣ есть небольшое кладбище. Еще издали видна на немъ высокая круглая башня съ конической крышей. Она выстроена по типу тѣхъ круглыхъ башенъ, развалины которыхъ видны тамъ и сямъ въ Ирландіи. Подъ ней зарытъ прахъ «величайшаго ирландца» — О'Коннеля. Рядомъ съ этой-то могилой похороненъ Парнелль.

Діонео.

Идейное пробужденіе Франціи.

(Письмо изъ Франціи).

Тяжело жилось до самаго послѣдняго времени во Франціи 90-хъ годовъ; тяжело, конечно, всѣмъ тѣмъ, которые искренно любятъ эту страну великихъ словъ и великихъ дѣлъ, этотъ героическій народъ, этотъ безпримѣрный городъ, обильнѣе политый кровью, нежели цѣлыя сотни квадратныхъ миль иного государства! Реакція торжествовала по всей линіи, и, можно сказать, въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ каждый новый день прибавлялъ лишнюю черту къ этой общей мрачной картинѣ. То было, сейчасъ же вслѣдъ за побѣдой надъ монархическими партіями, свирѣпое расхищеніе государственнаго пирога стаей наголодавшихся при Имперіи «мудрыхъ и практичныхъ» республиканцевъ, торжество оппортунистской политики, которая отдала всю страну на кормленіе крупнымъ и мелкимъ представителямъ режима, и ихъ роднымъ, знакомымъ и креатурамъ. То было, по закону реакціи, нелѣпое движеніе массъ въ сторону цезаризма, черной лошади и генеральскаго султана Буланже, въ которомъ значительная часть населенія, науськиваемая реакціонными и мнимо-радикальными вожаками, видѣла «національнаго героя», спасителя Франціи отъ политическихъ и экономическихъ бѣдъ. Затѣмъ послѣдовалъ, вслѣдъ за отраженіемъ буланжистской арміи, новый пиръ побѣдителей, новая оргія «правительственныхъ республиканцевъ», при самомъ началѣ своемъ, впрочемъ, прерванная грандіозной панамской катастрофой. Этотъ кризисъ, повалившій столькихъ столповъ оппортунизма, вызвалъ лишь, въ концѣ концовъ, нѣкоторую перетасовку въ

составѣ правящаго персонала, замѣнилъ черезчуръ скомпрометированныхъ Несторовъ режима молодыми, но изъ раннихъ Улиссами, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилилъ ту клерикальную реакцію, которая стала прокидываться вскорѣ послѣ подавленія буланжизма въ свободомыслящихъ до того времени правительственныхъ сферахъ. Можно прямо подумать, что за свою собственную масляницу онѣ, эти сферы, хотѣли наложить великій постъ на всю страну: то было время, когда, въ отвѣтъ на макіавелевскую политику и авансы папы, Спюллеръ счелъ долгомъ заявить о «новомъ духѣ», и когда первые «присоединившіеся» къ республикѣ реакціонеры вошли въ республиканскую цитадель съ тѣмъ, чтобы отворить ея ворота врагамъ республики...

Право, живя среди этой вакханаліи реакціонныхъ силъ, можно было порою отчаяваться въ будущности Франціи, какъ можно было сомнѣваться, дѣйствительно ли это та самая героическая, борющаяся за всеобщее счастіе страна, къ которой лился бурнымъ потокомъ восторженный гимнъ энтузіастовъ свободы вродѣ Мишлэ:

«Вотъ она, эта Франція, сидящая, словно Іовъ, на землѣ посреди своихъ подругъ, другихъ націй, которыя пришли утѣшать ее, разспрашивать, помочь ей, если можно, работать для ея спасенія. «Гдѣ твои корабли, твои машины»? говоритъ Англія. А Германія спрашиваетъ: «гдѣ твои философскія системы? Нѣтъ ли у тебя, по крайней мѣрѣ, какъ у Италіи, произведеній искусства для показа»? Добрыя сестры, вы, которыя приходите утѣшать Францію, позвольте мнѣ отвѣтить за нее. Вы видите, она больна; она склонила голову, она не хочетъ говорить. Если бы люди захотѣли сложить вмѣстѣ все, что каждая нація издержала и золота, и крови, и усилій всякаго рода ради безкорыстныхъ вещей, которыя должны были пойти на пользу всему міру, пирамида Франціи поднялась бы до небесъ... Нѣтъ, не промышленный машинизмъ Англіи, не схоластическій машинизмъ Германіи составляетъ жизнь міра; ее составляетъ дыханіе Франціи, въ какомъ бы состояніи она ни находилась... Духъ Франціи можетъ порою засыпать въ ней, но онъ всегда сохраняется цѣлъ, всегда готовъ къ могущественному пробужденію» *).

Еще недавно эти пламенныя строки могли бы показаться насмѣшкой надъ современной Франціей, надъ Франціей, въ которой процессъ Золя обнаружилъ самое наглое торжество реакціи: читатели, слѣдящіе за моими письмами, найдутъ въ одномъ изъ нихъ выраженіе того тяжелаго настроенія, которое охватило въ началѣ этого года всѣхъ искреннихъ друзей великаго народа и поклонниковъ его историческаго прошлаго. Но теперь заключительныя слова идейнаго патріота-историка получаютъ даже какъ будто пророческій смыслъ: уснувшій духъ Франціи пробудился, и тотъ, кому дано судьбой жить въ это нервное время въ Парижѣ, чувствуетъ горячее дыханіе энтузіазма, исходящее отъ взволнованной толпы этихъ студентовъ, этихъ старыхъ профессоровъ, этихъ недавно еще умѣренно либеральныхъ публицистовъ, этихъ торгов-

*) J. Michelet, Le peuple; стр. 253—254 брюссельскаго изд. 1846.

цевъ, ремесленниковъ, рабочихъ, которые собираются чуть не каждый день на многочисленныхъ публичныхъ митингахъ, чтобы протестовать противъ произвола военной клики. Союзъ народа и интеллигенціи во имя справедливости—вотъ знамя этого идейнаго движенія; и, говоря такъ, я даже не даю отъ себя какой-нибудь обобщающей фразы, а беру цѣликомъ само выраженіе у публицистовъ демократической буржуазіи вродѣ Прессансэ.

И, знаете-ли, что? Можетъ быть, я и ошибаюсь, но, жадно прислушиваясь къ этому первому весеннему грому, возвѣщающему конецъ зимней спячки Франціи, я не могу отдѣлаться отъ той мысли, что и на этотъ разъ великій народъ сыграетъ свою обычную историческую роль: быть популяризаторомъ назрѣвающей идеи и иниціаторомъ дѣйствія. Обратили ли вы вниманіе, что съ легкой (лучше сказать тяжелой) руки Золя, сорвавшаго маску съ военной Ѳемиды, которая такъ удачно воплощается въ подполковникѣ Дюпати-де-Кламѣ, переряжавшемся въ даму подъ вуалемъ, обратили ли вниманіе на то, что теперь чуть не въ каждой странѣ нашлись свои Дрейфусы, свои жертвы судебныхъ ошибокъ, и поднялись свои защитники пострадавшей невинности, свои борцы за попранную справедливость? Въ началѣ этого года такая агитація возникла въ Бельгіи; теперь мы присутствуемъ при подобномъ же движеніи въ Голландіи и въ Германіи... И этимъ, конечно, дѣло не кончится: вотъ они, законы-то подражанія, свидѣтельствующіе, къ слову сказать, о томъ, что не однѣ мерзости исходятъ отъ коллективностей, но и благородные поступки!.. Этимъ, повторяю, дѣло не кончится: вопросъ переросъ Дрейфуса, переросъ приговоръ отдѣльнаго военнаго суда, переросъ пресловутый военный кодексъ Франціи (выработанный въ реакціонную эпоху второй Имперіи, въ 1857 г.). Рѣчь идетъ теперь о пересмотрѣ всемірно-исторической системы несправедливости, которая пышно разрослась за послѣдніе тридцать лѣтъ въ Европѣ. Какъ естественная любовь къ родинѣ, къ своимъ ближайшимъ людямъ-братьямъ выродилась въ крикливый и гнусный шовинизмъ? Какъ желаніе каждой націи охранить свое право на развитіе на—какъ бы это сказать?—личную ноту въ великомъ федеральномъ концертѣ народовъ привело къ чудовищной военщинѣ? Какъ борьба противъ эксплоатаціи человѣка человѣкомъ могла среди темныхъ массъ дать точку опоры для презрѣнной антисемитствующей демагогіи? Шовинизмъ, милитаризмъ, антисемитизмъ—вотъ вопросы, которые Франція ставитъ теперь въ своемъ лицѣ для всего міра, отправляясь по обыкновенію отъ конкретнаго факта и по обыкновенію доходя до самыхъ абстрактныхъ общечеловѣческихъ выводовъ. И въ этомъ великая важность дѣла Дрейфуса: какъ чисто-научному астрономическому выводу Ньютона надо было пройти черезъ волшебную реторту Вольтеровскаго ума для того, чтобы стать лозунгомъ новаго всемірнаго міровоззрѣнія, освобождающаго людей отъ философскихъ суевѣрій, такъ отдѣльному

факту несправедливости, совершенной надъ евреемъ - офицеромъ, надо было произойти во Франціи, чтобы борьба противъ насилія сейчасъ же приняла общечеловѣческій характеръ и повела за собой пересмотръ всего стараго міровоззрѣнія, какъ домовой тяготѣющаго надъ современной Европой....

Не забывайте читатель: нѣмцы, швейцарцы, бельгійцы, англичане, итальянцы, русскіе могутъ негодовать на французовъ; пишущій эти строки самъ страдалъ, волновался, скорбѣлъ за Францію, когда она оставалась, повидимому, глуха къ протесту противъ неправды. Но, въ сущности, кто давалъ намъ въ данномъ дѣлѣ первый толчокъ къ негодованію, кто снабжалъ насъ матеріаломъ для глубокаго нравственнаго возмущенія, и кто, какъ не сами французы, кто какъ не Золя, Клемансо, Жоресъ, Гойе, эти герои убѣжденія, которые вначалѣ составляли небольшое зерно, а теперь увлекли за собой все, что есть во Франціи мыслящаго и честнаго? Когда въ началѣ этого года мнѣ приходилось выдерживать жаркія стычки со многими знакомыми французами, я совершенно откровенно говорилъ имъ, что вопросъ Дрейфуса — всемірный вопросъ, и что поэтому французамъ нечего обижаться на то, что другія націи вмѣшиваются въ это якобы чисто-національное французское дѣло. Noblesse oblige: персіянинъ, турокъ, какой-нибудь другой азіатъ могутъ продѣлывать что имъ угодно у себя на дому, на то они азіаты—Франція не можетъ; ея внутреннія идейныя побѣды являются всемірной побѣдой идеи; ея внутреннія идейныя пораженія отбрасываютъ все человѣчество назадъ. Реакція во Франціи позволяетъ поборникамъ мракобѣсія и произвола въ другихъ странахъ душить пробуждающееся сознаніе народа циничнымъ указаніемъ на внутреннія слабости Франціи и ехидными кивками на республику: «вотъ видите, молъ, чего же вы хотите, когда угомонилась сама взбалмошная Маріанна!» Не типично ли въ самомъ дѣлѣ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда въ Германіи обсуждались измѣненія въ военно-судномъ законодательствѣ, реакціонеры съ торжествомъ затыкали глотку искреннимъ прогрессистамъ, стремившимся къ введенію гласности разбирательства, указаніемъ на французскіе порядки...

Признаться, я былъ крайне доволенъ, когда нашелъ эту точку зрѣнія тамъ, гдѣ не могъ предполагать ее, и, замѣтьте, въ самый разгаръ шовинистской бури. Весной этого года, одинъ изъ сотрудниковъ «Фигаро», поставившій своею спеціальностію изданіе сборниковъ французскихъ и иностранныхъ каррикатуръ, писалъ въ текстѣ къ сборнику, посвященному «дѣлу Дрейфуса»:

Европейское общественное мнѣніе!» скажете вы, «да развѣ существуетъ Европа?» — Да, конечно, и эта-то Европа по всюду и карандашомъ, и перомъ заставляетъ обратить вниманіе на свой голосъ. Она, эта Европа, оживляется, страстно волнуется, не скрывая болѣе своихъ чувствъ, выражая свое удовольствіе или свою печаль, сообразно съ тѣмъ, за Францію ли она или противъ нея, сообразно съ тѣмъ, видитъ ли она въ

нашей странѣ наслѣдственнаго врага деспотизма или великую освободительницу ума человѣческаго... Не надо забывать, что нѣкогда мы перевернули до основанія всю Европу, напитали ее нашимъ духомъ, нашими нравами, что мы заставили ее раздѣлять нашу счастливую и несчастную судьбу, что прежде, чѣмъ наложить на нее ярмо императорскаго деспотизма, мы дали ей надежду, дали ей свободу, такъ что, чтобы ни случалось, Европа съ тѣхъ поръ не перестаетъ обращать взоры на Францію... *).

Какъ же произошелъ тотъ поворотъ въ настроеніи французовъ, который изъ упомянутаго выше зерна героическихъ защитниковъ правды сдѣлалъ простой кадръ многочисленной и все растущей арміи? О, это очень интересный процессъ, процессъ, наводящій на серьезныя соображенія и проливающій свѣтъ на нѣкоторыя стороны «соціальной динамики или общей теоріи естественнаго прогресса человѣчества», сказалъ бы Контъ, или, выражусь попроще я—на тѣ пріемы, которые оказываются наиболѣе цѣлесообразными для того, чтобы общественное движеніе по возможности скорѣе разрослось. Я попрошу лишь читателя при дальнѣйшемъ изложеніи не забывать, что я предполагаю его достаточно ознакомленнымъ съ главнѣйшими перипетіями безконечно-усложняющагося дѣла Дрейфуса. Новости дня и многочисленные факты, которые наслояются на основномъ ядрѣ этого дѣла, могутъ найти мѣсто лишь въ газетѣ: въ моихъ письмахъ дѣло идетъ объ общей оцѣнкѣ событій...

Для того, чтобъ изъ протеста единичныхъ лицъ выросло сильное движеніе, которое, несомнѣнно, увлекаетъ теперь количественно значительное меньшинство, а качественно наилучшихъ людей изъ французовъ, для этого надо было героямъ инициативы подѣйствовать на общественное мнѣніе страны, не обращая вниманіе на бѣшенство и клевету профессіональныхъ «патріотовъ», на ревъ толпы на улицѣ, на враждебность и индифферентизмъ массъ. Мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось указывать читателю на двѣ основныя черты французскаго характера: воспріимчивость и общественность. Первая обусловливаетъ ту импульсивность, съ какою французъ реагируетъ на внѣшнее впечатлѣніе; вторая придаетъ этой импульсивности коллективный характеръ. Легкомысліе и стадность являются лишь оборотными сторонами упомянутыхъ положительныхъ качествъ. Вы поймете, почему французу очень легко привести свою мысль въ исполненіе, если она соотвѣтствуетъ коллективному настроенію; но поймете также, почему ему трудно рѣшиться на поступокъ, идущій въ разрѣзъ съ общимъ теченіемъ. Героическому жизнерадостному существу нѣтъ, напр., ничего легче, какъ взойти со своими товарищами на баррикаду въ борьбѣ за идею, когда коллективный энтузіазмъ доводитъ до высшаго напряженія всѣ силы человѣка и заставляетъ въ самой смерти видѣть самый великолѣпный, самый интенсивный актъ жизни,—ибо что за жизнь безъ

*) John Grand-Carteret, «L'Affaire Dreyfus et l'Image»; Парижъ, безъ даты (вышла въ мартѣ этого года), стр. 69—71, passim.

идеи? Но для француза, когда онъ чувствуетъ себя одинокимъ, нестерпимѣе всякой смерти и страшнѣе всякихъ ружейныхъ дулъ враждебный взглядъ толпы, которымъ она встрѣчаетъ смѣльчака, осмѣлившагося идти ей наперекоръ. И на этотъ-то по истинѣ геройскій поступокъ отважились иниціаторы движенія въ пользу Дрейфуса.

Дѣйствительно, вы представить себѣ не можете, не живя во Франціи, до какой степени идолопоклонства — и фальшиваго, и искренняго — дошло у этого фрондирующаго и свободолюбиваго народа преклоненіе передъ арміей или, вѣрнѣе, передъ мундиромъ и султаномъ. Я уже говорилъ въ свое время о томъ, какъ школа, парламентская трибуна, печать, улица учатъ націю этому положительно слѣпому обожанію всего, что прямо или косвенно касается военнаго элемента. И этой наукѣ, этому упорному гипнотизированію массъ блестящими погремушками милитаризма насчитывается цѣлая четверть вѣка. Только благодаря этому обстоятельству военная власть выросла во Франціи въ гигантскую силу, которая осмѣливается смотрѣть на себя, какъ на верховный общественный принципъ, не подлежащій критикѣ и обсужденію, и откровенно смѣется надъ гражданской властью, составляющею на самомъ-то дѣлѣ основу всего современнаго строя.

Съ 1871 г. и по 1898 г. Франція издержала на армію и флотъ 28 милліардовъ франковъ, и скоро дѣло близится къ круглой цифрѣ тридцати милліардовъ. И что же? Въ то время, какъ парламентъ проводилъ порою цѣлые дни, препираясь изъ-за какой нибудь тысячи франковъ въ той или другой главѣ бюджетной смѣты, военныя издержки вотировались, что называется, зажмуря глаза и подъ громъ аплодисментовъ «представителей верховнаго народа». Нѣтъ ничего типичнѣе засѣданій палаты, когда дѣло идетъ о военномъ бюджетѣ: для парламентарныхъ патріотовъ мало того, чтобы критика падала у подошвы ботфортовъ военнаго министра,—нѣтъ, надо, чтобы спрашиваемый министерствомъ кредитъ былъ принятъ единодушно всѣмъ парламентомъ. «Не давайте, ахъ, не давайте поводовъ наблюдающимъ насъ изъ дипломатической ложи иностраннымъ посламъ замѣчать наши разногласія: Франція въ дѣлѣ національной защиты выступаетъ вся какъ одинъ человѣкъ». И депутаты, дѣйствительно, старались, по возможности не разсуждая, принимать любую смѣту министерства. «Добровольное рабство»— такъ бы окрестилъ Этьеннъ-де-ла-Боэси эти пріемы французской палаты.

А самый докладъ коммиссіи, изучающей бюджетъ военнаго министерства? Боже мой! сколько обыкновенно находится патріотической поэзіи въ этой сухой прозѣ! Какими голосами сиренъ поютъ всѣ эти цифры, участвующія въ танцѣ милліардовъ! Какъ умѣло докладчикъ проскакиваетъ мимо докучливыхъ вопросовъ серьезнаго контроля и какъ нетерпѣливо онъ несется къ финальному апоѳеозу

и прославленію «тѣхъ жертвъ, которыя Франція, не щадя усилій, приноситъ на алтарь отечества!» Когда три года тому назадъ Каваньякъ, еще не успѣвшій выказать себя большимъ и упрямымъ честолюбцемъ, рѣшилъ въ своемъ докладѣ приподнять лишь уголъ Изидина покрывала, окутывающаго продѣлки военныхъ интендантовъ и корыстное снисхожденіе къ нимъ властей, то этотъ элементарный актъ контроля привелъ въ несказанный трепетъ большинство представителей страны въ парламентѣ и печати: такъ необычна показалась подобная продерзость! Когда вначалѣ этого года, депутатъ Ле-Эриссэ,—замѣтьте, бывшій буланжистъ — вынужденъ былъ заговорить о злоупотребленіяхъ протекціей въ военныхъ сферахъ, злоупотребленіяхъ, благодаря которымъ разные папенькины сынки (les fils à papa) и изящные танцоры забѣгаютъ далеко по службѣ впереди серьезныхъ и работающихъ офицеровъ, «правительственные республиканцы» постарались съ негодованіемъ отвергнуть такое обвиненіе. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ Амонъ (Hamon) въ своей «Психологіи профессіональнаго военнаго», Люсьенъ Декавъ въ своихъ «Унтерахъ» развернули рядъ фактовъ, типовъ и сценъ изъ военной жизни, противъ нихъ было возбуждено преслѣдованіе за нападки на армію, хотя всѣ эти темныя стороны милитаризма извѣстны всѣмъ и каждому, и лишь о нихъ считается непристойнымъ говорить вслухъ. И въ данный моментъ парламентъ далъ свое благословеніе на преслѣдованіе Юрбэна Гойе за сборникъ его статей «Армія противъ націи», хотя большинство утвержденій автора заимствовано изъ оффиціальныхъ документовъ, судебныхъ отчетовъ, газетныхъ корреспонденцій. Словомъ, согласно старинной фразѣ, армія, подобно женѣ Цезаря, не должна быть ни въ чемъ подозрѣваема.

Немудрено, что при такомъ настроеніи въ правящихъ сферахъ и темной массѣ представители военной власти составили изъ себя прочную корпорацію, особое государство въ государствѣ, высшую касту, смотрящую съ презрѣніемъ на какихъ-то копошающихся тамъ, внизу, штафирокъ, которые работаютъ, производятъ, учительствуютъ, служатъ наукѣ и справедливости. «Увы! мы черезчуръ избаловали генераловъ», признался на этихъ дняхъ извѣстный гамбеттистъ сенаторъ Ранкъ, который такъ долго поддерживалъ оппортунистскую политику и спохватился лишь какихъ нибудь два-три года, когда реакція распустила свои черныя крылья надъ всей страной. Само собою понятно, что эта система «баловства» должна была гибельно подѣйствовать на высшее офицерство. Въ самомъ дѣлѣ, надо быть ангеломъ, чтобы остаться скромнымъ и убѣжденнымъ защитникомъ отечества, чуждымъ высокомѣрія и властолюбія, въ этой средѣ, которая одна является безконтрольной силой въ республикѣ, въ то время, какъ все, вплоть до самыхъ коренныхъ основъ жизни, принадлежитъ во Франціи критикѣ и обсужденію. А какіе же ангелы всѣ эти генералы Мерсье, де-Буадеффры,

де-Пелье и т. п.? Большинство ихъ, уже по самому своему происхожденію, средѣ и взглядамъ, представляетъ заклятыхъ враговъ республики. Откуда вербуются они? Изъ такъ называемой аристократіи или буржуазіи, которая тоже тянется въ знать. Но что это такое французская аристократія? Я рекомендую читателю любопытныя статьи, печатающіяся въ «Revue des Revues» за подписью Виконта А. де-Ройе (вѣроятно, псевдонима) и произведшія шумъ въ благородномъ муравейникѣ. Съ одной стороны оказывается, что изъ 45,000 аристократическихъ фамилій Франціи.

едва ли есть 450 фамилій, которыя на самомъ дѣлѣ могутъ претендовать на благородное происхожденіе *),

что объясняетъ ироническую тираду автора, обращенную къ славнымъ обитателямъ Сэнъ-Жерменскаго предмѣстья:

И развѣ Сэнъ-Жерменское предмѣстье не усвоило себѣ издавна этого прекраснаго нѣмецкаго девиза: Man muss leben und leben lassen (живи самъ да и другимъ жить давай)? Каждый соглашается въ немъ терпѣть извѣстныхъ маркизовъ или принцевъ, чтобы избѣжать оспариванія своихъ собственныхъ званій герцога или графа. Такимъ образомъ, благодаря этому режиму взаимной снисходительности, Франція сдѣлалась самымъ богатымъ разсадникомъ потомковъ крестоносцевъ **).

Но съ другой стороны это, казалось бы, невинное тщеславіе чревато очень вредными соціальными послѣдствіями:

Французское дворянство является въ настоящее время не болѣе какъ приманкой, пустымъ словомъ, и однако представляетъ еще собой страшную общественную силу. Прежде всего оно—убѣжище реакціи или, вѣрнѣе, всевозможныхъ реакцій. Какой нибудь буржуа, просыпаясь «благороднымъ», открываетъ въ себѣ въ то же самое время и чувства, почитаемыя «благородными!» Его религіознымъ идеаломъ станетъ Римъ съ его нетерпимостью, а его политикоэкономическія мечтанія будутъ сосредоточиваться на преобладаніи капитала и пергамента. Онъ будетъ тѣмъ сильнѣе держаться за свою новую религію, что она представляетъ для него прелесть незаконной связи ***).

Вотъ изъ какихъ людей вербуется главнымъ образомъ французское офицерство! Для укрѣпленія реакціонныхъ традицій и предразсудковъ этой среды имѣются даже спеціальныя заведенія для юношества, въ которыхъ директорами состоятъ явные или тайные іезуиты и прочія лица духовныхъ орденовъ, а преподаваніе ведется въ строго-католическомъ и консервативномъ духѣ. Такова, напр., въ Парижѣ гимназія Станислава, у подъѣзда которой

---

*) A. de Royer, «Avons nous une noblesse française»; «Revue des Revues», n° отъ 1-го октября 1898 г. (я цитирую по отдѣльному оттиску, стр. 7).

**) См. статью вторую: «Les Fantomes de «vieille roche»; ibid., n° 1-е ноября, стр. 238.

***) «Autour de nos articles sur la noblesse»; ibid., n° 15-го ноября, стр. 385—386.

(на улицѣ Notre-Dame-des Champs) вы можете видѣть зачастую длинный рядъ изящныхъ экипажей съ болѣе или менѣе фантастическими гербами. Одна лишь эта клерикальная гимназія заключаетъ въ своихъ стѣнахъ болѣе 1,500 учениковъ, а сколько такихъ заведеній разсѣяно по всей Франціи, и сколько дѣтскихъ головъ систематически набивается чудовишными средневѣковыми идеями, которыя исключаютъ всякую критику и малѣйшее проявленіе самостоятельной мысли! И такъ какъ военная карьера стала въ послѣднее время главнымъ прибѣжищемъ отпрысковъ аристократическихъ фамилій, которыя вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ блещутъ поразительнымъ отсутствіемъ талантовъ въ своей средѣ, то нечего удивляться, какая громадная пропорція клерикаловъ находится среди здѣшняго офицерства, возрастая по мѣрѣ того, какъ поднимается по іерархической лѣстницѣ. Ибо не надо забывать, что всѣ эти птенцы католической реакціи образуютъ собою нѣчто вродѣ священнаго братства, которое тянетъ за уши своихъ и строитъ всяческія козни «чужимъ».

Эта сторона дѣла хорошо представлена въ выходящей теперь выпусками закулисной исторіи дѣла Дрейфуса, написанной Паскалемъ Груссэ:

Вынужденные со времени франко-германской войны проходить, подобно всѣмъ прочимъ гражданамъ, черезъ службу въ арміи, внуки шуановъ и эмигрантовъ скоро замѣтили выгоду отъ занятія въ ней офицерскихъ мѣстъ. Военная профессія, долго презиравшаяся ими, снова стала аристократической. Іезуиты систематически толкали своихъ учениковъ въ разсадники офицерства, прибѣгая ко всевозможнымъ средствамъ для проведенія ихъ въ спеціальныя военныя школы,—включая сюда предварительное сообщеніе темъ на конкурсныхъ экзаменахъ и настойчивое клянченье передъ экзаменаторами. Всѣмъ извѣстно, что, по выходѣ, ученики, принадлежащіе къ іезуитскому ордену, найдутъ у него покровительство, опору и даже, благодаря ему, женятся на богатой невѣстѣ. А скоро только на ихъ долю и будетъ выпадать повышеніе въ чинахъ. Искусный и незамѣтный подборъ, производимый постоянно дѣйствующей темной властью, мало-по-малу замѣстилъ тѣми, которые могутъ служить политикѣ ордена, всѣ высшія должности, экзаменаціонныя коммиссіи при военной школѣ, главные посты въ генеральномъ штабѣ и арміи. Медленно, но вѣрно развиваясь, эта система принесла плоды. И такимъ образомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ, благодаря этой тактикѣ, тѣмъ болѣе гибельной, что она казалась совершенно естественной и опирающейся на условія конкурса, на военный уставъ, на прерогативы чина,—всѣ высшія и несмѣняемыя должности, всѣ дѣйствительныя функціи командованія во французской арміи достались приверженцамъ іезуитскаго ордена *).

Знаменателенъ уже самъ по себѣ тотъ фактъ, что четверть офицеровъ сухопутной арміи (около 7,000 изъ 28,000) и половина флотскихъ офицеровъ (900 изъ 1,800) проходятъ чрезъ клерикаль-

*) Paschal Grousset. «L'affaire Dreyfus illustrée et ses ressorts secrets. Histoire documentaire;» Парижъ, 1898, выпускъ II, стр. 16.

ныя школы. Но еще знаменательнѣе окончательный результатъ клерикализма въ войскѣ: громадная пропорція главныхъ постовъ занята потомками тѣхъ французскихъ «благородныхъ» эмигрантовъ, которые сто лѣтъ тому назадъ составляли такъ называемую «армію Кондэ», измѣннически сражавшуюся противъ своего отечества подъ нѣмецкими, австрійскими и англійскими знаменами. Когда Юрбэну Гойе пришла въ голову остроумная мысль сравнить фамиліи теперешнихъ офицеровъ съ фамиліями ренегатовъ прошлаго вѣка, то сейчасъ же, лишь на основаніи неполныхъ документовъ, галантливый авторъ нашелъ, что

болѣе тысячи фамилій, носимыхъ нѣсколькими тысячами офицеровъ, оказались совершенно тождественными въ войскахъ Кондэ и въ кадрахъ современной французской арміи. Цѣлыя семьи лишь перемѣнили, такъ сказать, форму. Порою онѣ располагаютъ одинаковымъ числомъ однихъ и тѣхъ же воинскихъ чиновъ въ однихъ и тѣхъ же дѣленіяхъ арміи. Такъ, кавалерія, въ которой мы служимъ теперь, воспроизводитъ удачно своими кадрами кавалерію Кондэ... Драгуны Ангэна и Клермонъ-Тоннерра, кавалеры Короны, благородные кавалеристы Ангулэма находятся теперь во главѣ нашихъ полковъ и нашихъ бригадъ.. Старый военный феодализмъ, проявлявшій столько гнета и ненависти, непримиримый врагъ современнаго духа, держитъ въ настоящее время въ своихъ рукахъ власть болѣе страшную, чѣмъ всѣ его старинныя привилегіи. Армія Кондэ, цѣликомъ перенесенная въ наши ряды или, вѣрнѣе, поставленная во главѣ нашей, располагаетъ по своему произволу арміей Республики, а, при помощи арміи, угрожаетъ всей націи *).

Эти свойства офицерства, разросшіяся на почвѣ фактической безконтрольности и поддерживаемыя шовинистскимъ обожаніемъ мундира со стороны толпы, достаточно объясняютъ сцены, разыгравшіяся въ началѣ этого года при процессѣ Золя.

И однако, какъ мы сейчасъ увидимъ, за этимъ, казалось, окончательнымъ паденіемъ идейнаго элемента во Франціи послѣдовало тутъ же пробужденіе великой страны...

Пробужденіе это вызвано усиліями здѣшней интеллигенціи, среди которой возникло безкорыстное идейное движеніе въ пользу нарушеннаго права и во имя общечеловѣческой справедливости. Такое движеніе крайне любопытно хотя бы уже потому, что вносить въ современную исторію Западной Европы новый элементъ и указываетъ намъ на необходимость существенной поправки въ теоріи и практикѣ общественнаго развитія. Странное дѣло, чѣмъ внимательнѣе я присматривался къ упомянутому движенію, чѣмъ болѣе вдумывался въ него, тѣмъ настойчивѣе выплывали въ моей памяти различныя перипетіи нашего домашняго спора о роли интеллигенціи, спора, имѣвшаго такое значеніе въ Россіи начала 80-хъ годовъ. Нѣкоторыя подробности до такой степени совпадали въ обоихъ случаяхъ, что порою мнѣ казалось, будто я вижу сонъ на яву, будто я снова

*) Urbain Gohier, «L'Armée de Condé. Mémorial de la Trahison» Парижъ, 1898, изд. 2-е, стр. 6—10, passim.

въ Россіи и участвую въ знакомыхъ и страшно близкихъ сердцу дебатахъ. Сколько разъ мнѣ хотѣлось воскликнуть вмѣстѣ съ Гейне, но воскликнуть не иронически, а съ волненіемъ:

> Не на родинѣ ли милой
> Я ужъ слышалъ эти звуки?..

Начать съ того: людей, занимающихся умственнымъ трудомъ, было всегда во Франціи много; но отчего же только за послѣдній годъ возникло здѣсь слово «intellectuel», очень близко соотвѣтствующее нашему слову «интеллигентъ», подобно тому какъ выраженіе «le parti des intellectuels» можетъ быть прекрасно передано нашимъ терминомъ «интеллигенція»? Говорятъ, нашу «интеллигенцію» выдумалъ г. Боборыкинъ; враги здѣшняго идейнаго движенія утверждаютъ, что «intellectuel» (въ его новомъ спеціальномъ значеніи существительнаго, ибо какъ прилагательное это слово давно живетъ въ языкѣ) сочиненъ Клемансо. Но какъ бы то ни было, не указываетъ ли этотъ смыслъ слова и на то, что возникло новое понятіе?

Далѣе. Во время нашего домашняго спора, мыслящіе люди старались выяснить, что если интеллигенція и буржуазія могутъ временами идти рука объ руку, и даже совпадать, то это лишь возможный частный случай, а не непремѣнное правило; что если въ Европѣ упомянутое совпаденіе и замѣчалось раньше, то теперь уже этого нельзя сказать, ибо, рядомъ съ интеллигенціей буржуазной, тамъ существуетъ и интеллигенція четвертаго сословія, да и не мало есть интеллигентныхъ буржуа, идущихъ противъ своихъ классовыхъ интересовъ; что въ Россіи (дѣло было въ началѣ 80-хъ годовъ) интеллигенція менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можетъ сознательно защищать интересы буржуазіи, такъ какъ насмотрѣлась на игру этихъ интересовъ на Западѣ; что если думающимъ людямъ въ Россіи и можно дать названіе интеллигенціи, то вовсе не ради удовлетворенія ихъ гордости, а потому что, дѣйствительно, интересы мысли и нормальнаго общественнаго развитія имъ кровно дороги, или, какъ выразился одинъ изъ представителей русской интеллигенціи:

> Мы можемъ съ чистою совѣстью сказать: мы—интеллигенція, потому что мы многое знаемъ, обо многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой; слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы — чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разумъ нашъ съ нимъ *).

Выяснено было во время этого спора и то обстоятельство, что не оффиціальный чинъ ученаго, и не дипломъ, и не количество лѣтъ, проведенное въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, ставятъ человѣка въ ряды интеллигенціи, а его вдумчивое и сознательное отно-

---

*) Н. К. Михайловскій, Сочиненія, т. V, стр. 538; Спб., 1897.

шеніе къ общественной жизни и взглядъ на работу мысли, какъ на важнѣйшую цѣль существованія...

Съ тѣхъ поръ прошло немало лѣтъ, и значеніе «интеллигенціи» вмѣстѣ съ самымъ словомъ кануло у насъ въ Лету «забытыхъ словъ». Разные Иваны, не помнящіе родства, ввели даже въ моду фификанье надъ интеллигенціей и приписыванье ей горделивыхъ замысловъ, въ которыхъ она, бѣдняжка, по теперешнимъ временамъ не можетъ быть виновна. И вдругъ и слово «интеллигенція», и бывшій дотолѣ спеціально русскимъ смыслъ слова, и сама вещь возникаютъ во Франціи.

Какъ вы, напр., находите слѣдующее разсужденіе Полана, одного изъ выдающихся философскихъ мыслителей современной Франціи.

Общее условіе, необходимое для того, чтобы принадлежать къ тѣмъ, которые могутъ представлять, — не исключительно, но болѣе, чѣмъ ихъ согражданe, — сознаніе народа, условіе, которое предполагается всѣми другими условіями, это — спеціальное упражненіе мысли, и особенно мысли независимой. А это значитъ, что тѣ, которые удовлетворяютъ этому условію, являются существеннымъ образомъ «интеллигентами» (intellectuels). И слѣдуетъ не заблуждаться относительно смысла слова «интеллигентъ»: это—тотъ, кто дѣлаетъ изъ упражненія мысли главное занятіе своей жизни,—или одно изъ главныхъ, потому что можно въ одно и то же время быть и интеллигентнымъ человѣкомъ, и человѣкомъ чувства или дѣйствія. Нельзя поэтому противоставлять безусловно «интеллигента» тому, кто занимается такой профессіей, въ которой упражненіе ума играетъ второстепенную роль, или даже ручнымъ ремесломъ. Интеллигенты есть и между рабочими, потому что есть рабочіе, которые мыслятъ и интересуются болѣе своими идеями, чѣмъ своимъ ежедневнымъ трудомъ. Встрѣчаются также интеллигенты и между торговцами и промышленниками, какъ встрѣчаются они среди судей и чиновниковъ. Характеристичная черта интеллигентовъ вовсе не заключается въ томъ, что они должны быть романистами или профессорами санскрита. Между ними есть и такіе, которые мало или совсѣмъ ничего не писали и никогда не поучали оффиціально аудиторію. Конечно, въ силу разныхъ причинъ и хотя бы уже потому, что выборъ карьеры указываетъ въ извѣстной мѣрѣ на способности и вкусы, или потому еще, что имъ возможно развиваться и упражняться, интеллигенты будутъ многочисленнѣе въ тѣхъ профессіяхъ, которыя требуютъ прежде всего работы ума. Нечего, слѣдовательно, удивляться, если въ интересующій ихъ вопросъ вмѣшалось больше профессоровъ, чѣмъ машинистовъ, или литераторовъ, чѣмъ подметальщиковъ улицъ *).

Вотъ оно, русское опредѣленіе интеллигенціи, и опредѣленіе, повторенное двадцать лѣтъ спустя въ странѣ, которая въ своемъ политическомъ развитіи скорѣе забѣгаетъ впередъ прочихъ странъ, чѣмъ остается позади ихъ. Работа мысли и существенное жизненное значеніе, придаваемое этой работѣ,—таковъ основной признакъ «интеллигенціи» по мнѣнію француза, принадлежащаго къ ней.

---

*) Fr. Paulhan, «Le droit des Intellectuels»; въ № отъ 1-го октября 1898. «Grande revue», стр. 735.

Но тутъ является сейчасъ же другой вопросъ: откуда же фактически взялась французская интеллигенція, выступленіе которой на историческую сцену въ тяжелый и смутный моментъ потребовало даже созданія новаго слова? Эта поднявшаяся на защиту справедливости интеллигенція главнымъ образомъ вышла изъ рядовъ буржуазіи: писатели, профессора чиновники — вотъ тѣ слои, гдѣ преимущественно выросъ и созрѣлъ протестъ. Люди, осмѣлившіеся пойти противъ колоссальныхъ силъ реакціи, которыя обнаруживались въ арміи, судѣ, парламентѣ, и противъ свирѣпой косности массъ, рисковали своимъ спокойствіемъ, положеніемъ, жизнью и — что страшнѣе всего! — своей репутаціей честныхъ и безкорыстныхъ гражданъ. Всѣмъ этимъ рисковали они и тѣмъ не менѣе пошли. Въ то же самое время, какъ я уже писалъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій, двѣ великія общественныя силы, наполняющія теперь весь міръ шумомъ своей борьбы,—капитализмъ и соціализмъ,—остались почти совсѣмъ внѣ грандіознаго столкновенія, подѣлившаго всю Францію на два лагеря. Говоря такъ, я исключаю, конечно, отдѣльныхъ личностей, активное выступленіе которыхъ лишь подтверждаетъ, лишь подчеркиваетъ общую неподвижность въ данномъ случаѣ двухъ упомянутыхъ враждебныхъ силъ. И если соціалистическая партія Франціи мало-по-малу вышла изъ такого выжидательнаго положенія и, наконецъ, направилась въ сторону «идеологовъ», то это движеніе до самаго послѣдняго времени далеко не было дружно и рѣшительно

Все это заставляетъ меня рѣшиться на слѣдующій выводъ: теорія классовой борьбы, а особенно борьбы на почвѣ однихъ лишь экономическихъ интересовъ, должна быть дополнена существенной поправкой, и поправка эта касается все возрастающей роли нравственнаго элемента и убѣжденія въ соціальномъ движеніи нашихъ дней. Было бы неумѣстно входить здѣсь въ теоретическое обсужденіе сравнительнаго значенія экономическихъ и другихъ условій; мнѣ пришлось бы повторить мою обычную мысль о важномъ, но не единственномъ вліяніи «матеріальнаго» фактора. Но во всякомъ случаѣ, даже и признавая общую вѣрность теоріи классовой борьбы въ широкомъ смыслѣ, я не хочу закрывать глаза на очень интересный соціологическій фактъ, который доставляетъ именно современная Франція: самое сильное общественное движеніе, которое обнаружилось въ ней за послѣднюю четверть вѣка, выросло на почвѣ страстнаго исканія «справедливости».

Всѣ силы реакціи заключили тѣсный союзъ противъ жертвы шовинизма, милитаризма и антисемитизма. Во французской арміи находится человѣкъ, который былъ вначалѣ противъ Дрейфуса и который, сознавъ свою ошибку, употребляетъ теперь всѣ свои усилія, чтобы открыть настоящаго предателя, ставя на карту въ этой борьбѣ съ ложью свою карьеру, жизнь и честь. И что же? Подполковникъ Пикаръ, этотъ «великій честный человѣкъ, этотъ сол-

дать, высказавшій гражданское мужество, въ тысячу разъ болѣе рѣдкое и благородное, чѣмъ военное мужество, столько доказательствъ котораго онъ далъ въ Алжиріи и Тонкинѣ», этотъ «дважды герой», какъ называетъ его Прессансэ *), посылается, благодаря интригамъ штабныхъ, въ Тунисъ, и шайка враговъ-сослуживцевъ ждетъ не дождется, когда же, наконецъ, мѣткая пуля кочевника закроетъ на всегда уста этого опаснаго искателя истины.

Во французскомъ сенатѣ одно изъ вице-президентскихъ креселъ было занято богатымъ эльзасцемъ, искреннимъ республиканцемъ, стариннымъ сподвижникомъ Гамбетты: пренебрегая своимъ спокойствіемъ и положеніемъ, онъ рѣшается подѣлиться со своимъ давнимъ другомъ, генераломъ Билльо, въ то время военнымъ министромъ, своимъ убѣжденіемъ въ невинности Дрейфуса. И что же? Другъ-генералъ предательски подставляетъ ножку Шереру-Кестнэру, и послѣдній величается въ шовинистской прессѣ «выжившимъ изъ ума старымъ дуракомъ и подкупленнымъ измѣнникомъ», а сенатъ при новой баллотировкѣ прокатываетъ неосторожнаго Донъ-Кихота правды на вороныхъ.

Матье Дрейфусъ, братъ мнимаго предателя, вынужденъ, наконецъ, формально обвинить майора Эстергази въ составленіи «бордеро»: «негодяй, мерзкій жидъ, смѣешь ли ты сомнѣваться въ чести» этого.... интернаціональнаго мошенника и средневѣковаго кондотьери, лишеннаго малѣйшаго нравственнаго чувства, — вопитъ постыдная печать и вторящая ей улица; и Матье Дрейфусу вмѣняется въ преступленіе его рѣшимость не пожалѣть всего своего имущества, лишь бы доказать невинность брата. А презрѣнный шпіонъ Эстергази оправдывается при громѣ патріотическихъ трубъ и литавровъ, рукопожатіяхъ и радостныхъ слезахъ французскихъ генераловъ и офицеровъ и, скатываясь тріумфаторомъ съ лѣстницы военнаго суда, падаетъ на грудь герцога Орлеанскаго, чтобы, прибѣжавъ къ себѣ домой, получить оффиціальное свидѣтельство въ добропорядочности отъ генерала де-Пеллье, титулующаго его въ письмѣ «дорогимъ коммендантомъ».

Былъ также во французской литературурѣ одинъ изъ крупнѣйшихъ романистовъ современной эпохи, произведенія котораго читаются на всемъ пространствѣ цивилизованнаго міра, которому, казалось бы, только жить да поживать среди славы и богатствъ, пріобрѣтенныхъ литературнымъ трудомъ: «я обвиняю», вдругъ вылилось изъ подъ пера Зола, разносясь по всей Франціи и всему свѣту, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не было ни одной клеветы, ни одного площаднаго ругательства, ни одной угрозы, которымъ не служилъ бы мишенью этотъ смѣлый гражданинъ, воставшій противъ неправды.

---

*) См. Francis de Pressensé, «Un héros. Le lieutenant-colonel Picquart»; Парижъ, 1898, стр. XV предисловія къ книгѣ.

И сколько можно было бы насчитать этихъ жертвъ реакціи, или, вѣрнѣе, этихъ героевъ убѣжденія, которые не остановились ни передъ чѣмъ, ни передъ какими эгоистическими соображеніями, а исполнили свой подчасъ очень тяжелый долгъ. «Идеологи» Франціи явились въ эпоху переживаемаго кризиса цвѣтомъ и гордостью націи, и имъ мы обязаны идейнымъ пробужденіемъ страны. Какъ уложить ихъ дѣятельность въ игру матеріальныхъ интересовъ и даже въ рамки классовой борьбы? Сколько намъ ни приходилось слышать ревностныхъ партизановъ обновляющаго третью республику движенія, и великихъ, и малыхъ, и ученыхъ, и простыхъ смертныхъ,—у нихъ одна фраза на устахъ: мы боремся во имя общечеловѣческой справедливости! И не говорите, что то обыкновенная реторическая фраза, пустая декорація, за кулисами которой скрываются низменные интересы: эти люди самою дѣятельностію своею доказали, что слово не расходилось у нихъ съ дѣломъ, ибо они отдавали ему честь и жизнь. Кто видѣлъ Парижъ и вообще Францію въ это тяжелое, безумное время, тотъ сознается, что тутъ нѣтъ никакого преувеличенія.

Да, я увѣренъ, что современное идейное теченіе во Франціи указываетъ намъ на приближеніе той эпохи, когда наиболѣе чуткое, а поэтому и наиболѣе жизненное, наиболѣе сильное меньшинство будетъ руководиться преимущественно убѣжденіемъ, а не матеріальными и даже не классовыми интересами, и когда слово «справедливость» будетъ объединяющимъ знаменемъ для людей разныхъ общественныхъ положеній. Я слышалъ это слово на публичныхъ собраніяхъ изъ устъ кабинетныхъ ученыхъ, какъ изъ устъ привычныхъ къ агитаціи рабочихъ ораторовъ, и кѣмъ бы оно ни произносилось, оно вызывало и вызываетъ трепетъ энтузіазма въ толпѣ. Не буду даже спорить противъ того, что понятіе о справедливости и содержаніе убѣжденія выросли на почвѣ реальныхъ людскихъ отношеній и интересовъ: съ меня довольно того, что нравственный элементъ взломалъ теперь своимъ могущественнымъ ростомъ ту первоначальную почву, гдѣ зрѣло его сѣмя, и неудержимо стремится вверхъ, на просторъ, къ солнцу и свѣту. Пусть такъ, но слово «справедливость» является теперь для насъ терминомъ, при помощи котораго мы можемъ столковаться. Ибо если мѣняется содержаніе справедливости, сообразно эпохѣ и средѣ, то настроеніе, при которомъ я совершаю извѣстный *справедливый*, по моему мнѣнію, актъ, само это настроеніе отличается уже несравненно большей специфичной устойчивостью. Говоря съ вами о справедливомъ и несправедливомъ, хотя этимъ формамъ сознанія соотвѣтствуютъ извѣстные объективные элементы, я дѣлаю то же самое, что дѣлаю, говоря съ вами въ практикѣ жизни о красномъ и фіолетовомъ цвѣтахъ вмѣсто того, чтобы толковать о 395 или 763 билліонахъ колебаній въ секунду.

Да, «справедливость» становится въ современной Франціи все болѣе и болѣе регулирующимъ элементомъ и въ извѣстной степени

начинаетъ связывать между собой даже борющіеся классовые интересы: вы можете теперь услышать чуть не ежеминутно на собраніяхъ въ честь Пикара, какъ и ученые изъ буржуазной среды и рабочіе выражають сильное желаніе идти рука объ руку и впредь, и послѣ торжества правды въ дѣлѣ Дрейфуса, какъ они обѣщають продолжать это «взаимное общеніе» другъ съ другомъ и разрѣшать возможныя недоразумѣнія добросовѣстнымъ обсужденіемъ раздѣляющихъ ихъ классовыхъ вопросовъ. Пока важно одно: съ той и съ другой стороны падаютъ китайскія стѣны разобщенности и классовыхъ предразсудковъ. Профессоръ Психари, зять Ренана, развернулъ передъ взволнованной и растроганной аудиторіей картину недавняго умственнаго состоянія ученыхъ спеціалистовъ, отдѣленныхъ отъ народа и выразителей его стремленій глубокимъ рвомъ незнанія и предвзятыхъ мнѣній: «мы черезчуръ ушли въ свою узкую спеціальность, мы сидѣли надъ своими книгами и микроскопами, какъ бы въ комнатѣ, окна которой никогда не выходили на улицу, а куда-нибудь на задній дворъ... Но чувство справедливости сблизило насъ для общаго дѣла, и всѣ мы, и съ той и съ другой стороны, принуждены были отказаться отъ взаимныхъ предразсудковъ». Не знаменательно ли, что теперь самъ Жозефъ Рейнакъ находитъ возмутительными законы 1893 г., въ вотировкѣ которыхъ онъ принималъ такое участіе? Съ другой стороны и активные дѣятели, противъ которыхъ направлены тѣ законы, и теоретизирующіе представители ихъ заявляютъ, хотя бы устами Моклэра, что имъ остается только преклоняться передъ гражданскимъ мужествомъ ихъ новыхъ союзниковъ, профессоровъ и ученыхъ, надъ филистерствомъ которыхъ было такъ принято смѣяться въ революціонной средѣ.

Мнѣ, можетъ быть, слѣдовало бы остановиться нѣсколько на позорной роли парламента въ дѣлѣ Дрейфуса; на обоюдоострой функціи печати, которая, подобно языку въ сказкѣ Эзопа, явилась въ данномъ случаѣ и самой великой, и самой низкой вещью; на гражданскомъ мужествѣ, проявленномъ высшимъ судомъ во Франціи при печальномъ паденіи всѣхъ другихъ и военныхъ, и гражданскихъ трибуналовъ. Но это черезчуръ удлинило бы мою статью, посвященную общему изображенію идейнаго пробужденія Франціи. Да, кромѣ того, дѣло Дрейфуса далеко еще не кончено, и мнѣ придется вернуться снова къ нему. Здѣсь же я хотѣлъ бы подвести нѣкоторые соціологическіе итоги, вытекающіе изъ этого безпримѣрнаго въ своемъ родѣ общественнаго движенія, волны котораго далеко перекатились за предѣлы Франціи и расходятся по всему цивилизованному міру.

Однимъ изъ главнѣйшихъ итоговъ приходится признать значеніе въ жизни страны ея интеллигентнаго меньшинства, а въ этомъ интеллигентномъ меньшинствѣ вліяніе сильныхъ инціативою личностей, обращающихся къ народу во имя общечеловѣческихъ идеа-

ковъ справедливости. Если допустить, что Франція указываетъ другимъ странамъ путь политическаго развитія, то отсюда вытекаетъ, что вопросъ о роли интеллигенціи можетъ получить вскорѣ повсюду такой существенный интересъ, что съ нимъ придется считаться теоретикамъ голой классовой борьбы.

Другимъ выводомъ является признаніе почти магическаго могущества убѣжденія, которое при упорномъ и смѣломъ дѣйствіи на толпу можетъ вызвать необыкновенно сильное движеніе даже тамъ, гдѣ, казалось бы, не было никакихъ шансовъ на успѣхъ. Сравните степень мужества у Зола, Клемансо, Жореса со степенью мужества господина, подписавшагося въ послѣдніе дни на листахъ лицъ, протестующихъ противъ военнаго суда надъ Пикаромъ, напр., господина № 10,001 (въ первый день, какъ извѣстно, подписалось уже 10,000 человѣкъ на одномъ лишь листѣ газеты L'Aurore). Я просматривалъ эти подписи: по истинѣ психологія господина № 10,001—цѣлая поэма, ибо я узналъ въ этомъ господинѣ знакомыхъ мнѣ газетчиковъ, архитекторовъ, докторовъ, депутатовъ, которые, страха ради іудейска, притворялись до сихъ поръ убѣжденными въ виновности Дрейфуса, и которыми теперь словно плотину прорвало на листахъ протестантовъ... Ну, да Богъ съ ними!...

Интереснымъ выводомъ можетъ явиться и указаніе на новое направленіе научной и критической мысли, которая черезчуръ долго во Франціи (какъ и въ другихъ странахъ) разбивалась и заработала по узкимъ каналамъ спеціальности, и застаивалась и зацвѣтала въ нихъ, а теперь снова обнаруживаетъ стремленіе слиться въ одно общее русло, пытаясь освѣщать жгучіе вопросы современности (ср. рѣчь профессора Круазэ въ Сорбоннѣ). И, параллельно съ этимъ, среди интеллигентной буржуазіи вырабатывается стремленіе нести свою науку въ народъ, расширять его горизонтъ, пробуждать въ немъ способность самостоятельной оцѣнки, которая бы исключала возможность увлеченія демагогическими и цезаристкими идеями. Католическая реакція обратила, наконецъ, на себя вниманіе либеральной буржуазіи, и опасность, исходящая изъ Рима, не считается болѣе, какъ въ печальной памяти время Мелина, простымъ пугаломъ, выдуманнымъ лишь свободными мыслителями. Съ другой стороны, либеральная буржуазія начинаетъ сознавать, что исключительное преслѣдованіе ею матеріальныхъ интересовъ и борьба во имя ихъ съ трудящимися массами должны, въ концѣ концовъ, отчуждать буржуазную интеллигенцію отъ интеллигенціи рабочей, отъ народа, вообще отъ тѣхъ обширныхъ слоевъ, на которые буржуазіи приходится опираться хотя бы даже ради интересовъ своей мысли и своего развитія. Буржуазная интеллигенція кается въ своей многолѣтней винѣ и обѣщаетъ народу обратить вмѣстѣ съ нимъ свои усилія на коренную реформу правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

Какъ бы то ни было, но легче стало здѣсь дышать, Франція пробуждается, и хотѣлось бы думать, что мы, можетъ быть, стоимъ наканунѣ знаменательныхъ событій.

Н. К.

Политика.

Мирный трактатъ между Соединенными Штатами и Испаніей. — Новое положеніе, занятое Америкой. — Мирная конференція. — Окончательное улаженіе критскаго вопроса.—Французскія внутреннія дѣла.—Германія.— Текущія событія.

I.

28 ноября (10 декабря) наконецъ подписанъ въ Парижѣ окончательной текстъ испано-американскаго мирнаго договора. Подписаніе это было замедлено тѣмъ обстоятельствомъ, что американцы предъявили испанцамъ новое требованіе, не условленное прелиминаріями, подписанными въ Вашингтонѣ. Эти прелиминаріи предвидѣли, что относительно способа умиротворенія Филиппинскихъ острововъ рѣшеніе будетъ постановлено въ окончательномъ договорѣ. Въ Вашингтонѣ сочли возможнымъ истолковать эту статью въ томъ смыслѣ, что этимъ способомъ умиротворенія можетъ быть и присоединеніе Филиппинскаго архипелага къ Соединеннымъ Штатамъ. Невозможно сомнѣваться, что это присоединеніе представляется наиболѣе вѣрнымъ способомъ умиротворенія архипелага и возстановленія на немъ порядка и безопасности. Испанцамъ пришлось бы вести упорную и разорительную войну съ туземными инсургентами, чтобы возстановить свою власть и, если принять во вниманіе, что, согласно Вашингтонскимъ прелиминаріямъ, Испанія несомнѣнно признала за Соединенными Штатами право контроля надъ способомъ умиротворенія и водворенія порядка, а Штаты съ своей стороны, получивъ это право, не могли бы имъ не воспользоваться для покровительства своимъ союзникамъ, филиппинскимъ инсургентамъ, то едва-ли и для самой Испаніи не является самымъ удобнымъ исходомъ уступка архипелага, затребованная американскимъ уполномоченнымъ на парижской конференціи. Все это логично, но для испанцевъ было неожиданно. Они пробовали сопротивляться, затягивали переговоры, но, въ концѣ концовъ, не видя ни откуда помощи и поддержки, согласились на требованія американцевъ, заявивъ, однако, что считаютъ эти требованія не отвѣчающими точному смыслу прелиминарій и что уступаютъ только силѣ. Какъ бы

то ни было, договоръ подписанъ и одинъ изъ печальныхъ эпизодовъ, омрачившихъ собою послѣдніе годы вѣка, сталъ уже достояніемъ исторіи, а не современной политики.

Оффиціальный текстъ парижскаго договора 10 дек. еще не опубликованъ, но въ послѣднемъ полученномъ номерѣ *Times*'а онъ изложенъ очень подробно. Приведемъ здѣсь существеннѣйшія черты изъ этого изложенія.

Испанія отказывается отъ верховныхъ правъ и всякой власти на Кубѣ. Испанцы очищаютъ Кубу, американцы же ее оккупируютъ и, во весь срокъ оккупаціи, принимаютъ на себя охраненіе порядка, личной и имущественной безопасности на островѣ. Испанія уступаетъ Соединеннымъ Штатамъ — Порто-Рико и всѣ другіе острова, которыми она владѣла въ Вестъ-Индіи, а также островъ Гуапъ въ архипелагѣ Маріанскихъ или Разбойничьихъ острововъ. Сверхъ того, Испанія уступаетъ Соединеннымъ Штатамъ архипелагъ, называемый Филиппинскими островами, причемъ въ теченіе десяти лѣтъ отъ ратификаціи этого договора испанскія коммерческія суда и испанскіе товары пользуются на Филиппинахъ тѣми же правами, какъ и американскіе. Немедленно по ратификаціи договора Соединенные Штаты отправляютъ на свой счетъ въ Испанію всѣхъ военноплѣнныхъ испанцевъ, взятыхъ американскими войсками въ Манилѣ, причемъ возвращаютъ имъ взятое у нихъ оружіе. Съ своей стороны, Испанія немедленно по подписаніи договора освобождаетъ всѣхъ лицъ, задержанныхъ по участію въ инсуррекціи на Кубѣ, Порто-Рико или Филиппинахъ и по прикосновенности къ окончившейся войнѣ. То же дѣлаютъ и Соединенные Штаты. Они такъ же освобождаютъ всѣхъ военноплѣнныхъ и примутъ мѣры къ освобожденію испанцевъ, находящихся въ плѣну у кубинскихъ и филиппинскихъ инсургентовъ. Всѣ освобожденные Испаніей и Соединенными Штатами на основаніи этого постановленія возвращаются въ отечество — освобождаемые испанцами на счетъ Испаніи, освобождаемые американцами — на счетъ Штатовъ по принадлежности. Испанія и Соединенные Штаты взаимно отказываются отъ всякаго военнаго вознагражденія, возмѣщенія военныхъ расходовъ и убытковъ, понесенныхъ обѣими націями и ихъ гражданами за весь срокъ отъ начала кубинской инсуррекціи до дня ратификаціи договора.

На всей территоріи, отъ которой Испанія отказалась или которую уступила, испанцы (урожены Пиринейскаго полуострова) имѣютъ право заявить, въ теченіе одного года со дня ратификаціи договора, о своемъ желаніи сохранить испанское гражданство. Въ такомъ случаѣ они признаются американскими властями за испанскихъ подданныхъ и пользуются всѣми правами, какія будутъ предоставлены другимъ иностранцамъ, полною личною и имущественною безопасностью, правомъ жительства и занятія по выбору, отвѣчая за совершонныя преступленія и правонарушенія по общимъ

законамъ страны. Испанія учреждаетъ, гдѣ сочтетъ нужнымъ, консульства для покровительства своихъ подданныхъ. Не заявившіе въ теченіе указаннаго срока о желаніи сохранить испанское гражданство признаются съ того срока принявшими гражданство территоріи, на которой живутъ. Что касается правъ и гражданскаго положенія туземцевъ, обитающихъ на уступаемыхъ территоріяхъ, то опредѣлить ихъ предоставляется конгрессу Соединенныхъ Штатовъ. Обезпечивается свободное исповѣданіе католической религіи. Обезпечивается также свободное обращеніе испанской литературы, науки и произведеній искусства на десять лѣтъ, со дня ратификаціи. Испанское авторское право и испанскіе патенты сохраняютъ силу на дарованные испанцами сроки. Испанія и Соединенные Штаты взаимно для своихъ коммерческихъ судовъ признаютъ права наиболѣе благопріятствуемой націи съ правомъ прекратить это обязательство во всякое время, но предупредивъ за шесть мѣсяцевъ. Всѣ эти обязательства Соединенные Штаты принимаютъ на себя и по отношенію къ Кубѣ, но въ этомъ случаѣ только на срокъ ея оккупаціи американскими военными силами.

Таковъ въ существенныхъ чертахъ испано-американскій мирный трактатъ отъ 10 дек. 1898 года, который очень существенно измѣняетъ историческое положеніе въ моряхъ Вестъ-Индіи и въ водахъ Тихаго океана омывающихъ крайній юговостокъ Азіи. Старая владычица Новаго Свѣта, его открывшая и колонизовавшая, окончательно изъ него изгнана и лишена всякаго значенія, какъ колоніальная держава. За то столь долго замкнутая въ себѣ сѣверо-американская нація внезапно выступила въ роли новой міровой державы и сразу заняла выдающіяся военныя и торгово-промышленныя позиціи въ обоихъ океанахъ, омывающихъ съ востока и съ запада берега великой заатлантической республики.

Куба только оккупирована, правда, но посланіе Макъ-Кинлея къ вашингтонскому конгрессу при открытіи его сессіи 5 дек. (23 нояб.) говоритъ, что оккупація продлится до тѣхъ поръ, пока населеніе острова не окажется въ силахъ само учредить устойчивое правительство и охранять порядокъ. На этомъ основаніи уже двадцать лѣтъ длится оккупація австрійцами Босніи и Герцеговины и шестнадцать лѣтъ оккупація Египта англичанами. Трудно предсказать, насколько склонны будутъ американцы послѣдовать этимъ примѣрамъ, подаваемымъ старою Европою. Весьма возможно, что они серьезно отнесутся къ принимаемому передъ исторіей обязательству, но и въ этомъ случаѣ оккупація продлится долго и, по всей вѣроятности, подготовитъ добровольное присоединеніе Кубы къ Соединеннымъ Штатомъ. Въ настоящее время, слѣдовательно, Кубу можно во всякомъ случаѣ считать главнымъ опорнымъ пунктомъ американской силы въ этой части Атлантическаго океана. По военному законопроекту, недавно внесенному въ Вашингтонскій конгрессъ, гарнизонъ Кубы опредѣленъ въ 30 тыс. человѣкъ регулярной арміи, т. е.

въ размѣрѣ, какого до войны съ Испаніей едва достигала вся сѣверо-американская армія. На Порто-Рико тѣмъ же законопроектомъ опредѣляется гарнизонъ въ 7,000 комбатантовъ и на Филиппины—20,000 чел. Вся же численность регулярной американской арміи, по упомянутому законопроекту, опредѣлена въ 100 тыс. человѣкъ, такъ что за выдѣленіемъ вышеупомянутыхъ контингентовъ около 60 тыс. человѣкъ (вышеперечислено 57,000, надо еще прибавить небольшіе гарнизоны на Кулебру въ Вестъ-Индіи, на Гавайскіе острова и на Гуапъ въ Маріанскомъ архипелагѣ), собственно въ предѣлахъ Штатовъ остается 40,000 комбатантовъ. Соотвѣтственно съ этимъ развитіемъ военно-сухопутныхъ силъ сѣверо-американской республики, идетъ и развитіе военно-морскихъ силъ. Во время войны съ Испаніей американцы располагали пятью броненосцами эскадреннаго боя. По новому законопроекту, внесенному на дняхъ въ конгрессъ морскимъ министромъ, предполагается довести это число до пятнадцати. Если мы скажемъ, что въ настоящее время подъ русскимъ флагомъ плаваетъ четырнадцать эскадренныхъ броненосцевъ, а подъ германскимъ шестнадцать, то значеніе американскихъ проектовъ выяснится довольно отчетливо. Черезъ три года Соединенные Штаты на морѣ будутъ уступать только Англіи (52 эскадренныхъ броненосца) и Франціи (27 эск. брон.). Надо замѣтить, что крейсерскій флотъ Штатовъ и теперь не слабѣе русскаго или германскаго, и развитіе его проектировано параллельно развитію эскадреннаго флота.

Таковы перспективы, открываемыя новымъ мирнымъ договоромъ, подписаннымъ недавно въ Парижѣ. Договоръ этотъ представляетъ собою интересъ и съ нѣкоторыхъ другихъ сторонъ. Такъ испанцы тщательно выговариваютъ своимъ согражданамъ личную и имущественную безопасность, право свободнаго жительства и труда на уступаемыхъ территоріяхъ. Казалось бы, это лишнее въ концѣ XIX вѣка и, по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ лишнее. Однако, береженаго Богъ бережетъ. Вѣдь тридцать лѣтъ тому назадъ кто бы могъ думать, что такія предосторожности не будутъ лишними по отношенію къ Германіи? И однако, если бы, по Пражскому миру 1866 года, Австрія выговорила для своихъ подданныхъ аналогичное постановленіе, ей не пришлось бы теперь терпѣть разнузданный произволъ прусскихъ властей по отношенію къ австрійско-подданнымъ, проживающимъ въ прусскихъ предѣлахъ. Такимъ образомъ, испанцы, пожалуй, и не совсѣмъ не правы, включивъ въ мирный договоръ постановленія, даровать которыя американцамъ ничего не стоило.

Гораздо болѣе серьезное обязательство приняли Соединенные Штаты, принявъ на себя освобожденіе испанцевъ, плѣнныхъ у инсургентовъ Кубы и особенно на Филиппинахъ. Какихъ хлопотъ это будетъ стоить американцамъ, видно изъ инцидента на Филиппинахъ еще до подписанія мирнаго договора. Одинъ американ-

скій пасторъ, какъ-то попавшій внутрь острова Люсона, сообщилъ генералу Отосу, командующему американскими военными силами въ Манилѣ, что инсургенты очень плохо обращаются съ плѣнными испанцами. Тогда Отосъ 17 (5) ноября обратился къ Агвинальдо съ предложеніемъ освободить изъ плѣна, по крайней мѣрѣ, всѣхъ невоенныхъ, но, какъ сообщаетъ Times, получилъ отъ Агвинальдо отказъ, мотивированный тѣмъ, что и невоенные могутъ быть призваны въ милицію. Конечно, теперь, когда миръ подписанъ, американцы сумѣютъ настоять на обѣщанномъ освобожденіи, но, вѣроятно, это имъ дастся не особенно легко.

Изъ другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о выступленіи Соединенныхъ Штатовъ на историческую арену въ качествѣ активной международной силы, отмѣтимъ: планы укрѣпленія уже упомянутаго выше острова Кулебры (лежитъ къ востоку отъ Порто-Рико и является лучшимъ наблюдательнымъ пунктомъ для восточной части Вестъ-Индіи), пріобрѣтеніе угольной станціи на берегахъ республики Коста-Рика (въ Караибскомъ морѣ) и, наконецъ, самое главное—планы относительно соединенія каналомъ Тихаго и Атлантическаго океановъ. На дняхъ въ вашингтонскій сенатъ внесенъ билль о сооруженіи такого канала черезъ территорію республики Никарагуа при участіи Штатовъ, причемъ предполагается всякое такое сооруженіе, имѣющее связать каналомъ два океана, омывающіе Америку, поставить подъ обязательный политическій контроль Соединенныхъ Штатовъ. Правда, такое постановленіе, по международному праву, не можетъ быть установлено одностороннимъ законодательствомъ державы, не имѣющей державныхъ правъ на территорію, о которой идетъ рѣчь. Однако, вѣроятно, Штатамъ не составитъ особаго труда склонить центрально-американскія республики къ заключенію договоровъ, которые могутъ уже совершенно законно установить право такого контроля со стороны Соединенныхъ Штатовъ за водяными путями сообщенія между Атлантическимъ и Тихимъ океанами. А какую громадную и военно-политическую, и экономическую силу это дастъ американской республикѣ, не трудно сообразить и безъ спеціальнаго изученія вопроса. Послѣ того, какъ европейская половина британской націи стала твердою ногою на Суэцкомъ каналѣ, такое же владычество американской половины той же націи на будущемъ Панамскомъ каналѣ передаетъ въ руки этой соединенной націи власть надъ всѣми морскими сообщеніями и обезпечитъ ее отъ всякаго соперничества на морѣ. Между тѣмъ, сплоченіе, если не сліяніе, двухъ половинъ британской націи представляется теперь для всякаго внимательнаго наблюдателя лишь вопросомъ времени, и вѣроятно не очень отдаленнаго времени.

Въ будущемъ году предполагается въ Вашингтонѣ большой съѣздъ разныхъ американскихъ дѣятелей по случаю столѣтней годовщины со дня смерти перваго американскаго президента Георга Вашингтона. Комитетъ по устройству этого чествованія памяти

этого основателя сѣверо-американской республики счелъ возможнымъ обратиться къ наслѣднику англійскаго престола принцу Уэльскому съ приглашеніемъ почтить своимъ присутствіемъ это чествованіе. Повидимому, приглашеніе это передано оффиціально, потому что *Times*, откуда я заимствую это извѣстіе, прибавляетъ, что президентъ республики, съ своей стороны, поручилъ при этомъ передать принцу Уэльскому, что онъ будетъ въ высшей степени радъ видѣть Его Королевское Высочество гостемъ въ Бѣломъ Домѣ (такъ называется дворецъ президентовъ въ Вашингтонѣ). Такое приглашеніе отъ имени президента республики могло быть сдѣлано только оффиціально черезъ дипломатическое представительство. Это приглашеніе принца Уэльскаго на чествованіе памяти Вашингтона, и особенно его появленіе на этомъ чествованіи (если это появленіе будетъ имѣть мѣсто), можетъ явиться очень серьезнымъ моментомъ въ дѣлѣ объединенія двухъ половинъ великой націи, разорвавшихъ союзъ около вѣка тому назадъ, а нынѣ все яснѣе обнаруживающихъ стремленіе его возстановить. Имперіалистская и аггрессивная политика, нынѣ возобладавшая у британцевъ по обѣ стороны Атлантическаго океана, можетъ въ этомъ отношеніи сослужить и добрую и плохую услугу для дѣла сближенія. Весь вопросъ, сумѣютъ ли они избѣгнуть раздора тамъ, гдѣ ихъ интересы сталкиваются, или, вступивъ здѣсь въ компромиссы, направятъ общія усилія на тѣ болѣе многочисленные пункты, гдѣ ихъ интересы солидарны, одинаково сталкиваясь съ интересами другихъ націй.

II.

Среди широко задуманныхъ и въ Америкѣ, и въ Англіи плановъ вооруженія, продолжается не торопливое обсужденіе русской ноты о разоруженіи народовъ. Нельзя сказать, чтобы много благопріятнѣе стояло дѣло мира и разоруженія въ большинствѣ другихъ великихъ державъ.

16 (4) ноября былъ открытъ итальянскій парламентъ тронною рѣчью короля Гумберта. Въ этой рѣчи, конечно, король отозвался сочувственно къ иниціативѣ русскаго правительства. Иначе вѣдь нельзя. Это заявленіе оффиціальнаго сочувствія нисколько не помѣшало тронной рѣчи потребовать новыхъ значительныхъ кредитовъ на усиленіе флота. Италія и теперь имѣетъ эскадренный и минный флотъ не слабѣе германскаго или русскаго, уступая этимъ державамъ лишь во флотѣ крейсерскомъ, который Италіи, какъ державѣ неколоніальной, и мало надобенъ. Некрейсерскій флотъ и теперь предполагаетъ усилить итальянское правительство. Тяжкое финансовое положеніе страны и экономическія бѣдствія, приведшія еще недавно къ самому серьезному внутреннему потрясенію, не остановили итальянцевъ отъ этого новаго отягченія финансовъ и плательщиковъ. Очевидно, на миръ мало разсчитываютъ. На конфе-

ренцію, пожалуй, и того меньше, а больше всего стараются не измѣнить старой римской мудрости: Si vis pacem para bellum. Много горя принесла народамъ эта ветхая мудрость. И прежде всего самимъ римлянамъ, которые всегда были готовы къ войнѣ и тѣмъ не менѣе всегда воевали. Вѣрнѣе было бы сказать, они всегда были готовы къ войнѣ и *поэтому* постоянно воевали. Другіе народы, имъ современные, не переняли этой римской мудрости и всегда готовымъ римлянамъ было всегда соблазнительно воспользоваться этою готовностью при неготовности другихъ. Нынѣ, однако, вся Европа усвоила римскую мудрость и вся постоянно готовятся къ войнѣ. Горя и разоренія отъ этого человѣчеству не менѣе, нежели отъ постоянныхъ войнъ при римлянахъ. Пора убѣдиться, что постоянное приготовленіе къ войнѣ является наибольшею и наиопаснѣйшею угрозою миру Европы и благосостоянію всего человѣчества. Призывъ къ этой простой и ясной идеѣ, составляющій основную ноту русскаго циркуляра о мирной конференціи, не нашелъ, однако, отзыва въ настроеніи другихъ правительствъ. Оффиціальныя похвалы предложенному разоруженію и, рядомъ съ этимъ, въ томъ же документѣ (вродѣ тронной рѣчи короля Гумберта) требованіе новыхъ вооруженій,—таково господствующее содержаніе большинства правительственныхъ программъ, заявленныхъ въ последнее время. Мы видѣли это содержаніе въ программѣ итальянскаго правительства. То же увидимъ и въ большинствѣ другихъ великодержавныхъ программъ.

5 декабря (23 ноября), черезъ двѣ съ половиною недѣли послѣ открытія итальянскаго парламента, открылась сессія американскаго конгресса. Мы уже видѣли, какіе обширные планы вооруженія на сушѣ и на морѣ обнаружило правительство Соединенныхъ Штатовъ. Это нисколько не помѣшало президенту Макъ-Кинлею упомянуть въ своемъ посланіи къ конгрессу сочувственно о русскомъ мирномъ циркулярѣ. «Разоруженіе къ намъ не относится», замѣчаетъ посланіе президента, «потому что мы и теперь мало вооружены». Но зачѣмъ же вновь вооружаться, если примыкаешь къ предложенію о необходимости разоруженія?

На другой день послѣ открытія сессіи вашингтонскаго конгресса, 6 дек. (24 ноября) открыта въ Берлинѣ сессія германскаго рейхстага. Тронная рѣчь императора Вильгельма тоже не могла обойти молчаніемъ русскаго циркуляра о разоруженіи. Она упоминаетъ объ этомъ циркулярѣ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ. И тѣмъ не менѣе, рядомъ съ этимъ, та же тронная рѣчь возвѣщаетъ о новомъ обширномъ планѣ морскихъ вооруженій, а также о необходимости усилить мирный составъ арміи на двадцать шесть съ половиною тысячъ комбатантовъ. Можно бы спросить, зачѣмъ эта двойная игра? Ясно, однако, зачѣмъ. Оффиціальное сочувствіе требуется конвенансами международнаго положенія, а лихорадочное вооруженіе является и естественнымъ продолженіемъ европейской

исторіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, и выраженіемъ стремленія большинства великодержавныхъ правительствъ.

Эти противорѣчія между оффиціальными сочувствіями идеѣ разоруженія и безостановочно усиливающимися вооруженіями взялся отчасти истолковать маркизъ Салисбюри въ одной изъ своихъ политическихъ рѣчей послѣдняго времени, именно на обычномъ банкетѣ при водвореніи новаго лордъ-мэра. Англійскій премьеръ указалъ прежде всего на невозможность сразу остановить начатыя вооруженія. Онъ, однако, почувствовалъ, что программа гигантскихъ морскихъ вооруженій, только теперь вносимая правительствомъ въ парламентъ, никакъ не можетъ быть объяснена этимъ способомъ: эта программа еще не начата. Надо было найти другое объясненіе. И вотъ это объясненіе: «Еще гораздо важнѣе то соображеніе, которое намъ внушается событіями современной исторіи и которое убѣждаетъ насъ, что въ настоящее время войны вспыхиваютъ совершенно неожиданно и съ ужасающею быстротой. Военныя тучи появляются на горизонтѣ съ быстротою, не поддающеюся никакому вычисленію, и можетъ случиться, что не пройдетъ мѣсяца или двухъ мѣсяцевъ со дня появленія перваго тревожнаго симптома, а вы уже себя увидите вовлеченнымъ въ войну, отъ исхода которой зависитъ само существованіе ваше». Поэтому надо готовиться. Если, однако, эти соображенія справедливы, то надо бы просто отвергнуть русское предложеніе. Никакая конференція не можетъ измѣнить тѣхъ фактовъ, на которые ссылается благородный маркизъ. Разоружаться, стало быть, невозможно. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было говорить въ той же рѣчи нижеслѣдующія обязывающія слова? Именно: «Отъ Его императорскаго величества императора Россіи мы получили приглашеніе принять участіе въ конгрессѣ по вопросу о разоруженіи націй. Я отдаю самую сердечную оцѣнку мотивамъ, продиктовавшимъ это приглашеніе. Я удивляюсь возвышенному характеру, его внушившему, и по скольку наше сочувствіе и наша поддержка можетъ содѣйствовать осуществленію задачи, имъ предпринятой, *это наше сочувствіе и эта наша поддержка будутъ оказаны въ полной мѣрѣ»*. Сочувствіе и поддержка будутъ оказаны мѣропріятію, которое, однако, какъ выше сказано, ораторъ считаетъ угрожающимъ безопасности націй! Такимъ образомъ, британскій премьеръ не только не согласилъ обычнаго этою зимою противорѣчія въ заявленіяхъ великодержавныхъ правительствъ, но только усугубилъ его и показалъ воочію, съ какими чувствами и намѣреніями большинство великодержавныхъ правительствъ отправляется на петербургскій конгрессъ мира.

Ораторское искусство маркиза Салисбюри не подлежитъ сомнѣнію. И рѣчь, изъ которой мы только что привели нѣкоторыя цитаты, только вновь обнаруживаетъ это качество маститаго премьера. Ораторское искусство не можетъ замѣнить логики и не можетъ создать небывалыхъ фактовъ. Оно можетъ только временно затем-

нить логику и временно затушевать существующіе факты. Это и сдѣлано маркизомъ Салисбюри въ вышеприведенномъ краснорѣчивомъ мѣстѣ, призванномъ доказать необходимость безостановочныхъ вооруженій. Отбросивъ всѣ эти «военныя тучи», «неподдающуюся никакому вычисленію быстроту ихъ появленія» и прочіе подобные же цвѣты элоквенціи, что тамъ останется? Не болѣе двухъ фактовъ: 1) неожиданность и внезапность возникновенія современныхъ войнъ, и 2) вѣроятность такихъ войнъ, въ которыхъ само существованіе той или другой націи можетъ быть поставлено на карту. Разсмотримъ оба эти аргумента.

Можно бы фактически оспаривать первое положеніе. Всѣ серьезные дифференды между державами извѣстны и обостреніе одного изъ нихъ едва-ли справедливо будетъ назвать неожиданностью. Однако, допустимъ справедливость перваго положенія британскаго министра. Чѣмъ можетъ быть объяснены эта неожиданность и особенно эта внезапность возникновенія современныхъ войнъ? Главнымъ образомъ именно тѣмъ, что возможные противники всегда стоятъ съ ногъ до головы вооруженные. Пусть они сложатъ оружіе и для рѣшимости начать войну имъ понадобится и гораздо больше времени, и гораздо больше энергіи, и гораздо больше смѣлости. Продолжайте, напротивъ того, вооруженія, и вы сдѣлаете возникновеніе войны все легче, все быстрѣе, все внезапнѣе и все неожиданнѣе. Усиленіе вооруженій именно и усиливаетъ то зло неувѣренности и неустойчивости, противъ котораго цитируемый ораторъ и призываетъ это самое усиленіе вооруженій.

Такъ же мало логично и такъ же не совсѣмъ отвѣчаетъ дѣйствительности и второе положеніе маркиза Салисбюри. Едва ли въ самомъ дѣлѣ самая разорительная война угрожаетъ самому существованію какой либо европейской націи. Это часто говорится, но не полагаю, что бы часто этому вѣрилось. Несомнѣнно, однако, что опасности войны нынѣ возросли непомѣрно и возросли именно вслѣдствіе непомѣрныхъ вооруженій. Вторженіе 60 тысячъ непріятеля, какъ то бывало прежде, конечно, грозитъ меньшими бѣдствіями, нежели вторженіе 5—6 милліоновъ, какъ это могло бы быть при современныхъ войнахъ. Но это возрастаніе бѣдствій при войнахъ обязано именно усиленіемъ вооруженій. И опять таки рекомендуемое британскимъ министромъ усиленіе вооруженій болѣе всего усиливаетъ то зло страшныхъ бѣдствій будущихъ войнъ, противъ котораго его и призываютъ. Логическихъ аргументовъ противъ идеи разоруженія привести невозможно, но можно провалить покуда все это дѣло фактическимъ сопротивленіемъ, прикрытымъ фразами оффиціальнаго сочувствія.

Повидимому, искреннѣе другихъ великихъ державъ откликнулась на русскій циркуляръ о разоруженіи Австрія. Рѣчи гр. Туна въ Вѣнѣ и барона Банфи въ Будапештѣ не дѣлаютъ никакихъ оговорокъ и обѣщаютъ полную поддержу русскому начинанію. Еще

важнѣе то обстоятельство, что ни въ Вѣнѣ, ни въ Будапештѣ не внесено въ парламенты, ни въ делегаціи никакихъ новыхъ плановъ вооруженія. Извѣстное миролюбіе престарѣлаго австрійскаго императора служитъ ручательствомъ искренности этого поведенія австро-венгерскаго правительства. Недавній поздравительный визитъ императора Франца-Іосифа въ русское посольство по случаю торжественнаго дня 6 (18) декабря тоже комментируется, какъ доказательство желанія Австріи сердечнаго сближенія съ Россіей именно на почвѣ разоруженія и умиротворенія.

Если прибавимъ, что во французскій парламентъ тоже внесенъ планъ усиленія морскихъ вооруженій, то этимъ закончимъ обзоръ *фактическаго* отвѣта великихъ державъ на русскій циркуляръ отъ 12 августа. Тѣмъ не менѣе, конференція соберется въ Петербургѣ, но, по слухамъ, будетъ состоять не изъ спеціально уполномоченныхъ, сопровождаемыхъ спеціалистами, какъ то прежде сообщалось, а изъ пословъ и посланниковъ, аккредитованныхъ при петербургскомъ правительствѣ. Это значительно умаляетъ тѣ надежды и ожиданія, которыя были возлагаемы на конгрессъ мира измученными и разоряющимися народами континентальной Европы.

III.

Отчетный мѣсяцъ не богатъ событіями. По прежнему, весь цивилизованный міръ вообще, Францію—въ частности и въ особенности волновало дѣло Дрейфуса и Пикара. Кассаціонная палата постепенно и систематически изучаетъ дѣло. Она пріостановила военный судъ надъ Пикаромъ, затѣянный штабной партіей и уже созванный генераломъ Цурлинденомъ. Покуда эта новая жертва вырвана изъ рукъ все еще отстаивающей свою позицію партіи, которой нужно молчаніе и темнота, чтобы кое-какъ себя реабилитировать. Въ послѣднее время кассаціонная палата потребовала изъ военнаго министерства тайное dossier по дѣлу Дрейфуса. Не безъ нѣкотораго колебанія Фрейсине исполнилъ это законное и неминуемое требованіе кассаціонной палаты. По этому поводу въ палатѣ депутатовъ произошелъ характерный инцидентъ. Когда зашла рѣчь о выдачѣ тайнаго dossier кассаціонной палатѣ и нѣкоторые шовинисты стали отъ министровъ требовать отказа въ выдачѣ суду тайнаго dossier, Бриссонъ поднялся и заявилъ, что никакого тайнаго dossier не существуетъ. Онъ, Бриссонъ, вмѣстѣ съ Сарріеномъ и Каваньякомъ разсматривали въ военномъ министерствѣ всѣ бумаги по дѣлу Дрейфуса. На это Кавеньякъ возразилъ, что dossier существуетъ, но что онъ его не показалъ Бриссону и Сарріену, затѣмъ его скрывали отъ своихъ коллегъ по министерству и Цурлинденъ, и Шануанъ! Фрейсине тоже подтвердилъ существованіе тайныхъ документовъ. Теперь они препровождены въ кассаціонную палату.

Кромѣ дѣла Дрейфуса—Пикара, Франція была занята ликвидаціей и другого наслѣдія не добромъ быть помянутаго министерства Мелина. Парламентское слѣдствіе обнаружило, что во время законодательныхъ выборовъ въ маѣ настоящаго 1898 года находившееся тогда при власти министерство Мелина практиковало самое беззастѣнчивое давленіе на избирателей, повторяя во многомъ избирательные маневры и пріемы временъ второй имперіи. По запросу соціалиста Вивіани состоялись пренія по этому вопросу и палата подавляющимъ большинствомъ голосовъ заклеймила поведеніе кабинета Мелина. Дюпюи присоединился къ этому осужденію. Отъ этого удара едва ли скоро оправится Мелинъ, этотъ любимецъ правой и raillés.

Большой интересъ представляетъ и ходъ дѣлъ въ германскомъ рейхстагѣ, но тамъ еще не вполнѣ выяснилось положеніе. Оппозиція военнымъ законопроектамъ и осужденіе прусскаго произвола при административной высылкѣ иностранно-подданныхъ изъ предѣловъ Германіи собрали значительное число сторонниковъ. Еще не выяснилось положеніе, которое займетъ центръ. Если онъ поддержитъ оппозицію, то германскому правительству придется пережить довольно затруднительное положеніе. Административная высылка иностранцевъ, о которой мы уже упоминали въ прошедшей нашей лѣтописи, причинила германскому правительству и международныя непріятности. Данія, конечно, принуждена молчать, но въ Австріи серьезно обидѣлись, и гр. Тунъ въ рѣчи въ парламентѣ прямо пригрозилъ соотвѣтственными репрессаліями, то есть высылкою германско-подданныхъ изъ австрійскихъ предѣловъ. Это нанесло бы германцамъ гораздо больше убытковъ, нежели какая угодно массовая высылка австрійцевъ изъ Германіи. А покуда эта угроза страшно обидѣла германскихъ нѣмцевъ и они далеко неумѣренно осыпали нападками австрійское правительство, которое, повидимому, не желаетъ уступить. Собственноручное письмо императора Вильгельма къ императору Францу-Іосифу должно было уладить инцидентъ, но, повидимому, не уладило еще, и германскому правительству придется, кажется, выбирать между отказомъ отъ своего произвола и охлажденіемъ съ Вѣною. Не улаживается покуда и дѣло о владѣтельной фамиліи Липпе-Детмольдъ. Еще не дальше, какъ 20 ноября, детмольдскій судъ посадилъ въ тюрьму одного журналиста за непочтительный отзывъ о какомъ-то членѣ правящей фамиліи, признавъ ее фамиліей владѣтельной. Извѣстно, что именно этого не желалъ признавать Вильгельмъ.

Австро-венгерскія дѣла все еще продолжаютъ состоять въ томъ же печальномъ, чтобы не сказать стыдномъ, состояніи. Дикія сцены возобновились въ вѣнскомъ парламентѣ. Ими заразился и будапештскій парламентъ, сессія котораго и отсрочена королевскимъ декретомъ. Что теперь будетъ съ ausgleich'омъ, вѣроятно, ни самъ императоръ, ни его министры обѣихъ половинъ монархіи не знаютъ. Все это печально для австрійцевъ и венгерцевъ, но покуда живъ

престарѣлый императоръ, сосѣди могутъ быть спокойны. Если, однако, это разложеніе не будетъ остановлено при жизни Франца-Іосифа, то его уже не остановитъ никто и Европѣ придется считаться съ вопросомъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ, гораздо болѣе опаснымъ, нежели вопросы о наслѣдствахъ турецкомъ или китайскомъ. Не должно, однако, считать дѣло австрійскаго возрожденія совершенно безнадежнымъ. Для нѣмцевъ Австрія полезна, какъ проводница нѣмецкой культуры и поприще для нѣмецкой колонизаціи. Для не нѣмецкихъ мелкихъ народностей, населяющихъ территорію, подвластную Габсбургамъ, Австрія тоже нужна, какъ лучшая гарантія ихъ самобытности и національной свободы. Рано или поздно это могутъ понять и нѣмцы, и мадьяры, и славяне. Они отъ этого не полюбятъ другъ друга, но поймутъ необходимость поддерживать общее отечество, которое теперь своими прямо постыдными распрями ведутъ къ погибели и разложенію. Конечно, возможно, что они и запоздаютъ сознаніемъ этой простой истины. Тогда Европѣ очень будетъ затруднительно рѣшить австрійскій вопросъ безъ общаго столкновенія.

Восточный вопросъ, эта вѣчная угроза всеобщаго столкновенія, сдѣлалъ еще одинъ этапъ по пути своего разрѣшенія. Критъ, наконецъ, освобожденъ. Турки очистили островъ. Королевичъ Георгій, назначенный верховнымъ комиссаромъ четырехъ державъ покровительницъ на три года, прибылъ на островъ. Адмиралы сдали ему власть и многострадальный островъ получаетъ наконецъ давно желанную и давно заслуженную свободу. Разоренный турецкимъ хозяйничаніемъ и многолѣтнею неравною борьбой, Критъ съ его благодатною природою и энергическимъ населеніемъ, конечно, скоро возродится къ новой жизни и благосостоянію. Это новое небольшое европейское государство съ населеніемъ немного больше 200 тыс. душъ могло бы, однако, вмѣстить больше милліона жителей, и мы вѣроятно, увидимъ быстрое возрастаніе населенія не только естественнымъ приростомъ, но и притокомъ населенія извнѣ, преимущественно турецкихъ грековъ.

Окончательное улаженіе критскаго вопроса совпало съ извѣстіемъ о новомъ избіеніи армянъ у Вана и о новыхъ безчинствахъ баши-бузуковъ на границахъ Сербіи и Болгаріи. Оба правительства, бѣлградское и софійское, сдѣлали представленія въ Константинополѣ. Великія державы тоже послали узнать о ванскихъ событіяхъ. Много еще предстоитъ поработать европейской дипломатіи на этой почвѣ, но успѣхъ критскаго дѣла вселяетъ надежду, что порою и дипломатія европейскаго концерта умѣетъ достичь благихъ результатовъ. Армянскій и македонскій вопросы теперь на первой очереди. Они были отсрочены вслѣдствіе обостренія критскаго вопроса и греко-турецкой войны. Теперь, когда то и другое, такъ или иначе, улажено, европейской дипломатіи остается время возвратиться къ прерваннымъ занятіямъ. Извѣстно, что

тремя державами, Англіей, Россіей и Франціей, былъ выработанъ проектъ реформъ для Арменіи и проектъ былъ утвержденъ султаномъ. Шакиръ-паша былъ назначенъ комиссаромъ по введенію реформы, но вскорѣ отозванъ. Страшныя избіенія въ Константинополѣ заставили подумать, достаточенъ ли выработанный проектъ, до сихъ поръ не только не введенный, но даже и невводимый. Теперь надо прежде всего возобновить это введеніе реформъ подъ контролемъ державъ, и затѣмъ параллельно съ этимъ дополнить проектъ. Это должно быть первою заботою европейской дипломатіи въ Константинополѣ. Здѣсь на этомъ пути кое-что было уже сдѣлано въ 1894 году, и дипломатія имѣетъ нѣкоторую почву подъ ногами для возобновленія своихъ трудовъ надъ устройствомъ modus'a vivendi для христіанъ пяти армянскихъ вилайетовъ (Эрзерумъ, Ванъ, Битлисъ, Карпутъ и Діарбекиръ), хотя, конечно, эта почва очень ненадежная и весьма подозрительная. Важно, однако, имѣть исходную точку. Для Македоніи и такой исходной точки дипломатія не имѣетъ, покамѣсть. Правда, Берлинскій трактатъ заключаетъ постановленіе, по которому Македонія, освобожденная было по Санъ-Стефанскому договору, возвращается подъ турецкое господство съ тѣмъ, что ей будетъ даровано самоуправленіе на началахъ, которыя будутъ выработаны державами и Портою. Прошло двадцать лѣтъ и никакого самоуправленія македоняне не получили доселѣ. На Критѣ и въ Арменіи дѣло отчасти облегчилось самоустраненіемъ туркофильскихъ державъ, Германіи и Австріи. Въ македонскомъ вопросѣ этого самоустраненія ожидать нельзя, а если къ этому прибавить печальныя постыдныя распри между македонскими греками, болгарами и сербами и соперничество между ихъ свободными единоплеменниками, то съ прискорбіемъ должны будемъ констатировать громадныя затрудненія, лежащія на пути европейской дипломатіи, передъ которой вдобавокъ не прежняя Порта 1894 года, трепещущая Европы и извѣрившаяся въ свои силы, а побѣдоносная Турція, опирающаяся на дружбу Германіи. Какъ и когда возобновятъ константинопольскіе дипломаты свои труды по армянскому и македонскому вопросамъ, въ печать не проникло еще и слуховъ. Это не должно означать, что эти вопросы преданы забвенію, но это не поощряетъ ожидать и быстраго движенія дѣла въ желанномъ направленіи.

На Дальнемъ Востокѣ по прежнему дѣла очень натянуты. Дворцовая революція въ Пекинѣ, исторію которой мы передали въ нашей октябрьской хроникѣ, не вызвала сколько нибудь серьезныхъ инсуррекціонныхъ движеній, какъ того многіе ожидали. Инсуррекція въ Южномъ Китаѣ, правда, продолжается, но большихъ успѣховъ не достигаетъ, и для Пекина это такъ далеко, что тамъ вовсе и не безпокоились бы этими безчинствами на отдаленной окраинѣ, если бы мятежники оставляли въ покоѣ европейцевъ. Между тѣмъ этого удовольствія пекинскимъ правителямъ инсургенты дѣлать не

желаютъ и недавно захватили французскихъ миссіонеровъ. Франція требуетъ отъ пекинскаго правительства освобожденія плѣнныхъ миссіонеровъ, угрожая военными репрессаліями. Переговоры еще не кончены, но что въ самомъ дѣлѣ могутъ сдѣлать пекинскіе мандарины, которые побѣдить мятежниковъ не умѣютъ, а приказать имъ не могутъ? Развѣ рѣшатся выкупать плѣнныхъ? Если же рѣшатся предоставить французамъ самимъ двинуть войска для освобожденія плѣнныхъ, то придется за это заплатить еще дороже. При полномъ военномъ безсиліи пекинскаго правительства, инциденты, подобные нынѣшнему, возможны постоянно и въ этомъ кроется главная опасность для европейскаго мира. А между тѣмъ на военное безсиліе китайское правительство себя осудило на долгое время. Реакція, наступившая послѣ кратковременной эпохи реформъ и выразившаяся въ упомянутой дворцовой революціи, нынѣ вполнѣ окрѣпла и отъ власти отстранены всѣ, кромѣ самыхъ ярыхъ консерваторовъ, даже Ли-Хунъ-Чанъ, отправленный въ почетную ссылку въ качествѣ вице-короля Шантунга. Ли-Хунъ-Чанъ все таки считалъ полезнымъ кое-что перенять отъ Европы, хотя бы войска, флотъ, оружіе, желѣзныя дороги, телеграфы, почту, пароходы, банки. Ничего этого не признаютъ нынѣшніе правители Небесной Имперіи. Быть можетъ, это только ускорило бы паденіе жаднаго и невѣжественнаго мандаринскаго правленія, если бы Китай былъ предоставленъ собственной участи, но еще болѣе жадный, хотя и вооруженный образованіемъ и культурою, европеецъ стережетъ этотъ ожидаемый моментъ на горе Китаю и Европѣ, трудовому, конечно, Китаю и трудовой Европѣ, на радость Европѣ хищнической.

Изъ другихъ событій отчетнаго мѣсяца достойно отмѣтить немногое. Норвежскій стортингъ принялъ въ третій разъ законопроектъ объ исключеніи изъ норвежскаго флага эмблемы единенія съ Швеціей. Дѣло въ томъ, что въ шведскомъ флагѣ ни въ какомъ закоулкѣ не отведено мѣсто для норвежскихъ цвѣтовъ. Норвежцы находятъ, что оставленіе въ одномъ изъ угловъ норвежскаго флага мѣста для шведскихъ цвѣтовъ безъ взаимности, какъ бы нарушаетъ равноправность двухъ союзныхъ народовъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ завоеванъ другимъ. Король Оскаръ, болѣе шведскій монархъ, нежели норвежскій, отказалъ въ утвержденіи постановленія норвежскаго стортинга объ исключеніи шведскихъ цвѣтовъ изъ угла норвежскаго флага. Норвежская конституція не даруетъ, однако, королю права абсолютнаго veto, но лишь относительнаго. Законопроектъ, трижды принятый стортингомъ, хотя бы и трижды не утвержденный королемъ, становится закономъ. Стало отнынѣ закономъ и постановленіе стортинга объ уничтоженіи въ норвежскомъ флагѣ всякой эмблемы единенія съ Швеціей. Какъ симптомъ настроенія норвежскаго народа, эта исторія о флагѣ не лишена серьезнаго значенія.

Въ Капландіи низвергнуто новымъ парламентомъ, заключающимъ

голландское большинство, министерство Сесиля Родса. Это не помѣшало капскому парламенту вотировать значительную субсидію Англіи для усиленія флота. Кромѣ того, капскій парламентъ принялъ избирательную реформу, усиливающую представительство 16 новыми депутатами и вводящую значительное перераспредѣленіе. Голландцы находили, что прежнее распредѣленіе избирательныхъ округовъ было составлено какъ бы съ прямымъ разсчетомъ дать перевѣсъ англичанамъ надъ голландцами. Новымъ закономъ эта несправедливость устраняется, если только не создается обратная.

Французы очистили Фашоду и англо-египтяне ее уже заняли. Они начинаютъ затѣмъ движеніе вверхъ по Нилу навстрѣчу англійской экспедиціи, спускающейся изъ Уганды и Уніаро внизъ по Нилу, все теченіе котораго отнынѣ составляетъ неотъемлемую собственность британцевъ, не болѣе оспариваемую, чѣмъ Индія, гдѣ на сѣверо-западной границѣ англичане, наконецъ, добились совершеннаго замиренія. Въ Южной Индіи въ Серингапатамѣ (бывшей столицѣ знаменитаго Типо-Саиба) произошли 18 ноября серьезныя анти-чумныя волненія. Не мало убитыхъ и раненыхъ. Чума перекинулась было и на Мадагаскаръ, въ главный портъ острова, городъ Таматаву, но энергическими карантинными мѣрами, принятыми французами, распространеніе ея остановлено и, по послѣднимъ извѣстіямъ, почти уже погашено. Если сопоставить этотъ фактъ съ такимъ же успѣхомъ карантинной системы у насъ въ Туркестанѣ, то едва ли не пора англійскимъ врачамъ подумать, правильно ли ихъ презрѣніе къ карантинамъ? Вѣдь вотъ уже третій годъ чума невообразимо свирѣпствуетъ въ Индіи, очень плохо поддаваясь однимъ санитарнымъ и терапевтическимъ средствамъ.

Если мы отмѣтимъ еще междоусобіе въ Абиссиніи, гдѣ негусъ Менеликъ идетъ усмирять раса Мангашу, сына бывшаго негуса Іоанна, то мы исчерпаемъ все, достойное нѣкотораго вниманія въ политической жизни человѣчества за отчетный мѣсяцъ.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

Продовольственная нужда и помощь благотворительности.—Власть «недоразумѣній» въ области народнаго просвѣщенія.—Къ вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Оффиціальное разъясненіе по андижанскому дѣлу. М. В. Загоскинъ.

Приближаются рождественскіе праздники. Въ столицахъ идутъ приготовленія, чтобы встрѣтить и провести ихъ какъ можно болѣе оживленно и весело, въ чаду развлеченій, по театрамъ, на концертахъ, вечерахъ, а то и просто по увеселительнымъ мѣстамъ и ресторанамъ. Этого рода публику не смущаетъ зимняя стужа, которая крѣпнетъ съ каждымъ днемъ: она обѣщаетъ лишь свѣжій колоритъ зимнихъ впечатлѣній. Но иныя чувства приноситъ съ собою зима, надвигающаяся со своими морозами, деревенскому населенію внутренней и восточной Россіи, разоренному и обезсиленному.

«Такъ что же?» скажемъ мы словами Л. Н. Толстого изъ отчета его объ израсходованіи суммъ, полученныхъ имъ и членами его семьи въ 1891—92 гг. въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. «Неужели опять голодающіе? Голодающіе! Столовыя. Голодающіе. Вѣдь, это ужъ такъ старо и такъ страшно надоѣло.

«Надоѣло вамъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, а здѣсь, когда они съ утра до вечера стоятъ подъ окнами или въ дверяхъ, нельзя по улицамъ пройти, чтобы не слышать все однихъ и тѣхъ же фразъ: «Два дня не ѣли, послѣднюю овцу проѣли. Что дѣлать будемъ? Послѣдній конецъ пришелъ. Помирать значитъ?» и т. д. Здѣсь, какъ ни стыдно въ этомъ признаться,—это уже такъ наскучило, что какъ на враговъ своихъ смотришь на нихъ.

«Да, намъ надоѣло. А имъ все также хочется ѣсть, также хочется жить, также хочется счастія, хочется любви»...

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца появилось въ газетахъ не мало писемъ и извѣстій, показывающихъ, что въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, положеніе многочисленной группы населенія, по чему либо лишенной продовольственной ссуды, уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ представлялось отчаяннымъ. Въ первыхъ числахъ этого мѣсяца въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано и перепечатано въ другихъ газетахъ воззваніе къ помощи добрыхъ людей со стороны Ольги Булыгиной изъ с. Красный Яръ, Чистопольскаго уѣзда Казанской губерніи. Ссылаясь на примѣръ 1891 г., когда частныя пожертвованія дали ей возможность прокормить всю волость съ октября до іюля, т. е. до новаго хлѣба, она выражаетъ надежду, что и теперь на ея призывъ откликнутся добрыя сердца.

«Нынѣшній голодъ, пишетъ она, еще ужаснѣе, чѣмъ въ 1891 году: не только нѣтъ хлѣба, но нѣтъ ни картофеля, ни капусты, ни гороха, никакихъ овощей, которыми привыкли питаться крестьяне. Голодаетъ народъ, голодаетъ и скотина за неимѣніемъ соломы. Рожь была необыкновенно низка, а яровыхъ совсѣмъ не было. Работъ нѣтъ никакихъ въ нашемъ глухомъ углу, и работникамъ, не получающимъ продовольственной ссуды, остается умирать съ голоду. Толпами ходятъ они просить работы или хлѣба, и никто изъ насъ не можетъ дать имъ ни того, ни другого. Умоляютъ они меня открыть пекарни по примѣру 1891 года, но у меня нѣтъ на это средствъ. Своего хлѣба едва хватитъ для рабочихъ въ усадьбѣ, а пожертвованныхъ денегъ всего 125 рублей. На эти 125 рублей я купила около 160 пудовъ муки, которую раздаю наиболѣе нуждающимся въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ еще не получаютъ продовольственной ссуды. Въ 1891 г. мной были открыты пекарни во всѣхъ двѣнадцати деревняхъ нашей волости. Народъ очень дорожилъ ими, такъ какъ, заработавши нѣсколько копѣекъ, можно было купить себѣ хлѣба, который продавался ниже стоимости, а неимѣющимъ возможности ничего заработать давался даромъ. Во всѣхъ деревняхъ были у насъ также устроены столовыя для дѣтей, для женщинъ, имѣющихъ грудныхъ дѣтей, и для старухъ. Кромѣ того, мы надѣляли мукой, по 30 ф. въ мѣсяцъ, всѣхъ неполучающихъ ссуды. О столовыхъ нынче и думать нечего—за неимѣніемъ въ нашемъ краѣ ни крупъ, ни овощей. Хотѣлось бы устроить хотя пекарни и имѣть возможность надѣлять мукой не получающихъ ссуды, чтобы спасти народъ отъ голодной смерти».

Въ «Недѣлѣ» (№ 45) помѣщено письмо изъ Самары извѣстнаго писателя и изслѣдователя народной жизни А. С. Пругавина подъ заглавіемъ «Начало голода». Онъ пишетъ, что тревожныя опасенія, что населенію губерніи предстоитъ пережить въ этомъ году страшное, огромное бѣдствіе, начинаютъ сбываться гораздо ранѣе, чѣмъ то думали.

«Изъ уѣздовъ,—говоритъ г. Пругавинъ,—то и дѣло приходятъ печальныя, тревожныя вѣсти. Вотъ, напримѣръ, что писали намъ нѣсколько дней тому назадъ изъ Ставропольскаго уѣзда. Въ деревняхъ Новой Маныклѣ, Куликовкѣ и Александровкѣ голодъ появился въ полной мѣрѣ, такъ какъ у большей части населенія этихъ деревень (чуваши) нѣтъ никакихъ запасовъ, а урожая въ нынѣшнемъ году здѣсь совсѣмъ не было. По словамъ должностныхъ лицъ волостного правленія, въ этихъ деревняхъ *есть семейства, которыя двое сутокъ ничего не ѣли*. Почти то же самое происходитъ и въ селахъ, и деревняхъ Старо-Вѣсовской волости, того же уѣзда. Многіе ученики перестали ходить въ школы и отправлялись по окрестнымъ селамъ съ сумочкой на спинѣ, чтобы Христовымъ именемъ выпрашивать на пропитаніе...»

Точно также сообщаютъ о необходимости безотлагательной по-

мощи изъ нѣкоторыхъ обществъ Николаевскаго уѣзда, гдѣ уже теперь многія семьи «питаются хлѣбомъ изъ ржаной муки съ громадной примѣсью лебеды и куколя». Но и этого хлѣба, по словамъ крестьянъ, хватитъ у насъ не болѣе какъ на нѣсколько дней... И здѣсь, какъ и въ Ставропольскомъ уѣздѣ, многіе крестьяне посылаютъ своихъ дѣтей собирать Христовымъ именемъ въ сосѣднія болѣе благополучныя, по ихъ мнѣнію, села, и этими подаяніями кормится вся семья. Бѣдныя дѣти одѣты крайне плохо: вмѣсто рубашекъ жалкія лохмотья, а ноги босыя. Во многихъ семьяхъ нѣтъ никакого привара; запасъ капусты въ 2—3 ведра на всю зиму имѣется лишь въ нѣсколькихъ болѣе зажиточныхъ семьяхъ.

«Въ Ставропольскомъ и Бугульминскомъ уѣздахъ крестьяне начали ѣсть хлѣбъ изъ молотыхъ желудей съ небольшой примѣсью ржаной муки. О вліяніи подобнаго питанія на организмъ сообщаетъ женщина-врачъ С. П. Давыдова, живущая въ селѣ Старомъ Кувакѣ, Бугульминскаго уѣзда. Упомянувъ, что въ ея практикѣ въ послѣднее время нерѣдки случаи голоданія и даже отравленія отъ суррогатовъ, г-жа Давыдова останавливается на слѣдующихъ двухъ случаяхъ. «Въ деревнѣ Спиридоновкѣ заболѣла семья, состоящая изъ семи человѣкъ, отъ употребленія хлѣба съ примѣсью молодыхъ желудей. Получилась картина отравленія: кислая рвота, поносъ, головная боль и боль во всемъ тѣлѣ, съ опуханіемъ живота и нижнихъ конечностей. Другой случай—въ деревнѣ Ѳедоткинѣ, въ которой заболѣла семья, состоящая изъ пяти человѣкъ, отъ той же самой причины, т. е. отъ употребленія «голоднаго хлѣба». Въ обѣихъ семьяхъ были малолѣтнія дѣти.

«Насъ утѣшаютъ тѣмъ, что съ февраля подумаютъ о лошадяхъ; только, спрашивается, у кого же онѣ останутся до февраля? У кулаковъ? Теперь у насъ крестьянская лошадь идетъ въ среднемъ по 4—5 рублей. Покупаютъ татары на мясо. Для нихъ это выгодно, такъ какъ шкура продается обыкновенно за 3 руб. или за 3 р. 50 к.; слѣдовательно, за рубль-полтора татаринъ имѣетъ пудовъ 8—10 мяса. Неожиданно и преждевременно наступившая зима ускорила кризисъ. Крайне необходимо было бы немедленно же открыть хотя нѣсколько столовыхъ и даже чайныхъ при школахъ».

По словамъ «Самарской газеты», въ сам. губ. зем. управу прислали изъ Николаевскаго уѣзда образцы хлѣба, которымъ питаются тамъ въ настоящее время крестьяне. По словамъ газеты, «на видъ хлѣбъ представляетъ изъ себя черную сухую массу, похожую на высушенный комъ черной земли. На вкусъ онъ очень киселъ, но если разжевать его, то во рту остается разсыпчатая, непріятнаго вкуса и совершенно землеподобная масса. Мука сильно хруститъ на зубахъ, почти не вязкая, очень непріятная на вкусъ».

По сообщенію врача П. П. Крылова, организующаго въ той же губерніи помощь голоднымъ дѣтямъ, «продовольственная ссуда, на которую по уставу имѣютъ право дѣти отъ 1 года до 18 лѣтъ,

женщины, старики свыше 55 лѣтъ и калѣки,—исчислена земствомъ только въ 4 уѣздахъ Самарской губ. (Самарскій, Ставропольскій, Бугурусланскій и Бугульминскій) за 508 тыс. чел. Число малолѣтнихъ дѣтей до 10 лѣтъ, входящихъ въ эту группу, по приблизительному разсчету, не менѣе 150 тыс. Въ дѣйствительности, спросъ на помощь дѣтямъ окажется значительно большимъ, такъ какъ въ вышеприведенный разсчетъ не вошли два многолюдныхъ и сильно пострадавшихъ уѣзда (Николаевскій и Новоузенскій), предположившихъ справиться съ неурожаемъ мѣстными хлѣбными запасами и продовольственными капиталами. Питаніе ребенка въ нашихъ столовыхъ обойдется около 1 р. 20 к. въ мѣсяцъ, или 9—10 р. за все время до новой жатвы». (Бирж. Вѣд.).

Эта огромная дѣтская нужда еще болѣе усугубляется вслѣдствіе распродажи коровъ и скуднаго ихъ питанія. Попечительства общества Краснаго Креста, открывающія кое гдѣ свою дѣятельность, безсильно останавливаются передъ огромностію задачи. Такъ попечительство, основавшееся въ с. Богородскомъ, Чистопольскаго уѣзда, по предварительному подсчету пришло къ тому, что «свыше 400 человѣкъ нуждаются въ помощи попечительства и только отъ него могутъ получить ее, а съ другой стороны, по предварительной смѣтѣ, сдѣланной въ засѣданіи попечительства, тѣхъ денегъ и хлѣба, которые сейчасъ на лицо, если открыть столовую, хватитъ лишь на нѣсколько дней; между тѣмъ помощь населенію нужна настоятельно и безусловно. Есть семьи, которыя уже сейчасъ сидятъ безъ хлѣба; въ нѣкоторыхъ пищу, какая случится, даютъ только дѣтямъ, а взрослые не получаютъ ровно ничего; скотъ весь распроданъ за безцѣнокъ (дойныя коровы продавались по 7—8 р.), соломы сейчасъ не купишь ни за какую цѣну, заборы и крыши раскрыты на топливо» (В. В.).

Но, повидимому, ни въ одной изъ неурожайныхъ мѣстностей населеніе не дошло до такой крайности, какъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи. Въ той же казанской газетѣ писали, что въ мѣстное уѣздное земское собраніе поступила докладная записка одного волостного старшины. Послѣдній докладывалъ собранію, что «населеніе Ирехтинской волости вслѣдствіе неурожая пришло въ такое состояніе, что многіе распродали для пропитанія себя рѣшительно все, даже самое необходимое, какъ, напр., послѣднюю подушку и платье. Есть такія семьи, которыя не имѣютъ ничего, чѣмъ-бы прикрыть свою наготу. Старшинѣ невозможно даже показаться ни въ одной деревнѣ,—такъ приступаютъ къ нему толпы оборванцевъ, со стономъ просящихъ о помощи. Волостной старшина пишетъ далѣе, что онъ не находитъ словъ, чтобы описать положеніе деревни. «Выдаваемый земствомъ паекъ въ 30 фунтовъ, изъ коего приходится удѣлять 5 и болѣе фунтовъ на уплату за провозъ, достаточенъ только на 12—15 дней; чѣмъ же населенію питаться остальные полмѣсяца?» Далѣе волостной старшина доводитъ

до свѣдѣнія собранія, что «половина населенія волости часто сидитъ чуть ли не по недѣлямъ совершенно безъ хлѣба, поддерживая свое существованіе питьемъ какой либо травы вмѣсто чая». Во второмъ заявленіи, поданномъ уже отъ имени всей волости, имѣются слѣдующія строки: «...До настоящаго времени помощью ссуды отъ земства въ количествѣ 30 фунт. въ мѣсяцъ, кое какъ пробивались, распродавая начисто весь домашній скотъ и прочее имущество. Теперь же, оставшись рѣшительно безъ всего, даже безъ необходимой одежды, мы не знаемъ, какъ будемъ жить»!!. Эти безхитростныя строки, продиктованныя безвыходнымъ положеніемъ, произвели на земское собраніе тяжелое впечатлѣніе. Гласный Татищевъ прерывающимся отъ волненія голосомъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣ суммы, которыя должны идти на общественныя работы, шли на немедленное продовольствіе».

Но земское собраніе не приняло предложенія г. Татищева: оно не въ правѣ было это сдѣлать.

Телеграммы приносятъ намъ извѣстія, что дѣло организаціи помощи нуждающемуся населенію или закончено, или быстро подвигается. Но онѣ же приносятъ и сообщенія (отъ 5 дек.), что въ Казанской губ. уже появился тифъ, что перевозка хлѣба гужомъ изъ Казанской губ. въ сосѣднія еще только имѣетъ начаться въ виду установившагося саннаго пути, что притокъ мѣстныхъ пожертвованій въ организуемыя уполномоченными общества Краснаго Креста попечительства не можетъ восполнить всѣхъ потребностей. Благодаря условіямъ навигаціи, доставка хлѣба и корма скоту могла производиться уже въ началѣ декабря только въ ближайшихъ къ нѣкоторымъ губернскимъ центрамъ мѣстностяхъ. Между тѣмъ оффиціальный органъ министерства земледѣлія, на основаніи донесеній своихъ корреспондентовъ, признаетъ, что въ районѣ восточныхъ губерній «нужда въ продовольственномъ хлѣбѣ стала ощущаться во многихъ мѣстностяхъ уже въ началѣ осени, или въ лучшемъ случаѣ собственнаго хлѣба могло хватить до Новаго года; недостатокъ же въ кормахъ былъ настолько значителенъ, что уже въ октябрѣ почти повсемѣстно шла массовая распродажа скота; даже зажиточные крестьяне оставляли на зиму лишь самое ограниченное количество скота, большая же часть послѣдняго распродавалась по крайне низкимъ цѣнамъ или же рѣзалась на мясо. Кромѣ того, въ названномъ районѣ, вслѣдствіе плохого сбора яровыхъ хлѣбовъ, весною ожидается сильный недостатокъ въ сѣменахъ». Сильная нужда въ кормѣ для скота ощущается не только въ указанныхъ восточныхъ, но и во всѣхъ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ.

«Московскія Вѣдомости», подводя общій итогъ продовольственной помощи пострадавшему отъ неурожая населенію, уже теперь болѣе чѣмъ въ 30 мил. пуд. зерна (на продовольствіе и обсѣмененіе), находятъ, однако, что «эту цифру смѣтныхъ назначеній придется значительно увеличить» въ виду того, что продовольствен-

ная потребность исчислена только по 1 мая 1899 г., между тѣмъ, какъ результатовъ будущаго урожая можно ожидать только въ концѣ іюля. По словамъ «Новаго Времени» общая сумма ассигнованій на поддержаніе скота въ нуждающихся крестьянскихъ хозяйствахъ неурожайнаго района исчисляется—на покупку сѣна, лошадей и хлѣба для скота,—въ 2.687,000 руб.,—причемъ на долю Уфимской губ. пришлось 894 т. и Казанской 734. Въ общемъ, по словамъ «Новаго Времени», вся эта операція должна обойтись въ 8—9 мил. руб., причемъ забота о скотѣ поставлена въ «наивозможно узкія рамки». Что это такъ, показываетъ слѣдующій разсчетъ по отношенію къ 6 уѣздамъ Самарской губерніи: Самарскому, Ставропольскому, Бугурусланскому и пр. Число рабочаго скота у нуждающихся по этимъ уѣздамъ въ кормѣ исчисляется въ 717 тыс. головъ, выдавать же кормъ рѣшено по количеству скота въ 170 тыс. головъ.

Это стремленіе къ экономіи, на ряду съ признаніемъ всей серьезности положенія, сказывается и у мѣстныхъ дѣятелей въ пораженныхъ неурожаемъ губерніяхъ. Открывая недавно саратовское губернское земское собраніе, саратовскій губернаторъ кн. Б. Мещерскій обратился къ гласнымъ съ рѣчью, въ которой предостерегалъ ихъ отъ стремленія выдавать ссуды въ возможно широкомъ размѣрѣ, исходя изъ тѣхъ соображеній, чтобы не увеличивать размѣры задолженности и не обращать помощь на тѣхъ, кто можетъ безъ нея обойтись. Неразборчивая раздача ссудъ, безспорно, дѣло неразумное и даже вредное, но не показала ли намъ практика прошлыхъ лѣтъ, что, удерживая размѣры помощи въ границахъ, неотвѣчающихъ дѣйствительной потребности, легко придти къ результатамъ, которые лишаютъ эту помощь большей доли ея значенія.

До сихъ поръ мы говорили, однако, о населеніи, которое имѣетъ право на продовольственную помощь въ той или иной формѣ, въ томъ или иномъ размѣрѣ. Но за спиной этого населенія деревни стоитъ цѣлый міръ «захребетниковъ». Во всякомъ селѣ или деревнѣ, внѣ общей линіи селенія, на задахъ или на краю улицы, по склонамъ овраговъ и косогоровъ вы всегда увидите покосившіяся лачуги или «кельи», полуприкрытыя старой извѣтрившейся соломой, безъ воротъ, безъ плетня и повѣтей. Въ этихъ кельяхъ живутъ «бобыли» и «сироты». Здѣсь и вдовы съ малолѣтними дѣтьми, немощные, дряхлые старики, старыя дѣвицы, бывшіе дворовые, старые солдаты и проч. Не имѣя надѣла, частью по собственному безсилію и неспособности нести тяжесть земледѣльческаго труда и соединенныхъ съ нимъ повинностей, частью по волѣ міра, всѣ эти семьи и одиночки живутъ всетаки около земли и отъ земли. При отсутствіи у насъ, въ деревнѣ, правильно организованной системы общественнаго призрѣнія, трудно сказать даже въ обыкновенное время, какъ добываютъ многіе изъ нихъ средства пропитанія. Способные еще къ работѣ занимаются всякаго рода поденщиной, старики и дѣти живутъ главнымъ образомъ подаяніемъ, ходятъ въ своемъ околодкѣ,

гдѣ ихъ всѣ знаютъ и подаютъ, кто хлѣбомъ, кто картофелемъ, кто чѣмъ попало, зная, что сами они ничѣмъ не ограждены отъ подобной же участи въ случаѣ перваго несчастія. Но тѣмъ безпомощнѣе положеніе всѣхъ этихъ людей въ моменты общаго бѣдствія, подобнаго нынѣшнему неурожаю, когда чувство личнаго самосохраненія заставляетъ всѣхъ и каждаго думать только о своей судьбѣ. Источники народной благотворительности иссякаютъ. Помощи земства и правительства эта часть сельскаго населенія не подлежитъ, такъ какъ она не входитъ въ составъ круговой поруки, обусловливающей собою выдачу продовольственной ссуды. И вотъ, всѣ эти захудалыя и бѣдствующія семьи, калѣки и немощные, вдовы и сироты остаются въ положеніи безысходномъ, полномъ отчаянія и безнадежности. Ихъ развалившіяся лачуги первыя посѣщаютъ страшные спутники неурожайныхъ годовъ—голодъ и эпидемическія болѣзни.

Эта часть деревенскаго населенія неурожайныхъ мѣстностей, о численности которой трудно судить, хоть, безъ сомнѣнія, она весьма значительна (Главное управленіе общества Краснаго Креста въ своемъ воззваніи опредѣляетъ ее въ 23% общаго количества всего крестьянскаго населенія застигнутыхъ неурожаемъ губерній), можетъ разсчитывать лишь на помощь частной благотворительности. Другой видъ несомнѣнной и настоятельной нужды представляетъ собою нужда въ помощи учащимся въ сельскихъ школахъ. Являясь изъ дому въ земскія школы голодными, дѣти въ часы перерывовъ въ занятіяхъ отправляются побираться «по кусочки» въ селѣ или ближнихъ деревняхъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ чаще приходится имъ возвращаться такими же голодными, какъ ушли, полузамерзшими въ своей рваной одеждѣ и дырявой обуви. А между тѣмъ земскія школы переполняются учащимися: родители чуть не гонятъ ихъ въ училища, съ одной стороны, чтобы избѣгнуть вида полуголодныхъ дѣтей, съ другой, въ разсчетѣ, что тамъ имъ чѣмъ нибудь помогутъ. Извѣстія о подобномъ положеніи учащихся приходятъ изъ всѣхъ неурожайныхъ губерній, указывая на крайнюю и неотложную необходимость организаціи школьныхъ столовыхъ. И школьныя столовыя устраиваются, по сообщеніямъ газетъ, или уѣздными попечительствами Краснаго Креста или земствами, казанскимъ, симбирскимъ и др. Отпуская ученикамъ пищу, покупая бѣднѣйшимъ бѣлье, одежду, обувь, они оказываютъ незамѣнимую помощь. Но средства ихъ ограничены, недостаточность ихъ ощущается въ самомъ началѣ дѣла, и только дѣятельное и постоянное участіе въ судьбѣ школьныхъ столовыхъ со стороны частной благотворительности можетъ поддержать и сохранить ихъ существованіе до той поры, когда минуетъ въ нихъ нужда.

Общество Краснаго Креста съ начала ноября приступило уже къ организаціи благотворительной помощи и на мѣстахъ нужды. Главное управленіе его командировало въ губерніи Казанскую, Симбирскую, Вятскую, Пермскую и Саратовскую главноуполномочен-

наго ген.-м. Шведова и въ губернія Самарскую и Уфимскую, выдѣленныя въ особый районъ въ виду ихъ исключительно бѣдственнаго положенія, уполномоченнаго шт.-ротм. кавалерг. полка Александровскаго. И тотъ и другой, прибывъ на мѣста вмѣстѣ съ прикомандированными къ нимъ на помощь лицами и приступивъ къ выполненію своей трудной задачи, въ слѣдующемъ видѣ описываютъ положеніе вещей въ телеграммахъ, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Общества» во второй половинѣ ноября. Ген.-м. Шведовъ сообщалъ изъ Казани: «Нужда есть и будетъ возростать, къ веснѣ ожидаются еще большіе расходы. Хотя заявленія получены не отъ всѣхъ комитетовъ, но уже теперь выяснилась необходимость въ дополнительномъ ассигнованіи еще восьмидесяти тысячъ. Въ общемъ условія неурожая подходятъ къ неурожаю 1891 г. Особенно силенъ недородъ въ уѣздахъ: Чистопольскомъ, Спасскомъ, Лаишевскомъ, Мамадышскомъ, Тетюшскомъ, Казанскомъ, Свіяжскомъ, частію Царевококшайскомъ, Чебоксарскомъ. Обнаруживается сыпной тифъ въ Чистопольскомъ, Спасскомъ, Лаишевскомъ уѣздахъ. Предложилъ мѣстному управленію готовить санитарный отрядъ».

Изъ Уфы отъ шт.-ротм. Александровскаго была получена телеграмма слѣдующаго содержанія: «По обсужденіи губернаторомъ, администраціею и земствомъ, которыми уже произведено точное обслѣдованіе пострадавшихъ мѣстностей, выяснилось особенно бѣдственное положеніе Мензелинскаго, Белебеевскаго, Бирскаго уѣздовъ. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ два года подъ-рядъ—полный неурожай, на мѣстахъ недостатокъ людей, при поголовной нуждѣ отсутствіе хлѣбныхъ запасовъ у населенія; запасовъ хватитъ только на ноябрь; положеніе, особенно Мензелинскаго уѣзда, затруднительное, требующее исключительной благотворительной помощи; открыты мѣстами столовыя, организована продовольственная посильная помощь; недостатокъ дѣятелей, огромныя разстоянія между пострадавшими селеніями, дикость инородческаго населенія препятствовали расширенію благотворительной помощи; по приблизительному разсчету губернскаго попечительства, на предварительныя надобности теперь же потребуется еще пятьдесятъ тысячъ рублей, о чемъ оно постановило ходатайствовать; въ Мензелинскомъ уѣздѣ небольшія вспышки тифозной эпидеміи».

Указывая на серьезность положенія, неотложную необходимость помощи, недостаточность средствъ, телеграммы отмѣчаютъ еще и недостатокъ дѣятелей, въ частности для Уфимской губерніи. О недостаткѣ людей не мало говорилось и въ 1891 году. Однако опытъ этого же года явно показалъ, что людей, готовыхъ безкорыстно и самоотверженно служить народу, не мало, лишь была бы возможность приложенія ихъ желанію. Разразилась бѣда, и на широкій призывъ нашлись люди самоотверженные и безкорыстные на мѣстахъ и со стороны, и молодежь съ одушевленіемъ ринулась на помощь голодающему и гибнущему отъ тифа и холеры насе-

ленію. Но для этого надо, чтобы формализмъ и чрезмѣрная недовѣрчивость не ограничивали свободное предложеніе силъ.

А какова цѣна той глухой подозрительности, которую всегда готовы проявить по этому поводу нѣкоторые органы прессы, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ мы отмѣтили, какъ г. Водиско въ «Моск. Вѣд.» выражалъ сомнѣніе въ цѣлесообразномъ израсходованіи суммъ, прошедшихъ для раздачи нуждающимся въ прошломъ году черезъ редакціи газетъ и разныхъ обществъ, въ существованіи правильной отчетности по этимъ суммамъ. Въ № 265 «Русскихъ Вѣдомостей» мы находимъ напечатанными отчеты нѣкоторыхъ лицъ, организовавшихъ на подобныя средства правильную и энергичную помощь въ пораженныхъ неурожаемъ мѣстностяхъ: учительницы Н. П. Ермоловой, Г. М. Хрущова, Ю. В. Андреевой, врача А. И. Шингарева въ общемъ на сумму 22,450 руб. Отчеты эти съ перечисленіемъ поступавшихъ суммъ, съ указаніемъ, гдѣ и какъ эти суммы израсходованы, стали приходить въ редакцію газеты еще лѣтомъ и осенью, причемъ они оказались настолько подробными, обстоятельными и сложными, что газета нашла возможнымъ помѣщать у себя лишь извлеченія изъ нихъ. Но и эти краткія извлеченія могутъ вполнѣ удовлетворить всякаго жертвователя, любопытствующаго о судьбѣ пожертвованныхъ имъ суммъ. Удовлетворятъ ли они г. Водиско? Сомнительно, когда человѣкъ идеальные порядки благотворительности склоненъ видѣть въ дореформенныхъ домахъ общественнаго призрѣнія.

Странную судьбу испытываетъ у насъ дѣло просвѣщенія. Повидимому, всѣ убѣждены въ его высокомъ значеніи и готовы содѣйствовать ему всѣми силами. А рядомъ съ этимъ практика жизни на каждомъ шагу ставитъ его развитію различныя препятствія и препоны. И слишкомъ часто, обращаясь къ источнику происхожденія этихъ препятствій, находимъ его ни въ чемъ иномъ, какъ въ «недоразумѣніи». Но, вѣдь, надо же признать, что въ основѣ этихъ недоразумѣній должно лежать нѣчто общее. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ подобныхъ недоразумѣній, укажемъ хотя бы на слѣдующее. Дирекція народныхъ училищъ при открытіи школъ въ населенныхъ пунктахъ, гдѣ имѣются уже школы духовнаго вѣдомства, должны входить въ сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ для полученія отзыва со стороны послѣдняго объ умѣстности открытія новой школы. На практикѣ установилось обыкновеніе смотрѣть на этотъ отзывъ духовнаго вѣдомства, какъ на имѣющій характеръ разрѣшенія, считалось, что безъ согласія епархіальнаго начальства инспектора народныхъ училищъ и училищные совѣты не въ правѣ открывать новыя школы. Вопросъ объ этомъ правѣ дошелъ до сената, который и разъяснилъ его еще въ концѣ прошлаго года указомъ, обнародованнымъ лишь недавно.

Изъ указа этого видно, что министерство народнаго просвѣщенія своимъ распоряженіемъ отнюдь не предписывало училищнымъ совѣтамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ открывать новыя школы лишь съ согласія епархіальнаго начальства, такъ какъ такимъ предписаніемъ министерство отмѣнило бы установленный закономъ порядокъ открытія школъ; министерство своимъ распоряженіемъ лишь рекомендовало, въ указаныхъ выше случаяхъ, запрашивать мнѣнія епархіальнаго начальства, которое ни для училищныхъ совѣтовъ, ни для чиновъ дирекцій народныхъ училищъ никакого обязательнаго значенія не имѣетъ, а принимается ими лишь къ свѣдѣнію для соображеній при разрѣшеніи вопроса объ открытіи школы въ населенномъ пунктѣ, въ которомъ уже имѣется школа духовнаго вѣдомства. («Образованіе», № 12).

А между тѣмъ, сколько, можетъ быть, лишнихъ и столь необходимыхъ школъ не было открыто въ свое время изъ-за возникавшихъ на почвѣ этого «недоразумѣнія» разногласій?..

Аналогичный случай представляетъ собою вопросъ о примѣненіи министерскаго каталога при подборѣ книгъ для безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ. Наблюдающіе за библіотеками нерѣдко отказывались допускать въ библіотеки книги, которыя были разрѣшены для этой цѣли ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, послѣ изданія министерскаго каталога, указывая на то, что въ библіотеки могутъ быть допущены только тѣ книги, которыя перечислены въ названномъ каталогѣ. Недавно со стороны министерства народнаго просвѣщенія послѣдовало разъясненіе, причемъ вопросъ этотъ рѣшенъ въ благопріятномъ для библіотекъ смыслѣ. Министерство разъяснило, что «къ допущенію въ безплатныя народныя библіотеки и читальни изданій, одобренныхъ ученымъ комитетомъ послѣ изданія министерствомъ каталога для сихъ читаленъ, не можетъ быть никакихъ препятствій, разъ они одобрены ученымъ комитетомъ для означенныхъ читаленъ и поименованы въ книжкахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ отдѣлѣ правительственныхъ распоряженій».

Во власти всякаго рода недоразумѣній находится, какъ указывало недавно «Новое Время», и судьба воскресныхъ школъ. Повидимому, предубѣжденіе противъ нихъ, сохранившееся со времени первыхъ опытовъ открытія ихъ въ шестидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ, болѣе чѣмъ за 35 лѣтъ должно было бы изгладиться. Въ настоящее время правительство не препятствуетъ открытію воскресныхъ школъ, если только учительскій персоналъ удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, какія къ нему предъявляютъ законъ и администрація. Но на дѣлѣ открытіе и веденіе воскресныхъ школъ рѣдко обходится безъ столкновеній и лишней траты силъ и времени.

Такъ, правительствомъ разрѣшено въ Курскѣ «Общество для содѣйствія начальному образованію въ Курской губерніи»; въ программу общества входитъ, между прочимъ, открытіе воскресныхъ

школъ, но мѣстная газета не сочла возможнымъ напечатать даже пренія, происходившія въ Обществѣ по поводу предполагаемаго, съ разрѣшенія каждый разъ подлежащаго начальства, открытія школъ. Въ другомъ значительномъ городѣ центральной Россіи, кажется, если не ошибаемся, въ Тамбовѣ, въ разрѣшенной властью воскресной школѣ учителямъ мѣстнаго училища сначала было запрещено преподавать, но потомъ вскорѣ это распоряженіе было отмѣнено.

Не менѣе характерные въ этомъ отношеніи факты даетъ дѣятельность попечительствъ о народной трезвости. Въ послѣднемъ «Отчетѣ Главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1896 г.» есть не мало указаній на то, какими затрудненіями обставлена дѣятельность попечительствъ при выполненіи возложенной на нихъ задачи распространенія здравыхъ понятій среди населенія и отвлеченія его отъ пьянства путемъ организаціи народныхъ чтеній, читаленъ, чайныхъ и пр. Такъ, въ Самарской губ. комитетами въ этомъ направленіи никакихъ мѣръ въ 1896 г. не принималось, такъ какъ не было получено разрѣшенія по возбужденному ходатайству объ открытіи народныхъ чтеній. То же сообщаютъ изъ Пермской губ.: девятью уѣздными комитетами этой губерніи никакихъ мѣръ не предпринималось по той же причинѣ. Изъ Соликамскаго у. пишутъ, что «читаленъ при чайныхъ не имѣется, хотя комитетъ сознаетъ, что съ открытіемъ ихъ чайныя могутъ служить для населенія мѣстомъ для препровожденія свободнаго времени съ пользою—въ разговорахъ и въ чтеніи, но, къ сожалѣнію, открытіе читаленъ сопряжено съ большими формальностями» (стр. 429). Въ г. Соликамскѣ, хотя министерствомъ народнаго просвѣщенія и были разрѣшены народныя чтенія, но отъ мѣстнаго директора народныхъ училищъ не было получено распоряженія и потому чтенія не были открыты. Екатеринбургскій комитетъ ходатайствовалъ объ открытіи чтеній въ 1895 г., разрѣшеніе же получилъ лишь въ 1897 г. Мы не перечисляемъ всѣхъ фактовъ этого рода, приведенныхъ въ упомянутомъ «отчетѣ».

Въ Сызрани есть одно весьма дѣятельное и полезное общество: «Общество организаціи народныхъ библіотекъ и дешевыхъ чайныхъ и столовыхъ». Преслѣдуя свою цѣль—содѣйствовать просвѣщенію народа, общество главныя усилія свои прилагаетъ къ распространенію сельскихъ народныхъ библіотекъ. При этомъ комитету общества, какъ сообщается въ корреспонденціи «Русск. Вѣд.», пришлось встрѣтиться со слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Главнѣйшимъ затрудненіемъ при учрежденіи библіотекъ, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ, служитъ недостатокъ помѣщеній. Исходя изъ того соображенія, что сельскія народныя библіотеки служатъ дополненіемъ къ задачамъ, которыя преслѣдуетъ и сельская школа, и что для осуществленія библіотеки приходится отыскивать въ чертѣ селенія лишь уголъ комнаты, куда можно было бы поставить

шкафъ съ книгами, комитетъ Общества 3-го февраля 1897 года обратился къ инспектору народныхъ училищъ Сызранскаго уѣзда съ просьбою о разрѣшеніи пользоваться помѣщеніемъ сельскихъ школъ для устройства въ нихъ библіотекъ. На это инспекторъ сообщилъ комитету, что, «по существующимъ законоположеніямъ о народныхъ библіотекахъ, послѣднія могутъ быть помѣщаемы въ школьныхъ зданіяхъ, но при условіи, если помѣщенія библіотекъ будутъ отдѣлены отъ классовъ капитальными стѣнами, имѣть отдѣльный ходъ, будутъ предоставлены полному контролю учебнаго начальства, если выдача книгъ будетъ производиться по праздничнымъ днямъ, когда учащіеся не будутъ имѣть возможности встрѣчаться въ училищахъ со взрослыми читателями».

Газета совершенно справедливо замѣчаетъ, что отвѣтъ г. инспектора вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе: согласно дѣйствующимъ узаконеніямъ, открытіе публичной библіотеки въ зданіи училища не всегда обставляется наличностью тѣхъ условій, на которыя указывается въ бумагѣ инспектора. Такъ, наприм., согласно п. *а* параграфа 19-го инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, публичная библіотека въ училищномъ домѣ съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія можетъ быть открыта при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) чтобы выборъ книгъ для сихъ библіотекъ производился не иначе, какъ съ разрѣшенія начальствъ училищъ и 2) чтобы публика ни въ какомъ случаѣ не была допускаема къ чтенію въ помѣщеніи библіотеки, а пользовалась книгами лишь для чтенія на дому; книги же должны быть выдаваемы въ опредѣленные дни и часы и отнюдь не въ теченіе класснаго времени. Отсюда слѣдуетъ, что открыть публичную библіотеку въ училищномъ зданіи возможно и при отсутствіи «капитальныхъ стѣнъ, отдѣляющихъ ее отъ классовъ», и при отсутствіи «отдѣльнаго входа». Наличность этихъ двухъ условій, согласно разъясненію сената по рапорту пермскаго губернатора отъ 18-го января 1894 года, требуется лишь при открытіи въ училищныхъ зданіяхъ публичныхъ библіотекъ, *находящихся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ* (Рус. Вѣд. № 242).

Если органы прессы какого либо опредѣленнаго направленія высказываютъ свое убѣжденіе по тому или иному вопросу, то можно оспаривать, что мнѣніе ихъ есть дѣйствительное выраженіе общественнаго мнѣнія. Но если органы печати всевозможныхъ оттѣнковъ и направленій, являющіеся выразителями взглядовъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ группъ, сходятся въ одномъ утвержденіи, можно ли не признавать за нимъ голосъ общественнаго мнѣнія, насколько печать вообще можетъ считаться его выразительницей? Такой именно характеръ всеобщности и единодушія имѣетъ отношеніе печати къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи. Докторъ Жбан-

ковъ въ своихъ очеркахъ по этому предмету, печатающихся во «Врачѣ», пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Вся русская печать, за исключеніемъ двухъ извѣстныхъ изданій, высказывается болѣе или менѣе рѣзко и съ разныхъ сторонъ противъ розогъ. Духовные органы «Церковный Вѣстникъ» и «Духовный Вѣстникъ Грузинскаго экзархата» указываютъ на несовмѣстность тѣлесныхъ наказаній съ духомъ евангельскаго ученія о любви, на подрывающее вліяніе ихъ на нравственность и семейную жизнь. Военный журналъ «Развѣдчикъ» находитъ тѣлесныя наказанія и побои несовмѣстными съ честью и достоинствомъ военныхъ. Славянофильскіе журналы «День» и «Русь» приписывали происхожденіе въ Россіи тѣлесныхъ наказаній татарамъ и нѣмцамъ; К. Аксаковъ писалъ въ нихъ: «тѣлесное наказаніе или можетъ быть допущено для всѣхъ, или вовсе не можетъ быть допущено... Тѣлесное наказаніе есть возведеніе побоевъ въ законъ, есть узаконеніе грубой силы... Побои, возведенные въ законъ, становятся явленіемъ положительно безнравственнымъ, такъ какъ этотъ взглядъ ихъ оправдываетъ, утверждаетъ, здѣсь уже слышится, чувствуется принципъ». Юридическіе органы—«Юридическій Вѣстникъ» и «Юридическая Газета»—помѣстили цѣлый рядъ статей противъ розогъ и доказывали ихъ несостоятельность съ точки зрѣнія правосудія и справедливости. Всѣ медицинскіе органы всегда высказывались противъ тѣлесныхъ наказаній. Кромѣ нравственныхъ и спеціальныхъ соображеній, они указывали и на крайне вредное вліяніе такихъ наказаній на здоровье и наказуемыхъ, и наказующихъ. Административныя изданія—«Гродненскія», «Курскія» и «Архангельскія Губернскія Вѣдомости»—тоже относятся очень неодобрительно къ розгамъ и признаютъ вредное вліяніе ихъ на крестьянскую жизнь, особенно на семейныя отношенія и на злоупотребленія сельскихъ властей. Наконецъ, и вся остальная общая печать—газеты и журналы, столичные и провинціальные, консервативные и либеральные органы—всѣ, кромѣ двухъ извѣстныхъ изданій, высказывались и продолжаютъ высказываться противъ розогъ».

Сознаніе того, что тѣлесное наказаніе есть грубый анахронизмъ, наслѣдство, перешедшее къ намъ отъ эпохъ, запечатлѣнныхъ жестокостью и несознаніемъ, утвердилось въ значительной степени и въ умахъ тѣхъ, кто не только теоретически касается вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ, но и держитъ въ своихъ рукахъ власть практическаго ихъ примѣненія. Такъ, хотя положеніе 12 іюля 1889 года и предоставило земскимъ начальникамъ право утвержденія тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, однако, намъ извѣстны цѣлые уѣзды, гдѣ наказаніе это не примѣняется совершенно, какъ напр., Одесскій уѣздъ, и губерніи, гдѣ примѣненіе ихъ по нѣсколькимъ уѣздамъ считается единичными случаями.

Недавно «Смоленскій Вѣстникъ» сообщалъ, что въ Гжатскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, тѣлесныя наказанія по приговорамъ

волостныхъ судовъ почти вышли изъ практики: «волостные суды познакомившись съ вѣскими доводами бывшаго земскаго начальника г. Чернова, книгу котораго они выписали, а также вполнѣ убѣдившись въ безнравственности и безполезности грубаго и жестокаго наказанія, перестали приговаривать къ наказанію розгами, а если гдѣ и приговаривали, то знали, что приговоры не будутъ утверждены земскими начальниками, откликнувшимися на справедливый и гуманный призывъ г. Чернова объ изгнаніи розги».

«Бирж. Вѣд.» напоминали на дняхъ, что только пять губернскихъ земствъ—владимірское, вятское, орловское, харьковское и ярославское не возбуждали ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, что, какъ извѣстно, по указу сената отъ 17 сентября 1896 года не превышаетъ компетенція земства. Всѣ же остальныя земства касались этого вопроса въ той или иной формѣ. Въ настоящее время къ числу ихъ присоединяется и владимірское земство. По сообщенію корреспондента «Ниж. Листка», владимірская губернская управа вноситъ въ предстоящее очередное губ. земское собраніе докладъ о ходатайствѣ передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ по приговорамъ волостныхъ судовъ. Поводомъ къ этому послужило постановленіе объ этомъ гороховецкаго уѣзднаго земскаго собранія, бывшаго въ октябрѣ мѣсяцѣ. Иниціатива возбужденія этого вопроса принадлежитъ гл. земскому начальнику П. П. Булыгину, который заявилъ на уѣздномъ собраніи, что «хотя въ Гороховецкомъ уѣздѣ уже не слышно, чтобы волостные суды когда либо и къ кому либо примѣняли это позорное взысканіе, но во 1-хъ—нельзя быть увѣренными, что случаи эти не явятся въ будущемъ, а во 2-хъ, вопросъ о тѣлесномъ наказаніи имѣетъ принципіальное значеніе: стоя близко къ народу въ качествѣ земскаго начальника, онъ (докладчикъ) убѣдился, что не только нѣтъ надобности когда либо примѣнять тѣлесное наказаніе, но, ссылаясь на мнѣніе товарищей, беретъ смѣлость утверждать, что, кромѣ вреда, нѣтъ ничего и быть не можетъ отъ примѣненія этой несовременной, позорной и лишающей не только чести но и нѣкоторыхъ правъ—мѣры». Лица, подвергшіяся тѣлесному наказанію, лишаются права быть выбранными въ старосты, участвовать въ собраніяхъ. «Наказаніе это,—заявилъ г. Булыгинъ,—озлобляетъ человѣка, даетъ ему поводъ думать, что онъ, какъ лишенный чести, можетъ не сдерживать своихъ худшихъ инстинктовъ; можно указать не одинъ случай озлобленія наказаннаго человѣка, озлобленія, доводящаго до арестантскихъ ротъ». Въ виду этого онъ просилъ собраніе «ходатайствовать передъ правительствомъ черезъ губ. зем. собраніе—снять съ крестьянскаго населенія тяготѣющую надъ нимъ позорную возможность подвергаться тѣлесному наказанію». Гласный И. И. Царовъ (волостной старшина) заявилъ, что онъ—4 года старшиной и предсѣдателемъ суда и убѣдился, что примѣнять тѣлесное наказаніе нѣтъ надобности, и

при этомъ добавилъ, что знаетъ недавній случай неутвержденія одного крестьянина въ должности десятскаго потому, что этотъ крестьянинъ былъ наказанъ. Уѣздный предводитель дворянства В. А. Шумиловъ, отмѣтивъ, что въ Гороховецкомъ уѣздѣ тѣлесное наказаніе не примѣняется, констатируетъ, что еще въ 1858 году владимірскій губернскій комитетъ призналъ тѣлесное наказаніе не нужнымъ. Гл. А. А. Невскій, присоединясь къ заявленію г. Булыгина, мотивировалъ необходимость отмѣны тѣлеснаго наказанія тѣмъ, что эта мѣра признана врачами безусловно вредной для физическаго здоровья. Въ этомъ же смыслѣ высказались и другіе гласные. Собраніе постановило ходатайствовать черезъ губ. земское собраніе передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній крестьянъ по приговорамъ волостныхъ судовъ.

Надо думать, что и губернское собраніе окажется въ этомъ вопросѣ на одинаковой высотѣ съ уѣзднымъ, и тѣмъ внесетъ свою долю содѣйствія рѣшительной и полной отмѣнѣ отживающаго господства розогъ.

Прискорбное событіе въ Андижанѣ 18 мая настоящаго года, жертвою котораго пали 22 человѣка нашихъ нижнихъ чиновъ вызвало, какъ извѣстно, учрежденіе особой военно-слѣдственной коммиссіи. Выясняя причины, способствовавшія возникновенію замысла ишана и его сторонниковъ, слѣдствіе главную изъ нихъ указало во вліяніи религіознаго фанатизма мусульманъ, для которыхъ идея «газавата» (священной войны) сохранила и донынѣ свою силу и значеніе. Но въ заключеніе своего доклада, въ свое время напечатаннаго въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», она указала, какъ на обстоятельство, способствовавшее возможности появленія и распространенія заговора, на примѣненіе въ управленіи и судебныхъ порядкахъ края Положенія 1886 г., допустившаго, между прочимъ, отдѣленіе судебной и административной власти.

«Введеніе въ Туркестанѣ новой независимой и нерѣдко недружелюбной къ чинамъ администраціи судебной власти,—читаемъ мы въ этомъ докладѣ,—рѣзко отдѣленной отъ административной во всѣхъ инстанціяхъ, до народныхъ судовъ включительно, содѣйствовало умаленію въ глазахъ населенія значенія русской власти вообще. Рядомъ съ потерявшимъ значеніе уѣзднымъ начальникомъ возникли сильные, хотя и исполненные неправды народные суды съ обширными компетенціями, и былъ поставленъ менѣе властный русскій мировой судья, не всегда знакомый съ туземнымъ бытомъ, воспитанный въ понятіяхъ, неприменимыхъ въ недавно покоренной мусульманской странѣ. Слѣдствіе приводитъ случай оправданія мировымъ судьей виновныхъ и прекращенія дѣла о буйствѣ на выборахъ, завершившихся нанесе-

ніемъ побоевъ сельскимъ властямъ и оскорбленіемъ дѣйствіемъ участковаго пристава, который былъ капитаномъ русской арміи. Были примѣры вызова уѣздныхъ начальниковъ въ камеру мирового судьи въ качествѣ свидѣтеля, показанія котораго провѣрялись и контролировались показаніями самихъ преступныхъ и низменныхъ туземцевъ».

Это заключеніе коммиссіи, разслѣдовавшей андижанское дѣло, заставляло опасаться, что оно не останется безъ вліянія на примѣненіе незадолго передъ тѣмъ опубликованнаго закона о судебной реформѣ въ Туркестанѣ и Степномъ краѣ. Можно было ожидать существенныхъ отступленій отъ судебныхъ порядковъ, опредѣляемыхъ началами уставовъ Императора Александра II. Однако недавно въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было напечатано слѣдующее важное правительственное сообщеніе:

«Особая коммиссія, производившая разслѣдованіе объ андижанскихъ безпорядкахъ, указала въ заключеніи своемъ, какъ на одну изъ причинъ печальныхъ событій, бывшихъ въ Андижанѣ въ маѣ текущаго года, на недостатки Положенія 1886 года, къ числу коихъ отнесла и введенное симъ Положеніемъ судебное устройство въ краѣ, съ отдѣленіемъ власти судебной отъ административной. При этомъ коммиссія обратила вниманіе на существованіе нежелательныхъ отношеній между судебными чинами и администраціею и привела единичные случаи производства мировыми судьями дѣлъ, изъ коихъ въ одномъ—постановленное судьею рѣшеніе, а въ другихъ—практиковавшійся порядокъ судебнаго разбирательства могли, по мнѣнію коммиссіи, вліять на умаленіе въ глазахъ туземцевъ значенія русской власти. Засимъ, намѣчая рядъ мѣръ для упорядоченія дѣла управленія краемъ, коммиссія, въ числѣ ихъ, указала и на необходимость предоставленія мѣстному генералъ-губернатору: а) особыхъ правъ по надзору за судебными учрежденіями, имѣющими быть введенными въ краѣ въ будущемъ 1899 году, и б) рѣшающаго участія въ дѣлахъ объ увольненіи судебныхъ чиновъ со всѣхъ безъ исключенія должностей и о назначеніи на высшія судебныя должности. По поводу сего заключенія коммиссіи, приведеннаго въ сообщеніи отъ 7-го октября 1898 года («Правит. Вѣстн.», № 217, и «Русскій Инвалидъ», № 217), представляется необходимымъ, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, разъяснить, что заключеніе это отнюдь не можетъ служить выраженіемъ по указанному предмету мнѣнія военнаго министерства, которое далеко отъ мысли какъ обобщать приводимые коммиссіею случаи несоотвѣтствующаго, по ея мнѣнію, производства и рѣшенія мировыми судьями нѣкоторыхъ дѣлъ, такъ и придавать имъ неподобающее значеніе. Вопросъ же объ основаніяхъ предстоящей судебной реформы въ Туркестанѣ уже окончательно разрѣшенъ Высочайше утвержденными 2-го іюня сего года временными Правилами. При предварительной съ участіемъ военнаго министерства разработкѣ

сихъ правилъ былъ подвергнутъ самому тщательному разсмотрѣнію и вопросъ объ отношеніяхъ судебныхъ чиновъ къ высшей мѣстной административной власти, причемъ признано невозможнымъ колебать основной принципъ вводимыхъ въ краѣ судебныхъ уставовъ Императора Александра II—независимость чиновъ судебнаго вѣдомства и отправленіе правосудія внѣ надзора мѣстной административной власти. Во вниманіе же къ исключительнымъ условіямъ Туркестана, обязывающимъ съ особенною заботливостью относиться къ поддержанію престижа мѣстнаго генералъ-губернатора, найдено необходимымъ, въ изъятіе изъ общаго порядка назначенія мировыхъ судей, установить, чтобы назначеніе, перемѣщеніе и увольненіе означенныхъ должностныхъ лицъ производилось министромъ юстиціи по предварительному съ нимъ сношенію, что и выражено въ ст. 5-й Правилъ 2-го іюня. Правило это, а также нѣкоторыя другія мѣропріятія, предположенныя министерствомъ юстиціи къ осуществленію въ инструкціонномъ порядкѣ, въ достаточной степени обезпечать интересы администраціи; введеніе же въ краѣ объединяющей судебной власти въ лицѣ старшаго предсѣдателя и прокурора палаты, которые будутъ находиться въ мѣстѣ постояннаго пребыванія генералъ-губернатора, послужитъ, какъ надо надѣяться, къ исчезновенію случаевъ столкновенія и нежелательныхъ пререканій между чинами администраціи и органами юстиціи».

Въ виду приведеннаго можно надѣяться, что реформированные судебные порядки нашей средне-азіатской окраины не будутъ въ связи со случайнымъ и прискорбнымъ событіемъ въ Андижанѣ лишены столь коренного принципа судебныхъ уставовъ 1864 года, какъ независимость судебныхъ установленій отъ администраціи.

М. Плотниковъ.

---

25 октября въ Иркутскѣ въ средѣ мѣстныхъ литераторовъ былъ отпразднованъ юбилей сорокалѣтней литературной дѣятельности сибирскаго публициста Мих. Васил. Загоскина. Этотъ скромный праздникъ, которому устроители старались придать тѣсный семейный характеръ, имѣетъ, однако, для Сибири значеніе общественнаго событія. М. В. Загоскинъ былъ основателемъ и редакторомъ газеты «Амуръ»; это была первая частная газета въ Сибири, и поэтому юбилей его былъ въ то же время и празднованіемъ почти полувѣкового существованія сибирской областной журналистики.

М. В. Загоскинъ уроженецъ Иркутской губерніи, высшее образованіе получилъ въ казанской духовной академіи, изъ Казани вернулся на родину и всю свою жизнь прожилъ безвыѣздно частью въ Иркутскѣ, частью въ пригородной деревнѣ Грановщинѣ. Службу

свою на родинѣ М. В. началъ педагогической дѣятельностью въ разныхъ иркутскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1860 г. кружокъ пріятелей, Бѣлоголовый, Пиленковъ и Поповъ даютъ ему денежныя средства, и М. В. основываетъ газету «Амуръ». Въ 1862 г. «Амуръ» прекратилъ свое существованіе. Четырнадцать лѣтъ спустя М. В. снова берется за редакторское перо; съ этого года до 1886 г., т. е. въ теченіе десятилѣтія онъ руководитъ вновь основанной частной газетой «Сибирь». Въ газетѣ «Амуръ» сотрудниками М. В. были петрашевцы (Спѣшневъ, Львовъ, Петрашевскій), въ «Сибири» вокругъ него собрались народившіеся сибирскіе писатели. «Сибирь», какъ позднѣе «Восточное Обозрѣніе» Ядринцева, также была газетой съ ярко выраженной областнической тенденціей; въ ней были подняты и подвергнуты обсужденію всѣ мѣстные сибирскіе вопросы, которые и теперь продолжаютъ занимать сибирское образованное общество. Начало сибирской журналистики совпадаетъ съ зарей провинціальной періодической печати въ европейской Россіи; въ большинствѣ случаевъ эта послѣдняя состояла изъ листковъ, которые издавались съ торгашескими цѣлями; Сибирь была однимъ изъ немногихъ счастливыхъ исключеній въ ряду другихъ областей Россіи; цензура въ Сибири, конечно, тяжелѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Имперіи, но, не смотря на то, многія другія мѣстности Имперіи могутъ позавидовать началу сибирской журналистики; немного найдется мѣстъ, гдѣ первое по времени періодическое провинціальное изданіе явилось бы не торговой спекуляціей, а убѣжденнымъ словомъ, какъ тѣ два изданія, которыми руководилъ М. В. Загоскинъ.

Мѣстная газета можетъ имѣть воспитательное значеніе для провинціи только подъ условіемъ, если въ газетѣ ясно, какъ въ зеркалѣ, отражается гражданскій обликъ редактора. Для читателя не безразлично, кто проповѣдуетъ,—убѣжденный ли человѣкъ или искусный только ораторъ. Такимъ идеальнымъ редакторомъ и былъ М. В. Загоскинъ. Не блескомъ и не остроуміемъ производила дѣйствіе газета, а стойкимъ характеромъ редактора и его вѣрой въ правоту своихъ идей. Мы увѣрены, что никто даже и изъ враговъ редактора «Сибири» никогда не заподозрѣлъ искренность его рѣчей. Имя М. В. Загоскина не будетъ забыто въ исторіи провинціальной печати въ Россіи.

Издатели: Вл. Г. Короленко. Н. К. Михайловскій.
Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ
УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ.

ОСНОВАНА ВЪ 1873 Г.

Поставщики учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній, **Московской** Коммиссіи публичныхъ народныхъ чтеній и мног. друг.

МЕДАЛЬ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества ЗА САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ установку изготовленія волшебныхъ фонарей и ихъ ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ.

МЕДАЛИ на выставкахъ въ **Филадельфіи** («ЗА ИЗОБРѢТАТЕЛЬНОСТЬ, ОРИГИНАЛЬНОСТЬ И ДЕШЕВИЗНУ»), **Въ Парижѣ**, **Москвѣ**, **С.-Петербургѣ** и многихъ другихъ.

Золотыя медали

на выставкѣ при II-мъ Съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ **Москвѣ** 1896 г. и на Всероссійской выставкѣ въ **Нижнемъ-Новгородѣ** 1896 г.

Иллюстрированный спеціальный каталогъ № 7

Волшебныхъ фонарей

и картинъ къ нимъ

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ КЪ НЕМУ, ИЗД. 1897 г.

Каталогъ заключаетъ въ себѣ **волшебные фонари и поліорамы** съ керосиновымъ, газовымъ и электрическимъ освѣщеніемъ. (Аппараты изготовлены Мастерской для большинства **аудиторій народныхъ чтеній**, для ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ, для **профессорскихъ лекцій**, для многихъ [illegible]ровъ и **военныхъ судовъ**), **КАРТИНЫ** (всего болѣе **8000** №№ на стеклѣ черныя и раскрашенныя; простыя, поліорамныя; механи[illegible] и юмористическія.

Принадлежности для народныхъ аудиторій при чт[illegible] волшебнымъ фонаремъ.
Списокъ брошюръ, разрѣшенныхъ для народныхъ чтеній.

СПИСОКЪ коллекцій картинъ къ народнымъ чтеніямъ.

Каталогъ высылается вмѣстѣ съ прибавленіемъ за 50 коп. почтовыми марками.

☞ Учебныя пособія.—Школьная обстановка.—Гигіеническіе классные столы.—Дѣтскія книги.—Образовательныя игры и занятія для дѣтей, болѣе 200 собственныхъ изданій.

Справочный каталогъ учебныхъ пособій и игръ высылается за 14 к. почт. марк.

☞ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Троицкая улица, 9. ☜

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ 14 Декабря 1898 г.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул. 15.

